Серо Ханзадян

Мхитар Спарапет

РОМАН

КНИГА ПЕРВАЯ
РАЗОРВАННЫЕ ОКОВЫ

Таинственный караван

Узкая тропка вилась среди густых лесов Кашатахка. Здесь пролегал самый близкий путь между древними армянскими нагорьями Арцах и Сюник.

По тропе из Арцаха в Сюник спешил небольшой караван. Хотя солнце уже поднялось над снежными вершинами Кирса, предрассветная мгла в лесу еще не рассеялась.

Была глубокая осень.

Обнажились бук и граб и даже вросшие в скалы дубы. Лес стоял безмолвный. Молчали всадники, сопровождавшие караван. Молча ехали спарапет[1] Мхитар и тысяцкий Тэр-Аветис.

У седобородого и белоголового Тэр-Аветиса из-за серебряного пояса торчала рукоятка голландского пистолета. Ворот его простого подрясника был расстегнут, и на шее виднелся крест. Рядом с тысяцким рослый, стройный Мхитар, казалось, врос в седло своего серого коня. Брови вскинуты, взгляд беспокойный. Смуглое лицо озабочено.

Кроме двух пистолетов, заткнутых за пояс, была у Мхитара еще недлинная сабля на серебряном эфесе.

---

[1] Спарапет — полководец, главнокомандующий (здесь и далее прим. перев.).

Три ночи тому назад они выехали из монастыря Гандзасар, что в Арцахе. При мерцающем свете факела приложились к руке престарелого агванского католикоса Есаи Асан Джалаляна и пустились в обратный путь домой. Проехали скалистые ущелья Арцаха, минули коварные реки и вот уже достигли населенного когда-то армянами, а теперь совсем обезлюдевшего сюникского гавара[2] Кашатахк.

Затянувшееся молчание первым нарушил Тэр-Аветис.

— Как думаешь, Мхитар, почему не явился посланник русского царя? — тихо, чтобы не услышали ехавшие сзади люди, спросил он.

— Откуда мне знать? — пожал плечами Мхитар. — Петербург — на одном конце земли, мы — на другом. Дороги опасные. Всякое могло быть с посланником.

— Не приведи господи. Только что отвели беду, едва прояснилось небо над головой и солнце заглянуло в душу… Угаснет надежда, останемся неутешными.

— Утешься десницей своей, — мрачно сказал Мхитар.

— Да-а, — вздохнул Тэр-Аветис и, чувствуя, что тот не склонен к беседе, умолк.

На пути часто попадались давно разоренные села. При виде их лицо Мхитара еще более мрачнело. Ведь по этим заглохшим тропам некогда пролегала людная дорога, и земля содрогалась от гулкого топота лошадиных копыт, и все окрест оглашалось звяканьем бубенцов, навешенных на шеи верблюдов.

Давно опустел гавар Кашатахк. Полтора века назад османские войска разорили его поселения, и, как печальные свидетели былого процветания, тут и там высятся стены поросших мхом монастырей, разрушенные своды возведенных Трдатом мостов и руины караван-сараев времен Арташеса…

Скоро впереди завиднелись заснеженные горы Сюника — величественный

---

[2] *Гавар* — провинция.

в белом венце Капуйтджиг, гордый Арамазд, Газбойл, устремленный ввысь Хуступ и одинокий, мрачный Ишхан-Мец.

Караван оживился. Безучастным ко всеобщей радости оставался лишь Мхитар. Чем ближе они подъезжали к родному гавару Абанд, тем больше мрачнел он — сердце ныло от давнишней, никогда не заживающей раны.

Стемнело, но Мхитар все еще не давал приказания о привале — спешил в Алидзор к Давид-Беку.

Около месяца назад гонец гандзасарского католикоса приезжал в Алидзор с письмом. «Всемилостивый русский царь Петр прислал к нам человека, — писал католикос Верховному властителю Арцаха и Сюника Давид-Беку. — Посланец с царской грамотой прибыл в Баку, скоро будет в Гандзасаре. Пришли своих людей, чтобы они с нами встретили посланца и вникли в суть царской грамоты».

Давид-Бек отправил в Арцах двух своих приближенных, приказав тайно доставить царского посланника в Алидзор. Мхитар и Тэр-Аветис ждали прибытия царского посла у католикоса. И готовы были ожидать его хоть целую зиму, но Давид-Бек отозвал их.

«Батали Султан хан Баргушатский и Тахмаз Кули Надир хан[3] готовятся напасть на наши приаракские провинции, — сообщил Давид-Бек, — спешно возвращайтесь домой».

И вот спарапет армянских войск и его помощник тысяцкий Тэр-Аветис день и ночь трясутся в седлах, стремясь как можно скорее добраться в Алидзор. С собой они везут на мулах несколько сот ружей, изготовленных в Арцахе…

Вскоре в ночной синеве звездного осеннего неба обрисовалась крепость Хндзореск.

— Заедем, Мхитар, — предложил Тэр-Аветис, — у мелика[4] Бархудара отменное вино, утолим жажду…

---

[3] Тот самый Надир хан, который в свое время помог персидскому шаху Тахмазу занять престол отца. Назвал себя Тахмаз Кули — слуга, раб Тахмаза. В 1736 году сам овладел персидским престолом.

[4] Мелик — князь.

— А ну его! — проворчал Мхитар. — Вот подъедем к лесам Пхндзакара, там и переночуем.

Тэр-Аветис не возражал, но для него осталось загадкой, почему Мхитар избегает дома мелика Бархудара.

Откуда ему было знать, что все мысли Мхитара были в крепости Хндзореск. Уже год не видел он той, чей образ никогда не покидал его, чей голос всегда звенел в ушах… Однако Мхитар умел подавлять свою тоску и избегал встреч с девушкой, за которую готов был отдать завоеванную в боях славу и жизнь. Больше того, он старался вытравить из души свою любовь, не вспоминать о ней и потому боялся встречи с Гоар, дочерью мелика Бархудара. Встреча могла снова зажечь его, и огонь этот, как знать, мог бы погубить дело, которому он посвятил себя, бороться за которое поклялся перед народом. К тому же, мучаясь сам, он не хотел обрекать на страдания и преданную ему жену Сатеник, мать его двоих детей, верную помощницу в деле…

Потому-то он и не заехал в Хндзореск.

Была уже полночь, когда караван дошел до Пхндзакарских лесов. Уставшие воины обрадовались, что наконец-то переведут дух. Но Мхитар решил не задерживаться.

— Потерпите еще немного, — сказал он воинам, — доедем до Пхндзакарских скал, тогда и отдохнем.

Пронесся недовольный ропот.

— Извини, господин мой! — несмело заметил один из телохранителей Мхитара, десятник Горги Младший, по виду совсем еще юноша. — Лучше не приближаться к Пхндзакару. Там обосновались беженцы, они нас не приютят.

— Ты думаешь?

— Никто не осмеливается подходить к их скалам. Лучше переночуем в лесу.

— А я, может, хочу подружиться с этими беженцами? — не уступал Мхитар. — Веди нас.

Горги Младший умолк, не без страха взглянул на едва виднеющиеся вонзившиеся в небо скалы и, не проронив ни слова, тронулся вперед.

Продвигаться стало труднее. Пришлось оставить лошадей в ущелье, а самим осторожно пробираться по крутому, лесистому склону вверх. Ветви царапали лица, сбивали шапки. С грохотом скатывались в ущелье срывавшиеся из-под ног камни. В стороне слышался шум водопада. Вскоре уперлись в отвесную скалу. Горги Младший вновь посоветовал Мхитару не испытывать судьбу, вернуться и переночевать в лесу. О том же просили и другие воины. Но Мхитар приказал:

— Покричите им, пусть отведут нас к себе.

Горги, сложив ладони, прокричал:

— Эй, добрые люди, помогите!..

Тысячекратным эхом разнесся по горам его голос и не успел еще замереть, как из мрака выросли три темные фигуры.

— Эй, спарапет армян, что привело тебя в наши скалы? — спросили из темноты.

— Хочу быть вашим гостем, — ответил Мхитар.

Один из горцев высек кремнем огонь, зажег факел, приблизился к Мхитару и смерил его дерзким взглядом.

— Если в сердце твоем нет зла, пожалуй к нам. А если замыслил недоброе, тогда не обессудь…

Он и его товарищи были вооружены копьями и саблями, а также дубинами, на концах которых были вбиты шипы. Одежда их состояла из кафтанов, сшитых из козьих шкур, и домотканых грубошерстных портов. Да и во всем облике горцев было что-то грубое — белки сверкали, отражая красновато-желтый свет факела. Но Мхитар заметил в их глазах и какую-то ласку и понял, что эти люди не станут проявлять к нему враждебность.

— Держись за корни, тэр[5] Мхитар, не то сорвешься вниз, и останется

---

[5] Тэр — в данном случае господин (начальник), а как приставка к имени или фамилии обозначает принадлежность к духовному сану.

тогда войско армянское без полководца, — пошутил один из горцев.

— А как вы меня узнали? — запыхавшись от немыслимо крутого подъема, спросил Мхитар. — Я же в купеческом одеянии.

— Узнали и тебя и Тэр-Аветиса. А если бы не узнали, то и не позволили бы ступить в этот лес. Вон из какой дали за тобой следовали…

Дошли до небольшой площадки, с трех сторон как бы огороженной остроконечными скалами. Внизу — бездна. Из расщелин свисали огромные ореховые деревья.

Мхитар глубоко вздохнул, отер пот со лба.

— В орлиных гнездах утаились, — сказал он.

— Орлиные гнезда пониже будут, тэр спарапет, — поправил его тот, который нес факел.

— Живете-то как?

— Хвалиться нечем.

Вошли в тесный проход, высеченный в скалах. Сразу охватило запахом прелого сена и самана. Выйдя из прохода, очутились перед голой скалой. На ее склоне стояли трое юношей и факелами освещали дорогу прибывшим.

— Веревку я бросил, держи, Товма! — крикнули сверху сопровождавшему Мхитара парню.

При свете факелов Мхитар увидел пропасть. Свисая над ней, люди при помощи веревки взбирались вверх.

— Когда лезешь, меньше смотри вниз, — посоветовал кто-то.

Мхитар обернулся. Около Товмы стоял статный старик в такой же, как у всех, грубой одежде. На широкую, полуприкрытую грудь ложилась растрепанная белая борода. Мхитар протянул руку. «Не иначе, ихний патриарх», — подумал он, и что-то радостное кольнуло в груди. Шевельнулось такое чувство, будто встретился с родным отцом, которого давно потерял.

— К добру свиделись! — сердечно произнес Мхитар.

— Добро и гостю! — Старик пожал его руку.

Вскарабкались наверх. Дошли до высеченного в скале низенького лаза.

Над ним висели клыки барса, череп быка и рога оленя. Пройдя в открытую дверь, Мхитар оказался в просторной пещере. В углублениях стен горели масляные лампады.

— Кров мой — приют твой, сыны мои — слуги твои, — звонко проговорил старик. — Прости, не так бы подобало принять столь знатного гостя, но и это жилье мы едва охраняем от зла и бедствий.

— Да будет благословен сей очаг! — воскликнул Тэр-Аветис. — Саном[6] своим клянусь, что войску целого государства не под силу проникнуть в эту крепость.

— Я принимаю в доме только добрых гостей, — заметил старик. — Многие шли на нас с войском, но мы обращали их в бегство…

Постлали черные кошмы. Гости и старик сели. Скоро просторная пещера набилась людьми. Бородатые, в овчинах, в круглых лохматых шапках, они напоминали полудикарей. У всех имелись сабля и пики. Многие были босы, некоторые почти голы. Старшие заняли места напротив гостей, молодые остались стоять. Мхитар смотрел на них с восхищением. Любовался их смелым, отважным видом. Две молодые женщины, одетые в черные домотканые одежды, в которых они скорее походили на мужчин, принесли деревянные тазы и глиняные кувшины с водой. Тазы поставили перед гостями, полили пришельцам на руки и протянули им жесткие полотняные полотенца. Затем положили каждому гостю на колени по просяному хлебу. Длиннокосая маленькая девочка поставила перед Мхитаром зажженную свечу.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Цамам, — смело ответила девочка, уставившись в Мхитара черными как уголья глазами.

— Хорошее имя, — улыбнулся Мхитар. — Сколько же тебе лет?

— Одиннадцать.

— Ого!.. Да у нее и кинжал есть, — удивился Тэр-Аветис. — Не иначе как

---

[6] Священник Тэр-Аветис оставил церковную службу и принял участие в освободительной войне; в войске Давид-Бека был тысяцким.

пугать кошек.

— Давай сразимся, — обиделась девочка. — Бок тебе так проколю…

Гости засмеялись. Мхитар вложил в руку девочки золотой и что-то сказал ей на ухо. Девочка побежала в соседнюю пещеру, радостно крича на ходу:

— Нани, дядя ишхан дал мне золотой, чтобы на свадьбу мне купили сурьмы!..

Подали отваренный конский щавель с уксусом и бобы.

— Видать, скудно живете, — осторожно заметил Мхитар.

— Что имеем, от тебя прятать не станем — бог накажет, — вздохнул старик. — От здешних скал проку мало.

— Зачем же вы оставили ущелья и поля и забрались в эти скалы? — упрекнул Тэр-Аветис.

— Спроси об этом мелика Бархудара, — мрачно ответил старик. — Жили мы на земле наших предков в селе Хндзореск. Земля в рост входила, и мы расцветали, увядала она — отцветали тоже. Государству подати платили исправно. Давали и мелику, и его десятнику, вдобавок нахд и джинс выплачивали. Отдавали подушный налог, отдавали бахру [7] — в пользу земледавца. Платили с овцы, платили с курицы, с коровы и с козла. Не перечесть всех податей, не учесть всех кусков, что от себя оторвали. Выбивались из сил, жили крохами, которые оставались.

— А почему умалчиваешь о церковных поборах, Туриндж-апер? [8] — прервал полураздетый крестьянин. — А католикосу, а благочинному, а священнику, а налог на миро… ну, говори же… От кого скрываешь? Деньги на святого и «при освящении фруктов» давай. При крещении ребенка, при свадьбе — давай, при освящении гумна — давай и при освящении дома тоже. Давай и давай!.. Иначе сдерут с тебя шкуру, отнимут ребенка…

---

[7] Нахд, джинс, бахра — денежные поборы.

[8] Апер (в обращении к старшему) — дядя, папаша, брат.

— Где ты, Мехлу-вардапет?[9] — вдруг протянул кто-то из темного угла. — Царство тебе небесное! Доставалось от тебя ненасытным…

Заговорили все разом. Кричали, размахивали руками. Старый Туриндж прикрикнул на них:

— Перестаньте горланить!

Он погрозил кулаком и, схватив за руку Мхитара, сказал, не смягчая голоса:

— Ты не сердись на них, тэр Мхитар. Они измученные, изведенные люди. Мелик Бархудар прогнал нас из села. В бессердечности своей он страшнее неверного юзбаши[10]. Змеиный укус у этого ненасытного вишапа[11]. Одолел он нас, и кровь пролилась, и пришлось нам бежать за эти скалы. Каждый год приводит сюда Бархудар свое войско, чтобы вконец извести нас… Но видит око, да зуб неймет…

— Ха-ха-ха, — загоготали вокруг. — Так по зубам даем, что, глядишь, и мацун не проглотит…

— Нас триста дымов, — продолжал уже спокойнее Туриндж. — Но с меликом ладу нет. Живем горстью бобов, просяным хлебом. Что делать! Нет у нас земли!..

— Тут и имя Христово забудешь, — заметил кто-то.

— Уже позабыли…

— Детей крестить не можем. Нет священника. А из других мест к нам не идут, боятся мелика.

— Из сел не выдают девушек за наших парней. Велик страх перед меликом. А женщины наши, как назло, рожают по семь мальчиков и только одну девочку. Как быть, а?

Мхитар поднял руку. Все сразу смолкли. Было слышно дыхание людей.

---

[9] Мехлу — имя монаха, ставшего предводителем крестьянских движений в XVII веке. Пользовался большой известностью в Восточной Армении. Вардапет — архимандрит.

[10] Юзбаши — сотник (тюркск.).

[11] Вишап — дэв, чудовище.

— Вы говорите такое, что я ушам своим не верю, — заговорил он. — Почему же вы обо всем этом не извещали Давид-Бека?

— Как не извещали? — прервал Туриндж. — Сто раз посылали людей. Но их не допускали к нему. Слава богу, страха перед персиянами уже нету. Свое государство утвердилось, вот только власть верховная не отцовствует над нами. Покинутые, дикие люди мы…

Старик возвысил голос и говорил уже возбужденно:

— Сам господь послал тебя к нам, Мхитар. Если есть у тебя сила, освободи нас из когтей мелика Бархудара, иначе придется нам когда-то сняться с места и покинуть землю Армянскую.

Опять поднялся страшный гвалт. Перебивая друг друга, пхндзакарцы рассказывали, какие они терпят муки от мелика Бархудара.

Сердце Мхитара наполнилось болью. О беззакониях мелика Бархудара он слышал не впервые. Деяния этого надменного владетеля семидесяти сел были известны и Давид-Беку. Но он терпел все. Сколько раз просил Мхитар Давид-Бека наказать Бархудара, но Бек отказывал, не желая вносить раскола во вновь созданное государство. «Мы, как делал Авессалом, должны сейчас собирать вокруг себя друзей и сторонников, — отвечал Бек. — Остерегайся внутренних раздоров».

Мхитар поднял голову. Ему хотелось сказать, что сам он еще больше их ненавидит Бархудара, но и он счел за благо не подливать масла в огонь, не подогревать злость у своих гонимых, безземельных собратьев.

— И думать не смейте, чтобы оставлять свою родину, — внушительно сказал он. — Обещаю сделать все, чтобы мелик Бархудар больше не притеснял вас. Но спросить хочу: почему вы не помогаете нам в борьбе против врагов отечества?

— Мы жизнью готовы жертвовать! — прогремел старый Туриндж. — Много ли, мало ли, а две сотни храбрецов могут стать воинами в твоем войске, только кто же считает нас за людей? Слушай, Мхитар. Ты, кто преисполнен

всякой мудрости, слушай! Да останешься в ответе на правом суде господнем, если не поможешь нашей беде, не утолишь, подобно роднику, нашу иссушенную жизнь!..

— Вступим в твое войско, — раздались возбужденные голоса, — ну, а землю потом дадут? Даже щенку нужен свой клочок, чтобы было где приютиться…

— Землю дам, — неожиданно для всех объявил Мхитар. — Хоть сегодня, хоть завтра. — Он говорил властным, повелительным тоном. — Дам из земель, отвоеванных у персов. Только и вам довольно жить подобно бирюкам, затворившись от мира.

— Правь нами и будь нам отцом, тэр спарапет, и мы покажем, что у нас в жилах течет армянская кровь.

Все разом попятились. И смолкли, словно ожидали весенней грозы, которая должна была теперь разразиться. Мхитар безмолвно встал. Навалилась усталость, захотелось прилечь.

Пробудился он от солнечного тепла, проникавшего через единственную щель в пещере. Тэр-Аветиса не было. Мхитар быстро вышел. У дверей стоял Товма.

— Доброе утро, — приветствовал он.

— Доброго здоровья, Товма. Чей ты сын будешь? — поинтересовался Мхитар.

— Туринджа.

— И много вас, братьев?

— Семеро и одна сестра. Из братьев я младший.

— А занимаешься чем?

— Кабанов бьем; бывает, рысь попадается… Все мои братья — охотники.

Вышли в узкий каменный двор на самом краю пропасти. Велико же было удивление Мхитара, увидевшего там свою лошадь и лошадь Тэр-Аветиса. Товма объяснил, что их убежище имеет тайный ход, через который вводят коров и овец. По этому ходу ночью провели и караван Мхитара.

Отсюда было хорошо видно расположение Пхндзакара. Всюду громоздились скалы, бесформенные, несуразные, причудливые, страшные. Наверху был лес, внизу — тоже.

Перед большой пещерой собралась толпа мужчин и женщин. Слышались крики грудных детей. На склоне скалы был подвешен колокол, а под ним стоял искусной резьбы хачкар[12], рядом — деревянное корыто.

Тэр-Аветис, одетый в старенькую схиму, которую всегда возил с собой в хурджине, брал у женщин плачущих детей и окунал их в корыто. В купельную воду опускал он также и свой наперсный крест с почерневшими краями. Закончив обряд, протягивал матери окрещенного ребенка для поцелуя.

Рядом с ним ходил какой-то хромой человек с лицом Христа. Он увлеченно смотрел на Тэр-Аветиса и повторял за ним слова молитвы. Тэр-Аветис забыл снять с себя саблю, ножны окунались в купель.

— Ну, ну, не дури, — выговаривал он годовалому малышу, который, вцепившись ему в бороду, неистово орал. — Не дури, не то не быть тебе воином…

— Жизнь отдадим, — произнес громко старый Туриндж. — Пусть станет воином земли Армянской.

— Аминь! — воскликнули остальные.

Крещение окончилось. Мхитар велел своим спутникам принести вьюки. Затем позвали всех мужчин. Вскоре возле хачкара собрались стар и млад. Пришли с дубинами и пиками в руках. Дети жались к скалам.

Наступила тишина. Люди поняли, что должно свершиться нечто важное. Мхитар встал возле хачкара. По одну сторону — строгий и суровый Тэр-Аветис, по другую — удивленный Туриндж. По знаку спарапета Горги Младший разрезал кинжалом перевязи одного вьюка и, вынув ружье, подал Мхитару.

— Довольно вам таиться в норах, слышите вы, армяне? Видите это

---

[12] *Хачкар* — крест-камень, надгробие.

оружие? Им вы должны разить врагов земли Армянской. Вы достойны хвалы: в гонениях ни веру свою не забыли, ни свою принадлежность к армянской нации не отвергли. Я уверен, что вы останетесь верны и Давид-Беку. Ну?

Люди не поняли, чего хочет от них Мхитар, они жадно смотрели на ружья. Туриндж прокашлялся.

— Что же вы присмирели, — прерывающимся голосом сказал он. — Подойдите к тэр спарапету, примите его дар и запишитесь к нему в войско.

Первым подошел к Мхитару босоногий мужчина в едва достававшем до колен кафтане из козьих шкур.

— Дай мне! — сказал он требовательно и даже как-то угрожающе, протягивая руку за ружьем. — Дай, и я встану под знамя Давид-Бека. А коли встану, то уже не отступлюсь. Знай, тэр спарапет, изрубим всякого, кто осмелится подойти к нашим скалам: будь он персиянином, турком, меликом Бархударом или кем другим…

Он приник к хачкару, ткнулся усами в его пыльную надпись и воскликнул:

— Крест и ружье — заступники наши, да живет земля Армянская!

— Аминь! — выкрикнули сотни голосов.

Горги Младший выводил на клочке бумаги имена тех, кто получал из рук Мхитара оружие. Пхндзакарцы один за другим клялись в верности Беку. И звонко целовали хачкар.

Товма беспокойно покусывал усы, в душе досадуя, что спарапет не наделяет его оружием. Нешто он недостоин? Двадцать пять лет уже от роду, и один из трех клыков, висящих над входом в их пещеру, принадлежит барсу, убитому им самим.

Он был поглощен этими мыслями, когда кто-то толкнул его в плечо:

— Иди же, Товма, тэр спарапет зовет тебя.

Пошатываясь, юноша пошел вперед и остановился перед спарапетом. Даже потом его прошибло. Перед ним стоял не утренний добрый гость. На лице Мхитара застыла жестокость, взгляд пронзал.

— Знай, если дрогнет в бою рука твоя или повернешь к врагу спину —

пощады не будет, — произнес Мхитар, меря его своим острым взглядом. — Отныне ты не охотник, питающийся медвежьим мясом, а Товма — десятник войска Давид-Бека. Ты слышишь?

Товма лишь мигал глазами. Голова ходила кругом. И сердце билось так сильно, что казалось, все слышат его удары. «Десятник!» Не ослышался ли он?.. Невольно закрылись глаза. От солнца ли, что било в лицо, или от тяжелого, колючего взгляда Мхитара? Когда Товма снова открыл глаза, Мхитар уже добродушно улыбался. Но что-то неуловимое было в улыбке Мхитара, в его взгляде. Так смотрит с высоты на беззащитную косулю барс, готовясь к прыжку…

— Сегодня ты десятник, Товма, а завтра могу сделать тебя сотником, но могу и повесить на каком-нибудь гнилом дереве. Помни это…

Спарапет вынул из-за пояса один из двух пистолетов, которые поднесли ему агулисские купцы, и протянул Товме.

Товма схватил руку Мхитара, но приложиться к ней не успел. Спарапет подтолкнул парня к хачкару.

— Крест целуй! — сказал он. Затем обратился к пхндзакарцам: — С этого часа Товма — ваш военачальник. По воле моей, жители Пхндзакара, с сегодняшнего дня вы больше не подвластны мелику Бархудару. И об этом знайте. Грамоту-приказ получите вскоре. Леса вкруг Пхндзакара, отвоеванные нами у захватчиков-персов, ущелья, родники и реки, пашни и луга, горы и скалы даю в безвозвратную собственность вашей общине. Даю право селиться здесь также всем, кто прибудет и пожелает жить с вами. Принимайте их по-братски, живите, плодитесь. Рассудил я также старика по имени Туриндж назначить старостой над вами.

Слова Мхитара пришлись всем по душе. Поднялся такой шум, что орлы, сидевшие на вершинах скал, взлетели в небо, собаки залаяли…

— Да будет благословен путь, по которому ты пришел к нам, тэр спарапет! — кричали пхндзакарцы.

Нововозведенный староста терялся, краснел, клялся, что всегда будет

верен армянской власти.

— Счастливо оставаться! — Мхитар взмахнул рукой и направился к коню.

Товма побежал, чтобы взять лошадь под уздцы. Выехали потайной дорогой. Товма, староста Туриндж и еще несколько пхндзакарцев сопровождали гостей.

— Вот взбесится мелик Бархудар! — засмеялся Тэр-Аветис, когда спустились в ущелье. — Хорошую кость мы засадили ему в глотку.

— Проглотить проглотит, но не переварит, — улыбнулся и Мхитар. — Сегодня мы приобрели хорошего союзника. Пхндзакар — петля на шее этого жестокого мелика.

— И все же властитель Хндзореска предан нашему обету…

— Дай-то бог! — ответил Мхитар и пришпорил коня.

Спустились в лощину Варараkни. Мирно курились расположенные на возвышенности дома. Вдали, в скоплении скал, обозначились родные башни замка Дзагедзор. Спарапет с грустью посмотрел на них. За его стенами находились жена и дети. Но заехать туда сейчас Мхитар не мог.

Вечером следующего дня они добрались до Татева.

Давид-Бек стоя выслушивал донесения Мхитара и Тэр-Аветиса, затем тут же послал их к ущелью Аракса против ожидающегося оттуда наступления персидских ханов.

Черные тучи сгустились над нагорьем.

Обитатели замка

Дзагедзор пребывал в полуденной истоме.

Покоясь на высокой скалистой площадке, он был неприступен. С внешним миром его связывал лишь один каменный мосток. Внизу лежала узкая и зеленая долина Варараkна, сверху над замком нависала священная гора Ласт, поросшая непроходимым кустарником.

На вершинах уже лежал снег. Скотоводы увели стада в села, и в

болотистых местах долины паслись лишь одинокие буйволы и кони.

На единственном каменном балконе, висевшем над бездной, стояла Сатеник, жена спарапета Мхитара. Рослая, высокобровая, со строгим и приятным лицом. Ее черные, с редкими серебристыми нитями косы сложены на голове венцом. На матово-белом лице этой еще молодой женщины запечатлелись возвышенная грусть и постоянная задумчивость. Радужная шаль сползла с плеч и свесилась на перила балкона. Небесного цвета с тройными полами шелковое платье касалось изумрудных агулисских сапожек — носки их были отделаны чеканным серебром. Талию перехватывал широкий золотой пояс с большой пряжкой, на которой был выгравирован герб рода Джалалянов — два обнявшихся льва.

Сатеник глядела на дорогу, единственную, что вела к замку. Начиналась она в глубоком ущелье Аранац, миновав перекинутый через реку лукообразно выгнутый мост, приводила к воротам.

Уже третью неделю Сатеник не получала вестей от супруга. «Что случилось, почему Мхитар не шлет гонцов, — терзалась она, — вдруг несчастье?! — Подумала и ужаснулась от этой мысли. — Онеметь бы мне. О чем я думаю? Надо молить о том, чтобы отверзлись перед нами врата милосердия всеблагого господа». И тем не менее тревожная мысль родила в ней новое смятение: «А что, если Мхитар послал своего гонца сперва в Хндзореск, к Гоар?»

Эта мысль подавила ее, губы у Сатеник задрожали, прерывистый стон вырвался из груди.

Сатеник была наслышана о давней любви Мхитара и Гоар, дочери мелика Бархудара. Всякий раз, когда она вспоминала Гоар, в сердце у нее поднимался неукротимый гнев и Сатеник была готова проклинать супруга страшными словами. Но каждый раз находила в себе силы подавить внутреннее возмущение. «Господи, храпи моего Мхитара, взошедшую звезду армянского небосклона!» Сознание его значимости обуздывало гнев этой мудрой и преданной женщины. И она, чтобы не печалить супруга, скрывала от него свои

мучения, не говорила, что знает о его тайной любви.

Сатеник происходила из высокочтимого рода Асан Джалаляна. Она давно потеряла мать, в сражении с персами был убит ее отец. Сатеник исполнилось восемь лет, когда ее удочерил брат отца, католикос Гандзасара Есаи Асан Джалалян и взял ее в монастырь. Там она получила образование. Сам историк, дядя обучил племянницу древнеармянскому, древнегреческому и персидскому языкам. А потом, когда Сатеник вышла замуж и собралась в Сюник, дядя посоветовал ей заняться описанием истории войн Давид-Бека. И Сатеник вняла его совету.

Пятнадцать лет назад Давид-Бек женил на ней своего любимца Мхитара, надеясь громким именем могущественного княжеского рода Асан Джалалянов и содействием энергичного католикоса Есаи укрепить свою власть. Не будь требования Давид-Бека, разумеется, ни католикос, ни князья Асан Джалаляны никогда не отдали бы Сатеник за Мхитара, человека не знатного, не княжеского рода, к тому же всего-навсего сотника. Владетели Арцаха знали, что Давид-Бек питает глубокую любовь к Мхитару, который своей храбростью и воинскими талантами блистает среди армянских военачальников.

Избранницу Давид-Бек видел у католикоса, и она понравилась ему. Сами же нареченные встретились друг с другом лишь в день свадьбы.

С тех пор прошли годы. Сатеник беззаветно любила мужа.

Не впервые Мхитар выезжал на войну, и всегда Сатеник в полной уверенности ожидала окончания войны и возвращения мужа, но на этот раз сердце ее предчувствовало что-то недоброе. Будто должна она получить какую-то черную весть.

Вот и сегодня, оставив сыновей — четырнадцатилетнего Агарона и годовалого Давида — на попечение служанки, Сатеник вышла на балкон и с тревогой стала вглядываться в дорогу, ведущую в замок. Так было вчера и позавчера.

Однако дорога оставалась пустынной. В мучительном ожидании жили также Дзагедзор и Горис. Там порой на краю обрыва появлялась какая-нибудь

женщина и, наведя над глазами козырьком ладонь, долго смотрела на безлюдную дорогу.

Погруженная в горькие думы, Сатеник не заметила, как на балкон вышла жена тысяцкого Тэр-Аветиса — низкорослая полная Вард-хатун. Почувствовав на своем плече ее руку, Сатеник встревоженно обернулась. Но на ярко-румяном лице Вард-хатун не было и тени тревоги и беспокойства. Глаза женщины излучали ту беспечную отвагу, которая была присуща всему ее роду Парсаданянов, властителей гавара Кафан.

— Опять заглядываешься на дорогу? — спросила Вард-хатун с упреком.

Сатеник недовольно посмотрела на нее:

— Удивляюсь тебе, Вард. Наши мужья ушли на войну, и мы ничего не знаем о них, а ты?..

— Не в траур же облачаться, — засмеялась Вард-хатун. — Мужчина рожден для войны, его голова должна пасть на поле брани. Я бы не пожелала иметь мужа, который собирается умереть в объятиях жены.

— Прости тебя, господи, — со страхом прошептала Сатеник и прикрыла веки. — Сколько мы перевидели войн и крови… Ужас охватывает… Тяжко на душе… И вестника нет…

— Легок на помине. Вон он, скачет! — беспечно произнесла Вард-хатун.

— Где, где? — Сатеник схватилась за сердце.

Ей не сразу удалось заметить мчащегося по извилистой дороге всадника. Мешала подымавшаяся пыль. Но, увидев гонца, тикин[13] опустилась на колени, и, воздев руки к небу, прошептала:

— Господи, подай нам желанное!..

— Аминь, — заключила Вард-хатун и стала поднимать ее: — Пойдем, прикажешь открыть ворота.

— Какую весть тебе подсказывает разум? — спросила тикин, вставая.

— Да любую. Мало ли хорошего и плохого видели мы в жизни?..

---

[13] *Тикин* — госпожа.

Почти бегом добрались они до каменных ступеней лестницы и быстро спустились на площадку. Навстречу им вышел старик — хранитель замка.

— Открой ворота, Бандур-Закария! — распорядилась Сатеник. — Гонец едет!

Остававшиеся в замке увечные и старые воины тут же все высыпали на площадку. Обеим женщинам подвели лошадей. Вард-хатун отстранила слугу и, несмотря на полноту, ловко вскочила в седло. Жене Мхитара люди помогли сесть на коня. Кто бы ни приближался к замку — гонец или войско, или просто дорогой гость, — жители замка были обязаны всякого встретить вооруженными. Таков был приказ спарапета.

Вард-хатун разгорячила коня и стремительно поскакала к воротам замка. Сатеник едва поспевала за ней. Хотя обращаться с конем умела и она, однако появление гонца все же вывело ее из себя. Она даже не замечала сына Агарона, скакавшего рядом на золотистом коне.

Гонец промчался через взгорбленный мост, скрылся в нагромождении скал и минуту спустя уже выскочил на крутую дорогу. Он беспрестанно нахлестывал коня, размахивал рукой и что-то кричал… Наконец все услышали его голос:

— Победа! Спарапет Мхитар разгромил персидских ханов. Едет!..

Сатеник ухватилась за луку седла и прослезилась.

…Разбив полчища ханов Батали Султана и Тахмаз Кули Надира, Мхитар спарапет остался в долине Аракса ожидать дальнейшего приказания Давид-Бека.

Мхитар был взбешен. Его не радовало, что берега Аракса чернели от тысяч персидских трупов. Было разрушено крупное селение Арсеняц. Неприятель сжег там большие шелкоткацкие мастерские, шелководни, тюки с хлопком, пшеницу. Мхитар еще находился с войском в пути, когда персы ночью напали на Арсеняц. Захватив огромную добычу и полонив жителей, ханы переправили всё через Аракс, а сами двинулись в Персию, в глубь провинции Чавндур. Но едва персидская армия отошла от берега, как подоспел Мхитар. И завязалась

битва…

Страшное было это побоище. Персы не выдержали и в страхе бежали. Тахмаз Кули Надир хан — в сторону Персии, Батали Султан — на равнину Баркушата.

Простыл след врага, но все еще дымилось селение Арсеняц. Армянские воины подбирали трупы собратьев и хоронили их в общих могилах.

Но не только разорение Арсеняца причиняло боль спарапету: персы полонили живописца Нагаш Акопа, любимца Мхитара.

Это потрясло спарапета.

Никто не пытался успокаивать его. Знали, что тщетны будут усилия. Все же мелик Бархудар сказал:

— Недешево обошелся ханам Арсеняц…

— Мало утешения!.. — вскипел спарапет. — Я не променял бы Арсеняц и на Исфаган[14]. Если бы не мешкали в дороге, успели бы… Да, да, наша вина!..

Был момент, когда Мхитар уже решился перейти Аракс, чтобы преследовать бегущего Тахмаз Кули Надир хана, настигнуть его, спасти пленников и Нагаш Акопа, разорить персидские провинции. Но мстительный гнев воина, потерявшего соплеменников, уступил место здравому доводу военачальника, и он не сделал этого. Неразумно было подвергать опасности войско и затевать с персами новую войну.

Мхитар вошел в шатер, опустил полог, чтобы никто не последовал за ним. И приказал своему телохранителю Горги Младшему подать вино. Разом осушил полную чару, выпил с жадностью. Потом сорвал с себя оружие и начал осмысливать происшедшее. Кровь закипела от радости. Персидские ханы потерпели такое поражение, что отныне забудут дорогу в земли Армянские. Мхитар постарался не думать о Нагаш Акопе, чтобы не разрыдаться, и снова потребовал вина. Разные мысли обуревали его: по своей ли воле ханы напали на Армению или то был приказ шаха?

---

[14] В те времена — столица Персии.

Вспомнилась битва. До полудня перевес был на стороне персов, они даже прорвали правое крыло, обратив в бегство шурина Мхитара, сотника Еликума. Но тут из засады вылетела конница Тэр-Аветиса и прижала персов к скалам…

Мхитар вспомнил и то, как воины привели к нему Еликума. Рассвирепевшие, они хотели на месте разорвать малодушного сотника, у которого и без того был жалкий, вызывающий омерзение вид.

Мхитар отбросил осушенную чашу и выскочил из шатра. Велел трубить сбор.

Когда полки стали полукругом, привели Еликума. С него уже сорвали одежду сотника. Он еле стоял на ногах, челюсть отвисла. Кликнули палача.

— Трусливо бежавший от врага — падет от меча собрата! — прогремел с отвращением спарапет. Не взглянув на шурина, он движением брови подал знак палачу.

Отсеченная голова сотника повисла в руке палача.

Тело и голову прикрыли навозом. Мхитар вернулся к себе в шатер. «Что скажу жене, — подумал он недовольно, — опять изведет слезами».

Ночью от Давид-Бека прибыл нарочный с посланием. «Повелеваю разъехаться по своим замкам. Опасность от персиян миновала», — писал Бек.

Мелик Чавндура Нубар и военачальник мегринский Константин распрощались со спарапетом и отправились в свои провинции. Князь Баяндур поехал в Алидзор, а Мхитар вместе с меликами Бархударом, Багром и владетелем Дизака Еганом поспешили в Дзагедзор…

Еще с ночи начали трезвонить церковные колокола. В узкой долине собрались тысячи людей. Прибыл даже престарелый вардапет Авшар Тэр-Гаспар из Цицернаванка. Тикин Сатеник находилась вместе с Вард-хатун, с женами меликов и военачальников. У реки сгрудились жертвенные овцы с мечеными красными лбами.

Едва предзимнее тусклое солнце выглянуло из-за скал, как на дороге поднялось облако пыли и показался лес развевающихся знамен. Небо дрогнуло от звуков боевых труб и барабанов.

Теснившийся в долине народ всколыхнулся, кинулся к дороге навстречу войску. Смешавшись и толкая друг друга, люди падали, вновь поднимались.

Гусаны[15] вытащили из сумок сазы. Вардапет Авшар Тэр-Гаспар шел впереди духовенства. Хриплыми, простуженными голосами они тянули псалмы.

А войско подвигалось медленно. Первыми ехали Мхитар спарапет и тысяцкий Тэр-Аветис. За ними виднелась остроконечная шапка Бархудара, которого сопровождали его двое сыновей. Рядом трусил низенький сухопарый мелик Еган и улыбающийся Багр. У всех на шапках пламенели лоскутки красного сукна, словно огоньки в древних капищах. На ветру высоко развевались знамена. Выше всех реяло треугольное и трехцветное знамя спарапета. Временами на нем можно было разглядеть фамильные изображения — колос, плуг, саблю и львиную голову.

За военачальниками следовали воины, погоняя навьюченных добычей верблюдов и мулов.

— Вернулись! — пронеслось из уст в уста.

Народ стремительно напирал, словно собирался поглотить войско. Кто-то метнул вверх меховую шапку. И тут же следом в воздух поднялось облако шапок.

Бандур-Закария, Туриндж и старшины сел гавара, рассекая толпу, устремились к спарапету, стащили его с седла и стали качать. Так же приветствовали и остальных военачальников и меликов. Раздались возгласы:

— Пусть вовеки здравствует войско армянское!

Тикин Сатеник без конца крестилась. Благоухающая Вард-хатун, сидя на непокорном коне, время от времени вздрагивала. Окружавшие их жены меликов и военачальников со страхом вглядывались в строй приближавшихся полков, отыскивая знамена своих мужей. Кому-то из этих истосковавшихся чернобровых красавиц сегодня, быть может, доведется надеть траур, посыпать

---

[15] Гусаны — бродячие певцы.

голову пеплом, отрезать косы и остаться вековать одной в опустелом доме. Возле знатных женщин гарцевали Агарон и его сверстник, сын Тэр-Аветиса, Гиган и со вздохами взирали на войско — пробиться к нему было немыслимо.

— Мой повелитель, не иначе, уж сгорает от тоски по мне, — лукаво прошептала Вард-хатун на ухо Сатеник.

— Стыдись! — шепотом упрекнула Сатеник. — Скорее бы узнать, много ли жертв? — Ее голос дрогнул. Она искала глазами дорогих ей людей.

Поток вынес военачальников к холму, возвышавшемуся в центре долины. Вокруг столпился народ. Теперь вперед вышли служители церкви, по-прежнему выставляя перед собой вардапета Авшар Тэр-Гаспара.

— Начни молебствие о победном возвращении, святой отец! — крикнул ему Тэр-Аветис. — Чего мешкаешь!

Вардапет захлопал старческими глазами, открыл и снова закрыл рот. Тэр-Аветис махнул рукой, сорвал с груди наперсный крест и, крестя им народ, начал молебствие. Это было единственное, что могло успокоить возбужденных людей. Народ опустился на колени. Наконец и вардапет пришел в себя и хрипло прокричал:

— Добро пожаловать, воины!..

После молебствия, с опаской проталкиваясь, двинулись к центру холма сельские старшины, неся в руках полные кувшины вина.

Отведав угощения, Мхитар поднялся на самую вершину холма. Далеко окрест разнесся его зычный голос:

— Братья, и на этот раз мечи армянские победно сверкнули над головами врагов наших!..

Его голос заглушился всеобщими возгласами:

— Бог в помощь!..

— В помощь!.. Непобедима рука твоя, Мхитар!..

— Отныне ни один персиянин не осмелится больше вступить на нашу землю! — стараясь перекричать толпу, надрывался Мхитар.

— Слава, слава!..

Народ съедал глазами своего полководца, который величественно стоял на холме.

Вардапет Авшар Тэр-Гаспар подался вперед и простер руки к небу:

— Господь наш, прозри души тех, что легли на берегу Аракса за землю и веру святую. Доброго тебе пути, Христос!.. Веди на небеси души убиенных…

Шум сразу умолк. Слышался только звон церковных колоколов — протяжный, торжественный и таинственный. Склонились знамена. Все ожидали, кто же объявит имена погибших. Мхитар смотрел прямо перед собой. Возле сгрудившихся стариков стояли женщины в расшитых серебряной тесьмой архалуках, у каждой на лбу блистали ряды украшений из золотых старинных монет. Впереди выделялась высокая, крепкого сложения женщина со строгим, тревожным взглядом. Все ее внимание было сосредоточено на воинах. С тоской, беспокойством и гневом смотрела она, выискивая кого-то. Мхитар почувствовал, как по телу его прошел озноб. «Не дай бог, чтобы у этой женщины убили кого», — подумал он.

Тэр-Аветис толкнул вперед писца Магакию. Тот развернул свиток и, прокашлявшись, начал читать:

— Из села Шинуайр погиб сын Мелкона Асатур…

— Мир праху его, — вздохнули в первых рядах. Задние проталкивались вперед, опирались на плечи стоявших впереди, немели, ожидая услышать ужасное.

— Из Хонацаха — мельник Аракел… Из Гориса — сын вдовы Зарманд… — Голос писца перебивали женские крики. Мхитар видел, как свалилась на землю высокая женщина, что стояла впереди. Соседки подняли ее, потерли виски, чтобы привести в чувство.

Горги Младший растолкал людей, протиснулся к женщине и упал в ее объятия.

— Гегам пал смертью храбрых, мать! — воскликнул он.

Зарманд обняла Горги, но тут же оттолкнула его и расцарапала себе лицо. Кровь каплями потекла по ее лицу. Но она стояла твердо на ногах, окаменев от

горя. Магакия произносил новые и новые имена. Мхитар заметил, как покачнулся один из стариков, как сосед хотел поддержать его, но тот отвел руку.

— Я выдержу!.. — крикнул он. — Мы принесли их в жертву земле родной.

— Царство ему небесное! — раздавалось при каждом новом имени.

Мхитар с трудом подавил слезы. Слова старика, потерявшего сына, придали ему силы. И Зарманд больше не плакала, она стояла, как стоит на склоне горы тысячелетний хачкар.

Святой отец справил панихиду. Всхлипывания умолкли, и тяжелое безмолвие опустилось над долиной. И тут Зарманд кинулась к Мхитару и стала перед ним — гневная и величественная.

— Господин наш, Мхитар, — заговорила она сокрушенно. — Я вдова. В твоем войске были два моих сына: Горги Младший и Гегам… Мой Гегам пал… Дай мне что-нибудь, над чем бы я могла поплакать, дай!..

— И нам, и нам! — кричали со всех сторон.

У Мхитара мороз прошел по коже. Он схватил руку Зарманд, чтобы утешить вдову, но она вырвала ее. Горги протянул матери окровавленную одежду брата. И застыл на месте. Зарманд прижала к груди одежду сына и обернулась к толпе.

— Поплачем, люди!.. — выкрикнула она, переполненная горем. — Нет! Хватит слез… Никто на свете не жалеет плачущих… Один мой сын ушел, другой остался с тобою, Мхитар!.. Какая будет цена за павшего, какая?.. Цена крови!..

— Цену! — повторил народ.

По знаку Тэр-Аветиса вперед выступило несколько воинов. Они держали в руках персидские знамена с вышитыми на них неукротимыми львами — с солнцем на спинах, с саблями в лапах. Знамена эти бросили к ногам Зарманд. Она посмотрела на блестящие шелка и наступила на львов.

— Мало! — крикнула женщина.

Тогда воины принесли два больших кожаных мешка и вытряхнули

содержимое под ноги Зарманд. Народ вдруг застыл, и из глубины толпы послышалось подобие стона. Некоторые из стоявших вблизи стариков в ужасе отступили назад: по земле покатились отрубленные головы — со спутанными волосами, с присохшей кровью, безобразные. Головы двух персидских беков и нескольких десятков юзбаши. Зарманд с минуту в ужасе смотрела на них, затем гневно топнула ногой:

— Враг, зачем ты пошел на нас?! — Ее крик пронесся над людской массой. — Зачем ты пришел? Разве мы приходим врагами в чужие земли?..

Она повернулась и направилась к сгрудившимся женщинам.

Сатеник плакала. Крики Зарманд, окровавленная одежда ее сына, отрубленные головы — все это потрясло жену спарапета.

— Невыносимо! — простонала она. — Хоть бы уж скорее это кончилось!

Агарон слез с коня и, не слушаясь матери, отталкивая людей, направился к отцу. Оставалось всего несколько шагов, когда он встретился глазами с угрожающим отцовским взглядом, пригвоздившим его к месту. Понурив голову, обиженный Агарон вернулся обратно.

Наконец все кончилось. Народ стал расходиться. Женщины робко подходили к мужьям. Мхитар избегал взгляда жены. Сатеник молча снесла боль и, подавив обиду, промолвила:

— Созови мужчин, Мхитар.

Спарапет пригласил к себе в замок меликов и военачальников. Потом сел на коня и подождал, пока приблизится жена. Поехали рядом до реки. А когда рысью миновали мост и немного перегнали остальных, спросил:

— Как живешь, госпожа моя?

— Живем…

— Видел Агарона, избаловала ты его, полез, словно нищий. Ни порядка не знает, ни почтения…

— Мхитар!..

Но слова застряли в горле. Он так повернулся в седле и так на нее посмотрел, что устрашилось бы даже самое мужественное сердце. Слезы

невольно покатились у нее из глаз. Спарапет сердито бросил:

— Что ж, мне и через собственный порог перешагивать под слезы? Горе мое и без того безмерно. Твой Еликум…

— Что? — Глаза у Сатеник мгновенно высохли. — Он тоже…

— Если бы как все! Нагаш Акоп в плену, а твоего Еликума я сам приказал обезглавить…

Сатеник прижала ладони к глазам. Закричала бы, не зажми он ей рот своей потной рукой.

— Оказался трусом, обесславил твой род, — со сдержанным бешенством выговорил Мхитар. — И чтобы я не слышал твоего плача. Оплакивающий изменника — сам изменник.

Сатеник еле держалась в седле. Тяжелый удар свалился на нее. Была очернена честь рода Асан Джалаляна, рода, который оставался незапятнанным со времен Багратидов.

Въехали в замок. Мхитар слез с коня и помог сойти на землю своей обессиленной жене.

В честь победы в просторном зале замка был дан пир. Заглушая гнетущее горе, Сатеник радушно приглашала гостей к столу.

Усаживались в порядке старшинства: спарапет с Тэр-Аветисом сели по одну сторону стола, Бархудар — по другую. Дальше мелики Багр, Еган. Остальные мелики, военачальники и сотники садились без соблюдения чинов. Одноглазый бродячий гусан Етум из Хндзореска устроился вместе с двумя другими гусанами возле дверей, в нише. В лампады подлили масла. По просьбе Мхитара вардапет Авшар Тэр-Гаспар освятил стол.

— Вкушайте с миром то, что дано господом, и да будет благословенно имя его. Аминь… — произнес он и приблизил к устам чашу с вином.

Выпили и другие. Вскоре многие уже захмелели. Военачальники то и дело подымали чаши и восклицали:

— За твое здравие, тэр Мхитар!..

Мелик Бархудар пребывал в веселом настроении. Впервые спарапет

усадил его рядом с собой и обходился ласково, проявлял знаки внимания — подливал вина, подносил лакомые куски мяса.

— Ээ-эх, — покачивал рядом головой Тэр-Аветис, — вино нужно пить корытом. А что чаша?..

— Подайте тысяцкому вино в корыте! — крикнул Мхитар.

Разошедшийся Тэр-Аветис выхватил у виночерпия кувшин и стал пить прямо из него. Удивленный вардапет уставился на Тэр-Аветиса. Заметив это, Тэр-Аветис отставил сосуд, закусил большим куском мяса, потом взял еще один полный кувшин и протянул вардапету:

— Пей, святой отец, вино — посох для стариков! Пей во здравие войска армянского! Пей, не то целую неделю буду вымачивать твою бороду в вине!

Кое-кто из меликов захихикал. Тэр-Гаспар начал было отнекиваться, но дюжий тысяцкий схватил его за руки, а мелик Багр поднес кувшин ко рту вардапета. Старик, захлебываясь, вынужден был выпить. Раздался всеобщий хохот. Тэр-Аветис крикнул, чтобы гусаны играли «гжапар» — танец безумных. И вскочил с места. Лихо подкрутил усы, сорвал с себя пояс, затем ухватился за шею Бархудара и потащил его в круг.

Захмелевший вардапет хихикал, глядя на скачущих военачальников. Вскоре Тэр-Гаспар окончательно свалился. И его пришлось выносить из зала.

Огнем искрилось вино в чаше Мхитара. Вино или кровь?

— Как же я дал уйти персидским ханам! Упустил случай… На кого они надеялись, когда нападали на Армению? На шаха Тахмаза? Ха-ха… У него едва наберется десять тысяч башибузуков. Отцовский трон отняли афганцы, всех жен в гареме изнасиловали, сокровища похитили. Отец Тахмаза чистит в Исфагане обувь афганца Мир Махмуда. А сам Тахмаз? Едва унес ноги, бежал в Тавриз. Русские в Баку, Реште, Гляне. Сломлен хребет персидского царства… И все же ханы успели разрушить цветущий Арсеняц. Пленили Нагаш Акопа…

— Успокойся, Мхитар, — прошептал кто-то над ухом.

Обернулся — жена, с благородной скорбью во взоре.

— Я совершил неподобающее? — спросил он недовольно.

— Мыслил вслух! Не время сейчас, — прошептала Сатеник. — Веселье не любит печали.

Мхитар восторженно взглянул на жену. В ней было истинно царское величие. Сделал движение, намереваясь поцеловать, но лишь крепко сжал ее белую, маленькую руку, которую она тут же отдернула. Мхитар одним духом опорожнил чашу.

Если росой не окроплю тебя,

Смогут ли цветы зеленеть у тебя?..— пел гусан Етум.

— Почему он поет? Ведь так разрушен Арсеняц. Нагаш… Да… Нагаша… Спасу, светоч мыслей наших. Спасу… — Мхитар поднял руку к голове, но Сатеник помешала ему.

— Опомнись, — прошептала она нежно, — ты же полководец.

— Эй, наполнить чаши! — Мхитар поднялся с места, вздохнул глубоко. — Выпьем за победу. Отныне ни один перс не осмелится подойти к очагу нашему. Истинно так! Выпьем за победу, за здравие Давид-Бека, за здравие войска и за ваше здоровье, братья, любимцы мои…

Мелики и военачальники бросились целоваться, петь. От воодушевления пили сверх меры.

— Выкурим персов из Нахичевана! — кричал мелик Еган. — И из Еревана, из Ширака! Клянусь жизнью!

— Скоро мы вступим в союз и братство с русским царем Петром! — воскликнул мелик Бархудар. — Покончили с персами. Я хочу пить, тэр спарапет, хочу плясать, пусть все поют…

Мхитар тоже захмелел. Ему казалось, что кто-то улыбается ему из тумана. Она, это ее тихая улыбка, ее глаза — черные, лучистые. Это ее рот, похожий на красный бутон…

Наваждение какое-то… Как бы он хотел забыть ее!.. Или, может, именно сейчас быть с нею, обнять, целовать ее молочно-белую шею.

Гусаны продолжали петь:

Лицо твое луне подобно,

Уста твои — о них тоскую я…

— Тоска, тоска!.. — Мхитар стукнул рукой по столу. Зазвенели серебряные тарелки. Свалился набок кувшин, из горлышка забулькало вино. Гусаны на мгновение умолкли, но тут же снова затянули прерванную песню. Сатеник горестно вздохнула. Мхитар ощутил на плече чью-то руку. Поднял голову — Агарон. Долго вглядывался в сына. Как он похож на Нагаша!

Вдруг Мхитар вскочил и обхватил Агарона, словно тому угрожала страшная опасность.

— Ты!.. — приглушенным голосом, задыхаясь, сказал он. — Мой сын, мой, мой!.. Нет, тебе не выпадет страшная доля. Не пущу! Мой Агарон!..

Пировавшие гости облили головы холодной водой, выпили пахты, отдававшей тмином. Затем Мхитар повел всех в другой зал. Мелики и военачальники, опухшие и одуревшие от пиршества, сразу протрезвели — так их поразил вид зала.

Он был обставлен искусно, человеком, знающим цену богатству. Мелику Бархудару почудилось, что он попал в царские хоромы. Обняв Бархудара за плечи, Мхитар усадил его на покрытую ковром и убранную подушками тахту. Другим гостям он просто предложил сесть. От такого обхождения Бархудар еще больше надулся и с гордостью взглянул на сыновей. Неожиданно он увидел перед собой самого себя. И чуть не подскочил от страха и удивления… С трудом разобрался, что видит в огромном зеркале свое отражение. В сердце зашевелилась зависть. Шутка ли — настоящее венецианское зеркало! А у него в доме только старое, мутное зеркальце, поглядишься — и чувствуешь отвращение к своей физиономии.

Бандур-Закария доставил с помощью слуг отнятое у персов огнестрельное оружие и сложил его у ног Мхитара. Все затаили дыхание.

— Честь тебе, брат мой мелик Бархудар, — начал Мхитар. — Доволен я и сыновьями твоими — военачальником Паки и сотником Миграном. Полк твой храбро сражался в теснине Аракса. Получай в награду десять пистолетов и сто

ружей. На дворе тебя ожидают десять оседланных жеребцов, в полном снаряжении. Владей на здоровье!

— Будь славен, тэр спарапет!

Столь щедрый дар ошеломил мелика, гордости его не было предела. Ведь ему первому вручал награду спарапет. Мало того, Мхитар еще подал мелику связку жемчугов.

— А это моя госпожа дарит дочери твоей, Гоар, — продолжал он, подавляя волнение, так как дарил сам, Сатеник ничего об этом не знала. Но цели своей Мхитар достиг. Глаза жадного мелика Бархудара горели, — казалось, что они могут ослепнуть от блеска драгоценностей, руки дрожали. Боясь рассыпать сокровище, он быстро спрятал жемчуга в карман.

Никто не получил подарков столько, сколько Бархудар, хотя на берегу Аракса храбро сражались все. О причине такой щедрости Мхитара к ненавистному Бархудару знал только Тэр-Аветис.

Одарив всех, Мхитар велел позвать старосту Туринджа и десятника Товму. Они подошли к нему несмело. Едва Бархудар узнал Туринджа, как кровь ударила ему в виски.

— Представляю вам нового мелика! — громогласно произнес Мхитар. — Мелик Туриндж — владетель Пхндзакара. Сын его, десятник Товма, — начальник войска Пхндзакара. Любите и жалуйте их.

Мелик Бархудар посинел от злости, он готов был выхватить саблю и броситься на своего врага, беглого рамика [16] Туринджа, однако сыновья вовремя остановили его. Все же он спросил:

— А известно ли, тэр спарапет, Давид-Беку, что на нашей земле появляется новый мелик?

— Давид-Бек скрепил указ собственной печатью, вот он! — Мхитар протянул Туринджу грамоту с указом. — Во здравие твое, тэр Туриндж! Поздравляю!

---

[16] Рамик — простолюдин, безземельный крестьянин.

— Раньше указы меликам давали шахи! — невольно вырвалось у Бархудара.

— Да будет ведомо брату моему Бархудару, что страна наша имеет теперь своего правителя и не признает никаких шахов! — угрожающе прозвучал голос Мхитара. — Слышите вы, мелики и военачальники, в Пхндзакаре учреждается новое меликство. И владетелем его назначается Туриндж. Одобряете? Кто бы посмел воспротивиться? Кто бы согласился не сносить головы?

Первыми в два голоса выкрикнули сыновья Бархудара:

— Одобряем!

Они подошли и поздравили своего бывшего подданного.

— Поцелуйтесь с ним! — потребовал Мхитар.

Мелик Бархудар скорее готов был сделаться вероотступником, чем пойти на такое унижение. Но грозен был взгляд спарапета. Этот взгляд мог уничтожить человека. Делать нечего, пришлось обниматься с нововозведенным меликом. Но сам ли Бархудар подошел к нему или сын Мигран подтолкнул его к вспотевшему, ошеломленному Туринджу — этого он не помнил.

Вскоре, словно ничего особого и не произошло, Мхитар вышел провожать мелика Бархудара.

Было уже поздно. Тикин Сатеник заперлась в своей комнате и велела служанке никого не впускать.

— Если Мхитар осведомится, скажи, что я нездорова, — наказала она.

Но Мхитар не осведомился о ней. Опьяненный вином и горем, он едва добрался до своей комнаты, растянулся, не раздеваясь, на тахте и тотчас уснул…

А Сатеник беззвучно рыдала, упершись подбородком в незаконченную рукопись, которая лежала на столе.

Давили позорная смерть двоюродного брата и пленение Нагаш Акопа. Она одинаково любила обоих. С Еликумом Сатеник провела все свое сиротливое детство, а Нагаш оставался для нее выдающимся живописцем и поэтом, одаренным талантами отца, Нагаш Овнатана. В один день потеряла она обоих.

Один погиб, запятнав безупречную честь своего тысячелетнего рода, другого бог весть куда занесут оковы рабства…

Но разве только их потеряла Сатеник? А муж? В его редких ласках она видела проявление лишь супружеского долга. Он — ее Мхитар — не принадлежит ей…

Все это хотелось записать в века, громко кричать против неумолимой судьбы, оставить в истории жгучие слова укоризны, но рука не подымалась.

Утерев слезы, Сатеник принялась перелистывать рукопись, перечитывать написанное — историю трехлетних событий, происшедших в Восточной Армении, свидетельницей и участницей которых была она сама.

Страницы, которые она писала день за днем, составили объемистый труд. Кровавые и лучезарные дни, образы любимых и близких людей запечатлелись в нем.

Глаза задержались на первых страницах.

«…Давид-Бек вместе с немногочисленными соратниками поднял против персидского владычества знамя восстания. Это случилось весной 1722 года. Горсточка храбрецов новообразованного армянского войска встретилась с персидским войском впервые у Ераблура на Сисаканском плоскогорье и, разгромив его, изгнала из пределов Сюника.

После этой крупной победы Давид-Бек спустился в крепость Шинуайр, где ему с большим трудом удалось объединить со своим войском отряды окрестных армянских меликов. Но потом к нему присоединилось воинство армян, и Давид-Бек изгнал из крепостей Татева и Воротана персиян и отряды изменника, татевского мелика Давида-отступника. Имя Бека к тому времени было славно по всем нагорьям, и под его воинским знаменем собралось уже около десяти тысяч армян.

В первый год восстания Давид-Бек построил в гаваре Кафан Алидзор и, поселив там множество семейств, укрепил и сделал его столицей своих владений…»

Тикин Сатеник перелистывала рукопись, и в памяти воскресали одно за

другим все деяния, которые свершил армянский народ и в которых она вместе со своим мужем — полководцем Мхитаром — лично принимала участие.

…Армянское воинство освобождает от персидских ханов Дзагедзор, Дизак, Кашатахк, возвращает Кафан, Шош, Мегри, очищает от врагов солнечный Гохтан, после долгих сражений занимает крепость Зева.

Сколько воодушевления, какие чудеса храбрости проявляет народ!

И Сатеник кажутся бледными слова, которыми она поведала о мужестве народном, ей представляется, что не все величие, проявленное во имя освобождения родины, отмечено ею.

…Первое Верховное Собрание, на котором армянские полководцы и мелики пишут ответное послание грузинскому царю Вахтангу VI, предлагая ему союз против персов. И сердечный ответ Вахтанга, который Сатеник полностью привела в своем труде.

…Рождение сына — маленького Давида. Это было год назад, в день, когда армянские войска изгнали из Армении в мертвую Муганскую степь Батали Султан хана и вышли на восточную границу земли Армянской. Там родился Давид. Мхитар, взяв на руки кричащего ребенка, протянул его Давид-Беку и сказал: «Сегодня ты завершил восстановление новообразованной власти армянской в нашем нагорье. Ты — светящаяся звезда небосклона нашего, и пусть мой новорожденный сын носит твое дорогое имя, тэр Давид-Бек…»

В тот день ликование царило в Сюнике и Арцахе: была сломлена деспотическая власть персиян. На небольшой части Армянской земли восстановилась власть армянская, и у страны появился свой властитель.

В тот день создался высший орган обновленного государственного устройства — Армянское Собрание. Был избран совет старейшин во главе с его Верховным властителем Давид-Беком.

Какой радостью наполнилось тогда сердце счастливой Сатеник.

Новая эра открылась для армянского народа.

Только ненадолго поселилась радость в сердце самой Сатеник.

Совершенно случайно узнала она, что ее муж, которого она так страстно

любила, не принадлежит ей сполна, что непреодолимой любовью проникнут он к дочери хндзоресского мелика Бархудара Гоар.

Померкла величавая звезда, разрушился воздушный замок.

Остались дети, незавершенный труд по истории и горькая доля, которая была теперь уготована ей.

Сатеник захлопнула рукопись, вскочила. Ей хотелось вбежать к мужу и крикнуть: «Душегуб! Ты разбил мое сердце…» Однако ноги не повиновались. «Против кого я восстаю, против несгибаемого спарапета армянского?!.. Нет! Никогда! Пусть здравствует во славу страны и народа, пусть живет для всех, не будучи моим».

И снова рыдания сдавили ей горло. Успокоившись немного, она открыла недописанную страницу и вывела своим бисерным почерком:

«Я, сочинительница сего повествования, грешная Сатеник, сегодня вновь зрела ликование народа нашего. Над землей Армянской вознесся орел свободы, который веками был закован в цепи…

И молитвенно завершаю при сем начальную часть моей истории. Богом дарованные мирные дни выпали нам на долю. И спутник жизни моей, Мхитар, спарапет армянский, по велению великого Давид-Бека, разгромил в бою, изгнал и уничтожил ворогов, ханов персидских, именуемых Тахмаз Кули Надиром и Батали Султаном, и окончательно удалил опасность с границ земли нашей.

Пишу сию летопись, имея перед собой увенчанный светом пример унизанных жемчужными строками произведений наших трижды прославленных летописцев.

Не в ногу, не шаг за шагом иду я по цветущему полю следами наших историков, а лечу от эпохи к эпохе в бездне времен. И, познав писания множества летописцев, я едва сумела усвоить одну из тысячи и две из десяти тысяч тех премудростей, которые я нашла у них, и по их примеру излагала до сих пор виденное и слышанное мною…»

Когда Сатеник подняла голову, уже светало.

Крупные хлопья снега медленно опускались на голые деревья, на промерзшие луга, на камни. Небо словно опустилось и придавило горы. Смешанная со снегом грязь хлюпала меж одинокими хачкарами и часовнями, вырисовывавшимися среди снежного тумана.

Душа мелика Бархудара пылала гневом. Холодный снег, казалось, падал на самое сердце. Хотя грозный спарапет и оделил его щедрыми почестями и дарами, но желчь не растворилась.

«С какой стати он возвел в мелики презренного Туринджа? — изводился Бархудар. — Сделал господином человека, которого я хлестал кнутом. Теперь я должен сидеть на одной подушке рядом с этим паршивцем?» Бархудар так пришпорил коня, что тот встал на дыбы. Следовавшие сзади Мигран и Паки не решались заговорить с отцом. Они знали: когда он погружается в свои гневные мысли, никого не слышит и не узнает.

Снег не переставал, он ложился на конские головы, на шапки людей, таял, стекал за шиворот… Всадники молча следовали за своим меликом.

На скрещении дорог Бархудар придержал коня. Посмотрел в сторону Пхндзакара. Свернуть бы туда, напасть на логово этого Туринджа и перерезать всех. «Перережешь! Как бы не так… — с горечью подумал мелик. — Теперь у него войско, указ Давид-Бека, за его спиной стоит спарапет. Ах!..»

Неожиданно конь шарахнулся в сторону. Бархудар с трудом удержал его и невольно обнажил меч. Телохранители выскочили вперед.

Рядом с дорогой, уткнувшись в снег, стояли на коленях мужчина с женщиной и четырьмя детьми — застывшие от ужаса, озябшие. За спиной у мужчины был жалкий узелок.

— Чьи вы, собаки? — взорвался мелик.

Мужчина припал головой к земле. Женщина зарыдала. Дети от страха сжались в комочки.

— Спрашиваю, чьи вы, собаки? — на этот раз уже прогремел Бархудар. Затем он склонился над мужчиной и тут же выпрямился. — Ха-ха! Так это ты, Агаси-рамик?.. Я узнал тебя. Или не хочешь поздороваться со своим

господином?.. Ты ведь из вшивых крестьян моей деревни Тег!

Мужчина заплакал, жена его обняла ноги у коня мелика.

— Пожалей нас, тэр мелик, сделаться мне прахом ног твоих…

— Куда вы идете? — проворчал Бархудар.

— Дети мои, дарованные богом, умирают с голоду, тэр мелик. Идем просить подаяния…

— В Пхндзакар, не так ли? В земли новоиспеченного подворотного мелика Туринджа, а? — вскипел он. — Связать их всех, да живее.

Несчастная женщина взмолилась о милосердии, дети подняли вой. А Бархудар лишь злорадно хихикал. Воины перевязали веревками малюток и их родителей. По приказу мелика крестьянина Агаси взвалили на мула. Жену и детей уложили посреди дороги.

И погнал Бархудар через них своего коня…

Отряд последовал за меликом…

Брошенный на мула рамик потерял сознание.

— Вот так растопчу копытами всякого, кто осмелится уйти из моих деревень! — кричал Бархудар. — Идут на земли незаконного мелика, ха-ха!.. Идите теперь! Мелик Бархудар не умрет!.. Спарапет-рамик! Когда-нибудь и тебя растопчу под копытами, дай только срок!..

Над ущельями нависла мгла. Вскоре глухо завыла собака. Потянуло дымом. Чувствуя приближение стойла, заржали кони.

Въезжали в Хндзореск.

«Вот взбеленится Мхитар, когда узнает, что я растоптал на дороге нескольких поганцев, — подумал про себя Бархудар, и кровь снова ударила в голову. — Пусть слышит, пусть взбесится. Да! Да! Пусть и безродный рамик Мхитар узнает, что я мщу ему, ему!.. Что я задавил его собратьев. А то слишком уж широко развернулся этот сын голодной мужицкой своры. Неужто я должен позволить, чтобы все крестьяне бежали от меня, чтобы усилился самозванный мелик Туриндж?..»

Прибыли к замку. Покричали снизу. На башнях показались факельщики.

Тяжелая железная дверь отворилась. И Бархудар въехал в крепость, ступил ногой на спину наклонившегося слуги и сошел с коня. Был час ужина. Но все кругом казалось вымершим. Бархудар взбежал по ступеням каменной лестницы. Сыновья едва поспевали за ним.

— Сгиньте! — прикрикнул он на слуг и, толкая ногой двери, прошел в освещенный единственной свечой узкий коридор. Тут же двинул плечом резную дубовую дверь и вошел в обвешанную коврами опочивальню. Эта комната, имеющая только одно узкое и высокое окно, была освещена уже десятками свечей, которые, будто кузнечики, потрескивали в медных подсвечниках.

— Дайте свет! — крикнул мелик. От его голоса загудели стены.

Из ниши вышел тщедушный старик и заковылял к коридору. Это был один из братьев Бархудара, стольник — служитель внутренних покоев мелика. Он вошел с подсвечником, напоминавшим ветвистый куст шиповника — горевшие в нем многочисленные свечи походили на бутоны.

— Будет здесь когда-нибудь светло?! Не видите, что кругом мгла, мгла! Повсюду темень…

Служитель заторопился к выходу. Сыновья мелика, сложив руки, стояли у двери. Бархудар сорвал с плеча бурку и швырнул ее в угол. Затем снял оружие. Меч и пистолет положил возле постели.

В сводчатом камине трещали сухие поленья граба. Тени от свечей падали на висевшие по стенам звериные шкуры, старинные щиты, шлемы, панцири. Один из подсвечников стоял возле тахты, покрытой тигровой шкурой. Бархудар скинул плащ, расстегнул пуговицы шелкового кафтана и облокотился на подушки…

Стольник появился с новыми подсвечниками, в комнате теперь было так светло, что слепило глаза. По знаку Бархудара сел только его старший сын Мигран. Паки остался стоять. Охватив руками голову, мелик погрузился в раздумья. Словно вокруг никого и не было. Сыновья дышали бесшумно, не двигались. Ждали, пока спадет отцовский гнев. Неожиданно Бархудар вскочил

и потушил с десяток свечей.

— Видите! — не поворачиваясь к сыновьям, воскликнул он. — Вот так я загашу всех моих врагов. Да-да!.. Подумать только, под боком у меня презренная чернь создает новое меликство. А-а? Онемели вы, что ли?.. Говорите же!.. Ведь это ваше наследство хотят отнять, ваше!..

Он посинел от гнева. Задул еще три свечи, затем обратился к поднявшемуся на ноги Миграну:

— Утром соберешь весь аван[17] в крепости, нужно учинить суд над беглым рамиком. Мочалить буду людей, мочалить! Знайте! Сила праведнее бога, крепче его.

Умолк. Сделал несколько шагов по комнате.

Слуги внесли ужин, поставили на стол и вышли.

Ели и запивали вином. Не произносили здравиц, не чокались. Движениями и манерой есть, всем своим видом и даже голосом Мигран походил на отца — низенький, крепко сколоченный и грубый. Отец поглядывал на него краем глаза и радовался в глубине души. Хотя Паки тоже походил на отца, но был нежней и мягкосердечней. Глаза его всегда увлажнялись, когда отец кого-нибудь жестоко наказывал.

«Нет, мое меликство должен унаследовать Мигран, — ел и размышлял Бархудар. — Что же до брата моего, то эта чернильная душа и вовсе не годится для меликства. И откуда он такой взялся? Зачем на свет родился? В монастырь собирается… ха-ха!»

Ужин продолжался недолго. Наевшись, Бархудар облокотился на подушку и стал ковырять в зубах. Его клонило ко сну. Свесил ноги с тахты, подождал, пока младший сын Паки снимет с него обувь.

Сыновья поклонились отцу и, пожелав доброй ночи, удалились. Бархудар лег. Стольник задул свечи и уселся возле постели. Всю ночь он должен просидеть у ног своего господина.

---

[17] Аван — крупное селение.

Наступило утро. Морозило. Туман уже рассеялся. Лишь курились нагромождения горных вершин.

Просыпался зажатый в скалах Хндзореск. В одном месте скрипнула дверь. В другом замычала только что отелившаяся корова. Какой-то селянин вышел из вырытого в скале жилища, почесал себе живот и начал забираться по веревке наверх, на сеновал. Закудахтали куры. Собаки, лежавшие на кучах золы, вставали, потягивались и начинали неистово лаять. Словно проверяли, какую же из них унес в эту ночь волк. На кривых, сдавленных скалами улочках показались воины. Они с трудом взбирались по скользким обрывистым тропкам, придерживались за камни, чтобы не свалиться в пропасть.

— Эй вы, слышите! — кричали воины. — Собирайтесь в крепости стар и млад! Приказ мелика! Слышите, люди?

Воины ударяли длинными копьями в двери жалких жилищ, со злобой отбивались от собак, не щадя разбивали им головы.

Из хлевов и домов выгоняли на холодную улицу сонных мужчин и женщин. Ужас овладел людьми. Мороз забирался под лохмотья, жег ноги…

Вскоре на крепостной площади негде было втиснуть иголку. Пришли священники всех семи кварталов, староста. Все толпились на снегу и молчали. Жались друг к другу от холода.

— Опять война? — шепотом испуганно спрашивали люди.

— В ущелье Дизака явился Христос. Читает проповедь, — ехидно сказал одноглазый гусан Етум.

— Ну нет, — возразил кто-то.

— Внемли, коль говорю! — рассердился гусан. — На берегу Агавни ходит двуголовый человек. Мой зять видел своими глазами. Говорит, две головы у него. Одна большая, другая — маленькая. Маленькая смеется, большая плачет. И еще говорит, что пришел конец света…

— Ясно, конец, зима какая, — подтвердили сбоку.

— Сколько рук у двуголового?

— Три.

— Плохо. Четыре — к добру, три — ко злу. Мой дед рассказывал, что во времена шаха Аббаса тоже где-то возле Джуги появился человек о двух головах и трех руках.

— О святой Цицернаванк[18], спаси нас от порчи и гибели!

— Малы наши жертвоприношения, забыли мы праведное имя божье, — прошамкал дряхлый священник с раздвоенной бородой.

Люди застыли в ужасе.

— Говорят, будто человека зарезать надо…

— Двуголового?

— Господи боже мой, конец света.

Пришли Мигран и Паки с телохранителями.

Оба были пьяны. Мигран тут же накричал на блюстителя крепости. Тот устремился к темнице. Люди отхлынули в стороны, оставив посередине свободный проход. Явился одетый в красное палач.

— Вах!.. Вах! — пронеслось над толпой, и люди еще дальше отшатнулись и затаили дыхание.

— Утром, когда я шел из Дзагедзора, видел на дороге раздавленных детей и женщину, — рассказывал одноглазый гусан. — Говорят, двуголовый ходит по ночам и давит встречных семипудовым железным молотом.

— Господи, яви нам свое милосердие! — взмолился сгорбленный крестьянин.

Привели полуголого рамика Агаси, истерзанного и окровавленного. Он дрожал и беспрестанно крестился. Толпа напряглась. Неужто двуголовый? Где же вторая голова?

— Этот человек — отступник! — крикнул Мигран. — Он осмелился бежать из пределов нашего меликства. Шел менять веру, надругаться над крестом Спасителя, хотел присоединиться к безбожным язычникам Пхндзакара. Он изменил вере, дети Христовы, вере!..

---

[18] Цицернаванк - Название монастыря.

— Проклятие! — закричали священники.

На балконе появился Бархудар в дорогой шубе и островерхой папахе. Все сняли шапки и низко поклонились мелику.

— Всяк, кто посмеет стать беглецом и изменит своему господину и богу, будет предан смерти! — снова выкрикнул сотник Мигран.

Мелик повернулся и направился во внутренние покои. Навстречу ему вышли жена и хромой брат. Оба бледные, взволнованные.

— Во имя Христа, не делай этого — пожалей божье создание! — с плачем взмолилась жена Бархудара, протягивая к нему руки. — Не проливай крови — скоро дни святого крещения, сжалься…

— Мятежница, ты вкупе со своим деверем! В монастырь захотела? — взбеленился Бархудар и со злости рванул жену за ворот ее шелковой кофты. — Глядите-ка, кто наставляет меня! Вон!.. — заорал он на жену и брата.

Бархудар поспешно спустился во двор, прошел мимо церкви, перепрыгнул через ручеек, тянувшийся от родника, и, волоча по снегу полы шубы, встал над головой склонившегося перед палачом Агаси.

— Ты бежал, да? — Он плюнул в лицо несчастному. — Бежал от своего господина, от своего кормильца и защитника?.. Покарать его! — Мелик обернулся к палачу: — Где вертел?

Палач принес раскаленный вертел.

— Заклейми ему лоб. Вырви ноздри, отрежь уши, да поскорей!

Толпа застыла — словно это была бездыханная, мертвая масса.

Гоар и ее мать стояли у окна и тайком смотрели во двор.

Запахло горелым мясом, Гоар закрыла окно.

— Боже праведный, что творится!.. — с болью вскрикнула она и, уведя мать, уложила ее в постель.

…После казни рамика Агаси воины вмиг оттеснили согнанных на площадь людей.

— Видели двуголового, видели? — почти скатываясь по откосу, спрашивал гусан Етум. — Три руки было у него, три!.. Я сам видел… Да! Да! Я

видел двуголового. Он стоял возле палача и был в шубе. Почему палач не снес ему головы? Или не видели, а-а?

Шедшие с ним люди шарахнулись в стороны. Селение замерло, съежилось, словно всех его жителей обдали из тысячеведерных посудин студеной водой.

Ужасный день.

Старая рана

В крепости давно погасли огни, замерли голоса.

Лишь в комнате Бандур-Закарии, что у главных ворот, рядом с большой башней, горел свет.

В одиночестве сидел тут Мхитар спарапет, подкладывал в камин поленья и глядел покрасневшими от бессонницы глазами на дрожащее пламя.

Даже легкий шорох ветра в проходах башни заставлял его вздрагивать: подняв голову, он нетерпеливо смотрел на дверь… Но шло время, сгорали подброшенные в огонь дрова, а того, кого он ожидал, все не было. Мхитар уже потерял всякую надежду, когда в комнату наконец вошел заснеженный человек. Невысокий, с длинной черной бородой, в круглой шапке и коротком кафтане, он был похож на кочующего торговца.

— С добром или?.. — нетерпеливо кинулся к нему спарапет.

— С добром, мой господин, с добром. Все было так, как ты велел, — ответил Горги Младший, срывая фальшивую бороду и скинув с себя верхнюю одежду. — Правда, чуть было не узнали, — начал рассказывать он. — Я продавал иголки и жвачку. И вот какой-то воин мелика уставился на меня, все приглядывался, проклятый. Пришлось притвориться заикой. До того я заикался, что женщины даже пожалели меня…

— Видел Гоар? — прервал его Мхитар.

— Своими собственными глазами, в ее комнате. Служанка провела. Увидела она меня, кинулась и спрашивает: «Как мой Мхитар?» Я отвечаю: «Низко кланяется». Заплакала она. Потом усадила и начала расспрашивать.

Часто ли ты ее вспоминаешь, о чем говоришь, где спишь, какие виды имеешь и еще разное другое. Я все отвечал, а она все спрашивала. Уморила просто… Говорила, что прибыли новые сваты, руки ее просили. Отказала она. Из грузинских краев тоже приезжали, и тоже ни с чем отослала.

— Отец не принуждает?

— С отцом она не считается. И к тому же Бархудар, этот человек с каменным сердцем, души не чает в дочери. Удивительно…

Спарапет впал в мучительные раздумья. Горги Младший заметил в глазах Мхитара слезу. Он знал, что при имени Гоар этот отважный и даже жестокий человек теряется, становится нежным и чувствительным, как юноша. Чтобы отвлечь спарапета, Горги заговорил снова:

— Когда Бархудар ехал от нас домой, по дороге затоптал лошадьми несчастную женщину и ее четверых малюток. Мужа убитой увез в Хндзореск и сжег на глазах у народа.

— В чем провинились они? — гневно спросил Мхитар.

— Обездоленный рамик бежал с семьей из села Тег, которое принадлежит Бархудару. Хотел уйти к мелику Туринджу.

— Понятно. Это он мне мстит, зверь! — Мхитар помолчал, затем пристально посмотрел на Горги: — Хочешь еще что-то сказать?

— Да. Гоар желает видеть тебя…

Больше Мхитар не задавал вопросов. Да разве же он сам не хочет ее видеть? Всем существом своим тянется к ней. В голове родились тысячи планов. Что, если переодеться и проникнуть в Хндзореск? Или вывезти Гоар под каким-нибудь предлогом из крепости и уехать, исчезнуть вместе с любимой? Но все планы рушились, едва он вспоминал о долге перед женой, перед Давид-Беком. Какой-то неведомый страх, и рассудок тоже, запрещал ему приближаться к Гоар.

Как может он покинуть нагорье, за освобождение которого была пролита кровь, эту родную и неповторимую, как материнское молоко, Армению? Как оставит он Давид-Бека, войско, народ, который только сейчас вздохнул чуть

свободнее в своем доме, как расстанется со вновь созданным правительством?..

Любовь Мхитара к Гоар имела давнюю историю. Родилась она, когда ему было девятнадцать лет, а Гоар — совсем еще подросток. Юношеское чувство обернулось большой любовью…

Но случилось непоправимое: Давид-Бек женил Мхитара на Сатеник. Гоар рвала на себе волосы, заточилась в своих покоях и проклинала Мхитара. Пробовала ненавидеть его, забыть прошлое и не смогла вырвать из сердца.

Считая свое счастье загубленным, Гоар предалась сумасбродной верховой езде и охоте. По ее требованию отец выписал из Вайоцдзора ученую престарелую монахиню, та стала обучать ее грамоте.

Теперь кроме верховой езды и охоты Гоар занималась чтением старинных рукописей, которые за большие деньги покупал ей отец.

Многие просили руки Гоар. На ней хотел жениться единственный сын кафанского мелика Парсадана — военачальник Бали, потом мелик гавара Гегаркуни — Арам, старший сын мелика Шафраза из Брнакота и еще многие другие знатные лица. Но Гоар даже имени их не желала слышать. Она дала обет до конца жизни оставаться в доме своего отца, любить одного Мхитара и жить счастьем видеть его хотя бы издали…

…Воспоминания эти мучили совесть спарапета. Считая себя несчастным, он все же утешался тем большим делом, которому служил. Среди войска и в сражениях Мхитар забывал собственное горе. Но чем могла утешиться Гоар?

Светало, когда Мхитар вернулся на свою половину. Направился к жене и остановился перед дверью. Прислушался.

В щель пробивался свет. Сатеник была в комнате. По большей части она работала на рассвете, когда в замке царила полная тишина и дети еще спали.

Может, войти к ней и, отбросив все условности, рассказать, что его мучают неразрешимые сомнения, что никакими усилиями ему не удается выбросить из сердца и из головы Гоар? Как воспримет эту весть Сатеник? Изгонит его из дома или, приняв яд, покончит с собой? Последняя мысль ужаснула Мхитара. В

обоих случаях его страдания не прекратятся. Куда пойти ему, от кого удалиться? От своей помощницы Сатеник, которая является его верной опорой, питает к нему почти материнскую нежность? Уйти от детей — от маленького Давида, чью улыбку он не променял бы на все блага мира? Уйти от Агарона? О нет! Не может он покинуть своих детей, свой дом, свою Сатеник. А если Сатеник уйдет, это станет двойным несчастьем. Дети осиротеют, осиротеет и он сам. Уж лучше молчать. Ничего не говорить жене. Пусть так ничего и не знает, пусть, гордая собою, живет со своими рукописями и детьми… А сам он постарается освободиться от своей страсти…

Мхитар тихо отошел от двери, несколько минут бесцельно бродил в пустом коридоре, затем хлопнул три раза в ладони. Появилась служанка жены с умывальными принадлежностями. Мхитар разделся до пояса и с удовольствием умылся. Освеженный, он вышел на балкон.

Под лучами восходящего солнца сверкали горные снега. В ущельях легли густые тени. Проснулся аван Горис. Облизывая голые скалы, к стенам замка вздымались дымки…

«И чего она упрямится, отказывает женихам? На что надеется? Могла бы уже забыть прошлое, — подумал Мхитар. — Или решила вечно причинять страдания себе и мне? Вышла бы замуж, и все бы кончилось».

По телу пробежал холодок. Он повернулся, чтобы уйти, но невольно вздрогнул и застыл на месте. Прислонившись спиной к резной двери, стояла Сатеник.

Величавая. Плотно сжав губы и вздернув бровь, она глядела вдаль. На бледном лице застыла неодолимая боль. Глаза были влажными и тревожными.

— Холодно, Мхитар, пойдем, — тихо произнесла жена. — Ты уже давно здесь…

— А ты?

— Я всегда с тобою… И навеки!

Безнадежный протест и тяжелый упрек слышались в ее голосе. Мхитар почувствовал это, и в сердце закралось подозрение. Может, она знает о его

любви к Гоар? Он ведь раньше не таился в своем чувстве. Люди могли сказать…

— Ты печальна, Сатеник, может, больна? — спросил Мхитар.

— Нет, Мхитар, — ответила она и даже улыбнулась. — Тебе удивляюсь. Отчего ты скрываешь от меня свою боль? Я ведь вижу…

Она бросила на супруга мимолетный, пытливый взгляд. Мхитар отвел глаза. «Знает!» — решил он.

Видя, что супруг не находит ответа, Сатеник сказала:

— Изводишься болью, которую причинили тебе казнь Еликума и пленение Нагаш Акопа? Мучаешься совестью?..

Пожалела. Нарочно не сказала того, о чем думала. К чему лишние страдания? Пусть думает, что ей неведомы его горе и любовь… А Мхитар облегченно вздохнул. «Ничего не знает», — уверовал он и взял жену под руку:

— Пойдем, Сатеник, здесь и впрямь холодно…

Они вошли в ее комнату. Мхитар ощутил запах бумаги, пергамента и чернил. На небольшом столе все еще потрескивала догоревшая свеча… Букет выцветших бессмертников на открытой рукописи. Миниатюрный графин и рядом — китайский кувшинчик. Сдавило горло. Так и есть, Сатеник вела жизнь отшельницы. Склонился над рукописью. С трудом разобрал мелкий почерк жены. Буквы выведены с изумительным старанием. Рядом с текстом нарисован колос и коленопреклоненная женщина.

Мхитар прочел:

«…Но и мой любимый супруг, который дороже мне всех, после бога, вызволил множество женщин с детьми, угоняемых в плен в чужие страны. И пусть последующие поколения молятся о нем, принадлежащем всем, а не мне одной».

Мхитар поднял голову, посмотрел на Сатеник. Ему показалось, что он стоит перед иконой. В печальных глазах жены открывалась ее душевная чистота и красота. Мхитар схватил руку жены и с жаром поцеловал ее.

— Последующие поколения должны молиться прежде о тебе, Сатеник, —

прошептал он с благоговением. И снова почувствовал себя виноватым перед нею.

И все же он был не в силах надолго оставаться дома и без конца видеть молчаливое страдание жены, ее взгляды, которые, казалось, говорили: «Я люблю тебя, но я знаю, что ты не мой».

Взяв с собою небольшой отряд воинов, Мхитар первым делом отправился навестить мелика Туринджа. Приехал, расцеловался с ним, чем ужасно смутил старика; побывал в жилищах пхндзакарцев, раздал людям деньги на покупку семян. С аппетитом поел приготовленную пхндзакарскими старухами просяную кашу — вкус ее запомнился ему еще с детства. Прожив немного у Туринджа, велел позвать из Гандзака знакомого бродячего дервиша и, оделив его деньгами, отправил в Тавриз на поиски Нагаш Акопа. Надеялся, что, может, удастся освободить его из плена.

Вскоре Мхитару наскучило в Пхндзакаре. Он взял с собой десятника Товму и, перевалив через снежное плоскогорье Ераблура, неожиданно появился в крепости сисаканского мелика Шафраза. Тот скучал в своем задавленном сугробами ауане Брнакот, и ему и в голову не приходило, что кто-нибудь отважится в эту зиму приблизиться к границам его владений.

Пировали три дня. В честь Мхитара мелик женил своего пятнадцатилетнего сына. Когда спарапет надел на жениха венец, тот от волнения расплакался, как истинное дитя.

Из Сисакана Мхитар спустился в низинный гавар Цгук, где на глазах у всего народа велел наказать лорадзорского старшину, чинившего беззакония. И старшину поделом избили.

По ущелью реки Воротан Мхитар проехал к Баркушату.

В Дзагедзор вернулся спустя месяц после отъезда. Хотя он и избавился от душевного терзания, зато утомился от бесконечных пиршеств? Первые сутки дома проспал как убитый…

Приближалась весна.

Тяжелели и темнели тучи. Застилалось солнце.

В феврале прогремел гром. Молнии терзали склоны гор и вскоре взломали ледяной щит Капуйтджига. Это был первый весенний гром. Облака взбурлились и, обремененные дождем, обрушились на землю…

Приближалась весна тысяча семьсот двадцать четвертого года. Первая весна, которую армяне Арцаха и Сюника встречали свободными, ни от кого не зависимыми, сбросившими чужеземное иго. Ни одного перса больше не оставалось на этом армянском нагорье.

Некогда здесь властвовали десятки крупных и мелких персидских ханов и несколько армянских меликов. И все нагорье было разделено на мелкие гавары. Сейчас все они находились под началом сильной власти во главе с Верховным властителем Сюника и Арцаха Давид-Беком и составляли довольно обширную страну — от устья ущелья Вайоцдзор до Куры и от ущелья Аракса до озера Севан.

В ту памятную весну, по велению Верховного властителя — Давид-Бека, мелики должны были раздать народу отнятые у персидских ханов земли и упразднить установленные персиянами налоги и законы.

Мхитар разослал гонцов в подвластные ему гавары, призывая меликов и старост в Дзагедзор. Пригласил он также вардапета Авшар Тэр-Гаспара из Цицернаванка, купцов Хндзореска и Брнакота. Первым прибыл в Дзагедзор владетель Сисакана Шафраз. Представительный и уже стареющий мелик явился со свитой, на вороных жеребцах. Островерхие шапки воинов покрылись изморосью, башлыки и длиннополые бурки промокли. Утомленный долгой ездой, Шафраз устало сошел с коня и обнялся с вышедшим встречать его Тэр-Аветисом. Неуверенно спросил:

— К добру ли?

— К добру, брат мой, к добру! — уверил Тэр-Аветис.

— Ну, тогда слава богу! — и мелик перекрестился.

Дождь перестал. Открылось улыбчивое небо — умытое, чистое. Ожили горные дороги. Народ спешил к лежавшему у подножья Дзагедзора Горису.

За два дня все мелики и старосты собрались в Дзагедзоре.

На третий день утром, сверкая одеждой и оружием, Мхитар вышел из своего дома, поклонился меликам и, вскочив на коня, приказал всем ехать в селение.

Прибывшие из ближайших сел люди загодя столпились во дворе собора. Те, кому не досталось места, заполнили кривые улочки, сгрудились на плоских крышах домов, зашли на огороды, забрались на деревья, даже на церковный купол. Кое-кто залез на кучи сена и кизяка, а наиболее отважные вскарабкались на скалы, грудились на выступах и в расщелинах. Народу собралось столько, что перестали лаять даже самые злые собаки. Закрылись лавки, отложили свои инструменты мастеровые.

Все ожидали великой новости, о которой слышали и в которую верили и не верили. Рядили, спорили. Сельские посыльные охаживали плетьми нищих, пытавшихся пробраться на середину площади. Воины образовали плотный заслон вокруг тесной площадки, чтобы народ не запрудил ее и не заслонил расположенный справа от церковной двери грибообразный камень правосудия. Возле него обычно собирались старосты и мелики для вершения суда или, если надо было, к примеру, решить, сколько дать в армию воинов. На камне были высечены кресты разных размеров, неразборчивые письмена. С самой глубокой старины властители и князья Дзагедзора расстилали на этом камне высочайшие указы и читали их народу.

Шум нарастал. Все подходили и подъезжали новые люди. Подходили, сливались с толпой и терялись в ней.

Со двора соседнего с церковью дома неслись безнадежные женские крики:

— Обвалите дом, нечестивые!.. Слезайте, медведи косолапые. Подпорки крыши ведь рухнут…

— Чего раскудахтались! — рассердился одноглазый гусан Етум. Он стоял наверху, выставив волосатую грудь. — Называешь домом этот свиной хлев!.. Да пусть рушится… Живу же я совсем без дома?

— Посыпать бы пеплом твою слепую голову! — еще пуще кричала женщина. — Сойдите с крыши, не то скажу такое, что ваших покойников

растащат собаки…

Раздался смех. И хотя женщина продолжала ругаться, ее уже никто не слушал.

На тесной улочке показался Мелик Бархудар в золототканом пурпуровом одеянии, увешанный дорогим оружием, напыщенный. Его сопровождали сыновья, а также старосты и священники из принадлежащих ему деревень. Как представителю самого старшего меликского рода, Бархудару оказали честь, предоставили право первому подойти и склониться перед камнем правосудия.

— Прибыли! — раздались возгласы из первых рядов и прокатились волной по всему селению.

— Кто, кто приехал первый? — спрашивали из задних рядов.

— Мелик Бархудар, кто же еще?..

— На пузо его посмотрите, на пузо! Раздулось, как бурдюк.

— Хи-хи! Ха-ха! Как только не лопнет?

— Разоделся не меньше чем на тысячу туманов.

Бархудар придержал коня у церковной стены, зло посмотрел на гогочущую толпу и вынул ногу из стремени. Слуга помог господину сойти с коня. Как надутый индюк, подошел Бархудар к камню правосудия, стал на место, предназначенное для меликов.

Гусан Етум нарочно загнусавил:

Ох, дурной, ох, неправедный мелик…

— Перестань! — щелкнул его по голове долговязый босой сосед.

На улице показались новые всадники. То был мелик Еган из Дизака. Хотя он и прибыл издалека, но его сопровождало вдвое меньше людей, чем Бархудара. И знамя было простое. И одет он был скромно. Но оружие имел хорошее. Мелик Еган снял островерхую шапку и приветствовал собравшихся людей:

— Мир тебе, народ армянский!..

— Желаем и тебе здравия, тэр Еган, — ответила толпа.

Мелик Еган рассыпал перед нищими горсть мелочи. Сбившись в кругу,

налезая друг на друга и толкаясь, они бросились подбирать монеты. Еган с юношеской легкостью соскочил с коня и, шагая с достоинством, подошел к владетелю Хндзореска. Мелики обнялись.

— Уж не серебряные ли у тебя россыпи, что столько выкинул денег этой голытьбе, — упрекнул мелик Бархудар. — Балуешь собак.

— Голытьба эта нынче, тэр Бархудар, спасительница земли Армянской. Надеюсь, ты не забыл наказы Давид-Бека…

— Уж очень он балует эту голытьбу, когда-нибудь сядут нам на голову…

— Ты бы поостерегся, тэр Бархудар, — посоветовал благоразумный Еган. — Другие времена пошли…

Помолчали. Бархудар исподлобья зло смотрел на простых людей, которыми были усеяны крыши. Их вид претил ему, но затаенный страх сдерживал ярость. Насупившись, слушал он песню одноглазого Етума:

Ох, дурной, ох, неправедный мелик…

— Смотри-ка, мелик Пхндзараха едет, — будто нарочно, чтобы только разъярить кипевшего злобой Бархудара, заметил Еган.

— К дьяволу! — зашипел Бархудар. — Сидеть бок о бок с жалким самозванцем, спасибо судьбе!..

— Трудно теперь тягаться с Туринджем. Все сто семейств, что бежали из Еревана, Мхитар отдал ему. А там в каждой семье по десять мужчин…

— Провалиться бы им в преисподнюю! — процедил Бархудар. От злости глаза его налились кровью. — И не то еще отдаст! Нешто разве он сам не рамик? Помню, как его отца привязали к дереву и, как собаку, измочалили… Тогда-то они, отец с сыном, и бросились в бега. Вот и выходит, что свояк свояка видит издалека. И что только Бек нашел в этом сыне рамика? Уж так он его чтит и лелеет!.. Поистине, голодранцам стал принадлежать мир…

— Тише, услышат, — предостерег отца Мигран.

— Пусть, и хорошо бы собственными ушами… — упрямился Бархудар. — Боюсь, что ли? Я мечом своим отвоевал у персиян наши земли, а теперь Мхитар раздает их этой голытьбе, вот этому лжемелику…

— Помни и о делах Мхитара, отец, — не утерпел, вмешался шепотом другой сын. — Все знают, что он победил в сражении при Газангайле. А у крепости Калер нанес поражение войскам Батали Султана и Асламаза Кули. И Тахмаз Кули Надир хана разбил…

— Знаю, — бросил Бархудар.

— Спарапет удачливый и мудрый полководец, его чтят военачальники и в народе почитают сильно. А то, что крови не знатной, так кто об этом помнит?

— Я!

— Лучше, если бы и ты забыл, отец.

Бархудар смолчал. А что ему оставалось? Не призывать же против спарапета? Стоило Мхитару только бровью повести, и толпа смела бы, растерзала любого, как разрывает овцу голодный волк.

Появление мелика Туринджа вызвало невольную улыбку на лицах людей: так неловко он сидел на коне. Бедняга весь вспотел, меликская одежда стесняла его. И роскошная шапка как-то не шла к крестьянскому лицу.

Вступив на площадь и заметив меликов, Туриндж растерялся, поклонился сначала им, а уж затем народу. Рядом с ним ехал его сын, храбрый сотник Товма. Пистолет, подаренный Мхитаром, был заткнут за пояс. Туринджа сопровождал также его дядя — хромой священник, возведенный в сан в Татеве. В первый раз он сидел в седле и к тому же являлся перед таким скоплением людей.

Пхндзакарцы стали немного поодаль от родовитых меликов и были какими-то чужеродными среди них. Товма, казалось, стыдился своего знамени, этого широкого синего шелкового полотнища с вышитым на нем теленком и орлом, которое он крепко сжимал в руке.

Бархудар краем глаза взглянул на своего врага, на знамя, на хромого священника и заскрежетал зубами. Хотел сказать что-то Егану, но лишь сердито сплюнул себе под ноги.

— Мхитар!..

И в воздух взлетели шапки. Люди словно хотели перекричать друг друга:

— Да живет наш спарапет!

Мхитар стремительно въехал на площадь. За ним, шагах в десяти, следовал Тэр-Аветис. Горги Младший держал спарапетское знамя.

Народ ликовал.

Военачальники спешились и приблизились к камню правосудия…

Со стороны ущелья в селение толпою вошла горстка людей. Бедно одетые, но у каждого в руках была дубинка с железным наконечником. Увидя огромное скопление народа, они засомневались.

— Вот тебе и раз!.. Как же мы найдем Мхитара! — вздохнул один из них.

— Найдем, Есаи, не падай духом, у тебя сильные руки, пробивай путь, а уж мы пойдем за тобой, как за стеной.

Они вошли в кривой проулок, надеясь, что отсюда будет легче пробраться к площади. И лицом к лицу столкнулись с немолодым уже пастухом. На плечах у него лежал белый ягненок. Есаи обрадованно воскликнул:

— Здравствуй, пастух Аракел! Куда тебя нелегкая несет? Все к вам, а ты волком в горы…

Пастух застыл на месте, посмотрел на стоящего перед ним человека и вдруг заулыбался.

— Это ты, Есаи? — произнес он тоненьким голоском. — Спрашиваешь, куда я иду? Да в преисподнюю. В паломничество к Портакару[19]. Говорят, там появились подснежники — вроде бы время уже. Хочу принести в жертву Портакару овечку, чтобы бог смилостивился и даровал мне ребенка.

Раздался хохот.

— А что, если даст, а?

— Несчастный ты человек! Да коли бы Портакар имел силу, он уж давно бы наградил наследником нашего священника. Бедняк целых двадцать лет трется о хачкары и протирает пороги часовен вместе со своей голубкой-попадьей, а ничего из этого не получается, не зачинает жена. Ты

---

[19] Портакар — жертвенник в честь бога плодородия.

лучше поменьше шатайся по горам да покрепче обнимай жену. Из этого еще, может, что и получится, а не то…

Смеялись громко и язвительно. А Есаи потянул пастуха за собой и сказал:

— Лучше помоги нам проложить дорогу к камню правосудия. Услышишь кое-что поважнее. А Портакар[20]никуда не денется…

Доверчивый Аракел послушно шагнул вперед. Другие последовали за ним, протискиваясь в толпе. Взмокшие, растрепанные, добрались они до площади.

Восхищенный Есаи во все глаза уставился на спарапета. И хоть видел его не впервые, но на этот раз Мхитар являл для него нечто особенное.

Лицо Мхитара выражало беспокойство и решимость.

— Спарапет обязательно скажет что-нибудь доброе, — устраиваясь поудобнее, заверил Есаи.

Стоящий рядом с ним крестьянин криво усмехнулся.

Вид у Есаи был жалкий. Разутый, с заскорузлыми пятками; выцветший, разорванный кафтан без рукавов едва прикрывал спину и живот. Штаны, с трудом достававшие до колен, сплошь в заплатах. Голова не покрыта, волосы смоляные, нечесаные…

— Эх, брат рамик, что ты ждешь хорошего от господ? — сочувственно оглядев Есаи, спросил поселянин. — Не даст он мне сомар[21], чтобы я мог прокормить своих семь едоков…

— Даст, — убежденно заверил Есаи. — Мхитар — сын рамика и сам рамик! Он же не какой-нибудь мелик, чтобы не дать.

— А мелики разве повымерли, что ли? — вмешался гусан Етум. — Уж они-то не допустят, чтобы Мхитар помог своим братьям.

— Хоть бы подати снизили, — вздохнул Аракел, все еще держа на плечах ягненка.

— Подушного налога больше не будет, — уверенно произнес Есаи. — И то

---

[20] Здесь игра слов: кар — буквально «камень».

[21] Сомар — мера земли, на полдня пахоты.

верно: что у нас осталось за душой, чтобы платить за нее? С подушным кончено!..

— Эх-хе-хе! — сокрушенно покачал головой какой-то человек с заостренными усами. — Если положиться на меликов, так они живьем слопают нас, а вы еще, глупцы, думаете, землю дадут…

— Ах, не дадут? — вскипел Есаи. — Пусть только попробуют не дать. Сегодня же разобьем головы твоим меликам. Виданное ли дело — мы отняли у персиян наши дедовские земли и нам их не дадут? Да как бы не так. Другие теперь времена.

Кое-кто с опаской посматривал на Есаи. «Сумасшедший он, что ли?» Но его спутники глядели уважительно на своего товарища, было видно, что Есаи пользуется признанием среди бедняков.

Мхитар поднял руку. Стало тихо. Вытянув шею и опершись на плечи стоявшего впереди низенького Цатура, Есаи с открытым ртом уставился на спарапета.

— Народ любимый! — громко начал Мхитар. — Всесильным милосердием господним и кровью вашею отныне и навеки вы освобождены от персидского владычества…

— Да здравствует свободная земля!.. — загремело эхом ущелье. Голоса слились в восторженный, угрожающий гул.

Бархудар наклонился к Егану:

— Не оглох еще от этого рева?

— Оглохнешь. И все равно держи уши открытыми, а рот закрытым, — посоветовал Еган.

Мхитар говорил горячо. Он перечислил победы, которые были одержаны над персидским шахом и ханами. Затем взял у Тэр-Аветиса свиток и приложил ко лбу висевшую на красной нитке печать. Поцеловав бумагу, он развернул ее и прочитал:

— «С сегодняшнего дня упраздняется подушный налог, который взимался с находящегося под нашим владычеством народа…»

— Отдадим жизнь!.. — выдохнуло тысячеголосое горло.

Долго не смолкал народ, но, когда Мхитар снова поднял руку, сразу наступила тишина.

— «Отнятые у персиян наши земли — поля, сады, луга, воду — делим между безземельными рамиками и поселянами. Семье каждого рамика дается два сомара пахотной земли, пастбище, сенокос, а также право бесплатного пользования водой…»

Радость народа уже не знала удержу. Взлетали шапки. Люди кричали до хрипоты. Обнимались, целовались. Казалось, что все обезумели. Только мелики стояли молча, сохраняя торжественность. Хотя они и не выказывали страха, но именно страх сковывал их чувства.

Отчаянно расталкивая собравшихся, Есаи пробрался к Аракелу и протянул руку к лежавшему у него на плечах ягненку.

— Дай брат Аракел, молю тебя, дай, — попросил он.

Аракел никак не мог взять в толк, чего хочет от него Есаи. Тогда тот рванул к себе ягненка и, обхватив его, ринулся к камню правосудия. Даже воины не успели помешать ему. Опустившись на колени перед священным камнем, Есаи застыл в напряженном ожидании.

— «С сегодняшнего дня запрещаются телесные наказания, — восклицал Мхитар. — Тот из господ, который осмелится нанести хотя бы один удар своему рамику или крестьянину, взамен получит десять».

— Да будут благословенны твои уста, Мхитар! — забурлила, всколыхнулась толпа, и вновь замелькали в воздухе шапки.

Чернее угля стало лицо у мелика Бархудара. Костлявыми пальцами сдавил он серебряный кончик пояса.

— Светопреставление, Мигран, — заскрежетал он зубами. — Отныне мы собаки, падаль, отбросы. Теперь хозяин — рамик. Слышишь?

Сын с силой дернул отца за рукав, умоляя взглядом, чтобы замолчал.

Есаи кинул к ногам Мхитара белого ягненка и заколол его.

— Да будет принята жертва!.. — кричал народ.

Есаи схватил руку Мхитара, поцеловал свиток с указом.

— Ради земли Армянской жизни своей не пожалеем!.. — крикнул он, обращаясь к народу и побежал к своим товарищам.

Мхитар, пользуясь случаем, шепнул Тэр-Аветису:

— Взгляни на Бархудара, он словно топорище проглотил.

— Пускай жарится. Ты делай свое…

— «Отменяется кор и бегар, — продолжал спарапет. — Каждый дым будет давать мелику только десятину».

Впечатление от этих слов было ошеломляющее.

— «Рамикам и крестьянам, живущим под нашей властью, дается право продать свою землю и дом и беспрепятственно переходить из одного меликства в пределы другого по воле своей и желанию».

— «Разбойник!..» — процедил сквозь зубы Бархудар, и рука его невольно потянулась к мечу.

— «Стадо без пастуха сделается достоянием волка и будет обречено на погибель, говорили наши святые отцы. Поэтому повелеваем покоряться господам вашим. Кто подымет руку на добро или владения мелика, будет осужден на смерть. Каждая семья обязана дать по одному воину в войско мелика для постоянного служения».

По рядам меликов прошел довольный шепоток. Когда же спарапет объявил, что отнятые у персиян мельницы, маслобойки, леса, равно как лавки и базары, навечно отдаются в собственность меликам, те облегченно вздохнули. У Бархудара даже глаза загорелись. Паки подмигнул отцу:

— Теперь ты видишь, что и нас не обделили? — И крикнул: — Да здравствует Мхитар!

Мхитар возвысил голос:

— «Сотников и десятников в отрядах меликов назначаю только я».

«Хитрец, — подумал Бархудар. — Одной рукой дает, другой отнимает. Хочет иметь в моем войске свои уши».

— «Войско беспрекословно подчиняется мелику, — строго добавил

спарапет. — Меликство из поколения в поколение будет защищаться законами и войском Армянского Верховного Собрания».

— Бог велик! — хором воскликнули на этот раз мелики.

— Да будет благословен! — закричал и Бархудар.

Тут же выделили из деревень людей, чтобы разделить по дымам возвращенные у персиян земли. Поспорили, погомонили и начали расходиться. Есаи ушел со своими. Но не успел он еще покинуть площадь, как его догнал Горги Младший.

— Спарапет требует тебя, — сказал он строго.

— Может, ему не с кем чару поднять? — улыбнулся Есаи.

— Он хочет испробовать саблю на твоей шее, — усмехнулся Горги. — Пойдем, сегодня спарапет в духе, посмотрим, каких ты удостоишься милостей…

— Если уцелеет голова — и на том спасибо. — Есаи передал товарищам прирезанного ягненка и смело предстал перед Мхитаром.

— Как зовут? — спросил спарапет.

— А есть ли у меня имя?.. — ответил в сердцах Есаи. — С того дня, как потерял дом свой и хозяйство, превратился в бездомную собаку и лишился имени. Товарищи кличут Есаи. Прочие именуют «вором», «собакой», «волком» и еще кем придется…

— Из какого ты села?

— Надо ли спрашивать у бездомного, из какого он села? Сегодня я здесь, пришел послушать, что ты скажешь доброго. Завтра, глядишь, окажусь в Нахичеване, потом в Ереване, а дальше куда — того сам сатана не знает. Пупок мне обрезали в Чакатене, могилы дедов тоже там…

— Сколько тебе лет?

— Тысяча. Ха-ха! Что тысяча? Мне столько же лет, сколько исполнилось этой нашей земле…

— Хочешь отныне быть причастным к моей трапезе, поднимать со мной чару?

— Я наг и вшив, тэр спарапет. Тошно тебе будет со мной.

Мхитар велел Горги Младшему отвести Есаи в замок, одеть получше и привести к нему. А когда сел на коня, произнес властно:

— Эй, Есаи, или как тебя там, с сегодняшнего дня ты десятник. Понял? А если сердце твое окажется мужественным, сделаю и сотником. Остались в Чакатене родные?

— Как же — сын. Когда он был мал, пришлось продать его хозяину деревни. Только не знаю, жив он еще или заели проклятые…

Спарапет снял с пояса саблю и протянул Есаи:

— Возьми, защити ею землю, которую получишь завтра. Собери таких, как ты. Много вас?

— Много!.. — Есаи не отрывал взгляда от сабли. — Цатур, Аракел, Семеон — ох, много нас. Собрать?

— Да, — ответил спарапет. — Собери всех вместе и пусть ждут. — Он склонился к волосатым ушам Есаи: — Скажи, что я просил. И придешь ко мне. Всем дам оружие, одежду и жалованье. Всех наделю хозяйством. Черт побери, ведь вы же мои братья. Ну, иди, передай им мою волю…

Спарапет пришпорил коня, подъехал к меликам.

— Все вроде бы устраивается, тэр Бархудар? — воскликнул, он, поравнявшись с владетелем Хндзореска.

— Да, да! — Веселое настроение Мхитара захватило и Бархудара. — Устраиваемся, слава создателю.

Рядом, касаясь друг друга стременами, направились они к замку. Мхитар хорошо понимал, что веселость Бархудара деланная, что на сердце у него кошки скребут. Но виду не подавал, что обо всем догадывается. Когда приблизились к воротам замка, Бархудар не удержался.

— Осмелюсь остеречь тебя, тэр спарапет, — сказал он. — Не очень балуй голытьбу, если хочешь, чтобы основы нашей власти оставались незыблемыми.

— Незыблемость власти держится народом, — спокойно ответил Мхитар.

— Так-то оно так, — согласился Бархудар. — Но все же я на своем веку

побольше твоего поизносил рубашек и лучше тебя разбираюсь в привычках и обычаях царей да князей. Они держат народ в клещах. Не оставляют ему других забот, кроме как о добывании куска хлеба. Вот чего не забывай. Так ведется повсюду на земле. Говори сладко, а меч держи острым. Сытый рамик — мятежник, он может растоптать и царский престол.

— Ты прав, тэр Бархудар, — наклоняясь, шепнул ему Мхитар. — Разве мы не по-твоему поступаем? Телесное наказание отменяется, сказал я, и тут же пригрозил обезглавить всякого, кто замахнется на курицу своего господина. Земли, отнятые у персов, велел раздать, а ваших и пальцем не тронул, наоборот, наделил меликов еще лесами, мельницами, маслобойками.

— Это не мало, мелики довольны, — нехотя согласился Бархудар.

— Нам нужно обласкать народ, тэр Бархудар, — продолжал спарапет. — Пока мы в опасности. Только что стали хозяевами в своем доме, создали родную власть. Вот укрепимся немного, расширимся, пусть придут русские, с их помощью освободим Нахичеван и Ереван, укрепимся в Араратской долине, в Шираке, будешь ты тогда владетелем царского богатства и славы. А рамика? Его мы усмирим.

Мхитар сказал и устыдился. Как ему приходят на язык эти чужие, фальшивые слова, которые он расточает перед своим врагом?

Въехали в замок, спешились и толпою направились в покои Мхитара.

И снова пировали. Ели жадно, пили много.

Вскоре Бархудар и его старший сын Мигран порядком захмелели. Начали петь, колотить по столу кулаками. Мелик Еган смеялся и тоже пил без удержу, поднимая чару за чарой за здравие спарапета и его супружницы — мудрейшей женщины…

Один Есаи почти не пил. Постриженный, помытый и обряженный в форму десятника, Есаи сам не узнавал себя. На душе у него было так легко и так свободно, словно он заделался господином всего света. Неожиданное счастье просто распирало его.

Пьяный Бархудар свалился со стула на пол. Мхитар подал Есаи знак.

Вдвоем они стащили мелика в маленькую комнату рядом с залом и положили на медвежью шкуру.

— Выполнил мое поручение? — выпрямившись, серьезно и строго спросил Мхитар.

— Двести пятьдесят рамиков записались в воины, ожидают твоего повеления, тэр спарапет, — ответил Есаи. — Еще соберу…

— Молодец! Всем дам оружие, жалованье и землю. Кто не женат — женю.

— Да продлится жизнь твоя.

Посмотрели друг на друга и рассмеялись. Мхитар толкнул ногой в грудь лежавшего трупом мелика:

— Не по нраву пришлось ему содеянное нами, шипит змеей…

Есаи вынул наполовину меч из ножен.

— Ну?.. — спросил он таинственно.

Мхитар схватил его за руку и быстро вывел из комнаты.

— Не нужно проливать кровь своих, — сказал он тихо. — У нас еще связаны руки. Сейчас дороже всего единство, Есаи. Мы недавно стали хозяевами на своей земле. Стамбульский султан с жадностью смотрит на свободное армянское нагорье. А мелик Бархудар предан нашему обету, знай это!

Сказал и снова устыдился. Ведь иначе говорил он сегодня мелику Бархудару по пути в замок. Выходит, обманул обоих, но иного выхода не было. Тот и другой — стороны сильные, оба жаждут крови. Один — вековой властелин, другой — вековой раб. Хотя Мхитар и почувствовал укор совести, но тем не менее остался доволен, что усмирил обоих. Это ему было очень нужно, очень!..

Есаи поклялся в душе навеки оставаться верным Мхитару. Ему показалось, что теперь он обладает такой силой, что мог бы разгромить всех меликов, но раз Мхитар не велит, пусть так и будет… Вспомнились товарищи, которые ожидали его в доме Зарманд. Вместе с ними Есаи будет опорой Мхитара, не даст и волосу упасть с головы спарапета.

Пиршество продолжалось. Уже темнело…

Из замка Есаи выехал верхом на золотогривом скакуне. Разодетый, сытый, бодрый. Конь играл под ним, оружие весело звенело. В кожаном хурджине, привязанном к седлу, Есаи вез для своих людей полную суму серебра. Он гордился, что и оружие у него есть, и конь тоже, что и кубок со спарапетом поднимал, а вот едет к своим товарищам; да еще завтра-послезавтра его оделят землей.

Проезжая мимо камня правосудия, Есаи снял шапку. Сколько у него перемен в жизни за этот день! Будто целый век пронесся над головой.

Перед домом вдовы Зарманд толпились мужики. Завидя всадника, они умолкли. Сразу и не узнали.

— Ну, чего языки проглотили? Я не смотритель монастыря и не персидский сборщик налогов. Обознались, что ли?

Товарищи окружили Есаи, помогли ему слезть наземь, увели коня под навес.

— Вот как оно бывает, братья, — громко продолжал Есаи. — Утром я был бездомным бродягой, теперь стал десятником войска армянского. Даст бог, стану и сотником. И вы отныне уже не какие-то там несчастные, поедаемые вшами рамики, теперь вы крестьяне — с землею и водою. Кто того пожелает — женим хоть на дочери самого мелика. Да! Да! А то как же? Отныне мы воины Мхитара спарапета. Получим бесплатно оружие и одежду. И жалованье тоже. Хоть сейчас раздам серебро, что получил от спарапета.

— Долгой жизни тебе, Есаи, да как же это все так? — растерянно говорил Цатур.

— Что было, то было. Дай бог долгой жизни сыну Зарманд, замолвил за нас словечко ее Горги.

Все вошли в дом Зарманд — в вырытую в скале пещеру. Еще с порога пахнуло овечьим навозом. Свет глиняной лампады еле рассеивал мрак. Лежавший у схода одноглазый гусан Етум бренчал на сазе.

— Что это вы скисли? — весело воскликнул Есаи. — Поди, не старые

девы. Радуйтесь!

— Легко сказать! — вскинулся Семеон. — Если у тебя в животе свадьба, то у нас там волки воют. Чему радоваться?

— Сытому легко говорить, — добавила вдова Зарманд.

— Еще как легко!..

Он подошел к дочери Зарманд — девочке лет тринадцати-четырнадцати — и, всыпав горсть серебра ей в подол, сказал:

— Сходи-ка купи вина, насытим их волчьи утробы, дочь моя дорогая, не то ведь изведут меня.

Вместе с девочкой пошли трое мужчин. Отыскали виноторговца Гичи, повели его на базар. Открыл он лавчонку и продал им вина. Принесли, поставили полные кувшины перед Есаи. Он попробовал, вино ему понравилось. Оглядев всех, спросил:

— А барашек сюда полагается или нет?

— Это зависит от серебра в твоей суме. Звенит? — спросил Цатур.

— А то как же! — Есаи вынул из хурджина мешочек и потряс им. — Спарапет дал. Теперь мы воины, возьмите это в толк. Каждый месяц будет у нас серебро. Сбегайте, приведите пару баранов, да поживее.

Семеон протянул свою огромную руку. Есаи насыпал ему в ладонь серебра. И Семеон вместе с товарищами выскочил из жилища — побежали покупать баранов.

— Не горюйте, — говорил Есаи, — есть серебро, будет одежда, и оружие получите. Землю дадут.

— Мхитар даст, а мелики отберут, — засомневался Цатур.

Когда-то он крестьянствовал на монастырской земле. Не один год измывались над ним монахи, пока Цатур однажды в раздражении не повторил при них многозначительные слова Мехлу-вардапета: «Тот, кто в жизни убьет церковника, искупит все свои грехи». Пришлось ему после этого спасаться от смерти бегством. И вот уже пятнадцать лет живет беглецом храбрый и прозорливый Цатур, которого Есаи взял к себе в воины.

— Какой мелик осмелится нарушить приказ Давид-Бека? — спросил Есаи. — Надавал он твоим меликам под зад коленкой. И мы, если надо, поддадим, да так, что в жизни больше не опомнятся…

— Когда у петуха слишком длинные крылья, их подрезают, Есаи. Поостерегись.

— Если позволим, подрежут, — упрямился Есаи.

— Да кто ты есть, чтобы… — стоял на своем Цатур. — Вон и османы точат зубы. Того и гляди, кинутся на нас, как собаки на мясо. Разве стерпит султан, чтобы армяне имели свою страну и свою власть? Будет война, и снова земля покроется нашими крестьянскими костями.

Все помрачнели. Молча осушили чаши. Зарманд гневно встала:

— Что ты беду накликаешь! «Будет война»! Пусть будет. Кто без войны оставит тебе твою землю и воду? Враг станет наступать на тебя, а ты иди на него. Нет, больше не будет так, как раньше. Если кто уколет меня, я всажу тому в сердце шило… Запиши и меня в воины, брат Есаи! И перестаньте грызться, нашли время для охов и ахов. Лучше пейте да веселитесь!..

Она встряхнула за плечи понурившегося гусана:

— Настрой свой саз, ты же не в доме покойника! Гуляйте, эй! Вон и шашлык уже готов!

Мужчины выпрямили спины. Цатур тихо улыбнулся. Все вышло так, как он того и хотел: страсти разгорелись. Етум заиграл на сазе и запел:

Если по неделям я стану целовать,
Я стану целовать, —
Терпи и знай, что поцелуи надо возвращать.
Если месяцами стану обнимать,
Стану обнимать, —
Придется тебе, милая, в объятиях лежать.
Если в год по сыну велишь ты мне давать,
Велишь ты мне давать, —
Дам тебе и больше, успевай рожать.

— Вот это да! Хороша песня!.. — раздавались со всех сторон довольные возгласы. Забурлила кровь в жилах. Мужчины крутили усы, смеялись, ударяли друг друга по голым плечам.

Но гусан вдруг сменил мелодию. Звуки саза стали печальными, и вино словно бы застыло в чашах. Полилась грустная песня, знакомая каждому с самой колыбели. Снова надавила тяжесть бродяжной жизни. Это была старая и священная песня, подобная одинокому хачкару. Вспомнился вардапет Мехлу, памяти которого и была посвящена песня.

Пришла война в Кашатаукские горы,

От крови рамиков цветы потемнели…

Есаи не выдержал, кинул в Етума кость, что держал в руке.

— Хватит, слепой черт, довольно накликать беду, и песню омываешь кровью!.. Играй лучше плясовую да поскорее…

Саз зазвучал веселее. Есаи поднялся, поправил меч и пояс, схватил за руку стоявшую возле матери девочку и потянул ее танцевать. Мужчины стали прихлопывать в ладоши, забыв о песне, что напоминала о кровавых сечах. Вино вскружило горячие головы.

Отплясав свое, Есаи поцеловал девочку в лоб и вложил ей в ладошку несколько серебряных монет.

— Ты уже невеста, Маро, — сказал он взволнованно. — Кто женится на тебе — на других глядеть не станет. Сытым будет и ребенок, которого ты родишь. А уж я погуляю дружком на твоей свадьбе.

— Дай бог, Есаи! — крикнул Цатур.

— Отнимают! — вдруг закричал дотоле молчавший Семеон, нагота которого была едва прикрыта одеянием из козьих шкур. — Отнимают все, все! — Он рванул ворот и стал показывать всем шрам на шее. — Получил при Узунберде, старухи кое-как залечили. Остался след персидской сабли. Брат — в земле, я — в живых. Разве эта рана не стоит двух сомаров земли! Да как же вы говорите, что не дадут землю, а?!. — Он ударил себя по голове, заплакал, а потом растянулся на голой земле и захрапел…

Гусан Етум пел уже новую песню…

Утром Есаи отвел своих рамиков в Дзагедзор. Три дня оставались они там. Всем двумстам пятидесяти дали одежду и оружие.

Спустя неделю Мхитар в сопровождении отряда Есаи выехал в гавары. Решил самолично проверить, как мелики и старосты распределяют землю среди рамиков, выполняют ли они указы Давид-Бека и его, Мхитара.

В первой же деревне пришлось повесить старосту, который попытался принудить молодую вдову к сожительству, обещая лишь после того наделить ее землей.

Молва об этой расправе быстро разнеслась окрест.

А весна уже уверенно вступала в страну гор.

Козел отпущения

Никогда весна не была такой щедрой, как в том 1724 году. Все разом зазеленело. Долины стали изумрудными, раскудрявились леса. Зазеленели даже скалы, и плоские крыши домов, и стены древних храмов. Наступила весна и принесла радость и пробуждение.

Как только снега отступили к вершинам гор, Мхитар вновь отправился по гаварам.

Неожиданно появлялся он в самых малых селениях. Мелики и старшины поспешно выходили навстречу, объясняли, что ими сделано. Всюду в народе царила радость. Получившие землю сельчане и рамики громогласно благословляли Давид-Бека, зазывали Мхитара в гости, чтобы бросить к его ногам жертвенных ягнят и телков.

По пути домой он заехал в Пхндзакар. Послал человека за меликом Бархударом. Когда тот прибыл, Мхитар определил границу между землями двух меликов, указал, где класть пограничные камни. Земли, некогда принадлежавшие персидским ханам, лично распределил между рамиками и переселенцами. Повелел обоим меликам быть дружными и мирными соседями.

— Изгоните из сердца злобу и вражду! — сказал он. — И да накажет небо того, кто тронет у соседа хотя бы деревцо.

Мелики обещали выполнить его волю. Но Мхитар почувствовал, что Бархудар остался недоволен новыми границами.

Закончив с разделом земель, Мхитар в присутствии народа учинил смотр воинскому отряду Пхндзакара. Десятника Товму произвел в сотники и в сопровождении пхндзакарцев выехал в Дзагедзор.

Уехал и мелик Бархудар. Он был в бешенстве, считал себя униженным и оскорбленным. «Голубит голодранца, — думал про себя мелик, — будто земли, которыми он с такой щедростью наделил Туринджа, принадлежали его отцу. Щедр за чужой счет…»

Озлобленность Бархудара все росла. Лучшие земли, отобранные у персов, отданы пхидзакарцам. И две реки, и большой дубовый лес, на которые претендовал сам Бархудар. Не будь этих беженцев, все бы досталось ему одному. Туда же сселилось шестьсот пятьдесят дымов. Мало того, около трехсот семей собралось на развалинах села Микент. Мхитар передал Туринджу села Верин Шен, Сюндар, Ванки-тап и Прунк, некогда принадлежавшие персидским государям.

«Хочет погубить меня, — с горечью думал Бархудар. Он ясно понимал, к чему стремился Мхитар, усиливая Туринджа. — Придет день, перебьют весь мой род и овладеют моим замком и селами».

Час от часу росла его ненависть к Мхитару.

— Видел, увел с собою эту собачью свору? — спросил Бархудар, обращаясь к Миграну.

— Увел, отец, — ответил сын.

— А зачем?

— Бог ведает, отец, — пожал плечами сын.

— Никакого войска в Пхндзакаре не оставил?

— Нет.

Больше Бархудар вопросов не задавал, а прибыв в Хндзореск, немедленно

приказал готовить отряд к походу.

— Я должен стереть с лица земли незаконное меликство Пхндзакара! — объявил он сыновьям. — Перебить всех… Сейчас там нет войска, самый момент испепелить это разбойное гнездо. Теперь или никогда!

Старший сын, сотник Мигран, был согласен с отцом, но Паки ясно предвидел кровавые последствия подобных деяний и потому попытался возразить.

— Вносишь раздор на земле Армянской, отец, — осторожно заметил он. — Одумайся и воздержись…

— Умолкни! — гневно крикнул Бархудар. — Если собираетесь продолжать мое меликство и вести мой род, то Пхндзакар должен быть уничтожен. Или мы, или они, другого выхода нет!

Ночью выступили из замка. Пустили слух, что едут на боевые маневры. К вечеру того же дня достигли подступов к Пхндзакару и, спешившись, вместе с ночной мглой приблизились к цели…

Дозорные Дзагедзора заметили на рассвете быстро приближающуюся черную точку. Вначале они подумали, что это лошадь, преследуемая зверями, но потом увидели, что к спине несущейся к замку лошади прильнуло какое-то маленькое существо. Странный всадник скоро достиг ворот замка и тонкоголосо крикнул:

— Откройте ворота, эй!..

Воины удивились. Это была маленькая девочка. Она угрожающе размахивала руками и требовала, чтобы поскорее открыли ворота.

— Откуда ты? — спросили сверху.

— Из Пхндзакара. Я сестра сотника Товмы. Слышите? Я принесла черную весть…

Ворота распахнулись. Девочка въехала в замок и закричала испуганно:

— Помогите, эй!.. Брат Товма, скорее!.. Наших режут…

Поднялся переполох. Тревожно залаяли собаки. Воины и жители вскочили с постелей и спросонок кинулись на улицу. Прибежал Товма. Увидев свою

одиннадцатилетнюю сестру верхом на неоседланной лошади, он побледнел. Чувствуя, что дома большая беда, сорвал девчонку с коня и встряхнул ее:

— Что случилось, Цамам?

— Мелик Бархудар с большим войском напал на нас, — закричала, рыдая, девочка и обессиленно прижалась к брату. — Напали в сумерках. Наши едва успели закрыть все входы. Сейчас сражаются. Я была там, когда убили дядю Вачагана и дядю Исака. Из беженцев погибло четыре человека. Торопись, Товма… помогите!

Товма приказал десятнику — помощнику своему — вывести войско, а сам побежал доложить Мхитару. Цамам, охватив брата за шею, торопливо рассказывала:

— Бабушка спустила меня со скалы на веревке. Попала в ущелье, где стоят лошади дяди Срапа. Он посадил меня на лошадь и показал дорогу на Дзагедзор. У самого глаза ослабли, нога распухла — приехать не мог… Я нисколько не мешкала в пути, Товма, истинный крест…

На верху каменной лестницы показались Мхитар и тикин Сатеник.

— Что за тревога? — спросила тикин.

Товма опустил Цаман на землю.

— Мелик Бархудар, — он перевел дух, — режет наших, прикажи взять войско, тэр спарапет, и пойти на помощь.

— Что? — почернел Мхитар. — Это правда?

Цамам повторила все, что уже поведала брату, и опять горько зарыдала. Сатеник обняла ее:

— Успокойся, доченька…

Спарапет топнул ногой.

— Мелик Бархудар затевает мятеж, сеет злобу! Сам и подавится. Не сносить ему головы. Я разорю его логово. Уничтожу весь род. Хватит, долго терпел и прощал!

Он велел позвать Тэр-Аветиса. Тот явился во всеоружии. Узнав о случившемся, многозначительно усмехнулся, ноздри у него раздулись, совсем

как у рассвирепевшего бугая, увидевшего противника. Спарапет приказал Тэр-Аветису, возглавив ополченцев Есаи и отряд Товмы, спешно идти на помощь мелику Туринджу.

— Будь беспощаден! Ни капли жалости к клятвоотступнику! Бросишь его к моим ногам! Торопись!..

Затем Мхитар велел своим сотникам поднять полк Дзагедзора для наступления на Хндзореск.

Тикин Сатеник побледнела. Начиналось то, что страшнее всего, — братоубийственная война. Надо во что бы то ни стало предотвратить это губительное бедствие. Но каким образом? Разве Мхитар послушает ее? Сатеник знала, что муж давно ищет повода наказать Бархудара, и вот повод представился. Но это повредит общему делу, приведет несчастную страну к новой трагедии.

Тикин Сатеник отвела все еще всхлипывающую Цамам в комнату сыновей, а сама вошла в библиотеку. Нужно было немедленно известить Давид-Бека о случившемся. Только он может унять гнев мужа и предупредить братоубийственную войну. Проливая чернила, Сатеник торопливо набросала несколько строк и вызвала к себе одного из преданных ей слуг.

— Садись на коня и во весь дух мчись в Алидзор. Доставь это письмо Давид-Беку. Да поскорее!..

В тот момент, когда Тэр-Аветис спешил с отрядами Товмы и Есаи к Пхндзакару, из ворот замка выехал гонец и понесся в Кафан. В общей суматохе никто не обратил на него внимания.

Немного спустя выступил из замка спарапет. Он ехал во главе войска в Хндзореск, бесповоротно решив разрушить до основания замок Бархудара.

Целый день пхндзакарцы противостояли войскам Бархудара. Заперев вовремя входы, горцы — стар и млад — заняли все наиболее доступные для врага тропинки и самоотверженно сопротивлялись. Они яростно осыпали штурмующих градом камней и бревен, кидали на осаждающих пылающие тряпки и горящий кизяк. Стреляли из ружей, лили сверху кипяток — словом,

делали все возможное.

Бешенству мелика Бархудара не было предела. Внезапное нападение не удалось, но мелик тем не менее надеялся легко одолеть пхндзакарцев — войска-то в крепости нет. И как же велико было его удивление, когда с первой же минуты ему оказали столь отчаянное сопротивление.

Во гневе мелик беспрестанно подстегивал воинов, лупил их рукоятью меча, заставляя карабкаться на скалы, все вперед и вперед. Воины-камнелазы выполняли его приказ, но под ударами пхндзакарцев скатывались вниз.

Перед заходом солнца мелику доложили, что к Пхндзакару подходит крупное войско. Бархудар вскочил на коня, поднялся на вершину скалы и глянул на ущелье. Со стороны Дзагедзора поспешно двигалось войско. Мелик различил знамена Тэр-Аветиса и Товмы. Знамени Мхитара не было. В душу закралось сомнение. «Не иначе, спарапет направился к Хндзореску», — подумал он и во злобе прикусил язык. Мелик сообразил, что может произойти: Тэр-Аветис зайдет к нему с тыла, окружит и уничтожит, а Мхитар войдет в Хндзореск и разгромит его замок. Неужто всему конец? «Э, будь что будет! Надо скорее уничтожить пхндзакарцев, а там пусть свершится предопределенное свыше!» — решил он. В этот миг к отцу подошел Паки.

— Мхитар движется к Хндзореску, отец! — с тревогой произнес он.

— Что ты каркаешь, кто это сказал? — Бархудар хотел бы не верить.

— Поверь, что это так, иначе он шел бы на нас…

— Что же прикажешь делать? — бессильно развел руками Бархудар.

— Вернемся лучше домой. Тэр-Аветис и пхндзакарцы уничтожат нас здесь, а Мхитар разорит наш дом. В замке мы сможем продержаться, пока найдем какой-нибудь выход.

— Кто успел донести сатане, кто? Собаки, волки! — топая ногами, кричал Бархудар.

Долгое время он не мог принять какого-либо решения. Между тем отряд Тэр-Аветиса приближался, пхндзакарцы же, завидя идущее на помощь войско, удесятерили свои усилия, и при этом все что-то воинственно кричали.

— Уходим! — распорядился наконец Бархудар.

Тут же отошли в лес. Сгруппировались и тронули к Хндзореску. Спешили с панической быстротой. Страх Бархудара был настолько велик, что ему казалось, вот-вот Тэр-Аветис настигнет его, а Мхитар, быть может, уже в Хндзореске… Только теперь Бархудар понял, что поступил необдуманно. Но простить Мхитару? «Буду ему вечным врагом. Запрусь в своем замке, засяду там хоть на все пять лет. Никогда на преклоню колена перед спарапетом. Умру, но не сделаю этого. Пусть хоть сам Давид-Бек явится, все равно никогда не примирюсь с Мхитаром!..»

Конь тяжело дышал от бешеной скачки. Воины словно воды в рот набрали. Сыновья то обгоняли отца, то отставали. Перед рассветом показались башни Хндзореска. Бархудар стал нахлестывать обессиленного коня.

Едва только въехали в замок и заперли тяжелые ворота, в предрассветной мгле показался отряд Мхитара.

Бархудар облегченно вздохнул. Вовремя успел. Пусть теперь Мхитар ползает у замка, сколько его душе угодно…

Уже рассвело, когда Мхитар достиг Хндзореска. Завидя воинов, собравшихся в башнях замка и на крепостных стенах, Мхитар понял, что Бархудар позорно бежал с поля боя. «Задали перцу пхндзакарцы, ясное дело», — подумал он с удовлетворением. И выслал вперед парламентера с требованием, чтобы Бархудар немедленно открыл ворота замка и сдался.

Бархудар сам появился на крепостной стене. Выслушав парламентера, он выругался, как последний погонщик мулов, и крикнул:

— Поди скажи своему господину, что он напрасно кипятится. Я не открываю ворот перед каждой паршивой собакой. Если он мужчина, пусть мечом берет то, что задумал взять.

— Что ж, и возьму! — воскликнул Мхитар, выслушав от парламентера ответ Бархудара. — Поплатится, возьму!

Однако замок Хндзореск был неодолим. Окруженный с трех сторон бездонными ущельями, он оставался доступным лишь с северной стороны. Но

тут проходила толстая стена с тремя боевыми башнями. Крепкими и тяжелыми были также железные ворота. Их-то Мхитар и решил разрушить пушками. Для чего приказал мелику Егану отправиться в пограничную крепость Айлах, чтобы доставить оттуда пушки. Шатер свой он велел раскинуть у подножья небольшого лесистого холма, что как раз напротив замка.

К вечеру прибыл Тэр-Аветис.

— Почему ты опоздал и не окружил Бархудара? — не отвечая на приветствие, крикнул Мхитар.

— Ускользнула лиса! — Тэр-Аветис перевел дух. — Едва заметил нас, снял осаду и бежал…

Тэр-Аветис не сказал истинной правды. Конечно, он мог бы преследовать мелика, мог настигнуть его и заставить принять бой. Но намеренно не сделал этого. Не хотелось ему затевать междоусобную войну и проливать кровь своих. Он верил, что спор окончится добром и что обе стороны, помирившись, избегнут внутреннего раздора.

Утром, после совета военачальников, Тэр-Аветис сказал Мхитару:

— Обдумай все, Мхитар, давай вступим с Бархударом в переговоры. Авось окончим дело миром, затушим огонь, который разгорелся в нашем доме. Найди другой выход…

— Другого выхода я не знаю, — мрачно ответил Мхитар. — Бунтовщик должен быть наказан. И жестоко.

— Этот замок не из тех орешков, которые легко разгрызть.

— Разрушу его пушками! — крикнул Мхитар и, поднявшись, добавил: — Если ты не хочешь наказывать коварного дэва, можешь удалиться, без тебя свершу возмездие.

— Я свое слово сказал, тэр спарапет, — без обиды ответил Тэр-Аветис. — Да будет твоя воля…

Через два дня мелик Еган доставил из Айлаха две пушки. Мхитар приказал навести их на замок и приготовиться к штурму. Но не успели еще воины приняться за дело, как в лагерь прибыл гонец Давид-Бека и вручил Мхитару

послание. Спарапет помрачнел, заранее представив, каким может быть приказание Верховного властителя. Однако он поцеловал печать и вскрыл письмо.

«Приказываю оставить гибельную для народа мысль об излишнем наказании мелика Бархудара, — писал Давид-Бек. — Запрещаю проливать кровь. Велю кончить дело миром. Не время, Мхитар, возбуждать внутренний раздор. Примири мелика Бархудара и Туринджа».

У спарапета, казалось, опустились руки. Кто успел донести Беку о его намерении? Кто? И почему Бек щадит бунтаря, человека, пролившего под Пхндзакаром невинную кровь, мятежника, который восстал и заперся в своем замке и теперь не открывает перед ним ворот? Не сказав никому о содержании письма, Мхитар сел на своего серого коня. Приказал поднять белое знамя и подойти к стенам замка. Наверху появились военачальники Бархудара. Увидя белое знамя, они на минуту изумились и удивленно воззрились вниз.

Мхитар послал мелика Егана на переговоры.

— Скажи, что мы приходим гостями, с миром, пусть открывают ворота. Иначе пускай пеняют на себя…

Люди Бархудара забросали мелика Егана камнями, кизяком. А один даже спустил штаны и повернул голый зад в сторону владетеля Дизака. Под раскаты смеха посыпались ругательства. Еган вернулся возбужденный, хотя и со страхом в сердце.

— Не выслушали, — подавленно сообщил он Мхитару. — Не постыдились и непотребного, лаяли, как собаки…

Мхитар приказал открыть огонь из пушек. Дрогнули ущелья. За крепостными стенами развалилось какое-то здание. Столб пыли поднялся к небу.

— Бейте по воротам! Рушьте стену и врывайтесь в крепость!

Стали бить по стене. Сверху послышались ответные ружейные выстрелы. Забыв об опасности, Мхитар верхом понесся к крепостной стене. Горги Младший, Есаи и Семеон кинулись вперед, чтобы защитить собой спарапета.

Дзагедзорцы, увидев мчащегося спарапета, тоже рассвирепели и бросились вперед. Принесли лестницы, чтобы забраться на стену.

— Надень бронницу, тэр спарапет! — закричал Горги. — Не дай бог, выстрелят в тебя.

— Если хотят убить спарапета, пусть стреляют! — со злостью бросил Мхитар.

Доскакали до ворот. Стоявшие на стене воины застыли и в изумлении смотрели на рассвирепевшего спарапета. Мхитар вскинул саблю.

— Может, на вас идет войной персидский хан, что вы заперли ворота, сучьи дети! Немедля открывайте, или я сдеру со всех шкуру. Вяжите Бархудара!

— Тэр спарапет! — крикнул кто-то со стены. — Дай мне время уговорить отца.

Мхитар узнал. Это был младший сын Бархудара Паки. Он приказал своим не стрелять и быстро сошел со стены.

Паки нашел отца в маленькой каморке под наблюдательной вышкой. Бархудар надевал бронницу перед тем, как подняться наверх. Увидя сына, он воскликнул:

— Испугался? Покинул свое место?

— Отец! Сам спарапет прибыл в наш дом. Он у ворот, ждет, чтобы мы открыли их.

— И ты не прикончил его? — посинел от злости Бархудар.

— Я не хочу покрыть наш род вечным проклятием.

— Ты! Ты!.. — Бархудар не находил слов. — Прочь, сгинь, я сам свершу над ним правосудие!

Он схватил пистолет и саблю и выскочил из комнаты. Добежал до лестницы, которая вела на башню, стал ногой на первую ступеньку… и попятился назад, как человек, увидевший перед собой нечто ужасное. На него было направлено дуло пистолета.

— Я выстрелю, если ты не прикажешь открыть ворота и не встретишь

подобающим образом спарапета войска армянского!

Это была Гоар. В голосе ее слышалась неумолимая угроза.

Бархудар вздрогнул. Никто не имел над ним такой власти, как дочь, единственная и бесконечно любимая. Он попятился и прислонился спиной к стене.

— Боже, дети восстают! — простонал он. — Мне изменяет собственная дочь, моя кровь!.. Сын рамика идет, чтобы убить меня, и родные дети отступаются от отца…

— У него есть право наказать тебя! — гневно бросила Гоар. — Ты сеешь смуту, а должен бы знать, что только единство и согласие могут спасти нашу измученную родину. Мхитар не поступит жестоко, если ты покаешься перед ним. Я обещаю примирить вас! — Гоар вырвала из рук отца пистолет и сердито продолжала: — И знай, если твои воины выстрелят в спарапета, я убью тебя и сама брошусь вниз на камни. — Она обернулась к стоявшему поодаль брату: — Что стоишь! Иди, открой ворота и прими достойно нашего господина.

Бархудар закрыл глаза, и ему показалось, что он сходит с ума. Подгибались ноги.

Паки бросился к воротам. Откуда-то появился Мигран и кинулся с обнаженным мечом за братом, чтобы помешать ему. Но Бархудар остановил Миграна:

— Откройте, пусть идет, пускай разгромит, зарежет, убьет!..

Мигран бросился к отцу, удивленно вгляделся в его бледное, взволнованное лицо и спросил сестру:

— Он что, сошел с ума?

— Наоборот, — спокойно ответила она. — Наконец пришел в себя и спасает нашу семью и свою честь.

— Значит, и ты?.. — отчаялся Мигран.

Распахнулись ворота замка, и воины Мхитара ворвались внутрь. Мигран оцепенел. Впереди всех был сам спарапет. Бархудар и Мигран отпрянули было

назад, чтобы скрыться, но Гоар удержала их и смело направилась к Мхитару.

— Добро пожаловать, тэр спарапет, — спокойно приветствовала она.

Мхитар мельком взглянул на нее. Замерло сердце. На миг потряс ее взгляд, укоризненный и одновременно любящий. Мхитар закусил губу и с трудом сдержался, чтобы не крикнуть: «Гоар, любимая!»

— Восстаешь против родной власти?.. — прогремел он, направляя коня на Бархудара.

Бархудар бросился на землю и распростерся у ног Мхитарова коня:

— Прости, мой господин, я впал в заблуждение… Подари прощение своему слуге.

Мхитар уже схватился за пистолет, но тут он снова встретился с повелительным взглядом Гоар. «Не делай этого!» — требовала она. Спарапет сошел с коня, поцеловал руку Гоар и повернулся к распростертому на земле Бархудару:

— Встань, тэр Бархудар, мне неприятно видеть во прахе родителя самой прекрасной девушки Сюника.

Бархудар поднялся с земли и схватился за полу Мхитарова одеяния.

— Помилуй меня, тэр спарапет! — сказал он и потянулся, хотел поднести к губам край одежды, но Мхитар вырвал у него полу накидки.

— Я собирался повесить тебя на стене твоего же замка, тэр Бархудар, но ради дочери дарую тебе жизнь! — Он взял Гоар за руку и направился в покои мелика.

Бархудар понуро последовал за ними. Вскоре туда явились и его сыновья.

Войско спарапета тоже вошло в замок, но воины сохраняли боевой порядок, коней держали под уздцы. Тэр-Аветис приказал сотникам не принимать еды от обитателей Хндзореска, не принимать их приглашений, но и не проявлять вражды к ним.

— Не иначе, Мхитар все же повесит Бархудара, — предположил Есаи.

— Ах, какая от этого польза, — проворчал Семеон. — Повесит Бархудара, Мигран станет меликом — одна собака. — Он вытащил из сумки ломтик

просяного хлеба и начал грызть его. — Умнее помиловать да примирить его с меликом Туринджем. Не то прольется наша кровь. Что ни говори, а Бархудар тут, на границе, единственная сила, которая сдерживает Батали Султан хана.

Примерно так же рассуждал про себя и спарапет. Он возлежал на высокой тахте и сурово смотрел на Бархудара, который стоял перед ним с непокрытой головой. Паки и Мигран, понурив головы, стояли рядом. Молчали и остальные.

— Кому из вас первому пришло в голову напасть на пхндзакарцев? — после долгого молчания строго и повелительно спросил Мхитар.

— Накажи меня, но накажи справедливо! — склонился Бархудар. — Не против армянского народа обнажил я меч. Оскорблен, что на моих землях ты взрастил новое меликство. Не могу примириться, чтобы рамик, убежавший от моих плетей, сидел рядом со мной.

— Ты что же, не помнил, что я возвел Туринджа в звание мелика с ведома Давид-Бека? — спросил спарапет.

— Все помнил.

— Почему же ты растоптал повеление своих господ?

— Я примерный слуга, но терпеть эту бородавку… — не уступал Бархудар. — Удали Туринджа, переведи в другое место его меликство, тэр спарапет, или изгони меня из тысячелетнего очага моих предков. Ты — господин. Придумай… Сто дервишей уместятся на одном ковре, а я и Туриндж не поместимся в одном гаваре.

Бархудар разрыдался. Мигран и Паки стали умолять Мхитара, чтобы он простил их заблудшего отца. Но Мхитар неумолимо смотрел на Бархудара и, казалось, был готов испепелить его. Никто не решался двинуться с места и даже вздохнуть глубоко.

— В тюрьму! — указал он рукой на мелика. — В подземелье — и его, и сотника Миграна…

Их тут же связали и поволокли.

В комнату с криками вбежали дочь и супруга мелика.

— Будь милостивым, Мхитар! — простирая руки, взмолились они.

— Я в доме поверженного врага, — выдавил он и поднялся, и направился к выходу. Возле двери обернулся и резко обратился к женщинам: — Чего ж вы не унимали волка, когда он шел пожирать младенцев? А? Теперь, если угодно, можете присутствовать при наказании отступника!..

На площади четырехугольником выстроилось войско. Люди, пришедшие из ближних сел, вскарабкались на стены. По велению Мхитара мелика Хндзореска и его сына вывели на середину площади. Товма принес окровавленные одежды невинных жертв, погибших в Пхндзакаре во время нападения Бархудара.

— Взгляните на эти окровавленные одежды! — крикнул на всю площадь Мхитар. — Они принадлежали армянам, праведным людям, которые пали от руки мелика Бархудара. Люди спаслись от ятаганов турецких пашей, но пали от руки соотечественника. Бунтарь, убивший своих единокровных братьев, достоин самого тяжкого наказания.

Народ и войско оцепенели. Явился палач в красном. Показалась на балконе Гоар. Пожалуй, никто, кроме Мхитара, и не обратил на нее внимания. Все притихли. Казалось, Гоар готова была броситься с высокого балкона, если Мхитар убьет ее отца. Повернувшись, Мхитар посмотрел на войско, сказал:

— Но так как мелик Бархудар осознал преступность содеянного и покаялся, обещал остаться верным завету своих единокровных братьев, мы заменяем ему смертную казнь…

Ослабевший от напряжения Бархудар снова зарыдал. Гоар удалилась. Палач подошел к мелику, сорвал с него одежду и, уложив навзничь, посмотрел на Мхитара. Спарапет подал знак.

Двадцать ударов смородинного прута мелик перенес безмолвно, сжав кулаки и прикусив язык. Когда палач поднял его, Бархудар сделал несколько шагов в сторону Мхитара и упал без сознания.

Затем палач уложил связанного Миграна. Этот начал стонать уже после десятка ударов и запросил пощады. От его криков Бархудар пришел в себя.

— Будь мужчиной, Мигран! — крикнул он, и вновь слабость одолела его.

Мхитар ушел. Слуги завернули Бархудара и его сына в войлок из козьей шерсти и принесли домой. Спарапет послал вдогонку своего лекаря лечить им раны. Затем велел приготовить жене и дочери мелика Бархудара дорогие дары.

А назавтра, когда сотник Паки пришел пожелать спарапету доброго утра, Мхитар спросил:

— Как чувствуют себя мой дорогой брат Бархудар и уважаемый сотник Мигран?

— Поправляются, тэр спарапет, — ответил Паки. — Ночью отца мучили боли, а утром он съел целую курицу.

Спарапет рассмеялся:

— Что ж, на здоровье! Приятного аппетита! — И снова взгляд его потемнел. — Пусть не забывает вчерашнее, никогда пусть не забывает! И всем вам пусть будет уроком. Кто не помнит о розгах, тот сам кладет свою голову на плаху…

Мхитар был доволен, что вошел в замок Бархудара без кровопролития. И волю Давид-Бека исполнил, и своего добился: занял замок, наказал мятежника. Одного он не мог взять в толк, как этот упрямец Бархудар согласился открыть перед ним ворота. Раскаялся в содеянном или была другая причина?.. Может, хитрость какая?

Мхитар распорядился держать войско наготове, на случай всяких непредвиденных событий. Шатер свой велел разбить перед домом Бархудара, под тутовыми деревьями. Строго-настрого наказал, чтобы и пальцем не тронули имущества мелика. Когда шатер был готов, Мхитар, не снимая оружия, прилег на войлоке, чтобы немного отвлечься от мыслей своих и нелегких событий дня. В ушах все еще не смолкали вскрикивания Миграна. Перед глазами стояла Гоар. И в гневе, и в горе своем она была одинаково величественна и прекрасна. Как только удается этому хрупкому созданию преодолеть все напасти? Почему она не выходит замуж? Неужели столь велика ее любовь?.. Боже мой, да разве он меньше любит ее?

Целую неделю жил Мхитар среди своего войска в шатре. Ел за скромным

столом воинов, спал на войлоке из козьей шерсти.

Владетели замка пребывали в трауре. Нет для армянина большего позора, чем то, когда гость остается за порогом дома и не принимает хлеба-соли хозяина.

В воскресное утро, после богослужения, уже оправившийся Бархудар попросил Гоар сходить и убедить Мхитара войти в дом. Хотя Гоар и обрадовалась возможности наедине встретиться с любимым, ей это было нелегко. Уж очень оскорбил поступок спарапета. Даже не то, что в присутствии всего войска и народа он велел высечь отца, человека, который всю жизнь провел в седле, человека, с чьих рук не сходят мозоли оттого, что всегда в них меч, разящий врага. Гоар была возмущена попранием достоинства рода, унижением чести их дома. Будь на месте Мхитара кто другой, пусть даже самый могущественный монарх, она после такого никогда не стала бы говорить с ним. Но просьба униженного отца, а главное, безумное желание в кои-то веки вновь увидеть любимого — заставили ее пойти к разгневанному спарапету и попытаться примирить его с отцом. Не хотела она и того, чтобы Мхитар нанес их дому еще более унизительное оскорбление.

Гоар оделась в одежды, которые были на ней при последней встрече с Мхитаром, и вышла из дома.

Весеннее солнце ярко заливало двор. Кое-кто из дзагедзорских воинов чистил коней, другие разводили огонь, готовили пищу. Всегда чистый двор сейчас был загрязнен, загажен. Гоар прошла мимо воинов, чувствуя на себе сотни восхищенных взглядов. Перед шатром Мхитара ее встретил сотник Товма; почтительно поклонившись, он спросил:

— Что угодно уважаемой Гоар?

Гордо, с подчеркнутым недовольством взглянула она на высокого, красивого Товму, которого видела впервые:

— А ты кто такой?

— Дневной страж, — поклонился сотник.

— Тогда веди меня к своему спарапету.

Товма снова поклонился. Гоар заметила, что делает он это явно непривычно, очень как-то неуклюже. Она едва не рассмеялась, но сдержалась и покосилась на своего спутника. Смущенный Товма, положив руку на саблю, почтительно сопровождал гостью. Он в первый раз так близко видел столь знатную девушку. От взгляда Гоар не ускользнуло, что сотник, красив, хорошо сложен и лицо у него светится умом и добротой.

— Чей ты сын? — осведомилась Гоар.

— Мелика Туринджа, — словно чего-то стесняясь, ответил Товма. — Мое имя Товма, я сотник.

— Уже сотник? — усмехнулась Гоар. — Когда же мелик Туринж успел вырастить себе сына-сотника?..

Товма густо покраснел. Он понял ее и был оскорблен. Но ответил с достоинством:

— На то была воля нашего спарапета. Если тебе угодно, я откажусь от чести и вновь стану простым воином.

— Однако, ты обидчив, — раскаиваясь в сказанном, поспешила сменить тон Гоар.

— Вот шатер спарапета — не отвечая на ее слова, сказал Товма и, слегка поклонившись, протянул руку, чтобы откинуть полог шатра.

Но в это мгновение из шатра вышел Мхитар. Увидев стоящих рядом Товму и Гоар, он внутренне вздрогнул и так посмотрел на них, словно видел впервые. Кровь прилила к вискам, в тревоге засверкали глаза. Как они оба красивы! Другой такой пары не сыщешь. Товма — здоровый, мужественный, Гоар — прекрасная, нежная, женственная, но истинно княжески гордая.

— Дочь мелика Бархудара ищет тебя, тэр спарапет, — поклонился Товма и поспешно удалился…

Мхитар отвел в сторону полог шатра и движением руки пригласил Гоар войти. Последовав за нею, он встал посреди шатра и, потупив взор, спросил:

— Чем я заслужил такую милость?

— Я пришла сказать, что ты без меры бесчестишь мой род и меня, —

вздохнула Гоар. Ее тонкие ноздри раздулись, грудь вздымалась от волнения.

— Чем же? — нахмурился Мхитар.

— Тем, что, подобно дервишу, расположился у наших дверей и не входишь в дом, чтобы разделить нашу хлеб-соль, — ответила Гоар оскорбленным тоном.

— Я здесь не гость, а каратель и судья, завоеватель, — не глядя в лицо любимой, ответил Мхитар.

— Завоеватель!.. — повторила Гоар. — Ты вправе хвалиться, так как, прежде чем завоевать замок моего отца, ты завоевал куда более неприступную крепость…

Мхитар вздрогнул. Он посмотрел на нее и заметил в глазах слезы. Все в нем будто перевернулось.

— Моя Гоар!.. — ласково и как бы извиняясь прошептал он и вздохнул. — Из всех крепостей и замков, завоеванных мною, твое сердце, которое…

— Которое я открыла перед тобою, как открыла ворота отцовского замка!.. — прервала его Гоар. — Но я пришла к тебе не затем, чтобы вымаливать твою любовь. Я пришла сказать тебе горькую истину, Мхитар. Ты обесчестил моего отца…

— Не будь он твоим отцом, я повесил бы его.

— Возможно. Но выслушай меня. Я не могу допустить нового бесчестия. И остерегись!.. Не закрывай перед собой навеки двери моего дома. Предупреждаю: твой отказ я сочту сожжением последнего моста между нами…

Лоб Мхитара прорезала глубокая складка, нервно задергалась левая щека. У него было намерение на другой день, не прощаясь с Бархударом и так и не приняв его хлеба-соли, удалиться, подчеркнуто нанеся тем новое оскорбление дерзкому мелику. А теперь Гоар требует иного.

— Помирись с отцом, и навсегда! — сказала девушка.

— Ты требуешь невозможного, — с мольбой посмотрел на нее Мхитар.

— Или примирение, или!.. — Глаза Гоар наполнились гневом, и она уже было направилась вон из шатра.

— Подожди! — поднял руку Мхитар. В голове его возникла жестокая мысль, от которой что-то оборвалось в сердце. Он с тоской посмотрел на Гоар, как смотрят на самого дорогого человека, когда теряют его безвозвратно.

— Хорошо, я примирюсь с твоим отцом… — наконец сказал он.

— Это будет знаком твоего великодушия, — с облегчением вздохнула Гоар.

— Но с условием, чтобы навсегда был положен конец вражде между вами и пхндзакарским меликом…

— Что ж, отчизне от этого только польза.

— Но примирение это, будет дорого стоить тебе, Гоар!..

— Пусть.

— Оно потребует жертвы!..

— Без жертвы не бывает хорошего дела.

Мхитар схватил Гоар за руки и, задыхаясь, произнес:

— Обещай, что ты возьмешь на себя долю этой жертвы!

— Уже долгие годы я считаю себя жертвой, — закрывая глаза, прошептала Гоар.

— Но эта будет еще более тяжкой и страшной, — обещаешь принести ее? — задыхаясь, сказал Мхитар.

Гоар широко открыла глаза и, не понимая его мысли, прошептала:

— Обещаю, делай со мной что хочешь!

— Идем, не то, не то!.. Иди объяви отцу, что в моем сердце не осталось вражды к нему и что я являюсь в его дом сердобольным другом, как родной. Иди! А я приду на хлеб-соль. На жертву!..

Дом мелика Бархудара наполнился шумом.

Хозяин велел зарезать баранов, открыть винные карасы[22]. Приказал сыновьям и женщинам надеть на себя лучшие одежды и быть готовыми

[22] Карасы — большие глиняные кувшины, в которых хранят запасы вина, зерна и др.

принять участие в обеде, даваемом в честь спарапета.

— Не клони голову, — упрекнул Бархудар Миграна. — Надо с миром выпроводить непримиримого, не то он наделает нам новых бед…

Бархудар бегал без конца по дому, иногда ощупывая рукой все еще ноющие раны. Он на чем свет стоит поносил слуг, поваров. Торопил всех, следил, чтобы обед был царский. Убрали и очистили большой столовый зал, на полу разостлали ковры, до блеска начистили подсвечники и канделябры. Когда все было приведено в порядок, Бархудар вместе с женой, дочерью, невестками и домашним священником вошел в зал. Стали у дверей поджидать гостя.

Мигран и Паки отправились за спарапетом. Немного задержались там. Бархудару уже казалось, что Мхитар не придет и нанесет ему новое бесчестие. Но вот послышался звук трубы. Бархудар выскочил в коридор навстречу гостю. В зале воцарилось тяжелое молчание. Исключая Гоар, все женщины вокруг побледнели, не знали, куда деть унизанные бриллиантами руки. Бархудар впервые допускал женщин к участию в званом обеде. И хотя они внутренне противились такой чести, но возражать мелику не посмели. И теперь ожидали со страхом и тайным любопытством.

Первым вошел в зал спарапет. Уверенно шагнул через порог, высоко вскинув непокрытую голову; он был при оружии. За ним вошли Тэр-Аветис, мелик Еган, а также Есаи, Товма и другие сотники.

Взгляды женщин обратились к Мхитару. Только Гоар не посмотрела на него. Стояла, устремив взор в сторону. Дышала глубоко, так, что на груди позвякивали украшения. Все думала: «Какую же великую жертву потребует от меня Мхитар? Разве мало того, что я из любви к нему заточилась в этом мрачном замке и отказываю всем искателям моей руки? Какую еще жертву принести ему?»

У одной из женщин невольно вырвался громкий возглас восторга; к счастью, его слышала только свекровь и ущипнула невестку за руку. Бедняжка поразилась: спарапет показался ей таким красивым и величественным, что вечно запертой в четырех стенах женщине почудилось, будто это вошел

сказочный принц. А когда Мхитар еще приблизился, чтобы пожать у нее руку, она чуть не лишилась чувств. Руки он пожимал только женщинам, а дочери мелика, девушке, на сей раз лишь поклонился.

— Мои братья Паки и Мигран — самые счастливые мужчины, они имеют таких жен, — польстил спарапет женам сыновей Бархудара. — Если бы я ехал в ваш замок с миром — привез бы всем вам индийских бриллиантов.

— Твое пребывание в нашем доме уже само — божеская милость для нас, тэр спарапет, — поспешила заговорить жена мелика. — Мы довольны полководцем армянским: его наставления полезны душе и телу, как наставления доброго, но требовательного отца полезны его чадам.

Женщины сели по одну, мужчины — по другую сторону. Мхитара усадили во главе стола. Он, в свою очередь, пригласил Бархудара сесть справа от себя, а слева усадил сотника Товму, что очень удивило всех. Всегда прежде рядом с ним сидел Тэр-Аветис. Мелик Еган с недоумением взглянул на Тэр-Аветиса, но тот лишь подмигнул ему: мол, тут что-то кроется.

Слуги внесли карас и подошли с ним к спарапсту.

Мхитар погрузил в него ковш и зачерпнул вина. Бархудар взял у гостя ковш и выпил половину содержимого. Начался пир. Ели молча.

Спарапет исподлобья поглядывал на сидевшую перед ним, чуть наискосок, Гоар. Красавица была мрачна и печальна, — казалось, предчувствовала что-то дурное.

Спарапет разговаривал только с сотником Товмой, порою нашептывал ему что-то, чем привлек к сотнику всеобщее внимание. Два раза и Гоар взглядывала на Товму и оба раза невольно вздрагивала. Товма был удивительно похож на спарапета. Словно родные братья — один старше, другой младше. Бархудар видел, с какой любезностью разговаривает с простым сотником второй человек страны, и тяжелые думы одолевали его: «Мстит мне!» Паки тоже внимательно следил за беседой спарапета и Товмы и радовался в душе, что не исполнилась отцовская месть. Ведь это хорошо. Чем строже спарапет будет держать в узде меликов, тем благополучнее пойдут дела в стране. Это было твердым

убеждением Паки. Каждый вечер он мечтал перед сном и видел перед глазами восстановленное армянское царство и удивлялся, почему мелики и князья не провозглашают Давид-Бека царем.

Обед закончился. Женщины, нетерпеливо ожидавшие этого, встали. Нелегко им было сидеть за одним столом со спарапетом и с меликами — такого еще в их доме никогда не бывало. Лишь из страха перед Мхитаром Бархудар позвал женщин к участию в обеде. Он знал, что спарапет гневается, когда армянские князья по привычке, оставшейся от персов, не допускают женщин на свои пиры.

Когда женщины удалились, Мхитар опустил руки на колени и попросил меликов задержаться еще минуту. Оставил он также Миграна и Товму, а всех других отпустил. Бархудар мучился в догадках: чего еще желает Мхитар и почему вместе с меликом он оставил и сына этого лжемелика Туринджа.

Заложив руки за спину, Мхитар нетерпеливо шагал по залу. Все видели, что он погружен в тяжелые думы. Временами Мхитар смотрел в упор на столпившихся у стены молчаливых меликов. Казалось, он был съедаем горем, которым хотел поделиться и боялся. Наконец спарапет тяжело опустился на тахту, перекинул ногу за ногу и уставился испытующим взором на мелика Бархудара.

— По делам твоим тебя следовало бы четвертовать, мелик Бархудар, — раздельно проговорил он. — Кто подымает оружие на своего брата, тот не должен наслаждаться солнечным светом. По-твоему поступали многие наши предки, и тем они погубили нашу страну. Дальше так не будет. Ценя твои заслуги, я простил тебя навеки. Но остерегись отныне моего гнева и не избегай моей воли.

Он умолк снова, помрачнел от роившихся в голове горьких дум и немного мягче, но не менее повелительно продолжал:

— Сегодня между твоим домом и домом мелика Туринджа должно воцариться вечное согласие, тэр Бархудар! Во имя этого согласия мы должны сотника Товму сделать твоим зятем.

У Бархудара так округлились глаза, что казалось, они вот-вот выскочат из орбит.

Зал пошел перед ним кругом. Все окуталось густым мраком, и только из небольшой освещенной точки сверлил устрашающий взгляд спарапета Мхитара. Бархудару хотелось рвать и метать, звать на помощь, но в отдаленном уголке сознания возникла настороженность, и он понял, что сопротивление воле Мхитара сейчас может обернуться гибелью. Замок переполнен войсками спарапета, а сам Бархудар — всего лишь жалкий пленник. И потому он покорно склонился и произнес:

— Не только дочь моя, но и жизнь и честь наша принадлежат тебе. Поступай, как велит твой светлый ум. Но не грех узнать и волю моей дочери. Моей единственной дочери…

Голос у него задрожал, когда он произносил последние слова. Мхитар взглянул на Миграна. И тот понял, что спарапет хочет узнать и его мнение. Он — старший брат и обладает немалыми правами над своей сестрой.

— Слово отца моего дороже моей чести, — сказал Мигран и тоже склонился.

На сотника Товму Мхитар не смотрел. И хорошо делал, потому что сотник был готов пасть к его ногам и целовать их. Бедный юноша, не ожидавший такого счастливого оборота, вначале побледнел, потом покраснел до ушей и остался стоять как вкопанный.

— Разреши, тэр спарапет, я хоть поговорю с дочерью? — попросил Бархудар.

— Лучше позвать ее сюда. Она не ребенок и сама может распорядиться своей судьбою.

Тем самым Мхитар пресек возможность отказа. Надо было поставить Гоар перед свершившимся фактом.

Она переступила порог зала, глянула на подавленного отца, затем посмотрела на спарапета и поняла, что наступил тот самый миг жертвоприношения, которого утром требовал у нее Мхитар. Гоар уже успела

переодеться. На ней был короткий казакин из голубого бархата. Вставка в широком вырезе украшена золототканными лентами, длинные рукава, заканчивающиеся остроконечными углами, также были обшиты тонким золотым кантом. На поясе золотая пряжка. В диадеме сверкал изысканный аграф. Под казакином было надето светло-лиловое платье, складки которого падали на синие, шитые серебром туфельки. В ушах горели напоминающие виноградные гроздья хризолитовые серьги. Прозрачная вуаль спадала по плечам.

Мхитар еле сдержался, чтобы не закричать. Подумать только! От эдакой красавицы он должен отказаться! И отказаться, безумно ее любя…

Сотник Товма лишь раз взглянул на свою предполагаемую невесту, и почудилось ему, что стоит он возле самого солнца и вот-вот будет испепелен им.

— Подойди ко мне, дочь моя, — прерывающимся голосом позвал Бархудар, и несколько крупных слезинок скатилось ему на бороду.

Гоар прошла вперед. Но отец не мог продолжать. Сжалось горло, оттуда вырвался лишь хрип. Гоар поняла, что Мхитар загнал отца в тупик, но она все еще не догадывалась, какая же от нее требуется жертва. Между тем молчание становилось тягостным и долгим.

Огромное душевное потрясение испытывал и спарапет Мхитар. Перед глазами вставали счастливые встречи на берегу реки Трту, родник, возле которого в первый раз трепетала в его объятиях Гоар. Чем он может оправдать свой поступок, что он скажет любимой, которая отдала ему первые сладкие плоды своей юной жизни, а он уже вторично своей же рукой подрубает последние корни этого волшебного дерева, вырывает его из привычной почвы и отдает заботе другого садовника?

Но отступать было поздно. Да и не привык менять решений Мхитар спарапет. Видя, что никто не осмеливается начать разговор, он собрался с силами и сказал:

— По воле господа, по моей воле и по воле твоего отца, Гоар, ты должна

вступить в брак с сотником Товмой!

Сказал не своим, а совсем чужим, жестоким и тяжелым, голосом, похожим на глухой стук первого брошенного в могилу кома.

Гоар бледнела медленно, как бледнеет небо на рассвете. Румянец ее щек растаял, будто упавшая в воду капля вина, и остался один желтоватый налет.

— А почему моя судьба должна решаться в присутствии стольких людей? — это все, что сумела произнести она.

— Да, дочь моя, отныне твой брак — не только твое дело, — вмешался молчавший дотоле Тэр-Аветис. — Он нужен нашей родине.

После слов Тэр-Аветиса заговорил наконец и мелик Бархудар.

— Ты первая просила меня примириться с владетелями Пхндзакара, — сказал он замогильным голосом. — Теперь наступило время этого примирения, и я благословлю твой брак с сотником Товмой, сыном достопочтенного мелика Туринджа.

— Аминь! — прошептали мелики.

— Да поможет тебе пресвятая богоматерь, — громко благословил священник.

— Да воздастся тебе!.. — добавил мелик Еган.

Слезы прорвались из глаз Гоар. Она бросила на Мхитара уничтожающий взгляд и произнесла:

— Если наш тэр спарапет, чьими рабами мы являемся, прикажет мне броситься в огонь, я сделаю и это, не издав ни звука. Пусть свершится его воля!

Сказала и выбежала вон. Тэр-Аветис стал поздравлять растерянного Товму и его тестя — побитого мелика Бархудара.

— Готовьтесь к свадьбе, — глухо сказал Мхитар. — Даю тебе семь дней сроку, тэр Бархудар…

И тоже вышел. За ним последовали Тэр-Аветис и сотник Товма, которому казалось, что он и сам идет, чтобы броситься в огонь. В коридоре Товма догнал спарапета и поцеловал у него руку.

— Я навеки обязан тебе, государь мой, — сказал он.

— Ну, ты-то, я думаю, доволен? — с горечью спросил Мхитар.

Товма от счастья закрыл лицо руками…

Жестокое самопожертвование

Мхитар переселился в отведенные для него покои в доме мелика Бархудара.

Стемнело. На землю тяжело опустилась свинцовая ночь — беспросветная и кошмарная. Мелики и сотники удалились. Мхитар остался один в продолговатой, напоминавшей могилу комнате. Он был подавлен своими горькими мыслями. Кроваво алела свеча.

Замок погрузился в глубокий сон. Порыв весеннего ветра временами ударял в окно, и снова становилось тихо… Безмолвие охватывало уснувший замок.

Мхитар стоял у открытого окна, вглядываясь в густой, как смола, мрак. Никак не мог отрешиться от минувших событий. Нет-нет и хватался за голову, сжимал ее. «Боже мой, что я наделал? Сам погубил свое счастье! Ненависть одолеет ее. Нет больше ни опоры, ни утешения, ни проблеска света в душе!..»

Он понимал, что содеянное им полезно нации. Примирятся враждующие мелики, да и Гоар в чужих объятьях, может, забудет его и отступит. Всего этого требует разум. Так повелела его трезвая мысль, его решимость полководца. А сердце? О… сердце негодовало. Оно протестовало и не покорялось…

Но невозвратное свершилось. И Мхитар рад этому. Мосты к отступлению отныне сожжены. Гоар дала согласие и удалилась. Оскорбленная, разгневанная, но согласилась…

Все это терзало и мучило Мхитара, когда вдруг открылась дверь и перед ним предстала сама Гоар. Он не поверил глазам. Показалось, что видит любимую во сне, что видение это рождено его тревожным возбуждением. Мхитар закрыл глаза, надеясь стряхнуть наваждение.

— Каешься, тэр спарапет? — подвигаясь к нему, чужим голосом горько

спросила Гоар. Так и сказала: «тэр спарапет». А прежде имя его звучало в этих сладостных устах подобно музыке, неповторимой песне…

Мхитар открыл глаза и прошептал:

— Моя Гоар!..

— Отныне я уже не твоя Гоар, — резко повела она рукой. — Сегодня ты навсегда отрекся от меня. Я пришла сказать тебе, что покорилась не твоему повелению. Ради спасения чести отца моего и жизни братьев моих сотворила невозможное. Я ведь знаю тебя. Уж коли ты не пощадил своей любви, не миновать бы гибели отцовскому очагу. А это поколебало бы единство армянской знати. Вот почему я подчинилась. Если бы не это — я бы воспротивилась воле самого господа бога и никогда даже руки не подала бы сотнику Товме.

— Он благороднейший человек! — пробормотал Мхитар.

— На земле для меня существовал только один мужчина, другого не будет! — крикнула Гоар. Слезы душили ее.

— Боже! Как ты жестока ко мне! — простонал Мхитар.

— О, ты еще увидишь мою жестокость, тэр спарапет. И берегись. Оскорбленная женщина страшнее тигра в пустыне.

— Из твоих рук я готов принять саму смерть! Отныне только она может принести мне счастье!

Гоар горестно улыбнулась:

— Не подобает полководцу твоего достоинства говорить такое. Я не прощу, если спарапет войска армянского начнет стонать перед женщиной подобно безусому юноше, который теряет голову и исходит слезами. Знай, что отныне мы чужие, но знай также и то, что я сделаю все доступное мне во имя твоего могущества. И хочу лишь одного — чтобы ни с какого сражения ты не возвращался с опущенной головой. Своими руками буду готова убить твоих врагов. Однако…

Гоар умолкла. Мхитар с трудом удерживался, чтобы не пасть к ее ногам и не просить тысячекратно прощения за содеянное. Ох, как же он любил ее в эту

минуту и во веки веков!..

— Забудь меня, тэр спарапет, — дрожащим голосом взмолилась Гоар. — Забудь!

— А ты?

— Не пытай меня. Отныне я чужая тебе. Прощай!

Она повернулась и пошла к двери.

— Гоар, погоди!.. — Мхитар протянул к ней руки. Но девушка поспешила прикрыть за собой тяжелую дверь.

В отчаянии он схватился за голову…

А на дворе буйствовал весенний ветер.

Утром Мхитар составил послание Давид-Беку. Подробно рассказал, как он вошел в замок Хндзореск и как наказал мелика Бархудара. Написал также о том, что примирил двух враждующих меликов и что скоро состоится венчание сотника Товмы с дочерью мелика Бархудара Гоар. Попросил Бека прислать благословение новобрачным, желая хоть как-нибудь скрасить этот насильственный брак. Затем он отправил гонца в Дзагедзор с наказом, чтобы жена и Вард-хатун немедленно выехали в Хндзореск… В свою очередь, Товма послал к отцу человека с просьбой готовиться к свадьбе…

Весть о предстоящем браке быстро разнеслась по гаварам. Люди удивлялись и радовались. Удивлялись тому, что Гоар, которая отказала многим достойным, выбрала себе в женихи сына Туринджа, сына вчерашнего рамика. И радовались, что устранилась вражда между меликами Хндзореска и Пхндзакара и вновь установились мир и единство в среде армянских правителей.

В эти дни в гавары Сюника и Арцаха из замка Хндзореск рассылали гонцов с приглашениями на свадьбу. А в замок мелика Бархудара уже отовсюду спешили люди, не столько для участия в свадебном пире, сколько из желания видеть красавицу Гоар. На мулах везли свадебные дары, гнали жертвенных баранов с мечеными красными лбами.

Гости прибывали даже из самых отдаленных гаваров. Мелик Багр из Варанды поразил всех своей многочисленной свитой. Все на белых конях.

Везли они с собой и волынщиков. Шесть человек вели опутанного цепями устрашающе грозного бугая. Лоб животного, хребет и хвост тоже были выкрашены красным. На спину ему привязали белоснежного ягненка и петуха с большим красным гребнем. Сами варандинцы, разодетые в красно-зеленую одежду, скоморошничая, танцевали перед бугаем, дразнили его.

В Хндзореск мелик Багр и его люди въехали с большим шумом. У входа в замок спешились и потребовали, чтобы Бархудар и невеста самолично вышли встречать их. Мелик Багр обмял Бархудара, поцеловал в лоб невесту Товмы. Варандинцы ахнули, пораженные красотой Гоар. Каждый осыпал невесту своими дарами. Обвитая шелковыми и шерстяными тканями и французским атласом, Гоар еле шла к дому.

Приехала и тикин Сатеник в сопровождении безмерно разнаряженной Вард-хатун. Последняя восседала на сером коне, необыкновенно гордая знатностью своего рода. Навстречу им вышли жена и невестки мелика Бархудара. Заплаканная жена мелика обняла Сатеник.

— Да будут они счастливы, — тоже прослезившись, прошептала Сатеник.

Гостей пригласили пройти в женскую половину. Вард-хатун, кокетливо раскачиваясь, позвякивала драгоценными украшениями на руках. И смеялась при этом так громко, что обращала на себя внимание даже тех, кто находился поодаль. Сатеник держалась, как обычно, скромно. Она не отпускала от себя Цамам, которая во все глаза смотрела на гостеприимных женщин, стараясь угадать, кто же из них приходится невестой ее брату.

Вскоре прибыли в Хндзореск телохранитель Давид-Бека и писец Армянского Верховного Собрания Магакия. Бек прислал невесте грамоту с благословением и драгоценный индийский жемчуг с голубыми переливами. Когда Магакия торжественно прочитал грамоту с благословением, мелика Бархудара даже прошибла слеза.

А тут из Пхндзакар приехали мелик Туриндж и все его домочадцы-наследники. Удивление и улыбку вызвали пхндзакарцы своим крестьянским разноцветным одеянием. Ущелье гремело от оглушительных

звуков зурны и барабанов. Танцевали женщины с медными подносами на головах. Мужчины пили вино, пускали охотничьих соколов.

По требованию Мхитара мелик Бархудар вышел навстречу отцу жениха и в присутствии народа расцеловался с ним.

— Хи-хи-хи!.. — засмеялся стоявший на башне Есаи. — Волк присмирел! Видели, видели, как он облобызал бедняцкого мелика?

— И ноги расцелует. Пусть еще благодарит спарапета, не то быть бы нынче поминкам в этом замке, — добавил Семеон.

Свадьба началась. Домашний священник Бархудара, уже охмелевший, благословил стол. Усадив на специально отведенное место новобрачных, произнес сиплым голосом:

— Во спасение души надобно мужу посохом своим наставлять жену свою, ибо немощно и греховно тело…

Слова невежественного священника рассмешили народ.

«Почему он именно эти слова вспомнил, дерзкий?» — оскорбился Бархудар. Ему показалось, что гости смеются над ним. Ведь это его всего две недели назад повелел избить Мхитар. Бархудар знаком подозвал Миграна.

— Убери этого нечестивца, вышвырни его из моего гавара!

Три дня продолжался свадебный пир. Пили безмерно. Пример подавал сам Мхитар. Припав грудью к столу, он приказал гусанам петь ранящие душу песни. Иногда Мхитар ударял по столу кулаком. Люди не понимали причины его неистовства. Сатеник объясняла всем, что это он от горя, причиненного пленением Нагаш Акопа. Она-то знала, что с ним делается, и всячески старалась успокоить Мхитара.

В воскресенье Мхитар распорядился выехать в Пхндзакар. Спешно стали грузить приданое. Бархудар приказал своим пастухам выбрать пятьсот самых лучших баранов, пятьдесят коров и тридцать лошадей и тоже гнать в приданое дочери. Когда свадебное шествие собралось во дворе замка, Мхитар потребовал, чтобы мелики одарили жениха. Сам он кинул Товме кошелек серебра. Тэр-Аветис подарил окованный золотом пояс. Все последовали их

примеру. У кого не было с собою денег, обещали Товме овец или лошадей.

Народ, сбежавшийся поглазеть на это необычное событие, был изумлен. Людям не доводилось раньше видеть таких щедрых даров. Но и это было еще не все. Когда свадебное шествие выступило из замка, Мхитар велел мелику Егану отвезти в Пхндзакар те две пушки, которые он привез из Айлаха. Это повергло Бархудара в уныние.

— Он хочет превратить Пхндзакар в крепость, — скрипя зубами, сказал мелик стоящему рядом Паки.

— Ты должен радоваться, отец, ведь теперь это для безопасности твоей дочери, — поспешил успокоить его сын.

Однако от военачальников не укрылась действительная цель, ради которой Мхитар пошел на такую неслыханную и невиданную щедрость. А Мхитар действительно отлично сознавал значение своего поступка. Теперь, когда Туриндж будет обладать двумя пушками, никто не решится подойти к его владениям.

В Пхндзакар прибыли вечером. Мхитар распорядился всем отдыхать, чтобы назавтра продолжить свадьбу. Тайно призвал к себе Есаи и Товму. Велел им не смыкать глаз и держать свои сотни наготове на случай какой-нибудь неожиданности. Сам же он заперся у Туринджа.

Утром свадьба возобновилась. Хотя гости всю ночь спали как убитые, однако хмель не прошел, кое у кого были опухшие лица, под глазами образовались синие мешки. Тэр-Аветиса пошатывало. Он всю ночь пил в конюшне вместе с гусанами, заставляя их петь до хрипоты.

В большой пещере, где шел пир, собрались почти все гости — женщины и мужчины. Вдруг кто-то ворвался и крикнул:

— Давид-Бек прибыл!..

Все высыпали наружу. Только Вард-хатун бросилась в отведенную ей комнату и торопливо стала цеплять на себя новые украшения.

Войско поспешно выстроилось. Хмельные мелики и военачальники бросились обливать головы холодной водой, чтобы хоть немного отрезвиться.

Спарапет вместе с меликом Туринджем, Бархударом, Еганом и с их свитами вышел навстречу Давид-Беку. Зазвучали трубы. Принесли знамена.

Конь Давид-Бека, будто сказочный, парил в воздухе, стлался, не касаясь земли. Он словно гордился тем, что несет на своей спине славу земли Армянской.

Всяк, кто видел Бека впервые, неизменно бывал очарован им.

Смуглое, благородное лицо, блестящие глаза, смелый, прямой взгляд. На высоком челе — отпечаток постоянной заботы, отражавшей нескончаемое борение души.

Был он высок ростом, широкогруд и широкоплеч, но не тучен. Природа ничего не пожалела для этого человека — ни ума, ни красоты, ни мужества, ни физической силы. Приближенные знали, что Верховный властитель во всем руководствуется добром, преисполнен справедливости, дальновиден, сведущ в науках, силен словом и делом, что он — гроза врагов родины. Знали об этом и в народе.

Островерхая шапка Давид-Бека была увенчана красной кистью с позолотой на концах. Такую носил только он один, как Верховный властитель. За ним следовали знаменосцы со знаменем цвета неба с красной каймой по краю. Конь Бека звонко заржал и, взвившись на дыбы, застыл на месте.

— Мир добрый жителям Пхндзакара! — крикнул Бек.

— Пусть здравствует Давид-Бек! — нестройно, хриплыми голосами ответили полухмельные люди.

Смущенный Туриндж преподнес Беку хлеб и вино. Верховный властитель улыбнулся, соскочил с коня и медленно подошел к старику, который стоял с непокрытой головой.

— Да будет вечно щедрым для нас твое солнце, тэр Давид-Бек! — только и смог выговорить растерявшийся Туриндж и добавил: — Отведай этого святого вина и хлеба, коим одарили нас деды вместе с горсточкой земли нашей.

Бек взволнованно взял старика под правую руку.

— Свидетель тому бог, что я с миром и любовью прибыл в твой дом! —

сказал он и последовал за Туринджем.

Навстречу им шла Вард-хатун. Распространяя одуряющий аромат благовоний, она кинулась в объятия Бека, доводившегося ей двоюродным братом.

— Редко услаждаешь ты наш взор, Давид!.. — сказала она, проливая слезу. — Разве не знаешь, как мы тоскуем по тебе? Одного такого мужчины в народе, как ты, достаточно, чтобы всякий армянин восхищался собой.

Давид-Бек снисходительно улыбнулся.

— Цветешь, Вард, — сказал он шутливо. — Для тебя, я вижу, не существует зимы.

— Пусть бог удалит зиму подальше от нашей земли…

Бек высвободился из объятий родственницы и попросил Туринджа показать ему укрепления Пхндзакара.

Только меликам разрешил он сопровождать себя, остальным велел продолжать свадьбу. Туриндж отвел дорогого гостя на край скалистого острова, показал пещеры, которые были в скалах, показал и тайный ход. Бек интересовался всем. Но разговаривал только с Мхитаром и Туринджем. Потом пожелал увидеть жениха. Тот пришел раскрасневшийся, хотя и невозмутимый, даже чуть больше обычного расхрабрившийся. Бек глянул на него, улыбнулся, отыскал взглядом Бархудара…

— Видишь, каков у тебя зять? — сказал он спокойно. — Да будь я его тестем, не пожалел бы в приданое дочери и трех сел.

Бархудар побледнел. Чтобы скрыть волнение, он поклонился ниже должного и, не разгибаясь, сказал:

— Я уже решил подарить сотнику Товме три села.

Бек понимающе подмигнул Мхитару. Спарапет ликовал. Еще бы! Ведь тем самым Верховный властитель одобрял его. Тут Давид-Бек стал шутить с меликами. Бархудар хотя и слушал Бека и сам смеялся вместе с другими, но сердце у него обливалось кровью. Одно то, что Бек приехал в гости к лжемелику Туринджу, Бархудар считал бесчестием для себя. Не говоря уже о

том, что Давид-Бек не удостоил вниманием замок Хндзореска. Понимал Бархудар и то, что Бек хитростью выманил у него три села и отдал их Туринджу. Этим он наказывал Бархудара. Но довольствуется ли Бек тремя селами или еще большее наказание готовит наперед? Бог знает. Как угадать? В душу Бека не заглянешь…

Только после осмотра крепости Давид-Бек пожелал присутствовать на свадьбе. Перед входом в помещение, где шло пиршество, у ног Верховного властителя закололи годовалого телка. И Бек прошел по крови его. Перед помещением, сгрудившись на ковре, Давид-Бека ожидали женщины. Когда он подошел, все, кроме Вард-хатун, склонили головы. Бек поцеловал руку у тикин Сатеник, оглядел присмиревших, завороженных женщин и остановил взор на невесте. Гоар зарделась. Бек подошел к ней и, обняв за плечи, поцеловал в лоб.

— Верю, что ты будешь счастлива в этом новом для тебя жилье, Гоар! — сказал он, улыбаясь. — Надеюсь, что и впредь своим благородством, и преданностью родине станешь служить примером для всех армянских женщин.

Не ожидая ответа, Давид-Бек отошел от женщин и сел на отведенное для него место. Огляделся. Потолок пещеры весь покрылся паром от дымившихся кушаний. Цвет скатертей определить было невозможно — сплошь залиты вином.

Мелики теперь пили и ели мало, лишь воины Есаи сметали все, что перед ними ставили.

— Крепче наедайся, Семеон! — смеялся Цатур. — Когда еще наш господин, спарапет, поведет нас на свадьбу?

— Я уж столько съел, что пояс лопнул, — отшучивался Семеон.

Есаи отрубил шашкой заднюю ногу зажаренного на вертеле барана и поднес Семеону:

— Ешь, за милую душу. Благо, еда даровая! Мелик Бархудар хочет не хочет, а угощает. Добро скупердяя поедать не грех, впрок пойдет, ешь, говорю!..

Девушки, стоявшие вокруг невесты, пели грустные, заунывные песни. Но

голоса были приятные.

…Продавайте, не страдайте —

Горе тем, кто нас теряет…

Мхитару казалось, что слова эти обращены к нему.

Пир кончился, все направились в отведенные им покои.

Бархудар, оставшись наедине с сыновьями, схватился за голову и закричал:

— Оскорбил, обесчестил! На мои приглашения не отзывался! Хлеб-соль разделил с безродным меликом, удостоил чести присутствовать на свадьбе голодранца сотника… Горе мне, горе!..

— Этот голодранец отныне твой зять, отец! — попробовал успокоить его Паки. — Я хочу сказать, что теперь он твой сын, и ты должен радоваться чести, оказанной Беком сотнику Товме.

— Чему радоваться? Отняли у меня, другому дали! — кричал Бархудар. — Погодите, завтра Бек еще и гнев свой явит. Этой ночью Мхитар наклевещет ему, настроит против меня. Бог мой, в какую ты вверг меня беду!..

Утром телохранитель Бека пришел за Бархударом и его сыновьями. И Бархудар окончательно потерял мужество.

— Он зовет, чтобы покарать меня, обезглавить! — горестно вскрикнул он и стал обнимать сыновей. — Позовите Гоар, скажите — пусть падет к ногам Бека, только она может смягчить сердце лютого льва.

Но времени на это уже не было. Сразу же вслед за телохранителем явился писец Магакия и сказал, что Бек удивляется, почему Бархудар запаздывает пожелать ему доброго утра.

Пришлось идти. Дорогой Бархудар спросил у Магакии:

— Что меня ожидает, ради бога, не скрывай, скажи?

— Сам пророк не в силах угадать намерение Давид-Бека, тэр мелик, разве это неведомо тебе? — уклончиво ответил писец.

Мелика и его сыновей отвели в просторное, высеченное в скале помещение. Здесь на простом стуле сидел Бек. Справа и слева от него толпились все, кто был в Пхндзакаре, мелики и сотники. Бархудар и его

сыновья пали к ногам Бека.

— Встаньте! — тихим, внушительным голосом приказал Бек.

Поднявшись, все трое тут же попятились назад. Бек не глядел в сторону Бархудара. Его широкие, чуть тронутые сединой брови свисали над полуприкрытыми глазами, не мигая он смотрел в одну точку. Все затаили дыхание. Молчание было такое глубокое, что слышался отдаленный гул реки, несущей свои воды в глубине ущелья.

Мелик Бархудар еле держался на ногах. Дышал тяжело, прерывисто. Ему казалось, что вот сейчас он свалится и уже больше никогда не сможет подняться. Вдруг он ощутил на себе взгляд Бека, и сердце совсем ослабело.

— Ну? — сказал Бек, заметно подавшись вперед.

— Прости меня, тэр Давид-Бек. Голову свою и жизнь детей моих я положил на службу Армянскому Верховному Собранию. Вспомни мои заслуги перед тобой и перед нашим делом…

— Требую ответа от лица невинных, чью кровь ты пролил! — крикнул Давид-Бек.

— Винюсь и каюсь, сударь мой.

— Удивляюсь, как это спарапет Мхитар позволил тебе после всего содеянного дышать святым воздухом?

Бек долго молчал. Все понимали, что в этот миг его обуревали противоречивые чувства. Наконец он поднялся, встал во весь свой богатырский рост перед Бархудром, который был намного ниже его и заговорил:

— Или ты не знал, что Туринджу меликство дано по моему велению? А может, не знал, что я не прощаю тех, кто забивает клин в наше единство?

— Горе мне, голова моя!.. — застонал Бархудар.

— Тебя возмущает, что я наделяю безземельных рамиков? А кому же еще давать землю? На ком должна держаться страна? Голодные и босые ее удерживать не станут. Выходит, народ должен ходить с сумой, чтобы жирел ты? Ты, кто противится воле Армянского Собрания?

Пятясь все дальше, Бархудар ударился затылком о каменную стену и

медленно сполз на землю.

Бек повернулся, грузно опустился на стул и опустил голову. Все оцепенели. Паки казалось, что теперь уж отца обязательно потащат на плаху. Он одеревенел от ужаса. Зато Мигран, который был лучше осведомлен о характере Давид-Бека, страха уже не ведал. Он знал, что опасность миновала. Уж если Бек решит кого обезглавить, он не теряет времени на слова.

— Э-эй! — раздался вдруг голос Бека. — Подымите своего отца!

Сыновья помогли отцу встать. Бек подал знак, чтобы Бархудар подошел и стал на свое обычное место — третьим за ним, после спарапета и Тэр-Аветиса. Не сразу сообразив, что он, кажется, помилован, Бархудар машинально исполнил приказание.

— В честь святого брачного торжества и из любви к твоим детям я прощаю тебя, мелик Бархудар! — заговорил Бек. — Но пусть это будет тебе зароком, чтобы отныне и вовек не нарушал ты идущего сверху указа, освященного волей господней… Пусть это, станет уроком и всем, кто еще носит в сердце злобу против Армянского Собрания. Лишь противоборствуя врагу, мы можем сохранить страну. И главной силой, противостоящей врагу, является народ. Это должно помнить вечно.

Вскоре все уже вновь сидели за свадебным столом и услаждали себя вином и пением гусанов. Бек задушевно беседовал с меликом Бархударом и его сыновьями. Словно ничего и не произошло.

В полдень мелики собрались у Бека. Все подробно поведали о своих делах. Бек оставался молчаливым и мрачным. И трудно было угадать причину такого его настроения. Каждому мерещилось, что Верховный, может, сердит именно на него, а поэтому в сознании у людей всплывали все их мелкие и крупные прегрешения. От Давид-Бека ведь ничто не укрывается. С башен Алидзорского замка он своим орлиным взором словно бы видит все, что происходит в стране. А порой кажется, что и слышит сказанное в домах за толстыми стенами. Временами, если какой-нибудь военачальник или мелик забывали доложить о чем-нибудь, Бек поднимал брови и спрашивал:

— Ничего не запамятовал?..

Выслушав всех, Давид-Бек обратился к мелику Бархудару:

— На берегу Аракса погиб один из моих любимых сотников, мужественный человек. Он командовал конным полком Алидзора. Вот я и решил поставить на его место твоего сына Паки. Пусть немедля отправляется в Алидзор, с женой и детьми. Любовь отеческую и покровительство мое обещаю.

Паки не скрывал своей радости. Высшим желанием его было состоять в личном войске Давид-Бека. Тем самым он к тому же избавлялся от беспрестанных упреков отца и от унижающих помыканий старшего брата.

Паки радовался, но другие чувства испытывал отец. Сердце его, казалось, оборвалось. «Берет заложниками сына и внучат, — думал он. — Не доверяет мне. По рукам и ногам вяжет! Все это — проделки Мхитара. Господи, взбрело же мне в голову задирать этот проклятый Пхндзакар».

— Оказываешь мне великую честь, тэр Давид-Бек, — с деланной улыбкой сказал он вслух. — Вовек буду возносить тебя.

Давид-Бек уже не слушал его, он отыскал взглядом мелика Туринджа, который стоял позади всех, какой-то жалкий-прежалкий.

— Много ли переселенцев в Пхндзакаре, тэр Туриндж? — спросил Бек.

— А? — не сразу понял Туриндж и робко подвинулся вперед. — О беженцах спрашиваешь? Есть. Прибывают помалу…

— И еще прибудут. Больше всего из Персии. Едут потомки армян, некогда угнанных ненавистным шахом Аббасом. Бросают все и бегут. Есть слухи, что пять тысяч семейств уже добрались до Черных гор и вскоре перейдут Аракс. Нужно расселить их, мелики! Узнайте, где у вас в гаварах есть брошенные села. Повелеваю принять людей радушно, наделить землею, дать хлеба и не брать податей, пока не станут на ноги.

— Готовы исполнить твою волю, тэр Верховный властитель, — согласились мелики.

Бек еще долго говорил об устройстве переселенцев, затем поднялся. Приближалась полночь.

Не успели утром вершины гор зажечься сполохами солнечных лучей, как трубы заиграли зорю. А немного погодя из Пхндзакара во главе войска выехал Давид-Бек.

Все случившееся представлялось Гоар нереальным. Не понимала она, как согласилась стать женой человека, которого и видела-то всего один раз. На людей, подобных ему, она обычно и не смотрела вовсе. Не с ее гордостью оказывать честь самозванцам из голытьбы.

В брачную ночь она не сомкнула глаз. Супругу приблизиться к себе не позволила. Утром, услышав звуки труб отъезжающего войска, Гоар приподнялась в постели и вдруг ужаснулась. Ей показалось, что всем миром овладела какая-то страшная пустота. И все утратило смысл.

Впервые оценивающим оком оглядела лежавшего невдалеке человека, который отныне звался ее мужем. Товма спал с видом невинного младенца, закинув назад голову с рассыпавшимися по ковру густыми кудрями. Утренняя заря играла на его спокойном лице: чистота и ясность души светились в нем.

«Мой супруг! — подумала Гоар и горько усмехнулась: — Бедный, не будет тебе счастья, так же, как и мне. Никогда я не полюблю тебя! Но вечно буду с тобой. Буду!»

Вспомнила страдающий взгляд Мхитара. Она вспыхнула: «Берегись! Терзайся!.. Сам погубил свое счастье!» Гоар победно посмотрела на Товму. Но вечером, когда они снова остались одни, она опять грубо оттолкнула его и приказала не подходить к себе. Осталась безучастной к мольбам и угрозам. Упрямо повторяла только одно: «Не подходи, уйди!»

А потом, как в прошлую ночь, долго смотрела на спящего Товму, и снова его почти юношеский облик — Товма был на пять лет моложе Гоар — вызвал в ней невольную нежность: чем он виноват, этот мужественный красавец?..

В Гоар шевельнулось зло и сострадание. Она встала, отбросила шелковое одеяло и, босая, в одной рубашке, приблизилась к тому, кто наречен ей супругом.

Он дышал ровно, глубоко, забывшись сном измученного человека. У Гоар

затрепетало в груди. Вспомнился тот, кто отверг ее, оскорбил. Захотелось забыть и имя, и образ его… Но это выше сил… В истерзанном сердце вспыхнула месть. Охваченная испепеляющим чувством мести и горя, она кинулась к Товме и стала будить его поцелуями…

Тот с минуту не понимал, что с ним происходит. Потом вдруг ошалело обвил ее своими сильными руками… Гоар закрыла глаза и… провалилась в пропасть…

На дворе стояла тишина. Только где-то мычала беспокойная буйволица.

— Ты спал, дитя! Стыдись, сотник и сын мелика! Давид-Бек уехал, а ты не пожелал ему доброго пути.

— Бек уехал? — не понимая смысла слов, спросил ошарашенный неожиданным счастьем Товма.

— Вставай, отведи меня к своему отцу, — приказала Гоар.

Откуда было знать крестьянскому сыну, что с этой минуты ему навек суждено исполнять приказания своей капризной и гордой жены. Но сейчас он счел ее повеление своим сладостным долгом.

Пхндзакарцы как-то приуныли. Еще недавно у них было столько дорогих гостей, а тут остались только прежние кумовья да дочь вчерашнего врага. Что здесь будет делать гордая дочь гордого мелика? — думали пхндзакарцы.

Туриндж, проводив Бека и спарапета, с радостью возлег на привычном месте. Когда невестка и сын вошли в его обитель, он растерянно встал и поклонился невестке, но, чувствуя, что сделал что-то неподобающее, поспешно сел.

Гоар слегка улыбнулась, подошла к свекру, взяла его руку и с подчеркнутой покорностью поцеловала ее, отчего мелик еще больше растерялся. Но и возгордился тоже, хотя и не знал, что ему следует предпринять в ответ. Невестка сказала, что хочет осмотреть село.

Все трое вышли из пещеры. Когда Гоар проходила по выступу скалы, ей показалось, что она продвигается между небом и землей. Удивительно красивые, волшебные виды открылись перед нею. На противоположном берегу

реки простирался дубовый лес — темный, густой. Он начинался из-под снежных вершин и, спускаясь пологом, сливался с пеной воды. А на этом берегу раскинулись заросли диких яблонь. В обрамлении изумрудной зелени река напоминала брошенный кем-то серебряный пояс. «Смогу ли я быть здесь хоть чуточку счастливой? — спрашивала себя Гоар. — Если бы я могла забыть его и возненавидеть!..»

Она почувствовала, что солнце в этих краях имеет особую привлекательность и тепло, чего она никогда не ощущала в ущелье Хндзореска. Здесь очаровывали даже голые скалы своими крупными и гордыми формами.

Гоар долго осматривала село. Вместе со свекром и мужем входила в пещерные жилища переселившихся из Западной Армении крестьян. Некоторых из них она кое о чем расспрашивала. А так разговаривала только со старым Туринджем. Мужа словно не было рядом. Не обращала она внимания также и на крестьянок, которые старались попасться ей на глаза, удостоиться словечка или хотя бы улыбки.

Неожиданно Гоар изъявила желание взобраться на самую высокую скалу. Туриндж попытался было отговорить ее, но, увидя, что невестка уже карабкается вверх, охая и ворча, последовал за ней. На скале рос только одинокий шиповник. Зато отсюда вся долина была как на ладони.

— Вот тут будут мои покои! — решила Гоар. — Строить начинайте сегодня же. Доступные места, откуда можно проникнуть в наши скалы, следует окружить двойной стеной. Найдите мастеров. Деньги дам я.

Отец и сын переглянулись с наивным крестьянским сомнением. Однако смолчали. Спустились со скалы. Гоар, которая шла впереди, вдруг резко обернулась.

— Слышали? — спросила она повелительно у свекра. — Я буду покорной невесткой. Но не забывайте, что я дочь мелика Бархудара. Мой отец до Давид-Бека не платил подати ни одному шаху и хану. Это вы должны знать. Я могла бы управлять не только замком, но и целым царством. В домашние дела вмешиваться не буду, но в делах внешних будет лучше, если вы станете

слушаться меня. Не думайте, что отец с легкостью смирится с обидой. Он еще пойдет на Пхндзакар. Надо приготовиться и встретить его оскалом крепких зубов. Неприступная крепость! Вот что нам надо!

— Будем иметь ее, дорогая невестка, — согласно кивнул Туриндж, восхищенно глядя на Гоар.

С этого дня начали укреплять замок.

Беспокойный человек

Весна уже врывалась в нагорье, сверкая всеми цветами радуги. В разрывах сухолистного ковра, оставшегося с осени в Кафанском лесу, бурным фонтаном пробивались пучки зеленой травки. А где не было листьев, землю покрывал лиловый бархат фиалок.

Давид-Бек возвращался в Алидзор. Жадно вдыхал он напоенный весенним ароматом сырой лесной воздух и, казалось, никак не надышится им. В просветах леса виднелась зубчатая вершина горы Хуступ. Под переливами солнечных лучей представлялось, что освященная легендами гора эта полыхает, а синева небес над ней — густой дым, поднявшийся из пламени…

Конь Бека осторожно ступал по горным тропам, перескакивал через бурлящие реки и, раздувая ноздри, рвался вперед. За Беком, на почтительном расстоянии, следовал отряд телохранителей. Верховный властитель был в прекрасном расположении духа.

Освобожденная от персов страна уже начинала залечивать раны, веками разъедавшие ее истерзанное тело. В лесах и ущельях мирно курились поселения. Тут и там крестьяне вырубали кустарники, освобождали землю под пшеницу и просо, строили на скалах новые жилища. Девушки смело спускались к бьющим в ущельях родникам, они уже не боялись, что могут быть похищены персами.

При виде всего этого сердце Бека полнилось радостью. Приближенные теперь часто видели улыбку на его загоравшемся юношеским пылом лице.

Почти всю зиму Давид-Бек не был в Алидзоре. В сопровождении своих телохранителей он разъезжал по гаварам, организовывал новые воинские отряды в Вайоцдзоре, на перевале Джраберда, в Агулисе и в других пограничных заставах.

— Мы добыли нашу независимость силой оружия и силой этого же оружия должны защитить ее, — говорил он всюду. — Никто не может предвидеть, когда и откуда персы или турки снова нападут на нашу страну…

По пути домой Давид-Бек решил посетить медеплавильни Кафана. Необходимо увеличить добычу меди. В России за нее дают хорошую цену. Этим можно пополнить полупустую казну, и войска тогда будут обеспечены жалованьем и продовольствием.

Многое задумал совершить Бек. Одно тревожило — не стряслась бы новая беда над его маленькой страной, ставшей надеждой всего армянского народа.

В полдень, спускаясь в ущелье Каварта, встретили двух нищих. Увидев воинов, они отошли к краю дороги и низко поклонились. Давид-Бек придержал коня. Один из нищих — человек уже в годах, с характерной армянской, как бы обрубленной бородкой, с густыми бровями и крючковатым носом. Другой — совсем светлый, синеглазый, но очень мрачный. И хотя он был много моложе, носил длинную рыжеватую бороду. Оба босы, в жалких рубищах.

— Что вы за люди? — поинтересовался Бек.

— А я хотел бы знать, перед кем имею честь ответ держать, — проговорил пожилой.

Бек нахмурился. Писец Магакия сказал странникам, что перед ними Давид-Бек. Те повалились на колени. И без того огромные глаза пожилого еще больше расширились, он вытянулся вперед, чтобы лучше разглядеть всадника.

— Да неужто же я забыл Давид-Бека? — проговорил благоговейно старик. — Ведь столько раз его видел!.. Правда, давно это было, лет двадцать назад, когда меня еще не угнали на чужбину. У тебя в ту пору, Давид-Бек, ни одного седого волоса не было, а теперь…

— Кто ты? — стараясь припомнить его, спросил Бек.

— Шемахинец я, тэр Давид-Бек. Ты приезжал к нам покупать оружие. У тебя тогда был вороной конь с белой мушкой на лбу. Врданес я, горе-оружейник…

— Вороного коня помню, Врданес, а тебя — нет, — сказал Бек.

— Не удивительно, — вздохнул Врданес. — Из меня вытравили все человеческое, и мать не признала бы… Двадцать лет ходил в оковах, как собака на цепи. Пленники мы — я и этот бедный русский. Хлеб, Владимир Хлеб его имя. Тоже на свою беду попал к туркам, они живо сделали из него раба, продали… Бог помог, вместе сбежали. Искали добрых людей, чтобы милость к нам явили. Видать, само небо нас услыхало, привело к тебе!..

— Радуешься? — спросил Бек.

— А как же? Теперь со спокойной совестью сойду в могилу — достиг наконец родной земли, — с жаром ответил оружейник, и глаза его увлажнились.

Бек велел своим воинам дать Врданесу и его товарищу коней.

Дальше дорога была крутая, но наезженная. Внизу виднелись медноцветные скалы Кафана — непривлекательные, голые. Там и находились медные рудники. Давид-Бек поманил рукой Врданеса. Тот подъехал.

— Рассказывай, брат Врданес, небось ведь многое пережил, — попросил Бек.

— Да разве все расскажешь, тэр Давид-Бек? Волосы дыбятся, как вспоминаю, что перенес, — проговорил Врданес и вздохнул. — Двадцать лет как один день — все собачья доля. Молод я был, когда турки разорили нашу Шемаху. Тогда я только обучился ружейному ремеслу. Узнали про мою искусность — не убили. Повезли в Дамаск и продали турецкому оружейнику. Заковали меня в кандалы, втолкнули в мастерскую. Стал я работать. Принудили веру переменить — переменил. Не гневись, тэр! Жить всем хочется. Но чужую веру я к сердцу не принял. В душе поклонялся только кресту. Так и прожил десять лет. А тут привели вот этого, — Врданес протянул руку в сторону Владимира Хлеба. — Было ему тогда разве что пятнадцать — изможденный,

обессиленный. Какими только муками не сгибали беднягу неверные… В плен-то они его взяли на Донской стороне, а уж потом продали моему хозяину. Ну, умрет, подумал я. Хозяин даже пожалел, что уплатил за него несколько сребреников. Стал я заботиться о парне. «Русский он, — думал я, — единоверец мой, не дам погибнуть невинной душе». Выходил его. Выжил он. И хоть тоже веру поменять заставили, а крест я ему забыть не позволил. Еще десять лет прожили мы с ним. Не пожелаю врагу нашей доли…

Врданес вздохнул, посмотрел с тоской в сторону гор, но, заметив, что Бек дожидается продолжения рассказа, снова заговорил:

— Он тоже обучился в Дамаске искусству оправлять мечи. Секрет этого дела знают лишь тамошние оружейники. И пушки лить обучился. И вот мы бежали. С божьей помощью. Уже три месяца скитаемся по горам и ущельям. Благодарение господу, наконец сбылось наше заветное желание…

Врданес умолк. Владимир Хлеб, кое-как объяснявшийся по-армянски, благодарно глядя на него, сказал:

— Жизнью своей я обязан брату Врданесу, это он вызволил меня из плена.

Бек улыбнулся. «Дай бог, чтобы и твой царь вызволил нас из плена», — подумал он про себя и спросил:

— Значит, умеете лить пушки?

— Отольем такую, любой заморской нос утрет, — ответил Врданес.

— Это хорошо!..

Бек умолк и предался размышлениям. Чтобы не мешать ему, оружейники отстали.

Солнце на вершине Хуступа уже погасло. Вечерняя синь все больше сгущалась и скоро окутала окрестные горы. Внизу, среди садов, показались хоромы хозяина рудников и плавилен Кафана Пхиндз-Артина[23].

В темноте доехали до высоких стен владения Пхиндз-Артина. Постучались в тяжелые ворота. К щели прильнуло чье-то лицо. Сказали, что прибыл

---

[23] Пхиндз-Артин — Медник Артин.

Давид-Бек. Человек ударил деревянным молотком по медной доске, кого-то призывая.

И ворота отворились. Въехали во двор. Бек легко спрыгнул с коня и пошел сквозь ряды гранатовых деревьев. Веяло духом вспаханной земли и мятой. Бек остановился у бассейна. Увидел в воде краешек луны. Взглянул на небо. Темно-красный серп стоял прямо над головой, рогами вверх. «Будет засуха», — подумал Бек. И встревожился. Весна пришла ранняя и засушливая. А это плохой признак. Перевалы Западных хребтов Армении уже обесснежели и просохли. Турки только того и дожидаются. Лазутчики, прибывшие неделю назад в Варанду из Турции, привезли тревожные вести. Запропал где-то и посол русского царя. Едет или сгинул в пути?.. Почему молчит католикос Есаи и не шлет своего человека? А тут еще и грузинский царь без конца предупреждает, все пишет: «Готовься, строят турки против нас козни». Зима прошла без войны. Но весна несет тревогу…

На лестнице показалась округлая фигура Пхиндз-Артина, закутанная в персидский халат. Слуга светил дорогу восковой свечой. Сбегая по ступеням, Артин едва не скатился. Он подошел к Беку, низко поклонился, поцеловал край его одежды и смущенно произнес:

— Голова моя и все богатство да будут твоими, тэр наш, Давид-Бек! Добро пожаловать!

— Размести моих людей, парон[24] Артин, — сухо сказал Бек и подал знак писцу Магакии и оружейникам, чтобы следовали за ним. Вместе с ними он прошел в застекленную галерею.

В доме Пхиндз-Артина поднялась суматоха. Прислуга спешно принялась готовить ужин. Послышалось жалобное блеяние. Собаки уже неслись со всех концов на запах свежей крови зарезанных барашков.

Сложив руки на животе, стоял перед Беком Пхиндз-Артин и, как ни старался казаться спокойным и невозмутимым, глядел на гостя с тревогой.

---

[24] Парон — господин.

Верховный властитель впервые посетил его дом. Артин силился угадать причину, которая привела Бека. «О чем сейчас думает этот человек с суровым лицом и жестким взглядом? По пути ли он заехал или специально?» — не без страха размышлял Артин.

Между тем Бек был занят своими мыслями и не замечал смиренно стоявшего перед ним Артина. Временами взглядывал на сидевших возле двери на низенькой скамейке Врданеса и Хлеба. Их он решил оставить у себя. Лить собственные пушки — это была давняя мечта Бека. Пусть поработают здесь хоть с полгода. Ведь если бы он даже того и пожелал, все равно в Шемаху их не пошлешь. До Гандзака[25] они еще, может, как-нибудь доберутся. А Шемаха — в руках персов и шамхалов. Схватят и убьют обоих, едва дознаются, что один армянин, а другой русский, — забьют камнями.

— Из каких мест? — обращаясь к русскому, спросил Давид-Бек.

— С устья Дона.

— Дней двадцать пути, если ехать верхом, без опаски, — поспешил вставить Пхиндз-Артин.

— Коль пожелаешь, тэр Давид-Бек, и скорее доберусь, — заверил русский.

— Чего-мне-то желать? Ты сам себе голова. Можешь ехать хоть сейчас, но… дороги нет, — сказал Бек, а про себя подумал, что вот уже четыре месяца, как царский посланник не может добраться из Баку до земли Армянской. — Нет пути, дорогой. Схватят тебя наши общие враги и… Не дай бог попасть им в руки. Шемаха стала разбойным логовом. Персы перебили там всех до единого русских купцов. Придется вам подождать…

— Это верно, — подтвердил Пхиндз-Артин, — в Шемахе хозяйничают шамхальские разбойники. Никто сейчас не может выехать оттуда в сторону Баку или Астрахани.

— Слышали, братья оружейники? — спросил Бек. — Уж поверьте этому ходже, он все знает доподлинно. Я не хотел бы, чтобы у вас даже волосок упал

---

[25] Ныне Кировабад.

с головы. Подождите, пока господь смилуется… а я назначу вам жалованье…

— Пусть будет по-твоему, господин наш, — согласились оружейники.

Бек поднялся и, направившись к двери, сказал Артину, что хотел бы умыться. В коридоре уже в готовности стояли двое молодых слуг. Один держал серебряный таз, у другого в руках был серебряный кувшин и душистое венецианское мыло, а на плече — полотенце с бахромой. Бек наклонился над тазом и с удовольствием умылся.

— Велика ли у тебя прислуга, парон Артин? — спросил он после ухода слуг.

— Пятнадцать человек, — ответил владелец медных рудников. — Семья большая, забот много…

— Не меньше, наверно, и распорядителей?

— Есть, не обидел господь, тэр Давид-Бек.

— Хорошо, — сказал Бек и умолк.

По просьбе Пхиндз-Артина Давид-Бек пошел знакомиться с его семьей. Так уж было издревле принято у армян, что первым долгом всякий хозяин дома представлял почетному гостю свою семью, от мала до велика. Давид-Бек и Артин миновали освещенный коридор и вошли в обширный зал. Света здесь было еще больше. В лицо пахнуло тяжелым ароматом благовоний. На окнах висели плотные гардины. Мебель изысканная — смесь восточной и европейской. На разостланных на полу армянских коврах были расставлены венецианские кресла, византийские подсвечники и арабские столики для безделушек. В углу в позолоченной раме сверкало большое зеркало, рядом высился украшенный резьбою дубовый комод. На нем мирно тикали большие круглые часы с литыми из золота фигурками двух сражающихся борцов. Вдоль стен расставлены бесчисленные диваны и кресла, обитые индийским шелком и золотой кирманской парчой. И всюду — серебряные канделябры. Это кичливое богатство и аромат благовоний навевали дремоту. Охватив зал одним взглядом, Давид-Бек посмотрел на столпившихся у стены членов семьи Артина и, подойдя поближе, любезно приветствовал их. Все смиренно поклонились и

остались стоять, по-восточному скрестив руки на груди.

— Да будет благословен твой приезд, — дребезжащим голосом выговорила старая женщина в княжеском одеянии.

— Моя мать, — поспешил представить Артин.

Бек пожал морщинистую руку. Благословения старухи умножились. Ее стесняла тяжесть златотканого кафтана с круглыми пуговицами из золота и яхонта, давили драгоценные украшения головного убора. От напряжения, бедная, взмокла. Бек пожал руку и у жены Артина. И на этой чернобровой молодой женщине с испуганным взглядом и белоснежным лицом было не меньше украшений. Сама же она блистала такой красотой, что Бек даже слегка смутился. Возле нее стояли двое отроков, старшему из которых едва исполнилось пятнадцать. Две маленькие девочки смотрели на Бека со страхом и в то же время с любопытством. Тут же топтались многочисленные родичи Артина — все крупные, откормленные. Все были полны внешнего спокойствия, торжественности, и только восьмилетний сынишка Артина широко, по-детски улыбался гостю.

— Вот вся моя семья, тэр Давид-Бек, — поклонившись, сказал Пхиндз-Артин. — И все мы готовы преданно служить тебе.

— Армянскому обету, — поправил Бек и, положив руку на голову улыбавшегося мальчика, спросил: — Не правда ли, глупыш?

Улыбка слетела с лица мальчика, и он пристально посмотрел на отца.

— Ребенок не понял тебя, тэр Давид-Бек, спроси по-персидски, у нас в доме не говорят по-армянски, — сказала жена Артина и побледнела, перехватив угрожающий взгляд мужа.

Брови Давид-Бека метнулись. Он резко повернулся и направился к двери. Артин побежал за ним.

Бек вошел в комнату, где его ожидали писец Магакия и оружейники. Те мирно беседовали, но при его появлении тотчас вскочили с мест. Редко видел Магакия Верховного властителя таким разгневанным. Бек дал знак, чтобы оружейники вышли; они тут же удалились. Глянув на смертельно испуганного

Пхиндз-Артина, Магакия понял, что случилось нечто страшное.

— Ну! — задыхаясь, загремел Бек. Его трясло.

— Прости, — застонал Артин и тяжело опустился на колени. — Пощади слугу твоего, ошибся. Я не отступник.

— А дети твои? — закричал Бек. — Ты сделал их персами? Убил язык армянский?

— Каюсь, каюсь! — оправдывался Артин. — Они должны стать купцами, господин мой, не то…

— Молчи! Отступник! Языком держится нация, только языком!.. Землю у нас отняли, но мы остаемся армянами благодаря языку. А ты что делаешь? Убиваешь язык наш, предаешь свой народ?..

Бек все не мог успокоиться. Артин только молил о прощении.

— Мы льем кровь, чтобы сохранить незапятнанным дух армянский, а ты изводишь наш заветный язык, плоть свою поганишь? — вновь крикнул Бек в безудержном гневе. — Именно этого и желали нам вороги наши Шапух, шах Аббас…

Стоявший неподвижно Магакия уже чуял запах крови — того и гляди, Бек ударит Артина. Но нет. Этого не случилось. Он опустился на диван. Помрачнел, подобно небу, рождающему громы. Его удерживали не традиции гостеприимства. Имелись другие причины. Ведь Бек прибыл сюда, к этому заплывшему жиром Артину, который один понимал толк в добыче меди и вносил в казну немалые налоги, с тем чтобы наладить литье пушек и изготовление ружей. И добычу меди следовало увеличить…

— Подыми голову, — наконец заговорил Бек чуть мягче. — Хочу знать, кто учит твоих детей, — какой-нибудь армянин, предавший нацию?

— Нет, учитель у меня перс, — несмело ответил Артин.

— Вот как? — ядовито засмеялся Бек. — Я изгнал персов, а ты держишь у себя врага нашего? О скольких ты головах? Немедля гони его из земли моей! Иначе повешу тебя, клянусь могилой матери, повешу… Сегодня вы позабудете язык свой, завтра — веру, а потом и родину и то, что вы армяне. Станете

чужестранцами и сгинете с лица земли. Веками происходило такое, но больше так быть не должно… О нет!

Прошло много времени, прежде чем Бек несколько успокоился. Он направил одного из своих ратников в Татев с просьбой, чтобы епископ Оваким прислал приличного учителя для воспитания детей Пхиндз-Артина.

Еще не рассвело, как Давид-Бек вызвал оружейников. Они явились отдохнувшие, в новых одеждах, приободрившиеся. Сердце Бека наполнилось радостью, хотя лицо по-прежнему оставалось хмурым. Пригласил оружейников сесть напротив, на тахту. С минуту о чем-то думал. Затем наклонился к ним поближе, будто собирался поведать великую тайну:

— Вы должны лить для меня пушки. Услугу вашу буду вечно помнить. Что скажете на это?

— Лить пушки, тэр Давид-Бек, это наше ремесло, — ответил Врданес. — Дай нам только место и помощников.

— Такие пушки, которые можно было бы возить на верблюдах и мулах.

— Сможем.

— Потом будете лить и большие, чтобы перевозить на арбах. Не всегда нам жить зажатыми в горах. За перевалом Вайоцдзора лежит Араратская долина…

— Да исполнит господь твои желания! — У Врданеса засверкали глаза.

Позвали Пхиндз-Артина. Тот вошел, боязливо втянув плечи. Смиренно поклонился. Бек не ответил на приветствие, недовольно спросил:

— Прогнал перса?

— Да, да, тэр Верховный властитель, я выпроводил его, — поспешил с ответом Артин.

— Хорошо сделал. — Бек встал. — Хочу осмотреть твой дом, твои кладовые с медью. Веди.

Во дворе навстречу им двинулись, злобно рыча, сытые, большеголовые собаки. Где-то вскрикнул фазан. Бек взглянул на небо. На востоке светился молочно-белый горизонт. Словно кто повязал верхушки гор белой лентой.

Показав многочисленные комнаты, мараны[26] и кладовые, Артин ввел Бека в большое полуподвальное помещение с широкой дверью и высокими окнами. Здесь всюду высились сложенные один на другой толстые, длинные листы литой и формовой меди. Было их очень много. Глаза у Бека засверкали. Он трогал куски меди, ощупывал рукой мешки с купоросом и серой. Наконец остановился посреди помещения и спросил оружейников:

— Ну как, удобное тут место?

— Подходящее, — кивнул Врданес.

На улице уже вовсю щебетали птицы. Светлая полоса на востоке разошлась, подобно молоку в воде. Небо становилось бледно-голубым. Бек присел на один из камней у стены.

— Эти достойные уважения люди останутся здесь и будут работать в твоем доме, — заговорил Бек, не глядя на хозяина, протянув к нему руку.

— Место им — в очах моих, — с готовностью откликнулся Артин, все еще не постигая намерений Бека.

— Варпет [27] Врданес и его товарищ начнут здесь лить пушки, — продолжал Бек.

— Что? — вытаращился Артин.

— Пушки.

— Господи боже, вроде бы мы не в Амстердаме и не в Генуе.

— А там что, боги живут? — жестко спросил Бек и внушительно продолжал: — Эта хоромина в твоем дворце, Пхиндз-Артин, с сегодняшнего дня принадлежит достойному уважения варпету Врданесу и его помощнику Владимиру Хлебу. Люди они нетребовательные. Кормить их будешь всего три раза в день. Утром — жареная курица и масло, в полдень — шашлык из барашка, плов и кувшин вина, вечером обойдутся черным кофе и свежим мацуном. Думаю, Пхиндз-Артин не так уж беден и оделит своей кухней не

---

[26] Мараны — помещения для хранения вин.

[27] Варпет — мастер.

только варпета Врданеса и Владимира, но и тех тридцать подмастерьев, которые станут им помогать.

— Я и вправду не беден, тэр Давид-Бек, но мои караваны должны возить медь в чужие земли.

— В какие? — резко спросил Бек.

— В Тавриз и Константинополь.

— Тавризский шах Тахмаз ячмень для своих коней и воинов купить не в состоянии — ворует в соседних деревнях. Как ты не поймешь, Артин, что шахская казна пуста, подобно марану последнего лентяя? Так знай же: посмевший вывезти из земли Армянской в Константинополь хотя бы единую колючку будет сожжен на костре.

— С кем же мне торговать, тэр Давид-Бек? — недоуменно спросил Пхиндз-Артин.

— Путь наш теперь — в Шемаху. Он пока закрыт, но скоро откроется. Там будут армянские и русские купцы. Твою медь надобно переплавить на пушки, а все лишнее можешь продать в Россию. Только туда!

Пхиндз-Артином вдруг овладела такая тоска, словно скончался родной человек. Ограбить его хочет Давид-Бек или все же уплатит за медь? А расходы на тридцать два человека? Кормить такую ораву, да еще курами, шашлыком, вином и маслом! Избави боже! «Разорит меня… Пустит с сумой по свету», — горько размышлял Артин. Однако молчал из страха. Давид-Бек распорядился, чтобы Артин передал Врданесу для работы в мастерской тридцать человек из своей прислуги. Хозяин дома готов был рвать на себе волосы. Неведомо, что бы случилось, если бы в середине дня, покончив с обедом, Давид-Бек не сказал ему:

— Товар твой я буду покупать по цене, которую ты мог получить в чужих городах. За мастерскую и за еду людей моих тоже заплачу. Внакладе не останешься…

Настроение Артина сразу поднялось. Вначале ему показалось, что он ослышался, но, когда Бек обстоятельно объяснил, по какой цене он станет брать

у него медь и что будет платить за своих людей, Артин совершенно успокоился и, поклонившись Беку, произнес:

— Ты справедлив, как Христос, тэр Давид-Бек. Всегда могуществен государь, который поощряет промышленных людей и способствует процветанию торговли. Опирайся на купцов, они были поддержкой всем тронам. Так было и так будет вовеки…

Пхнндз-Артин надивиться не мог энергичности Давид-Бека. Откуда он выписал этих оружейников, как додумался до литья пушек? Радовало и то, что Бек не только не обездолил его, но еще и дал возможность увеличить добычу меди. Теперь можно было открывать новые рудники, создавать новые плавильни. «Хитер Верховный властитель армян, — подумал Пхиндз-Артин и перекрестился. — Ум как у кесаря, долгие ему лета. А этот учитель-персиянин… Ох, сколь же я опозорен. Не послушался жены, призвал инородца, и вышло на смех всем…»

Вместе с Пхиндз-Артином Врданес и Владимир Хлеб целиком отдались устройству оружейной мастерской.

Мастер Врданес оказался человеком крутого нрава, но дело свое он знал. С первого же дня сказал Беку:

— Ты не должен мешать мне, тэр Давид-Бек. В моем деле я сторонних советчиков не терплю.

— Мешать я тебе не стану, а помощь понадобится — проси, всегда окажу.

— На первый случай прикажи-ка Пхиндз-Артину, пускай скидает свой кафтан и работает со мной, как равный.

Бек улыбнулся и согласно кивнул головой.

Тут же снарядили человека в Каварт за котлами. Поблизости от Татева, где с незапамятных времен целое село занималось гончарным делом, нашли огнеупорную глину. Через неделю все необходимое для литья пушек было уже готово. Артин работал наравне со всеми, молча исполнял приказания Врданеса и так же молча сносил его упреки. Врданес временами даже покрикивал на него, если он делал что-то не так. Слуги Артина, тоже ставшие на время

чернорабочими, роптали и удивлялись про себя, как их хозяин терпит окрики простого оружейника. Но сказать об этом вслух не осмеливались.

Начали лить первую пушку. Густой дым из горна обволакивал хоромы Пхиндз-Артина, заползал в окна. Пахло противно серой. Лицо Артина почернело от копоти, борода порыжела. Огрубевшие руки, одежда — все покрылось гарью.

Иногда Бек наезжал посмотреть, как идут дела. Когда наступало время обеда, он садился между оружейником Врданесом и его товарищем Хлебом и ел с ними из одной посудины, пил из одной чаши, часто подшучивал над Владимиром:

— Что скажешь, брат Владимир, если мы тебя женим? У Пхиндз-Артина служанки ладные, укажи на любую и, господь свидетель, она твоя!..

— О, этот пузатый Артин собрал таких служанок, что, завидя их, даже старые жеребцы начинают ржать, — вставлял Врданес. И все от души смеялись.

Обычно воду для питья им носила одна и та же служанка. С серебряным кувшином она, словно пугливая серна, входила в заполненную дымом и копотью мастерскую и безмолвно приближалась сначала к Врданесу, но тот всегда подмигивал весело Владимиру и подталкивал служанку к нему:

— Сперва ему, жениху. — И улыбался, видя смущение молодого мастера.

Из Алидзора в Каварт ежедневно прибывали гонцы. Мхитар спарапет держал Бека в курсе всех событий, происходивших в стране. Часто бывало так, что телохранитель Бека появлялся в лагере и незаметно вызывал его. И Бек где-нибудь в укромном месте выслушивал возвратившихся из дальних странствий лазутчиков. Одеты они бывали под бродячих гусанов и в нищенские лохмотья, а то рядились цыганами или отшельниками. Но, как ни тщательно изменяли люди свое обличье, Бек тотчас узнавал каждого. Выслушав пришельцев, он щедро вознаграждал их и отсылал с новыми поручениями.

Полученные вести Давид-Бек хранил в глубокой тайне. Знал о них только Мхитар спарапет.

Первую пушку отлили через шесть недель. Бек приехал испытать именинницу. Пушку вытащили во двор. Врданес навел ее на дальнюю скалу и вложил в ствол круглое черного цвета ядро.

Давид-Бек ждал, затаив дыхание. Глаза его расширились и горели нетерпением, нос заострился, сжатая в кулак рука дрожала от волнения. «Неужто подведет?» — думал он с тревогой. Врданес зажег фитиль, поднес его к запалу и сам быстро отошел в сторону.

И вдруг бахнуло, да так, что Беку показалось, будто его оглушило. Ядро полетело со свистом… Мгновение спустя загрохотала скала. Груды камней покатились в ущелье, поднялся столб пыли. От волнения Давид-Бек не находил слов, он обнял Врданеса и Владимира, прижал их к себе и облобызал в опаленные усы. Телохранители никогда не видели своего господина таким взволнованным и радостным.

— Вы достойны, чтобы вас причислили к лику святых! — крикнул наконец Бек, сильно обнимая обоих за плечи.

И тут же подозвал дьяка Магакию и сказал, что возводит Врданеса и Владимира Хлеба в сотники, и повелел написать грамоту о назначении им обоим пожизненного жалованья.

Пушку установили в саду у Артина. Украсили ее шелковыми лентами, цветами, зелеными ветками. Магакия начертал на ней крест. Бек приказал начать пир вокруг пушки и послал за Пхиндз-Артином.

Тот явился прямо из рудников. Завидя пиршество, изумился, испугался. Но и сам выпил чару вина, желая тем угодить Беку. Неожиданно к Беку подошел, пошатываясь, Владимир Хлеб. Припав к нему на грудь, он коснулся влажными от вина губами его усов.

— Тэр Давид-Бек, влезла мне в душу, поганка, сна лишился, прошу тебя, обвенчай нас…

— Лишился, говоришь! — радостно вскочил с места Бек. — Это мы мигом! Шафером я буду!.. Такими дарами оделю, до седьмого колена хватит!

Он взял Пхиндз-Артина за плечи:

— Готовь свадьбу, медная твоя голова, да поскорее! И не скупись, смотри у меня. Из твоего дома невесту берем. А приданое должно быть царским, не то висеть тебе на веревке! Ха, ха…

…Свадьба длилась всю ночь и весь следующий день до вечера. Бек самолично осмотрел приданое, что выдал Пхиндз-Артин, и от себя подарил невесте десять золотых. Бедняжка дрожала, и трудно было понять, то ли она радовалась, то ли страх ее обуял.

— Теперь твое дело рожать сыновей для войска армянского, слышишь, дорогая моя невестушка. И тебя, Владимир, брат мой, благословляю!..

Настал день, когда Давид-Бек отправился в Алидзор. Первую пушку, отлитую в Сюнике, везли на верблюде. Едва отъехали на расстояние полета стрелы от хоромов Пхиндз-Артина, как Бека догнал гонец и, чуть поотстав с ним, сообщил, не сходя с лошади, что посланник царя Петра переодетым прибыл в Гандзасар и сейчас является гостем католикоса Есаи.

— И давно прибыл? — спросил Бек.

— Уже неделя, как он в Гандзасаре.

— Один?

— Нет, два служилых воина сопровождают его. Таким испытаниям подвергался он в пути! Недруги наши строили против него всякие козни, но с божьей помощью все обошлось благополучно.

Бек не задавал больше вопросов. Гонец удивлялся: неужто привезенная им весть не обрадовала? У католикоса прибытие царского посланника вызвало большую радость и воодушевление.

Гонец ошибался. Бек только внешне оставался холодным и бесстрастным. Временами он закрывал глаза, и тогда гонцу казалось, что Верховный властитель уснул и забыл о нем. Но Бек скоро приоткрыл глаза и обратился к гонцу:

— Если не ошибаюсь, ты староста Чалаби из Джраберда?

— Узнал, тэр Давид-Бек? Благодарю.

— Мне помнится, ты дважды добирался из Армении в Петербург.

— Истинно добирался!

— А привез ли посланник государеву грамоту?

— Привез. Я своими глазами видел ее у католикоса. Святейший ждет твоего решения и просит поспешить, чтобы с подобающей честью принять посла и объявить народу царскую грамоту.

Гонец ожидал нового вопроса, но Бек, наказав молчать о прибытии посланника, опять замкнулся в себе. Хотя в сердце с каждой минутой нарастала радость, принесенная сообщением о приезде царского посла.

Армянам не ново желание иметь над собой покровительство окрепшей и могущественной России. Много стараний в это полезное для нации дело вложили Исраел Ори и владетели Сюника и Арцаха. Люди Восточной Армении понимали, что наступает время освобождения от чужеземного ига, время спокойной жизни в их родной стране и что покой этот исходит от России. Теперь надежда претворяется уже в действительность. Русские войска продвинулись по западному берегу Каспийского моря к Персии. Они приблизились уже к Армении, добравшись до Решта, Ардебиля, Баку, Ленкорани. Деспотическое государство Персии распадалось под натиском афганцев, и со дня на день крепла новорожденная армянская власть.

В свое время, когда Давид-Бек только еще начал освободительную борьбу, силы его были невелики и ограничивались одним-двумя гаварами. Ныне созданная им страна охватывает обширные земли от Куры до Аракса, до Мегри и Агулиса, до ущелья Вайоц и берегов озера Севан. В этой довольно обширной горной стране Бек установил сильную военную власть. Сюда вошли не только многочисленные гавары и города Большого Сюника, под началом Давид-Бека теперь находились меликства Гюлистана, Джраберда, Хачена, Варанды и Дизака, которые долгие годы были под игом персидских шахов.

Восточная Армения представляла теперь собой единое целое, со своими традиционными и новыми законами, со своеобразным военным устройством. На границах и в центре страны возведены многочисленные замки и крепости —

сигнахи, гарнизоны которых управляются опытными военачальниками. В стране изготовляют оружие и боеприпасы, создано постоянное войско.

Власть принадлежит Верховному Армянскому Собранию, имеющему свой Совет старейшин и своего Верховного властителя — Давид-Бека. Сообразуясь с географическими условиями, Давид-Бек разделил свое войско на две части — командовать одной половиной назначил Мхитара, другую же часть войска подчинил джрабердскому воеводе — князю Ованес-Авану.

Изгнав персов, Давид-Бек начал еще больше укреплять свою страну и еще увеличил постоянное войско. Оно было ему очень нужно. С помощью русского войска Бек намеревался освободить от персидских ханов Нахичеван и Ереван, собирался присоединить Ширак и Лори, а также защитить страну от страшной опасности со стороны османов. Ждал и верил в успех задуманного. Оставалось лишь ускорить приход русского войска в Армению. Теперь, когда посол царя Петра уже прибыл в страну, осуществление этих планов казалось Давид-Беку очень близким.

Очнувшись от своих мыслей, он посмотрел на ехавшего рядом Чалаби.

Тот дремал, обхватив луку седла и склонив на нее голову. Бек про себя улыбнулся и подал телохранителям знак, чтобы следили за гонцом и не дали ему свалиться с коня.

На зубце покрытой лесом горы показалась крепость Алидзора. Оставался час езды. Встречать Бека выехали Мхитар спарапет, князь Баяндур, мелик Бали и еще несколько высокопоставленных людей. На их сердечные приветствия Давид-Бек отвечал довольно вяло, а въехав в крепость, старался избежать торжественной шумихи. Но люди все же окружили привезенную пушку. И Бек невольно обрадовался воодушевлению народа и войска.

Оставив пушку на крепостной площади, Бек позвал с собой старосту Чалаби и отправился в свои покои. Приказал никого к себе не пускать. Два дня держал гонца при себе, ел с ним за одним столом, но о приезде в Армению царского посла больше не заговаривал. Только на третий день вечером позвал Мхитара, который застал Давид-Бека сидящим на тахте, мрачным и

озабоченным. Перед ним на серебряном подносе стояли две китайские чашки и медный кофейник. Бек поднял голову, посмотрел на Мхитара и вдруг с нежностью обнял его. Спарапет очень удивился этой необычной сердечности и сам разволновался, ощутив душевную теплоту своего покровителя и духовного отца.

— Как поживают тикин Сатеник и дети? — усаживаясь и указывая Мхитару на стул против себя, спросил Давид Бек.

— С божьей помощью живы и здоровы, шлют тебе привет, — садясь на край стула, ответил Мхитар.

— Э-эх, — вздохнул Бек. — Не выберешь минуты затылок почесать, а то навестил бы их. Давно не видел, соскучился…

В его словах слышалась горечь тоски несемейного, одинокого человека. Но он тотчас овладел собой и пригласил Мхитара выпить кофе. И сразу же перешел к делу.

— Вели составить большой торговый караван, надо через Шемаху и Баку отправиться в Астрахань, — медленно, будто с трудом, проговорил он.

— Дорога туда, мой государь, закрыта.

— Открылась уже. Посол русского царя Петра прибыл в Гандзасар.

— Наконец-то! — воскликнул Мхитар и отодвинул в сторону пустую кофейную чашку.

Однако и удивился, когда узнал, что весть, которую они с таким нетерпением ожидали всю зиму, Бек таил два дня и сообщил ее без всякого воодушевления, казалось, даже с безразличием. Мхитар заметил на лице Бека глубокую озабоченность. Особую, пока неведомую ему. Она шла от какой-то новой заботы, охватившей его сильнее, чем в дни, когда только начиналась неравная борьба с персами.

Бек пил кофе неторопливо и без удовольствия. Хотя Мхитара и подмывало спросить, что же он намерен предпринять по случаю прибытия русского посла, но промолчал, видя, что Бек не склонен заговаривать об этом. Мхитар знал его хорошо. И потому был уверен, что Давид-Бек все равно ничего не скроет и с

минуты на минуту сам начнет рассказывать.

Судьба на чаше весов

Давид-Бек решил созвать Совет старейшин Верховного Армянского Собрания в Татевском монастыре. Там его можно было провести в строжайшей тайне от врагов.

Приближались пасхальные дни, поэтому приезд старейшин в Татев мог расцениваться как обычное паломничество, совершаемое ежегодно. Потому Бек и приказал пригласить старейшин вместе с семьями, и чтобы ехали они большими и малыми группами.

Приезд русского посла Бек пожелал держать в тайне не только от врагов, но и от собственного народа и войска. Обнародовать принятие российского покровительства он решил лишь по прибытии русского войска в Армению.

Вскоре в Татев стали съезжаться князья, мелики, военачальники. Они везли с собой семьи, жертвенных баранов и бычков, драгоценные дары для монастыря. Тысячи паломников собрались в Татеве. От нехватки места воины разводили костры у хачкаров, привязывали коней к священным деревьям. Парни подтрунивали над молодыми монахами, поддевали их соленым словцом, так что несчастные затыкали уши и старались поскорее укрыться в своих тесных кельях.

Был поздний вечер. Усыпанная звездами ночь опустилась на вершины гор, повеяло опьяняющим весенним ветром. Благоухали кизил и калина. В глубине ущелья рокотал Воротан. Ручьи, стекавшие с горы Газбойл, вливались в реку, и неслась она дальше, своенравная и страшная…

Постепенно утихли паломники. Народ и войско разместились в селении Татев, в маслобойнях монастыря, в гончарных мастерских, во дворах — где попало.

Старейшины собрались в зал Танат, к епископу Евстатевской обители Овакиму. Лениво поблескивали кровавыми языками две позолоченные

лампады. Время от времени, спасаясь от тяжелого ладанного духа, к окнам подлетал обеспокоенный голубь и бился крыльями о стекла.

Епископ Ованим — тщедушный старец, костлявый и узколицый — утопал в старинном кресле. Отечные руки, словно две надувшиеся лягушки, лежали на подлокотниках кресла; меж пальцев застыли желтые бусинки четок.

Давид-Бек сидел против Ованима. По обе стороны расположились Мхитар и князь Ованес-Аван — высокий, смуглый человек с заостренным носом и закрученными усами. Тут же находились Тэр-Аветис, военачальник гавара Хачен мелик Есаи, косивший на один глаз мелик Багр из Варанды, а также недовольный всем Бархудар и сверх меры грузный владетель гавара Дизак Еган. Юный мелик Нубар из Чавндура казался совсем маленьким рядом с рослым военачальником Константином из Мегри. Владетель Сисакана мелик Шафраз и двоюродный брат Давид-Бека военачальник Бали сидели рядом. Шафраз, мучимый вечной бессонницей, зевал.

Не присутствовал здесь лишь католикос Есаи Асан Джалалян — он болел и был не в состоянии совершить столь далекое путешествие.

Когда все разместились по старшинству, Давид-Бек почтительно обратился к Ованиму:

— Позволь начать совет, преосвященный.

— В добрый час, да поможет нам господь, — как молитву, прошептал епископ. — Окинем взглядом дела наши, старейшины армянские. Посол царский ожидает решения.

Все напряглись, затаили дыхание. С Шафраза вмиг слетел сон. А мелика Егана даже прошибло испариной; он глухо закашлялся. Не успел Давид-Бек начать речь, вошел молодой инок. В руках у него был медный кувшин с водой и кружкой. Он поставил все это у порога, выпрямился и сказал:

— Пусть господь наш всемогущий внушит вам, светским владыкам, чтобы смогли вы правильно отличить добро от зла, хорошее от дурного и вызволить утопающий в море крови, измученный народ наш из гибельной бездны. Вечное проклятие падет на того из вас, кто не изберет верного пути в эти горестные и

тяжкие времена.

Все удивленно посмотрели на инока, которому от роду было всего лет двадцать с небольшим, но вид и голос он имел внушительный. Инок широко перекрестил всех и вышел.

— Инок Мовсес, — пояснил епископ Ованим. — Служитель слова господня и мудрый толкователь святых книг. Прозорлив и умен не по возрасту. Бывает непокорен и своеволен, но говорит всегда правду истинную…

Появление смелого инока представилось Давид-Беку знаком таинственным. Что хотел сказать сей непокорный и своенравный «служитель слова господня»?.. Или душа его полна тревоги и потому пришел с угрозой вечного проклятия?.. Давид-Бек поднял голову:

— В Армению прибыл русский посол. Привез грамоту царя Петра. Вот думайте, толкуйте! Принять ли нам покровительство российское? Раскиньте умом, для того и собрались мы тут…

Он сказал это так, что никто не мог угадать, каково его намерение. По застывшему, чуть бледному лицу Верховного властителя ничего понять было нельзя. Молчание затянулось. Хотя у каждого имелось свое мнение, всяк ждал, пока заговорит сосед. Тогда Бек обратился к епископу Ованиму:

— Будет справедливо, если первым выскажешься ты, святой отец.

Дотоле как бы застывший, епископ шевельнулся, поднял взор. Нагрудный крест сверкнул и угас.

— Воистину подумайте, мелики, — медленно, тоном, не терпящим возражения, начал Ованим. — Все мы ждали ласкового слова христианнейшего царя. Посему радуйтесь, что несказанная милость создателя нисходит к нам.

Голос его задрожал.

— Воздайте с любовью милостивому господу нашему, чьей волей христианский царь ниспослан к нам ангелом братства. Пусть уста ваши изрекут слова, воздающие славу господу. Сегодня мы зрим свершение вдохновенного

дела господнего на благо гайкам[28]. Наш долг — покориться великому царю, самодержцу всея Руси, показать, что народ армянский не преминет воздать ему свою любовь и выразить верноподданность, что армянская нация может оценить его благодетельную заботливость. Царь идет к нам как друг и целитель ран наших… Долг наш — принять его посланника и грамоту достойными столь высокочтимого венценосца почестями и преданно выполнить его полезное повеление. Уста помазанного монарха не способны лгать. Он обещает быть защитником благоденствия и покоя нашего. Примите его посланца возгласами радости и веселья.

Голос преосвященного становился все звонче и требовательнее. Воодушевившись, он поднялся, и в его потухших глазах блеснули искры.

— Идет император, сыны мои! — простирая руки, воскликнул Оваким. — Император российский идет осушить наши слезы, утешить нас, идет спасти нас, вырвать из пасти жестоких сынов ислама. Поспешим единодушно преклонить колена перед всемилостивейшим. Пригласим его посланника в Алидзор и воздадим подобающую честь и славу!

Оваким, обессиленный от волнения, кряхтя, уселся на место. Попросил воды, отпил немного, смочил платок и приложил ко лбу. Слова епископа произвели на меликов глубокое впечатление. Только лицо Бека было непроницаемым. Он уже хотел было дать слово меликам, как снова заговорил Оваким:

— Поднимайтесь и немедля сделайте достоянием нашей страны грамоту государя императора, принесите жертвы, спешите пасть к ногам царского посланника. А коли кто откажется, будет тот повинен перед армянским народом и армянской церковью! Вот моя воля, мелики…

Его слова прозвучали как угроза. По лицу Давид-Бека скользнула тень. «Кого упрекает его преосвященство, — с горечью подумал он. — Почему думает, что среди нас есть человек, который станет противиться помощи

---

[28] Гайк — мифический родоначальник армян.

русского царя?»

Он поднял голову и пристально посмотрел на каждого. И понял, что мелики ждали его слова. Возвышенной речи духовного лица оказалось недостаточно. Бек продолжал сидеть неподвижно, чувствуя, как истощается терпение воевод. Но ни один мускул не дрогнул на его лице. Наконец Давид-Бек поднял брови, и все услышали его густой бас:

— Что скажет спарапет?

Мхитар поправил среброкованый пояс.

— Надо пригласить царского посланника в Алидзор, — ответил он, — и без промедления!

— Истинно, — поддержал князь Ованес-Аван. — Мы звали его, и он прибыл с государевой грамотой. Царь призывает к единству и готов стать покровителем нашим, помочь войском. А посему поспешим ответствовать царю и пасть к его стопам.

— В этом все мы едины, тэр Верховный властитель, — наперебой откликнулись мелики. — Едины волей и едины мыслью.

Епископ Ованим простер высохшие руки:

— О господи, озари светом народ армянский! Спешите, люди, поклониться всесильному царю!..

— Всем народом!.. — прозвучал голос мелика Егана. — Поклонимся стар и млад. Посла примем с подобающими почестями!

— А ведомо ли народу арцахскому о прибытии посланника? — спросил Бек.

— Всем ведомо, тэр Верховный властитель, — ответил мелик Еган. — Хотя святейший католикос и тщится скрыть, но весть дошла до слуха народного.

— Как же могли предать всеобщей гласности то, что до поры должно было оставаться тайной? — мрачно произнес Давид-Бек.

Некоторые многозначительно переглянулись. Показалось странным, что Бек вроде бы собирается скрыть приезд царского посланника.

Еще больше насупился Давид-Бек. «Вместо того чтобы нарастить брови, мы выкалываем глаза», — думал он. Вспомнился инок Мовсес. «Вечное проклятие падет на того из вас, кто не изберет верного пути в эти горестные и тяжкие времена». Бек усмехнулся про себя. Путь он, конечно, избрал верный. Но пока все это туманно и неопределенно. Избавления еще не видно. Не стоит радоваться раньше времени. Вот почему Бек и не хотел обнародовать весть о прибытии царского посла. Хотя теперь поздно скрывать приезд. Но дело сделано. Бек окинул взглядом военачальников и, подавляя душевную горечь, медленно заговорил:

— Дельные у вас речи, мелики. Только всякое бывает: не пришли к нам на помощь франкские короли, на которых в свое время надеялся мой родич, уважаемый Израел Орбелян; не явился и пфальцский курфюрст Иоганн-Вильгельм, которого так молил Израел. Верно и то, что персидский шах не примирится с нашей самостоятельностью и османский султан не станет смотреть без злобы на то, как мы восстанавливаем нашу утраченную государственность. Будем надеяться, что русские придут. Другого выхода у нас нет…

— Однако, — после недолгого молчания продолжал Бек, — мы не станем просить этой помощи ценою унижения собственного достоинства. Преклонять колена — никогда! Вымаливать жалостью — тоже нет! Мы пригласим посланника русского царя в Алидзор. Но, пригласив, покажем нашу силу и готовность постоять за себя перед ворогом. Не просителями с покорностью агнца Авраамова предстанем перед царем. Поторопились вы малость, старейшины! Явление посла следовало хранить в тайне!.. — Он уставился на князя Ованес-Авана. — Поторопились. Мальчик еще не родился, а вы уже нарекли его Аревшатом[29].

Ованес-Аван поднялся и встал во весь свой громадный рост.

— Богу ведомо, что мы держали все в тайне, тэр Верховный властитель.

---

[29] Аревшат — буквально «многосолнечный».

Разве узнаешь, кто проговорился?

— Не иначе, молва уже в Тавриз и Стамбул дошла, — покачал головой мелик Бархудар.

— В том-то и беда! — кивнул Бек. — Теперь враги наши поспешат сговориться, чтобы войти в Армению раньше русских.

— Верховный властитель! — воскликнул епископ. — Предупреди опасность. Что было — минуло; теперь важно, пока враги грызутся друг с другом, поспешить с приходом царя…

— Поспешим, но с умом, а не очертя голову, — заметил Бек. — Долг наш — довести до русского царя, что хоть мы и малы числом, но вовсе не слабы и что будем для него надежной опорой на дорогах в Персию и в Багдад. Станем вести переговоры с царем, как подобает небольшому, но храброму народу, одержавшему не одну победу над врагами. Не купеческой славой похвалимся — ратными подвигами народа и его верностью отчизне и делу. Без мольбы, с достоинством предстанем. Помните, что восседающие на могучих тронах правители не очень жалуют молящих и слабых, порой даже топчут их. Считаются только с сильными. А сила у нас есть.

Бек умолк. Заговорили мелики. Одни предлагали немедля послать в Петербург посольство, просить у царя войско, после чего двинуть в поход на Ереван и Вагаршапат. Другие настаивали на походе уже сейчас, не ожидая царского войска. Бек не вмешивался в спор. Он слушал, а сам думал. Понимал, что Петр не может торопиться. Спешное вступление в Армению для него было бы равнозначно объявлению войны султану. Начинать поход к Араратской долине без помощи русских опасно. Хотя в Ереване и Нахичеване персидские войска малочисленны, главную опасность представляют турки. Султан только и ждет повода, чтобы напасть на эти города и занять всю Араратскую долину. С другой стороны, персидские ханы могут сговориться с турками и так или иначе осложнить дело…

Было уже поздно, когда Бек поднялся. Наступила тишина.

— Решено, — сказал он. — Мы примем царского посла и начнем с ним

переговоры. Но, бога ради, пусть хоть их содержание пока остается в тайне.

Договорились встретить негласно царского посла в Цицернаванке и так же негласно отвезти его в Алидзор. Встречать посла решили отправить спарапета Мхитара, князя Ованес-Авана, Тэр-Аветиса, меликов Бархудара и Егана.

Несмотря на позднее время, епископ пригласил всех на ужин. Бек обычно избегал Овакима, его беспрестанные поучения и однообразные проповеди раздражали. Но, считая неудобным отказать епископу в присутствии старейшин, Бек принял приглашение. И очень скоро заскучал. Особенно надоедал ему монах, который монотонным голосом выводил в углу трапезной шараканы[30]. И лишь воодушевление старейшин, которые продолжали говорить о русском посланнике и привезенной им грамоте, поддерживало настроение Бека.

И как было не радоваться единодушию владетелей армянского нагорья? Еще недавно, в самом начале освободительного движения, многие опасались вставать под его знамена. Всего два года назад в крепости Шинуайр он заточил тысяцкого Тэр-Аветиса и его тестя, а также своего дядю покойного мелика Парсадана — тогда они воспротивились объединению. А ныне тот же Тэр-Аветис связан неразрывными узами с армянским воинством. Непримиримый в прошлом владетель Чавндура, молодой мелик Нубар, сегодня блистает среди старейшин своей отвагой. А сколько пришлось потратить сил, чтобы подчинить себе владетелей Дизака и Варанды?

Единство армянских меликов было сейчас крепче, чем когда-либо. Русские находились неподалеку от земли Армянской, и это воодушевляло старейшин. Да и сам Бек думал про себя, что, если русские не смогут так скоро прийти в Армению, все равно их близость будет полезной единству армян. Мысль эта подбадривала Бека и подталкивала его к решительным действиям.

После ужина, который закончился далеко за полночь, Бек попросил монаха, певшего шараканы, отвести его к иноку Мовсесу. Тот сначала удивился

---

[30] Шараканы — армянские церковные песнопения.

такому необычному желанию Верховного властителя, но все же поспешил исполнить его просьбу.

— Келья Мовсеса пропахла старыми книгами, тэр Верховный властитель. Ничего приятного тебя не ждет.

— Отчего ты так жестоко судишь его? — удивился Бек.

— Заблудший он человек, Мовсес. Мысли у него непотребные…

Монах подвел Бека к узкой двери, из-за которой, словно иголки, выбивались два тоненьких лучика света.

— Не спит, — с укором прошептал монах. — Позвать?

— Я сам. — Бек слегка толкнул дверь и, наклонившись, чтобы не удариться головой о низкую притолоку, вошел в келью.

Инок Мовсес склонился у стола, занимавшего добрую половину кельи, и, поглощенный работой, что-то писал. Когда стукнула дверь, он поднял голову и удивленно посмотрел на Бека.

— Не откажешь ли принять меня в своей обители? — спросил Бек.

— Все двери земли Армянской открыты перед тобой, тэр Верховный властитель! Милости прошу, если моя жалкая келья не будет противна тебе.

Воздух в келье и впрямь был пропитан тяжелым запахом пергамента и лампадного масла. Накрененное ложе — узкое и длинное, с куском дубового пня в изголовье — почти подпирало стол. Бог знает, сколько сот голов пере покоилось на этом деревянном чурбаке. В нем даже образовалось углубление, похожее на то, какое бывает на долго употреблявшемся ярме. Возле стола была врыта в землю глиняная посудина, рядом стояла расколотая чаша.

При всей убогости обиталища Бек тем не менее ощутил здесь нечто таинственное и возвышенное. Его внимание привлекла длинная ниша, где на деревянных полках были заботливо расставлены многочисленные книги: одни с серебряными корешками, другие без тиснения, только в кожаных переплетах. На столе лежала раскрытая рукопись больших размеров, рядом — лист китайской бумаги с мелкими, бисерными письменами.

— Ты писал, брат Мовсес? Я помешал тебе, — извинился Бек.

— Да нет, — растерялся Мовсес. Но сейчас же обрел спокойствие. — Ты единственный из армянских князей, который не погнушался войти в эту убогую келью.

— Я пришел узнать смысл твоих книг.

— Чужд и непонятен он будет тебе, — заметил инок.

Его смелость понравилась Беку. Он откинул полы плаща, не обращая внимания на пыль, сел на стул и, указывая на открытую рукопись, спросил:

— Что это за штука?

— Творение трижды великого Григора Татеваци, — недовольный небрежным вопросом Бека, ответил инок.

— О-оо! — Бек осторожно коснулся фолианта. — Ты обладаешь огромным сокровищем, брат Мовсес. Если я не ошибаюсь, это тот самый Григор, который в «Книге вопросной» вступает в спор с греческим ученым Аристотелем?

— Тебе известно это? — удивился Мовсес.

Он не ожидал, что привыкший к войнам полководец окажется сведущ в книжном деле.

— Кое-что известно, — помрачнел Бек. — Знаю, что есть у нас книги, от которых, в отличие от всей нашей истории, кровью не пахнет. Но познания мои скудны, брат. Времени недостает. Так чего же все-таки добился трижды великий Григор Татеваци своим трудом?

— Многого добился. Того, чего не смогли добиться иные из наших царей! — ответил Мовсес, поощренный дружеским тоном Бека.

Бек с любопытством посмотрел на инока, который продолжал:

— Трижды великий учитель и сейчас поддерживает силу духа армянского, веру праведную, сохраняет нашу нацию…

— Интересно, поясни, брат Мовсес, хочу постичь возможное.

— Ты опоздал, тэр Верховный властитель, — улыбнулся инок. — Я начал постигать эту премудрость с семи лет, но пока что едва осилил азы.

Бек постучал по столу пальцами, рассеянно посмотрел вокруг.

— Плох тот полководец, который не стремится познать неизведанное,

пусть даже на смертном одре. Скажи, как эти пожелтевшие листы сохраняют в армянах их извечное начало — душу дедов и прадедов?

— Скажу, — самоуверенно произнес инок, глядя в раскрытую книгу. — Хотя не легко это понять. Что ж, послушай, тэр Давид-Бек, слова трижды великого. — Мовсес поднес книгу поближе, помолчал с минуту и прочел — «Бессмертна материя, и она живет постоянно в окружающем. Из одного тела в другое переходят ее свойства…»

Давид-Бек пожал плечами:

— Чем же это речение способствует сохранению нации?

— Не понял? Жаль! — вздохнул инок. — Тем, тэр Давид-Бек, что отец философов утверждает: народ бессмертен и будет жить вечно в своих потомках. Этим трижды великий ратует за освобождение духа от чувства безнадежности, которое так часто проникает в наши слабые тела. Татеваци заверяет: душа и тело неразделимы и возникают они в одночасье. Чтобы сохранить бодрый дух, необходимо сохранять в чистоте и здравии тело, избегать ран и болезней.

— Поясни, если не в тягость…

— Я понимаю так: тело — это родная страна, родной дом, душа — человеческое деяние, разумное и вечное. Если здорова и безопасна родная страна, то и человек в ней живет счастливо. Сохранишь родину, будет жить народ. Сохранишь страну крепкой, крепок будешь и ты.

Все это казалось Беку больше таинственным, чем удивительным. Он вспомнил, о чем доносили агулисские купцы. «Император Петр, — говорили они, — намеревается, в случае если ему не удастся войти в Армению, убедить армянский народ переселиться на берега Каспийского моря, чтобы благоустроить завоеванные им пустынные земли».

В воображении Бека встала вся его маленькая родина с извивающимися реками, горами, снежными вершинами, селами и городами. Кто же бросит свой очаг, свое поле, веками поливаемое кровью и потом предков? Возможно ли, чтобы, покинув тело — родную страну, жила душа — изгнанный народ?

— А душа бессмертна? — спросил он Мовсеса.

— Нет. Трижды великий находит, что душа умирает немедля, едва расстанется с телом.

— А если она переселится в другое место?

— Все равно умрет, подобно горной лилии, сорванной и пересаженной в знойные пески.

Бек пристально посмотрел на инока и возбужденно воскликнул:

— Умрет! Конечно, умрет! Неразумно отрывать древо от родной почвы, народ — от родного очага! — Бек стал ходить по тесной келье из угла в угол. Заглянул Мовсесу в глаза — прочел в них тревогу и недовольство. Приблизившись, спросил: — До тебя дошли тревожные вести?

— Слыхал нечто, — ответил инок. — Говорят, царь Петр советует нам переселиться на приморские пески? Это значило бы отделить душу от тела. Пропадем тогда все, тэр Давид-Бек! Постарайся привести русское войско сюда. Не отрывай народ армянский от наших гор. Душа его не сможет жить без тела. Не простит он тебе…

Бек прикрыл Мовсесу ладонью рот:

— И стены имеют уши, брат Мовсес. Мы полны надежд. Пребудем с ними, покуда не приведем царя с его войском в наши горы. В этом единственный выход. А переселения никакого не будет. И ты до поры молчи! Пусть твоя дума останется неведомой преосвященному. Иначе он сожжет тебя… — Бек положил руку на раскрытую книгу: — Лучше разъясни ее смысл народу, который один является истинным творцом и владетелем этих сокровищ, но не знает о них и блуждает во мраке. Должно быть факелом, Мовсес, надо гореть и освещать дорогу. Не только меч поддерживает дух народа, сила его и в познаниях. Чем яснее мысль народа, тем он могущественнее.

Бек отпил воды из чаши, поставил ее осторожно на прежнее место. На лице Верховного властителя сияло такое величие, какого ни в ком другом Мовсесу не доводилось видеть.

— Буря промчится, брат Мовсес, — снова заговорил Бек. — Много их уже

пронеслось над армянским народом. Минет и эта. Я верю в завтрашний день нашего народа. Он будет прекрасным, этот день. Потерпи немного, дорогой. Мы еще с тобой откроем школу Григора Татеваци, ту, что некогда основал его учитель Овнан Воротнеци и которую разрушили наши враги.

— Кое-какие постройки уцелели. И сейчас стоят в Воротанском ущелье, — мечтательно произнес Мовсес. — Скамьи там остались, столы, но все изломаны. Есть залы, но они пусты и немы.

— Мы разверзнем глухие уши и немые уста! — воодушевился Бек. — Сейчас наши соотечественники печатают книги в дальних краях. Я верю, они привезут мастерские в армянские горы. Мы возродим разрушенную школу, вместе с тобой зажжем огонь в очаге, и прольет он свет мысли на нашу погруженную во мглу страну.

— Дай бог, чтобы скорее все это исполнилось! — взволнованно сказал Мовсес.

— Сохранилась могила? — после небольшого молчания, не отрывая взора от книги, спросил Бек.

— Чья? — слегка склонился Мовсес. — Григора Татеваци? Здесь покоятся его останки. У входа в собор.

— Не грех построить церковь на его могиле.

— Ты пожелал доброе, тэр Давид-Бек, — еще более взволновался инок. — Но если хочешь почтить его память, поначалу выполни свое первое обещание, восстанови школу, которая вот уже целых триста лет как закрыта. Татеваци денно и нощно просвещал учеников, и не только законом божьим, но и разнообразными, приятными для души и тела науками. Ты прав, тэр Давид-Бек, что не одним мечом силен народ. Таким же весомым, как меч, является светоч мысли, лампада знания, что горела некогда в нашей стране, пока ее не погасили чужеземцы.

— Зажжем, обязательно вновь зажжем эту лампаду! — твердо сказал Бек. — Откроем школы, заполним их детьми, чтобы они приобщились к наукам. Но время это пока не наступило. Пусть придет желанный день, а уж

потом…

Бек встал, прошелся по келье мелкими шагами, словно боясь разбудить уснувшие книги. Несмело коснулся их корешков и, повернувшись к иноку, таинственно произнес:

— А до той поры я вынужден просить тебя о другом, брат мой. — На мгновение умолк. Потом еще тише сказал: — Отправляйся в Эчмиадзин. Только помни, никто не должен знать о цели твоего путешествия. Скажешь, будто едешь к месту святого пришествия на богомолье. А цель у тебя будет такая: разведай, что думает армянский патриарх, чем живут Эчмиадзин, Ереван и все население страны Араратской. Хотят ли они содействовать нам. И могут ли восстать против персидского хана Мирали. Узнай, что там думают о приходе русских. Разведай, какие силы у персов в Ереване… И что замышляют турки. Понимаешь, Мовсес, дорогой. Тебе придется стать моим помощником. Неприятное дело поручаю, но нужное. Так как, поедешь?

— Я готов и собою пожертвовать во имя души и тела, — чуть подумав, ответил Мовсес.

— Благодарствую загодя.

Они еще долго говорили. И расстались как родные, довольные общением друг с другом. Когда Бек покидал келью, уже пели петухи.

Отыскав старшого, Бек приказал разбудить телохранителей. Наспех попрощался с епископом, попросил меликов продолжать паломнические деяния и в сопровождении Мхитара покинул Татев.

В пути Давид-Бек не спешил. Часто задерживался, останавливался возле пахарей, возделывавших горные склоны, вступал в разговоры, прислушивался к их горьким, тягучим песням.

Э-эй! Оровел, эй!..

Брат дорогой… Э-эй!.. Эй!..

Потом долго все это звучало в ушах.

Встречный старый крестьянин спросил:

— Так, когда же человек русского царя приедет в Алидзор, тэр Верховный

властитель?

Давид-Бек искоса взглянул на Мхитара.

Тот лишь плечами повел.

Крестьянин объяснил, что накануне к ним в село прибыл монах из Татева и сообщил, будто теперь все они уже подданные русского царя и что это мелики призвали царя.

— Видишь, Мхитар, чем занимаются наши вороны — духовные отцы? Тайное сделали явным, посвятили весь свет. Не сомневаюсь, что слух уже дошел до султана, до франков и до английского короля…

— Рано или поздно узнали бы, — попытался успокоить Бека Мхитар.

— Узнали бы, — не без злорадства повторил Бек. — Конечно, когда-нибудь узнали бы. Но пусть бы тогда, когда войско царя прибудет в нашу страну. А чего толку болтать, если царь еще пьет мед со своими боярами? Растрезвонили на весь мир. Дитя в пеленках губите!..

— Враги наши и без того уже обнажают мечи.

— А неразумные болтуны торопят их, чтобы поскорее опустили эти мечи на наши головы: вместо того чтобы отвести удар, приближают его.

Бек пришпорил коня. Отъехав довольно далеко от телохранителей, он повернулся к спарапету и продолжал уже мягче:

— Ты думаешь, что русский царь не опасается турок? Кто этого не понимает, тот сильно заблуждается. Если бы дело стояло за одним Петром, он бы давно был здесь — в Ереване, Нахичеване, в Ване. Его по рукам связывают происки франкских послов в Стамбуле. Опутывают шведы, мешают Англия и Рим. Думаешь, они хотят, чтобы Петр стал владыкой Востока? Эти подобные сатане христианские владетели Европы готовы запродать своих жен, вооружить турок — все, что угодно, сделают, только бы преградить Петру дорогу в нашу страну.

— Что же нам теперь, топиться? — сокрушенно произнес Мхитар.

— Коли нет ума, можно и топиться, — махнул рукой Давид-Бек. — Молчать нужно, ждать, пока Петр выберет подходящее время. Чтобы турки и

персы не сказали: «Вы, армяне, пали к ногам русских гяуров и привели их на наши головы, вот мы и режем вас». А если бы мы ввели Петра без лишнего шума, тогда, может, и не висел бы над Западной Арменией вражеский меч…

Помолчав, Бек добавил:

— Верные мне люди сообщили из Стамбула, что франки угрожают русскому послу Неплюеву. Требуют не вступать в Грузию и в Армению, а довольствоваться занятыми на берегу Каспийского моря землями, велят вернуть персам Решт и Ардебиль. Вдобавок ко всему они вооружают турок с целью направить их на Грузию и Армению.

— Петр будет действовать по-своему, — заметил Мхитар.

— Не все от него зависит. Да и не станет он восстанавливать против себя всю Европу, Турцию и Персию…

— Получается, что у нас нет выхода?

— Был выход! — сказал убежденно Бек. — Не связывать себя с иными державами, для отвода глаз не выражать интереса к событиям вокруг нас, а самим копить силу и тайно продолжать верную дружбу с русскими. Надо было показать султану, что мы безразличны к чужим делам. А шаха Тахмаза, наоборот, следовало заставить признать нашу независимость. И главное: необходимо было объединить армянские и грузинские воинства против общего бедствия. Вот какой у нас был выход.

— Что же нам делать теперь?

— Теперь всему свету известно то, о чем следовало знать только нам да богу. И я не вижу света во тьме…

Кони пошли медленней. Сзади приблизились телохранители. Ехали всю ночь и только на рассвете вступили в Алидзор.

Хотя старейшины Армянского Собрания и решили доставить государева посла на переговоры в Алидзор, Давид-Бек не спешил отправлять за ним гонцов. О чем думал Верховный властитель, оставалось загадкой. Мхитар не знал, что предпринимать. Весть о том, что в Армению прибывает русское

войско, разнеслась уже по всей стране, народ роптал, не понимая, почему не зовут царского посла и тем медлят с прибытием русских. Мхитар не решался сообщить об этих настроениях Беку.

Тем временем прибывающие в Алидзор лазутчики приносили из Стамбула и Тавриза, из Эрзерума и Карса все новые и новые вести о том, что турки собирают войско для похода в Армению, что франкские правители снабжают их амуницией, англичане — ружьями, голландцы — пушками и деньгами.

Выслушав эти сообщения, Бек впадал в тяжелые раздумья. Как отвести надвигающуюся беду? В стране уже нет человека, кто бы не носил оружия. Оружейник Врданес отлил вторую пушку. Бывалые сотники и мелики обучают ополченцев. Кроме того, тайно договорились с грузинским царем Вахтангом VI объединенными силами выступить против турок. В большом количестве заготовлены продовольствие и боеприпасы — в Алидзоре, Джраберде, в крепости Воротан, в Дизаке, Дзагедзоре, в Мегри и Сисакане. Народ готов все отдать, только бы сохранить добытую независимость. Но и всех этих усилий недостаточно в противоборстве с турками.

Единственная надежда — русские. И недаром всюду говорят только о них, о том, что русские уже чуть ли не идут на Баку и через Шемаху в Армению. Говорят и о том, будто грузинский царь дал братскую клятву стоять плечом к плечу с армянами и уже собрал в Тифлисе тридцатитысячное войско.

Разговоры эти доходили до Давид-Бека. Верно то, что русские в Баку, и то, что у Вахтанга тридцать тысяч войска. Но Беку ведомо и другое: стоит не прийти Петру, грузинское войско распадется, и Вахтанг уже ничем не сможет помочь дружественному соседнему народу…

Спасение армян и грузин зависит от прихода русских. А они не идут. Их сдерживают европейские державы.

У Бека сердце обливалось кровью. Вести переговоры с царским послом? Но какой в этом сейчас резон? Армии-то у посла нет! Он прибыл в Армению всего с двумя офицерами…

Как-то Мхитар осторожно намекнул, что, может, стоит поторопиться и

пригласить русского посланника в Алидзор. Народ, мол, и мелики ропщут. И епископ Ованим взбешен. Говорит: «Несмотря на старость, сам поеду и привезу посла в Алидзор».

— А я задушу твоего Ованима в его же келье! — разгневался Бек.

— Но он желает добра.

— Неужели ты думаешь, — с горечью произнес Бек, — что церковники могут сделать для страны Армянской больше, чем ты, оружейник Врданес, твой Есаи, я или сотник Товма?

— Да, но епископ — это же духовный пастырь народа?

— Вот пусть он и поддерживает бодрость духа. А защиту тела народного доверять черноголовым нельзя. Кости обглодают. Не балуй ты этих носителей клобуков и никогда не унижайся перед ними. Стране, в которой меч заменяют крестом, грозит погибель. Помни это…

Опасность со стороны турок становилась все более угрожающей. В эти тревожные дни, пожалуй, только Давид-Бек не терял мужества. События разворачивались с такой быстротой, что Бек был вынужден призвать государева посланца в Алидзор уже не тайно, а открыто. Поводом к этому послужило письмо католикоса Есаи.

«Возлюбленный мой Верховный властитель всех армян, — писал святейший, — спешу сообщить тебе, что император Петр Алексеевич решил в скором времени направиться в сторону нашей и грузинской земли. Нам надлежит быть готовыми в означенный день встретить вместе с нашими войсками в долине Гандзака его богом направляемое шествие. Поэтому не медли, сын мой, поторопись пригласить к себе посла императора Руси, чтобы и он также знал о делах нашей страны. Всемогущей волей господа восстает из руин Дом Армянский и спасительный свет приближается к нашей стране. Не медли, сын мой».

Хотя Давид-Бек безусловно доверял дальновидности католикоса и знал, что дипломат он отменный, но не письмо толкнуло его к решительному шагу. Дело в том, что в Алидзор прибыл переодетый посланец грузинского царя

Вахтанга. Вахтанг VI сообщал, что он получил от Петра уведомление и теперь ожидает выступления его войск из Баку. Грузинский царь советовал Давид-Беку готовиться к подобающей встрече императора.

Это уже обнадеживало.

В один день с посланцем Вахтанга из Эчмиадзина прибыл новый вестник и вручил Давид-Беку другую грамоту католикоса всех армян. Увидев на письме знакомую печать, Бек улыбнулся и не без горечи сказал:

— Все мы теперь имеем — католикоса, печать, посох, все, кроме умения действовать осторожно и тем обеспечивать себе безопасность.

Он начал читать письмо:

«Слуга Иисуса Христа, Аствацатур Амаданци, католикос всех армян, патриарх и блюститель…»

— Так себя величает, словно является владыкой мира сего, — усмехнулся Бек. — Зато перед любым персидским воином тут же впадет в робость.

Опустив перечисление чинов и титулов, Бек прочитал суть послания. Она была краткой:

«Из России блаженные армяне сообщают, что царь Петр выехал в нашу страну. Во имя бога готовься выступить ему навстречу, пади к стопам и привези его в нашу страну».

— А народ в Араратской стране знает о приезде царя? — спросил Бек у сотника, что привез послание католикоса.

— Конечно, тэр Верховный властитель, — ответил сотник. — Все знают. Денно и нощно молимся, чтобы свершилось благо.

— Говори, как человек, ты же воин, а не монах! Из каких краев будешь?

— Из Еревана.

— А зовешься как?

— Ованес, тэр Давид-Бек, Карчик Ованес мое имя. С грамотой католикоса меня снарядил к тебе паронтэр[31] Ованес Хундибекян.

---

[31] Паронтэр — городской голова.

— Имеется ли в Ереване ратная сила?

— Еще какая! Ждем только дня, когда вы спуститесь с гор. Тотчас подымем десятитысячное войско и изгоним персидского хана Мирали. Оружия и припасов тоже хватит. Помогут и села нашего гавара. Все мы ждем тебя, тэр Давид-Бек. Ереван и население Араратской долины гордятся подвигами сюникцев и арцахцев. А персидского хана Мирали выгоним из Еревана за один день, если…

— Что?

— Если этого пожелает Верховный властитель Армянского Собрания.

— Если пожелает!.. — протянул Бек и умолк.

То, что Ереван готов к восстанию против персидского хана, конечно, радовало. И давало повод к новым размышлениям. Он хорошо знал паронтэра Еревана Ованеса Хундибекяна, вардапета Григора, Погоса Кичибекяна, Давида Мирзеджаняна. Все это были сведущие в военном деле люди, он встречал их в Грузии, в Ереване, в паломничестве к святым местам Апарана.

Давно лелеял Давид-Бек мысль об освобождении Еревана. Ждал лишь удобной минуты. И вот она наступила. Персы мечутся — русские подошли к их северным границам, а тут еще афганцы рассеяли их армию. Достаточно было пересечь ущелье Вайоц, приблизиться к Еревану, и Мирали хан в страхе сбежал бы из Еревана.

Но угроза со стороны турок связывала Давид-Бека по рукам. Нельзя было спускаться с гор и подвергать опасности успех дела, добытый ценой таких огромных жертв. Нужно показать, что он настроен миролюбиво и не собирается покидать горы.

«И за что только бог втиснул нашу землю между ненасытными ворогами? — с горечью думал Бек. — То усиливается Турция, то Персия. Вечно приходится подавлять чью-нибудь силу. Вот и сейчас…»

— Сколько персидского войска в Ереване? — спросил он вслух.

— И этот трусливый сброд ты называешь войском, тэр Верховный? — пожал плечами Карчик.

— Пусть будет сброд. Так сколько же его?

— Всех вместе — пищальников и конницы — около восемнадцати тысяч. Персы ждут, что со дня на день либо ты придешь и прогонишь их, либо… Язык не поворачивается…

— Либо турки? — потемнел Бек.

— Ты верно угадал, это так, — вздохнул Карчик. — Они открыто злословят: «Мы, говорят, отдадим Ереван турку, французу, кому угодно, но армянам и русским не уступим». Но Мирали хан предполагает, что ты можешь пойти на него войной, — продолжал Карчик. — Он готовится…

— А вы?

— Мы молим бога, чтобы так было.

— Тогда запасайтесь оружием, но не слишком явно. Ну, а коли хан все же заподозрит вас, убедите его, будто готовитесь противостоять туркам.

— Значит, придешь? — с надеждой спросил Карчик Ованес. — Когда ждать?

— Вот прибудут в нашу страну русские, тогда… — Бек прикрыл веки и тихо, словно боясь, что его подслушают, добавил: — Упаси вас бог преждевременно воодушевить народ. Пожалейте его. Повремените, пока нет ясности… И остерегайтесь турок, а не этого дряхлого Мирали хана.

— Что передать католикосу? — спросил Карчик.

— Я бы посоветовал ему ни во что пока не вмешиваться. Пусть мирно восседает на святейшем троне. Не католикосу вершить судьбу народа. Темен небосвод армянский. Одному богу ведомо, какие еще напасти низвергнутся на нашу голову. Пусть Эчмиадзин остается в стороне от светских дел, это выгодно и ему и всему народу.

— Святейший просил доставить посла северного царя также и к нему.

— Торопится он. Посол не иголка, которую можно воткнуть в папаху и незаметно провезти. Такое дело может возыметь гибельные последствия не только для святейшего престола, но и для всех армян в Араратской стране.

— Хан Баязетский известил католикоса, что в случае прихода русских в

Ереван он покорится им.

— В случае прихода, — протянул Давид-Бек. — А придут ли они, сказать трудно. Дай бог… Пока суд да дело, будьте осторожны и с ханом Баязетским и со всеми персами. Они хитры и коварны трижды…

Карчик Ованес покинул Алидзор.

На следующий день Давид-Бек отправил князя Ованес-Авана в Гандзасар объявить послу царя Петра, что он готов принять его в своей столице.

«Добрые хозяева»

Пресыщенные вороны с истошным карканьем осаждали дворец Тахмаз Кули Надир хана. У главных ворот, которые теперь редко открывались, лежали полуголые дервиши и грелись, подставив солнцу обнаженные животы.

Было безветренно. Небо сухое, серое. Тавриз лениво пробуждался. Порою на полупустынных улицах города появлялся похожий на скелет нищий. Следом, крадучись, шли облезлые собаки. Казалось, стоит нищему упасть, и собаки набросятся на него, разорвут в клочья…

Уже больше года Нагаш Акоп в заточении в ханском дворце. Он терялся в догадках, почему его не продали, подобно другим пленным, и почему содержат в почете. А из памяти не шла ужасная ночь пленения. В глазах и сейчас еще стояло пламя пожара, в котором сгорела его мастерская. А как мучителен был путь в неволю!.. Босые, голодные, с израненными в кровь ступнями, шли и шли несчастные пленники. Шли, и, как кошмарное видение, вновь и вновь проплывало перед ними все случившееся…

Тахмаз Кули Надир хан, объединившись с Батали Султан ханом, во главе десятитысячного войска напали на армян. Но надеждам их на этот раз не суждено было сбыться. Едва персы продвинулись к Мегри, появился Мхитар. Он возвращался с Тэр-Аветисом от католикоса, а Давид-Бек тем временем с войском своим пребывал в отдаленном ущелье Вайоц.

Нападение было внезапным. И хотя персам скоро пришлось убраться

восвояси, они тем не менее захватили множество пленных, в числе которых был и Нагаш Акоп.

Нет в мире чаши, которой можно измерить все страдания несчастного художника и других пленников. Тахмаз Кули Надир хан сполна выместил на них злобу за поражение. Многие были проданы в рабство. А вот Нагаш Акопа хан почему-то пока содержит здесь…

Дни проходили однообразно. До ужаса надоел своими посещениями Хосров-юзбаши, который без устали читал по памяти творения старых персидских поэтов и рассказывал всевозможные истории из жизни злополучных армян и грузин, о том, как, отказавшись от своей религии, они верно служили персидским шахам и каких за это удостоились почестей от Худабанды и его внука Аббаса.

Юзбаши обычно просовывал голову в полуоткрытую дверь и, громко поприветствовав своего подопечного, входил. Несмотря на неприязнь, которую он вызывал, этот хитрый и умный человек все же был чем-то вроде утешения для пленного Нагаш Акопа.

Как-то вечером персиянин пришел особенно веселым и любезным.

— Надеюсь, не очень скучал, мой друг? Вчера мне не удалось навестить тебя, — сказал он, как бы винясь. — Не могу избавиться от дел. Аллах свидетель…

— Скучно, Хосров-арбаб[32]. Одиночество — не лучший друг человека. Благодарю за посещение.

— Господин мой всегда расспрашивает о тебе.

— Я доволен и тем, что, жив еще и что он присылает мне пищу.

Нагаш Акоп подошел к маленькому столу и откинул белую салфетку, под которой лежали кушанья. Еду, видимо, принесли недавно. В стеклянном графине пламенело вино.

— Присядь, почтенный Хосров-арбаб, выпьем с тобой…

---

[32] Арбаб — господин (перс.).

— Пей на здоровье, — замотал головой юзбаши. — А я и не прикоснусь к этому греховному зелью. Пророк наш считает вино нечестивым напитком. Мусульмане не пьют, тебе ведь известно об этом.

— Известно-то известно, — наполняя чашу, ответил Акоп. — Но сам пророк до пятидесяти пяти лет пил этот нечестивый напиток, пока позволяли силы. Это только под старость он стал считать вино грехом. Но и тогда пророк допускал принятие вина, в случае коли то потребуется для поддержания плоти верующего.

Хосров добродушно засмеялся.

— Клянусь аллахом, брат Нагаш, ты знаешь наш коран не хуже старшего муллы. Если примешь нашу веру, мусульмане нарекут тебя своим великим Шейх Уль Исламом.

Нагаш осторожно поставил недопитую чашу на место и подозрительно взглянул на Хосрова. Тот вызывающе улыбнулся. Акоп ждал этого, но не хотелось верить, что когда-нибудь ему осмелятся предложить стать отступником. Кровь закипела в жилах.

— Я предпочел бы быть простым погонщиком мулов в войсках Давид-Бека, чем Шейх Уль Исламом всех мусульман, — с вызовом произнес Нагаш Акоп.

— Люблю упрямых и гордых людей, — сказал Хосров, разводя руками. — Удивляюсь только, как может человек добровольно подставлять голову под топор палача. Плевать я хотел на святую веру, если из-за нее в опасности пусть хоть один мой волос. Но я к тебе не за этим, брат мой. Оставим богов нашим муллам и вашим кешишам[33]. У меня другое дело…

«Начинается, — подумал Нагаш. — Ну что ж, доколе мне оставаться в неведении?» И хотя он понимал, что расставляются какие-то новые сети и что юзбаши заговорил о вероотступничестве неспроста, им овладело спокойствие. Нагаш выпил еще одну чашу вина и приготовился выслушать, что скажет

---

[33] Кешиши — священники.

юзбаши. Но тот вдруг предложил ему прогуляться.

«Коварством, что ли, хотят прикончить меня? — подумал Нагаш Акоп. — Может, храбрости не хватает сказать в лицо о смертном приговоре?..»

Вышли вместе. Стоявшие во дворе двое воинов отдали честь. Юзбаши шел медленно. Говорил о весне, сокрушался, что в этом году погибли все кусты роз в саду у хана.

— Страшно подумать, какую зиму перенесли! Все кусты повымерзли. А какие здесь были розы!.. Мы же вывезли их из Шираза.

— Привезли бы из нашей страны. У нас розы устойчивые, выдерживают даже холода, — сказал рассеянно Нагаш Акоп, и вдруг ему неудержимо захотелось поддеть юзбаши. — А есть и такие, что цветут до самого снега. От их аромата даже пчелы пьянеют. Но растут они в расщелинах, почти недоступны и обладают ужасно колючими шипами.

— Знаю, не окровавившись, не сорвешь, — вздохнул Хосров.

Странные желания рождались в душе Нагаш Акопа. Когда они проходили мимо покорно отдающих честь воинов, он еле удержался, чтобы не выхватить у них оружие и не размозжить кому-нибудь голову. В другом месте, проходя мимо коленопреклоненного, совершающего намаз муллы, Акопу захотелось пнуть его в горбатую спину. Затем появилось желание плюнуть юзбаши в лицо. Только чудо, казалось, удерживало его от этого.

— Ты захватил свои пожитки, тэр Нагаш? — спросил вдруг юзбаши.

— А что?

— Ничего. Просто больше не вернешься в свое жилище, — спокойно сказал Хосров.

— Понимаю.

— Не обвиняй никого, добрый человек. Бог наделил тебя даром провидения. Смыслишь ты и в художестве, и в стихах. Все знаю. Жалко рубить твою созидающую руку, отрезать велеречивый язык. Да будет тебе известно, что, по воле нашего хана и по моей воле, желательно, чтобы ты жил на пользу нам. Чтобы служил нам и вере нашей…

— Довольно! — остановил его Нагаш Акоп. — Кончай свое дело!

Хосров удивленно пожал плечами и захохотал так, что вздрогнули даже следовавшие за ними секироносцы.

— Что ж, довольно так довольно! — буркнул юзбаши. — Условие, по которому ты сможешь пользоваться ясноликим светом, одно: сменить веру, совершить обрезание, и заживешь тогда под высоким покровительством самого хана. В противном случае тебя обезглавят.

— Я уже выбрал последнее.

— Неразумный человек! — упрекнул юзбаши. — Из любви к кресту лишиться полной мудрости головы?! Ай, вах!..

И тут же по его знаку воины заковали в цепи Нагаш Акопа. Несчастный не сопротивлялся.

— Прощай, родина, — шептал он, мысленно представляя себе Армению, затерявшиеся в ущельях деревни, дым, который вьется над кровлями, высящиеся на холмах и над бездной монастыри, родных, желанных. — Прощайте, любимые, прощай, мой дом, моя страна. Прощайте!

Скоро его ввели в небольшой квадратный двор. Запоздалый луч света играл на каменных плитах. «Кто знает, может быть, это последний луч, который я вижу», — подумал живописец.

Его встретил быкоподобный человек, одетый в красное. Это был главный палач хана. На расплывшейся физиономии еле намечены глазные прорези. Нагаш Акоп выхватил взглядом, заткнутый за пояс палача широкий топор, лезвие которого сверкало как серебро.

— Я пришел услужить тебе, великий живописец Нагаш Акоп, — заговорил палач, смотря мутными глазами на пленника. — Ты меня понапрасну не вини. Каждый на этом свете творит свое дело. Оно конечно, верно, что мое дело не такое уж почетное. Всякий раз, глядя на человека, которому собираешься услужить, хочется, чтобы он был последним. Но… — Палач обернулся к стоящим невдалеке помощникам: — Подойдите, вы там, чего ждете, посмотрите, какой у нас товар…

Подручные палача подошли. Один из них держал под мышкой узелок. Главный палач взял его, кинул к ногам Нагаш Акопа и сказал ласково:

— Сними свое почтенное платье, надень вот это, жалко ведь, вымажется чистое в крови…

Разговаривая, он почему-то фыркал, подобно купающемуся в воде буйволу. Неподвижный взгляд Нагаш Акопа был прикован к топору. В душе он был доволен, что не теряет мужества. Порою на лицо набегала печальная улыбка и тут же исчезала.

Видя, что живописец не трогается с места, подручные главного палача сорвали с Нагаш Акопа дорогие одежды и обрядили его в рубище… а когда схватили за руки, он вырвался.

— Сам пойду, сам! Укажите, где ваша плаха? — Его голос прозвучал устрашающе и грозно. Даже главный палач посмотрел на него и удивленно покачал головой:

— Странное дело, отказаться от славы и сокровищ и во цвете лет подставить шею под топор… И все ради веры…

— Это непонятно лишь глупцам! — кинул Нагаш Акоп.

— Сказали бы мне, — дадим власть и богатство, только прими христианство, я бы не отказался, — засмеялся главный палач. — Какая разница? Вера у человека в кармане. У кого больше денег, тот и самый верующий.

Вошли под низкие своды какого-то здания. Главный палач шел рядом с пленником.

— Ну вот что, художник, сегодня казни не будет. Хан велел продержать тебя еще семь дней. Кто знает, может, дьявол выселится из твоего чрева, и ты пожалеешь себя. А через семь дней начнем игру в кошки-мышки. И она протянется дня этак три. Для меня лично это самые нудные дни. Злобы столько изводишь… Попадаются такие трусы, что визжат, будто поросята, когда сжимаешь клещами их мужские достоинства или же прижигаешь когти раскаленным шампуром. Самое противное, конечно, когда выкалываешь глаза.

Как ни изловчишься, а кровь поганого все равно хлещет тебе прямо в лицо…

Нагаш Акоп, с отвращением слушая палача, жалел, что руки связаны и он не может заткнуть себе уши. А палач не умолкал. Все бредни его — одна ужаснее другой — любого слабосильного могли бы и рассудка лишить. Но Нагаша слова палача не трогали. С мыслью о смерти он уже примирился, терзало другое: во что бы то ни стало надо выдержать предстоящие мучения, не потерять мужества и не отступиться от родины!

Его втиснули в узкий и темный коридор, откуда несло противным запахом прели. Было холодно. По стенам струилась вода. Пробираясь ощупью, подручные палача привели свою жертву в узкое подземелье. Кто-то зажег фонарь. Нагаш Акоп увидел перед собой какое-то уродливое существо.

— Вот твой покровитель, — сказал главный палач, указывая на урода. — Почтенный Зулум Зекир умеет так принять своих гостей, что самое большее через три дня они признаются во всех своих грехах и безропотно подчиняются воле господина жизни нашей — хана. Такой уж он, Зулум Зекир. Надеюсь, ты не очень долго пробудешь тут в гостях и скоро вернешься к нам, Нагаш Акоп. До встречи.

— Постой! — умоляюще крикнул Нагаш Акоп. — Сделай, палач, хоть одно доброе дело в жизни — отсеки мою голову!.. Отсеки ее здесь, сейчас…

— Чтобы потом мою отсек хан, да?.. — хихикнул палач. — Не могу согрешить. Персидские палачи не настолько жестоки, чтобы не дать человеку времени помолиться своему богу и попросить у него отпущения грехов. Потерпи, еще избавишься от этого мира, полного страданий.

При слабом свете Нагаш Акоп увидел, что пол в каморке покрыт льдом, с потолка падают редкие капли, у стены валяется дохлая собака.

Главный палач и его помощники ушли. Уродец не спеша повесил светильник на ручку узкой двери, потер длинные руки и издал ужасный звук… Нагаш Акопу недостало времени понять, что произошло. Он почувствовал между лопатками жжение, затем у него свернулась шея… Потемнело в глазах, и тут же он ощутил во рту соленый вкус крови. Закружилась голова, и Нагаш

потерял сознание…

Очнулся он во мраке. На голову сверху капала холодная вода. Капли тяжелы, словно свинцовые шарики. И от них гудит череп. Акоп хотел отвести голову, но напрасно. Она была втиснута в железный обруч и будто пригвождена к стене. Руки скованы цепью, а ноги подогнуты и тоже связаны.

Зловоние, исходившее от дохлой собаки, заполняло легкие и вызывало тошноту… Хоть бы маленький лучик света! Совсем как в могиле. А капли все впиваются в мозг, сверлят. Он попытался крикнуть, но даже звука не издал — рот был заткнут мокрой тряпкой. «Не могут даже казнить по-человечески», — пронеслось в голове.

Ни звука, ни шепота не было слышно снаружи. Будто весь мир погрузился в непроглядную мглу. «Если бы руки были свободны, я бы задушил себя, перегрыз бы вены и истек кровью. Собачья смерть…»

Определить, сколько времени он оставался тут в забытьи, Нагаш Акоп не мог. Но вот открылась дверь, и с лучиной в руках вошел Зулум Зекир. С вытянутой и сплющенной, как у волка, головой, человек этот пребывал в спокойном расположении духа и был явно доволен собой. Он приблизился и каким-то длинным, похожим на щипцы инструментом вытащил изо рта пленника мокрую тряпку. При этом дьявольски захихикал.

Вскоре появился какой-то горбатый старик, очень похожий на оскопленного гнома. Он принес на деревянном подносе хлеб и воду. Старик стал насильно лить Нагашу в горло протухшую воду. Совершавшееся в полумраке чудовищное действо и присутствие двух уродов было столь устрашающим, что Нагаш Акопу показалось, будто он вдруг очутился в потустороннем мире и окружен сворой чертей. Завороженный этим адским видением, он невольно испил зловонную воду и съел хлеб, который запихивал ему в рот все тот же гномоподобный старик.

Зулум Зекир удовлетворенно загоготал. Когда старик исчез, он протянул руку к полуоткрытой двери и взял поданный ему кем-то раскаленный вертел. Нагаш Акоп закрыл глаза и тотчас ощутил страшную боль — Зулум Зекир

прижег ему ногти на ногах. Нагаш Акоп сцепил зубы, чтобы не закричать. В нос шибануло горелым мясом, а Зулум Зекир все продолжал пытку, и Нагаш Акоп потерял сознание…

Только на четвертый день боль немного утихла, и Нагаш Акоп впервые пришел в себя. Но ненадолго. Вечером он опять впал в забытье.

Все последующие дни он приходил в сознание на какой-нибудь час. От истязаний несчастный ослабел и трупом виснул на цепях. Тупые удары холодных капель молотом отдавались в мозгу…

Минуло семь дней, и явился главный палач. С Нагаш Акопа сняли цепи, дали ему поесть. Но он так ослаб, что не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Лежал на каменных плитах как мешок с костями и только пристально смотрел на своих мучителей. Гномоподобный старик обмазал его раны белой глиной и сам стал кормить.

— Ну как дела, не раскаялся ли великий живописец и не намерен ли отказаться от заблуждений? — спросил главный палач.

Нагаш Акоп при всем желании не смог бы ему ответить. Язык распух, голову словно дробили огромными молотами. Безотчетно заглотал все, что впихнул в него старик.

Скоро мучители удалились, бросив пленника на каменных плитах. К вечеру наведался Зулум Зекир. Но цепями больше не приковывали. А через два дня перевели в более или менее сносную каморку, где стали лечить раны и кормить человеческой пищей. Пытать пока не пытали.

Так прошло несколько недель.

Выздоравливающего художника навещал только гномоподобный старик. Он продолжал заботливо лечить ему раны, трижды на день кормил, как-то даже принес вина. Однако ничего хорошего от этой «заботливости» Нагаш Акоп не ждал. Однажды, когда он был уже в состоянии передвигаться по комнате, явился Зулум Зекир и знаком велел следовать за ним. Нагаш Акоп был уверен, что-теперь-то уж его ведут на казнь, и даже обрадовался: наконец наступит избавление от мук. Только бы не потерять присутствие духа и смертью своей не

принести бесчестие тем, кто надеялся, будто он способен ради спасения плоти изменить своей родине.

Очнулся Нагаш Акоп от этих мыслей в какой-то большой комнате с решетками на окнах. Главный палач, мирно восседая на покрытой персидским ковром тахте, точил топор. Дневной свет, проникавший сквозь решетки, весело поблескивал на стальном лезвии. На стенах висели ножи, мечи, все больше ржавые.

Задыхавшийся от ожирения палач взглянул на Акопа и сказал:

— А-а, брат Нагаш? Ну, садись. Ныне ты мой почетный гость. Извини, что пришлось заковать тебя в цепи. Ничего не поделаешь. Говорят, подружись с собакой, но палки из рук не выпускай.

— Затем и привели меня сюда, чтобы назвать собакой? — вспыхнул Нагаш Акоп. — Вы вместе со своим ханом и всеми врагами моей страны — самые злые псы!.. — Выпалив это, он ждал, что палач мигом подымет топор.

Палач зло ухмыльнулся и подал знак Зулум Зекиру, чтобы он вышел из комнаты. Заперев за ним дверь, главный палач сказал:

— Аллах свидетель, люблю смелых людей. Не сердись, Нагаш, я всего только присказку припомнил. Садись, дорогой, минутная радость — и то радость.

Нагаш Акоп присел на низенькую скамейку и взглянул на человека, который должен был отрубить ему голову. Палач по-прежнему внимательно и заботливо точил топор, словно в этом заключалась вся цель его жизни. Бритое лицо взмокло от усилий и, казалось, вот-вот лопнет, как лопается кожура на зрелой дыне.

— Тот мастер хорош, который держит в порядке свой инструмент. — Послюнявив большой палец, палач поводил им по лезвию топора. — Согласен?

— Увы, правил этих не знаю, к мечу и топору не приучен. А жаль. У многих солнце померкло бы в глазах…

Толстые щеки палача снова затряслись от смеха.

— Храбрым я отсекаю головы одним ударом. Но не думай, что мое

ремесло легкое. Иные шеи как у буйвола. Взять к примеру брата, Тахмаз Кули Надир хана. Год назад я отрубил ему голову. Аллах свидетель, одного удара не хватило. Сам изумился. Невиданное дело. Только вторым ударом прикончил. Такой крепкой шеи за всю жизнь не рубил. — Он изучающе оглядел Нагаш Акопа. — И твоя, брат, подходящая… Жалко мне, бывает сносить головы, да не станешь ведь противиться воле аллаха.

Палач отложил топор в сторону, потягиваясь, встал и с наслаждением зевнул. Затем снова попробовал лезвие топора, улыбнулся и, подмигнув, добавил:

— Острый. Будешь доволен. Пройдется по шее как ветерок, совсем не почувствуешь боли. Не для всех ведь я его так точу. Очень нужно. Вот снесу твою голову и повешу этот топор рядом с другими. — Он показал на стену.

— Может, хочешь сказать, ремесло свое бросишь? — с отвращением спросил Нагаш Акоп.

— С чего бы это?.. — удивился главный палач. — Буду рубить головы до тех пор, пока кто-нибудь мою не отрубит. Просто есть у нас, палачей, хорошее правило: одним топором отрубать только пятьсот голов. Больше нельзя. — Он подошел к висевшим на стене топорам, положил руку на один из них и с умилением сказал: — Вот этим я отсек голову брату нашего хана. Храбрый был человек, но привели на плаху, и раскис, лишился чувств. А этот я привез из Исфагана. Мне подарил его мой учитель. И принадлежал он старшему палачу, служившему у самого «иранского льва», великого Аббаса…

Нагаш Акоп слушал его бормотание с содроганием и отвращением. Голос главного палача, казалось, вырывался из игольного ушка. Палач полу открыл дверь и повелел одному из своих помощников принести кофе. На обреченного Нагаш Акопа он больше не глядел.

Странное нашло на художника оцепенение. Равнодушно глядел на топоры и ножи, на кичливого буйвола-палача. В душе не было ни страха, ни раздумий.

А палач уже сидел на тахте, поджав ноги, и с удовольствием прихлебывал кофе. Наконец, отставив пустую чашку, он глухо спросил:

— О чем думает великий художник?

Нагаш Акоп глянул на палача, да так, что у того вдруг брови полезли на лоб.

— Удивляюсь, чего ты все воздаешь мне почести? — спросил художник.

Палач улыбнулся.

— А кто в силах отказаться от получения одного тумана в день, тэр Нагаш? Я бы рад держать тебя в моем подземелье целую вечность. Есть человек, который платил мне и Зулум Зекиру по туману в день, чтобы мы продлили твою жизнь и облегчили твои страдания.

— Кто же этот благодетель?

— Мне велено молчать.

Нагаш Акоп был чрезвычайно удивлен новостью. Кто же решился в этом вражеском городе подкупить главного палача хана и омерзительного Зулум Зекира?

Палач с таинственным видом подкрался к двери, прислушался и, убедившись, что никто за ними не подглядывает, кинулся к Нагаш Акопу:

— Слушай, гяур, глуп тот, кто считает триста туманов малым состоянием. За всю свою жизнь я не заработал такой уймы денег. А друг твой обещал и еще кое-что. Ну, а у меня же трое деток. Вот и смекай… Этой ночью мы устроим твой побег.

Нагаш Акоп, как ошпаренный, подскочил на месте.

— Яваш-яваш[34], — прошептал палач. — Хан приказал сегодня вечером, при заходе солнца, обезглавить тебя — в час, когда наши муллы с минаретов будут призывать верующих в молитвенные дома. Приказ есть приказ, и мы обезглавим, но не тебя, а другого. Есть у нас глухонемой один, слуга… На что он годен, и пяти курушей[35]не стоит. Оденем его в твою одежду и… Кто об этом узнает? Мы уже не раз так делали, и всего только за сто туманов. А за тебя нам

---

[34] Яваш — тихо (тюркск .).

[35] Куруши — гроши.

целых триста отсчитают! Значит, будь наготове и жди… а теперь иди! И будь спокоен, от трехсот туманов разве что дурак откажется. А этому глухонемому я дам индийское усыпляющее снадобье, в шербет намешаю. Так обалдеет, что на руках снесем на плаху. Оо!..

Палач продолжал говорить, но Нагаш Акоп уже не слушал его. Надежда на освобождение восстановила в нем утраченные силы. Мысли вертелись вокруг загадки: кто же его спаситель?..

Луч надежды

С того самого дня, когда Есаи был возведен в сотники, он со своими товарищами Цатуром и Семеоном жил с войсками спарапета в Дзагедзоре. Правда, Цатур и Семеон порой целые дни проводили в аване Горис. В свое время, когда рамикам и малоземельным крестьянам раздавали земли, отвоеванные у персов, Цатур и Семеон не взяли надела. «На что нам земля, — сказали они. — Кто знает, под каким камнем сложим свои головы. Нам не нужны ни дома, ни дети — только лишняя забота». Они посмеивались над Есаи, который поехал в родное село Чакатен, отыскал сына, передал ему свой надел и теперь отсылал ему еще свое жалованье на хозяйство.

Цатур и Семеон проводили время в питейных домах Гориса. Виноторговцы нахваливали их за щедрость, и все подставляли им полные чаши вина, моченые дикие груши, а то и жареную баранью голову. Крестьяне же сердились, когда Цатур и Семеон, изрядно подвыпив, садились перед винными лавочками и, наполнив трубки «поганой травой», курили. В такие минуты вокруг них обычно собиралось много народу. Молодые смотрели с завистью на «делающих дым» людей и втайне лелеяли мечту самим когда-нибудь попробовать этого зелья…

Еще было темно, когда из замка выехал Горги Младший и, повернув направо, въехал в Горис.

Аван еще спал. Продрогшие собаки с лаем кинулись на всадника. Из

ближнего хлева послышалось оглушающее мычание коровы. Заволновались петухи. Горги Младший остановился возле своего дома. Не сходя с коня, он потянулся и рукояткой плетки постучал в ворота.

— Кто там? — послышался недовольный голос матери.

— Заспались, что ли? — позвал Горги.

— А ты кто есть, что ломишься в такой час?! Явился ни свет, ни заря…

— Не проклинай, мать, это я, открой ворота.

— Ой, ослепнуть мне. Не узнала голоса твоего, что только на язык не навернулось… Сейчас, Горги-джан, сейчас. Чего это ты так рано? — Она поспешно открыла ворота и с восхищением глянула на сына.

Горги соскочил с коня и обнял мать. Давно они не виделись, хотя и находились неподалеку друг от друга.

— Да ты, никак, вина налакался, — рассердилась мать и выпустила сына из объятий. — Уж не Есаи ли учит тебя пить? Э-эй! Голову ему размозжу!..

Горги поцеловал руку у матери, в нос пахнуло парным молоком — мать только что доила корову.

— Не сердись на Есаи, — тихо проговорил Горги. — Он мне как отец родной. А выпил я всего чару перед выездом. Холодно, хотел согреться. Это один из моих товарищей ездил домой и вчера вернулся с бурдюком вина. Он из Шиванидзора. Досталось каждому всего ничего. Как ты, как сестренка?

— Дай бог тебе здоровья, — сказала уже спокойно мать. — А мы ничего, живем…

Вошли во двор. Под тутовым деревом лежали три козы. Куры, сидевшие на ручных жерновах, отчаянно закудахтали. Собака зарычала от радости, цепью обвила хозяину ноги. Со скалы, что нависла над пещерой — вся белая от птичьего помета, — взлетел орел… Горги привязал коня к дереву, окинул хозяйским взглядом двор. Все было в порядке. Собака явно сытая, шерсть у нее лоснится… «Ладно ведет хозяйство», — радостно подумал о матери Горги и вошел вместе с нею в дом.

Мать зажгла свет. На тахте зашевелилось одеяло, и высунулась голова

сестренки. Горги подошел, разлохматил ей волосы…

— Довольно спать, бесенок!

Сестра бросилась к нему в объятия. Мать вывернула фитиль в фонаре. Горги порылся в кармане и протянул ей горсть серебра:

— Жалованье, вчера выдали.

Зарманд пересчитала деньги и осталась довольна: сын ничего не растратил. У нее от нежности даже защемило сердце. Вернула сыну два серебряных, остальное положила себе в карман архалука.

— Ты — дым очага нашего, да продлится жизнь твоя, Горги! Храни эти две монеты, будет чем угостить друзей-приятелей. Ты теперь у нас вон какой видный…

Маро, прикрыв одеялом грудь, с любопытством и восхищением смотрела на брата. Горги, которого в отличие от его дядюшки, носившего то же имя, называли Младшим, был уже далеко не прежним деревенским пареньком. За два года, с тех пор как Мхитар сделал его своим оруженосцем, он очень вырос и изменился. На голове шапка десятника, такая, какие носят и другие десятники полка «Опора страны». Короткий кафтан облегает стан. На кожаном поясе висит длинный меч. За плечами новое ружье, высокие сапоги начищены до блеска. Сестра даже позавидовала брату: была бы она парнем, а он девушкой! Но это только на минуту подумалось так. Она тут же мысленно поругала себя за кощунство.

Мать поставила перед сыном яичницу и полную миску жирного творога, принесла лаваш и зелень.

— Ешь, сынок, — сказала она нежно. — Яичница и творог с утра — это полезно. Зелень вчера Маро принесла. Как сердце чуяло, что ты приедешь. Да что там, конечно, чуяло…

Горги мигом справился с яичницей. Съел и половину творога. Остальное пододвинул сестренке:

— Ешь, чертова жена. Вот попаду в Алидзор, куплю тебе серебряный пояс. И жениха хорошего найду!

— Если ты мужчина, лучше найди себе невесту, — засмеялась Маро. — А то у нас в деревне уже всех красоток просватали.

— Останется и на мою долю, — подмигнул Горги. — У меня дружок есть, каждый ус по целой пряди. И глаз один косой. Так вот, я обещал, что отдам ему тебя. Как ты на это смотришь?

— Ты только приведи!.. Задушу, как утенка… — Маро показала брату язык и юркнула под одеяло.

Мать подсела к сыну и тихо, чтобы не слыхала дочь, сказала:

— Это хорошо, что ты вспомнил о поясе, надежда моя… Обязательно купи. Маро ведь, сынок, на выданье. Уже три раза сватать приходили. Дважды завернула от дверей, но в третий не удержалась: дала согласие. Из агулисских сторон парень, из деревни Аза. Это что на самом берегу Аракса. Сам-то он ничего, говорят, из хорошего рода. Всякий год привозит с отцом вино на продажу. Приглянулась ему наша девочка. Кто же его знает, как все будет? Сказала «да».

— А Маро? — приглушенно спросил Горги.

— Думаю, согласится.

Горги почесал затылок. Что ответить? Никогда перед ним не вставал такой трудный вопрос. Не верить матери он не мог. А ей парень понравился. Может, и правда Маро попадет в хорошую семью?

Что ж, пусть выходит. Аза не на краю света. Четыре-пять дней конного пути. Однажды он даже побывал там. Дома у них настоящие, не пещеры. И село все в садах, на окнах висят занавески. Молодухи лица не закрывают и разговаривают с мужчинами без страха.

— Дело твое, мать, поступай по своему разумению, — сказал Горги и встал. — А теперь скажи, не знаешь ли, куда запропастились Цатур и Семеон?

— Чтоб их лихая подобрала! — распалилась Зарманд. — Вечером явились, им, видишь, покутить захотелось в нашем доме. Я не позволила. Налакаются, да еще наполнят дом своим дьявольским дымом. По три дня после них стоит чад. Не иначе, у мегринского виноторговца пропадают. Там они частенько и

ночуют.

Горги поцеловал в лоб сестру и направился к выходу.

— Ну, мать, я поехал, — сказал он с порога.

— Приезжал-то зачем?

— Чтобы отыскать этих пьяниц.

— А не скрываешь ли что от меня? — забеспокоилась мать.

— Уезжать нам со спарапетом…

— Доброй вам дороги. — Она хотела поцеловать сына, но сдержалась — не на войну же едет.

Горги взмахнул в седло и через открытые ворота вылетел на улицу. Уже всходило солнце. Стоявшая у входа в дом-пещеру Зарманд повернулась к востоку и, еле шевеля губами, прошептала:

— Всемогущий господь, обрати свой милостивый взгляд на мое дитя. Пожалей меня! — Глаза ее наполнились слезами.

Орел, свивший себе гнездо над домом, вернулся с дичью в когтях. Зарманд усмотрела в этом добрую примету и вошла в пещеру.

Горги постучался в дверь мегринского виноторговца. Узрев десятника, заспанный мегринец испуганно, метнулся назад.

— Куда ты! — крикнул Горги. — Я же не перс.

Не подходя ближе, кабатчик спросил, что угодно «человеку закона».

— Есть ли в твоем доме воины? — Горги постарался придать голосу суровость «человека закона».

— Чтоб им провалиться! — начал клясть виноторговец, считая, что десятник разгневан на своих воинов. — Тут они! Дрыхнут. Вон… Подпирают кувшины. Семи мужиков мало, чтобы поднять их на ноги…

Оставив коня, Горги шагнул в харчевню. В нос шибануло запахом уксуса, вина и гнилых овощей. Он прошел мимо карасов и тут увидел Цатура и Семеона. Они и правда лежали. Но напрасно ворчал виноторговец: два друга вскочили при первом же зове десятника.

— Что случилось, Горги? — испуганно спросил Цатур.

— Приказ срочно явиться в замок.

— Или еда стынет? — широко зевнул Семеон.

— Скорей, скорей! — торопил Горги.

— А ну, винная бочка, чтоб без вранья: на сколько мы выпили? — подступил Семеон к виноторговцу.

— На два серебряных, — сказал мегринец. — На полных два, истинный крест.

— Так много? — удивился Семеон. — Врешь ведь. Смотри, сверну твою заплывшую шею…

Виноторговец клялся, что он не обманывает, и просил расплатиться. Денег у Цатура и Семеона не было, сказали, пусть подождет до следующего жалованья. Во дворе кабатчик потянул Горги за рукав и с тревогой спросил:

— На войну?

— Тебе-то какое дело?

— Само собой, долг…

— Вернутся, уплатят!.. Не такие они люди, чтобы забыть.

— Да, это правда, храни их бог. Ну, а что, если уйдут и не вернутся, война ведь? — Он не докончил: Горги оттолкнул виноторговца, да так, что тот ударился о бочку.

— Бесстыжие твои глаза! — вскипел Горги. — Два серебряных тебе дороже двух воинов!

К счастью, Цатур и Семеон уже успели выйти и сейчас сунули в ручей свои хмельные головы, не то, услышь они слова кабатчика, вспороли бы ему пузо.

Виноторговец захныкал. Горги плюнул, достал из кармана два серебряных, те, что дала ему мать, и бросил их в лицо кабатчику:

— На, пухлый черт, сдохни!

Обозленный, он вышел и вместе с Цатуром и Семеоном ускакал к замку.

Весело улыбалось солнце. Бойко тянулись кверху дымки. Вышедшие из хлевов бычки почесывали о камни, измазанные навозом спины. Козы, задрав

хвостики, слизывали рассыпанную на плитах соль.

Горги заломил шапку и задористо оглядел девушек, идущих по воду. Голова у них не покрыта, через плечо перекинуты кувшины. Широкие рукава архалуков, отягощенные серебряными украшениями, отвернуты. Из-под них белеют узкие девичьи запястья. Горги очень хотелось обратить на себя внимание красоток, но гордячки будто и не замечали его.

В замке уже выстроились пять сотен воинов из полка «Опора страны». Горги погнал коня к дому спарапета.

Скоро явились военачальники. И отряд выступил из замка. Дорога, что вела в Кашатахк, пролегла через все село. На кровлях, на гумнах и на кучах слежавшегося зимнего навоза — всюду были люди. Шумели дети, посвистывали юноши. Старики, приставив козырьком ладони ко лбу, провожали взглядами войско.

Зарманд и Маро стояли на своем скалистом дворе, и все пытались отыскать среди воинов Горги. Старик сосед крикнул:

— Что за торжество, Зарманд, куда отправились воины?

— Бог их знает, может, на учение, — сказала Зарманд.

— Какое уж там учение, — послышалось с соседней кровли. — Мхитар поехал за царским человеком.

— К добру ли это? — усомнился старик.

— А какое нам может быть зло от русских!

— Да продлится их жизнь.

— Эй!.. — вскричал вдруг кто-то. — Мать честная, смотрите, знамя спарапета держит наш Горги!

У Зарманд заколотилось сердце. На миг будто нашло затмение. Потерла кулаком глаза и вгляделась… Трехцветное знамя развевалось перед войском. Зарманд узнала сына. Уперев конец древка в седло, он гордо ехал вслед за спарапетом и Тэр-Аветисом. Есаи был рядом.

— Да сохранит тебе сына господь, — произнес сосед.

— И твоего пусть хранит, дядя Татос, — дрожащим голосом ответила

Зарманд.

Прослезилась. Вспомнила мужа. И он был таким же гордым юношей, когда они поженились. Ей тогда исполнилось всего тринадцать лет. Но недолго длилось счастье… Мужа убили на войне. И сейчас ей уже тридцать шесть. Под каким камнем лежат его кости? И от старшего сына осталась только одна окровавленная одежда. Вынет из сундука, прижмет к сердцу, поплачет…

Зарманд осушила слезы. Хоть бы бог миловал последнего! Только бы не было войны…

Вскоре войско скрылось с глаз.

Проводив супруга, Сатеник тоже долго смотрела вслед уходившему отряду. Сегодня она напишет в своей летописи о великом событии — в Армению прибывает посланник русского царя. Пробуждается новая заря, на горизонте высвечиваются лучи надежды. И от этого сердце Сатеник, неизменно переполненное горем, немного успокоилось. В голове уже возникали слова, которыми она изложит свою радость. Сатеник направилась в свою рабочую комнатку, надеясь встретить там Агарона. Отец обидел сына, отказался взять с собой встречать посланника. «Мал ты еще для таких дел», — резко отмахнулся от него Мхитар. Матери хотелось утешить сына, чтобы обида не засела занозой в его сердце.

За низеньким столом сидела Цамам. Склонив голову к правому плечу и прикусив язык, девочка усердно писала… Заслышав шаги, она обернулась к двери. И тотчас встала, застыла в смиренной позе. Тикин Сатеник подошла, внимательно просмотрела написанное. Хотела спросить, не был ли Агарон, но удержалась, — не стоит открывать свои чувства…

— Букву «а» ты пишешь слишком крупно, — сказала она вполголоса. — Концы ее разметала, распустила…

Цамам еще больше склонила набок голову. Взглянув на нее, Сатеник чуть не рассмеялась, что, впрочем, позволяла себе редко. Девочка обиженно надулась. Нос и чуть вздернутая верхняя губа, даже золотые сережки в ушах — подарок тикин Сатеник — были испачканы чернилами. Цамам напоминала

козленка, что стоит, набычившись в углу хлева, недовольный матерью. «Обидчивая, однако, — подумала Сатеник. — Упрямое и самолюбивое растет поколение». Вон и ее дети такие. Сделаешь замечание, тут же обижаются. И слава богу! Раньше, когда были под персами, без обид все подчинялись — рабы, да и только.

В сердце шевельнулась приятная радость: эта крестьянская девочка, которую она взяла у родителей, чтобы обучить грамоте, никогда уже не будет жить в рабстве. И другие дети тоже…

Цамам по-прежнему не поднимала глаз. Короткополый голубой кафтан мило облегал ее тоненький стан. Украшения на груди и на рукавах переливались всеми цветами радуги.

— Что пригорюнилась, овечка ты наша? — ласково спросила Сатеник, прижимая к груди голову девочки. — И я немало мучилась, пока одолела грамоту. Выучишься и ты!

Сатеник привезла Цамам в Дзагедзор после свадьбы Гоар. Смышленая девочка очень понравилась ей. Сердце Сатеник жаждало нежности. И в Цамам она искала утешения. Свои дети, к сожалению, дарили ей все меньше и меньше радости. Старший набрал с полсотни юношей-сверстников и вместе с ними с головой уходит в военные игры. Характером он все больше и больше делался похожим на отца. И часто бывал, подобно Мхитару, холоден и даже жесток. Младший был еще ребенком. Сам Мхитар большую часть года отсутствовал. Приезжая домой, был сух, рассеян, невнимателен.

Цамам принесла с собой в дом весеннюю свежесть. У девочки был приятный голос. И Сатеник иногда сажала ее возле себя, просила что-нибудь спеть. Цамам пела знакомые с детства печальные крестьянские песни. В такие минуты тикин Сатеник вспоминала былое, все, что безвозвратно ушло в прошлое, и ее большие глаза наполнялись слезами. Она чувствовала родство души в этой деревенской девочке и всем сердцем хотела, чтобы Цамам навсегда осталась ребенком — такой обидчивой, вспыльчивой и такой же гордой, как ее родные горы, и нежной.

Читать Цамам научилась скоро, но с письмом дело не ладилось. И это очень огорчало девочку, вот как сейчас.

— Да не горюй, дочь моя, — повторила Сатеник. — Еще немного усилий, и все получится…

— Ничего не получится! — неожиданно раздался голос Агарона.

Тикин Сатеник выпустила девочку из объятий и обернулась. На пороге, увешанный оружием, стоял старший сын и насмешливо улыбался. Юноша слегка поднялся на носках, чтобы казаться повыше. На лоб из-под шапки выбилась непокорная прядь черных кудрей. В глазах блистала дерзость знающего себе цену княжича.

В груди Сатеник шевельнулась волна нежности. И впрямь сын заметно вытянулся. А давно ли вышел из пеленок? И вылитый отец. Тот же смелый взгляд, точеный нос, та же насмешливая улыбка в уголках губ.

— Напрасно ты думаешь так о моей Цамам, — мягко упрекнула Сатеник сына. — Она прилежная ученица и непременно выучится грамоте…

— А зачем ей грамота, дорогая мама? — чуть приподняв саблю, Агарон приблизился к матери. — Лучше пусть научится варить обед и латать одежду, чтобы муж не бил ее как собаку.

— Это пусть тебя изобьют как собаку, — вспылила вдруг Цамам. — Военачальник… Не умеешь как следует коня оседлать. Слуга все за тебя делает…

— Я? — удивился Агарон и вмиг превратился в сердитого юнца. — Ах ты грязнуля!.. Корить вздумала… Посмотрела бы на себя, вся в чернилах…

— У тебя злой язык, Агарон, — вступилась Сатеник, сердито глянув на сына. Ей вдруг вспомнился муж с его язвительностью. Из груди невольно вырвался стон. — Чтобы впредь ты никогда никого не оскорблял. Слышишь, не смей!

Агарон зарделся. Он не раскаялся. Нет, напротив, только оскорбился, что мать при постороннем человеке сделала ему замечание. А в душе укорил себя: связался с какой-то девчонкой! Подобает ли ему? Он ведь на целых три года

старше ее и уже командует отрядом сверстников.

— Пусть прикусит язык, тогда никто ее и не тронет, — процедил он сквозь зубы.

— Мой язык всегда при мне, — прервав всхлипыванья, тут же вскинулась Цамам. — Это ты вечно смеешься надо мной и дразнишь. Говоришь такое, что мне стыдно за тебя… Ты плохой, плохой! Гига и Давид хорошие, а ты…

Сатеник принялась успокаивать девочку. И снова упрекнула сына, просила обоих жить друг с другом в мире и согласии. Девочка перестала плакать. Агарон вскоре забыл о ней и начал жаловаться на отца, который не взял его с собой.

— Будто я все еще в пеленках, — проговорил он сердито. — Мне так хотелось увидеть царских людей!..

— Не огорчайся, сын мой! Царский посланец приедет к нам в гости, ты и увидишь его.

На следующий день, за завтраком, Цамам, уже забыв о ссоре, шепнула Агарону на ухо:

— Идем, я тебе что-то скажу.

Юноша удивился ее миролюбивому тону и, хотя он решил не разговаривать с Цамам и ни во что ее не ставить, все же последовал за ней. Под одним из низких сводов передней она остановилась и припала губами к уху Агарона:

— Хочешь, я помогу тебе поехать встречать царского человека…

— А-а-а… — отмахнулся Агарон.

— Не веришь, — обиделась Цамам. — Тикин, мать твоя, обещала послать меня домой проведать родителей. Я попрошу, чтобы она отпустила тебя со мной, скажу, боюсь одна, хорошо? Нас будет сопровождать всего один воин. По дороге мы уговорим его и поскачем в Цицернаванк. Там будут встречать царских людей. Согласен?

— А то нет! Только бы тебе удалось уговорить мою мать! — обрадовался Агарон, хотя и не очень верил в осуществление своего желания.

Цамам тут же побежала к тикин Сатеник.

В горах сгущались черные облака. На вершине горы Ишхан-Мец сверкнула молния. Свинцовым покровом нависли над ущельями набрякшие тучи. Полил проливной дождь.

Отряд Мхитара поднимался вверх по взгорью. Вскоре их нагнал дождь. Воины натянули бурки. Но это не помогло, страшный ливень вмиг захлестнул и людей, и коней. В лощинах запенились потоки.

Продвигаться стало труднее. Дорогу развезло, грязь облепила лошадям копыта, животы.

Ехали молча. Мокрыми руками вытирали воду, которая заливала глаза. Мхитар, как обычно, был впереди, Тэр-Аветис держался справа, мелик Еган — слева.

Еган вдруг залился смехом и начал громко рассказывать историю о том, как женщина обстригла мужу бороду.

— Было это неделю назад. Завалился пьяный муж спать, тут жена и обкорнала его. Утром проснулся и ахнул. А теща уверяет, что это его ангел небесный покарал за то, что накануне побил жену. Мужик, само собой, поверил. Вон он, в моем отряде. Без бороды. Лишили образа человечьего. Что теперь делать бедняку?

— Надо было проучить тещу! — загорелся Тэр-Аветис. — Глупец, поверил ведьме.

— По-твоему, он должен был глотку ей перегрызть? — вмешался Мхитар. — Подумаешь, бороду обрезали, вырастет новая!..

Дождь неистовствовал до полудня. Кони выбились из сил. Бурки и овчинные шапки, отяжелев, давили на плечи и головы людей.

Вскоре к отряду Мхитара присоединились мелик Бархудар и зять его, сотник Товма, со своими отрядами и знаменами. Обменявшись приветствиями, уже все вместе продолжали путь.

Едва спустились в ущелье, как дождь прекратился и показалось солнце — сверкающее, ослепительное. С воинов повалил пар. Люди ожили.

Ущелье Ахавни было зажато лесистыми склонами, на которых высились белые, медно-красные и синие гранитные скалы. Одни напоминали сидящего верблюда, другие — воющего волка, третьи — молящегося человека.

Вдали показался хребет Арцаха. Варандинцы с тоской смотрели на свои, казалось, одетые в пурпур горы. За ними были их родные поселения. С той стороны должен прибыть и человек, которого они едут встречать. Оттуда же прибудет русский царь и его войско.

Солнце после дождя жарило как остервенелое, но было это на удивление приятно и очень подбодрило воинов. Кто-то начал насвистывать старинную песню, кто-то разложил на коленях для просушки намокший лаваш.

Цатур ткнул рукояткой плети ехавшего рядом с ним воина:

— Весна пришла, Вецки Маргар!.. Оглянись вокруг. Земля ждет своего хозяина.

— Да! Пора выводить в поле плуг, — вздохнул Маргар, теребя огненную бороду.

— Что, руки чешутся? — спросил Есаи.

— Земля набухла. Самое время пахать.

— А землю-то получил?

— Четыре сомара. Мхитар обещал дать денег на двух бычков, придет время, прикуплю еще пар шесть быков, если только господь пожелает этого…

— И бросишь войско?

— Не всю ведь жизнь воинами будем. Когда-нибудь придет тому конец, — не то с усмешкой, не то убежденно бросил Вецки Маргар. — Трех сыновей вырастил. Двух отдам в полк, а со старшим поведу хозяйство. Его я сразу женил, как только землю получил. Еще по осени. — Маргар ослабил поводья. — Вот только невестка, сатана, оказалась бездельницей.

— Должно быть, позарился на дочку богатея, не иначе, — заключил Есаи.

— Есть грех, священникову дочку сосватали. Знатный дом. Избави вас бог от такой невестки. Чуть по миру не пустила, проклятая. Но и я свое дело сделал. Пусть теперь батюшка облизывается. Да, видная была девушка,

руки-ноги — все по стати, и лицо — облако из Дарпаса, красное, круглое… Батюшка с попадьей на все лады расхваливали дочку, таким соловьем на людях заливались. А когда сватать пошли, они еще отказывали. Это потом только согласились. Ну, решили мы повенчать их. Я, правда, сказал батюшке, что одной ногой привязан к войску и если, мол, дочь твоя не гнушается работой, тогда возьмем — жене помощница будет. А не то разойдемся миром… Священник саном своим поклялся, что дочка у него на все руки горазда. Мы и поверили. Поженили дите, привели невестку домой. Проходит день и пять дней, а там и десять, видим, ни к чему она рук не прикладывает. Негодница даже за водой не ходит. Говорю жене: невестка наша — бездельница, как быть? Жена тоже горем исходит, бьет себя по коленям… Не приведи господи. Ни теста замесить, ни одежду сшить, ни корову подоить… Хоть погибай… Зато аппетитом бог не обидел, наравне со всеми ела. Но что поделаешь — сын привязался к этой бездельнице. Бывало, милуются до утра в своем углу… «Ну, — думаю, — ничего, он у меня богатырь. Парень что надо. Скоро нащелкает себе сынов. Я их всех и отдам Давид-Беку. Сам-то старею, с меня довольно. И от невестки, глядишь, прок будет». Ох, люди добрые, хранит вас господь от такой невестки! — махнул рукой Маргар. — Как-то раз детей дома не было… Только я, жена да эта змея подколодная… В доме ни капли воды, а тут еще жена нездорова. Решил я устыдить невестку — взял кувшин, хотел пойти за водой. Жена схватилась за кувшин, держит, не пускает. Кричит: «Чтоб мне ослепнуть, да разве мужчины ходят за водой!» Я тяну кувшин к себе, она к себе, а невестка не только с места не тронулась, но даже сказала: «Зачем ссоритесь, пусть сперва один сходит, потом — другой».

— Ха-ха-ха!.. — рассмеялись воины.

— Вот это невестка…

— Чего гогочете! — рассердился Маргар. — Как услышал я такое, кровь в голову ударила. Подумал, возьму вилы, исполосую эту дрянь. Жаль только, жена не пустила. Так и пошел сам за водой. Никакой науки она из этого не вынесла. Ела, пила себе и с каждым днем, проклятая, все расцветала…

— Чем же все это кончилось? — едва сдерживая смех, спросил Есаи.

— Будь он проклят, этот конец, — простонал Маргар. — Что я, князь, чтоб задаром кормить бездельницу… Тоже кое-что сотворил. Встретил однажды пройдоху попа, он и говорит мне: «Сват Маргар, хочу поехать в Дизак, купить коня. Что скажешь?» Отвечаю: это, мол, очень хорошо, батюшка-сват, но зачем же тебе таскаться в Дизак? У меня есть конь отменной породы, и я как раз собираюсь продать его, а взамен купить овец. Покупай, говорю, будешь до конца жизни благодарить. Не осталось, наверно, слов, которых я не отвалил бы в похвалу своему коняге. Батюшка согласился, обещал прийти вечером посмотреть животину. А надо сказать, что мерин у меня был никудышный — старый и немощный. С трудом водил я эту клячу на водопой. Ну, вернулся домой, вошел в стойло, чуток подпалил коняге мошну, взял плеть… и стал как следует охаживать… И так взбесил его, что он уже стал вскидываться на дыбы, едва я палец кверху подниму… И глаза, у черта, оживились. А тут и сват явился. Выпили мы с ним по чарке, и повел я его в конюшню. Увидел меня конь, взвился на дыбы, заржал, да так заплясал, словно тебе трехлетний жеребчик. «Видная животина», — сказал батюшка. «Не уступит и коню самого Давид-Бека», — вставил я. Поторговались, сладили цену, я получил деньги и велел младшему сыну отвести коня к свату, а сам пригласил батюшку еще по чарке вина выпить.

На другой день сват мой собрался в соседнее село на крестины. Седлает он коня, а несчастная животина ног не волочит. Как ни старался сват, а сдвинуть коня с места не мог. Понял тут батюшка, что я обманул его. Бежит в село, собирает народ, зовет и меня. «Этот, говорит, так его разэдак! — нечестивый человек не постыдился продать мне такую негодную лошадь. Сейчас же, — кричит, — верни мои деньги и забирай свою падаль!» Тут-то я ему при всем честном народе и выложил: «Не очень, говорю, ори, батюшка. Не ты ли первый обманул меня? Подсунул свою ленивую, негодную дочь — ни метлы в руки взять, ни воды принести, ничего делать не хочет. Самая что ни на есть лентяйка на свете. Вот когда ты заберешь свою дочь, тогда и я заберу лошадь. На том и

весь сказ!» Батюшка еще для виду немного покричал, но скоро остыл и присмирел…

— Хорошо ты с ним расправился! — одобрительно отозвались со всех сторон.

— А невестка после этого стала на что-нибудь годна или нет?..

— Преставилась, — равнодушно ответил Маргар.

— Нечто от безделья?

— Э, — отмахнулся Маргар. — Умерла, и все тут!.. Откуда мне знать отчего. Вот уже месяц, как отдала богу душу… Похоронили, значит, привели другую невестку — дочь рамика: ну чистое золото.

— Недаром говорят, отрезай прут с собственного куста. Что они умеют, эти из богатых домов, — знай себе жрут да прохлаждаются, — заключил Есаи…

Солнце уже улеглось на белоснежную подушку горы, когда Мхитар и его свита добрались до Цицернаванка. Вардапет Авшар Тэр-Гаспар в сопровождении духовных отцов и монастырской братии вышел навстречу Мхитару.

— Есть вести? — осведомился Мхитар.

— Только что сообщили: скоро будут, — ответил вардапет.

Не успели еще прибывшие въехать в монастырь и спешиться, как стоявший на скале дозорный монах подал знак, что едут. Тут же доложили спарапету. Он вышел из храма в полном облачении, во всех доспехах, окруженный меликами, сотниками и монахами.

Взойдя на монастырскую стену, Мхитар приник к подзорной трубе и взглянул на дорогу, что вела из Арцаха в Цицернаванк.

— Подымите знамена, — приказал он, сходя вниз, — и постройте войско!

Сотники бросились исполнять его приказание. Воины оживились.

Посольская кавалькада быстро приближалась. Порою она терялась на поворотах, потом снова показывалась на склоне горы. Под лучами заходящего солнца поблескивали оружие и шитые золотом одежды.

Вскоре ясно завиделось русское знамя. Впервые развевалось оно на Армянской земле.

Полк спарапета выдвинулся вперед. В головной колонне загорелись цветами радуги знамена Давид-Бека, Верховного Армянского Собрания, заискрились штандарты спарапета и меликов. Неумолчно звонили монастырские колокола. В радостном восторге застыли воины. Спарапет Мхитар сошел с коня. То же сделали посланник и сопровождающие его лица. Возглавляющий Арцахское войско князь Ованес сказал что-то послу. Тот продвинулся вперед и, взяв у шедших рядом с ним офицеров свиток, приложил его ко лбу, поцеловал, затем прижал к груди и произнес:

— От великого государя всея Руси Петра Алексеевича нижайший поклон земле Армянской, славному Давид-Беку, военачальникам, войску, духовенству и всему армянскому народу.

Его слова тотчас перевели.

— Слава богопомазанному царю, императору Петру Алексеевичу!.. — ответил спарапет.

Ущелье загремело от громких криков:

— Да живет великий царь Руси!..

— Добро пожаловать в нашу страну, посол великого царя! — продолжал Мхитар. — Ты желанный гость, и мы просим тебя, раздели хлеб-соль нашего братства.

Вардапет Авшар Тэр-Гаспар поднес на серебряном блюде хлеб-соль. Посол был высокорослый, горбоносый, с окладистой бородой. Одет на манер европейского купца. Безоружный.

— Да будет так во веки веков, — откушав хлеба, сказал он.

— Да будет!.. — повторили армяне.

Одеяние двух русских офицеров, которые сопровождали посла, произвело на армянских меликов и военачальников завораживающее впечатление. На голове у русских были широкополые треуголки, шитые по краям золотом, украшенные к тому же и страусовыми перьями. На светло-зеленых суконных

кафтанах, едва доходивших до колен, алели перекинутые через правое плечо ярко-красные атласные ленты в пядь шириною. Они заканчивались внизу золотыми кистями. Рукава кафтанов отогнуты у запястья и тоже обшиты золототканой парчой. Станы перехвачены широкими поясами. На ногах белые длинные чулки. Обуты оба в красные сапоги с короткими голенищами, завершающимися кисточкой. Безбородые, зато усатые и с пышными бакенбардами.

Оружие, пуговицы на кафтанах — все сверкало.

Армянские мелики еще никогда не видели людей, одетых так роскошно. Особое восхищение вызывали развевающиеся на ветру красные накидки.

Офицеры были серьезны и торжественны. Но и они с не меньшим удивлением разглядывали стоявших перед ними армянских воинов — темнокожих, темнобровых и даже с виду явно отважных.

— Вот, выходит, какие они, царевы люди? — удивился Семеон. — Одного золота сколько на каждом… Счастливая, знать, у них страна!..

— Попридержи язык, человек божий, — упрекнул Цатур, хотя в душе и сам не без зависти дивился на русских.

Все торжественно вошли в ограду монастыря. Авшар Тэр-Гаспар, читая псалмы, шагал впереди. Шедшая за престарелым монахом братия несла высоко в руках иконы, с которых свисали унизанные жемчугами кисти. Курился ладан. Вардапет двигался медленно, время от времени осеняя войско и гостей серебряным крестом.

Наконец вошли в храм. После краткого молебствия по случаю прибытия гостей вардапет пригласил к столу.

В трапезе принимали участие только посол с двумя офицерами и Мхитар с меликами. Сотников не пригласили. Тэр-Аветис восседал между русскими офицерами и без конца угощал их. Они с трудом разжевывали непривычный армянский хлеб — лаваш и приправленное тмином вареное мясо, с опаской пробовали зелень — мяту и крессалат. Однако, по всему было видно, еда им понравилась, с угощениями расправлялись дружно.

Разговор за столом в основном вели Авшар Тэр-Гаспар и русский посланник. Настоятель рассказывал о своем древнем монастыре.

Молчание спарапета казалось царскому послу странным. Мхитар только из вежливости изредка задавал вопросы, не имеющие касательства к приезду посольства. А послу хотелось поскорее зачитать армянским воеводам грамоту царя, но он дожидался, пока об этом заговорит сам спарапет.

Трапеза затянулась. Наконец Мхитар встал.

— Дороги в наших горах трудные, господин посол, — сказал он через переводчика. — Ехать ночью тебе и почтенным спутникам твоим будет не безопасно. Не лучше ли здесь переночевать, а утром с богом в Алидзор?

— С удовольствием, господин спарапет, — согласился посланник.

Гостей удобно разместили. Мхитар приказал усилить охрану и назначил Бархудара начальником ночных караулов.

Стояла звездная ночь. Постепенно в Цицернаванке воцарился покой. Лишь река рычала под стенами монастыря да порою со стороны горы Ишхан-Мец вспыхивали слабые зарницы и раздавался глухой гром.

Тропка из Дзагедзора в Пхндзакар вилась по лесистым ущельям. Солнце после ночного дождя, яркое, словно омытое, торопилось высушить землю, деревья, камни. Горы дышали весенней свежестью. Весело чирикали воробьи, переговаривались перепелки. Фыркал выбравшийся из темных зарослей на росистую прогалину фазан. Воздух от благоухания серой мяты, пробивавшейся по берегам ручейков и речушек, был легким и приятным.

Поднимаясь по тропке, рядышком ехали Цамам и Агарон. Сзади, небрежно восседая на пегой лошади, плелся пожилой воин. Цамам радостно и без умолку болтала, то и дело смеялась. Вертелась в седле, пела и снова без надобности смеялась. Ее ребячество было не по душе Агарону. Он сердился. Но одернуть девочку, особенно в присутствии постороннего человека, стыдился. Умел он держаться гордо и с достоинством. И не любил, когда его принимали за ребенка. С подчиненными отца обычно говорил, как взрослый, подражая в этом Бандур-Закарии. Был уверен, что отец поступает неверно, запросто обращаясь с

воинами. То ли дело Бандур-Закария. Стоило ему показаться в казармах, воины тотчас вскакивали и вставали перед ним навытяжку. А отец балует воинов. Он может порой запросто выпить с Есаи — этим вчерашним бродягой. Часто ночует в казарме…

В полдень доехали до ущелья реки Ахавни и тут встретили возвращавшийся из Цицернаванка полк, который сопровождал царского посланца. Мхитар очень удивился, увидев сына и Цамам, и уже поднял было плеть, но спохватился и сдержался. Принужденно улыбнувшись, объяснил послу, что встретил своих детей, а мимоходом успел грозным взглядом дать понять сыну и сопровождающему его воину, что еще посчитается с ними.

Послу Агарон понравился. Подозвав отрока, он вынул из кармана изготовленную в Голландии круглую серебряную медаль с изображением царя Петра и прикрепил ее к груди Агарона. От радости тот был на седьмом небе и в порыве благодарности поцеловал послу руку.

Цамам, как завороженная, смотрела на русских офицеров. И вдруг неожиданно рванула лошадь, кинулась и припала к груди офицера. Тот на миг смутился, потом поцеловал девочку. Посол что-то сказал ему, и офицер, сняв с себя крест, надел его на шею Цамам.

— Рус, рус!.. — радостно воскликнула она.

Все были взволнованы. У многих на глазах блестели слезы.

Вардапет Авшар Тэр-Гаспар простер к небу руки и осипшим голосом возгласил:

— Боже всемогущий, да будет твоя благодатная длань всегда простерта над этими детьми. И да будет нерушима наша дружба с русскими!

Прослезился и пожилой посол. Чтобы скрыть волнение, он пришпорил коня.

Цамам отъехала от офицера, спешилась, подошла к брату и виновато сказала:

— Мы домой пробирались, но сбились с пути.

— Ты заблудилась? Так я и поверил! — покачал головой Товма. —

Хотелось бы только знать, что тебя сюда занесло?

Агарон не решался приблизиться к отцу, боялся, как бы не стал он в присутствии русских бранить его. Дома, там пусть хоть к столбу привяжет…

Зато Цамам радовалась. Еще бы: исполнила желание Агарона, и русский офицер подарил ей крест, и посол такой добрый. Радовалась всему: солнцу, цветам, жизни…

Часто проезжали через села, и всюду посланцев русского царя встречали хлебом и солью. В иных местах народ просил гостей спешиться, отведать кушаний из мяса жертвенных ягнят, которых резали тут же.

Непривычно оживленной и людной была в эти дни дорога, что вела из Кашатахка в Алидзор.

На ночлег остановились в селе Хонацах. В старинной церкви отслужили молебен. До полуночи не стихало село. Звенела зурна, устраивали конные состязания, дарили гостям подарки.

С рассветом тронулись в путь. Следующую остановку Мхитар решил сделать в Пхндзакаре, в доме мелика Туринджа, и, чтобы соответственно приготовить встречу, выслал вперед сотника Товму.

Русским все было в диковинку. Удивляли армянские горы, — казалось, они держали на своих вершинах небосвод. Удивляли глубокие ущелья, теснины — одна другой неприступнее и грознее. Удивляли армянские села, где жилища в большинстве были расположены в скалах, порой на такой высоте, что орлиные гнезда лепились много ниже. Все было необычно для русского человека в этой стране. Но больше всего поражали сами люди. Черноликие, полные отваги, одетые просто, но добротно, густобородые воины-армяне на равных разговаривают со своими воеводами. И военачальники мало чем отличаются от них, так же непритязательна их одежда, просты в обращении с народом…

У входа в ущелья, у скальных пещер, нависших над речками, — всюду встречались вооруженные люди. Даже занятые пахотой и те не расставались с оружием.

Проезжая по одной из теснин, русские заметили, как местами будто сами скалы дымились. С труднодоступных пещер свисали длинные веревки. И все вокруг увидели, как по одной из них взбиралась вверх молодая женщина — с кувшином на спине и с запеленатым ребенком, которого она крепко прижимала к груди.

— В этих скалах живут? — не веря своим глазам, спросил русский офицер. — Что это, первобытные люди?

Армяне снисходительно улыбнулись. Мелик Еган сказал:

— А ну-ка посмотри теперь сюда, русский брат. Видишь ту церковь у дороги? Люди, читающие древние письмена, говорят, что ей тысяча лет. Взгляни на ее своды. Будто с неба спустилась, словно рука человеческая к ней и не прикасалась…

Церковь и впрямь была очень хороша. Резьба на двери напоминала тонкое кружево. Резьбой были украшены также своды колокольни…

— Чудо! — воскликнули восхищенные офицеры.

— И сотворили его люди, которые жили в этих скалах, — заметил мелик Еган. — А если бы ты повидал Татев! Я уж не говорю о Гарни и Эчмиадзине… Э-э, брат! А ты говоришь, первобытные люди… Бог дал армянам все таланты, — видно, оттого они и лишены покоя. Зависть сглодала наших недругов…

К вечеру прибыли в Пхндзакар. Все село высыпало встречать дорогих гостей. Снова подносили хлеб-соль, снова резали баранов и телков. И звучала зурна, надрывались волынки. Престарелый мелик Туриндж, от радости словно потерянный, без конца повторял:

— Благодарю тебя, отец небесный, пришел-таки час, ступила русская нога на Армянскую землю!..

Больше всего ликовала Цамам. Металась по дому. Зацеловала мать и бабушку. Потом выбежала, схватила Агарона за рукав и насильно втащила к своим. Он смутился. А тут еще женщины, от которых почему-то пахло тмином и свежевыпеченным хлебом, принялись целовать его.

Гоар тоже обняла Агарона и долго не отпускала от себя. Словно перед нею стоял юный Мхитар. Строгие и внушающие робость глаза Гоар на миг налились слезами, но она удержала их.

В Пхндзакаре все были рады приезду дорогих гостей. Все, кроме мелика Бархудара и его дочери. Но различными были причины их неудовольствия.

«С какой стати Мхитар решил остановиться здесь? — негодовала про себя Гоар. — Или хочет досадить мне своим молчанием, своим обжигающим, но отчужденным взглядом? Он ведь не забывал меня? Может, и приехал затем, чтобы повидать меня!.. Иначе ведь он мог бы отвезти русских в более достойное место».

Выйдя замуж, Гоар решила никогда больше не встречаться с Мхитаром, не замечать его, не удостаивать даже мимолетным взглядом. Но решение решением, а сердце разрывалось от тоски, и она чувствовала, что бессильна сдержать душевную бурю. Гоар боялась встречи с Мхитаром и в то же время страстно желала ее.

И вот Мхитар в ее доме, сердце снова терзают тысячи подозрений. То мнится, что Мхитар никогда и не любил и лишь, увлеченный красотой, преследовал, а добившись ее любви, забыл, покинул, больше того, выдал замуж за другого. Спустя мгновение Гоар убеждает себя, что никто на свете не может так любить, как Мхитар, и тогда она проникается жалостью к нему…

Все последнее время Гоар безмолвно несла свое горе. Никто не знал о ее страданиях. Она заставляла себя радоваться и внешне производила впечатление счастливой женщины.

Именно такой она пыталась казаться и сейчас, в присутствии высоких гостей.

Страдания мелика Бархудара имели иную основу. Оскорбленное самолюбие все еще не давало ему покоя…

Торжественный стол был накрыт в большой пещере. От выпитого вина глаза Бархудара уже начали туманиться. «Опять обесчестил меня рамиков последыш, — бесновался он. — Объехал мой дом, привез гостей сюда, за стол

лжемелика, у которого и хлеб-то пахнет рамицким навозом. Опозорил, убил…»

Мелик Еган тряхнул его за плечо:

— Пей, тэр Бархудар, давай-ка хватим за долголетие русского государя императора…

Бархудар поднял чару и, обращаясь к послу, крикнул:

— Да будет у нас единая воля, русские! Не станет тогда покоя ни у шаха, ни у султана. За единую волю!..

Сказал и выпил. И зашевелился снова в мозгу беспокойный червь. Бросил мелик на Мхитара взгляд, полный злобы. «И почему я не прикончу это чудовище? Можно бы индийский яд употребить… Или пристрелить тайком?.. И тогда честь быть спарапетом перейдет к нашему роду, я добьюсь этого!»

Он посмотрел на сидящего напротив старшего сына. Туполицый, с мелкими узкими глазками и плоским лбом, Мигран не понравился ему. Даже противно стало. «В материных братьев удался, щенок! Разве из такого получится спарапет!..»

Царский посол сидел гордо, торжественно, как и подобало представителю великой державы. Князь Ованес-Аван что-то воодушевленно рассказывал ему.

Мхитар подлил послу вина.

— Этак можно и опиться, — попытался было отказаться гость.

— Благороднейшее вино, господин посол! Пей на здоровье! — Мхитар отрезал кинжалом от зажаренного барана, что лежал на медном подносе, переднюю ногу и протянул послу: — Пей, ешь! Так мы будем угощать всех царских людей…

— А если их будет много? — спросил посол.

— Пусть едут к нам хоть десять тысяч. Прокормим, оденем, и ни один из них в обиде не останется. Пусть только едут!

— А если эти гости задумают остаться в вашей стране надолго?

— Дай-то бог! Мы не из тех, кто бежит от гостей. Сердца и амбары наши открыты для всех желанных гостей. Будь покоен.

«Выходит, армяне могут содержать десятитысячное русское войско, и

долгое время? — удивился про себя посол. — Так и скажем царю».

Петр как раз и поручил ему разведать, найдется ли в Армении продовольствие для войска и фураж для лошадей.

Во время застолья Бархудар, улучив минуту, встретился с Гоар наедине и с усмешкой спросил:

— Как живешь, дочь?

— Твоими заботливыми молитвами, — ответила рассеянно Гоар.

— Это и видно. Пхндзакар превратился в неприступную крепость. Ясно, не велением твоего супруга и свекра. Я понимаю, что это сделала ты.

— Ты прав, отец мой. Я укрепила наше владение.

— Против кого? — скрипнул зубами отец.

— Против любого, кто с враждой явится к нам.

— Явлюсь я! — процедил Бархудар. — И не просто вы это переварите, ой нет!..

— Приходи, — предложила дочь. — Примем как подобает.

— На коленях, не так ли?..

— На ногах, со свинцом, со смертью и проклятьями!..

— У-у-у! — застонал Бархудар. — Надеешься на Мхитара? Так знай: и он не переварит!.. Увидишь!..

Повернувшись, мелик Бархудар оставил дочь и быстро вошел в помещение, где продолжалось пиршество. Гоар, словно окаменев, долго стояла на месте. Она знала отцовскую жестокость. Но не ожидала такой открытой враждебности.

— Поживем, увидим! — произнесла она и только теперь заметила, что отец ушел.

Ночью Гоар тайно призвала к себе Горги Младшего.

— Часто мой отец бывает вместе со спарапетом? — спросила она.

— Часто, госпожа, — с поклоном ответил Горги.

— Как тень, будь всегда подле своего господина, — прошептала таинственно Гоар. — Особенно остерегайся моего отца и его людей.

Слышишь? И чтобы никто ничего не знал… Ты, только ты знай, будь осторожен…

И вспыхнула от волнения.

Утром гости уехали.

Когда полк спарапета выступил на Алидзор, Гоар из укрытия следила за удаляющимся Мхитаром. И слезы катились по ее лицу…

Свет в нашем доме

На городском базаре в Мегри с рассветом поднялась пыль. Вместе с клубами пыли из открытых ворот выскочила на улицу тощая собачонка, остановилась, задрала лапу у покосившейся стены, справила нужду и побежала к берегу реки. Туда, где мясники забивали скот. Бежала, вытянув морду, гонимая запахом мяса и свежей крови. Неслась с такой стремительностью, словно какой-то невидимый вихрь уносил ее за собой. На повороте улицы собака наткнулась на одинокого прохожего, взвизгнула, ощерилась и снова кинулась бежать в сторону реки.

Бродячий музыкант посмотрел собаке вслед, усмехнулся, аппетитно зевнул и, почесывая полуобнаженную грудь, вошел на рыночную площадь.

У ворот сидел какой-то нищий и сокрушенно качал головой:

— Не укусила!.. Ай-ай-ай… Была бы у нее прежняя сила, обязательно бы цапнула.

Музыкант, удивленный, остановился возле нищего.

— Ты хотел, чтобы собака укусила меня? Кто ты, божий человек?

— Иди своей дорогой, — с ног до головы оглядывая с презрением музыканта, выпалил нищий.

— Я не по злобе спрашиваю, брат, — не отставал музыкант.

— А я привык сносить и злобу, и тебе советую так поступать. Не заслоняй только солнца. Уйди.

— Но твое обращение чудное, — упорствовал музыкант. — Одна у нас с

тобой судьба. Отчего назваться не хочешь?

— Я? — нахмурился нищий. — Если это насытит тебя, тогда знай: львом я был, а сейчас сродни собаке, той, которая даже не в силах схватить тебя за полу. А когда-то и она была в соку, имела хозяина и конуру. Ты понимаешь, человек? Было время, когда эта собака гордо проходила по двору моего замка и своим зычным голосом возвещала всем, что мы существуем — она и я, что мы сильны. Теперь она такая же бездомная, как и я. Ха-ха! Лишена хлеба и сил. Паршивая и несчастная, подобная мне!.. И такая же обездоленная. И подохнем мы вместе с ней в этой пыли. Хотя, по правде, она счастливее, ибо не испытала ярма рабства, она оставалась у своей разрушенной конуры, пока я снова не нашел ее.

— Так кто же ты такой? — еще больше заинтересовался музыкант.

— Я? — тряхнул ручищами несчастный. — Я тот, которого некогда ты и во сне не смог бы увидеть. Я тот, пред которым преклонялись исфаганский шах, стамбульский султан, венецианский дож. Я тот, свидания с которым жаждали королевы и принцессы. Некогда я был богом, и люди поклонялись мне…

«Безумный нищий», — подумал музыкант и, вытащив из кармана несколько медяков, бросил их ему.

Тот рассвирепел.

— Убери, несчастный! — сверкая глазами, прогремел нищий. — Возьми свои гроши, или я, или я… Я не прошу подаяния! Я, я!.. Я господин. Я, я!.. — И он заплакал.

Музыкант еще больше помрачнел. Он подумал, что сидевший перед ним человек не просто нищий, скорее всего — это жертва какой-нибудь таинственной истории. И он торопливо отошел от него…

Хотя солнце уже коснулось верхушек тополей и озолотило вьющиеся по их стволам красные ветви виноградных лоз, рынок еще пустовал. Двери иных лавочек были забиты гвоздями, у других они оставались распахнутыми настежь, но не было в этих лавках ни товаров, ни торговцев. Повсюду царили

зловоние и запустение… Под ногами валялись дохлые собаки и кошки.

Проходя мимо одной из лавок, музыкант заметил в ней двух полуголых и босых нищих: один совсем старый, другой — юноша. Похоже, отец с сыном. Оба спали, а на земле подле них валялась истрепанная шапка. Музыкант осторожно, чтобы не разбудить спящих, бросил им в шапку несколько медяков и тяжко вздохнул от щемящей боли за этих несчастных людей.

На базаре стали появляться люди. Первым показался зеленщик. Осел его был нагружен двумя корзинами с пучками свежего лука и всякой другой зелени. Разгрузив осла, зеленщик стал поджидать покупателей. Явилась еще какая-то женщина. Она разостлала в пыли старое рубище, разложила на нем шарики сушеного творога, толченый орех, перец, а также семена овощей и уселась рядом. Подошел слепой на один глаз старик с двумя бурдюками. Осторожно опустив их на землю, он тут же хрипло закричал:

— Вино, хорошее вино!..

Показались мясники, сопровождаемые сворой собак; пришли бакалейщики и торговцы всякой мелочью — пуговицами, иголками и нитками. Последние лениво расселись перед пустыми лавочками и тоже начали расхваливать свои товары.

Стаи мух и слепней закружились над развешанным мясом.

На музыканта все производило грустное впечатление. Долго бродил он по рынку. Но ни одна из закрытых лавок так и не открылась. А в свое время в них продавались драгоценные камни, тончайшая козья кожа, шелковые и бумажные ткани. Печальная пустота и горькая нищета царили на некогда благоустроенном рынке.

— Лук, лук!.. — драл глотку зеленщик. — Лук из Личка. Берите, дешево отдам!..

— Мясо, мясо! — орал мясник. — Свежее мясо для кололака![36]

Но покупателей почти не было. Лишь тучи мух набрасывались на мясо. Да,

---

[36] Кололак — армянское национальное мясное блюдо.

встряхиваясь, поднимали пыль лежащие поблизости собаки. Видя все это, музыкант покачал головой и направился к выходу. Но кто-то схватил его за рукав:

— Купи, брат, пирожок!.. Ради бога, купи! Домашнего изготовления, с рисом и сливочным маслом. Еще горячие. Попробуй, не пожалеешь. Пальчики оближешь. — Он насильно втиснул пирожок в руку музыканта.

— Давай без пробы, — согласился музыкант.

— Сколько? — обрадовался продавец.

— Десяток.

Продавец на миг опешил, а потом запричитал:

— Пусть будет благословенным твой путь, добрый чужестранец! С утра встретился милостивый человек, — значит, день обернется удачей. А то, что они вкусные, — это истинно так, нигде больше не найдешь подобных…

Музыкант расплатился и попробовал один из пирожков.

— Вкусный, — сказал он, — знать, жена мастерица.

— Э-эх! — вздохнул продавец. — Была мастерицей… Была! Бог знает, для какого паршивого магометанина она теперь печет пирожки. Не пожелал господь, чтобы она осталась со мной…

— Ушла от тебя?

— Увели, брат, — простонал продавец. — Еще по осени. Слыхал, верно, Тахмаз Надир Кули хан вместе с собакой Батали Султаном растоптал наше село Арсеняц… Почти всех вырезали и пленили…

— Да, слышал. — По лицу музыканта прошла печальная тень. — Слышал, что не смогли вы преградить им путь.

— Преградили, но что может малая запруда против потопа, брат мой? Ханы явились с несметным войском, будь они прокляты!.. Богатое было село, все пожрали, все разбили и растоптали. Если кому и удалось унести ноги и сохранить голову, тот уже не хочет возвращаться в разоренное гнездо. Из нашего дома в живых остался один я, да еще девочка шести лет. И я тоже к себе не вернусь…

— А если будет указ вернуться? И если тебе помогут дом поставить?

— Э!.. Добрый человек! Кому до нас дело?.. — протянул подавленный горем пирожник. — Видишь, вон там, у ворот, сидит нищий? Так вот, он был когда-то самым счастливым среди нас. А сейчас довольствуется подаянием. Персы разграбили его богатый дом, разрушили мастерскую, перебили детей, а самого взяли в плен. И долго он там мыкался, бедный. Одному богу ведомо, как вызволялся из ханского плена. Спрашивали, не говорит. Кто знает, какие муки претерпел, пока добрался сюда. Всего два дня, как вернулся…

— Кто он?

— Художник Нагаш Акоп. Сын знаменитого поэта Нагаш Овнатана.

— Неужто?

— Да, брат. Золотые руки у человека, искусность его поражала людей. А когда картины сожгли и разрушили мастерскую, он вроде бы тронулся немного.

— Несчастный человек, — покачал головой музыкант. — Я слышал о нем. Скажи мне еще вот что: враги разорили село Арсеняц, но ведь Мегри, слава богу, уцелел. Отчего же этот базар такой запустелый и почему закрыты многие лавки?

— Ходжи не хотят торговать.

— Нет у них товаров?

— Есть, но они боятся вынести их на рынок. Прячут. Спроси Нагаш Акопа, скажет отчего. Когда-то не раз был гостем в высоких домах, и народ он этот знает.

— Эх, какое мне дело, — отмахнулся музыкант. — Ну, оставайся с миром, брат, желаю удачи.

— Счастливый тебе путь! — Продавец был доволен, что продал сразу десять пирожков.

Бродячий музыкант походил еще немного, купил зачем-то иголку да нитки и покинул рынок.

Городок Мегри располагался в расщелине скал. В ущелье зеленели сады и виноградники, по скалистому уклону тянулась длинная каменная стена. А

вокруг на высотах были сооружены боевые башни для охраны городка. Поблизости от Мегри протекает Аракс. До этой вечно мутной и шумной реки и простирались мегринские сады. Каждый из домов, наседавших здесь друг на друга, с их маленькими скалистыми двориками, где росли инжирные и гранатовые деревья, напоминал некую старинную цитадель. Городок имел только одни крепкие железные ворота. Находились они в самом начале ущелья у Аракса. Ворота эти днем и ночью охранялись воинами.

Бродячий музыкант миновал охранников. Воины грызли орехи. Неподалеку на костре жарили на вертеле пойманного в Араксе сома. И никто не обратил внимания на пришельца. А тому не терпелось хоть словом перекинуться.

В прозрачных водах реки молодицы мыли ковры. Воины подшучивали над женщинами, что стояли в воде, сверкая голыми коленками.

Музыкант ступил в узкую улочку. Хотя дома в Мегри лепились беспорядочными рядами, однако улочки и дворики здесь были на удивление чистыми. Наружные стены обмазаны белой глиной. Вдоль выложенных каменными плитами тротуаров журчат ручейки. Сидевшая у крашеных зеленых ворот старуха протянула руку в сторону проходившего музыканта. Ему показалось, что старая просит милостыню. А та, оказывается, угощала его орехами и сушеной тутой.

— Ты, похоже, чужестранец, сын мой, обычаев наших, я вижу, не знаешь, — хрипло произнесла старуха. — Возьми…

Музыкант принял угощение, поблагодарил и направился дальше. В одном месте он увидел, как дубили кожу. Кругом стоял тяжелый смрад. А у дверей красильщика собралась огромная толпа. Под стеной, прямо на земле, сидел молодой гусан и весело пел:

Щеки алые, на розу похожие,

И сама как цветок…

И вспомнились музыканту тифлисские пирушки. Нагаш Овнатан из Шорота пьянил там своими песнями жен грузинских князей и армянских

купцов. Сколько раз доводилось кутить с покойным! И вот встреча с сыном Овнатана Акопом. Такая неожиданная. Хотя музыкант и слышал, что Акоп — художник, но видеть его никогда не видел и не знал, что живет он в Сюнике. Судьба художника показалась горше своей.

Бродячий музыкант свернул с дороги, надеясь хоть на миг остаться в одиночестве. Вспомнилось, как однажды на пиру Нагаш Овнатан с особым выражением запел:

Я, Нагаш, — море греха,

И любовью я пьян…

Женщины, затаив дыхание, слушали его. А одна из родственниц царя Вахтанга, молоденькая красавица, не сдержалась и, заломив унизанные кольцами руки, зарыдала…

С этого и начал наматываться клубок сплетен и насмешек. Вахтанг удалил Нагаша из своего дворца, и музыканту больше не доводилось встречаться с Нагашем. Только недавно он узнал, что несчастный поэт вернулся в родное село Шорот и там скончался.

«Надо будет посетить могилу! — подумал музыкант… — Если нет надгробия, то поставить…»

Его догнала новая песня гусана. Удивительно он пел! Две молодые женщины, высунувшись из ворот, восхищенно слушали гусана. Сверху на них прикрикнула старуха:

— Ах вы стриженые! Заслушались идолопоклонника! А ну, домой!

Молодицы юркнули за ворота. А какие у них были чудесные глаза. Лишь мгновение музыкант видел их глаза, белые шеи, родинки на щеках. Он вздохнул и с горечью подумал: «Вот так и прошла моя жизнь без огня».

Возле церкви, там, где каменная стена круто подымалась по уступу к скале, высился серый дворец с тяжелой железной дверью. Сквозь полуоткрытые ворота виднелись узкие окна дворца, просторная площадка вокруг, на которой было множество лошадей.

«Значит, прибыли», — заключил музыкант и ускорил шаг.

В воротах ему преградили путь.

— Не свадьба здесь, не угощение, куда прешь! Назад! — сердито отрезал привратник.

Но музыкант оттолкнул его и прошел, не оглядываясь, вперед. Двор был вымощен камнем, всюду в бочках росли апельсиновые деревья. Золотистые плоды висли на тонких ветках и, казалось, вот-вот упадут на каменные плиты. Привратник, на миг растерявшийся, кинулся и снова преградил путь дерзкому музыканту. Он и кулаки выставил, но тут же попятился назад: слишком уж уничтожающим был взгляд незваного гостя.

На балконе показался владелец дворца — военачальник Константин; увидев пришельца, он поспешно спустился вниз и пошел ему навстречу.

— Надеюсь, никто не узнал тебя, тэр Давид-Бек?

— Прибыли? — вопросом на вопрос ответил переодетый Давид-Бек.

— Жду твоих повелений.

Бек быстро поднялся по каменной лестнице, с шумом открыл одну из дверей и вошел в комнату. Сорвав с себя саз и чужую одежду, отбросил их в сторону. Повернулся к Константину, который, скрестив на груди руки, ждал на пороге.

— На базаре у ворот сидит нищий. Доставь его ко мне. И чтоб никто из ходжей, собравшихся у тебя, не увидел его. Иди! — сказал он сухо, а подвернувшемуся слуге велел принести холодного мацуна.

— Лепешки!.. Лепешки!.. — кричал торговец и вдруг застыл на полуслове.

По каменным плитам зацокали конские копыта. И на базар ворвался отряд воинов из полка «Опора страны». Спешившись, воины приблизились к сидящему на земле Нагаш Акопу.

— Уйдите! — крикнул тот в отчаянии и стал отмахиваться руками. — Безбожники, окаянные персы!.. Куда вы меня тащите, куда?

Крик его разнесся по всей округе. Первыми бросились наутек зеленщики. Схватив в охапку разостланные лохмотья, кинулась бежать торговка семенами. Спешно закрыли свои лавочки мясники. Но прежде чем они успели запереться,

к ним шмыгнул продавец лепешек.

— Нагаш Акопа схватили, — горестно сообщил он.

— Какой грех совершил несчастный? — дрожа от страха, спросил один из мясников.

— Может, он золото где прячет или, прости господи, лазутчик вражеский, — предположил другой.

— Типун тебе на язык! — вздрагивая, возразил продавец лепешек. — Рано утром здесь побывал бродячий музыкант. Купил сразу десять пирожков. Для чего ему было нужно столько? Темной он показался мне личностью, ой пронеси господи. Не иначе, его рука в этом деле замешана, клянусь могилой матери…

— Если немного прикусишь язык, голове спокойнее будет, — посоветовал мясник.

Нагаш Акоп все еще кричал, сопротивлялся. Собака его отчаянно лаяла. Ее пинали, били плетью, но она не отступала от своего хозяина. Тогда воины взвалили Нагаша на коня и поскакали прочь. Следом, жалостливо скуля, бежала собака.

Только во дворе казармы с Акопом заговорили.

— Не кричи! — сказал десятник. — Никакого горя мы тебе не причиним, а ведем к нашему господину, только и всего!

— Над отцом своим посмейся, желторотый! — не поверив ему, крикнул Нагаш. — Цари и князья давно плюнули на меня, горемыку. Зачем я им?..

Воины привели в порядок его одежду, кое-как убедили, что ничего ему не угрожает, и отвезли в дом военачальника Константина.

Давид-Бек, уже переодетый, остановившись под одним из многочисленных сводов дворца, вел разговор с главою амкарства [37] сюникских купцов паронтэром Агулиса меликом Муси, чернобородым человеком в длиннополом синем кафтане до самых пят. На красном широком поясе у Муси висели

---

[37] Амкарство — община ремесленников.

длинные четки. Его лысая голова, покрытая мелкими капельками пота, напоминала круглую дыню. Рядом с величественным Беком Муси казался совсем маленьким и невзрачным.

— Сейчас в самый раз возобновить нарушенную торговлю, — внушал Давид-Бек. — Вот моя воля. Ты глава амкарства, и ты должен взять это в толк.

— Чем нам торговать, тэр Давид-Бек, камнями, что ли? — пролепетал, заикаясь, Муси. — Нет у нас товаров, дотла обобрали. В амбарах один ветер гуляет.

И он начал плакаться на горький разор, в который впали купцы из-за войны с Персией, в результате чего закрылись торговые пути, ведущие в Стамбул и Исфаган.

Бек смотрел сверху вниз на этого плешивого человечка, и в нем все больше росло желание плюнуть в его круглую физиономию, смешать лгуна с землей… Но приходилось сдерживать себя, ибо только Муси, этот самый богатый в стране человек, мог восстановить торговлю и наполнить казну Верховного Собрания. Армянские купцы покорны Муси, с ним считаются европейцы, его караванам предоставляет свободный проход даже турецкий султан.

— Твои предки, Муси, торговали с Ленк-Тимуром, они наполнили казну Джихан шаха, благодаря им был богат шах Аббас, я уж не говорю о Венеции, Стамбуле и Астрахани, где они тоже торговали ювелирными изделиями и драгоценными камнями, лавки свои имели. Вы, купцы-армяне, содержали многие государства мира, а теперь, когда мы обрели свою государственность, не желаете развивать торговлю у себя?.. Остерегись, мелик Муси…

И, не ожидая ответа, Бек направился в отведенную ому комнату. Там уже ждал Нагаш Акоп. Бек долго рассматривал несчастного, который еще не оправился от неожиданного происшествия и потому недоверчиво глядел на вошедшего. Бек медленно приблизился к нему, взял за руку, дружески пожал ее.

— Ты узнал меня, Нагаш Акоп? Мы встречались сегодня.

— Впервые вижу тебя, человек. И желал бы знать, кто ты такой?

— Я Давид-Бек.

— Не верю! — отпрянул художник, устремив на него свои большие пытливые глаза. — А я-то думал, что существует на свете хоть один властелин, имеющий жалость к несчастным. Выходит, я ошибся.

— Почему же? — удивился Бек.

— Ты велел привести меня к себе связанным. Применил насилие. Да, ты Давид-Бек! Но тебе не стоило бы забывать, что я — Нагаш Акоп. Обессмертить смертных волен только я. Ни насилие, ни меч, ни имя твое на такое не способны. Доселе я слышал о тебе лишь доброе, все, что возвышает человека до величия…

— Прости меня, Нагаш, — сказал Бек, — за это печальное недоразумение. Мои люди на знали, что ведут тебя ко мне. Я радуюсь твоему возвращению из плена. Знаю о твоей славе и знаю, на что ты способен, и достойно ценю светоч твоего искусства.

— Что ж, это похвально, — улыбнулся исстрадавшийся живописец. — Если в тебе действительно жива любовь к прекрасному и возвышенному, а такое редко встречается у властителей, я прощаю твой поступок. То, что ты снизошел до беседы с несчастным и обездоленным, делает тебя выше и величественнее всех князей и царей, которых я видел и рисовал.

— Я был сотрапезником твоего отца, великого Нагаш Овнатана…

— Того, кто умер в несчастии, изгнанником, когда ты был уже властелином, — вздохнул Нагаш Акоп.

Давид-Бек слегка смутился.

— Знает бог, что беда его осталась мне неведомой, — сказал он виновато. — В те дни вся земля наша была в опасности. Теперь бы я отдал жизнь за твоего отца…

— Он радовался тобою начатому делу, — заговорил шепотом Акоп. — Мечтал видеть воскресшей армянскую власть. Желал быть твоим помощником, но смерть сразила…

— Мир праху его, — взволнованно произнес Бек. — Что ж теперь делать,

горем беде не поможешь. Ушел великий Нагаш Овнатан, но остался ты. И в этом наше утешение. О твоей беде я наслышан. Отрешись от нее, мужественный человек, и останься полезен армянскому народу. Я помогу тебе восстановить твою разрушенную мастерскую, где ты мог бы учить других писать портреты.

— Странная доброта!.. — уставившись в одну точку, произнес Нагаш Акоп.

— Но и ты обязан помочь мне.

— Чем может нищий помочь властелину? — поднял голову живописец.

— Забудь то, что было, великий человек, — уже с некоторой повелительностью в голосе продолжал Давид-Бек. — Потеря твоя велика, я знаю. Но ты остаешься Нагашем, у тебя есть родина, которая отныне свободна от чужеземцев, и жив твой народ. Утешься этими великими дарами. Отбрось ярмо страданий. Я помогу тебе во всем, постараюсь, чтобы имя твое вновь произносили с почтением в нашей стране.

— Разве исполнимо задуманное, тэр Верховный властитель? — недоверчиво спросил Нагаш, уставившись на Бека.

— Я не из тех, кто бросает слова на ветер.

— Хотелось бы верить, — мягко произнес живописец. — Но все непрочно в этом мире. Не мой ли отец считался украшением дворцов и очаровывал своим пением царей? Не он ли вернул дыхание и жизнь мертвым стенам Эчмиадзина? А чем отплатили ему? Изгнали из дворца, как последнего нищего, и он умер от горя и нужды. Вера обернулась ныне безверием, уж очень много их стало, гонителей света.

Бек еще долго утешал Нагаша, обнадеживал, стремясь отвлечь от тяжких воспоминаний. Живописец слушал, не отрывая при этом глаз от синеющих за окном гор, и взор его был полон безнадежности и скорби. И слава, и имя казались ему потерянными навсегда.

— Отпусти меня, — сказал он Беку. — Дай провести остаток жизни свободным. Вольная бедность и безвестность милее славы и богатства в

золотой клетке.

— Воля твоя, — потеряв терпение, сказал Давид-Бек. — Только не думал я, что сын великого Овнатана предастся малодушию и откажется служить своему народу и родине.

Слова эти задели за живое Нагаша Акопа, но возразить было нечего, Бек, пожалуй, прав.

— Неужели тебе не хочется, — продолжал Давид-Бек, — помочь нам возродить древнее искусство нашего народа? Не хочется передать свое мастерство ученикам, чтобы не погибло дело, начатое твоим отцом?..

После долгого молчания Нагаш сказал:

— Ты истинно велик, наш тэр! Дай мне время подумать.

— Подумай. Я подожду.

Нагаш понял, что судьба еще раз являет к нему милость. Вспомнил сына, разрушенный дом, свои загубленные картины. И в нем заговорил дух созидания, который был тяжко ранен, но еще не угас. Нагаш взглянул на Бека. На лице у того светилась доброта.

— Подумаю, тэр Давид-Бек. Я верю тебе…

Из Агулиса, Дашта, Кагакика, Дизака съехались приглашенные на совет купцы. Находились тут и мегринские военачальники Константин и Сари.

Бека встретили почтительным поклоном.

Усевшись в кресло, он положил руки на подлокотники слоновой кости и подал знак дьяку Магакии, чтобы тот сел рядом, за низеньким столом. Скрипнули пружины. Ходжи затаили дыхание. Даже мигнуть боялись, не то что смотреть на Бека. Каждый предпочитал остаться незамеченным. В ушах у них еще звучали слова мелика Муси: «Не слушайтесь Бека, не открывайте в эти смутные дни своих амбаров. Бек пустит нас по миру с сумой».

Пхиндз-Артин не находил места рукам своим. Содрогался при одном воспоминании о том, что случилось в его доме. «Какой бог наделил этого человека такой огромной волей? — думал он о Беке. — В нем сила дэва и мудрость змеи. Избави бог от его гнева».

— Итак, достопочтенные ходжи! — медленно начал Бек. Хотя говорил он тихо, но голос прозвучал как сталь. Охватив одним взглядом сидящих перед ним людей, Бек продолжал: — Благодарение богу, страна наша свободна и независима. Мы вырвались из-под вражьей пяты. Но великая нужда гнетет нас. Казна Верховного Армянского Собрания пуста. А войско надо кормить, и жалованье платить надо, и оружие ему требуется. Не думаете ли вы, что пора возобновить торговлю с чужеземными странами?

Он умолк. Слышно было, как жужжала влетевшая в открытое окно пчела. Каждый из купцов ждал, пока заговорит сосед. Уткнувшись взглядом в пол, сидел старейшина купеческой гильдии — мелик Муси. Видавший виды, хитрец этот понимал, что Бек не примет никаких объяснений и возражений, только враждой проникнется.

Наконец он поднял глаза и встретился взглядом с Беком. Деваться некуда, пришлось заговорить.

— Да будет известно нашему господину, что мы не щадили для земли Армянской ни живота, ни богатства нашего! — произнес он торжественно.

— Не щадили!.. — обрели дар речи и другие купцы. — Видит бог, не щадили…

— Многие из нас воевали в твоем войске, тэр Давид-Бек, — воодушевился мелик Муси. — Народ мы торговый, торговля — наш хлеб насущный. Но что поделать, тэр, коли пусто у нас в амбарах. Рады бы торговать, да нечем. Нет ни шелка, ни хлопка, ни кожи. Шерсти тоже мелики не продают. На чем торговлю строить?..

«Хитрая лиса, надеешься, что я не проведаю о ваших припасах?» — подумал про себя Давид-Бек, глядя на купца.

— А что ты скажешь, ходжа Мкртум? — обратился он к высокому, сухопарому человеку.

— Бог свидетель, нет у меня за душой даже ниточки! — вскочив с места, воскликнул ходжа Мкртум. — Грех скрывать, чадами своими клянемся, как перед богом…

Другие тоже клялись, что нечем им торговать.

Бек посинел от злости. Правая щека у него стала подергиваться, губы угрожающе сжались. Дьяк Магакия, глядя на него, понял, что вот-вот разразится буря.

— Изменники! — прогремел Бек, и от голоса его дрогнули большие, многосвечные люстры.

Ходжей охватил ужас. Мелик Муси стал белее стены. Купцы, хоть и были наслышаны о беспощадности Давид-Бека, такого, однако, не ожидали. В страхе кое-кто пал на колени, у других не хватило сил даже на это.

— Воины! — крикнул в дверь Давид-Бек.

Военачальники Константин и Сари тут же сорвались с места и выбежали из зала. У купцов затряслись поджилки.

— Приди в себя, Давид-Бек, — тихо промолвил дьяк Магакия.

— Кто тут из вас мелик Муси, подданный нашего государства? Пусть выйдет вперед! — словно, не узнавая первого ходжу страны, приказал Бек.

Мелик Муси на коленях подполз к нему. Всегда надутый, спесивый, богатейший купец земли Армянской Муси был сейчас жалок.

— Пожалей нас, тэр Давид-Бек, пощади, — протягивая руки, хрипел он.

— Жалеют безвинно убиенных и бездомных. Можно пожалеть ходжу Хачика из села Арсеняц, который ограблен и остался без крова, — бросил Бек. — А тебя, мелик Муси, лгуна и изменника, жалеть нельзя. Я уже раз пожалел — довольно. Не будет вам милосердия, бесстыжие отступники! Обеднел, говоришь, настолько, что нет у тебя в припасах шелка и на одну верблюжью поклажу? И у тебя нет, ходжа Мкртум? Бедные люди, в пору суму на вас надеть!.. Может, попросить у крестьян наших, чтобы прокормили вас? А-а?

Вернулись военачальники Константин и Сари и доложили, что отряд телохранителей Бека дожидается во дворе. Наступило тяжелое молчание.

— Ну? — наконец заговорил Бек. — Что скажете, армяне?..

Купцы молчали.

— Отвечайте! Не то будете иметь дело с моими воинами. Тогда пощады не ждите! Говори ты, мелик Муси, и стыдись перед богом, которым все клялся…

— Какой уж стыд? Не осталось ни стыда, ни чести! — сказал, поднимаясь с колен, мелик Муси. — Виноваты мы перед тобою, тэр Давид-Бек. Карай нас и будешь прав! Только, государь мой, где ты видел купца, который сказал бы, что он имеет! Есть у нас неписаный закон: правая рука не должна знать, что держит левая. Однако, хочешь верь, хочешь нет, кое-какие товары у нас есть… Но их мало, слишком мало, чтобы можно было начать угодную тебе торговлю…

— Доброе дело начинается с малого, — перебил его Бек. — Если через неделю ваши караваны не отправятся в путь, никому пощады не будет. И чтоб знали все: я повелел упразднить налог, что взимали мелики с торговцев, посетивших их владения.

Купцы загомонили. Указ этот оборачивался для них барышом.

— Но торговать вы должны с другими странами, — продолжал Бек. — Это принесет богатство государственной казне.

— Дороги ведь закрыты, тэр Давид-Бек. С кем торговать? — неуверенно спросил Муси. — В Тавриз поехать не можем. В Шемахе разграбили караван-сарай русских и армянских купцов. На Эрзерум не проедешь: дорога в руках у ханов, нахичеванского и ереванского. Исфаган захватили афганцы. Куда нам податься с товарами?

— В Россию, — ответил Бек. — Нет у нас отныне дороги в Исфаган и Стамбул. Лежит она теперь только в земли русского царя. Отправляйтесь в село Тог, что в Дизакском гаваре, а оттуда в Саляны и прямиком в Баку. Там русский князь Долгоруков даст вам суда, и вы достигнете Астрахани, а потом и в Москву попадете.

— С русскими торговать, оно, конечно, выгодно, — заговорили с разных сторон.

Купцы хотя и верили Беку, но все же колебались. Кто знает, какой будет эта дорога? И вдруг русские не помогут…

— Я дам вам триста всадников, чтобы в безопасности доставить ваш

первый караван до границ русских владений.

— Будь благословен, тэр Давид-Бек! — воскликнули ходжи.

Только что проклинавшие в душе Бека и готовые бежать от него, они теперь начали сладкоречиво восхвалять его созидательный дух, его доброту и мудрость. Даже у Мкртума развязался язык. Он вдруг принялся перечислять все преимущества, которые они будут иметь, торгуя с русскими.

— Еще предки наши торговали с ними, — вставил ходжа Аркел.

— Да, да, мы возили в Россию много товаров, — торопливо говорил ходжа Мкртум. — Счастливые были времена. Странствуя по России, я дошел до Верхнего моря, из Астрахани ездил в Бухару и Самарканд. Куда бы я ни приезжал, тэр Давид-Бек, всюду встречал армянских купцов. А объездил я полсвета: был в Бухаре, в Гилян-Мазандаране, в Индии и Белуджистане, в Бурсе, Эрзеруме, Токате, Измире, Аликорне, Венеции, Аламане [38], Генуе, Марчиле, Франции, в Амстердаме и Львове. Где только не бывал, но выгоднее всего торговал в России!

— Благословенная страна для торговли, — подтвердил мелик Муси. — Дед мой был одним из тех ходжей Джуги, которые лет шестьдесят — семьдесят назад посылали дары русскому царю Алексею. Делали они это через посредство исфаганского ходжи Джагара Сахрадяна. Среди даров был трон изумительной работы. Большая часть его из золота, и уложено в нем восемьсот семьдесят шесть алмазов, крупных и мелких, один лал, тысяча двести двадцать пять яхонтов, три ряда жемчуга и прочие драгоценные камни. Он теперь стоит в московском дворце. Я своими глазами видел лет двадцать назад. Русских царей коронуют на этом троне. И еще восседают они в нем по большим праздникам да, когда чужеземных послов принимают.

Все наперебой заговорили о выгодах, которые сулит им возобновление прерванной торговли с Россией.

— Вот и поведете свой караван в эту всем вам столь приятную страну, —

---

[38] Германии.

выслушав всех, тихо вставил Бек.

— Хорошо, если бы ты, тэр Давид-Бек, написал письмо русскому царю, — посоветовали некоторые.

Бек улыбнулся:

— А вам разве неизвестно, что посланник русского царя уже находится в пределах Армении и через несколько дней будет в Алидзоре?

— Что, что?.. — забыв о приличиях, радостно загалдели ходжи.

— Да, с божьей помощью мы скоро вступим в союз с русским царем.

— Святой Исраел![39] — воскликнул ходжа Анздрев из Цгиэ. — Да будет светлой твоя жизнь, свершится главная твоя мечта!..

Забыв все обиды, которые они снесли от Давид-Бека, купцы теперь поклонялись ему, как божеству.

— Ну так как, торговать будете или?.. — спросил Бек.

— Будем, будем, государь, — перебивая друг друга, прервали его ходжи. — Начнем торговлю — заработают шелкоткацкие и кожевенные мастерские. Дай бог тебе долгой жизни и прости нас.

— С вами поедет и ходжа Хачик, — сказал Бек.

— Но у него ничего нет, его дом разорен и ограблен, — недовольно заметил мелик Муси.

— Он получит помощь из казны Верховного Собрания.

— А тебе пусть поможет бог. — Это сказал кто-то из купцов.

Не унимались до полудня. Ходжи не переставали удивляться, как тонко Бек понимает торговое дело.

Выезжая из Мегри, военачальник Константин заметил с осторожностью:

— Ты здорово прижал этих лживых ходжей, тэр Давид-Бек. Только зря уступил. Воины расчесали бы им хвосты…

— Ошибаешься, друг, — мягко возразил Бек. — С купцами надо миром дело ладить. Воин и воевода — молодцы на поле брани. Но их отвага

---

[39] Имеется в виду Исраел Ори, один из тех, кто первым ратовал за присоединение Армении к России.

нуждается в подкреплении деньгами. А кто может дать деньги, кроме купцов?

— Отнять у них, и баста!

— Отнять, чтобы высушить родник? Язык у тебя острый, Константин, я это знаю, но аршин у купца острее. Все государства опираются на своих купцов. Притеснять их опасно!..

С того дня мегринцы больше не видели на своем базаре и Нагаша Акопа. Его собака долго разыскивала хозяина, наконец и она исчезла куда-то…

Стольный город-крепость Верховного Армянского правительства Алидзор ликовал. С самой ночи по горным дорогам стекались сюда пешие и конные люди. Все, кто был в силах, торопились в Алидзор, чтобы присутствовать на торжествах в честь русского посланника.

Солнце уже легло золотистой короной на вершины гор, но Алидзор был еще окутан тенями. На двух сторожевых башнях единственных городских ворот развевались армянский и русский флаги. Люди теснились, шумели и толпами расходились по кривым улочкам. Стражники на башне внимательно следили за дорогой. Вот один из них взял тяжелый деревянный молот и, ударив в медную доску, крикнул:

— Едет мелик Багр из Варанды!

Толпившийся под башней народ загудел с новой силой. В сопровождении десяти всадников князь Баяндур выехал встречать мелика, явившегося первым из знати. С крепостной стены зазвучали трубы. Им протяжно откликнулись трубачи из отряда мелика. Народ раздался, уступая дорогу. Гусаны, сидевшие у стены и на обочинах, тоже достали свои инструменты и затянули песни. Князь Баяндур еще издали поднял руку, приветствуя мелика Багра. Затем с почестями проводил его в город.

Едва воодушевленная толпа успела успокоиться, как с башни снова закричали:

— Мегринский военачальник Константин!

И снова поднялась суматоха, снова гремела зурна, потоком хлынули люди к воротам. Теперь все хотели видеть мегринцев.

Князь Баяндур с трудом пробился сквозь толпу навстречу Константину, рядом с которым, справа, ехал военачальник Сари — высокомерный и самодовольный, слева — паронтэр города.

Вслед за тем к городским воротам прибыл полк воинов в черной одежде, на черных конях и с черными знаменами. Шлемы, доспехи, даже ножны сабель и копья у воинов были черного цвета. Народ притих. Зурначи и гусаны перестали играть. Примолкли нищие. Все сняли шапки перед полком князя Тороса, изменнически убитого на поле сражения в Шушанадаште. В знак вечного траура его полк теперь носил все черное.

Почтение всем внушил и мелик Парсаданян Бали. От удара тяжелого меча у него была искривлена шея, поэтому лицо его смотрело не прямо, а влево. Одет Бали был в красные суконные брюки, красно-синюю рубашку и поверх архалук с длинными широкими рукавами. Оружие мелика вез его оруженосец.

На пегих конях прибыли владетель Багаберда косоглазый Адам, Газар из Кулберда и военачальник Саркис из Шиванидзора. А чуть раньше на белых мулах в город прибыли купцы в своих тяжелых одеждах. На конях показались военачальники Шенгера Минас и Степанос.

— Тэр Баяндур, никак и аршинников пригласили? — спросил во всеуслышание Саркис.

— А то как же? — ответил князь Баяндур. — Золото — оно, брат, могущественнее меча.

— С добром прибывают?

— Ходжи готовят большой караван в Россию.

— Ну, тогда слава богу!..

Солнце поднялось уже до башен. День теплел. А люди все шли и шли. Шли рамики, монахи. Приковыляли даже живущие в пещерах отшельники, которых в последние годы особенно много развелось в Сюнике. Иные люди шли семьями, прихватив с собой еду и обрядившись в лучшие одежды.

К воротам приблизились оружейники Врданес и Владимир Хлеб. Они шагали медленно, внимательно приглядываясь ко всему. Владимир вел за руку

жену. У армян так не принято, и потому жена стыдилась. Проходя мимо нищих, оружейники кинули им несколько монет, затем вошли в город и остановились в сторонке. Решили ждать, надеялись, что сам Давид-Бек позовет их. Ведь это он пригласил оружейников в Алидзор.

В полдень вдали показалось облако пыли. На сторожевой башне заволновались. Наконец десятник опустил длинную подзорную трубу и крикнул:

— Едут!

Алидзор еще больше оживился.

Горожане высыпали из домов, из мастерских и лавок. Дети с шумом карабкались на крепостные стены, на высокие ореховые деревья, на тополя. Поднялись на плоские кровли гусаны. Из страха быть смятыми отодвинулись к лесистому склону нищие. Спешно строилось войско, охватив полукружием церковный двор.

Из дворца Верховного Армянского Собрания вышли Давид-Бек, епископ Ованим, мелики и князья. За ними следовали купцы, сотники, духовные люди.

Дин-дон! Дин-дон!.. — заливались колокола. Звон их уносился в безоблачное небо и дробился в бездонных ущельях. На звон алидзорских колоколов откликнулись колокола ближних сел, и несся вперекли по нагорью колокольный гул.

Шествие с Давид-Беком во главе достигло площади. Слуги подвели коней. С трудом усмирив своего скакуна, Бек без помощи телохранителя вскочил в седло. Епископа Ованима усадили на послушного старого мула. За преосвященным в пешем порядке выстроились епископы, священники в ризах, дьячки в стихарях, цимбальщики и дьяки. Монастырская братия из Ваганаванка держала высоко над головами бесчисленные хоругви…

Со всех концов вдогонку отъезжающим раздавались возгласы:

— От всей земли нашей приветствуй посланца царя, государь наш Давид-Бек!..

— Добро ему пожаловать!..

От ворот до самого въезда в ущелье все пространство было заполнено народом и войском. По обе стороны дороги выстроились полки, каждый под своим знаменем. Здесь находились и ополченцы. Не было только сторожевых отрядов.

Начало припекать солнце. На небосклоне забелели лоскутные облака. Но ветер с Арамазда быстро развеял их. Намереваясь, видно, опуститься на скалу, стремительно пролетел вдоль ущелья орел, но, увидев несметные толпы людей, испуганно взмыл и улетел в сторону Хуступа.

Наконец показалось царское знамя. И огласилось радостными криками ущелье. Пушки грянули салют. А вот и полк Мхитара. Впереди ехали спарапет, посол со своими помощниками, арцахский воевода князь Ованес-Аван и Тэр-Аветис. За ними, чуть поодаль, дизакский мелик, мелик Хачена Есаи, мелик Бархудар, Минас, Туриндж, Товма. Следом двигались воины.

Бек придержал коня, чтобы епископ Оваким мог стать по его правую руку, а князь Баяндур — по левую. Остальные мелики и воеводы заняли места за ними, по старшинству. Дальше пристроились духовные лица, старшины и купцы.

И вот обе группы съехались и остановили коней. Первым громко заговорил посол:

— От нашего августейшего, могущественного царя Петра нижайший поклон Верховному властителю Давид-Беку, армянским духовным владыкам, войску, полководцам и всему народу.

— Пусть бог дарует долголетие великому русскому царю и самодержцу, — раздался над притихшей толпой голос Давид-Бека. — Хвала великому царю! Хвала! — крикнул он.

— Хвала! — гремело вокруг.

Ущелья грохотали от мощного гула.

Епископ Оваким поднес русским хлеб-соль и прочитал длинную молитву за царское долголетие. Потом духовные отцы все вместе затянули: «Боже да будет свет…»

Давид-Бек и посол сошли с коней, обнялись.

— Окажите честь, господа посланники, ступите в наше жилище, — пригласил Бек.

Все снова уселись на коней, и огромное шествие двинулось к городским воротам.

Войско и народ не уставали кричать «хвала». Надрывали горло гусаны. Краски сотен знамен, отсвет хоругвей и блеск оружия — все это слилось, перемешалось и было похоже на море невиданных цветов. Горским жителям казалось, что совершается чудо. Никогда раньше не видели они подобной роскоши и торжественности. От крепостных ворот и до дворца Верховного Собрания все было украшено цветами и зелеными ивовыми ветками. Из окон и с балконов свисали ковры и разноцветная парча. Лавки, корчмы и харчевни оставались открытыми. На рынке, на улицах и на площади начались пиры. За городские ворота выкатывали бочки с вином для расположившегося там народа. Резали баранов и быков. Женщины раздавали нищим, что жались подальше, еду.

Перед одним из трактиров спешились Вецки Маргар и Семеон. Откуда-то выехал и Есаи.

— Эй, братья! — крикнул он. — Вскрывайте карасы. Сегодняшний пир да будет самым знатным!..

Он спрыгнул с коня и обнялся с друзьями.

— Говорят, царь уже держит путь в Гандзак, правда ли это, братья-воины? — спросил трактирщик, протягивая им полные вина молочные кувшины.

— Не твоего это ума дело, — похлопывая его по вздутому животу, сказал Есаи. — Ты знай свое, неси еду и не мешайся в дела служилых людей. Ну, выпьем, братья! — Он опорожнил кувшин, протянул его трактирщику и, обратившись к людям, которые толпились на улице, крикнул:

— Эй, что вы там толчетесь, а ну, подходите, пейте за здравие русских!.. Дай бог, чтобы нога их поскорее ступила в наши горы. Подходите, пейте!..

Сегодня я угощаю! Зовите гусанов. Эй, где гусаны? Хочу петь, плясать!..

В честь прибытия русских послов Давид-Бек приказал раздать войску и народу вина. В ограде кафедрального собора Алидзора в огромных котлах варилось мясо. Воины по одному подходили к котлам. Служители заворачивали в лаваши мясо, посыпали солью и подавали им. Одна за другой пустели винные бочки. Иные из воинов уже захмелели. Кто-то схватил Есаи за ворот:

— Не могу больше, сотник, жени меня, слышишь, жени!..

Вокруг все закатились от смеха.

Кто-то крикнул:

— Гусан идет! Дорогу!..

Здоровяк десятник из Джраберда нес на плечах совсем юного гусана. Парнишка вырывался, кричал от страха. В одной руке он сжимал саз, а другой крепко ухватился за десятника и молил отпустить. Сзади шла толпа — орущая, веселая.

Вот десятник ссадил гусана на землю. Воины тут же подхватили его и усадили на спину мула, что стоял привязанный к столбу. Все требовали песню. Несчастный гусан забренчал на сазе, но то ли от страха, то ли от растерянности забыл слова. Кто-то поднес парню вина, и малый отошел, язык у него перестал заплетаться.

Торопись, красавец,

Горы зеленеют.

Шахкга, шахкга,

Шахкга, шахкга!..[40]

— Вот хорошо, вот ладно!.. — подбадривал Семеон.

— Живи бессмертно, гусан молодой! — кричала распалившаяся толпа.

— А ну, давай еще!..

Стемнело. Тысячи костров отгоняли теперь мрак от Алидзора. И целую ночь напролет гудела дорога: из дальних и ближних сел все валили люди.

---

[40] Звукоподражание.

— Ну прямо мир разверзся. И откуда такая тьма народу? — удивлялись старые алидзорцы.

Утром никто из меликов на площади не показался. Все были у Давид-Бека.

А когда наступил полдень, Мхитар, князь Баяндур и Тэр-Аветис направились в покои послов, чтобы пригласить русских на переговоры.

Бек и старейшины уже дожидались их. Большой зал Верховного Собрания был залит солнцем. Один луч падал на шлем Бека и горел бездымным огнем. Справа от Верховного властителя восседал епископ Оваким. Борода его недвижно покоилась на груди, маленькие глазки были полузакрыты. Казалось, что владыка дремлет, наслаждаясь солнечным теплом, греет свои старые кости.

Слева от Бека горделиво стоял увешанный оружием князь Ованес-Аван. Полукругом сзади за ними выстроились мелики и именитые купцы. У стены плотными рядами застыли воины — человек пятьдесят. Каждый сжимал длинную пику и держал боевое знамя.

Перед Беком, подобрав калачиком ноги, сидел дьяк Магакия. На коленях у него лежала гладкая ореховая доска, на ней — лист чистой бумаги. Сбоку, на полу, перо и чернила — все, как положено писцу. У входа в зал параллельными рядами выстроились сотники с обнаженными мечами. Есаи поглядывал на вытянувшегося напротив Товму и время от времени незаметно подмигивал ему. Оба были рады, что Давид-Бек призвал их к участию в приеме высоких гостей.

Наконец послы, предшествуемые Мхитаром, Тэр-Аветисом и князем Баяндуром, вошли в зал. И, увидев все великолепие оказанного им приема, старший из послов слегка смутился. Он подошел к Беку и низко поклонился. То же самое проделали и двое других.

— По велению нашего государя императора мы привезли в страну Армянскую грамоту, посланную вам самодержцем Великой, Малой и Белой Руси.

Протянув вперед обе руки, посол передал Давид-Беку грамоту царя Петра. Это был перевязанный зеленой лентой свиток с императорской красной печатью по краям. Бек поцеловал ленту и, приложив свиток ко лбу, вскрыл его.

На белой голландской бумаге в левом углу была приложена большая царская печать с изображением гордого двуглавого орла. Бек вспомнил лоскуток пергамента, который показывал ему инок Мовсес в Татевском монастыре. На том лоскутке собственной рукой царя Абаса Багратида были выведены названия сел и аванов, дарованные им вновь выстроенному Татевскому монастырю. На пергаменте тоже стояла печать, печать армянского царя, и его подпись.

У Бека сжалось сердце. Прошло более восьмисот лет с тех пор, как жил царь Абас. Восемьсот лет армянское духовенство хранило как зеницу ока этот лоскуток пергамента. А царство?.. Его армяне давно потеряли. Остались только обломки былой славы и могущества. Соединятся ли эти обломки, оживет ли среди руин обновленное царство? Трудно сказать…

Бек очнулся от пронесшихся в голове мыслей, распрямил плечи и передал грамоту дьяку Магакии для прочтения.

Магакия благоговейно поцеловал бумагу и густым басом громко, размеренно начал читать:

— «Соизволением и милостью всевышнего, святейшего и могущественнейшего господа бога, мы, император Всея Руси — Великой, Малой и Белой, — царь Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Вятский, Казанский, царь Астраханский, властитель Сибири, великий князь Смоленский, а также царь Финляндской и Булгарской земель, великий самодержавный князь Нижегородский и Черниговский, государь Рязанской, Ростовской, Ярославской и всей северной стороны, властелин восточных, западных и многих других земель, Петр Алексеевич, шлем свой милостивый поклон и благословение всем большим и малым сигнахам страны Армянской, князьям и военачальникам, старшинам и духовным пастырям вашим, народу и всему войску.

До нашего царского слуха дошла весть о том, что вы создали в своей стране сигнахи, создали войско и очистили свои земли от персов. Нам, милостью божией, царю христианскому, доставило большую радость ваше

избавление от нечестивых. И за то мы воздаем хвалу великому спасителю Иисусу Христу, что не оставляет он в беде, не забывает верных своих служителей.

До нас также дошел слух, что вы в своей стране единодушно решили просить нашей царской помощи и всем народом хотите принять наше подданство.

Мы с любовью откликаемся на вашу просьбу и через нашего высокого посла заявляем о душевном ликовании нашем и о готовности принять под свое покровительство ваш народ, а вместе с вами и всех исстрадавшихся в муках рабства христиан, живущих на земле Армянской.

Таково наше непреклонное и искреннее слово.

Да благословит господь наше согласие и единение ныне и во веки веков! Аминь!»

— Аминь! — горячо повторили присутствующие.

Магакия, окончив чтение государевой грамоты, передал ее Беку.

Верховный властитель шагнул к молчаливо стоявшим послам и произнес торжественно и взволнованно:

— Все мы от мала до велика обращаем наши благодарственные слова благочестивому и апостолоподобному царю Петру Великому за его богоугодную милость и от души молимся, чтобы наш господь бог даровал ему вечное здоровье. Все то, что мы слышали своими ушами, приятно нам и радостно, господа послы. — Он обернулся к своим:

— Да будет со мной ваше согласие!

— Да будет! — прогремело в высоком сводчатом зале.

Бек пригласил послов сесть на заранее приготовленные для них места. Сел и сам.

— Что еще повелел вам государь император?

— Милостивый царь велел нам также сказать, что сам в этом месяце прибудет в Баку и с войском и военачальниками проследует в Гандзак, — ответил главный посол. — Готовы ли вы пойти ему навстречу со своим

войском и военачальниками?

— Готовы и единодушны!

— Да поможет вам бог.

— Пусть отныне русская длань навечно благоденствует над нами, — произнес Давид-Бек. — Нас немного, но мы умеем защищать наш дом и нашу честь. Многовековая история наша — тому свидетельство. Мы устояли против врагов, жаждавших нашей крови, ибо руке нашей привычно держать меч. Мы умеем биться с недругами, умеем противостоять им, и этим мы живы и останемся в веках… Таков путь армян.

Последние слова он подчеркнул с особой силой и достоинством.

В жилах военачальников забурлила кровь. Вспомнились битвы, которые они вели. Князь Нубар наполовину вынул меч из ножен и со звоном вложил его обратно. Сделал он это непроизвольно. Бек взглянул на Нубара. Тот смутился, поняв, что его поступок был неуместен.

— Вы слышали звон меча этого храброго юноши, — указав на Нубара, обратился к послам Давид-Бек. — В этом звуке — наша сила и безопасность. Этот храбрец — владетель небольшого гавара. Полк его малочислен, и все же он обуздывает кровавого персидского хана, что сидит в Нахичеване. Драться умеет. И похвалы достоин. И все тут собравшиеся — мелики и князья, крестьяне и военачальники — чести своей не посрамят…

Нубар зарделся. Неужели Бек похвалил его? Он сделал глубокий поклон в сторону Верховного властителя.

Бек продолжал:

— Слушайте, достойнейшие послы! Мы всенародно, единой душой принимаем покровительство вашего царя и покоряемся ему. Мы хотим иметь брата — достойного и доброго, — чтобы идти с ним рука об руку. Такого брата, который не поглотит нас. С сего дня мы — подданные. Напишите ему, поторопите с приходом в нашу страну. Мы накормим войско его величества, обуем-оденем, наделим жалованьем, сообща станем воевать против наших и его врагов… — Бек обратился к своим: — Бог дал нам опору в лице русских, —

значит, будем крепко держаться за них, армяне!..

— Будем, будем!.. — воскликнули все.

Давид-Бек встал.

— Уважаемые мелики, военачальники и святые отцы армянской церкви, — заговорил он, — в едином согласии покорились мы русскому царю. Народ и войско ожидают нас. Выйдем к ним и всем миром поклянемся в верности царю Петру…

Увидев Бека и послов, народ подался вперед, хлынул к центру площади. Бек и сопровождавшие его военачальники и послы взобрались на кровлю небольшого дома. Гигантская толпа колыхалась, подобно волне, и волна эта катилась за городские ворота, в лес, на окрестные холмы и в долы. Бек долго махал рукой. Но люди не успокаивались. Тогда он крикнул:

— Мелики, старшины, воины, крестьяне, слушайте! Слушай, народ армянский! Россия протянула нам братскую руку!

— Бог в помощь!.. — кричала толпа, кричало войско.

— В по-о-мощь!.. — эхом откликались скалы.

Гром человеческих голосов отзывался в лесах, в ущельях и пещерах и уносился в поднебесье.

— Отныне и навсегда мы будем вместе с русскими! — выкрикнул Бек.

— Будем! — еще сильнее гремела толпа.

— Будем! — кричали Есаи, Горги, Семеон, Вецки Маргар и Зарманд — она вместе с дочкой только что прибыла из Дзагедзора.

— Будем! — надрывались крестьяне и нищие в лохмотьях, ходжи в роскошных одеждах и монастырская братия, все до единого — женщины и мужчины.

Есаи казалось, что голос у него исходит не из горла, что кричит все его существо. Чужой и таинственный голос. Он представлялся ему до странности мощным. И казалось, летит через хребты и синие горы, через бескрайние равнины, прямиком к русскому царю.

— Дланью в длань пройдем в единой вере с русскими! — поднимая крест

над головой, хрипло прокричал епископ Оваким.

— Пройдем! — сотрясали воздух возгласы.

— Пройдем! — Горги Младший не мог сдержать прилива радости. Он подскакивал в седле, подбрасывал шапку, ловил ее и все повторял одно и то же слово. Будто радость его, зародившись в глубине души, разливалась потом по всему телу, подобно вину, что струится и бурлит в жилах…

С крепостных стен ударили пушки. Воины полка «Опора страны» отсалютовали ружейным залпом.

Наблюдая эту всеобщую радость, Бек думал про себя: «Воодушевление сие способно поддержать мужество народа. Но не дай бог, если царь не исполнит обещания».

— Поклянемся могилами предков и святым евангелием, что навеки сохраним верность русским! — снова крикнул Бек.

— Кляне-е-емся!..

Епископ Оваким протянул Беку евангелие в серебряном окладе. Все опустились на колени и поклялись на евангелии. Примеру армян последовали и русские. После чего Бек сошел с кровли, вручил царскую грамоту дьяку Магакии и велел ему в сопровождении двух сотников пройти с ней в народе, чтобы люди видели бумагу и еще и еще раз услышали, что в ней сказано. Священники также начали обходить войско и народ, подкрепляя клятву на евангелии.

Пушки ударили еще три залпа, и торжество на этом закончилось.

Старейшины Верховного Собрания сошлись на совет. Пригласили послов. В их присутствии составили клятвенную запись царю. В ней говорилось:

«Причина нашего письма, Христом венчанный, милосердный наш Петр Алексеевич, следующая: по весне 1724 года мы, князья, мелики и сотники всех гаваров Большого Сюника и Арцаха, страны Армянской, вместе с нашими епископами, священниками, народом и войском, по доброй воле и с радостью обратились к тебе, великий русский царь. Мы поклялись на святом евангелии, что с сегодняшнего дня и во веки веков пребудем братьями под твоей властью,

в братстве с твоим народом».

Под клятвенной записью первым подписался Давид-Бек, за ним последовали остальные.

Чтобы упредить всякие неожиданности от врагов, Давид-Бек повелел военачальникам немедля выехать из Алидзора в пограничные крепости. Дзагедзорский отряд он поручил сисаканскому мелику Шафразу, для усиления охраны Шахапуникского перевала. Другой отряд Давид-Бек отправил в ущелье Вайоц с тем, чтобы возвели там укрепления и учредили охрану ущелья Арени. Объяснил, что наибольшая опасность угрожает ныне со стороны Араратской долины, где дороги уже просохли и откуда нежданно могут появиться турецкие войска. Войску, направлявшемуся в ущелье Вайоц, Бек придал также две пушки, отлитые оружейниками Врданесом и Владимиром Хлебом.

Вернувшись в свои покои, Давид-Бек устало повалился в кресло и закрыл глаза. Потом вдруг встрепенулся и дважды хлопнул в ладоши. Тотчас на пороге показался его единственный слуга.

— Ты звал меня, господин? — спросил он.

— Я? — удивился Бек. — Ах, да… Эх, Согомон, Согомон…

— Ты не щадишь себя, мой господин, — заметил слуга. — Вот уже три месяца не спишь ночами. Нельзя так…

— Нельзя, говоришь? Знаю, что нельзя. Не так, не эдак… Только что поделаешь против провидения? Все от бога, Согомон! Имей милосердие тот, кто наделяет нас счастьем, было бы, глядишь, и у меня свое гнездо, а в нем — птенцы, мои кровные!.. Но ничего, дорогой, устроим как-нибудь. А теперь позови тех двух людей…

— Оружейников?

— Их.

Слуга вышел. Бек скинул военную одежду, облачился в домашний халат и грузно опустился на низенькую тахту. В таком виде он казался даже старым человеком, хотя было ему всего пятьдесят пять лет.

В спальне Бека стояла только покрытая ковром невысокая длинная тахта с

подушками, да еще два стула возле низенького стола. На стареньком стенном ковре висело кое-что из старинного оружия. Верховный властитель страны жил в одиночестве. Не было у Бека ни жены, ни детей. Проводя всю жизнь в сражениях и заботах о благе народа, не нашел он времени, чтобы обзавестись семьей, и задумался об этом лишь на пороге старости, когда в сердце уже давно погас юношеский пыл.

Слуга ввел Врданеса и Владимира Хлеба. Усталым движением руки Бек пригласил их приблизиться. Оружейники шагнули вперед и остановились.

— Подойдите поближе, братья, садитесь, — предложил он. — Не спали ночь?

— Ничего, тэр Давид-Бек, — ответил Врданес. — Мы привычные. Знали, что позовешь, вот и ждали.

— Не буду вас задерживать, — сказал Бек. — За пушки, что вы отлили, могу воздать лишь хвалу. Спасибо…

Оружейники встали и низко поклонились.

Бек замахал руками:

— Не нужно этого! Чего придумали, кланяться перед братом. С друзьями я предпочитаю быть как равный с равными. А радость мне приносят лишь склоненные враги.

— Да ниспошлет господь, чтобы все враги армян пали ниц пред тобой! — сказал Врданес.

Бек вытащил из-под ковра небольшой, туго набитый мешочек и протянул оружейникам:

— Примите этот скромный дар в знак моей благодарности за вашу бесценную работу.

Врданес догадался, что в мешочке деньги.

— Тэр Давид-Бек, зачем смущаешь нас? — поднявшись, вымолвил он. — Мы получаем свою плату от Пхиндз-Артина. Ты ведь сам определил ее нам.

— Обижусь, если не возьмете, — насупился Бек и насильно сунул мешочек в руки Врданеса. Затем, обратившись к Владимиру Хлебу, спросил: —

Ну, брат, как служит тебе жена?

— О, она оказалась вспоенной святым молоком! — ответил за него Врданес. — Невестка ладная. Радость наша и утешение. Одарит скоро Владимира младенцем.

— Вот как, — улыбнулся Бек. — Дай-то бог, дай бог! Не погнушаетесь, приеду на крестины. От души рад! — Он неслышно вздохнул, отвернулся. Чтобы скрыть волнение, достал из корзиночки, стоявшей на столике, почерневшую трубку и, набив ее табаком, закурил. Курил Бек только дома.

Через минуту он снова обратился к Владимиру:

— Брат мой, я готов исполнить свое обещание. Ты уже видел, что послы твоего царя — мои гости. И останутся они у нас еще на несколько недель. Можешь уехать вместе с ними, а если торопишься, отправлю тебя завтра с караваном купцов, которые направляются в Шемаху и Астрахань.

Владимир встал, он был взволнован.

— Покорно благодарю, тэр Давид-Бек, — сказал он. — Но теперь я хочу остаться здесь. Мастер Врданес заменил мне отца, и у жены тут родственники — братья и мать тоже… Прости, но уехать я не могу, останусь в вашей стране.

— Воля твоя, брат мой, — не скрывая радости, сказал Бек. — Смотри только не пожалей об этом в будущем.

— Да что ты, тэр Давид-Бек! — растрогался Владимир. — Здесь я совсем как в родном селе. Говоря по совести, у меня ведь там и родных-то нет. Село наше на Дону, турки сожгли его, отца с матерью убили, а меня угнали в рабство…

— Турки!.. — Глаза Бека сверкнули гневом, и на миг из доброго хозяина он снова стал беспощадным властителем. — Турки враги и вам и нам. Если бы царь ваш и бояре поняли это…

Бек попросил слугу принести кофе. Завязался разговор об оружейном деле. Лишь на рассвете Бек проводил гостей и немного вздремнул. Но покой его длился недолго. Очнулся он от тяжелого сна. И напрасно силился восстановить видение. Вспомнился лишь инок Мовсес и его слова: «Пусть господь наш

всемогущий внушит вам, светским владыкам, чтобы смогли вы правильно отличить добро от зла, хорошее от дурного и вызволить утопающий в море крови, измученный народ наш из гибельной бездны…»

И Беку вдруг захотелось сейчас же повидать Мовсеса, сказать ему, что вчера он вступил на путь, которым поведет к спасению народ и страну Армянскую. Сделал то, за что некогда ратовал Исраел Ори.

Припомнилась встреча с Исраелом в Шемахе, когда Ори в качестве посла царя Петра ехал из России в Персию. «Не будет нам друга более надежного, чем Россия, — сказал Ори. — Я потерял лучшие свои годы, обивая пороги европейских властителей, но помощь нашел только у русских. Только в дружбе с ними обретет силу наша страна».

— Ты прав, Ори, — будто видя его сейчас перед собою, вслух произнес Бек. — Так думаем и мы, и народ наш. И благодарение богу, друг уже идет к нам. Не сможет прийти сегодня, придет завтра, но придет обязательно! Во что бы то ни стало надо уберечь страну и народ наш от погибели. Уберечь всеобщим противостоянием натиску врага…

Бек подошел к окну, припал лбом к холодному стеклу и закрыл глаза…

Когда очнулся, уже пламенели вершины гор. Бек встряхнул головой и обернулся. На пороге стоял Согомон.

— Ты слышал мои слова? — спросил Бек.

— Ничего не видел и не слышал, господин мой! — ответил Согомон. — Только чувствую, все чувствую!.. Пусть не падает духом орел Сюника, велик бог и милосерден. Прикажи подать умыться.

— Неси!

— Что нового? — спросил Бек, умывшись.

— Ждет тебя агулисский ходжа Абел.

— Пусть подождет. Мелики уехали?

— Все.

— А спарапет?

— Он еще здесь.

Бек вытер лицо, просушил полотенцем густые волосы и спросил:

— Знаешь, где пребывает пленный юзбаши? — Согомон кивнул. — Проведи его ко мне, только тайно, чтоб никто об этом не узнал. Иди!

Бек был уже в полном вооружении и снова стоял у окна, когда Согомон привел персидского юзбаши Мир Огуза. Пленный, увидев Давид-Бека, пал к его ногам. Долго смотрел Бек на врага своего, затем приказал Согомону принести перо и чернила, подсел к столику и написал:

«Персидскому шаху Тахмазу от Армянского Верховного властителя Давид-Бека привет! Да будет ведомо тебе, о шах, что султан Ахмед приказал сидящему в Эрзеруме Кёпурлу Абдулла паше собрать войско и идти на твою страну. Султан намерен разгромить Тавриз, изгнать тебя, последнего потомка Сефевидов, достигнуть Исфагана и отдать отнятый у твоего отца трон своему единоверцу Мир Махмуду, провозгласить его персидским шахом. Большое бедствие приближается к нашим странам. Да поможет тебе великая мудрость твоя отличить добро от зла. Если хочешь унаследовать трон своего отца, отправь немедля человека, чтобы он пал к ногам русского царя Петра и просил о помощи. Только он может спасти твой трон и Персию. Иначе ты потеряешь все и страна твоя станет добычей турок. Сейчас посол русского царя пребывает у нас, и мы приняли руку помощи русского царя. Спеши, пока стамбульская змея не обвилась вокруг твоей шеи».

Закончив так письмо, Бек перечитал его, запечатал и, свернув в трубочку, перевязал зеленой лентой. Затем, обратившись к юзбаши, сказал:

— Тахмаз шах будет повержен султаном Ахмедом, если бог лишит его разума. Вставай, Мир Огуз!

Пленник поднялся, покорно потупился перед Давид-Беком.

— Ты свободен и можешь вернуться в свою страну…

Мир Огуз бросился на колени и стал лобызать полу кафтана Давид-Бека. Бек отодвинулся.

— Вот только письмо это шаху Тахмазу. Да не мешкай в пути. Мои люди проводят тебя до Худаферинского моста, что на Араксе.

Мир Огуз попятился и, открыв спиною дверь, исчез с глаз…

Весна на берегу Куры

По лесной тропинке взбирались всадники.

Есаи ехал впереди. Он завернулся в бурку, надвинул на глаза башлык и как бы притаился.

Лил сильный дождь. Каменистая тропинка с трудом просматривалась в бурном потоке. Сотник молчал. Не говорили и сопровождающие его Цатур, Семеон и Вецки Маргар. Только нетерпеливый Цатур изредка отпускал крепкое словцо, поглядывая в недоброе, хмурое небо.

Путь они держали в родное село Есаи.

Он уехал из этих мест четырнадцать лет назад, но помнил здесь все, даже козьи тропы. Уехал, не питая надежды, что снова вернется сюда. Но вот судьба ведет его в родные места.

Жена Есаи умерла рано, в голодный год. В опустевшем доме остались они вдвоем с двенадцатилетним сыном Артаваздом. Ни земли, ни скотины. А подать — подушную и мелику за надел — надо было платить исправно. Не успел Есаи похоронить жену, как меликовы надсмотрщики налетели, словно коршуны. Есаи отдал мелику дом, но это не спасло, пришлось отдать сына. Ребенок и без того умер бы с голоду.

Сын плакал, когда надсмотрщики забирали его. Сам Есаи от горя рвал на себе волосы и в ту же ночь бежал из села…

Четырнадцать лет он как ветер носился из одной страны в другую, вечно голодный, бездомный. Спал на обочинах дорог, на свалках у постоялых дворов — словом, всяко испытывал судьбу. В одну из лихих годин пошел даже на воровство, но и этим не наполнил утробы — голод сжимал кольцо на его шее все крепче и крепче. С отчаяния уже было руки на себя наложил, да вдруг встретил Мхитара.

Теперь Есаи — сотник в войске спарапета. И в хурджине у него столько

серебра, что он мог бы купить три пары быков. Теперь даже мелики говорят с ним уважительно.

Год назад сын приезжал повидаться с отцом в Дзагедзор. Есаи при встрече, не стыдясь людей, плакал, уронив голову на плечо сына. Артавазд был уже настоящим мужчиной.

— Отец, — сказал сын, — я пришел просить милости: выкупи меня у хозяина.

Есаи пошел к спарапету. Мхитару понравился молчаливый парень с большими натруженными руками. Он выкупил его, наделил семью пахотной землей и по просьбе отца назначил старшиной в то самое село, откуда они родом. Есаи, в свою очередь, отдал Артавазду все, какие у него были, деньги. С этим парень и уехал в село.

Мягкая улыбка скользнула под мокрыми усами Есаи. Радовало, что сын не посрамил его, за год сколотил хорошее хозяйство, женился, выстроил себе новый дом.

Дождь не переставал, а между тем надвинулась ночь, и продолжать путь было уже небезопасно. В лесу стоял такой густой туман, что, хоть обопрись на него, — не упадешь. Есаи вспомнил про свинарники, что на полпути к их селу. Повернул коня в сторону ущелья: тот послушно пошел на запах дыма. Скоро они разглядели едва различимую полоску огня. Лес наполнился лаем собак.

— Эй, люди, придержите собак! — подал голос Есаи.

Кто-то прикрикнул на взбесившихся собак и открыл дверь ограды свинарника. Всадники въехали. Свиньи, сбившись в кучу, толпились вокруг маленького сарайчика. Бородатый мужчина запалил факел.

— Кто вы? — спросил он не без тревоги.

— Служилые люди, — ответил Есаи. — Может, ты знаешь меня? Я ваш односельчанин, сотник Есаи. Не приходилось слышать?

— Ну как же это не приходилось? — словно оцепенел факелоносец. — Как же, брат Есаи… Тэр сотник! В такую-то иудину ночь, в такой ливень пожаловал к нам!.. Верно, важное дело привело? — Он подошел,

поздоровался. — Я Мартирос, тэр сотник. Не помнишь небось?

— Какого рода будешь?

— Арчанц[41] я! Мартирос Арчанц!

— Ну как же, как же!.. — весело заулыбался Есаи. — Это ведь у твоего деда все, что было на нем, стянул медведь?

— Да, и с того самого дня нас прозывают Арчанц.

— Ну, здравствуй. Рад с тобой свидеться, Мартирос. Помоги, мы промокли, как мыши, угодившие в кувшин с таном[42].

Коней поставили под навес. Вошли в хижину-времянку, сооруженную из нетесаных каменных глыб. Обстановки в ней не было никакой. У стены на медвежьих шкурах лежали двое. Они проснулись от шума, потерли кулаками сонные глаза. Есаи похлопал одного по спине.

— Эй, Голодный Азария, ты все еще жив? — прокричал Есаи на ухо разбуженному человеку и засмеялся. — И теперь ешь сырую зайчатину?

— Боже правый! Да это никак наш Есаи?

— Именно он и есть! — Есаи поцеловал Азарию в колючие усы.

Другой был гусан Етум. Худой, с клинышком редкой бороденки. Заспанный, он недовольно поморщился и про себя подумал: «Заставят петь, черти. Не дадут человеку передохнуть».

Со двора вошли люди, что занимались с конями.

— Затопите тонир, — попросил сотник, — мы насквозь промокли и два дня не ели горячего.

Свинари запалили огонь в маленьком тонире, что был тут же, в самой середине помещения.

— Эге, и Етум здесь! Веселую же ночку мы проведем! — воскликнул Цатур, узнав гусана. — Откуда ты родом, пиликающий брат?

— Из Хндзореска, — ответил гусан. — Я шел в Мегри. Ночь настигла в

---

41 Арч — медведь.

42 Тан — сыворотка.

пути. Спасибо, добрые люди приютили.

— Из Хндзореска, говоришь? — Цатур пододвинулся поближе к пламени, что подымалось из тонира. — Я слыхал, в вашем селе ослепляют третьего сына в семье, чтобы сделать его гусаном. Так ли это?

— Простит тебя господь, брат воин! — с обидой сказал Етум. — Сущая ересь. Разве может христианин совершить такое? В нашем селе, правда, много гусанов. Больше ста человек. Не от хорошей жизни люди идут бродяжить.

— А много таких, что задом открывают дверь?

— Зря глумишься. Где сейчас нет нищих?

Есаи протянул Мартиросу серебра:

— Бери, зарежь нам за то поросенка.

Мартирос почесал волосатый затылок:

— Но как же, Есаи? Для тебя, и вдруг за деньги?..

— Старую собаку не учат, бери! — настоял Есаи. — Ты гол как сокол, я это знаю. А завтра твой хозяин заберет у тебя за поросенка сына. Ну, бери же!

Вскоре поросенок, уже выпотрошенный, висел вниз головой над тониром. Зашипело сало, и все вокруг наполнилось запахом жареного мяса. Заскулили собаки у дверей. Гусан Етум шумно глотнул слюну: уж очень аппетит разыгрался. Мартирос вертел поросенка, а сам разговаривал:

— Ты ушел, брат Есаи, и как в воду канул. Мы уж думали, не увидим больше тебя. Слава богу, вернулся, и голова на плечах. Очень рады…

— А вам, крестьянам, как живется? — спросил Есаи.

— Благодарим, — не сразу ответил Мартирос. В голосе его послышалось скрытое недовольство. — Дай бог долгой жизни Давид-Беку и Мхитару тоже: избавились мы от персов… Теперь можно бы свободно дышать… Да, говорят, турки?.. А, Есаи? Ты там поближе к Беку и спарапету, что скажешь?

— Слышен лай! — мрачно проговорил Есаи. — Как знать, может, и начнется война. Да только не горюйте, мы к ней готовы.

— Да, родные, будьте готовы. Не дай бог снова попасть в лапы волков.

— Бог милостив, — вздохнул Есаи, — он судья праведный: одной рукой

наказывает нас, а другой, по своему милосердию, помогает.

— Да будет нам благословение божье… — прошамкал гусан. — Не разверзнется над нашей страной чаша небесного гнева.

Поросенок тем временем изжарился. В румяные его бока вонзили небольшие деревянные вилы и вытянули из тонира. Свинари насыпали на плетенный из веток шиповника поднос соли, нарезали просяного хлеба. Все вынули свои ножи и приготовились. Есаи толкнул локтем Семеона. Тот извлек из хурджина небольшой бурдючок и три деревянные кружки. Сотник разлил по чашам тутовую водку и роздал свинарям. Гусан пить отказался.

— Видно, нет у тебя горя, Етум, — запихивая в рот большой кусок мяса, промолвил Цатур, — заливать нечего.

— Какое уж там нет! Если бы я насыпал свои горести в Аракс, река запрудилась бы, — покачал головой гусан. — Есть ли на свете хоть один армянин без горя на душе?

— Ладно, не сердись! — воскликнул Семеон. — Лучше спой нам. А то сидишь тут, не пьешь и не поёшь. Какому же черту ты брат?

— Дай ему сначала наесться досыта, а уж тогда и споет, — вмешался Есаи.

Насытился гусан быстрее других. Вынул он из суконного мешка саз, для пробы ударил несколько раз по струнам и запел. При слабом свете огня лицо его казалось медным, под пучками густых, лохматых бровей не было видно глаз, белые зубы сверкали.

Вай, мы саман в пасти ветра, о!

Пленники в пасти неверных, о!..

Пел он тихо. Бередил сердце. Кусок мяса застрял в горле у Есаи. Вспомнились дороги на чужбине, топтание у чужих порогов… И он ведь когда-то пел эту песню.

У Семеона увлажнились глаза. Цатур поспешно проглотил кусок. Только Вецки Маргар и свинари спокойно внимали песне.

Саз Етума пищал, как больной ребенок. Выпили еще по чарке. Есаи хватил свою залпом. Водка обожгла горло и вместе с песней зазвенела в жилах. Он с

грустью взглянул на гусана — всего год назад и сам был вот так же гол как сокол. Кафтан у Етума истрепан, грудь нараспашку, лапти на ногах истлели и чудом держались на кривых пальцах. Гусан встряхнул седой головой и словно бы зарыдал, как плакальщица-старуха:

Взяли в плен молодым — дживаном,

Мир объят горем,

Реки пенятся кровью,

Да какой кровью!

Горе нашей стране,

Из сердца ее льется кровь…

Так печально Етум еще никогда не пел. Цатур, отвергающий все грустное, любитель кутежей и бражничества, вдруг зарыдал как дитя. Высокие плечи Семеона дернулись. Вецки Маргар поднес руки к глазам. У Есаи тоже защемило сердце: какое-то тепло разлилось внутри, потом вдруг, как от боли, резко вздернулась голова, и все в его глазах окрасилось кровавым цветом. Есаи вскочил на ноги и крикнул гусану:

— Довольно, старый филин! Довольно петь о крови. Замолчи, ты сжигаешь мне сердце!

Увлеченный своим пением гусан — то ли не понял его, а может, сделал вид, что не понял, — продолжал:

Горе нашей стране…

— Прекрати! — прогремел Есаи и сорвал саз с груди гусана.

— Горе! Мой саз! Отдай, тэр сотник! — протянул свои голые руки гусан. — Не отнимай у меня хлеб, ради бога, тэр сотник, не оставь моих детей голодными!..

Он зарыдал.

— Никто у тебя его не отнимает. Только перестань петь о крови и слезах. Не режь нас без ножа, сова из развалин. Пой другую песню, веселую!.. Хватит, уже тысячу лет поем о крови и слезах. Сердце у человека разрывается, опускаются руки!

— Такая у нас доля, тэр сотник! — простонал гусан. — Кровь и слезы — наша доля! Нет у нас иной песни, нет!..

— Есть! — задыхался Есаи. — Пора высушить слезы.

Он поднял саз и хотел уже бросить его в тонир. Старый гусан истошно закричал. Мартирос схватил руку Есаи.

— Не делай этого! — сказал он с угрозой. — Верни ему саз.

— Отдай, отдай! — крепко взявшись за ручку саза, потребовал и Азария.

— Прочь, прочь! — закричал Есаи. — Что вы, мои господа, что ли?

— Какие уж там господа! — рассердился Мартирос. — Мы рабы — рамики. Это ты господин, ты, тэр сотник! Правда, тоже когда-то был голым и голодным рамиком, но теперь стал князем. Брось и нас в огонь. Брось!.. Ты ведь господин, все можешь!.. Вон и твои сын стал волком у нас на селе, скоро шкуру с нас сдирать станет. Верни саз, пусть гусан поет о наших слезах.

— Молчи!.. — закричал, задыхаясь, Есаи. Глаза у него выпучились, и весь он дрожал.

— Помолчу, помолчу! — закрыл рот рукой Мартирос. — Что я могу сделать, должен молчать. Ты — сотник, сын твой — старшина. А внук, глядишь, и меликом станет. Тебе легко говорить. А я помолчу!..

Сотник посмотрел на односельчан, на своих воинов. Все стояли, повесив головы. Тяжелая сцена подавила их. Было видно, что они злятся и многое могли бы сказать, но не решаются. «Твой сын стал волком у нас на селе, скоро шкуру с нас сдирать станет», — бросил Мартирос. «Кто? Мой сын?..» — Есаи не хотел, не мог этому верить. Он чуть не ударил Мартироса сазом по голове, но, благо, рука не поднялась. Кого ударить? Рамика Мартироса? Нет, этого Есаи не сделает. Он заревел, как раненый медведь, и протянул саз Етуму. Тот взял, попятился назад и сжался под стеною.

— Гусан Етум пел наше горе, — сказал мрачно Азария. — Ты не хочешь слушать его, тэр сотник, дело твое — не слушай, а нам не запрещай. У рамика слез много и боль глубока.

— А я кто? Может, тоже скажешь, мелик? Стыдись, Азария!

— Ты был когда-то таким же голопузым рамиком, как и мы…

— А теперь что?

— Теперь ты сотник. А сын твой — хозяин села. Не хотели мы тебе говорить, но больше нет мочи скрывать. Артавазд безжалостнее любого персиянина. Он, проклятый, сжигает нас, жарит живьем. Спаси, господин…

Есаи побледнел. Словно кишка оборвалась в животе.

— Коней! — вдруг заорал он. — Ведите коней! — и бросился к бурке.

Воины повскакали с мест. Есаи вылетел из хижины. Собаки завыли.

— Господи Иисусе Христе! — пролепетал сжавшийся в комочек гусан.

Лошади мчались во весь опор. Дождливая ночь сменилась ясным утром. Уже припекало солнце. Нагорные нивы, кусты шиповника, шелестящая трава — все наполняло воздух пьянящим ароматом. Но Есаи ничего не чувствовал. Его лошадь тянулась из последних сил, то и дело настороженно поглядывая на раскачивающуюся над ухом плеть. Скоро потянуло дымом. Послышался лай собак. У Есаи сердце замерло. Перед ним предстало родное село…

Над плоскими крышами вились столбики. Некоторые из крестьян у себя во дворах или на улице крепили ремнями плуги. Другие грузили на мулов упряжь. Готовились в путь, сеять на горных отрогах просо.

Завидев всадников, люди снимали шапки, смиренно кланялись. Печально перезванивались церковные колокола. Разгоняя кур на улице, всадники подъехали к церкви.

— Где тут дом старосты? — спросил Есаи у крестьянина, что неподалеку счищал комья навоза, присохшего к ногам быка.

— Вон! — испуганно шарахнулся крестьянин, махнув рукой в сторону нового двухэтажного дома.

Кони придавили распластанного на дороге новорожденного телка. Какая-то женщина, сбросив с плеча кувшин, испуганно кинулась в ближайший двор. «Беззаконие я творю», — промелькнуло в голове у Есаи.

Дом старосты огражден высокой стеною. Окрашенные в зеленый цвет ворота были открыты настежь. Два телка из дальнего конца двора невинно

взирали на пришельцев. Овчарка круче характером. Она было попробовала сорваться с цепи и накинуться на всадников, но тщетно. Несколько женщин сосредоточенно крутили жернова под стеною. «Хорошее сколотил хозяйство», — зло подумал Есаи и натянул удила запыхавшегося коня.

По ступенькам сбежал сын. Размахивая руками, он радостно крикнул:

— Апер, дорогой апер!

На балконе показалась хорошенькая молодица на сносях.

Артавазд подскочил к отцу, хотел стремя подержать … Плеть со свистом обвилась вокруг его головы. С уха слетела мочка. Стоявшая на балконе женщина вскрикнула. Артавазд схватился за голову и опустился к ногам коня. Кровь хлестала фонтаном из его виска. Есаи спрыгнул сыну на спину и стал топтать его ногами…

Цатур и Семеон соскочили с коней, кинулись к взбешенному сотнику, попытались образумить его, удержать. Но тот отбросил обоих в сторону. Плеть без счету хлестала распростертого на земле Артавазда.

Кто-то повис на руке Есаи.

— Пощади, отец! — вскричала невестка и в тот же миг потеряла сознание.

Рука у Есаи ослабела. Он глянул на невестку и содрогнулся. В ногах у женщины шевелилось что-то кровавое… Как безумный, сотник поднял этот комок. Ребенок был еще теплый. На лице уже обозначился носик, размером с пшат[43], линии еще закрытых глаз… С испугу невестка выкинула ребенка. Есаи зарычал и обрушился на землю. Он больше ничего не слышал. Не слышал ругани Цатура и Вецки Маргара, крика Семеона.

— Боже мой, сотник сошел с ума!..

Во дворе собрались соседи. Одна из старух, что крутили жернов, вырвала из объятий Есаи мертвого ребенка.

— Мальчик! Горе-то какое! — запричитала она.

Невестку унесли в дом приводить в чувство. Артавазда окропили водой, и

---

[43] Пшат — довольно мелкий мучнистый плод пшатового дерева.

он скоро очнулся.

От ужаса все окаменели. Во дворе уже было темно.

Скоро Есаи сидел на тахте в доме у сына и сурово глядел на него. Голова у Артавазда перевязана, нос вспух, под глазами кровоподтеки, губа разорвана.

— Кайся в своих грехах! — грозно сказал отец.

— Прости, прости! — с трудом усаживаясь на ковре, взмолился сын.

— Ты, может, не знал, не видел, что я — человек, съевший волчье сердце, — могу поджарить на огне твое сердце, собачий выкормыш? Как ты смеешь драть шкуру с рамика? Кто ты есть?

— Прости, отец, не будет больше такого!.. Клянусь могилой матери, не будет!

Есаи долго оставался безмолвным, но вот поднялся, прошел в соседнюю комнату, где старухи суетились вокруг несчастной невестки. Склонился над ней, поцеловал в лоб. Невестка заплакала. Слезы скатились и со щек Есаи.

— Ничего, родишь еще! — извиняющимся тоном сказал он и вышел. Старухи перекрестились.

— Сколько в селе дымов? — спросил Есаи у сына, снова садясь на место.

— Сто восемьдесят.

— Рамиков сколько?

— Больше половины.

— А как озимые?

— Хороши, зеленеют. Да будет глух сатана, не сглазить бы. Не дай бог, случится град.

— На заре созови народ на церковное подворье. Всех, до одного. Есть приказ от Давид-Бека.

— Никак, война?

— Поживи, узнаешь, — бросил Есаи и вышел.

В темноте не спеша побрел он в конец деревни — на кладбище, на могилу жены. Хотелось сбросить с плеч, как чоху, всю тяжесть дневного ада. До чего же страшна судьба!.. Всюду кровь…

До рассвета просидел Есаи на могиле жены: как бы заново прожил свою жизнь.

Сооруженная в конце десятого века, церковь эта похожа на чудесный храм. Надпись на дверном камне гласит, что построена она княгиней сюникской Софьей «во спасение души». В церковном дворе много старинных могил. На иных хачкарах уже едва различимы письмена, и все оттого, что крестьяне очень любят посиживать на них и, больше того, частенько насыпают соль для быков и овец, те и знай лижут камни вместе с солью.

Чакатенцы собрались быстро. Старики привычно расселись на хачкарах. Молодежь топталась тут же.

Старый священник уже было задремал, свесив бороду на грудь.

Но вот пришел Есаи с сыном, в полном боевом облачении, в сопровождении воинов. Все поднялись со своих мест. Один священник остался сидеть.

— Здравствуйте, сельчане, — громко приветствовал Есаи. — Как живете-можете? Как домочадцы?

— Благодарение богу, живы! — отозвались один-два человека. — Да будет добрым твой приезд!

Люди с восторгом и удивлением смотрели на Есаи. Односельчанин не чета им. Вон какое у него оружие и одет как! Зато лицом изменился. Жестокий, суровый.

С сыном-старостой расправился круто, но это понравилось всем.

Есаи, не сходя с коня, объявил, что прибыл он по приказу Давид-Бека за податью.

— Мы держим путь в Гандзак, братья-армяне! — сказал сотник с воодушевлением. — Великий государь российский едет в нашу страну. Встречать его будем!

— В добрый час! — отозвались в толпе.

— Да неужто ж не в добрый? Наконец избавимся от вечного страха быть

порабощенными персиянами и турками. Под русским владычеством заживем как люди. Но для этого нам и ваша помощь нужна. Село должно поставить Давид-Беку тридцать мулов, пять погонщиков, три халвара[44] ячменя и пять халваров муки для войска; кроме того, дадите трех быков и двадцать овец на мясо. Слышите? Это не просьба, приказ. Выполняйте его. Даю вам сроку до полудня.

— Что же это, выходит, у русского царя хлеба нет? Есть ему нечего, что ли? — спросил кто-то недовольным голосом.

— Нечего зубы попусту скалить. Не царь у вас хлеба просит, а войско его кормить надо! — рассердился Есаи. — Мы все уже служим русскому царю, понимаете вы это или нет? Войско царя идет в нашу страну…

— Слава богу, что идет, все глаза извели, дожидаясь! — закричали с разных сторон.

— Хорошо, что идет, дадим все, что можем! До последнего зернышка подберем и отдадим! Только бы жить нам в братстве с русскими…

— Отдадим, отдадим! — вторила толпа.

И действительно, скоро в церковной ограде уже высилась целая гора чувалов с мукой и ячменем. На большое дело жертвовали все — кто сколько мог, и добровольцами вызвались больше двадцати человек. Но Есаи взял только пятерых. И был несказанно рад, что уже в первом селе дело пошло столь удачно. Он знал, что не из страха односельчане выполняют приказ Давид-Бека; попроси у них сейчас колыбели, и те отдадут. Уж очень народ ждет прихода русских и надеется с ними победить. Есаи с грустью оглядел босых, одетых в лохмотья рамиков, и сердце у него сжалось. Небось ведь самим нечего есть, а амбары опустошили.

— Я доложу о вашей щедрости самому царю, — сказал он и сам устыдился за ложь: где ему увидеть царя? — Одно меня удивляет, — продолжал Есаи, — почему вы не расплатились со старостой, когда он творил беззаконие? Знайте,

---

[44] Халвар — мера веса, равная примерно 30 пудам.

времена изменились. Теперь не то что при персах! Теперь мы сами хозяева в своей стране. Если старшина посмеет и впредь притеснять вас, убейте его, взращенного на нечистом молоке! Спуску не давайте!

Никто не издал ни звука. Люди ушам своим не верили: о сыне ведь своем говорит… Да и как это, убить старосту! На то он и староста, чтобы быть жестоким!

…Вернувшись в дом сына, Есаи вошел поначалу к невестке. Бледная, как тень, она склонилась в молитве перед ликом богоматери. Пахло воском и ладаном. При виде свекра несчастная замерла.

— Мягкое у тебя сердце, доченька, — не осмеливаясь приблизиться к ней, сказал Есаи. — Ты так перепугалась, что и я и муж твой теперь во грехе. Бог простит нас. На вот, возьми эти деньги. — Он бросил кошелек к ногам оцепеневшей невестки. — Купи свечей и поставь к кресту Аграванакара. Ну, оставайся с богом, я должен ехать.

Невестка пришла в себя, вскочила и побежала за удаляющимся свекром. Она сунула в карман его кафтана пару новых шерстяных носков и, прикрывая лицо головным платком, повернула к дому.

С караваном навьюченных мулов, с быками и овцами Есаи выехал из Чакатена. Держась чуть на расстоянии, его провожал сын. Есаи молчал. События минувшего дня потрясли его. Руки словно горели ощущением теплоты тельца, увы, так и не родившегося внука.

Спустя неделю из Гандзасара в Алидзор прибыл гонец. «Государь император Российский едет к нам, — писали Давид-Беку князь Ованес-Аван и католикос. — Поспеши прибыть с войском в Гандзак, встречать его величество. Туда же прибудет и грузинский царь Вахтанг со своим войском».

Это ли не радость Давид-Беку? Свершалось то, о чем он молил бога, на что возлагал надежды.

Бек тотчас отправился в Дзагедзор. Там он лично составил полки внутренних гаваров и, поручив их спарапету Мхитару, повелел следовать в Гандзасар, соединиться там с войском князя Ованес-Авана и совместно

встречать царя Петра.

Оставшись наедине со спарапетом, Давид-Бек сказал:

— Передай государю императору, что нам со стороны Турции грозит большая опасность и потому я со своим воинством не смог встретить его. Каждый час ждем нападения. Было бы легкомысленно оголить страну, оставить без войска.

Спарапет Мхитар выехал из Дзагедзора во главе трех тысяч вооруженных всадников. С ним были Тэр-Аветис, мелик Бархудар и мелик Еган. Вез Мхитар с собой и жену вместе со старшим сыном. После замужества госпожа Сатеник еще ни разу не выезжала из Сюника, даже в отцовском доме не бывала. Эта поездка стала для нее предлогом: спустя годы хотя бы могилы родительские посетить.

Мхитара не радовала затея жены, но отказать ей в просьбе на этот раз он не рискнул — уж очень, бедная, тоскует.

Армянская конница выступила во второй понедельник марта. Стояло яркое весеннее солнечное утро, очень свежее. Дорога вилась по горным склонам, петляя, спускаясь по скалам в темные ущелья. Затем она, как бы еле переводя дух, уступами снова подымалась к вершинам. Местами была такою узкой, что порою казалось, и по одному всаднику не одолеть крутой перевал. Впереди гнали груженных мукою и ячменем мулов, стадо бычков на мясо, стадо овец.

Горы Большого Сюника остались позади. Полки спарапета вступили в гавар Хачен в Арцахе. И здесь горы почти недоступны, сплошь покрыты густым непролазным лесом. Но деревень было много. Они теснились во впадинах пересекающих друг друга ущелий и на пригорках. Были связаны между собой редкой сетью тропинок.

Хаченцы с криками радости выходили из сел к дороге, с ловкостью коз взбирались на скалы и приветствовали своего спарапета. На всем пути следования люди угощали его и провожали от села до села. А многие присоединялись к войску, чтобы вместе идти в Гандзак.

Спарапета радовало то, с каким воодушевлением народ приветствовал

приход русских.

Ехали сквозь нескончаемые леса. В пути стреляли кабанов и медведей. Привалы были недолгими. Наспех подкармливали лошадей, жарили на вертеле подбитую дичь и снова пускались в путь.

Наконец добрались до ущелья Хачена. Измученные кони не брали подъема. Спарапет велел затрубить в трубы. Наверху, на скалах, тотчас появились люди. С их помощью скоро все поднялись. С седловины последней, самой высокой горы открылась большая равнина. Это была долина Куры. Окутанные туманом, словно бы восседали на облаках вершины Кавказских гор.

Начиналась долина у отлогов хребта. Качая в своих объятиях извивающуюся, словно змея, Куру, она устремлялась к Каспийскому морю.

В Гандзасаре спарапета и его войско встретили торжественно. В монастыре, в сигнахе, в воинском лагере ближнего села Бум в честь такого события палили из пушек. Князь Ованес-Аван выстроил свое войско, и растянулось оно по всей долине, от края ущелья до монастырских ворот. Воины приветствовали спарапета ружейным залпом.

У потрясенной госпожи Сатеник глаза не просыхали. Она чуть не лишилась дара речи от волнения, когда увидела своего дядю, престарелого католикоса Агвана Есаи Асан Джалаляна. В знак особого уважения к Мхитару католикос шел к нему навстречу пешим. Он обнял зятя-спарапета, и могучие плечи старика дрогнули.

— Народ армянский, свершается правосудие! Божье милосердие осеняет нас. Русский царь идет к нам на помощь! Падем к его ногам! Открывается наконец путь к спасению армян! — возгласил католикос.

Госпоже Сатеник помогли спуститься с коня. С затуманенными от слез глазами она приблизилась к дяде.

Католикос смахнул предательскую слезу и запричитал:

— И ты здесь, дочь моя Сатеник? Благодарю тебя, господи, такую радость даровал мне!

Сатеник бросилась в его объятия. Епископы и монахи, окружавшие

католикоса, с трудом узнали в этой статной женщине ту маленькую, прилежную девочку, которая с такой охотой занималась науками и ничем не внушала веры, что когда-нибудь выйдет замуж и, больше того, станет матерью.

Сатеник потянула за рукав стоявшего рядом сына:

— Мой сын, дядя! Агароном зовут…

— О!.. Благослови его, господь! — прошептал католикос.

Агарон, смущаясь, подошел к старцу. Католикос обнял его и долго не разжимал рук. Прослезившись, он с теплой лаской посмотрел на юношу и сказал:

— Я вижу, ты добр, дитя мое! Да будет милостив к тебе господь! А почему не привез с собой брата?

— Он еще мал, святейший, — ответил Агарон.

— Да будет и над ним десница господня.

Католикос проводил Сатеник с сыном отдохнуть в его покоях при монастыре, а сам пошел благословить войско спарапета, которое, уже выбравшись из ущелья, строилось. Сюникцы встретили святого отца восторженными возгласами.

Величествен был агванский католикос Исаи Асан Джалалян. Высокий рост, почтенный облик и мужественный взор словно для того и были дарованы ему богом, чтобы вызывать трепет у врагов.

Католикос прочел молитву. Он остался доволен строем сюникских воинов, их бравым видом. Глаза старца увлажнились от умиления, хотя в душе он порицал Давид-Бека за то, что сам не приехал и войско для встречи царя Петра прислал малое. Это, между прочим, не понравилось и князю Ованес-Авану. Спарапет заметил их недовольство, но смолчал, не захотел объясняться в присутствии других.

После полудня войска двинулись в Бум. Там собрались соединения Арцахского войска — полки Большого и Малого сигнахов. Расположились прямо на улицах, на гумнах, на площадях. Сотни шатров были разбиты один подле другого. Кони ржали, натягивая привязи. Их радовал вольный горный

воздух, нежный аромат весенней травки.

Арцахцы ждали сюникцев, чтобы вместе отправиться в Гандзак.

Оставшись в шатре наедине со спарапетом, князь Ованес-Аван спросил:

— Давид-Бек не болен ли, тэр спарапет?

— Нет, князь, — ответил Мхитар. — Он остался, чтобы лично следить за тем, как возводят укрепления близ ущелья Вайоц. Турки опять зашевелились.

— Хоть бы войско свое прислал…

— Нельзя в такое время. Нам снова угрожает большая опасность. Предусмотрительность сейчас необходима. Да она и никогда не мешает.

— Что верно, то верно, — согласился князь. — Однако я думаю, стоит туркам узнать о прибытии царя, и они не решатся напасть.

— Дай бог! Но очень уж они взбешены. И за ними к тому же стоит Англия да король франков. Накажи их бог, науськивают на нас турок…

Оба умолкли. В подсвечниках весело трещали догоравшие свечи…

Лагерь постепенно затихал. Близилась ночь.

Двадцатитысячное армянское войско спускалось с гор в сторону долины Куры. Следом, весь в пыли, тащился обоз. Пастухи гнали стада овец, телок и нестельных коров. Гнали в дар русскому войску.

На исходе второго дня достигли равнины Гандзака. В полдень на горизонте поднялось облако пыли. Высланные вперед разведчики скоро примчались обратно.

— Едут! — объявили они. — Едут грузины!

Армянские военачальники во главе со спарапетом Мхитаром, с князем Ованес-Аваном и католикосом Есаи со знаменами, крестами и хоругвями чуть продвинулись навстречу грузинам и остановились в ожидании.

Сначала показались знамена, затем сверкающий шлем царя Вахтанга. Армянское войско потянулось навстречу грузинскому.

Царская свита, блистая шитыми золотом плащами, шлемами, оружием, цветистой радугой знамен, быстро приближалась, ведя за собой нескончаемые ряды воинства. Приветственно зазвучали трубы. Вахтанг придержал

разгоряченного коня и ловко соскочил с него. Спешилась и свита. Царь был в доспехах, на остроконечном шлеме сверкал золотой крест. С живыми глазами, с серебряными нитями седины в бороде, он был очень живописен.

— Привет братьям-армянам! — крикнул Вахтанг, махнув рукою.

— Да будет жив наш брат царь! — ответили армянские полководцы.

Царь Вахтанг приложился к руке католикоса. Армянские князья обнялись с ним и расцеловались.

Равнина дрогнула от восторженных криков воинов двух братских народов.

— Свет глазам нашим! — воскликнул старый католикос. — Благословен будет спаситель христиан!..

— Благословен, благословен, — взволнованно повторил царь.

— Как спаситель наш Иисус Христос пришел в день вербного воскресения в Иерусалим, так и милосердный московский царь идет теперь в измученные наши страны спасать нас от неверных. Радуйтесь и славьте его!

— Да воздаст ему бог!.. — загремели войска.

— Свет пришел к нам! — обнимая друг друга, кричали армяне и грузины. — Вот мы и вместе. Едина наша воля, рука об руку будем защищать наши народы!

— Едины будем отныне и навеки!

Взволнованные воины неистовствовали в радостном самозабвении. Звенело все вокруг: цимбалы и трубы, барабаны и колокольцы. Звенела вся долина Куры.

Агарон был с Дзагедзорским полком. Он стоял между сотниками Есаи и Товмой. В голове у юноши все гремело от беспрерывно повторяемых криков, но и он не отставал от других: широко открывал рот и делал все, чтобы его голос звучал сильнее, чем зычно по-волчьи воющий голос Есаи. Агарон не отрываясь смотрел на грузинского царя. Видел шлем на нем, нагрудный крест, златокованый меч, царский пурпур, словно бы сплетенный из языков пламени. Лицо у царя Вахтанга было доброе, улыбчивое. Порою он подносил к глазам унизанную кольцами руку. Но роста царь был невысокого — едва по плечо

князю Ованес-Авану. Это огорчило Агарона. И он вдруг представил, каким великолепным был бы Давид-Бек, надень на него корону и царские одежды.

Окруженный полководцами, царь подвинулся вперед. Агарону на миг показалось, что он посмотрел прямо на него и даже улыбнулся. Юношу будто в небо подбросили, так он был горд. Вахтанг между тем с любопытством рассматривал армянское войско.

В зеленых кафтанах, в высоких папахах с белым верхом, воины выглядели молодцами. Они были вооружены изготовленными в их горах ружьями, длинными саблями, копьями, пищалями и топорами. Вахтангу понравился воинский строй армян. Стояли рядами, по трое. Были тут и священнослужители. Тоже вооруженные и даже одеждой своей мало чем отличающиеся от воинов.

После смотра прямо в открытом поле началось веселье. До полуночи шел пир. Армяне угощали грузин шашлыком из баранины, а те рекой лили вино. Привычные к крепким мегринским, карчеванским и шиванидзорским винам, армяне без труда опустошали кубки с легким грузинским вином. Пили, сидя в седлах; тут же были и военачальники.

Католикос Исаи ударил рукой о землю.

— Эта земля — свидетельница нашего двухтысячелетнего братства! — воскликнул он. — Каждая пядь ее полита армянской и грузинской кровью. Помните об этом, дети мои! Именно здесь наш полководец Вардан принял в свое войско добровольно пришедшие к нему ваши и агванские полки и бросился в Халхал изгонять персов из нашей страны. Здесь побратались наши цари и, совместно напав на арабского эмира Гандзака Фадлуна, разбили его. Дадим же святую нерушимую клятву быть достойными преемниками наших великих предков!

— Да будем, будем! — радостно повторили царь и военачальники обоих народов.

С рассветом войска двинулись к Гандзаку. Шли, перемежаясь, армянские и грузинские полки. Конница следовала за ними.

Оставалось два часа пути до Гандзака, когда в открытом поле показалось азербайджанское войско, шедшее им навстречу.

На белых конях ехали престарелый Махмад Кули хан, духовный вождь азербайджанцев Алиазрат Шейх Уль Ислам, гандзакский мелик Овсеп и хорошо знакомый армянам военачальник Кялбала бек.

Когда между войсками оставалось расстояние в полет стрелы, с обеих сторон приветственно зазвучали трубы. Войска ускорили шаг и скоро встретились.

Полководцы вновь спешились. Махмад Кули хан пошел с раскрытыми объятиями навстречу грузинским и армянским полководцам.

— Добро пожаловать, дорогие братья! — воскликнул он по-азербайджански. — Пусть наши сердца и мысли будут навеки едины, как едины наши земли и наша вода, наши очаги и наш хлеб!

Он обнял царя Вахтанга, затем князя Ованес-Авана и спарапета Мхитара. Все остальные последовали его примеру. Католикос Есаи и Алиазрат Шейх Уль Ислам расцеловались.

Тем временем войска трех соседствующих народов воодушевленно повторяли:

— Будем едины! Будем едины!

Люди смешались. Иные отыскали старых знакомых.

Скоро все вместе, счастливые и взволнованные, двинулись к Гандзаку.

В долине Куры уже поселилась весна, щедро украсившая равнину своеобразной прелестью. И хотя стояла еще первая половина марта, трава уже была достаточно высока и перекатывалась волнами, а ранний ячмень начал колоситься.

Объединенное войско остановилось на поле Чолак, откуда виднелись минареты Гандзака и высокие купола церквей.

На полуострове, образованном слиянием Кошкара и Куры, появились бесчисленные шатры. В безветрии тихо реяли знамена армянских, грузинских и азербайджанских полков.

Расположились лагерями и стали ждать.

Юному Агарону все было интересно. Жил он в отцовском шатре. С утра до вечера сюда заходили грузинские и армянские князья, азербайджанские ханы. Иногда спарапет сам отправлялся навестить кого-нибудь из них. При этом часто брал с собой Агарона. И тогда сын бывал очень горд. Он уже вырос из детской рубашки и считал себя настоящим воином. При людях держался с достоинством, совсем по-взрослому. И страшно обижался, когда кто-нибудь, как мальчишке, давал ему мелкие поручения.

Едва прибыли в Чолак, снарядили гонцов в сторону Каспия сообщить царю Петру, что пятидесятитысячное объединенное войско ждет царя и его повелений.

Гонцы вернулись спустя девять дней. Они привезли письмо князя Долгорукова, командующего русским войском, расквартированным в Баку.

«Нет границ нашей радости, что все вы — армяне, грузины и азербайджанцы — объединились и стали под знамена нашего милосердного государя императора, — писал князь. — Миропомазанник божий, Его величество царь Петр скоро прибудет в Баку, и вместе с ним мы проследуем в ваш лагерь. Милостью господа вскоре будем вместе».

Письмо это тотчас перевели на три языка, размножили и прочитали в войсках.

Низко нависшее над Чолаком бесцветное небо содрогалось от воодушевленных криков пятидесяти тысяч голосов.

Есаи повел свою сотню в лагерь грузинских всадников. Зарезали баранов. Сотник выпил два полных рога вина и пошел в пляс под звуки зурны.

Лиха беда начало. Скоро в круг вошли все. А тут еще на звуки подоспела азербайджанская сотня.

— Дорогие братья! — кричал Есаи. — Наш союз ввергнет в трепет сердца османцев. Выпьем за долголетие русского царя…

— Выпьем, выпьем! — кричали с разных сторон.

— Да, да!.. Зло сгинуло. Да будет с нами добро, добро!..

Краснощекий грузин-сотник, в войлочной шапке на голове, провел мечом по большому пальцу и крикнул:

— Освятим кровью наше братство!

Есаи и азербайджанский юзбаши тоже последовали его примеру и, соединив свои пальцы, обнялись, расцеловались и воскликнули:

— Отныне и вечно мы — братья!

— Братья! Братья! — вторили воины.

Пировали все. Тащили к себе священников и мулл, просили их вновь и вновь читать письмо Долгорукова. А потом поили святых отцов вином. Те отказывались, а воины принуждали их, заливали смиренникам бороды и хохотали, держась за животы.

Военачальники смотрели и радовались братанию в войсках. Католикос Есаи шептал:

— Славься, господь, свершается заповедь мессии!

Предвечерний туман, словно венчальная фата, прозрачной легкой дымкой стелился над скалистыми берегами Босфора. Заходящее солнце, опускаясь в самое море, багровым пламенем окрашивало пенящиеся воды Золотого Рога, высокие купола стамбульских минаретов, кресты церквей. Зажатые между мрачными серыми стенами базарчики и лавчонки уже закрывались. Лишь крики муллы на том или ином минарете еще нарушали тишину.

Вскоре умолкли и они. Улицы опустели. Город остался в распоряжении бездомных собак и одетой с ног до головы в красное ночной стражи.

Султан Ахмед только что вернулся из Айя-Софии. Намаз этого дня он совершил в мечети. И хотя во дворце от мала до велика все бодрствовали, но проходы и залы были пусты. Редкие слуги, встречая мрачного, тяжело ступавшего султана, в ужасе падали ниц и бесконечно припадали лбами к цветным каменным плитам пола.

Ни на кого не смотрел султан. При входе в приемную он оглянулся. Следовавший за ним как тень великий визирь, поклонившись в пояс, сказал:

— Прибыл гонец от кахетинского хана Мухамеда Кули,

грузина-отступника, что звался раньше Костанди.

Султан вошел в сверкающую ослепительным светом комнату. Оттуда широкая дверь вела в гарем. Пусть провалятся сквозь землю и Мухамед Кули-Костанди и его гонец. Сегодня с утра повели в баню белокожую красавицу, подаренную ему французским послом… Султан, еще не касался юной груди этой девы… Великий визирь на цыпочках, с осторожностью кошки, следовал за ним. Владыка остановился. Девочка-подросток в прозрачном шелковом одеянии внесла на золотом подносе кофе. Султан пригубил хрустальную чашу. Вытянутое вперед, напоминающее лягушачью пасть лицо его было усталым. Лениво посмотрел он на девушку. Волшебная ямочка на подбородке. Кожа на лице нежная, как лепесток лилии. Может, и не ходить к француженке? Напасть на этого ягненка и раздавить!..

Султан обратил мутный взгляд на визиря. Тот с готовностью склонился.

— Грузинский царь Вахтанг соединился с армянами и азербайджанцами… — сказал султан и снова воззрился на голые плечики девочки… — Они расположили на берегу Куры пятьдесят тысяч воинов. Гяур Петр урус идет на соединение с ними.

Сделал последний глоток и отставил чашу. «Тоненькая, — думал он, — а у француженки грудь, как у львицы». Султан снял с головы восьмислойную чалму. Выпуклый острый лоб его заблистал, как галька. Сел в золоченое кресло. Девушка опустилась перед ним на колени и начала растирать ему ноги своими лилейными пальцами. Султан сложил на коленях изуродованные синими жилами руки.

— Урусы войдут в Гянджу, Тифлис и Ереван. Тогда уже будет трудно изгнать их, — осмелился снова заговорить великий визирь. — Там, чего доброго, и Персия ускользнет из наших рук…

— И о чем только думает сераскяр![45] — хлопнул руками по коленям султан.

---

[45] Сераскяр — главнокомандующий (тюркск.).

— Кёпурлу Абдулла паша собрал стопятидесятитысячную армию. Он ждет твоего божественного слова. Дай повеление, о султан султанов, и он исполнит его!

— Казна у нас пуста.

— Деньги я нашел, тень аллаха! — поспешил вставить визирь. — Прах твоих ног подумал и об этом. Английский посол обещает дать двести тысяч золотых. Франкский гяур д'Бонак — столько же. Голландцы дают кредит без процентов. Расщедрились неверные. Враг нашей веры и нашего трона — урус — крепнет, он протягивает руку к странам, которые должны быть нашими. Помешай намерениям гяура Петра, о венчанный богами!

— А что войско? — спросил султан.

— Не в новинку войску твоего величества идти на врага. Сейчас они ропщут от бездеятельности. Не пошлешь на гяуров, упаси аллах, на нас повернут… Войско жаждет белотелых дев и звонкой монеты.

Султан встал. Что будет потом, покажет жизнь. А пока решено, он идет к француженке. Оттолкнул носком девочку-подростка. Та поспешно удалилась. Султан медленно направился к полуоткрытой двери.

— Зови сераскяра! — бросил он через плечо визирю.

Великий визирь облегченно вздохнул и на цыпочках попятился к выходу… Он был окрылен. В его покоях дожидался английский посол, и не с пустыми руками — принес с собою мешок золота, обещанный визирю бахшиш[46], в случае если тот сумеет направить «солнце справедливости» на войну против русских.

Где тот глупец, что откажется от мешка золота?

Но не успел визирь дойти до тяжелых дверных портьер, как столкнулся лицом к лицу с французским послом д'Бонаком. Коротыш с маленькими глазками, француз так завертелся перед первым министром султана, словно хотел расколоться пополам. Великий визирь рассердился.

---

[46] Бахшиш — дар (тюркск.).

— Не вовремя ты явился! — сказал он зло. — Дарующий справедливость пошел насладиться подарком твоего короля.

Но посол успел выпрямиться и через плечо визиря смотрел на противоположную дверь. Там, чуть раздвинув портьеры, стоял султан. Д'Бонак оттолкнул визиря, мелкими частыми шажками приблизился к султану и отвесил поклон.

— Торопись, счастливый султан! — пропищал он. — Петр движется из Дербента в Гандзак. Давид-Бек и хан Гандзака объединились с Вахтангом и с распростертыми объятиями ждут Петра. Мой король не желает, чтобы Арарат — священная колыбель Ноя — попал в лапы Петра. При этом ты еще и утратишь всю Персию… Петр подписал мирный договор с поляками. Он хочет затмить полумесяц Босфора.

На лице султана Ахмеда не дрогнула ни одна мышца. Он был бледен, холоден и торжествен. Только глаза сверкали гневом. Похоже, ждал еще чего-то. Посол разгадал его мысль.

— Мы заставили поляков сохранить спокойствие, не бросаться в объятия Петра, — скороговоркой проговорил д'Бонак с видом человека, совершившего кражу. — Шведы двинутся на Ригу. Мы поднимем против русского медведя Лифляндию. А ты, светоликий султан, иди на страны армян и грузин, покарай их. Прогони Петра с берегов Каспия.

Султан скривился в горькой улыбке:

— Войско требует жалованья.

— Будет жалованье! — Посол потер руки. — Дадим, сколько бы ты ни запросил.

— А оружия?

— В проливе Золотого Рога стоят два судна с оружием.

— Поговори с великим визирем.

С этими словами султан скрылся за дверью. Посол обернулся к визирю. Тот стоял, сложив руки на животе, с откинутой головой и закрытыми глазами.

— Что ты теперь скажешь, вельможный визирь? — спросил с гримасой

посол.

— Паши не хотят войны! — холодно ответил визирь и сверху презрительно измерил алчным взглядом посла, который был на целую голову ниже его.

— Знаю, знаю, — ухмыльнулся посол. — Двести тысяч золотых готовы.

— Урусский посол Неплюев дает триста.

У д'Бонака задрожал подбородок. Он шумно сглотнул слюну, испуганно огляделся вокруг и заорал:

— Полмиллиона!

Визирь закрыл ему рот потной ладонью:

— Тише, гяур! Следуй за мной!

В ту же ночь визирь собственной рукой сложил в подвалы мешки с золотом, полученные от д'Бонака и английского посла. И смеялся же он над глупостью христиан: грызутся между собою, а выигрывают турки!.. И есть же еще глупцы, которые думают, что можно затмить босфорский полумесяц…

Русский посол в Стамбуле, князь Неплюев, был очень неспокоен. В этот день верные армяне из Высокой Порты сообщили ему, что послы Англии и Франции имели тайное свидание с султаном и великим визирем. О чем они говорили, армянам узнать не удалось.

Прибывший накануне из Петербурга гонец сообщил, что Петр уже выступил: в Баку он соберет большое войско и с ним отправится в Армению и Грузию. «Следите за каждым шагом султана, — строжайше наказывал царь Петр. — Выведайте все подробности о намерении английского и французского послов. Не допустите, чтобы хитрость и коварство их натравили султана на нас. Любой ценой уверьте султана, что я еду в Шемаху с намерением наказать непокорных, что ограбили моих купцов. Убедите его в том, что я желаю вечного мира с османами. Посылаю вам сто тысяч голландских золотых, подкупите великого визиря. Он благо, как мы слыхали, сговорчив».

«Сто тысяч! — с горечью подумал про себя Неплюев. — Д'Бонак даст больше, много больше!.. Они кого хочешь купят золотом».

Князь велел позвать к себе гонца.

— Когда царь Петр доедет до Шемахи? — спросил он, изо всех сил пытаясь скрыть тревогу.

— Волей господа, к концу марта, — ответил гонец.

Неплюев послал курьера к великому визирю, сказать, что хочет видеть султана. Курьер вернулся ни с чем: «Порфирородный никого не принимает», — ответил ему визирь.

Курьеру даже не разрешили перешагнуть через порог приемной визиря. Первый министр султана разговаривал с ним стоя в двери.

Князь вознегодовал. Выходит, вести, принесенные армянами, правильны. «Поганый визирь, — думал Неплюев, — вон как задрал нос. Придется лично ехать просить о свидании с султаном».

Неплюев надел парадный посольский камзол и при всех орденах собрался в сопровождении двух капитанов выехать в Высокую Порту. Но, сообразив вдруг, что уже полночь, он со злобою сбросил с себя все облачение и улегся почивать, решив отложить предприятие до утра.

Однако среди ночи его разбудили. Доложили, что какой-то армянин духовного сана незамедлительно требует аудиенции. Князь приказал ввести прибывшего. Едва тот вошел, посол тотчас узнал его. Это был приближенный армянского патриарха в Стамбуле.

— Князь, француз д’Бонак и английский посол подкупили великого визиря! — запыхавшись, выпалил он. — Султан повелел призвать сераскяра Кёпурлу Абдулла пашу. Они готовятся идти войной на вашего царя. Прими меры, сиятельный!

— Как ты узнал об этом? — потрясенный новостью, спросил Неплюев.

— Это нам нетрудно! — горько улыбнулся армянин. — Они дали великому визирю большую взятку. Поспеши, тэр посол. Время не медлит. Европейцы предоставили туркам шесть судов с оружием.

Пока разбудили капитанов, и пока Неплюев оделся, как подобает случаю, уже рассвело. Забыв, что у него в покоях посторонний, посол открыл денежные

сундуки и тоскливо оглядел их. Они были почти пусты. А что можно сделать при ста тысячах? Европейцы наверняка дали туркам вдесятеро больше.

Неплюев в растерянности схватился за голову и неожиданно почти простонал:

— Да разве этим подкупишь ненасытного визиря?

— Не отчаивайся! — спокойно молвил армянин. — Денег мы дадим! Из любви к нашей несчастной родине ничего не пожалеем. Дадим столько, сколько дали англичане и французы, вместе взятые, можем и больше. Ты только поторопись, милостивый государь, пресеки намерение султана. Война невыгодна и государю императору Петру Алексеевичу.

Неплюев вышел. Армянин остался в посольстве, молясь об удачном исходе дела.

В Высокой Порте Неплюева заставили долго ждать в приемной. Он не выдержал, сердито отстранил стоявшего на часах слугу и открыл дверь. Но «вельможного» визиря не оказалось и в кабинете. Пренебрегая приличиями, Неплюев чуть не бегом направился к покоям султана. Он так накричал на охранников-янычаров, что те невольно пропустили «человека царя-гяура».

Под мраморными сводами приемной султанских покоев, сложив руки на груди и мрачно взирая вокруг, стоял великий визирь. Увидев Неплюева, он бровью не повел. Возбужденный посол подошел к нему и, не промолвив привычного приветствия, потребовал:

— Веди меня сейчас же к султану! Сию же минуту, слышишь?

Визирь приложил палец к губам.

— Яваш!.. — таинственно произнес он.

— Именем моего царя я требую…

— Невозможно! Султан совершает большой намаз. Сегодня годовщина смерти его матери. По священным мусульманским законам, того, кто осмелится нарушить горячую молитву правоверного, следует забросать камнями, будь он хоть самим кесарем… Наши обычаи тебе должны быть хорошо известны, господин посол!

— Вы затеваете войну против нас!..

— Если будет на то воля аллаха…

Неплюев резко повернулся и вышел не прощаясь. Такое непочтение считалось оскорблением для мусульманина, и Неплюев ждал, что визирь потребует удовлетворения. Но ничего подобного не случилось.

При выходе из дворца князь встретил французского посла. Д'Бонак сиял треугольную шляпу и почтительно поклонился.

— Наглец без совести и чести! — презрительно глядя на француза, бросил Неплюев. — Торгуешь кровью безвинных народов?..

— Хи, хи!.. — нагло хмыкнул д'Бонак. — Удивляюсь я вашей наивности, русские! Стоит ли из-за армян и грузин портить свою кровь? Хи, хи!..

— Тьфу! Трижды подлец!

Но д'Бонак и глазом не моргнул, а уж о защите чести не могло быть и речи. Только осмотрелся по сторонам — не стал ли кто свидетелем бесчестия? И, убедившись, что вокруг никого, обнажив свои лошадиные зубы, довольно загоготал:

— Ха-ха, князь, дипломатия не терпит горячности!

Сказал и пошел прочь, ступая, словно цапля.

Тавриз погружался во тьму. Вечер наползал на землю с минаретов мечетей вместе с голосами муэдзинов, что возглашали азан, призывая мусульман в обитель аллаха молить о даровании им райских наслаждений в загробной жизни.

Мечети скоро заполнились до отказа. Шли все — хан в богатом шелковом одеянии, торговцы, менялы, погонщики мулов, водовозы, мусорщики, воры и амбалы[47]. Никто не оставался дома, словно протирание намазников сулило им все блага мира.

Босоногому нищему, что склонился в молитве рядом с кем-нибудь из знати, небось казалось, что аллах соединяет их незримой нитью и он уже не так

---

[47] Амбал — носильщик.

обездолен. И хотя голова у него кружится от голода, несчастный без устали бьется лбом о камни, молит всевышнего, чтобы ниспослал могущество шаху, чтобы стер с лица земли всех неверных гяуров. Наивный, он думает, что от христиан все беды: и засуха в стране, и голод…

Днем на базарах собиралась разношерстная толпа. Дервиши кружились у богатых лавок, тянули руки к небу, пугали купцов именем аллаха и, выманив у них несколько медяков, раздавали деньги бедным женщинам. Бродячий поэт читал касиды из корана, расхаживал между рядами, где торговали всякой всячиной. Тут же вертелись голодные псы.

Чего и кого тут только не было! Вот прибыл караван верблюдов из Самарканда. Сотни амбалов, как мухи на мясо, слетелись к нему, обступили хозяина-купца.

— Я прах твоих ног, арбаб, во имя аллаха, давай перетаскаю груз, возьму недорого! — кричал кто-то из толпы.

— А я возьму того дешевле! — перекрывал другой голос.

Торговец шербетом тянул к купцу кружку:

— Отведай шербет. Вкусный, как райская вода, всего полкуруша за кружку. Не погнушайся, боголюбивый арбаб.

В эти дни в Тавризе на улицах, на базарах, во дворах мечетей было особенно многолюдно. Сюда съехались беженцы из далекого Шираза, Исфагана, Фахрабада.

— Мир Махмуд сдирает шкуры с шиитов и делает из них бурдюки! — стонали несчастные. — Молитесь аллаху, верующие шииты, молитесь, чтобы сохранил вас, избавил от адского племени!

— Эй, дети аллаха, спасайтесь! — кричал какой-то юродивый. — Турки-сунниты идут на нас, они воздвигнут горы из наших голов, а тела бросят на съедение собакам!

— О, аллах! — стенали в народе. — О, аллах!

Персия горела в огне. Люди не знали, что ждет их завтра. Страна полнилась слухами. Говорили всякое. И все сводилось к одному: беды

правоверных от греховности христиан. В запале кто-нибудь вскрикивал:

— Перебьем всех христиан!

И возбужденная толпа бросалась к армянскому кварталу. Но там уже не оставалось ни одного армянина, все ушли за Аракс. Толпа крошила и без того разрушенные дома, набрасывалась на церкви, но не могла снести их…

Только с наступлением темноты терзаемый тревогой и голодом город забывался коротким сном. А утром тут и там рассказывали о нападении воров: у кого-то они убили при ограблении родича, где-то перебили всех домочадцев, очистили до нитки дом. Говорили сначала шепотом, а потом вдруг снова распалялись и уже кричали:

— Это происки христиан! Гяуры — враги аллаха! Перебьем всех христиан и евреев! Помоги нам аллах!..

До лета было еще очень далеко, но в Тавризе днем уже основательно припекало. Окруженный высокими стенами шахский дворец оживал только к вечеру, когда вытягивались тени тополей и минаретов и голуби, дотоле прятавшиеся от жары под карнизами крыш, взлетали в небо и начинали свой хоровод над дворцом.

Совершив вечерний намаз, шах вместе со своими приближенными усаживался пировать. Рекой лилось вино. Вокруг порхали полуобнаженные юные танцовщицы, извиваясь под страстно-томительные звуки сазандара.

И наконец, зажав в объятии какую-нибудь из дев, шах удалялся с нею в свои покои.

И так было ежевечерне. Только по пятницам во дворце бывало непривычно тихо и скучно.

В этот день шах принимал ханов, прибывающих с просьбами и жалобами из ближних и дальних провинций, отдавал приказы, рассчитывался из оскудевшей казны за алжирские благовония и индийские драгоценности: гарем пожирал последние крохи некогда огромного богатства…

Было утро. После молитвы Тахмаз вошел в большой, светлый зеркальный зал, где его уже ждали ханы и военачальники. Это была тайная совещательная

палата. Персияне называли ее «ухом шаха». Толстые стены зала и неусыпный страж, что всегда стоял за дверью, завешенной плотными венецианскими занавесами, помогали сохранить все поведанные здесь тайны.

Шах Тахмаз важно восседал в кресле. Ноги его еле касались серебристого ковра на полу: роста он среднего и довольно толст. Пальцы длинных волосатых рук не знают покоя, все что-то перебирают. Обвислые, рыхлые щеки чисто выбриты, из-под носа свисают длинные, заостренные усы. Характерные для рода Сефевидов пухлые, алые губы крепко сжаты. Зеленые, чуть раскосые монгольские глаза слегка прищурены.

Рано познавший разгул и тайные прелести дворцовой жизни, шах преждевременно обрюзг и состарился.

Неподалеку от шахского кресла сгрудились приближенные ханы. У казначея и надзирателя за налогоплатежами хана Мир Башира выражение лица очень кислое, а глазки сузились в щелочки. Тут же стоит Тахмаз Кули Надир хан. Этот бывший погонщик мулов вечно полон ненависти ко всем другим ханам, но внешне своей неприязни никому не показывает. Безмерно тщеславный, он считает себя первым ханом Персии.

Давно все было: афганцы вступили в Исфаган, а погонщик мулов собрал вдруг три тысячи башибузуков, отправился к бежавшему в Казвин Тахмазу, поступил к нему на службу и помог воцариться на престол. Тридцать пять лет Тахмаз Кули Надир хан ходил за мулами, убирал за ними навоз. И теперь даже ничто не помогало ему вытравить из тела запах конского пота: ни притирания и благовония, ни ежедневные омовения в бане, где по его повелению мойщики сдирали с него семь шкур…

Тут же стоял Искандер хан, длиннобородый высокий старец с гордой осанкой.

Он был знатен и почитаем: за долгую свою жизнь оказал не одну услугу шахам династии Сефевидов и потому пользовался расположением при дворе — по особому разрешению шаха Тахмаза только ему дозволялось носить при себе пистолет голландского производства.

Искандер хан презирал бывшего погонщика мулов, в жилах которого текла кровь простолюдина, еще и за то, что тот не знал ни одной касиды из корана. И сейчас старика мутило от соседства Тахмаз Кули Надир хана.

Люди уже знали, зачем они призваны, — ни одна весть не доходила до шаха, раньше, чем не распространится по всему дворцу. Все молчали и ждали, пока заговорит шах Тахмаз. Но каждый имел свое суждение и ждал только случая высказать его.

Шах явно был во гневе. Он краем глаза оглядывал ханов, но разве догадаешься, о чем думают эти лисы. Сам аллах ничего бы не узнал, глядя на спокойное лицо Искандер хана, на угодливого Тахмаза Кули, на раздутого Мир Башира.

А деле вот в чем. В Тавриз прибыл гонец Давид-Бека. Привез письмо, в котором персиянам советуют принять руку помощи русского царя. «Торопись, шах, — пишет Давид-Бек, — пока стамбульская змея не обвилась вокруг твоей шеи». Стамбульская змея! Что верно, то верно! Уж она-то изольет весь свой яд в тело снедаемой недугами Персии. Мудр Давид-Бек, он принял русскую помощь, с честью принял царских посланцев. Но как быть шаху? Англичане требуют от него совсем иного.

Царь Петр привел в Каспийское море большой флот и своей мощью вызвал страх у турецкого султана. Это заставило англичан, французов и морских крыс голландцев прибегнуть к происка м против Петра. Шах Тахмаз все знает и понимает. Гяуры-европейцы вперегонки кидаются лобызать кровавые ступни султана. Они готовы продать жен своих, но не допустят, чтобы урусы получили доступ к восточным рынкам. А потому науськивают турецкого султана на русских. Послы европейцев приходят в бешенство оттого, что русские суда находятся в Реште.

Неделю назад на приеме у шаха побывал английский посол.

Этот всегда наглый, сухопарый, довольно красивый человек уже в приемной выражал бурное неудовольствие тем, что в шахской бане не нашлось испанского мыла и армянского вина, что слуга-персиянин почистил его

ботинки не алжирским маслом, а козьим салом. А когда его пригласили к шаху, он даже головы не склонил перед Тахмазом и без должного почтения заговорил первым:

— Я слыхал, будто ты, шах, намерен послать человека к стопам русского царя, просить, чтобы вместе с войском своим пришел он в страну твоего отца? — Англичанин особо подчеркнул слова «твоего отца», и это неприятно кольнуло шаха. — Европа не простит тебе этого, — продолжал посол. — Пока не поздно, откажись от гибельного пути, не то потеряешь свой трон. Едва царь Петр ступит ногою в Персию, султанское двухсоттысячное войско двинется на тебя! У султана есть английские суда, французские пушки и голландское огнестрельное оружие. Вам не справиться с ним. Итак, выбирай: либо Петр и потеря трона, либо отказ от помощи русских, и владеть тебе тогда троном отцовым до конца дней своих.

Сказал и ушел, не дожидаясь ответа.

Английские суда и правда стоят в Босфоре. И тем подстрекают султана к войне с Персией. А султан к тому же обещал помочь Мир Махмуду. О, аллах! Почему человеку так тесно в этом обширном мире?..

Отца Тахмаз шаха, Сефевида Султан Гусейн шаха, сверг с трона хандагарский хан Мир Махмуд. В Гульнабадском сражении он уничтожил все отцово войско, на белом коне въехал прямо в главную мечеть Исфагана и провозгласил себя шахом. При этом Мир Махмуд еще и неслыханно оскорбил Султан Гусейна: заставил три дня простоять на коленях перед входом в свой шатер и после того разрешил ему взять из всех богатств только двух жен и жить неподалеку в неказистом войлочном шатре.

Теперь Мир Махмуд надеется занять еще и северные области Персии, отнять у Тахмаз шаха Тавриз, лишить трона законного наследника династии Сефевидов.

Месяц назад шах Тахмаз, по совету шиитских мулл и под их водительством, послал против мятежного афганца пятидесятитысячное войско. Командование он поручил закаленному в боях военачальнику Фравстону. Но

Фравстон потерпел поражение, и ему еле удалось вместе с пятью сотнями кзлбашей спастись от пленения. Погибла армия, сколоченная с большим трудом. Шах приказал обезглавить Фравстона.

Тахмаз рвал и метал. Некогда могущественную Персию со всех сторон раздирали на части. Русские суда стоят в Реште. Шах знает, что русские ведут тайные переговоры с афганцами, чтобы на случай, если Тахмаз не примет их предложений, податься на помощь Мир Махмуду, с условием, что он отойдет от турок. А турки, в свою очередь, сконцентрировали большие силы в Эрзеруме, Диарбекире и Ване и тоже готовы вонзить когти в хрупкое тело Персии.

В Тавризе войска мало, и оно ослаблено и деморализовано. Занимается все больше разбоями. Многие воины безоружны, босы, питаются тем, что урвут у населения. Армяне и грузины уже не признают персидского владычества и готовы присягнуть русскому царю. С ними теперь и говорить нельзя: уж очень они уверены в поддержке России.

Шах Тахмаз понимает, что на силу оружия ему надеяться не приходится — нет у него этой силы. Корону, правда, он еще носит, и приближенные называют его «новым львом Ирана», но шах прекрасно знает свою слабость. Он знает, что стоит, например, Давид-Беку перейти Аракс — без труда овладеет Тавризом.

Да, бессилен Тахмаз, словно беззубый лев. Нет у него войска. Есть только банда бабников и трусливых мародеров.

Слыханное ли дело — пятьдесят тысяч воинов потерпели поражение от десяти тысяч всадников Мир Махмуда?!

Остается терпеть и по примеру «Иранского льва» шаха Аббаса I хитрить да обманывать…

Ханы ждали, когда же наконец шах сделает милость и заговорит. Каждый знал ему цену, знал, что шах у них в руках, как орех: стоит сжать его в кулаке — тотчас расколется.

Но пока ханы еще покоряются ему. Тахмаз, как и они, не желает видеть афганцев на персидском престоле. Сунниты-афганцы — извечные враги

шиитов-персиян. Они не раз уничтожали персидскую знать, захватывали их земли и гаремы, убивали детей, обращали в суннитство их девушек и раздавали несчастных в дар своим воинам.

Мир Махмуд — это смерть персиян. И ханы понимают, что Тахмаз нужен им сейчас! Нужен, как оружие в борьбе.

Шах Тахмаз резко вскинул голову и спросил густым прерывающимся голосом:

— Что вы думаете о нашем положении?

Ханы почтительно склонились, поочередно приложили руки к устам, потом к сердцу.

Первым заговорил Тахмаз Кули Надир хан.

— Аллах наградил тебя властью мыслить за всех нас, о солнце, взошедшее в сефевидском раю! — воскликнул он. — Одно твое слово стоит тысячи наших голов! Говори ты, а мы готовы слушать и исполнять!

— Такова справедливая воля всевышнего! — поспешили выказать свою приверженность шаху и другие ханы.

Шах снова погрузился в раздумье. Но через минуту заговорил.

— Давид-Бек прислал мне письмо! — сказал он и испытующе посмотрел на всех.

— Неужто?! — с деланной искренностью удивились ханы, давно уже знавшие о письме и о его содержании.

— Стамбульский султан расположил в Эрзеруме сто пятидесятитысячное войско. Давид-Бек советует нам просить помощи у урусов, — проговорил шах.

«Пока стамбульская змея не обвилась вокруг твоей шеи… — вспомнил про себя Тахмаз Кули Надир хан слова из письма Бека и горько усмехнулся: — Знаем мы тебя, разливайся соловьем сколько угодно, а мы знаем…»

— Великий шах Аббас долго водил за нос урусского царя Бориса Годунова, — пробурчал себе под нос Искандер хан, — он притворялся его другом, а сам только знал, что не давал гяуру перейти на эту сторону

Кавказского хребта.

— Аллах не жалел для шаха Аббаса никаких милостей! — добавил Мир Башир хан. — Аллах устлал его путь славой. Нам надо действовать по примеру шаха Аббаса…

— Верно говоришь, — кивнул головой шах. — Но завязать дружбу с урусами — это значит развязать руки султану и Мир Махмуду и, что ужаснее всего, взбесить английского и французского королей…

— От урусов надо держаться подальше, — согласился Тахмаз Кули Надир хан. — Урусы не замедлят отдать наши земли армянам и грузинам. А у Давид-Бека надо потребовать, пусть платит подать за три года. И грузины пусть платят. Пошли к ним с указом, чтобы явились с войсками служить тебе, как раньше служили…

По лицу Искандер хана скользнула ироническая ухмылка. «Так и побежали!» — подумал он про себя, но вслух ничего не сказал. Только когда Тахмаз Кули Надир хан умолк, Искандер заговорил:

— Армяне и грузины собрали большое войско для борьбы с турками, на случай, если те нападут на них. Все вы знаете, что турки — враги персидского трона. Не разумнее ли будет вступить в союз с армянами и грузинами и всем вместе противостоять турецкой лавине? В этом я вижу спасение твоего трона, великий шах! Другого выхода у тебя нет!

Продолговатое лицо шаха посинело. Глаза округлились, бритые щеки задрожали.

— В союз с урусами? — закричал он. — С моими врагами? Ты что, свинины объелся, Искандер хан?!

— Пусть аллах простит тебя, шах! Пощади мои седины. Выслушай своего ничтожного раба: у Давид-Бека и у грузин большая сила. Если они объединятся, им хватит десяти дней, чтобы спуститься со своих проклятых небом скал и дойти до Тавриза. Кахетинский хан Мухамед Кули связал ноги Вахтангу. А Давид-Бек свободен. Выход один — надо послать к нему гонца, соединиться с ним и с грузинами и вместе преградить путь туркам! Вот мой

совет!

— Не угодно ли досточтимому Искандер хану, чтобы я послал Давид-Беку и свою корону? — завопил шах.

Искандер хан поклонился, но не унялся.

— Если урусы считаются с армянами, стоит ли нам пренебрегать ими? — сказал он.

— Я скорее открою ворота Тавриза перед всеми султанскими пашами, вместе взятыми, чем позволю хоть одному урусу или армянину ногой ступить на этот берег Аракса! — На толстых губах шаха появилась пена. Он исступленно визжал: — Я не хочу слышать об этих гяурах. Насытить султанских воинов надо в Армении и в Грузии, а турок следует натравить на урусов! Понимаете, вы это или нет? Меч султана должен вонзиться в урусов, армян и грузин! Идите и обдумайте, чем мы можем смягчить гневное сердце султана и удержать его подальше от нашего трона. Идите!

Ханы поклонились, попятились назад и вышли.

Разбитые надежды

В объединенном войске ждали царя Петра. Большие и малые толпы людей из Армении и из Грузии каждый день валом валили в лагерь. Шли со священниками, с зурначами. Несли с собой вино и разную снедь: все для воинов — угощали щедро.

Пришельцы оставались в лагере по целым дням.

Они тоже ждали прибытия государя императора.

И хотя интенданты клятвенно заверяли военачальников, что запасы вина, мол, давно иссякли, добрая половина всего воинства изо дня в день предавалась разгулу. Начались беспорядки, и тогда под страхом смертной казни было запрещено приносить в лагерь вино. Но это не помогло. Десятники тайком ночами высылали отряды всадников в сторону Тайка и Гардмана. Крестьяне охотно давали посланцам бурдюки с вином и кизиловой водкой и наказывали

пить за долголетие христианского царя Петра. При этом они иной раз и платы никакой не брали за вино.

Чтобы унять войско, не дать ему вконец разложиться в бездействии, полководцы трех армий решили занять солдат делом. Надумали привести в порядок окрестные мосты и дороги, очистить родники и колодцы. Однако и это тоже не помогло. Десятками свозили после работы на конях и на арбах пьяных воинов. Товарищи прятали их от военачальников. Прикладывали непутевым примочки ко лбу или вовсе окунали их в холодные воды ручья. Иных били, заставляли убирать лагерную территорию и ссыпать нечистоты в реку.

А тем временем поползли слухи: «Зря, мол, ждете царя — Петр покинул Дербент и отправился в свою страну».

Начальство пресекало все подобные разговоры. За распространение слухов учинялась жестокая расправа, и на время люди примолкли. Но скоро снова заговорили. Все попытки установить, кто же именно был источником этих слухов, ни к чему не приводили. Одни утверждали, что все пошло от распутниц, которых воины как-то ночью завели в лагерь. Другие говорили, что слух пошел от двух дервишей, забредших в эти края с лезгинских гор. Они, мол, своими глазами видали на выезде из Дербента золотую карету и в ней приметно высокую фигуру царя.

Многие поверили. Но в войско пришли священники с крестами и евангелиями и муллы с коранами и очень скоро успокоили легковерных.

Еще раз прочли письмо князя Долгорукова. Войско утихомирилось.

Был субботний день. В лагере царило спокойствие. Иные после обеда расположились на отдых в тени шатров. Другие стирали в речке свое белье. Кони лениво жевали овес и то и дело помахивали хвостами, отгоняя роившихся над ними оводов.

Воздух был какой-то тяжелый, неподвижный. Со стороны Куры на лагерь надвигались тучи комаров.

Есаи только что вернулся от грузина, тоже сотника, и, полуприкрыв глаза, подремывал, склонивши голову на скатанную бурку. Они недавно побратались

и по этому случаю втайне от чужих глаз изрядно выпили. Вино играло в жилах и не давало уснуть. Перед глазами у Есаи стояли две юные одалиски, те, что были у грузина. Совсем девчушки, молоко на губах не обсохло. А как они целовали, эти чертовы дочери!.. Вся душа изныла… Грузин тайком провел их к себе — спрятал под буркой.

Поди кто узнай, что ночь сотники проведут не одни. Да простит им господь!

С берега приплелся Вецки Маргар. На голом его плече перекинуты отстиранные рубахи — своя и сотника. По пояс голый, в одних штанах — и те до колен мокрые, — он кинул рубахи на веревки, которыми были закреплены шатры, опустился на корточки и тихо подобрался к сотнику. Тревожно оглядевшись вокруг, коснулся плеча Есаи и прошептал:

— Ты спишь?

— Нет. Чего тебе? — зло буркнул сотник, недовольный тем, что оборвалось приятное видение.

— Из Тифлиса коробейники пришли. Иголки, нитки и всякую всячину продают… Говорят, что… Ну опять то же самое говорят… Вроде бы русский царь подался восвояси…

Сотник рукою, пахнущей конским потом, зажал рот Вецки Маргару.

— Язык вырву! — пригрозил он, сверкнув глазами, и посмотрел вокруг.

Никто не подслушивал. Сотник тряхнул Маргара за плечи и сказал:

— Ты, верно, пьян!

— Вынь саблю, режь мне язык, — заскрипел зубами Вецки Маргар, — только я слыхал это своими ушами. И не я один. Азербайджанцы и грузины тоже слыхали. Хотели придушить торгаша. Но он взмолился и поклялся, что весь Тифлис только о том и говорит, как Петр уехал из Дербента.

Есаи внутренне дрогнул. Не в первый раз уже слышит он об этом. У неправды нет сорокового дня[48] — сболтнули бы раз, на том и делу конец. А

[48] Сороковой день — день поминовения усопшего.

слух все ползет и ползет. Не иначе, что-то есть.

Густые черные брови сотника изогнулись дугой и сделались еще темнее. Раньше он не верил, считал: злые языки болтают. Но, видать, так оно и есть.

— Значит, обманул! — процедил Есаи.

Хотелось выть от злости, но нельзя, надо сдерживаться. Есаи чуть не задохнулся от боли и досады.

— Не дай бог, не дай бог! — замахал руками Вецки Маргар.

Сотник рывком поднялся, застегнул кафтан, надел оружие и пошел искать спарапета.

Проходя мимо грузинских воинов, он заметил, что и они шепчутся. Сердце будто оборвалось. Грузины примолкли.

«А ведь правда, правда!» — снова и снова с ужасом думал сотник.

Стоявший у отцовского шатра Агарон сказал, что минуту назад спарапет отправился к царю Вахтангу.

Есаи насторожился.

— Есть н-новости? — спросил он, заикаясь.

— Три всадника прискакали из Тифлиса. Один армянин, другой грузин. И еще русский. Говорят, посол великого царя.

Есаи протяжно свистнул. Так он делал в пору, когда нищенствовал, если, бывало, ему отказывали в милостыне, а порой к тому же забрасывали комьями земли и камнями.

В большом шатре Вахтанга яблоку негде было упасть. Сам царь сидел на простом, ничем не украшенном троне. Рядом восседал католикос Есаи. Все остальные — Мхитар, Махмад хан, Ованес-Аван, грузинские князья и азербайджанские военачальники — полукружием стояли рядом.

Напротив, на ковре гордо вытянулся в струнку русский посол Иван Толстой — офицер из высших чинов. С ним были спутники, доставившие его в объединенный лагерь.

— Надеемся, вы к нам с добром, господин посол? — нарушил молчание Вахтанг, в упор глядя при этом в светло-голубые, полные скрытой тревоги

глаза посла…

— Добро не всегда сопутствует людям, — ответил Иван Толстой.

Военачальники с беспокойством переглянулись. По лицу царя скользнула мрачная тень. Зерна четок застыли в пальцах католикоса. В шатре воцарилась гробовая тишина, и только не по-мужски писклявый голос посла нарушил молчание.

— Господь бог дарует нам терпение. С терпением мы и живем под кровом всевышнего, — сказал посол. — Я имею передать вам приказ нашего государя императора, чтобы вы, господа, немедленно вступили в переговоры с персидским шахом Тахмазом. Хотя между Россией и Персией издавна поддерживаются добрые отношения, русские подданные тем не менее не раз подвергались преследованиям подвластных шаху горских племен. В Шемахе, например, горцы убили русских купцов, разграбили их имущество, деньги забрали. На несколько миллионов убытку нанесли.

«И чего он вспоминает вчерашний день? — не без тревоги подумал спарапет. — Все это мы и без него знаем. Неужто милостивому царю больше не о чем нам поведать?»

О том же думали и Вахтанг, и католикос, и хан. Но все терпеливо ждали, пока посол закончит свою речь, — не перебьешь ведь, неприлично это!

— Шемахинское нападение, — продолжал посол все тем же унылым тоном, — очень разгневало нашего государя императора и вынудило его прибегнуть к оружию. Находящиеся ныне на западном берегу Каспийского моря императорские войска обезопасили здешние границы империи. Его величество император послал к шаху Тахмазу своего человека с выражением готовности помочь ему расправиться с мятежными афганцами и окончательно утвердиться на отцовском троне при условии, если шах заключит с Россией союз и признает страны, расположенные на берегах Каспийского моря, собственностью России. Но малодушный шах Тахмаз не принял столь выгодного предложения нашего всемилостивейшего императора и отказался от добра…

Иван Толстой с минуту помолчал, оглядел помрачневшие лица военачальников, похоже — почувствовал, что они в сильной тревоге, и, может, потому как бы с облегчением глубоко вздохнул и снова заговорил:

— Государь не намерен отводить свои войска с берегов моря. Сейчас он поручает вам войти в переговоры с неразумным, не понимающим своей выгоды Тахмазом и объяснить шаху, что, если он не желает враждовать с нашим царем, пусть немедленно объявит собственностью русского царя провинции, расположенные на Каспийском берегу.

— А что царь думает о нас? — потеряв терпение, прервал наконец посла Вахтанг.

— Велика его милость к вам, — ответил Толстой, глядя на дрожащую руку католикоса, которую тот держал на колене. — Государь советует вам, благороднейшие мужи, потребовать, чтобы шах уступил ваши земли России.

У Вахтанга затряслись щеки.

— Только и всего? — в отчаянии воскликнул он. — Просить милостыню?! И у кого? Кто подаст нам ее? Кто? Это все равно, что ударить голой рукой по лезвию топора! А где же сам царь, где его войско?

— Царь вернулся из Дербента в Россию.

Военачальники побледнели. Князь Ованес-Аван заморгал глазами, мгновенно наполнившимися гневом. Он не поверил услышанному. Махмад хан простонал. Католикос Есаи сделал попытку встать со стула, но не смог. Страшная весть лишила сил этого несгибаемого человека. Военачальники растерянно смотрели то на посла, то на Вахтанга. Царь молчал. Да и что он мог сказать? Рушилось все, а они так ждали…

Наконец Вахтанг поднял глаза, посмотрел на армянина, сопровождающего посла, и спросил по-армянски:

— Петр с войском ушел?

— С войском, государь, — сцепив зубы, почти простонал армянин. — В Дербенте и в Баку оставил по нескольку полков, остальное войско увел в Москву и в Петербург.

Военачальники зашумели. Это был такой миг, когда все вдруг ощутили полную безнадежность, неизбежность близкой гибели.

— Какой же нам теперь дать ответ нашему войску и народу? — обращаясь к послу, спросил Вахтанг. — Мы зажаты в огненном кольце. Ваш царь обманул нас… Поднял нас, возбудил всех наших недругов, а теперь бросил одних лицом к лицу с врагом, во много раз превышающим нас своей численностью.

Армянин перевел слова Вахтанга. Толстой немного смутился.

— Он вернется, ваше величество… — через минуту неуверенно сказал посол. — Мой государь велел мне оставаться послом в вашей стране, оставаться с вами. Я сделаю все, чтобы государь пришел вам на помощь.

— Нам нужен Петр! — крикнул один из грузинских князей. — Нужны войска. Для чего нам посол? Теперь турок войдет в наши дома, разорит наши страны, уведет в плен наших детей!..

Эти слова не перевели.

— Да спасет нас аллах! — простонал Махмад хан. — Попались мы в пасть поганых. Османы явятся, все до одного пропадем. Сделай что-нибудь, господин посол. Пусть ваш царь пришлет к нам на помощь хоть тысячи две войска, чтобы наши люди видели, что русские не бросят нас; это придаст им силы. Мы будем драться с османами, мы ответим им, обязательно продержимся, пока царь Петр подоспеет к нам. Но если он не придет, мы будем уничтожены. Напиши ему, посол, обо всем.

Военачальники уже не просто роптали, они протестовали. Ужасная опасность нависла над их странами: надвигалась страшная беда, а может, и гибель. Князь Ованес-Аван, с трудом сдерживая гнев, размеренно и четко сказал:

— Царь отступился… Но надо решать, что будем делать, братья.

«А Давид-Бек был прав, что не торопился, — с горечью подумал спарапет. — Теперь ему не грех и посмеяться над нами. Хорошо, что сам не приехал сюда, осрамился бы».

— Если бы Англия и Франция не помешали, наши войска сейчас были бы

здесь, — сказал Иван Толстой.

Но никто больше не слушал его.

Военачальники вышли из царского шатра. Грузинские воины, из тех, что сопровождали посла из Тифлиса, уже успели всем рассказать, что Петр ушел из Дербента восвояси и сюда не придет. Люди поникли и были похожи на побитые градом посевы.

Пятьдесят тысяч человек окружили шатер Вахтанга. Все прибежали в чем были в миг, когда их настигла злая весть: босые, полураздетые, вооруженные и безоружные.

— Где русский царь, почему он не приходит! — кричали воины на тысячу голосов.

Военачальники под натиском толпы отступали назад, но вскоре они остановились. Куда уйдешь от своего войска? А войско клокотало, взывало.

— Эй, князья, вы, должно быть, прогневали царя! — гремел какой-то воин-грузин.

— Надо было идти к нему на поклон.

— Согласились бы на все, что он требовал, ведь отдуваемся мы, а не вы.

— Обманули нас!

— Спугнули государя!..

Военачальники не находили ответа. И Вахтанг будто онемел. Католикос Есаи, поднявшись на какую-то арбу, протягивал крест, тщетно пытаясь успокоить разбушевавшееся воинство.

— Мы все еще ждем и верим, что царь вернется, верим и ждем, как наш предок Адам ждал своего создателя, дети мои! — говорил он. — Успокойтесь. Никакого несчастия не случилось. Государственные дела вынудили царя уехать в свою столицу. А войска его остались. Они в Баку, в Дербенте, Гиляне, Реште. И посол царя с нами. Царь вернется и протянет нам руку, ибо сказано: «Кто подаст жаждущему студеную воду во имя апостола, тому воздастся». Мужайтесь, дети мои! Русские будут с нами.

Но мало кто поверил католикосу. Некогда боевая, воодушевленная армия

превратилась в смешанную, неорганизованную, кричащую толпу.

Мхитар приказал сыну свернуть шатер, а сам подошел к Вахтангу и к хану прощаться.

— Что мне сказать Давид-Беку? — спросил он у царя.

— Бог знает! — вздохнул Вахтанг. — Я каждый день буду писать Петру. Пишите и вы. Будем просить его, умолять, чтобы пришел нам на помощь. Что еще можно предпринять?..

— Не сегодня-завтра придут турки, государь! Ты подумай об этом! — холодно проговорил спарапет. — Будем действовать рука об руку. В нашем согласии единственное спасение наших народов.

Глаза Вахтанга наполнились слезами. Он крепко обнял спарапета, поцеловал его в лоб и проговорил:

— Надо крепить наши войска. На бога надежда. Будем воевать!

Махмад хан тоже обнял Мхитара:

— Будем помогать друг другу, брат Мхитар!

— Будем, будем вечно!

Мхитар поспешил к своим. Сотники уже давно велели свернуть шатры и, оседлав лошадей, ждали спарапета в полной готовности. Вид у всех был такой печальный, словно они только минуту назад предали земле прах кого-нибудь из близких.

Армянское войско двинулось к Армении.

Грузины, попрощавшись с ними и с азербайджанцами, направились к Тифлису.

На Чолакское поле легли тени гор.

Спустя пять дней, когда спарапет Мхитар достиг ущелья реки Ахавни, навстречу показался всадник, мчавшийся с безумной скоростью.

Это был гонец Давид-Бека.

— Османский паша Кёпурлу Абдулла со сто пятидесятитысячным войском движется к Армении. Бек послал за вами, велел поскорее вернуться! — одним духом выпалил гонец.

Мхитар печально улыбнулся: все совершается именно так, как предугадывал Бек. Не знает он пока только того, что царь Петр вернулся в свою столицу.

Черные тучи собирались над страной Армянской.

Но Мхитар ошибался. Давид-Беку уже было известно и об отъезде царя. В Алидзоре все знали об этом.

Алидзор походил на военный лагерь. Хотя войска там было мало, но вооружены были все и оружия не снимали даже во время работы.

Спарапет поведал Давид-Беку о том, каково положение в армянских, грузинских и азербайджанских полках, подробно пересказал все, что слышал от посла Ивана Толстого.

— А как мы ждали царя, как были воодушевлены войска! — закончил он.

— Это воодушевление всеми силами надо поддерживать и ныне, — заметил Бек. — Надо уверить воинов и народ, что царь Петр не бросил нас, что он обязательно приедет. Это необходимо нам в такие дни. Петр не виноват, Мхитар. Ему помешали европейцы…

— Неужели европейские короли — не христиане? Почему они берут под защиту султана, а не нас? Не понимаю, не верю!

— Наивный ты человек, — криво усмехнулся Бек, — для них один луч босфорского полумесяца стоит крови всего твоего народа. И сопли султанские покажутся сейчас вкусными римскому папе и франкскому королю. Они не хотят усиления могущества Петра. Вот и все. А что ты, я и наш народ подохнем, какое им дело? Мы не кладем в их казну и ломаного гроша…

Бек вызвал мелика Егана и приказал ему сконцентрировать как можно больше продовольствия в неприступных крепостях страны, в замках, в скалах.

— Делать это надо по ночам, тайно, и мышь не должна знать, где и что ты прячешь! — закончил Давид-Бек.

Армянские войска отошли к своим неприступным горам. Там они надеялись достойно встретить все те беды, которые не сегодня-завтра могли обрушиться на их головы.

Царь Вахтанг уехал в Тифлис. Гандзакцы укрылись в стенах своего города.

Кавказские горцы, узнав об отходе русских войск, осмелели и теперь вновь и вновь совершали набеги на мирные города и села. Порой они добирались и до Тифлиса.

Грузия разорялась. И хотя русский двор не переставал обнадеживать Вахтанга, ни один русский солдат так и не появлялся в пределах Грузии.

Вахтанга подбадривал союз с армянами. И он готовился к противодействию турецкой армии. Но именно в это время в Грузии разыгралась братоубийственная междоусобица.

Мухамед Кули хан Кахетинский, грузин-вероотступник, подстрекаемый братом Вахтанга Яссе, узнав об уходе русских, вторгся в Карталинию и разорил страну Вахтанга.

За этой бедой последовала новая: в Грузию вторглись турки. Турецкие паши требовали от Вахтанга покорности. И он поневоле выполнил это требование, не теряя надежды на помощь русских.

Но подчинение туркам не помогло Вахтангу избавиться от тяжелых ударов судьбы.

С приходом турок приобщенный к исламской вере кахетинский хан Мухамед Кули очень приободрился и во главе многочисленного войска напал на Тифлис. Он занял его, превратил некогда цветущий город в груды развалин, перебил все население. Однако изменник недолго наслаждался плодами своих варварских деяний. Османские армии заняли Карталинию, и Мухамед Кули хан был вынужден сдать им ключи от Тифлиса.

Лишенный трона и столицы, Вахтанг с малочисленными своими приверженцами скитался в горах Грузин.

Брат Вахтанга, изменник Яссе, принял магометанство и под именем Мустафа паши воссел в Тифлисе в качестве османского губернатора.

Вскоре отчаявшийся Вахтанг с горсткой верных храбрецов перевалил Кавказский хребет и нашел пристанище в России.

Грузия потеряла свою самостоятельность и былую силу. Это было

тяжелым ударом для армян.

В Алидзоре строили укрепления. С утра до вечера жарило солнце, изматывая всех, кто занимался сооружением дополнительных заграждений вокруг города и рыл окопы. По велению Давид-Бека в Алидзор согнали братию всех монастырей. У бедняг от рытья окопов в кровь стерлись руки. К вечеру они едва распрямляли спину. Про себя каждый из них на чем свет стоит проклинал Давид-Бека. Два монаха попытались даже бежать. Их поймали и по приказу Давид-Бека повесили прямо возле окопов. Труп одного сбросили в ущелье. А другого — монаха из монастыря Нораванк в Бгене — оставили висеть. Этот второй осмелился в последнюю минуту жизни крикнуть: «Давид-Бек — враг Христа!» Таких слов ему не простили и после смерти. Даже вмешательство епископа Овакима не помогло.

Страна лихорадочно готовилась к сражению с турецкой армией.

Давид-Бек не знал покоя.

Одна мысль неизменно занимала его. До конца ли он выявил силу своей маленькой страны?

Хотя вся нация была вооружена и готова к любой неожиданности, Бек неустанно искал новые и новые резервы.

Он решил переселить в горы жителей деревень, расположенных на равнине Шарура и Нахичевана. Иначе люди будут сметены османским потоком и погибнут. Давид-Бек послал к ним вооруженные отряды. Воины ходили по селам и разъясняли, чем вызвана такая необходимость.

— Поднимайтесь в горы, братья, — уговаривали они на площадях, в церквах и на дорогах. — Турок наступает, спешите!

В равнинных селах предложение Бека было принято с радостью. Все громоздкие вещи люди зарыли в ямах, прихватили небольшой запас сена и соломы, выгнали скот из хлевов, погрузили на него все, что смогли, и, посадив на закорки малых детей, двинулись к горам Сюника и Арцаха.

За короткий срок из равнинных гаваров в горы переселились жители шестидесяти сел. Люди разместились в Сисакане, Хачене, Цгуке, Кашатахке.

Бек велел пополнить отряды ополченцев за счет духовенства. Забирали всех, начиная с епископов и до последнего дьячка. Вооружили даже монахинь из монастырей Манлева, Шинуайра, Аветараноца и Алидзора.

— Каждый должен быть готов к сопротивлению, — строго наказывал Бек. — Кто не держит в руках оружия, тот друг врага.

Иногда приходили в Алидзор большие и малые толпы бездомных, обнищавших крестьян. Бог знает, откуда они только появлялись. Приходили, часами толпились перед замком Давид-Бека и требовали взять их в войско и выдать оружие.

Бек принимал их, устраивал в Алидзоре. Но оружия дать не мог, его надо было покупать, а в казне не осталось ни гроша. Бек потребовал у татевского епископа пятьдесят тысяч золотых.

Епископ Оваким в гневе явился в Алидзор.

— Ты губишь армянскую церковь, Верховный властитель! — воскликнул он, входя к Беку, в спешке даже не отряхнув дорожной пыли. — Ты насильно превращаешь в воинов служителей церкви, но и этого тебе мало, теперь требуешь еще и денег. Откуда у монастыря деньги? Опомнись! Не будь губителем!

— Кому будут нужны твои монастыри, преосвященный, если погибнет страна? — сказал Бек. — Не скупись! Я ведь знаю, что под Танатским залом Татевского монастыря у тебя хранится двадцать мешков голландского золота, этого хватит на вооружение целой армии. Отдай золото на спасение родины. Отдай, если не хочешь, чтобы я мечом своим раскрыл дверь твоей казны. Для кого ты хранишь деньги, золотую утварь, драгоценные камни? Турки захватили Тифлис, готовятся идти на нас. Не для них ли ты бережешь все эти сокровища? Страна сейчас требует от нас великих жертв, и тот, кто откажется принести эти жертвы, — враг христианской веры и своему народу.

Епископ побледнел и, не сказав ни слова, вышел.

И тогда Давид-Бек отправил в Татев вооруженный отряд.

Вскоре в Алидзор доставили все, вплоть до последнего серебряного

подсвечника.

При каждом монастыре были сформированы воинские отряды из монахов. Их обучали назначенные Давид-Беком сотник и десятники, и, надо сказать, они не щадили черноризников.

Один такой десятник из крымских, много лет прослуживший в русской армии и только недавно приехавший в Сюник, размахивая двойной плетью над монахами Татевского монастырского отряда, вытрясал из них души.

— Держите копье прямо, монастырские крысы! — надсадно орал он. — Сколько раз говорить вам об этом, бычьи головы!

Неподалеку от плавилен Пхиндз-Артина и в селении Тог Дизакского гавара наспех построили мастерские. По приказу Бека мелик Еган собрал всех, каких мог, кузнецов и оружейников. И начали они ковать сабли.

Люди в селах ходили вооруженными. Оружия с себя не снимали ни днем, ни ночью. И все поглядывали в сторону горы Хуступ: не видно ли сигнального огня, не призывает ли Давид-Бек? На полях, в садах, на дорогах, в монастырских оградах — всюду сновали специально выделенные надсмотрщики Бека. И горе тому, кто не захватил оружия или, оказывалось, не знал, к какому отряду приписан и куда должен отправиться тотчас после объявления мобилизации. Таких секли тут же на придорожной гальке. По ночам на вершинах высоких гор ставили дозорных, чтобы следили, не виден ли огонь на вершине Хуступа.

Исстари существовал в этих местах обычай сообщать о подходе неприятеля к Сюнику и Арцаху зажженным на вершине Капуйтджига факелом. Это служило сигналом всему нагорному краю.

В спальне Давид-Бека горела только одна свеча. В открытом окне виднелась луна в белом венце. Она словно бы плыла, касаясь свода высокого окна.

Давид-Бек только что вернулся из сигнахов Варанды и Дизака. Усталый, он сидел на тахте. Против него на простых стульях устроились Мхитар спарапет и Тэр-Аветис.

Была поздняя ночь. У Бека слипались глаза. Заметив это, гости поднялись. Но Бек сделал рукой знак, чтобы посидели еще.

— Наш долг — протянуть руку помощи Еревану, — медленно проговорил он. — На Ереван падет первый удар турок. Нужно спасти город.

Бек задумался: «Надо немедленно отправить туда человека, сказать ереванцам, что до прихода русских нет пока возможности помочь им. Вот бы еще и население Еревана переселить в горы…»

— Сколько там армянских семейств? — спросил Бек, глядя на Тэр-Аветиса.

— Десять тысяч, — ответил тот. — Вместе с армянскими цыганами.

— Прокормим! — уверенно сказал Бек. — Ереванцы — хорошие воины. Нужно воспользоваться их силой. Мирали покинет армян, едва только турки подойдут к городу. А что может сделать горсточка горожан против страшного войска?!

Подумав немного, Бек спросил у Тэр-Аветиса:

— Поедешь в Ереван?

— Прикажешь, и в Стамбул поеду, Бек, — ответил Тэр-Аветис, — только ереванцы уж больно толстокожи, вряд ли последуют разумному совету.

— Узнают, какая беда на них надвигается, последуют, — вступил в разговор Мхитар. — Нужно подумать и об Эчмиадзине. Католикоса надо переправить в Татев или в Гандзасар. Уж в Эчмиадзине турки особенно постараются не оставить камня на камне.

— Не легкое это дело — убедить Аствацатура Амаданци, — покачал головой Бек. — Но попытаться надо. Попробуй ты, Тэр-Аветис, уговорить католикоса.

— Попробую. Согласится — хорошо, а нет — туда ему и дорога, — махнул рукой тысяцкий. — А ереванцы, может, и поймут свою выгоду.

— Выезжай завтра с рассветом, — глядя на Тэр-Аветиса так, словно видит его в последний раз, тихо сказал Бек. — Где-то в той стороне и татевский инок Мовсес, надеюсь, ты не забыл его. Отыщи! Он поможет тебе. О том, кто ты

такой, должны знать только католикос и ереванские властители. Переоденься, подмаскируйся…

— В такого превращусь черта, что и ты не узнаешь меня, — улыбнулся Тэр-Аветис.

— Ну, пожелаю тебе счастливого пути, — Бек обнял Тэр-Аветиса. — Возьми с собою воина порасторопнее. Прикиньтесь паломниками…

Тэр-Аветис вышел с Мхитаром. Он был доволен, что едет на трудное дело… Уже в пути попросил Мхитара отпустить с ним Горги Младшего.

— Хороший парень, — сказал он, — отважный и хитрый. Дай мне его.

Мхитар не возражал.

«Я хочу жить…»

На шестой день после того, как они покинули Алидзор, Тэр-Аветис и Горги Младший под видом паломников добрались до Эчмиадзина, усталые и запыленные.

Небо низко нависло над равниной неподвижными серыми облаками. Был час вечерней службы. Глухо, будто придушенные, звонили колокола.

Люди в Эчмиадзине говорили на своем, малопонятном для Горги Младшего наречии. Он не все понимал. Паломников здесь встречали неприветливо. На вопросы отвечали нехотя. Чувствовалась какая-то горькая подавленность. Не сегодня-завтра придут турки. Кто знает, какими будут новые бедствия?..

Горги Младшего удивляли и дома эчмиадзинцев — низенькие, с плоскими кровлями. По широким улицам лениво шагали буйволы и с трудом тащили скрипучие двухколесные арбы. Пшатовые деревья благоухали так пряно, что Горги Младший то и дело чихал. Во дворах лежали опрокинутые карасы, каждый величиной с буйвола. Аисты смело вышагивали по дворам, по кровлям, но больше подолгу стояли с поджатой ногой в своих гнездах, свитых по преимуществу в тени тополиных ветвей.

Вошли в ограду монастыря. Там уже иголке негде было упасть. Паломники в молитве, что называется, лежали друг на друге. Мужчины, женщины, млад и стар, обратив взоры к серым стенам монастыря, крестились, целовали хачкары, землю, по преданию освященную святым пришествием. Пищали дети. Какая-то старуха поддерживала голову молодой женщины, чтобы не разбилась о камни, — та была в обмороке. Горги Младший заметил полуголое ее плечо, которое белело, как облако, и пожалел несчастную: такая молодая и припадочная…

Тут и там на земле виднелись засохшие и свежие пятна крови. Монастырская братия с лоснящимися от жира лицами, с кожаными мешками в руках, расталкивая толпу, собирала жертвоприношения: овечьи головы, потроха, части туш. Люди тянулись к окровавленным рукам монахов, отдавали им все, что могли, в надежде услышать хоть пару скупых слов благословения.

Тэр-Аветис и Горги Младший на коленях (таков обычай) подползли к главному входу храма, приложились к истертым каменным плитам и остались возле дверей. Войти внутрь не было никакой возможности. Храм, как и площадь вокруг, тоже забит людьми. Стоявший рядом с Горги усатый высокий крестьянин силой старался протиснуться в толпу. От него несло отвратительным зловонием — смесью винного и чесночного перегара. Держа над головой огромную свечу, крестьянин кричал сиплым голосом:

— Пропустите, отродья сатаны, дайте дорогу, я хочу зажечь свечу у ног католикоса, приложиться к его деснице…

Молодой человек духовного звания оттолкнул крестьянина:

— Католикос пошел отдыхать, богослужение окончено, не напирай, как буйвол из маслобойни, стыдно!

— Пошел, говоришь, отдыхать? А я купил свечу, вот она, смотри! — и усатый стал размахивать свечой над головой инока.

— Завтра принесешь. Завтра католикос будет служить обедню.

Горги Младший кое-как протиснулся к Тэр-Аветису.

— Мовсес, святой отец! — сказал Горги, толкая Тэр-Аветиса локтем. —

Вот он, смотри.

— Я уже приметил, — тихо отозвался Тэр-Аветис. — Не упускай его из виду.

Народ хлынул из храма. Двор наполнился запахами пота, вина и водки. Тэр-Аветис крепко ухватился за руку Горги, чтобы не потерять его в давке. Человеческая волна поднялась и унесла с собою Мовсеса. Тэр-Аветис в сердцах выругался. Где теперь отыщешь инока?

С купола колокольни надрывно кричал какой-то монах:

— Паломники! Монастырская гостиница переполнена, мест нет. Торопитесь, ищите приюта у боголюбивых людей Вагаршапата. Этой ночью будет сильный дождь!..

— Пойдем, Горги, — сердито буркнул Тэр-Аветис. — В давке мы все равно не найдем Мовсеса. Темнеет, надо хоть приют найти.

Спустились сумерки. Посланцы Давид-Бека вышли из монастырской ограды и сразу попали в какую-то узкую улочку. На верхушке тополя в последний раз взмахнула крыльями и сошла в гнездо цапля. Стадо коз подняло на улице невообразимую пыль. Двое крестьян колотили тяжелыми дубинами погрязшего в топи у ручья буйвола. А он знай себе лупил хвостом по воде, потряхивал головой и фыркал, не то от удовольствия, не то от ударов. Какая-то старуха на ближнем дворе кричала:

— Нет места, христиане. Понимаете, места нет! Нас самих четырнадцать душ, и гостей столько же. Куда я вас помещу, нет места!..

— Во имя бога, разрешите хоть в хлеву переночевать, у нас больная, — просила паломница, за спиной у которой висел маленький ребенок, а рядом стояли старуха и молодая женщина, покорная и измученная.

Горги узнал молодку. Та самая, припадочная, которую он видел в монастырском дворе. Вспомнил ее белое плечо. Снова дрогнул от жалости.

Перед всеми домами толпились паломники — с семьями, с лошадьми и с ослами. Вагаршапатцы гнали их, ругались, клялись именем святой Гаяне, что нет у них места.

Тэр-Аветис и Горги уже затемно добрались до околицы деревни и остановились перед небольшим садом.

— Останемся здесь, под открытым небом? — предложил Тэр-Аветис. — А дождь нам не помеха. Пусть себе идет, не сахар, не растаем.

Вошли в сад. Осторожно пробрались мимо виноградных лоз к большому ореховому дереву. Под ним и решили переночевать. Неподалеку от дерева, примкнув к самой изгороди, стоял неказистый шалаш, наскоро слепленный из прутьев и глины. Перед узенькой дверью сидел щенок с впалым животом. Он бросился в ноги Тэр-Аветису.

— Добрый вечер, хозяин, — произнес Тэр-Аветис, хотя в шалаше было темно и никого и ничего не видно.

В двери вдруг показалась молодая, миловидная женщина, очень бедно одетая. Увидев двух мужчин, к тому же и священника, она прикрыла концом шали рот, отогнала веником щенка и, подойдя к гостям, молча остановилась перед ними.

— Прими нас под крышу, дочь моя, — сказал Тэр-Аветис. — Мы паломники. В деревне все дома переполнены.

— Пожалуйте, святой отец, — застенчиво пригласила женщина. — Вот мой дом. Если поместитесь вдвоем, пожалуйте.

— А как же ты?

— Я? Меня ночью не будет дома. В монастырь уйду. Хлеб будем печь. Тесто надо месить.

— А где хозяин?

— Убили, — вздохнула женщина. — Убили год назад. Поехал в Ереван продавать пшат, будь проклят тот день! Полил дождь, он вошел в рынок и укрылся под навесом. Там и случилась беда: в толпе коснулся какого-то персидского сеида. Сеид поднял крик: христианин, мол, осквернил его. Сбежались персы и тут же на месте убили моего хозяина.

— Да пошлет ему бог царство небесное, жертва он… — попытался утешить вдову Тэр-Аветис.

— А мне что пошлет бог? — неожиданно взорвалась вдова. — Я ведь тоже — его создание! Или мне святым духом прожить можно? Кто даст мне хлеба? Живу, как собака. В монастыре пожалеют иной раз, бросят кусок хлеба. Я уж прошу: продайте меня какому-нибудь басурману, пусть пропаду. И душу потеряю… Для чего она мне?

Вдова прикрыла лицо концом платка и зарыдала. У Горги сжалось сердце.

— Успокойся, дитя мое, — сказал мягко Тэр-Аветис. — Таков твой крест, и ты должна нести его.

— Не могу больше! Прокляни меня, святой отец! Уж очень тяжек мой крест.

Так, плача, она взяла кувшин, подлатанный, с отломанным ушком, и пошла за водой. Вернулась с сухими глазами, но злая, сумрачная. Поставила кувшин перед гостями.

— Больше нечем мне вас угостить, — сказала она.

— Подари нам свое имя, назовись, — с улыбкой попросил Тэр-Аветис, усаживаясь на пенек.

— Арусяк меня зовут. — Молодая женщина посмотрела на небо. — Сейчас дождь пойдет. Пожалуйте, войдите в мой дом. Хотя он и протекает, но все лучше, чем под открытым небом. О господи, или помоги мне, или возьми душу на покаяние…

Гости вошли в шалаш. В углу лежало примятое сухое сено, видать, ложе хозяйки. Кроме худого корыта да кувшина, в котором она принесла воду, других вещей не было.

Тэр-Аветис попросил Арусяк зажечь свет.

— Свет? — простонала вдова. — Откуда у меня светильник и масло? Какой свет!

— И лучины нет? Зажги хоть ее. Сердце может разорваться от темноты, от твоей бедности.

Арусяк удивленно посмотрела на странного священника. Минуту назад он казался жалким и покорным, как божья овечка, и голос едва поднимал, а

теперь, словно хан, говорит повелительно, сердито. Вдова даже испугалась, с трудом запалила лучину, минут пять дула на нее, раздувая свои щечки и хорошенький рот. От света стены хижины окрасились в кровавый цвет. Разостланное на земле сено словно загорелось.

— Есть на селе продавец вина? — спросил Тэр-Аветис мрачно и строго.

— Есть.

— И продавец хлеба?

— Найдется.

— Сходи купи нам вина и еды.

Тэр-Аветис высыпал целую горсть медяков на колени изумленной женщины.

Арусяк покорно вышла и скоро вернулась, неся в руках кувшин вина, а в фартуке — хлеб, козий сыр, зелень и соленья. Гости уже расположились на сене. Арусяк разостлала перед ними свой фартук, поставила вино и еду и принесла откуда-то деревянную кружку. Сама осталась стоять.

— Садись и ешь с нами, — пригласил Тэр-Аветис.

— Святой отец, ведь я женщина, а вы мужчины, как же это можно сидеть за одной трапезой?

— Садись, садись, — потребовал Тэр-Аветис. — Овечки вы, овечки!.. Весь мир — волки, а вы ягнята. Магометане пожирают вас, режут, плюют в лицо, а вы… — Он повысил голос. — Почему ты не отомстила за мужа, почему? Почему не разворотила кочергой живот этому персидскому сеиду?

— Святой отец! — ужаснулась Арусяк и замолчала. У нее будто отнялся язык.

— Нет силы, нет рук, не было кочерги в этом несчастном селе? Почему вы остаетесь рабами, баранами? Почему вы не убиваете своих убийц? Они одного, а вы — двух. Почему?..

Тэр-Аветис перевел дух. Залпом выпил полную кружку вина, помолчал и выпил снова. Арусяк, стоя против него теперь уже на коленях, смотрела широко открытыми от страха и удивления глазами на страшного, сердитого

гостя. Вдруг она встряхнула головой и сказала, задыхаясь:

— Есть у меня сила, и смелость есть, и рука, и кочерга тоже найдется. Но существует страшный суд. Есть пришествие Христа, есть ад, о боже!.. Кровь!..

— А для сеида не существует ада и страшного суда?

— Не знаю, — отмахнулась Арусяк, словно защищаясь от кого-то. — Я ничего не знаю, будь прокляты все — и христиане и магометане. Все!..

Вдова заплакала. У Горги снова сжалось сердце. Ему вдруг показалось, что вся боль мира обрушилась на плечи этой одинокой, всеми покинутой молодой женщины.

Как они оба ни настаивали, Арусяк не взяла в рот ни кусочка. Горе жгло ей душу. Женщина задыхалась от обиды и какого-то страшного оскорбления. Похоже, она готова была совершить что-то ужасное.

Не раскрыв больше рта, Арусяк вышла.

Горги собрал остаток хлеба, положил в угол, повесил пустой кувшинчик на вбитую в стену палку и сел на свое место. Тэр-Аветис примолк и, прислонившись к стене, уже подремывал.

Лучина угасла. В щели над дверью виднелась полоска синего неба, которая, однако, вскоре потемнела, и начался проливной дождь. С потолка упали на лицо Горги холодные капли. Он утерся рукавом.

Из памяти не уходили Арусяк, ее муж, которого убили только за то, что он армянин, христианин, коснулся мокрой полой своей бедняцкой чохи какого-то сеида.

Дождь сыпал удивительно часто. Жалили блохи. Сон не шел. Все было странно для Горги. Арусяк казалась родной, как сестра. Он будто уже видел ее когда-то, но где? Эти глаза, этот маленький рот, голос. На кого она похожа? На сестру? Нет! У сестры другие глаза, другой голос…

Дождь перестал. Над дверью снова показалась синяя полоска. Где-то поблизости чирикала ночная птица. От мокрого пшата в хижину врывался острый запах.

Горги не мог уснуть. Одна за другою сменялись картины. Горги виделась

смеющаяся сестра и рыдающая Арусяк, погрузившийся в ручей буйвол и крестьянин со свечой в руке, тот, что кричал на инока… Сеид, убивший мужа Арусяк. Как страшен мир! И неужели всего этого не видит бог?

В шалаше было жарко. Еще пахло лучиной. Опьянял дух цветения пшатового дерева. А кусочек неба, видневшийся над дверью, был так чист, звезды такие ясные… Эти звезды заглядывают сейчас и в их дом-пещеру, в дымовое отверстие. И матери не спится — тоскует о сыне…

Блохи рассвирепели, жалили как скаженные. Осторожно, чтобы не разбудить Тэр-Аветиса, Горги встал.

— Куда? — спросил Тэр-Аветис.

Горги удивился:

— Ты не спишь?

— Сплю?! — застонал Тэр-Аветис. — Мертвый тут уснет. Ах, поганый мир! Куда ты собрался?

— Здесь невозможно, пойду лягу во двор, под деревом.

— Не ходи, — возразил Тэр-Аветис. — Во дворе небезопасно. Ночью всякое может случиться. Попробуем, может, все-таки подремлем.

Только после долгих мучений сон овладел Горги. Между тем Тэр-Аветис так и не уснул. Думал о предстоящей встрече. Любой ценой надо отыскать инока Мовсеса и с его помощью повидать католикоса. И чего Беку вздумалось послать его к этому гнилому старцу? Напрасный труд. Это не для Тэр-Аветиса, он создан, чтобы сражаться, а не уговаривать…

За дверью послышались шаги. Тысяцкий приподнялся и настороженно прислушался: может, враг? Положил руку на пояс, под рясой спрятан пистолет. Подождал. Шум не повторился, но он все же встал, подошел к двери и осторожно приоткрыл ее. Ночная прохлада обдала свежестью. Луна уже взошла и путалась где-то в ветвях раскидистого пшатового дерева. Из-под кустов косо падали две тени. Тэр-Аветис напряг слух. Он уловил голос мужчины.

— Бежим отсюда, Арусяк, душа моя!

Голос показался Тэр-Аветису знакомым. Где он его слышал?.. Мовсес?!

Неужели это голос Мовсеса?..

— Опротивел мне монастырь и это рабство. Я жить хочу, Арусяк!

— Молчи, Мовсес, молчи, услышат, проклянут! — молила Арусяк. — Нельзя нам бежать. Пошлют погоню, поймают… О господи!..

«Эге!.. — усмехнулся Тэр-Аветис. — А сказала, что идет в монастырь. Вот ты какова, Арусяк». Он не сердился. Под деревом, в ветвях которого запутался диск луны, происходило нечто возвышенное.

Луна и влюбленные! Вечная гармония мира. А где-то рядом зло, война…

Тэр-Аветис был доволен, что так легко нашел Мовсеса. Пусть себе сколько хочет льет кровь с алых губ Арусяк, дело сделается утром.

Стараясь остаться незамеченным, Тэр-Аветис тихо прикрыл дверь и, вернувшись в лачугу, лег на свое место. Горги сладко спал. Перестало течь, в шалаше стоял тяжелый запах прелого сена.

Тысяцкий задумался об Арусяк и Мовсесе. Повсюду одно и то же — охи и вздохи, плач и муки. И почему человек не свободен, как горный орел, как воробей, как змея? Да, да, хотя бы как змея: сама себе хозяйка, сама для себя. «Пошлют погоню, поймают…» — вспомнил он слова Арусяк. Кто поймает? Какое имеют право ловить только за то, что у каждого из них по любящему сердцу?

Тэр-Аветис все думал, а синева в щели над дверью давно уже сменилась лунным серебром, и теперь все больше и больше светлело.

Арусяк пришла утром. Тэр-Аветис стоял под пшатовым деревом. Женщина смущенно поздоровалась. Он заметил в ее волосах обрывок трилистника. Щеки у молодки горели, губы вспухли.

— Сними с волос листок, дочь моя, — улыбнулся Тэр-Аветис. — Пойдешь в монастырь, заметят — как знать, что подумают. И платье отряхни.

Арусяк зарделась, того и гляди воспламенится. Изумленно вперилась в Тэр-Аветиса.

— Если хочешь бежать с Мовсесом, я помогу, — сказал он, глядя на восходящую зарю. — Не смущайся. Я все знаю. Ступай, скорей найди его,

скажи, Тэр-Аветис зовет. Да слышишь, никому другому не произноси этого имени, повесь на уста замок… Иди, иди. Чего растерялась? Я понимаю и тебя и Мовсеса… Любовь благословенна…

Арусяк хотела поцеловать его руку, покаяться, но Тэр-Аветис крепко обхватил круглые плечи женщины:

— Ты имеешь дело с другом, горемычная!.. Не бойся меня. Пойди отыщи Мовсеса и приведи его скорее. Очень нужен. Пусть ничто не тревожит тебя!

Долго ждал Тэр-Аветис, Арусяк не возвращалась. От гнева священник-тысяцкий не находил покоя. Он уже рвал и метал.

— Не поверила! Испугалась девчонка, бежала с Мовсесом, а! — ломая пальцы, разговаривал он сам с собою.

Наконец, не выдержав, приказал Горги Младшему ждать в шалаше: может, Арусяк все же вернется, — а сам отправился в монастырь.

На улицах стояли лужи после дождя. Голопузые ребятишки с наслаждением барахтались в них. Паломники спешили в монастырь, неся в руках кто жертвенных ягнят и петухов, а кто больных детей. С Арагаца дул свежий ветер. Пыльца пшатовых деревьев и белый ивовый пух носились в воздухе. Сидящие под стенами старики, то и дело вздымая руки, вставали и просительно кланялись:

— Благослови, во имя господа.

Только в эти минуты Тэр-Аветис вспоминал, что он в священнической одежде, и еще большим гневом наполнялось его беспокойное, непокорное сердце: «Ради чего в ряженые пошел!»

В ограде монастыря опять толпились бесчисленные паломники. Расталкивая их, тысяцкий на этот раз направился прямо в вехаран[49]. Там у дверей два-три десятка молодых монахов с шумом отталкивали нищих, убогих, всех, кто пытался проникнуть в палаты в надежде приложиться к руке католикоса.

---

[49] Вехаран — покой католикоса.

— Успокойтесь, несчастные! — кричал возвышающийся над всеми монах. — Святейший выйдет к вам и выслушает всех. Успокойтесь, дети господни… Не мешайте молитве святейшего…

Тэр-Аветис увидел в толпе Мовсеса, в числе тех, кто оттеснял жаждущих благословения. Тысяцкий невольно усмехнулся. Перед ним встали Арусяк, пшатовое дерево…

Расталкивая локтями напиравшую на него толпу, Тэр-Аветис пробил живую стену и очутился возле Мовсеса.

— Куда прешь? — рассердился Мовсес — не узнал переодетого тысяцкого.

Тэр-Аветис припал губами к его уху:

— «Опротивел мне монастырь и это рабство. Я жить хочу, Арусяк…»

Мовсес побледнел, вцепился в священника и с ненавистью посмотрел ему в лицо. Тэр-Аветис хитро улыбнулся:

— С самого рассвета Арусяк ищет тебя, Мовсес… Не сердись! Я Тэр-Аветис. Похож? Веди меня сейчас же к святейшему.

Мовсес узнал наконец тысяцкого и смутился еще больше. Хотел спросить о чем-то, Тэр-Аветис не дал ему опомниться:

— После, после. Веди меня скорее. Горги Младший сейчас в шалаше у Арусяк. Ее ночными гостями были мы, не беспокойся.

— Но святейший велел никого не пускать к нему, — заговорил наконец Мовсес.

— Ты проводи меня только до покоев святейшего, а сам удались. И жди у Арусяк.

Мовсес подмигнул монахам, чтобы они дали дорогу священнику. Монахи вопросов не задавали, обступили плохо одетого, но повелительно сверкающего глазами священника и довели его до дверей покоев. Какой-то епископ оттолкнул Тэр-Аветиса и удивился, что тот не отступил, а больше того, сам же еще отстранил его локтем и, открыв дверь покоев католикоса, смело вошел туда.

— Непокорный, кто разрешил тебе явиться не вовремя? — послышался сердитый старческий голос католикоса.

Тэр-Аветис поднял руку:

— Не проклинай, святейший, я все равно этого не боюсь.

Он опустился на колени на разостланном возле дверей ковре. Сделав три земных поклона, еле коснулся усами золотистой бахромы ковра и поднялся.

Посреди большого зала стоял патриарх всех армян — престарелый, тщедушный католикос Аствацатур Амаданци.

Патриаршее одеяние и особенно пышная белая борода до пояса внушали почтение. На католикосе был фиолетовый, в цветах, филон с желтой бахромой понизу. Треугольной формы золотой венец, весь усыпанный драгоценными камнями, пламенел под лучами утреннего солнца, бьющими в многочисленные окна. Святейший держал в правой руке сверкающий бриллиантами крест, в левой — усыпанный драгоценностями патриарший посох. На плечи был накинут шитый золотом емифорон, полы которого спадали складками. В таком облачении католикос скорее походил на рождественскую игрушку, чем на живого человека.

«Кому нужен этот блеск», — подумал Тэр-Аветис и, не ожидая приглашения, смело и уверенно направился к католикосу.

— Несвоевременно ты явился… — заговорил возбужденным голосом католикос.

Под твердым, широким шагом тысяцкого пол в зале задрожал. Тэр-Аветис приложился к руке католикоса и, глядя в угасшие глаза старца, сказал:

— Я тысяцкий Тэр-Аветис, святейший. Меня прислал к твоему двору Верховный властитель Сюника и Арцаха Давид-Бек!

Борода у святейшего дрогнула, зрачки расширились, зашевелились сухие губы.

— С добром? — выговорил он не без труда и посмотрел на стоящее вдали небольшое кресло.

Тэр-Аветис понял, что католикос хочет сесть. Он придвинул к нему

кресло, принял посох и крест и помог сесть. И тут вдруг открылась дверь. Тысяцкий с досадой обернулся. Вошли два епископа, злые и бледные. Недовольно уставились на Тэр-Аветиса. Тот, не обращая внимания на настроение вошедших, твердо сказал:

— Святейший, я должен говорить с тобой с глазу на глаз.

Католикос сделал знак епископам, чтобы вышли. И те не посмели не исполнить его желание.

— Давид-Бек со всем своим войском и народ наш склоняются пред тобой, святейший!

— Как они там: народ, войско, сам Бек?

— Здоровы и полны отваги. Сражаются и живут для страны Армянской.

— Будь благословен ныне и во веки веков! — воздел руки патриарх и, внимательно глянув на сюникца, продолжал: — Я слышал твое имя, тысяцкий… Многими отважными делами увенчал ты себя. Будь благословен! Только как же не страшишься проливать кровь? Ведь ты — служитель дома господня и слуга Христа?

Тень улыбки скользнула по загорелому лицу Тэр-Аветиса.

— Нет, владыка! Никогда не страшусь! — ответил он. — И даже верю, что всевышний не обделит меня почестями на том свете, потому что я проливал кровь во имя справедливости. Кто подымет руку на нашу страну, тот враг господний. Думая об этом, я забываю о духовном своем сане…

— Да спасет тебя господь! — в страхе прошептал католикос.

— Какое сердце выдержит, чья рука не возьмется за меч, если над родимым гнездом парит гриф и покушается он на детей?

— Справедливо говоришь! — согласился старец. Затем хлопнул три раза в ладоши и приказал вошедшему слуге не закладывать кареты, так как он-де немного задержится. Слуга вышел.

— Да простится мне, если я полюбопытствую: куда собирается ехать святейший? — смело спросил Тэр-Аветис.

И хотя этот вопрос не понравился католикосу, он подавил негодование и

сказал:

— В Персию.

Сказал и раскаялся. Тэр-Аветис не нравился католикосу. Владыка испытывал перед ним какой-то непонятный страх. И тем не менее он снова заговорил:

— Еду ко двору Тахмаз шаха. Зовет…

— Не езди, святейший! — полупросительно-полуповелительно взмолился Тэр-Аветис. — Кто такой шах Тахмаз, что ты едешь к нему на поклон? Он тебя…

Католикос нервно потер изрезанные толстыми синими жилами руки. В глазах у него сверкнули слезы.

— А как быть? Как тут не поедешь? — сказал он с горечью. — Не сегодня-завтра явится турок, вооруженный, бешеный. Тахмаз сейчас господин. Раз зовет, я должен ехать. Кому, как не мне, позаботиться о пастве моей неприкаянной? Может, удастся предотвратить пленение и ограбление армян.

— А я приехал с тем, чтобы увезти тебя к нам, святейший. Это воля старейшин армянского народа и Давид-Бека.

Католикос со страхом посмотрел по сторонам, погладил дрожащей рукою роскошную свою бороду и прищурил глаза. Желтое, как пергамент, лицо его на миг озарила блаженная улыбка. Но эта слабая вспышка внутреннего удовлетворения была минутной. Руки вдруг задрожали, да так сильно, что зазвенели кольца, и он сказал упавшим голосом:

— Нет, тысяцкий, хотя у блаженного Давид-Бека и добрая цель, я не могу бросить мою несчастную паству — народ армянский. Я приведу из Персии войско для защиты Эчмиадзина и Еревана.

Тэр-Аветис помрачнел, сжал губы. Мгновение он смотрел на старца без надежды и сказал с упреком:

— Будь рассудителен, святейший, обрати свою мысль в живительную воду и утоли жажду людей. Мои слова останутся в этом лучезарном Эчмиадзинском престоле: твоя поездка в Персию — удобный предлог, чтобы ты бежал от зла и

приехал к нам. Ныне в Сюнике и Арцахе решается судьба армянского народа и армянской церкви. Наш горный край — единственное безопасное место для тебя и для твоего святого престола. Если не делами, то хоть словом своим и присутствием ты воодушевишь наше воинство.

Католикос простер руки к распятию.

— Господь, будь покровителем армянской нации! — крикнул он прерывающимся голосом. Затем прикрыл бородою нагрудный крест и потряс головой: — Душа покинет мое тело только здесь, в этой обители. Я не вправе оторвать престол от его корня. Он должен оставаться на месте святого пришествия.

— Ты сохраняешь здесь престол для того, чтобы турок осквернил его! — уже не сдерживая возмущения, сказал Тэр-Аветис.

— Сегбос, — воздел руку старец, — наш сын в Константинополе! Он — украшение султанского двора. Сегбос спасет Эчмиадзин. Непременно спасет! Я уже написал ему письмо…

— В таком случае зачем же ты едешь в Тавриз на поклон Тахмазу?

— Утопающий и за змею схватится.

Тэр-Аветис, забыв приличия, почти закричал:

— Наивные люди, у падали просить помощи! Пойми, святейший, шах Тахмаз готов мышиную нору за тысячу туманов вымолить. Это сатанинское отродье ужалит нас, как змея Евы. Знай же, он дрожит при одном взгляде на наши горы. Пусть благодарит султана. Не будь опасности со стороны турок, мы бы уже сейчас прищемили ему хвост и выбросили из Нахичевана, из Еревана, да и из Тавриза. Загнали бы в пустыню. Какую силу имеет Тахмаз, чтобы оказывать тебе помощь?

Католикос пристально смотрел на преступившего приличия священника. Но тот не дрогнул.

— Ты забываешься, заблудший! Что толкает тебя на дерзость? Кто стоит за твоей спиной?

— Наша страна, наше войско! — ответил Тэр-Аветис. — Сюник и Арцах

независимы. Они объединились и составляют ныне государство. Об этом должен бы знать пастырь всеармянской паствы.

— Сюник! Арцах!.. — воскликнул католикос. — О эти старые раскольничьи гнезда! Кто даст вам остаться господами? Кто? Может, турки?

— Силой продержимся, и русские помогут.

— Русские ушли…

— Уехал только царь, войска остались!

— Остались, но в Армению не придут.

— Придут! А не придут, мы собственной силой сохраним наш народ, нашу страну…

Католикос протянул руку Тэр-Аветису. Тот неохотно поцеловал ее.

— Ну, а теперь уйди, ради бога! — сказал святейший. — И земля имеет уши. Не приведи господь, донесут шаху, Мирали хану или Абдулла паше, что ты пришел ко мне с таким разговором. Разгневаются они, и разразится над Эчмиадзином бедствие. Уйди!

— Давид-Бек так и знал, — горько усмехнулся Тэр-Аветис. — Недаром говорится: не проси благословения у своего пастыря. Жалкий вор Мирали хан и безвольный женолюб Тахмаз у тебя, святейший, в большем почете, чем народ твой во главе с храбрейшим Давид-Беком.

— Удались! — взмолился католикос.

— Оставайся с миром! — кинул Тэр-Аветис. — Я уйду, но грех на тебе, католикос. Не в пользу народу ты действуешь. Нация — не только этот трон. Может, Сегбос и придет тебе на помощь. Но кто поможет христианам страны Араратской? Кто? Они обречены. Одна у них надежда — сюникское воинство, новое армянское государство Сюника и Арцаха, на зов которого ты не откликаешься. Оставайся с миром!..

С этими словами Тэр-Аветис вышел из покоев. Вослед ему донеслись стенания католикоса.

Тэр-Аветис прорвался сквозь толпу.

Арусяк развела под открытым небом огонь и хлопотала вокруг него. Горги Младший и инок Мовсес, сидя на камнях, мирно беседовали. Завидя Тэр-Аветиса, оба встали. Арусяк смутилась и выронила из рук кружку. Даже рванулась, хотела, видно, убежать. Она и стыдилась, и боялась, как бы страшный священник не наказал ее. А он вдруг ласково, совсем по-отечески попросил:

— Сбегай, дочь моя, принеси воды, очень пить хочется.

Арусяк схватила кувшин и убежала.

— Ну, как дела? — поинтересовался Горги Младший.

— Э, ему свиней пасти, а не паству! — в сердцах воскликнул Тэр-Аветис.

— Поедет? — спросил Мовсес.

— Как бы не так! Собрался на поклон к персидскому шаху. — Тэр-Аветис сплюнул. — И до каких пор наши духовные отцы будут обивать пороги недругов и обрекать свой несчастный народ на гибель?

Сказал и раскаялся: не слишком ли он откровенен с этими молодыми людьми? Но тут же подумалось: «Нет, им можно доверять, они это уже доказали».

— Мы уезжаем, Мовсес, — сказал Тэр-Аветис. — Ты останешься здесь.

Мовсес зажегся маковым цветом. «А молодка, видать, прикипела к сердцу инока!» — подумал Тэр-Аветис и обрадовался этому: человек, имеющий дом, жену и детей, будет зубами защищать свою честь, свою землю, родную страну.

— Останешься здесь, — продолжал он, — до прихода турок. А там соберешь о них нужные сведения и вернешься в Алидзор.

Тэр-Аветис помолчал, посмотрел на жалкий шалаш и добавил:

— Да смотри захвати с собой и Арусяк. Не оставляй ее здесь. Это моя воля и мой приказ. Ну, Горги, нам пора.

Они не дождались возвращения Арусяк — зачем лишний раз смущать бедняжку? Пусть будет светлой ее радость, быть может, очень недолгая. Тэр-Аветис крепко пожал руку Мовсеса и вышел на улицу. За ним последовал Горги Младший.

Их путь лежал на Ереван.

Был уже вечер, когда они перешли мост через Раздан и поднялись на вершину прибрежных скал. После жаркого дня в воздухе еще все дышало зноем. Река громыхала. Мутные, неукротимые воды ее бились в теснине ущелья. На скалах лепилась Ереванская крепость, твердыня с толстыми стенами и несокрушимыми башнями.

— Крепка, проклятая! — сказал Тэр-Аветис, измеряя взглядом высоту крепостных стен.

Направились в Дзорагюх, что громоздился на левом берегу реки. С высоты как на ладони предстал весь Ереван. Город расположился во впадине, в окружении садов и кварталов Ко́нда и Анапа́та.

Крепость была единственным укреплением на подступах к городу. В ней расположился персидский хан Мирали со своим войском и всеми приближенными. С севера Ереван был открыт всем ветрам и всем врагам. И только ущелье Раздана, охватывающее его с трех сторон, делало город неприступным.

Ереванские армяне жили в семи больших кварталах, отделенных один от другого узкими полосками садов. Прибрежные кварталы Хнкен и Дзорагюх напоминали селения Сюника. Дома здесь поднимались лесенкой: кровля одного служила двором другому. Селилась в этих кварталах одна беднота. И не было вокруг ни деревца и ни клочка земли.

А вот квартал Цирани́ в районе Конда выглядел иначе. Здесь дома были двухэтажные, высились они по обеим сторонам хоть узких, но улочек. Ворота у всех окрашены в красный цвет. Вниз к реке спускались густые сады. Квартал Цирани господствовал над городом и, если смотреть на него издали, производил впечатление цитадели. Жители Цирани и Конда славились своей храбростью и непримиримостью к врагу. Обитали там в числе армян и так называемые армянские бо́ша, цыгане, во всем солидарные с воинственными своими соседями-армянами.

Во впадине и на северных холмах располагались кварталы Кара́нка,

Анапата, Бе́рда, Еркуере́са и Зоравóра. Здесь улицы были более или менее прямые, дома благоустроенные, едва просматриваемые в густой зелени.

В скалах Конда протекал снабжающий город водою открытый канал, проведенный еще в одиннадцатом веке армянским князем Апира́том. Канал служил горожанам и как ров для защиты от врага.

— Вот он, наш Ереван, — с грустью сказал Тэр-Аветис, — сердце страны армян. Не будь сейчас такой угрозы со стороны турок, не ходили бы мы с тобой вокруг да около.

— Значит, мы живем без сердца? — вздохнул Горги Младший.

— Вот так-то, друг мой. — Тэр-Аветис махнул рукой. — Идем лучше дальше. Вон уж небо как темнеет. Не успеешь оглянуться, ночь нагонит.

На улицах Дзорагюха бегали смуглые, большеглазые, удивительно живые детишки.

Вот зазвонили колокола церкви святого Саркиса. Из ворот и калиток посыпались старики и старухи. Крестясь на ходу, они спешили в церковь.

В Конда народу было больше. На пришельцев никто не обращал внимания. Жизнь тут кипела. Торговля шла прямо на улицах. Громче других кричал продавец овощей.

— Тархун, тархун!.. — надрывался он.

На маленькой площади несколько молодых людей сбивали войлок, свернутый валком. Они били его палицами, топтали ногами, катали из конца в конец площади. Кто-то громко напевал:

Войлок, войлок, большое бревнышко.

Был я ханом, а стал игрушечкой…

Сидевшие поодаль на камнях и приступочках молодки и девушки весело посмеивались, о чем-то перешептывались и при этом виртуозно работали спицами. Все они жевали жвачку.

Двор церкви святого Саркиса был заполнен ереванцами. Служба кончилась. Перекидываясь новостями и остротами, люди не спеша расходились.

Тэр-Аветис и Горги Младший не без труда протиснулись сквозь толпу и вошли в полупустую церковь. Преклонили колени и перекрестились.

В алтаре мерцали две-три свечи. Мимо прошли монах и два священника. Они тоже не обратили внимания на пришельцев. И это окончательно обозлило Тэр-Аветиса. Он крикнул вслед удалявшимся:

— Мы здесь чужие, эй, люди! Не оставаться же нам ночью на улице?

Монах обернулся, с минуту смотрел на них, затем недовольно сказал:

— В городе есть постоялый двор, идите туда.

— Негостеприимные вы люди! — покачал головой Тэр-Аветис. — А может, у нас в карманах нет и ломаного гроша, тогда как быть? — И, не дожидаясь ответа, зашагал к выходу.

Во дворе он зычно крикнул, обращаясь к скучившимся у двери нищим:

— Эй, Христовы Дети, помогите мне, укажите, где дом монаха Григора, я…

Не успел он договорить, как кто-то схватил его за плечо. Тэр-Аветис обернулся.

— Я монах Григор, — сказал человек. — Не сердись, но время такое, сейчас незнакомцев сторонятся.

— Тэр-Аветис, — тихо, чтобы никто другой его не услышал, сказал тысяцкий. — Приехал от Давид-Бека.

У монаха засверкали глаза, он схватил в ладони правую руку Тэр-Аветиса и затряс ее.

— Прости меня! Ну кто мог знать, что…

— Ладно, все понимаю, не теряй времени, веди лучше к вашим людям. У меня важное дело. Надо с князьями поговорить.

— Что? Идут?!.. — радостно воскликнул монах.

— Сейчас узнаешь, — сказал Тэр-Аветис, поняв, что он спрашивает о русских.

Монах Григор был не стар. Борода только чуть посеребрилась. Взгляд у него умный, острый.

Поднимались всё вверх по узенькой улочке. Шли молча — вокруг было слишком много прохожих. Григору и без разговоров понятно, что священник-тысяцкий прибыл в Ереван по тайному и очень важному делу.

Монах привел его в дом паронтэра города — городского головы — князя Ованеса Хундибекяна.

Двухэтажный каменный дом был окружен высокой стеной. Во дворе разбит небольшой садик в несколько тутовых деревьев. Цветов почти нет, если не считать двух кустов расцветшей сирени. Где-то поблизости лаяли собаки.

В дом вела спиральная каменная лестница. На широком балконе стояли цветочные горшки. Под самым потолком висела керосиновая лампа.

Высокий, с небольшой головкой, черноглазый, смуглый человек, паронтэр Ованес Хундибекян сидел, скрестив ноги, на покрытой ковром тахте и перебирал зерна агатовых четок. Он только вернулся из церкви.

Увидев нежданных гостей, паронтэр вопросительно уставился на них. Монах и Тэр-Аветис подошли поближе. Горги Младший остался стоять на верхней ступеньке лестницы.

Хундибекян был явно недоволен тем, что кто-то осмелился нарушить его покой.

«Священник, видать, из бедного прихода, — подумал паронтэр, глядя на Тэр-Аветиса. — Наверное, пришел просить милостей для своей церкви?»

Почтительно склонившись в приветствии, монах Григор сказал:

— Прими нашего дорогого гостя. Этот человек в одежде священника тысяцкий Тэр-Аветис от Давид-Бека.

Паронтэр вскочил и вытянулся, как если бы перед ним предстал сам царь.

— Да будут твоими и дом мой, и все, чем я владею! — выпалил он скороговоркой. — Какое счастливое знамение привело тебя в наш город?

— Тише, — предостерег Тэр-Аветис, пусть только немногие знают о моем приезде в Ереван.

Паронтэр повел гостей узким коридором. В лицо всем пахнуло вином, всякими соленьями, рыбой. Навстречу вышла молодая женщина. Увидев

чужих, она тут же исчезла.

Хозяин растворил одну из дверей и пригласил войти.

Зажгли свечи. В доме все вдруг пришло в движение. Бегали женщины, суетились слуги…

Паронтэр велел позвать своих младших братьев. Через минуту они вошли, почтительно поприветствовали прибывшего издалека гостя. И всё смотрели на знаменитого тысяцкого, о котором слыхали немало страшного.

Хундибекян разослал братьев пригласить всех знатных людей города. При этом наказал не говорить, зачем созывают.

Комната была богато убрана. Вдоль стен стояли покрытые коврами тахты, заваленные расшитыми золотом большими и маленькими подушками. На полу, поверх белого толстого войлока, тоже лежали ковры. Они поглощали шум шагов входящих и выходящих людей. На каждой из четырех стен сверкали бронзой семисвечовые канделябры с большими белыми свечами. На невысоком круглом столике посреди комнаты высился серебряный графин с позолоченными чарочками вокруг. На подоконниках стояли вазы с апельсинами и розами.

На одной из подушек возлежал пушистый ванский кот. Завидев хозяина, он замурлыкал, встал, потянулся и прыгнул ему на плечо.

— Нашел время, негодник! — не без ласки сказал Ованес Хундибекян и, сняв кота с плеча, погладил его лоснящуюся спину.

— Чудесный кот! — восхитился Тэр-Аветис.

— Мои предки когда-то вывезли его праотца из Вана. С тех пор эта порода в нашем доме не переводится.

Подали ужин. Хозяин пригласил гостя и монаха к круглому столу. У Тэр-Аветиса, что называется, слюнки потекли, когда на столе появился кололак. Потом подали жареных цыплят, плов. Ели с отменным аппетитом. Тэр-Аветиса удивляло, почему нет напитков. Но спросить не решился, хотя очень было бы кстати запить все эти яства золотистым вином.

Наконец внесли и напитки, только после того как наелись досыта. Монах

пить отказался. Паронтэр пригубил чарку и отставил. Тэр-Аветис утолил свою жажду лишь после третьей чары и сказал, вставая:

— Да будет благословенным твой дом, брат Ованес, благодарю за угощение.

На дворе было уже темно, когда в комнате наконец собрались все наиболее значительные люди Еревана. Приходили в одиночку. У порога снимали обувь, в знак приветствия прикладывали руки к груди, поочередно обходили хозяина дома и его гостей и затем усаживались по старшинству. Тэр-Аветис внимательно всматривался в каждого и ответно приветствовал кивком головы. Ованес Хундибекян, представляя тысяцкому прибывающих, находил для всех добрую похвалу.

Вскоре собрались все именитые армяне города, молодой мелик Погос Кичибекян из квартала Еркуерес, старейшины квартала Цирани — красильщик Карчик Ованес и кожевник Давид Мирзеджанян, сын Мариам — атлет Тутик и еще несколько человек.

Расселись. Проведший чуть ли не всю жизнь в седле, Тэр-Аветис никак не мог, подобно всем, сидеть скрестив ноги. Он протянул их и привалился на локоть. Карчик Ованес пренебрежительно ухмыльнулся: мол, что же это за человек, если и сидеть-то не может, как люди. Но едва узнал, что незнакомец в бедном облачении сельского священника — тысяцкий Давид-Бека Тэр-Аветис, так и ахнул. И все рассматривал густую, характерную по форме бороду сюникца, его грубое, словно вылитое из меди, лицо.

Ереванцы ждали с нетерпением, когда заговорит гость. Хотелось знать, что привело его. Добрая весть или злая — о том, что над армянским небом вот-вот нависнет новая беда. По лицу тысяцкого нельзя было ни о чем догадаться. Даже вездесущим циранитакцам не удалось бы ничего узнать.

Наконец, когда слуга крепко запер дверь, Тэр-Аветис поднял голову.

— Братья-ереванцы, — начал он, — я привез вам привет от Верховного властителя воинства Сюника и Арцаха Давид-Бека.

— Пусть здравствует приславший привет! — перебивая друг друга,

ответили ереванцы.

— Я привез вам также и послание Давид-Бека, — продолжал Тэр-Аветис. — То, что вы сейчас услышите, должно остаться в глубочайшей тайне, пока по воле господней не исполнится желаемое. — Голос у Тэр-Аветиса звучал повелительно. Слова с его уст падали с тяжестью свинца. — Вы знаете о том, что наш Большой Сюник и Арцах волею и силой своего народа сбросили иго персидских шахов. Вот уже три года живем мы свободно и независимо.

— Дай вам бог еще большей мощи! — воскликнул монах Григор. — Вы зажгли потухший очаг, вселили надежду в сердца погруженных в дрему армян.

— Это так, — подтвердил Ованес Хундибекян. — Наши горожане клянутся вашим именем. Персиянин Мирали из страха перед вами смягчился и говорит с нами почтительно.

— Давид-Бек давно изгнал бы из Еревана этого Мирали, если бы обстоятельства хоть немного благоприятствовали нам, — сказал тысяцкий.

— Мы очень ждем! — воскликнул Карчик Ованес. — Наши взоры обращены к вам. Ереванцы во всеоружии.

— Пусть Давид-Бек только покажется в наших краях, и не успеет он и чарки далминского вина испить, как мы повесим Мирали на крепостной башне! — заверил Погос Кичибекян, оглядывая всех своих.

— Знаю, знаю, — сказал Тэр-Аветис. — Мы придем. И царь Петр не оставит армян в одиночестве. В этом году ему не удалось прийти к нам на помощь. Подождем следующего года. Он держит с нами связь. И войско оставил в Баку изрядное.

— И мы получили от него обнадеживающее послание, — поспешили сообщить ереванцы. — Теперь вот ждем вас, и русских тоже.

— Если бы к Еревану подошел хотя бы один русский полк, мы в тот же день вздернули бы Мирали на главной крепостной башне.

— Веревка для виселицы навощена.

— У нас в окрестных селах около десяти тысяч вооруженных людей, — вставил Ованес Хундибекян. — Хан Мирали знает об этом и потому от страха

забился в щель. Нет недостатка в порохе и пулях. Все готово, ждем только Давид-Бека, чтобы тотчас повернуть против хана.

— Это так! Верно! — подтвердили и остальные.

— Но, братья, — чуть понизив голос, сказал Тэр-Аветис, — оружие, которое вы приготовили для борьбы с персиянами, теперь придется направить против другого врага. Вы знаете, что турки заняли Тифлис? Султан привел в Эрзерум стопятидесятитысячную армию. Не сегодня-завтра он пойдет на нас…

Погос Кичибекян звучно сглотнул слюну. У Давида Мирзеджаняна брови полезли на лоб. Карчик Ованес ахнул. Монах Григор выронил из рук длинные четки. Кот подскочил к четкам и начал играть зернами цвета пламени.

— Сто пятьдесят тысяч! — простонал паронтэр Ованес.

— Неужели вы этого не знали? — удивился Тэр-Аветис.

— Нам известно, что турки захватили грузинскую страну. Слыхали мы также, что султан стягивает к Эрзеруму войско. Но Мирали хан клянется, что там едва ли наберется около десяти тысяч аскяров, что шах Тахмаз заключил союз с султаном и турки ни за что не пойдут на Ереван.

— Он хитрит, обманывает нас! Ах, нечистый! — обозлился красильщик Карчик Ованес. — Теперь понятно, почему он запретил нашим людям покидать город. В Карсе, говорит, холера. Брешет беззубый! Сам-то знает, что творится в Эрзеруме, а нас усыпляет, чтобы ничего не предприняли.

— Что же вы молчите, князья? Говорите, что теперь делать! — крикнул Погос Кичибекян. — Надвигается страшная беда.

— Надо напасть на Мирали и занять крепость! — предложил взбешенный Карчик. — Чего ждать-то? Взорвем персиянина, и конец!..

— И чего добьетесь? — прерывая разъяренного Карчика, спросил Тэр-Аветис. — Понесете огромные потери, подорвете свои силы, и все для того, чтобы на день-другой завладеть крепостью. А что будете делать, когда войско Кёпурлу Абдуллы саранчой налетит на вас?

Карчик Ованес съежился. Пламя воодушевления угасло. Он замолчал, но лицо было злое, выражало явное неудовольствие.

— Какой путь указывает нам наша надежда Давид-Бек? — спросил монах Григор.

— Может, он послал тебя посоветовать нам покориться туркам? — зло буркнул Кичибекян.

— Только этого недоставало! — вскочил как ужаленный Давид Мирзеджанян. — Да я скорее детей своих зарежу, а голову перед турком не склоню.

— Бек никогда не посоветовал бы вам покориться. Ему ли не знать, чем это может кончиться. Вон турки вывели армян из Эрзерума. Согнали их к Ардагану и всех вырезали.

— Что же нам делать?

— Прислушаться к совету Давид-Бека! — ответил Тэр-Аветис и, достав из потайного кармана письмо Бека, протянул его монаху Григору.

Монах снял с колен кота, потер глаза и начал читать:

— «Ереванские армяне, разрушители-османы идут на ваш город. Будьте готовы и бдительны. Тысяцкий Тэр-Аветис сообщит вам мою волю и передаст мой совет. Внемлите добру».

Лоскут голландской бумаги переходил из рук в руки. Все целовали красную печать Бека.

— А теперь слушайте, что предлагает вам Давид-Бек и старейшины Армянского Верховного Собрания, — снова заговорил Тэр-Аветис. — Всем народом вы должны переселиться в Сюник и Арцах.

Ереванцы на миг оцепенели, будто перед ними вдруг выросло что-то чудовищное. Даже не дышали. Но вот кто-то глухо простонал, кто-то громко вскрикнул. Все разом, не сговариваясь, посмотрели в открытые окна на родной город, на свои дома, во многих из которых еще горел свет. Вспомнили сады, что простираются до самого Паракара[50]. Вспомнили базар, узкие улочки, скот, что пасется в ущелье Раздана, а скоро его надо перегонять на склоны Арагаца и

---

[50] Паракар — село между Ереваном и Эчмиадзином.

на пастбища Гегамских гор.

Бросить все это, бросить дома, унаследованные от дедов и прадедов, торговлю, ремесла, свои церкви? Да возможно ли такое?

Еще задолго до времен патриарха Гайка из поколения в поколение живут они здесь. И вдруг все бросить, стать беженцами, босыми и нищими, скитаться по свету?

Видя потрясение ереванцев и понимая, что многие сейчас смотрят на него как на врага, Тэр-Аветис поднялся.

— В переселении единственное ваше спасение, — сказал он с безжалостной жестокостью. — Села Нахичевана и Шарура уже поднялись в горы. В ущелье Вайоц, в Хачене и Варанде есть неприступные места. Переселитесь и поживите там некоторое время. Мы поможем вам. Обдумайте, братья, этот совет. Мы знаем, вы надеетесь на нашу военную помощь. Должен вас огорчить: сил у нас недостаточно, мы не сможем сразиться в открытом бою с превосходящими во сто крат силами врага. Турки возьмут Ереван. А потому, пока не поздно, переселяйтесь в наши горы. Не дайте погибнуть вашим близким.

— Ты понимаешь, что говоришь? — закричал наконец Погос. — Бросить наши дома — и пусть турок превратит их в развалины? Оставить очаги наших дедов? Еще не зажили раны, нанесенные нашему городу шахом Аббасом, теперь опять отдадим его на съедение волку?

Он подскочил к Тэр-Аветису, потряс кулаками над своею головой и в исступлении продолжал:

— Обречь на нищенство наших детей? Где же ваш царь? Где?.. Обманул? Сказал — вооружайтесь, вот он я, иду! Почему же не идет? Нет, никогда, ни при каких условиях мы не оставим нашего города!

— Куда нам девать наши мастерские, наши семьи? Куда? — с не меньшим волнением вторил Погосу Карчик Ованес. — Господи, за какие грехи такое несчастье! О, чтоб тебя!..

Монах Григор со слезами в голосе умолял:

— Успокойтесь, безумные! Говорите так, чтобы мы могли понять друг друга.

Но никто его не слушал. Все кричали. В неистовстве забыв приличия, жалили злыми словами и взглядами стоявшего среди них как столб Тэр-Аветиса. Горги Младший бросился к тысяцкому, встал перед ними, взялся за рукоять сабли: пусть только кто осмелится поднять меч, тогда он сам…

А Тэр-Аветис между тем казался спокойным.

— Криками кровли не покроешь, — не повышая голоса, сказал он. — Хотите от мала до велика быть проданными на невольничьих рынках? Готовы предать свою веру и гореть за это в аду? А не лучше жить несломленными в неприступных наших скалах, чем дать себя уничтожить?

Ноздри у Тэр-Аветиса расширились, голос зазвучал металлом. Он продолжал:

— Персидский хан Мирали предаст вас. И турки не оставят в живых ни одного ереванца. Возьмитесь за ум, решайтесь исполнить добрый совет. Давид-Бек ждет меня с ответом. Даю вам день на размышление.

С этими словами тысяцкий вышел из комнаты. Горги Младший покосился на рассвирепевшего молодого мелика Погоса Кичибекяна и побежал следом за Тэр-Аветисом.

Через минуту они оба вошли в кухню Хундибекяна. Там на узкой тахте спала толстуха служанка. Тэр-Аветис шлепнул ее по заду. Толстуха в ужасе вскочила с места.

— Принеси вина! — приказал Тэр-Аветис и уселся на теплое ложе служанки. — Ни капли ума в головах, только зады отращивают. Пусть поорут там, сколько им влезет…

Долго шумели ереванцы. Накричались до хрипоты. Ованес Хундибекян плотно закрыл окна, чтобы, не дай бог, кто с улицы не услыхал криков.

— Если турки намерены захватить Ереван, почему же Мирали хан так спокойно сидит на своем месте? — размахивал руками Карчик Ованес. — Не знает он, что ли, что турки-сунниты сдерут с них шиитскую шкуру?

— Тише, тише, безбожники! — тщетно взывал хозяин дома.

— Если бы и в самом деле грозила такая опасность, католикос предостерег бы. Не враг же он нам. А уж ему ли не знать, какие там дела. Ведь его ближайший друг богач Сегбос каждый день садится в Стамбуле за стол султана.

— Но у Давид-Бека слух и зрение, как у рыси, и понапрасну он тревоги не поднимает, — старался убедить крикунов монах Григор. — Послушайтесь его, христиане-армяне.

— Послушаться, чтобы попасть к нему в рабство? — воскликнул Давид Мирзеджанян. — А не кажется ли вам, что Бек хочет притянуть к себе в горы сокровища Еревана, чтобы завладеть ими? Он только того и ждет, чтобы ввести нас в свое войско. Вот чего домогается Бек. Поимейте разум, не дайте себя одурачить.

Монаху Григору так и не удалось убедить рассвирепевших ереванцев. Он знал здесь каждого. Знал, что все они дорожат своей жизнью, но еще больше богатством, которым владеют. К тому же по странной наивности не могут поверить, что турки на самом деле готовы идти на Ереван.

Но вот поднялся Ованес Хундибекян, и гости неожиданно смолкли.

— Слушайте, безумцы! Кто вы, наконец, почтенные люди или базарная голь? Успокойтесь! Мы отвергаем предложение Давид-Бека…

— Да, да, отвергаем, — согласно закивали со всех сторон.

— Но пренебрегать его советом не следует! — продолжал паронтэр. — Имейте терпение выслушать меня, я же старший среди вас. Итак, значит, мы готовы и ждем. Да? Если турки на самом деле нападут на наш город, мы тоже не лыком шиты. У нас под ружьем десять тысяч человек, остановим врага, переправим наших детей и имущество в сторону Севана и станем на защиту города. Коли турки потеснят нас, отступим. Согласны, горячие головы?

— Умно говоришь, паронтэр Ованес! Это дело! Мы согласны!

— Согласны! Согласны! — неслось со всех сторон.

— Чего торопиться? Подождем. Если и правда турки придут с такой силой,

о которой говорил этот священник-тысяцкий, тогда и переберемся в горы.

— Верно, так и сделаем.

— Подумайте хорошенько! — умолял монах. — Потом будет поздно, поздно!..

— Мы не черноризцы, что кормятся жертвенным мясом, святой отец! У нас есть оружие. Надо будет, постоим за себя, а увидим, что не хватает сил, тогда и уйдем.

На том и порешили. Турок пока не видно. Из Лори и Ширака ни слуху, ни духу. Мирали хан спокойно сидит в своем дворце. Персидские купцы курят кальян на базарах, и цены на товары все те же, что вчера, позавчера и три года назад.

Договорились ни при ком рта не раскрывать о встрече с тысяцким. Для верности поклялись на евангелии монаха Григора. Кроме того, решили, пусть Ованес Хундибекян и монах Григор съездят к Мирали хану. Вдруг да вызнают у него какую-нибудь новость. После чего, мол, можно и ответ дать посланцу Давид-Бека.

Ованес Хундибекян проводил гостей и пошел искать Тэр-Аветиса. К своему удивлению, нашел он его в кухне за чаркой вина.

— Ты бесчестишь меня, Тэр-Аветис, — обиженно сказал паронтэр. — Неужели в доме нет более подходящего места, что ты сидишь в кухне?!

— Напрасно сердишься, — мрачно ответил Тэр-Аветис. — Тот, кто не оценит одного куска, не сможет оценить и тысячи. Говори лучше, на чем вы порешили?

Паронтэр помялся.

— Да пока, — сказал он наконец, — не пришли ни к какому соглашению, почтенный брат. Все думаем.

— Ну думайте. Рассудите, как найдете нужным.

Гостей провели в отведенную для них комнату. Слуги помыли им теплой водой ноги и бесшумно удалились.

— Понял, к чему они клонят? — спросил, ложась, Тэр-Аветис у Горги

Младшего.

— Чего уж тут не понять. Ну и черт с ними! — сердито бросил Горги.

— Эх!.. — вздохнул Тэр-Аветис. — Мальчик ты еще, Горги. Напрасно сердишься. Ереванцы храбрые воины. Они нужны нам. У них десять тысяч войска. Будь они с нами, мы обязательно одолели бы турка. Останутся одни, пропадут: разветвленная река высыхает скоро, как бы она ни была многоводна. Наше несчастье в том и состоит, что испокон веков мы разобщены.

Было раннее утро. Дорогу, ведущую из города в крепость, развезло после ночного дождя. Лошади с трудом тащили карету пароптэра князя Ованеса Хундибекяна. Хотя крепость расположена не очень далеко от города — не больше часу ходьбы, — паронтэр и монах Григор сочли, что для большей важности, подобающей случаю, лучше поехать в карете.

Впереди высились Масисы[51] с густыми витками облаков над вершинами. С правой стороны в глубине ущелья гордо шумел Раздан. Утро было спокойное. На дороге встречались одиночные персидские воины.

Карета приблизилась к раскрытым воротам Ереванской крепости. Со сторожевой вышки узнали прибывших. Персидский юзбаши попросил их спешиться, оставить карету за воротами и войти в крепость. Это требование возмутило приезжих, но сейчас было не до ссор, и, чтобы не поднимать лишнего шума, они решили исполнить просьбу и спешились.

На маленькой площади перед дворцом копошились три персидских воина, убирали грязь после переночевавших здесь конников. Главный вход во дворец сиял красным, зеленым и синим цветом кирпича — словно пестрый ковер висел на стене. Паронтэр и святой отец долго ждали у двери, пока часовой, ушедший доложить о прибывших, вернулся с наибом хана.

— Что привело вас в неурочное время ко двору хана, почтенные мужи? — спросил высокий, весь в белом, похожий на столп наиб.

---

[51] Масис — армянское название Арарата. Большой и Малый Масис — Большая и Малая вершины Арарата.

— Проводи нас к хану! — властно потребовал Ованес Хундибекян. — Мы не обязаны каждому объяснять, что к чему.

Наиб снисходительно улыбнулся. И в этой улыбке сквозила плохо скрываемая ненависть.

«Улыбайся пока… Придет время, подожмешь хвост, как кошка», — подумал о нем Хундибекян.

В последнее время персияне относились с вынужденным уважением не только к армянской знати и духовенству. Они ломали шапки и перед простыми горожанами. Ничего не поделаешь. Сидят, что называется, на пороховой бочке. Персия при последнем издыхании. Русские стоят за спиной армян. В Сюнике и Арцахе Давид-Бек сколотил большое войско, а турки-сунниты не сегодня-завтра подойдут к стенам Еревана. Нужда заставляла персиян изображать миролюбие и добросердечность в отношениях с армянами.

Мирали хан принял представителей города с подчеркнутой почтительностью.

— Очень рад вам! Вы осчастливили меня в это утро! — с льстивой улыбкой на лице воскликнул он, приветствуя входящих, и долго тряс им руки, слегка даже склонившись перед гостями. — Пожалуй, кешиш-баба, пожалуй, дорогой шахап[52] Ованес. Я видел хороший сон этой ночью. Надеюсь, аллах привел вас в мой дом с добрым делом.

Хан усадил гостей на подушки, разложенные на широких тахтах его приемной, а сам остался стоять.

— Нам надо поговорить с тобою наедине, хан, — сказал паронтэр Ованес.

— Сделайте великую милость, — ответил хан и, посмотрев на наиба, указал ему взглядом на дверь. Тот побледнел, низко поклонился хану и медленно вышел. Хан сел. Он поднял тонкие полоски крашенных хной бровей и вопросительно посмотрел на гостей. Лицо его было неподвижно, глаза — холодные и пустые. И хотя душа персиянина была полна тревоги, он умел

---

[52] Кешиш-баба — святой отец; шахап — городской голова (перс.).

притвориться любезным и скрыть свое смятение.

— Великий хан! — заговорил паронтэр. — Ты владыка наших голов, защитник и блюститель нашего города. Ты знаешь, что мы никогда не уклонялись от выполнения твоей воли, даже самой малейшей. И мы никогда не беспокоили тебя без причины…

— О да! — поспешил польстить и хан. — Аллах свидетель, я очень доволен вами, уважаемые ереванцы. Вы, и стар, и млад, — достойные люди. Поэтому скажите, что привело вас, что так взволновало?

— До нас дошла весть, великий хан, что турки собрали войско и готовятся в поход на Ереван, — ответил паронтэр. — По повелению султана — да пресечет аллах его потомство — эрзерумский Кёпурлу Абдулла паша собрал полтораста тысяч войска и не сегодня-завтра перейдет через Армянский хребет и двинется на нас. Мы пришли узнать, что думает наш защитник великий хан.

Если бы армяне как следует вгляделись в глаза хана, они заметили бы в них великий ужас, который сверкнул на миг и затем растворился в деланной улыбке.

— Кто принес эту фальшивую весть? — спросил с притворным гневом хан. — Почему вы не схватили этого человека и не посадили его на кол, армяне? Это — ложь! Вражье слово, измышление турок, с целью напугать нас. Сто пятьдесят тысяч!.. Откуда? Султана взяли за глотку сербы и мадьяры. В Эрзеруме едва наберется десять тысяч войска.

— Слухи из достоверных источников, хан! — сказал монах Григор.

— Не верь им, кешиш-баба! Ваши опасения совершенно напрасны! — воскликнул хан, а сам подумал: «У них неладное на уме. Услышали об опасности и хотят спасаться. Не иначе. Хотят оставить меня одного. О наивные гяуры, ваша хитрая собака не проведет и паршивой персидской лисы».

— Вай, вай, вай!.. — продолжал он вслух. — И как вы могли поверить в такую нелепицу? Да будет вам ведомо, достойнейшие мужи, султан подписал с Тахмаз шахом мирный договор! Да воззрит аллах благостным взором на шаха! Дни афганца Мир Махмуда сочтены. Он потерпел поражение от шахских войск.

Султан поклялся в храме Айя-София, что останется другом персиян. Только, ради аллаха, никому об этом не говорите!.. Это пока тайна.

Хан говорил очень уверенно и твердо. Затем он умолк, довольный мыслью о том, что армяне не могут не поверить его бахвальству. В душе Мирали смеялся над своими гостями. Да и мог ли он сказать им правду? Что, мол, да, турки собрали в Эрзеруме огромную армию и им помогают французы и англичане; что султан решил стереть с лица земли сефевидскую династию. А в храме Айя-София клялся вовсе не в верности персиянам, а обещал привязать шаха Тахмаза к лошадиному хвосту и пустить коня в галоп. Можно ли сказать, что и сам Мирали в великом страхе, что он уже уложил свои сокровища, намереваясь при появлении турок немедленно бежать от них. Сказать обо всем? Ну нет! Не лишился же он рассудка! Не сегодня-завтра турки придут под стены Еревана. Мирали сам возбудит их против армян. Он скажет им: «Это армяне ведут на вас урусов, единоверные братья-турки! Накажите армян». Пусть войска султана хоть на части разорвут Ереван. Ему-то что! Пусть зверь султан насытится богатствами армян, армянской кровью. Зато Мирали спасется от беды… Ему не впервой…

— Будьте спокойны, друзья! — убедительным тоном наставлял своих гостей хан. — Вчера к нам приезжал человек от шаха. Шах обещает добавить нам пятидесятитысячную армию для охраны Еревана. Не затем ли ваш католикос отправился в Тавриз? Вчера он был у меня. Я проводил его со славою и почетом. Католикос, я уверен, приведет это войско. Мой брат тоже собрал двадцать тысяч войска. И он уже в пути. Придет также хойский хан с тридцатитысячным войском. И если султан, не приведи аллах, имеет против нас злые намерения, тогда мы противопоставим его войску стотысячную армию и, заключив союз с урусским царем, навлечем на турок и урусские войска.

— Уста твои подобны храму, великий хан! — в доверчивости воскликнул монах Григор.

— Выкиньте из головы свои подозрения, армяне! — сказал Мирали.

— Можно бы и выкинуть, — покачал головой паронтэр, — только нельзя

туркам верить до конца. Вот если бы ускорить приход шахских войск…

— Это верно, — согласно закивал хан, радуясь, что легко уговорил армян. — Затем-то ваш католикос и поспешил в Тавриз. Шах выделит войско, и вместе с католикосом оно прибудет в Ереван. Тахмаз никому не уступит этот город. Ереван — ворота Персии.

— Извини меня, но у некоторых из наших людей есть подозрение, как бы вы не покинули нас в беде, если придут турки.

— Пусть съедят меня черви в преисподней, коли такое может случиться! — воскликнул хан с таким искренним волнением в голосе, что паронтэр Ованес даже пожалел о сказанном.

Хан поднялся, вынул из-под шитой серебром накидки коран, приложил его ко лбу, потом поцеловал золоченый переплет и еще более взволнованно сказал:

— Пусть ляжет проклятие на меня и на весь мой род, если в моих словах есть хоть на волос лжи. Пусть этот коран ослепит моих детей, меня и моих братьев, если я покину вас, оставлю одних без помощи!

— И мы клянемся, хан! — поднялся с места князь Хундибекян. — Клянемся, что единодушно, вместе с тобою встанем на защиту нашего города.

— Это так, да! — воодушевился и монах Григор.

Хан накинул на плечи пурпуровую мантию, пригласил гостей в столовую, обнял паронтэра за плечи и, окончательно успокоив ласкою и любезностью, повел к завтраку. Стол уже ломился от яств.

Через два часа хан провожал своих гостей до самых ворот, — честь, которую он оказывал далеко не всем.

— Что скажешь, святой отец? — уже в экипаже спросил паронтэр.

— Он был искренен, я верю ему! — сказал монах.

— Я тоже. Итак, каким будет наш ответ посланцу Давид-Бека?

— Прежде всего, он не должен знать, что мы были у хана.

Стоя на балконе, Горги Младший с удивлением смотрел на теснившуюся на площади толпу. Между двумя парами скрещивающихся столбов был туго натянут длинных канат. И по нему с головокружительной быстротой из конца в

конец бегал канатоходец. Он был очень странно одет. На груди и на рукавах висели мешочки, какие бывают у гадальщиков, и колокольчики. Кафтан на нем был ярко-красный и короткий. Пестрые штаны плотно облегали ноги, а остроконечная шапка напоминала петушиный гребешок. Держа в руках длинный шест, канатоходец ловко подпрыгивал; цепляясь за канат то одной, то другой ногой, свешивался вниз головой, ползал на спине. Толпа пугалась, дружно ахала. Не меньше других удивлялся, в испуге подскакивал и Горги Младший. Никогда еще он не видел подобного чуда. Человек это на канате или сатана?

А внизу с длинным бычьим хвостом бегал похожий на чудище шут: с острыми рогами, с медвежьей мордой и козлиной бородой. На власяном кафтане его были нацеплены собачья лапа, лошадиные зубы, свиные клыки и еще какие-то нелепые предметы. Шут становился порой на голову и, раскинув руки, кружился на месте. Но больше он бегал как бешеный и то блеял козленком, то мяукал, то лаял. А зурначи тем временем надрывались так, что, того и гляди, щеки лопнут. Грохот большого барабана резал ухо.

Канатоходец начал танцевать под музыку. Шут завертел вокруг головы бычий хвост и стал бросаться на зрителей. Одного он целовал в бороду, другому вскакивал на плечи и затем пролезал между ног, третьему карабкался на спину. А после всего собирал дары и выкрикивал:

— Красильщик Гарсеван дал три монеты, а кривой Погос только одну…

Шуточки так и сыпались, толпа довольно гоготала.

Горги Младший был целиком поглощен этой картиной, когда услышал голос толстухи служанки:

— Вот бедняга, прости его господи!..

— За что прощать-то? — спросил Горги.

— Э-эх! — Женщина перекрестилась. — Не видишь разве? Он же канатоходец, — значит, богом наказан. К нему во чрево влез дэв. Вот и будет теперь так плясать сорок лет, пока дэв не подохнет. Жалко мне его!.. Не приведи, господь, такого несчастья, уж лучше станем твоими псами, но избавь

нас от зла.

— Как это он так ловко держится на канате, не падает?

— Святой Карапет поддерживает его, сын мой. Султан Му́ша, святой Карапет[53]. Канатоходец и сам святой. Вечером отведут его в дом священника, вымоют ноги, а воду раздадут всем припадочным и лунатикам. О господи, прости нас, грешных!

Горги выпучил глаза от удивления и некоторого ужаса, но вместе с тем ему захотелось спуститься в ограду церкви и поближе посмотреть на святого. Но именно в этот миг он вдруг услыхал за спиной мощный голос Тэр-Аветиса:

— Э-эй, кто тут есть?

Тысяцкий стоял на пороге, невыспавшийся и злой. Служанка заторопилась и побежала на кухню.

— Что, в этом доме все умерли? — крикнул ей вслед Тэр-Аветис.

— Не открывай уста для хулы, язычник! — завизжала служанка. — Паронтэр пошел в церковь, а его братья на базаре. Смотри, куда поднялось солнце. Это только ты в такую пору спишь, как медведь.

Служанка выпалила всю тираду одним духом и, с шумом захлопнув дверь, скрылась с глаз.

Во двор вошли Ованес Хундибекян и монах Григор. За ними следовали все, кто прошлым вечером держали совет.

— Благослови, отче! — поднявшись на балкон, приветствовал Тэр-Аветиса паронтэр.

— Благословит господь!.. — пробурчал Тэр-Аветис.

Прошли в дом. Ереванцы были безмолвны и понуры.

Тэр-Аветис сразу понял, в чем дело.

— Ну? — спросил он сердито.

— Народ не хочет уходить из города, — чуть помедлив, заговорил Хундибекян. — Католикос отправился к шаху. Посмотрим, какую он привезет

---

[53] Святой Карапет — Иоанн Креститель. Считается у армян покровителем искусств. В его честь в древности воздвигнут в Муше монастырь. Поэтому Иоанна Крестителя называют в народе султаном Муша.

весть. Трудного ты требуешь, невозможного, Тэр-Аветис. У нас дети, дом, имущество… Надо хорошенько подумать. Может, потом…

— Замолчи, довольно! — не дав паронтэру договорить, прогремел Тэр-Аветис. Да так, что зазвенели оконные стекла.

Ереванцы посмотрели на него с бешенством. Даже Горги в душе осудил неуважительность Тэр-Аветиса. «Теперь уж ереванцы наверняка набросятся на нас, — подумал юноша, — будут требовать удовлетворения».

Но Тэр-Аветис не унимался:

— Итак, Мирали хан окрутил ваши головы? Плакал, словно Ирод перед святым Карапетом? И, точно, как тот, потом обезглавит вас? А вы только того и ждете, чтобы поддаться обману!

Паронтэр вздрогнул. У монаха Григора задрожали губы. Откуда этот священник-тысяцкий узнал, что они были у хана?

— Выходит, лживые речи этого порочного хана — бальзам на ваши души? И отныне уж не он вам враг, а Давид-Бек? Ну что же, гнушаетесь добрым советом, так погибайте, обратитесь в прах! Безумцы! Бабы!..

Тэр-Аветис и сам точно обезумел, так он рассвирепел.

— Пусть турки придут и вырежут вас. Вы так беспечны и ленивы, что заслуживаете этого. Но народ? Дети и женщины? Да падет грехом на ваши головы их горе! — Ударив ногою об пол, он смачно сплюнул и выскочил из комнаты.

Только во дворе нагнал его Ованес Хундибекян.

— Тэр тысяцкий, — кричал князь, простирая руки, — вернись! Бога ради, вернись!..

— Не подходи! Я вспорю тебе живот! — исступленно зарычал Тэр-Аветис и удалился.

Он не шел, а летел как вихрь, задыхаясь при этом от гнева. Горги Младший едва поспевал за ним. Скоро город остался позади. До Норка шли молча. Горги удивлялся, почему ереванцы не накинулись на Тэр-Аветиса, не потребовали удовлетворения за оскорбление.

В Норкском ущелье шумел поднявшийся от таяния снегов Гетар.

— Пистолет с тобою? — не оборачиваясь к Горги, спросил Тэр-Аветис.

— Со мной.

— Видишь, кто впереди?

По дороге из ущелья медленно спускались два персидских всадника. Один из них что-то объяснял второму.

— Как сойдемся поближе, я заговорю с ними, а ты возьмешь их лошадей под уздцы, — тихо распорядился Тэр-Аветис. — Да держи покрепче. Я буду стрелять. Лошади нам сейчас очень кстати. Поскорее вернемся домой.

Горги кивнул в знак согласия.

Персы приблизились. Они были вооружены копьями, ружьями и длинными саблями. Тэр-Аветис стал посреди дороги и поклонился.

— Салам, братья-воины! — дружелюбно приветствовал он персов. — Да будет добрым ваш путь. Не скажете ли, какая дорога ведет в Баш-Гарни? Я с письмом от хана к наибу Баш-Гарни…

Горги Младший с готовностью покорного слуги взял под уздцы лошадей. Персы сочли это за великую честь.

— Вон в том направлении держите путь, — начали объяснять они, повернувшись в седлах.

У Горги загрохотало в ушах. От выстрелов лошади так взметнулись, что он повис в воздухе. Один из воинов упал ему прямо на голову. У парня искры посыпались из глаз.

— Приди в себя, — крикнул Тэр-Аветис, — крепко держи лошадей!

Тысяцкий стянул с седел убитых и бросил их в реку.

— А ну, влезай! — распорядился он с удивительным хладнокровием, указав на коня.

Седло было еще теплое. Горги Младший рванулся вслед за Тэр-Аветисом. Помчались в сторону Гегаркуника. Им предстояло берегом Севана достигнуть гавара Сот, перейти через хребет Варденис и у истоков Воротана спуститься в Сисакан.

— Зачем ты бросил трупы в реку? — после долгого молчания отважился спросить Горги.

— А как же иначе? Мы ведь встретили их поблизости от Норка. Обнаружили бы их и обвинили невинных йоркцев, — ответил Тэр-Аветис. — Человек должен жить так, чтобы даже тенью своей никому не заслонять солнца…

Горги Младший не без удивления взглянул на тысяцкого. Что он за человек? Только что навсегда затмил солнце двоим и вдруг говорит так, словно всю жизнь только иконы расписывал и никому даже носа не раскровенил…

Одинокая могила

В густых ветвях пшатового дерева закурлыкал фазан. На тополе захлопал крыльями аист. Синий туман стал блекнуть. Из-за кустов вышла Арусяк, робко огляделась вокруг, оправила на себе одежду и перешагнула через канаву. Мовсес крикнул вслед:

— Вечером опять приду, моя голубка.

— Я буду ждать, — ответила Арусяк и исчезла в предрассветной тьме.

Скоро хлопнула дверь ее убогой лачуги. Мовсес с наслаждением потянулся и глубоко вдохнул. Что это? Благоухание пшатового дерева? Или аромат молодого тела Арусяк наполняет окрестность? Не лопнуло бы сердце от счастья!..

Аист полетел в камыши на берегу Аракса… Мовсес посмотрел на небо. Светало. Из дупла векового дуба он достал книжицу. Это был Нарек[54].

Мовсес взял его с собою еще с вечера. Хромой чужеземец попросил почитать над изголовьем больного сына. Мовсес очень скоро нашел чужеземца.

Никогда не читал он с такой теплотой.

---

[54] Нарекаци Григор — гениальный средневековый поэт Армении; был причислен к лику святых. Его песни, по поверью, приносили исцеление больным.

Вагаршапат уже пробуждался, медленно, лениво, словно заспавшийся буйвол.

Мовсес остановился у монастырских ворот. Не успел он постучаться, как услыхал за собой топот вихрем несущегося коня. Инок во всю силу заколотил в калитку. Кто знает, кого нелегкая несет, надо поскорее убраться.

— Кто там? — послышался с другой стороны ворот недовольный голос.

— Это я, Мовсес! Открой, брат Ваган!

Калитка скрипнула и раскрылась. Мовсес переступил ногой и тут почувствовал у затылка горячее дыхание лошади. Он невольно обернулся. Высокого роста воин, соскакивая с седла, чуть не налетел на Мовсеса.

— Не закрывайте! — крикнул он, запыхавшись. — Я из Лори.

Мовсесу почудилось недоброе. Воин был армянин, в островерхой шапке, в красном суконном кафтане.

Вошли во двор храма. Всадник опустился на колени, снял шапку и трижды приложился к месту святого пришествия[55].

— Проводите меня к католикосу, — сказал он, вставая.

— Католикос на время покинул святой престол, — ответил Мовсес.

— Только этого не хватало! — крикнул воин. — Ведите к местоблюстителю, к черту, к дьяволу! Будите всех, звоните в колокола, турок идет!..

Привратник закрыл калитку. Мовсес побежал в вехаран и разбудил местоблюстителя католикоса вардапета Овасапа. Ничего не понимая, тот зло посмотрел на Мовсеса:

— Почему весь в пыли? Что случилось?

— Был в деревне, святой отец, читал Нарек над больным.

— Умер он, что ли? Чего ты такой встрепанный?!

— Турки идут!..

---

[55] По преданию, Григорий Просветитель (приведший армян еще в начале IV века н. э. к принятию христианства) будто бы видел, как разверзлось небо и на землю сошел Христос. На этом месте был воздвигнут первопрестольный Эчмиадзинский храм, один из древнейших памятников христианской культуры. «Эч» — значит по-армянски «сошел», «миацин» — «единородный». Отсюда название Эчмиадзина.

— Что? — Рука вардапета повисла в воздухе. — С ума не сошел?

— Гонец ожидает во дворе, святой отец. Из Лори. Прикажешь впустить его?

— Приведи, да скорее!

Лориец приложился к дрожащей руке вардапета и выпалил одним духом:

— Кёпурлу Абдулла паша вступил в нашу страну. Он идет на Ереван. Его паша Реджеб с двадцатью тысячами янычаров осадил Лори. Наши заперлись в крепости. Сражаются. Мелик послал меня дать вам знать!..

— Куда они продвинулись? — спросил вардапет.

— Передовые полки я видел на Спитакском перевале. Едва спасся от пленения…

Десять молодых монахов потянули веревку от колокола кафедрального собора. Тревожный звон раздался в предрассветной тишине. Малые колокола, подобно плакальщицам, завторили зловещему карканью большого колокола. Монахи высыпали из келий и с шумом собрались перед собором. Говорили между собою, что-то кричали. Перезвон колоколов заглушал все, не давал ничего услышать. Весть молниеносно облетела Вагаршапат. Крестьяне сгрудились перед запертыми воротами монастыря.

— Эй, откройте! — требовали они.

— Зачем послали католикоса в Тавриз?..

— Кто теперь наш глава? Что нам делать?..

В Вагаршапате поднялась паника. Сняли все украшения со стен кафедрального собора. Оголили и вехараи. Священные сосуды, утварь господню, пожалованные царями и нахарарами золотые и серебряные украшения — всё вынесли, чтобы спрятать в тайниках.

Из монастыря верхом на лошади выехал вардапет Овасап. Его сопровождал, тоже на коне, один лишь монах Мовсес. Толпа завопила.

— Говори, святой отец, — потребовали люди, — правда ли, что турок на подходе?

— Известие не ложно, — глухо сказал вардапет. — Турки идут на нас.

Крепитесь духом. Я еду в Ереван, к хану. Господь не оставит нас без помощи.

— Зачем ты едешь к хану? — крикнул молодой крестьянин с непокрытой головой. — Когда это персияне стояли за нас? Поезжай лучше к Давид-Беку или к русским, святой отец! Пусть они придут нам на помощь, возьмут под свое покровительство!

— Да, да, спеши к Давид-Беку! — просили со всех сторон.

Но вардапет уже не слышал криков. Он пустил коня вскачь и выехал из Вагаршапата. У родника Мовсес приметил Арусяк. Она спускалась с кувшином по воду. Неожиданно оглянулась и, увидев Мовсеса и вардапета, поспешила скрыться в тени инжирового дерева. «А вдруг больше не увидимся? — подумал Мовсес. — Ведь турок идет, и Арусяк могут пленить! Надо увезти ее! — решил он наконец. — И сейчас же! Усадить в седло и ускакать! — Но, взглянув на скачущего впереди Овасапа, содрогнулся: — О дьявол! Арусяк ведь крепостная монастыря… Проклянет. И это еще не все; пошлет за мной в горы людей. Не пощадит. Велит прирезать и меня и Арусяк. Так поступили с монахом Даниелом, который бежал в Апаран к дочери Огана и стал там крестьянствовать — пахал, завел быка, корову. В один прекрасный день Даниела нашли в поле убитым. Он был зарезан.

У вардапета Овасапа глаз острый и когти, как у барса… Эх, Арусяк…»

Не прошло и часа, добрались до Еревана. О наступлении турок здесь еще ничего не знали. Люди мирно занимались своими делами. Пчелы кружились над цветущими тутовниками и сиренью. В канавах, что тянутся вдоль улиц, неподвижно стояла покрытая ржавой плесенью вода. Изредка то из одной, то из другой калитки выходили женщины и, опустив в канаву деревянные черпаки, набирали воду.

Всюду царило запустение. Грязь и зловоние били в нос. В воздухе носились стаи желтых комаров, шмелей и мух.

Неподалеку от базара проходила свадебная толпа. Зурначи тянули протяжную мелодию. Впереди всех с подносами, на которых высились горы разных сладостей, шли молодки. Тут же толпились дети, и они, конечно,

страшно шумели. Перед распорядителем свадьбы кружилась «лиса» — так называли сваху — с пестрыми платками в руках. Два старика подносили встречным нищим вино. Женщины доставали из карманов своих сборчатых платьев сушеные фрукты и раздавали их детям. Те стремглав бросались на добычу, вырывали фрукты друг у друга.

Всадники проехали мимо свадьбы.

— Бедные люди! — сказал Мовсес, смахнув навернувшуюся слезу.

Сердце его разрывалось при мысли о том, что ждет весь этот люд, что будет с ним…

Вардапет сделал вид, что не слышал его. Они проехали базар и направились по дороге, ведущей в крепость. Это очень удивило Мовсеса.

— Святой отец, куда мы едем? И почему ты не даешь ереванцам знать, что сюда приближается турок?

— Это не твое дело! — зло бросил Овасап.

— Значит, позабыв о несчастной пастве, ты торопишься к хану? — крикнул Мовсес и придержал лошадь. — Вернись, святой отец! Вернись к ереванцам, и вместе с ними подумаем, что нам делать. Не езди к хану, это… не принесет пользы…

Вардапет с гневом посмотрел на него и громовым голосом прогремел:

— Заткни свою непокорную глотку, нечестивый! Не то…

— Не пугай меня. Не ты заткнешь мой рот! — взорвался Мовсес. — Сотни людей пришли сегодня во двор монастыря. Почему ты не вооружил их, не подготовил к бою? Зачем это, бросив свой народ, спешишь к персу Мирали хану? Ищешь безопасного убежища? Для себя одного? Я понял тебя. Католикос покинул страну и народ, удрал ко двору шаха Тахмаза, спасая свою голову, а ты спешишь к Мирали? Не мне, а вам надо заткнуть глотку!

Вардапет в бешенстве поднял плеть:

— Я вырву твой язык с корнем, мятежник!

— Руки коротки, вардапет, — усмехнулся Мовсес. — Нет у вас совести перед богом и людьми, бездушные! Обрекаете народ армянский на гибель, да

еще угрожаете его воину.

Вид у Мовсеса был таким гневным и угрожающим, что вардапет не решился хлестнуть его поднятой плетью, только раскрывал и закрывал рот. А как увидел, что Мовсес потянулся за спрятанным на груди оружием, жалобно взмолился:

— Удались от меня!

— Удалюсь, святой отец, а ты ступай к хану и спасай свою шкуру ценой сокровищ Эчмиадзина и крови народа. Только помни, вардапет Овасап, не будет тебе счастья! Ну, да поживем, увидим.

Мовсес повернул коня назад к базару. Овасап поспешил к крепости. На базаре Мовсес поднял коня, перемахнул через груды моркови и редьки и, врезавшись в толпу, крикнул, сколько хватало сил в голосе:

— Турки идут, эй, народ армянский! Подумайте о себе…

Шум и клокотание людской толпы смолкли тотчас. Но тишина длилась только мгновение.

Вдруг базар заголосил на тысячу ладов. Толпа бросилась на Мовсеса, и его лошадь оказалась в тесном кольце. Красильщик Карчик Ованес, который пришел сюда, чтобы купить дубленую кожу, схватился за кушак Мовсеса и попытался сорвать его с седла.

— Отрежу твой язык, если сказал неправду!

— Братья! — не обращая внимания на угрозы красильщика, крикнул Мовсес. — Клянусь ликом Христа, сегодня в Эчмиадзин прибыл вестник из города Лори! Турки идут, господь свидетель. Мирали хан и святые отцы Эчмиадзина скрывают это от вас. Вон вардапет Овасап полетел в крепость, чтобы спасти свою голову, а католикос бежал в Тавриз. Не будьте беспечными, подумайте, как вам быть. Спитакский перевал чернеет от турецких войск.

— Ворона, ворона! — закипел Карчик Ованес. — Накаркал-таки на землю Армянскую, о, чтоб его… а ну-ка, инок, следуй за мной!

Он взял лошадь Мовсеса под уздцы и с большим трудом вывел ее с базара.

Лавки тотчас позакрывались. Дубильщики кож и кузнецы погасили огонь в

горнах. Коробейники собрали свою рухлядь. Женщины подняли вой. Скоро базар опустел.

Мовсес спешился. Карчик Ованес поставил его лошадь в свою конюшню, и они пошли в церковь святого Саркиса. Подойдя к звонарю, Карчик велел ему звонить в колокола. Первым на тревожный перезвон явился вардапет Григор. Двор церкви и соседние переулки наполнились людьми.

Мовсес выбился из сил, по сто раз повторяя то, что он знал, но заговорил снова, когда вместе с князем Ованесом Хундибекяном подошли городские вельможи.

Горестная весть мигом разнеслась по городу, дошла до последнего нищего. Тревожный звон колоколов походил на карканье коршуна. Даже дети, до того беспечно резвившиеся на улицах и во дворах, притихли. Помирились и те, кто сворачивал друг другу скулы из-за разбитой бабки. Дотоле гневавшиеся на невесток старухи свекровушки, сразу забыв о своих притязаниях, прижимали к глазам края фартуков и с сочувствием смотрели на молодух.

Все будничные заботы, раздоры, вражда, все отошло на задний план перед лицом страшной беды.

Вардапет Григор и Ованес Хундибекян направились к хану. К ним присоединились священнослужители города, богатейшие купцы, старшины ремесленных общин.

В крепости тоже было беспокойно. У казарм большими и малыми группами толпились персидские воины: чистили оружие, смазывали его жиром, чинили колчаны.

Персияне, как обычно, приветливо встретили армян.

Наиб сказал, что хан ждал их и скоро выйдет в приемную.

Армяне попросили провести их пока к вардапету Овасапу.

Словно бы обернувшийся статуей, Овасап ответил на приветствие горожан едва заметным движением губ.

Паронтэр Ованес упрекнул его:

— Ты слышал весть о бедствии и проехал мимо, не сообщил нам ни о чем,

святой отец!..

— Всякий бережет свою голову! — зло буркнул вардапет.

— То-то и оно! — разгорячился паронтэр. — Выходит, в Эчмиадзине только так и думают! Ну, что же, ступайте, падите к ногам турка, примите магометанство! Спасайте свои головы!

— Будет нужда, и сам пойдешь, — процедил вардапет.

Скоро вышел Мирали хан. Он призвал армян к спокойствию. Поклялся на коране, что не оставит их в беде.

— Не бойтесь турок! — сказал хан посланцам армян. — Шах Тахмаз и ваш католикос с большим войском приближаются к берегам Аракса. Они будут в Ереване еще до того, как турки дойдут до Апарана. Возвращайтесь к себе и будьте готовы к приему шаха и католикоса.

Делать было нечего. Посланцы армян возвратились в город. Надо готовить народ, собирать ополченцев в отряды. Ясно, что им придется защищать свой город.

Мовсес решил вернуться в Вагаршапат за Арусяк. В душе у него все перевернулось после того, что он видел и слышал в Ереване. Все построено на лжи. Мирали хан обманул вардапета Овасапа, а Овасап в свою очередь обманул наивных ереванцев, что вот, мол, придет шах и защитит их. «Как только верят этим обманщикам? — мысленно удивлялся Мовсес. — И что это за мир, что за страна!»

Он не зашел в монастырь. Там все было ему ненавистно и отвратительно. К тому же не мешает поостеречься злых козней вардапета Овасапа.

Мовсес послал к монаху Вагану знакомого юношу с просьбой переслать ему медный крест и Нарек. Тот скоро вернулся, исполнив поручение.

Нарек Мовсес спрятал на груди, а крест долго держал в руках и думал: «Столько сотен и тысяч людей целовали эту холодную медь, с верой, что крест спасет их тело и душу. Прости меня, господи, но как же они заблуждались, как бесконечно заблуждались и заблуждаются доныне! Приди в себя, мой несчастный армянский народ, все-то тебя обманывают!»

Мовсес вспомнил, как верующие целовали руки и полы одежды вардапета Овасапа, а тот при этом с волчьей жадностью смотрел на молодых женщин и нещадно бил плетьми монастырских служек. Как-то даже облил крепостного, который пытался бежать из монастыря, кипятком.

В душе Мовсеса изо дня в день копилась неодолимая ненависть к монастырю, к тупоумной монастырской братии, ко всему, что освящалось веками. Страшные мысли будоражили его душу, потрясали все существо. А сейчас ярость инока дошла до предела. Особенно когда он вспоминал, как вардапет Овасап, со слов Арусяк, обещал ей три золотых, если она согласится остаться на ночь в его келье…

Вот и лачуга Арусяк. Ее нет дома. Пшатовые деревья утратили былое благоухание.

Нужно ждать. Арусяк непременно придет.

И она пришла. Мрак уже ложился на Араратскую долину. Мовсес вошел вслед за ней и обнял любимую, поцеловал ее в завитки на затылке.

— Я думала, ты уже не придешь, душа моя. Овасап еще не вернулся. Приедет — несдобровать мне, — сказала Арусяк и с тревогой посмотрела на Мовсеса. — Господи, как же мне тошно оставаться в монастыре. Не могу больше. Эконом сказал, что этой ночью будет большая стирка. Я не послушалась его, ушла. Как увидела тебя тогда скачущим вслед за вардапетом, голову потеряла, думала, уехал и никогда больше не увижу!..

Во дворе нежно шелестели пшатовые деревья. Свет звезд падал на ветки, освещенные листья словно свечки мерцали во мраке. Ночь была на исходе.

— Бежим! — сказал монах. — Я приехал за тобой!

— Прольется кровь, Мовсес. Беги один. Овасап не простит тебя. Не хочу, чтобы кровь твоя пала на меня! Так и быть, оставь меня в пасти волка, беги один…

— Мы должны быть вместе! И здесь, и на том свете.

Мовсес обнял ее. Арусяк прижалась к нему. Он поднял ее на руки, вышел из лачуги и перепрыгнул через канаву.

— Я боюсь, Мовсес. Страх перед дэвом Овасапом преследует меня. Надо торопиться, чтобы он не настиг нас. О господи, и почему человек не имеет крыльев? Почему?

— Имел когда-то! Человек имел крылья, но бог обрезал их.

Мрак поглотил влюбленных. Все вокруг было пустынно.

Зловещая тишина затаилась, словно дьявол в западне…

До Севана Тэр-Аветис и Горги ехали безлюдными горными тропами. Торопились добраться до места засветло. С седловины Гегамского хребта вдруг открылся вид на озеро. Тэр-Аветис облегченно вздохнул и спешился.

— А есть у нас счастье, Горги! — сказал он. — Лошади-то оказались стоящие. Слезай, промнемся немного. Круто здесь очень. Верхом не одолеешь.

Горги не шевельнулся. Он как завороженный смотрел на волшебные переливы севанских вод.

Солнце вынырнуло между двух вершин и окрасило облака. Засверкали они так, словно опаленные лиловатым пламенем, рвущимся из тонира.

Озеро каждый миг менялось в цвете. И путники не уставали любоваться им.

Когда солнце уже было в зените, Тэр-Аветис и Горги ступили на берег Севана. Тысяцкий тут же разделся до пояса.

— Полей-ка мне, Горги, на спину. Такой водой и Христос не крестился!

Горги пригоршнями стал обливать его крепкую, как обломок скалы, спину, а тысяцкий только отфыркивался с наслаждением.

Задали корм коням — благо еще от персов в хурджине остался, — а затем, устроившись на камнях, перекусили и сами, хлебом да сыром.

Дальше путь их лежал на восток, мимо безлюдных храмов и деревень. Временами Тэр-Аветис подгонял коня к какому-нибудь придорожному хачкару и, остановившись, долго внимательно вчитывался в письмена.

— Как здесь безлюдно, — сказал Горги, — одни развалины.

— А были некогда славные села, — вздохнул тысяцкий. — Проклятый шах Аббас все уничтожил и народ согнал с насиженных мест: кого в полон увели,

кого поубивали. Больше ста сел имел гавар Гегаркуник, а сейчас и двух-трех не насчитаешь.

К Варденису доехали под вечер. Снег здесь сошел недавно, и потому трава еще не покрыла землю. Дул холодный ветер. Маленькая горная речка сияла прозрачностью и чистотой.

— Тут мы и заночуем, — сказал Тэр-Аветис, — а утром пораньше перемахнем через перевал…

В лучах заката вырисовывался купол полуразрушенной церкви, вокруг лепились дома — не дома, скорее нечто вроде землянок. Из одной к небу вилась тонкая струйка дыма. Путники двинулись на этот дымок.

— Эй, армяне-христиане, примите переночевать, — прямо с коня возгласил Тэр-Аветис и, не дожидаясь ответа, бросил уздечку Горги Младшему, спрыгнул и толкнул дверь землянки.

В помещении было дымно. Пламя в очаге поднималось к отверстию в крыше, к ердику. Дым ударил Тэр-Аветису в нос, в глаза. Он заморгал, зачихал. Но вот наконец пришел в себя и с приветствием обратился к людям, что сидели полукружием поближе к огню.

— Да будет благословен сей очаг! Доброго вам вечера, армяне!

— Пусть будет благословен, тэр священник! — сиплым голосом ответил один из сидящих.

Тэр-Аветис присмотрелся к людям и ужаснулся — они скорее напоминали призраки. Полунагие, бескровные, истощенные — кожа да кости. Одни глаза на лицах: испуганно бегают, словно беды ждут. И все до единого — дряхлые старики.

В немом ожидании они уставились на пришельцев. Над очагом дымился котел. «Обед варят, — не без удовольствия отметил Тэр-Аветис, — не мешает горяченького поесть».

— Присаживайся, тэр священник, — предложил старец с черной повязкой на глазу, — грейся.

Он подтолкнул рядом сидящего и освободил гостю место. Тэр-Аветис

присел на корточки и протянул руки к огню.

— А где же ваша молодежь? Дети где?..

— Все там, — подняв костлявую руку к небу, ответил одноглазый. — Только кости остались!.. Кости. И от них, и от нас. А зачем остались, наши-то? Вот ты пока еще человек, зверем не стал, а к тому и священник. Скажи, зачем мы остались жить? Всех собак перебили, а нас оставили… Из ружей стреляли. Целая сотня с рассветом нагрянула — люди Мирали хана. А через час все было кончено… Хоть бы собак с нами оставили, мы бы ели их, божьи твари ведь, рты имеем… И людей все больше на месте кончали, а кое-кого в полон погнали.

Старцы заохали, завздыхали, а кто и заголосил.

— Зима была лютая, — продолжал одноглазый. — Снегу по колено. В пути небось все наши и сгинули. Говорят, вся дорога до Котайка усеяна трупами… Все погибли. Одно воронье вот еще дышит. Не воронье, а волки или, может, скорее совы. Совы на развалинах…

У Тэр-Аветиса от горя и сострадания все внутри сжалось. А старцы уже голосили во всю свою малую силу и рвали волосы на голове. Что-то звериное было в облике этих изголодавшихся людей.

Горги, встревоженный доносившимися воплями, вбежал в землянку — уж не случилось ли чего с Тэр-Аветисом!..

А тысяцкого вдруг осенило. Он подошел к котлу, поднял крышку и тотчас опустил ее. В котле плавали редкие соломинки и зеленые стебельки чахлых побегов.

— Горги! — заорал он. — Тащи хурджины!

Тот выскочил и через минуту вернулся с хурджинами. Тэр-Аветис высыпал их содержимое перед старцами и с горечью сказал:

— Где ты такое видал, Горги? Солому варят!..

Они вышли во двор. Было еще темно. Оседлали коней и снова пустились в путь. В расщелине гор, выставив свой рог, бесстрастно сияла луна.

Ужасная ночь…

Светало. Вдоль тропинки по обеим сторонам переговаривались листья тополей. В ущелье лаяла собака. Ей вторили другие. Скоро совсем рассвело. В садах замелькали крестьяне — монастырские, крепостные, надсмотрщики. Продолжать путь стало небезопасно.

Мовсес потянул Арусяк в кустарник, чтобы пересидеть там день, отдохнуть.

Он смотрел на золотящееся лицо Арусяк, на белую шею, на непокорные локоны. Смотрел так, будто видел ее впервые. А какие черные у нее брови, какие алые губы, как беспокойно вздымается и опускается пышная грудь!..

При всей красе своей Арусяк казалась ему какой-то растерянной и очень беспомощной.

«Вот и жена моя, — подумал Мовсес. — Как-то примет нас Давид-Бек? Прикажет привязать меня к столбу и бить за то, что я сложил с себя духовный сан и привел жену, или снисходительно улыбнется и покачает убеленной от тяжких дум головой?» Что бы там ни было, а Арусяк Мовсес не оставит. Это он решил раз и навсегда. Пусть бьют, терзают. Иного пути ему нет. Уйдут вдвоем в какой-нибудь глухой уголок, он станет пастухом, рабом, кем угодно, но счастья своего из рук не упустит.

Он обнял Арусяк. Женщина дрожала.

— Тебе страшно, родная? — спросил Мовсес тревожным шепотом.

Арусяк спрятала голову на его груди и беззвучно зарыдала. Плечи ее судорожно вздрагивали. Мовсес прильнул горячими устами к ее локонам, глубоко вдохнул аромат молодого тела.

— Я защищу тебя от всякой опасности, дорогая! — сказал он и вдруг испугался: кто он и что у него есть во всем мире? Чем он может защитить свое счастье, свою Арусяк?

Отца потерял в раннем детстве. Мать вторично вышла замуж и взяла с собою сына. Но и в доме нового отца счастье не пришло к Мовсесу. Персияне убили отчима, а мать увели с собою в плен… Незнакомый полуслепой старый

вардапет вытащил мальчика из-под пепла и увел в монастырь Евстатев. Так и держал он его в монастыре, вдали от мира и от людей. Научил читать-писать и, оставив в наследство сундук, наполненный древними книгами, умер.

Для Мовсеса весь мир был в этих книгах, в запахе пергамента, в буквах, открывающих перед ним историю веков и язык цифр, размышления философов и тайны проникновения в глубины звезд. Потом он три года учился в Апракунисе, постиг учения древних греков и сирийцев, увлекся философскими сочинениями Григора Татеваци и Овнана Воротнеци и вернулся в Татев с репутацией многознающего человека. И опять келья, опять книги…

Так и шла его жизнь, когда он встретил Арусяк. Как он увлекся ею? Как случилось, что дыхание Арусяк стало для него дороже, чем аромат пергаментов? Этого Мовсес и сам не знал. В нем зажегся неведомый дотоле огонь, и он вдруг осознал себя обыкновенным человеком, со всеми присущими человеку желаниями: жить, любить, смотреть на мир своими глазами. Мовсес обрел в Арусяк тот мир наслаждения, о котором пусть скупо, но писали, говорили все мудрецы мира в прочитанных им книгах…

Арусяк больше не плакала. Она положила голову на колено Мовсеса и уснула. Два дня и две ночи, бедная, глотала дым в монастырской пекарне, а на третью ночь, не передохнув ни минуты, бежала с Мовсесом.

Утренняя свежесть незаметно сморила ее, и она уснула спокойным сном невинного ребенка…

У околицы села Ангехакот Тэр-Аветис придержал лошадь и остановился. Двое суток они с Горги Младшим почти не сходили с коней. Перевалив горы Варденис, спустились к истокам Воротана, немного передохнули и затем мимо развалин села Акунк[56] въехали в долину Сисакана.

Был вечер. Из сотен домов большого села Ангехакот валил дым. Узкие улицы полнились всадниками и пешеходами — это отряды ополченцев передвигались с востока к горному хребту Сисакан. Люди несли на плечах

---

[56] Старое название Базарчая.

оружие, топоры, пилы, мешки с продовольствием. Многие везли свою ношу на ослах, на мулах и на быках. Тэр-Аветис приблизился к ополченцам.

— Куда это вы путь держите, братец? — спросил он у рослого парня.

— Нашел время вопросы задавать! — недовольно пробурчал тот. — Беги ты лучше отсюда, святой отец, пока не поздно. Не то увидят тебя сотники, схлопочешь подзатыльников, да еще, чего доброго, погонят в ущелье Шахапуник. Там строят укрепления. Не посмотрят, что ты приходский священник. Приказ Давид-Бека: всем идти строить…

Вместе с крестьянами в толпе двигалось много духовных лиц и женщин. Головы некоторых были обернуты в тряпье, кое у кого сочилась кровь, — тех, кто попытался отказаться выполнить повеление Давид-Бека, не щадили.

— Начинается, — мрачно сказал Тэр-Аветис. — Народ снялся с места, Горги. Мы опоздали. Едем в Шахапуник.

Ущелье Шахапуник было узким и глубоким. С двух сторон отвесно спускались к стесненной реке скалистые отроги. Приближаясь друг к другу, они оставляли для реки совсем небольшой проход.

С высот просматривалась Араратская долина со своими садами, солончаками и болотцами. Оттуда к перевалу Шахапуник вилась длинная дорога. Она вела в Сюник.

Река Шахапуник словно озверела. Свежевыпавший в горах снег сдвинул с места глыбы старого слежавшегося снега — сдвинул в реку, и она, не вмещаясь в свое узкое скалистое ложе, с ревом и грохотом рвалась из объятий теснивших ее преград и, успокаиваясь, растекалась на равнине Нахичевана.

Был уже полдень, когда Тэр-Аветис достиг лагеря в Шахапунике. Ниже леса, среди густых зарослей, просматривались сотни палаток и неказистых шалашей, сплетенных из веток. Неподалеку от родника была разбита войлочная палатка. Тут же крутились Зарманд и несколько женщин из Дзагедзора. Они варили обед. Дым подымался по склону горы, доходил до белых снегов и растворялся в синеве неба.

Ниже, на скалах, вершинами запирающих вход в горный лабиринт,

работали сотни людей.

Горги Младший увидел свою мать, соскочил с коня и подбежал к ней.

— Ты побудь здесь, Горги, а я поищу Давид-Бека! — крикнул ему вслед Тэр-Аветис.

Мать обняла сына, смахнула со щеки слезу и уже через минуту, взяв себя в руки, с усмешкой на губах сказала:

— Вернулся наконец, мой блудный сын?

Горги не обиделся. Он знал характер своей матери. Знал ее сдержанность. Уж у кого-кого, а у нее сердце трепещет от неожиданной встречи, но перед чужими людьми она своих чувств не покажет.

— Как поживаешь, мать? Не думал я, что встречу тебя здесь, — сказал Горги, привязывая лошадь к дереву.

— Я и сама не ожидала, что в такую непогоду оставлю свой очаг нетопленным и заберусь сюда. Ну, добро пожаловать, сын мой! Видел турка или от одной только тени его убежал?

— Ах, мать, не время сейчас для шуток и упреков! Катимся в кровавое море. Вот какие дела.

— Знаю. Потому-то мы всем народом и пришли в эти гиблые места, чтобы остановить поток крови.

— Ты и Маро привела? — оглядываясь по сторонам, спросил Горги.

— Да кто же даст мне привести ее? — вздохнула мать. — Забрали у нас Маро! Хорош брат! Даже на свадьбу не поспел! Виноторговец из Аза покончил с делами и пристал с ножом к горлу: выдай Маро за моего сына, да и все тут. Что было делать? Отдала, не ожидая тебя. Завезли мою кровинушку за семь гор, ослепнуть мне! Ушла…

Горги опечалился. Кто знает, увидит ли он еще сестру? Наступали смутные времена. Аза — село дальнее, на берегу Аракса.

Вспомнил стройную, как у лани, фигурку сестры, черные, покорные глаза, тотчас наполнявшиеся слезами, стоило брату некстати пошутить или упрекнуть ее. «Теперь-то глаза Маро, наверно, совсем не высыхают от слез?..» — подумал

Горги.

— Ну что ты скис? — заметив грусть сына, ласково сказала мать. — Ничего, не бойся. Я так проводила твою сестру — все село завидовало. Приданое дала щедрое, угостила всех на славу. И зурначи были. Не печалься, все сделала по-людски.

Сказала и склонилась над костром, чтобы никто не заметил навернувшихся слез. А спустя немного времени не утерпела, потащила сына в палатку, усадила и подала ему мяса. Достала из узелка бутыль с вином.

— Это вино со свадьбы Маро. Сохранила его для тебя. Дома много. Пей, сынок! Пей, согреешься!

Горги поел, выпил вина и, подложив ладонь под голову, уснул как убитый — устал после долгой дороги.

Пробираясь сквозь ряды палаток и шалашей, Тэр-Аветис добрался до входа в ущелье. Длинная дорога поначалу проходила в глубине ущелья, образуя параллельную реке узкую, вьющуюся ленту, затем круто взбиралась вверх, бесконечно петляя в скалах, на вершинах которых воины сооружали рвы, маскируя их в естественном обрамлении кустарников и молодого дубняка.

Народу тут было видимо-невидимо. Одни носили камни, другие из лесу волокли огромные бревна.

Тэр-Аветис увидел Давид-Бека на краю ущелья. В числе других восьми человек он нес на плечах длинное толстое бревно. Из лесу слышался беспрерывный перестук топоров, крики и ругань.

Давид-Бек быстро переставлял ноги. Тэр-Аветис подбежал и, стремясь облегчить ношу Бека, подставил свое плечо.

— Когда приехал? — спросил Давид-Бек таким тоном, будто вчера с ним расстался.

— Только что, — ответил Тэр-Аветис. — Ну и работку ты себе нашел, — добавил он, покачав головой. — Не сердись за мои слова, но неужели дело не сладится, если ты не будешь таскать на плечах эти бревна?

— Не разглагольствуй, — буркнул Бек. — Я вот и тебя заставлю

поработать! Будешь знать, каково необъезженному бычку впервой в упряжке.

Бревно наконец опустили на краю обрыва. Бек расправил затекшее плечо, стряхнул с себя пыль, стер ладонью пот со лба и сел. На руках у него были царапины, с большого пальца струйкой стекала кровь.

— Ну как? Принимаешь нашу работу? — спросил Давид-Бек.

— Не понимаю, для чего эти груды камней и бревен? — вздернул плечами Тэр-Аветис.

— Ах, не понимаешь? Тогда пойдем, покажу.

Бек поднялся, подошел к обрыву и заглянул вниз. В глубине глухо рокотала и пенилась река. У Тэр-Аветиса слегка закружилась голова. Бек толкнул ногою небольшой камень… Тот с грохотом покатился вниз, увлекая за собой десятки других камней… На вьющейся внизу дороге поднялась пыль. Ущелье загремело так, как будто разверзлись скалы.

— Видел? — с детской радостью спросил Бек. — Ну? Каково?

— Умно задумано! — одобрил Тэр-Аветис.

— Эх, друг! Бог одной рукой обездолил армян, другой — наградил. У нас такие горы! Они некогда поглотили даже хваленые римские легионы! Горной войной мы можем измотать силы любого врага. Видишь, эти бревна и груды камней сложены так, что достаточно чуть нарушить их ряд, как все они сорвутся со своих мест и полетят туда, вон на ту дорогу, которая извечно приводила к нам только врагов… Теперь нам остается заманить турецкие армии к этому ущелью, а уж тогда без труда расправимся с ними. Такие же укрепления сооружаются в Варанде, в ущелье реки Каркар, в Джраберде и в Дизаке.

— Очень здорово задумано! Это, конечно, ты?.. — спросил Тэр-Аветис.

— Неважно кто… — мрачно сказал Бек. — Ну ладно, рассказывай теперь, какие вести привез?

— Католикос отказал в нашей просьбе, не захотел приехать в Сюник, отправился ко двору шаха.

— Знаю.

— Хочет просить у шаха войско для защиты Еревана и Эчмиадзина.

— Рехнулся старик! — воскликнул Бек. — Лысый черт, сумей бы он изловчиться, на голову бы себе наложил, а не в штаны! Денно и нощно шах Тахмаз ждет прихода турок, чтобы удрать в какую-никакую преисподнюю. Старый Аствацатур совсем ума лишился! Ну, а еще что?

— Да ничего. С ереванцами говорил. Но католикос и их с ума свел. Стояли на своем: «Не оставим нашего города!» Вот и весь разговор.

— А силы у них есть? Сопротивляться будут?

— Говорят, лучше погибнем с оружием в руках, но не покоримся. Дурные они, верят, что Мирали хан и католикос приведут войско для защиты города. И никак не возьмут в толк, что крупные силы турок уже движутся на них. Очень уж уверены в своих силах.

— Уверенность — половина победы! — заметил Бек.

— Подождем, говорят, если увидим, что турок идет с большой силой, оставим город. У них десять тысяч вооруженных. Сражаться будут. А католикос возлагает особую надежду на стамбульского богача по имени Сегбос.

— Знаю его. Сегбос — любимец султана.

— Он вроде бы заручился обещанием султана не трогать Эчмиадзин.

— Так я и думал. Каждый спасает только свое гнездо, — покачал головою Давид-Бек. — Эчмиадзин дрожит за свои золотые кресты, а что до народа — его хоть потоп уноси. Отцов церкви это не заботит. Католикос еще у Тахмаза… Об этом мне сообщил человек, только вчера прибывший из Тавриза. Шах воздает старику почести, обещает помочь армянам. Но все это враки!

Бек направился к сводчатому придорожному роднику, преклонил колени на каменных плитах и долго пил ледяную воду, потом поднялся и запачканными зеленью мокрого мха руками разгладил усы.

Мовсес крепко держал Арусяк за руку. Пробираясь в темноте, он прислушивался к каждому звуку и, стоило мелькнуть какой-нибудь тени, доставал оружие, готовый отразить любое нападение.

Так они прошагали всю ночь.

На рассвете услышали глухой рев реки Раздан. В воздухе повеяло холодом. Приближались к ущелью. Это слегка успокоило Мовсеса. Теперь уж наверняка до рассвета они достигнут реки, перейдут мост и по левому берегу спустятся в Ереван. Опасность почти миновала.

— Устала? — спросил Мовсес.

— Веди меня хоть до края света, я буду идти, Мовсес, лишь бы убраться подальше от этих проклятых мест.

— Скоро, моя родная, — нежно уговаривал Мовсес, — скоро мы будет в Ереване. Отдохнем немного и тронемся в Сюник. Давид-Бек не прогонит своего верного друга, он человек большого сердца, простит мне. Бек давно советовал мне основать школу. Посмотрим, как пойдут дела. Так или иначе, будем теперь жить под его покровительством.

— А когда доберемся в Алидзор? — спросила Арусяк.

— Если бог даст, через две недели, — ответил Мовсес. — Поспеши, дорогая, прибавь шаг, вот-вот начнет светать.

— Ох, скорее бы, Мовсес. Я боюсь темноты. Господи, как мне хочется уйти от всякого зла и опасности, иметь клочок своей земли и быть всегда с тобою, под нашей собственной крышей…

На вершинах Арарата снег уже сверкал под пламенем солнца, когда они спустились в ущелье Раздана. В зеленых кустах самозабвенно верещала перепелка, опьяненная очарованием весны. Река забрасывала скалы пеной, поглощала набухшие ветки ив.

Дорога шла все выше и выше. Усталость давала себя знать.

На противоположном берегу, в монастырских садах, показались люди. Они занимались повседневными делами: прочищали канавы, срезали на деревьях сухие ветки. Мовсес решил, что им и на этот раз лучше не показываться на глаза чужим: он поискал укромное местечко.

Оба молчали. Каждый думал о своем. Арусяк достала лаваш. Побрызгала подсохший хлеб речной водой, разломила на куски и подала Мовсесу.

— Вечерами я буду стлать тебе мягкую-мягкую постель, — прошептала она, прижимаясь к любимому, — буду разводить огонь в очаге и мыть на ночь теплой водой твои ноги. А захочет того бог и будет у нас ребенок, сплету ему люльку из ивовых ветвей и буду петь над ней нашему малышу колыбельную песню…

Бедняжка мечтала вслух. Временами по губам ее пробегала блаженная улыбка. Мовсес молчал. Не получая отклика от любимого, Арусяк удивленно посмотрела ему в лицо: он спал, опустив голову на грудь. Арусяк с нежностью вгляделась в него. Сердце защемило тоской. «Господи, и чего я болтаю, — подумала женщина. — Разве такое возможно? Мне и вдруг эдакое счастье?»

Она еще теснее прижалась к Мовсесу. Почувствовала на щеке его дыхание, такое теплое и родное.

Солнце уже подымалось. Лучи упали на лицо Мовсеса.

В кустах шиповника вдруг мелькнуло удивительное создание. Арусяк не сразу догадалась, что это зайчонок. Вот он высунулся смелее — с треснутой губой, длинными, торчащими ушками и раскосыми невинными глазами. Зайчонок втянул в себя воздух. Похоже, в первый раз высунул головку из норы. Протяни Арусяк руку, могла бы схватить косого за уши. Но она не шелохнулась, чтобы не испугать невинного простачка. Пусть живет зайчонок. Пусть живет, хотя они с Мовсесом голодны и зайчатина ой как оказалась бы кстати. Пусть живет под небом божьим все доброе…

Зайчонок ощупал губами нежные побеги шиповника, сорвал лепесток, пожевал и, испугавшись шелеста ветерка, спрятался в нору.

Золотистый жук опустился на волосы Мовсеса, тоненькими ножками тронул его черные кудри и улетел. Весеннее тепло все больше наполняло ущелье. Земля, зелень, воды реки — все благоухало свежестью. «Какое это счастье, — думала Арусяк, — сидеть вот так, на свободе, вместе с любимым, в соседстве с мирной заячьей порой. И нет тут вардапета Овасапа с его блеклыми безжизненными глазами и костлявыми руками. А есть только весеннее солнце, золотистые крылышки жуков, есть Мовсес, самый дорогой человек на земле,

дороже жизни! Мовсес…»

Арусяк наклонилась, хотела поцеловать возлюбленного и вдруг услыхала раздавшиеся с вершины утеса голоса. Содрогнувшись, она подняла голову…

Прямо над ними, на утесе, стояла группа всадников. Лошади беспокойно били копытами о землю. Один из всадников, указывая плетью в сторону Еревана, что-то говорил другим. Арусяк потрясла Мовсеса за плечо:

— Вставай! Вставай!..

Мовсес ошалело тряхнул головой:

— Что случилось?

— Беда!.. — всхлипнула Арусяк. — Посмотри на утес. Я боюсь, Мовсес. Это Овасап!..

Мовсес долго смотрел вверх.

— Это не Овасап, Арусяк. Турки, — сказал он упавшим голосом. — Ползи за мной.

Они поползли между камнями вверх. Кустарники кончились. Оставалась голая, песчаная полоска берега реки — узкая и опасная.

На утесе появились новые группы всадников. Пули, свистя, пролетели над ухом Мовсеса и вонзились в песок: турки заметили беглецов и, развлекаясь, стреляли в них.

— Войдем в реку, — безнадежно проговорил Мовсес и потащил за собою Арусяк.

Оба бросились в пенистую воду. Мовсес крепко держал Арусяк за руку. Они погрузились в воду. Волны подымались над ними, окатывали с головой, хлестали, валили навзничь.

— Больше не могу, Мовсес! — вскрикнула наконец обессиленная Арусяк. — Ты спасайся, а меня пусть унесет река…

— Держись!..

А пули все летели. Сквозь журчанье реки временами слышался смех турок. Крепко держа руку Арусяк, Мовсес боролся с волнами, стараясь любой ценой скорее достичь другого берега. Бешеные волны гнали их вниз, но Мовсес был

уверен в своих силах: чего-чего, а реку он переплывет, только бы спастись от потока пуль…

Они уже были на середине реки, когда Мовсес вдруг увидел, как по воде растеклась полоска крови. Кровь покачалась на волне и скользнула вниз…

— Безбожники!.. — взревел Мовсес.

Поток пуль усилился. Мовсес нырнул под воду и некоторое время проплавал в желтоватой мути. Наткнувшись на какое-то препятствие, он поднял из воды голову и увидел, что вода прибила их к берегу. Напрягая последние силы, крепко сжимая в левой руке кисть Арусяк, Мовсес уже вдоль берега доплыл до излучины и выбрался на сушу. Турок больше не было видно. Мовсес положил Арусяк на горячий песок и опустился рядом с ней на колени.

Все погрузилось в черный туман. Он долго не слышал грохота реки, катившей свои воды у самых его ног. Солнце, казалось, распадалось и жгучими осколками сыпалось на голову. Перед глазами был только неподвижный взгляд Арусяк — угасший, безжизненный. Веки полузакрыты. Мокрые волосы рассыпались по траве. Рубашка прилипла к телу Арусяк, и грудь словно бы еще трепетала. На бровях блестели капельки речной воды.

Мовсес дрогнул. Посмотрел вокруг лютым взглядом. И не было здесь других свидетелей его горя, кроме разъяренной реки и голых скал. Никого, ни одного живого существа, которое кричало бы, протестовало против кровавого деяния судьбы! Все вымерло на этой земле. Мертвы были и травы, и цветы, и небольшой кустик инжира, лепившийся на скале…

Мертва и Арусяк. Медный ее крест впился в рану.

Мовсес выдернул крест и с бешенством крикнул:

— Не нашла другого пути, бессердечная!

Крикнул, упал на мокрое тело любимой и зарыдал.

Никого больше не боялся Мовсес. Пусть идут турки, вардапет Овасап, персидский сеид и черт знает кто еще! Пусть идут и раздирают его…

…Солнце высушило одежды и на ней, и на усопшей. На бровях Арусяк уже не блестели капли воды. Мовсесу казалось, что он и сам — труп и у него

никогда больше не будет сил встать на ноги.

Очнулся Мовсес лишь перед заходом солнца. С нежностью поднял он безжизненное тело Арусяк и понес к знакомой немногим, всеми брошенной часовенке, что стояла неподалеку. Некогда ее показал Мовсесу старый монах, поведавший о том, что в часовне этой под каменной плитой покоится прах святой Елены.

Мовсес вошел внутрь и бережно опустил тело любимой на холодный пол.

Подняв надмогильную плиту, он увидел белеющие останки.

— Прости, святая Елена, — шепнул Мовсес, — она ведь тоже жертва веры праведной, будь милосердна к ней!..

От Арусяк пахло мокрым хлебом. Мовсес нашел у нее под платьем размокший лаваш. Он заботливо прикрыл грудь Арусяк, обвязал шалью ее лицо, опустил тело на останки святой и накрыл могилу каменной плитой.

До наступления темноты оставался Мовсес на могиле любимой. Слез уже не было. Лишь изредка он опускал голову на холодный камень и беззвучно вздрагивал.

В этой заброшенной часовне навсегда остается единственное утешение его горькой жизни…

Мовсес с трудом вышел из часовни и стал карабкаться на вершину скалы. Полз, а сам все оборачивался. Но мрак поглотил часовню. Только река, словно мать, потерявшая ребенка, надрывалась ревом внизу.

Мовсес поднялся на ближайшее дерево, глянул в сторону Арагаца… Вначале ему показалось, что по склону горы спускается черная туча, но присмотревшись, он понял — это войска.

«Турок, — решил он про себя и, обернувшись, глянул туда, где среди садов мирно раскинулся Ереван. — Бедные люди! Вы еще не знаете, какой вишап ползет к вашим очагам, к колыбелям ваших детей…»

Мовсес спустился с дерева и побежал в сторону Еревана.

Карчик Ованес возвращался из красильни взбешенный. Целую неделю он не работал, не открывал мастерской. Весть о вступлении турок в Армению

перевернула все вверх дном. Хотя враг был еще далеко и иным людям пока не верилось, будто война и правда началась, и османы уже топчут землю армян, Ереван, тем не менее, был в тревоге. В тревоге пребывал и Карчик Ованес. Он ссорился с паронтэром Хундибекяном и другими ереванцами, все требовал:

— Пока не поздно, давайте захватим крепость, изгоним Мирали хана, чтобы не сидел больше у нас на груди и не выщипывал наши бороды!

Но беднягу не слушали.

«Мирали будет сражаться против турок, — убеждали его. — Шах и католикос идут к нам с войском. Почему не воспользоваться этим?»

Красильщик возмущался, кричал, но тщетно. Ереванские вельможи не хотели его слушать.

…Карчик Ованес возвращался из красильни. В этот день он пошел туда, чтобы припрятать оставшиеся товары, достать из тайника давно схороненное оружие и раздать его доверенным людям. И вот он возвращается: встревоженный, злой. Не замечает встречных сограждан, не отвечает на приветствия.

Уже у дома Карчик Ованес обернулся к следовавшим за ним помощникам и ученикам.

— А хорошо ли вы заперли двери? — спросил он из-под ощетиненных длинных усов.

— Сделали все, как ты велел, — покорно ответил старший помощник.

— Кого поставили сторожить?

— Саркиса.

— Не уснул бы. Сказали ему, чтобы не уснул? А?

— Сказали, варпет. Не уснет.

— Он вооружен?

— Да.

— Собак стало много… Хитрый персиянин! Обманывает он, этот хан — козье копыто. Я его…

Красильщик помолчал, потом тихо, чтобы не услыхали прохожие,

попросил:

— Пойди принеси мне на абаси[57] той травки. Душа требует. Да смотри, чтобы сухая была. Мокрая не курится.

Старший помощник повернул в узкую улочку. Карчик Ованес вместе с другими дошел до своего дома.

Краска на воротах поблекла. «Надо бы обновить», — подумал Карчик Ованес, но, вспомнив о турках, сердито постучал в ворота молоточком. В злобе ему показалось, что опаздывают открыть. Он уже готовился дать слуге оплеуху, но тут отворилась калитка, и Ованес увидел перед собою старшую дочь. Она поклонилась. Гнев отца улегся.

— Где слуга, умер, что ли? — буркнул он.

— Пошел в церковь, — ответила девочка, которой на вид было едва лет тринадцать.

Отец обнял ее, посмотрел с грустью в лучистые, доверчивые глаза, поцеловал золотоволосую головку и сказал:

— Больше никогда не выходи открывать двери, дочка. В городе полно разного сброда… Ты уже большая.

Дом Карчик Ованеса высился на скале Дзорагюха, неподалеку от церкви святого Саркиса. Стоял он в большом саду, огороженном стеной в два человеческих роста. От ворот до другого конца тянулась аллея тутовых деревьев, а под ними кусты агулисских и астапатских роз с фиолетовыми побегами и не раскрывшимися еще бутонами. Виноградные лозы уже зеленели нежной листвой. Вдыхали весеннюю свежесть тополя, верхушки которых покачивались, словно одурманенные ароматом соседних пшатовых деревьев.

Красильщик остановился у колодца. Один из учеников достал воды. Карчик разделся до пояса и стал умываться. Возле этого старого колодца из поколения в поколение так вот умывались все его предки.

В семье живет легенда, что некогда побывал в этом доме гостем армянский

---

[57] Абаси — двадцать копеек (перс .).

князь Апират, и прадед Карчика посоветовал князю вывести из Раздана канал до Еревана и озеленить голый город.

Ованес поднялся на широкий застекленный балкон. Разноцветные стекла светились всеми цветами радуги. На устланном коврами полу резвились трое его сыновей: девяти, семи и пяти лет. Увидя отца, ребятишки затихли. Отец достал из кармана изюм, горкой насыпал его перед ними на ковре и, усевшись на тахте, попросил открыть створку балконного окна. Грохот Раздана ворвался в дом. Вдали зеленели самбек-далминские сады.

Принесли ужин. Пришла жена. В богатом наряде, с украшениями из золота на груди и на руках, с жемчужным аграфом в головном уборе, она была очень хороша. Налила мужу вина. Дочка принесла жареный сибех[58].

— Садитесь поближе, — пригласил Ованес подмастерьев. — Выпьем по чарке.

Подмастерья сели, но чуть подальше от хозяина. Ученики ели в кухне. Ованес принялся уплетать за обе щеки. Уши у него ходили ходуном, с кончиков усов капало золотистое вино. Временами он протягивал руку к кувшинчику с мацуном, приправленным толченым чесноком, и пил. Медленно, с удовольствием. А краем глаза все смотрел на дочку, что стояла неподалеку от матери, готовая каждый миг прислужить отцу.

В дни рождественских праздников паронтэр Ованес Хундибекян намекнул ему, что не прочь породниться — обручить его дочь со своим сыном. «Ну что ж, — думал красильщик, — парень он ничего, уже дело свое имеет. Купец хоть куда, знает, как деньги заработать. Росточком, правда, маловат и черен больно. Оно, может, и грешно выдавать за него такую нежную, ясную, как свет божий, дочку?.. Но делать нечего, придется сказать „да“. Времена вон какие, того и гляди нагрянут турки…»

Думы озабоченного отца прервал тревожный крик с улицы:

— Турки приближаются к Раздану!..

---

[58] Сибех — овсяный корень.

Карчик Ованес отбросил в сторону посудину с мацуном, что была у него в руках, и выскочил на улицу.

Кричал какой-то монах. Он стоял в окружении детей и голосивших женщин. Ованес подошел и сердито спросил:

— Что ты за человек?

— А, Ованес! Я как раз шел в твой дом! Монах Мовсес я. Не помнишь? Ты однажды привел меня к себе с базара… Я видел турок своими глазами! На том берегу Раздана. Они идут…

Улица моментально опустела. Ованес подхватил монаха под локоть и потащил в дом. Мовсес сбивчиво рассказал о том, как убили Арусяк.

Поднялись на балкон. Карчик велел онемевшей от ужаса жене принести оружие и, обернувшись к подмастерьям и ученикам, посоветовал:

— Вооружайтесь и вы, турок идет…

Жена подала мужу оружие и, едва приоткрыв бескровные губы, прошептала:

— Выходит, мы попали поганым прямо в лапы, Ованес?..

Муж не ответил ей, не успокоил. Все вокруг уже полнилось криками людей. Вошел старший из подмастерьев.

— Чего они кричат, проклятые? — спросил Карчик.

— Войско Мирали хана разбито под Егвардом. Остатки воинов трусливо бегут сюда. Народ взбешен.

— Когда они выступили против турок? Когда началась война? — удивился Ованес.

— Ночью их погнали к Апарану. Сегодня они встретили турок под Егвардом и потерпели поражение.

— Значит, Егвард взят? Мы обмануты! Окружены!

Ованес насыпал табаку в прокуренную до черноты трубку, запалил ее трутом и затянулся. Горький дым струйкой пополз к открытой балконной двери.

— Не спите до моего прихода! — приказал он своим, выпуская дым изо

рта и ноздрей, и пошел к воротам.

— Вай, горит! — закричал вслед младший сынишка.

Сердце Ованеса сжалось. Ребенок впервые видел его курящим. Знал бы он, какой огонь горит у отца в душе и какой еще дым может закрыть это светлое небо совсем скоро…

Карчик кивнул Мовсесу, чтобы шел за ним. Мирали потерпел поражение. Ну и черт с ним. Пусть подохнет. Надо действовать… Карчик с Мовсесом спустились на дорогу, что вела к Егварду.

На прибрежных скалах сгрудились люди. Их крики заглушали шум реки. Дети забрались на деревья, на крыши домов.

Внизу по дороге бежали персы: конные и пешие. Многие без оружия, окровавленные. Наиб тоже бежал к крепости…

Карчик Ованес закричал:

— Убегаете, бабы?..

— Смотрите-ка на этих защитников хана!.. — подхватил сосед.

— О, чтоб вы передохли! Только против нас храбрые, как львы.

Карчик Ованес схватил валявшийся под ногами трех[59] и швырнул его в беглецов. Снизу выругались. И тут Ованес взял камень. Все последовали его примеру.

— Побьем-ка их! Выели они наши души! — закричал он и замахнулся, но рука так и осталась висеть в воздухе. Кто-то крепко схватил ее за кисть.

Взбешенный Карчик обернулся. Перед ним стоял паронтэр Хундибекян, злой и мрачный.

— Что ты делаешь? — строго спросил он. — Не ребенок ведь! Надо иметь терпение и разум. Сейчас у нас другая забота.

Но ереванцев уже трудно было сдержать. Они кидали в персов все, что попадалось под руки.

До рассвета в городе не спали. Бежавший из-под Егварда священник

---

[59] Трехи — обувь из сыромятной кожи, типа лаптей.

рассказывал подробности о том, как турки разбили восемнадцатитысячное войско персов.

— Удивительно то, что у самих турок всего не больше двух тысяч воинов, — говорил он. — Их основные силы еще находятся около Карби. Там они встретили сопротивление… А под Егвардом, едва только турки стали наступать, персияне бросились бежать. Ну и резня была!..

В доме паронтэра Ованеса состоялся тайный совет. Было решено послать лазутчиков в сторону Егварда и Карби для сбора сведений о силе и намерениях турок и немедленно укрепить северный квартал города, как наиболее уязвимый. Паронтэру поручили командовать всеми вооруженными силами города.

В качестве помощника ему назначили Карчик Ованеса.

Было уже далеко за полночь, когда Карчик вернулся домой вместе с Мовсесом. Никто не спал. Все сгрудились на балконе вокруг престарелой бабушки Карчика и молчали в страхе и ожидании. Ованес подошел к бабушке, поцеловал ее сморщенную руку.

— Снова турки? — спросила она.

— Да, бабушка, идут…

— Ох, беда! — покачала головой старушка. — Я еще девушкой была, в доме отца жила, в Карби, когда пришел турок. Мы тогда бежали в Сюник. А вернулись обратно не скоро, только после того, как турка прогнали… Ованес, сынок, может, и теперь уедем в Сюник? Там место надежное…

— Сейчас уже поздно, бабушка, турок занял Егвардское поле. Нам не пройти, всех перебьют.

— О, архангел Гавриил! И зачем ты не взял мою душу, зачем дал еще раз увидеть турок! Кто твой гость, сынок?

— Странник, из чужих мест.

— Бог да поможет странникам и страждущим! Ах, дети мои, что нам теперь делать?

Ованес попросил принести вина. Налил себе и Мовсесу.

— Выпьем, Мовсес. Сегодня живем, завтра — кто его знает? Не под

счастливой звездой родился армянский народ. Но делать нечего, будем сражаться… Город с трех сторон неприступен. Надо укрепить и четвертую сторону.

— Сколько человек могут взяться за оружие? — спросил Мовсес.

— Все до одного: мужчины, женщины, дети. В городе уже сейчас десять тысяч вооруженных мужчин. Если и ты возьмешься за оружие, еще одним человеком пополнишь наши ряды.

— А что же? Встану и я. Оружие у меня есть, только бы еще саблю. Десять тысяч — это не мало. Можно продержаться. А там, глядишь, и Давид-Бек придет на помощь или, кто знает, русские придут. Пошлите человека к Давид-Беку…

Ованес помолчал. Выпил, пожевал соленый огурец и поднялся. Подмастерья и ученики, уже вооруженные, ожидали его. Мовсесу подали саблю, тяжелую и длинную. Ованес улыбнулся:

— Был книжником и вот стал воином. Ну как сабля, тяжелая? С нею еще мои деды в походы ходили. С радостью дарю тебе. Защищай свою жизнь и свою страну!

Вышли на улицу. Со всех концов во двор церкви Дзорагюха стекались вооруженные отряды.

Людей распределили по сотням и десяткам. Командирами поставили из тех, что прежде воевали, а еще — охотников и кулачных борцов. Были и такие, кто разбоем раньше занимался. В бою люди с отвагой ой как нужны.

Рассвело. К удивлению, Мовсеса, ереванцы не паниковали. Они были уверены в своей силе, даже дети имели оружие и, путаясь в ногах у старших, все норовили чем-нибудь помочь им.

Жители северного квартала города перебрались в Дзорагюх, Конд, Еркуерес и Цирани. Дома, что были в низине, разрушили. Из бревен и камней соорудили довольно большую плотину. Воду направили в огороды. Скоро она залила пространство от квартала Цирани до крепостных холмов. Так

обезопасили и четвертую, наиболее доступную для врага часть города.

Вечером следующего дня лазутчики вернулись из Карби и Егварда. Вести были утешительные.

— Турецкое войско под Карби сковано в кольцо, — сообщили лазутчики. — Карбинцы здорово укрепились в своем небольшом, напоминающем крепость городке и в Ованаванке и с неослабной храбростью бьются с врагом. Турецкие армии, возглавляемые пашами Коч Али и Ялгуз Гасаном, за четыре дня потеряли под стенами Карби несколько тысяч убитыми. Сераскяр Абдулла паша вышел им на помощь. Но Карби продержится долго.

Добрые вести воодушевили ереванцев. Кузнецы принялись латать старые щиты, точить заржавелые мечи и копья. Карчик Ованес с помощью оружейника занялся изготовлением ручных гранат и бомб.

Два айсора[60] день и ночь выделывали порох в квартале Еркуерес.

Карчик Ованес припрятал несколько мешков пороха в тонире, что был в нижнем этаже его дома.

Базары опустели, лавки заперты на замки. Горожане попрятали все свои сокровища где только могли: в развалинах, в ямах, на кладбище. Ереван превратился в военный лагерь.

Толпы вооруженных копьями, вилами, дубинами, саблями и ружьями проводили ночи на скалах, на искусственных укреплениях, сооруженных над впадиной.

За три дня впадина, где раньше были огороды, заполнилась водой. Вода поднялась уже так высоко, что буйволы переходили ее вплавь.

Молодые не прощали старикам то, что не позволили им занять Ереванскую крепость, изгнать оттуда Мирали хана. Хан заперся в неприступной крепости и не подавал никаких признаков жизни.

Седьмого апреля лазутчики принесли весть о том, что враг уходит из-под Карби. Для осады города оставлен только один корпус, а все остальное

---

60 Айсоры — ассирийцы.

семидесятипятитысячное войско турок приближается к Еревану!..

Стоял мрачный облачный день. Всю ночь накануне лил дождь. Дороги развезло, река помутнела. Одни лишь омытые дождем прибрежные скалы стояли торжественные, как на смотру. Ереванцы, не покидавшие своих дозоров у старого моста, не без труда рассмотрели в тумане движение огромных масс людей и животных.

«Турки!» — разнеслось вокруг. И люди заняли позиции.

Карчик Ованес с пятьюстами дзорагюхскими стрелками спустился к мосту. Но вскоре выяснилось, что приближались не турки, а всего-навсего паракарцы. Они поднялись селом и шли в город. Вели с собою детей, стариков, стада животных, и даже собаки шли с ними.

Перейдя мост, паракарцы свернули к Дзорагюху. Их староста обнял вооруженного до зубов Карчик Ованеса и взволнованно сказал:

— Будем сражаться и умрем вместе, братья! Пришел день испытания, и мы все, как один, станем на защиту нашей столицы. Тысяча сто пятьдесят вооруженных паракарцев, варпет Ованес, готовы умереть за землю Армянскую!..

Паракарских женщин и детей развели по домам. После чего в своде моста подрыли яму, всыпали туда десять пудов пороха и взорвали мост.

К вечеру пришло известие, что к городу идут жители деревень Гогмбета, Кавакерта, Ариндж, Дзагавана и Норагеха. Приняли и их с распростертыми объятиями. Большинство крестьян было безоружно. Ереванцы вооружили их и начали обучать.

Ночь прошла мирно. Наблюдатели, бодрствующие на валах, на вершинах скал и на высоких кровлях, тяжело вздыхали, видя огни пожарищ в стороне Ошакана и Егварда. Свет пожаров затмевал блеск звезд. Горела вся Араратская долина, начиная с правого берега Раздана до далекой Шамирамской равнины. Горели села, расположенные на склонах Арагаца, — Аштарак, Кош, Мугни…

Арагац светился в отблесках пламени. Казалось, будто огненная лава срывается с вершины горы и, пожирая все вокруг на своем пути, стекает к

кровавым водам Аракса…

Наступил день восьмого апреля тысяча семьсот двадцать четвертого года.

Дым сгустился под сводом неба. Солнце затуманилось, укрылось черным покрывалом.

Поднялось гигантское облако пыли, и дымовая завеса стала еще гуще. Показались полотнища черных знамен, далминские сады будто двинулись к правому берегу Раздана.

Турецкое войско, тяжело раскачиваясь, осело в садах на противоположном берегу, под холмами, и скоро заполнило впадины и канавы. Зеленый покров земли растоптала черная масса…

Ереван был осажден. Турки установили в виноградниках двадцать три пушки и направили их жерла на город. В лагере зажглись сотни костров — начали готовить пищу. В небе парили стаи хищных птиц…

Ереванцы решили послать делегацию к запершемуся в крепости Мирали хану. Как знать, может, удастся убедить его соединиться с армянами и вместе отстаивать город? Выбрали для этой миссии шесть самых уважаемых стариков во главе с меликом Агавелом Агамаляном.

Подойдя к крепостным воротам, старцы попросили стражников известить хана об их прибытии.

Посланцы армян долго жарились под солнцем — ворота открылись не скоро. Рябой, одноглазый мулла молча провел их в ханский дворец, но не к самому хану.

— Великий хан в бане, — сказал дворецкий, — вам придется подождать.

Делать нечего. Ждали.

А хан тем временем сидел за кофе со своими визирями, наибами и прочими приближенными. Пили кофе и молчали. Наконец хан спросил:

— Какой ответ дадим армянам?

Главный визирь многозначительно помолчал, погладил бороду и наконец сказал:

— Никакого ответа давать не надо. Злее будут воевать с турками.

— Надолго ли их хватит?! — вставил один из присутствующих.

— Пока все не будут перебиты, — довольно хихикнул Мирали хан, поглаживая свой круглый живот. Турки обязательно возьмут Ереван. Из Тавриза помощи не ждите. Абдулле скажем, что это армяне не дали нам принести ему городские и крепостные ключи. Скажем, что они заперли нас в крепости и, понадеявшись на скорый приход русских, подняли оружие против турок. Клянусь пурпурным поясом матери Магомета, турки не тронут ни одного нашего волоска, клянусь!..

— Слава аллаху! — воскликнули все присутствующие. — Мудро ты рассудил, великий хан!

— Передайте пушкарям и стрельцам мой приказ: не сметь стрелять в турок. Кто пустит хоть одну пулю, будет обезглавлен. Уважаемый мулла Асад, доведи этот приказ до всех юзбаши, до всего нашего войска. Пусть узнает Абдулла, что у нас нет злобы ни против него, ни против султана.

— Этих старых гяуров, что стоят там в приемной, не следует выпускать из крепости, хан! Сохрани их заложниками, не пожалеешь, — посоветовал главный визирь.

Напрасно ереванцы ждали возвращения посланных в крепость представителей. Они не вернулись.

Так горел наш дом

Началось то, чего ожидал Верховный властитель Сюника и Арцаха Давид-Бек. Еще до нашествия турецких войск он предсказал, в каких направлениях Абдулла паша начнет свое наступление, и потому, разделив армию на две части, одну — во главе с князем Ованес-Аваном — разместил между Джрабердом, Гюлистаном и Варандой, другую — под водительством Мхитара спарапета — на юге и на западных горных перевалах. Именно в этих направлениях Давид-Бек ждал нападения турецких войск.

Так оно и произошло.

Османская армия, вступив поначалу в Грузию, без особых потерь захватила Тифлис и, обратив его для себя в крепкий тыл, продвигаясь по берегу Куры, осадила город Гандзак. Гандзакские армяне и азербайджанцы под водительством мелика Овсепа и Кялбала бека оказали упорное сопротивление. Но они совершили роковую ошибку: не удалили из Гандзака персидский гарнизон. Напротив, допустили его к участию в обороне города. Персияне на третий день тайно ночью открыли городские ворота…

Османская армия заняла и Гандзак. Мечом и огнем было уничтожено все население, а мелика Овсепа и Кялбала бека связали вместе и сожгли на городской площади.

Османское командование торопилось довести свои армии до Баку, чтобы, заняв этот город, прорвать фронт русских, отрезать вытянувшиеся по морскому берегу войска и заставить их отступить с земель западного и юго-западного побережья Каспийского моря. Но для осуществления этой цели прежде всего надо было подавить армянское воинство Сюника и Арцаха. А потому турки стали укреплять Гандзак, уповая превратить его в опорный пункт борьбы с армянами. Но этим Абдулла паша не ограничился.

Чтобы лишить Давид-Бека возможности объединить все силы и вынудить его спуститься с гор и встретиться в бою в открытом поле, Абдулла паша послал через Маку и Баязет крупную армию на Нахичеван, создав этим большую угрозу тылу Сюника.

Но не легко было ввести Давид-Бека в заблуждение. Понимая, что ему вряд ли удастся победить в открытом поле во много раз превосходящие османские силы, Давид-Бек не сошел с гор. Он решил втянуть врага в сюникские и арцахские ущелья, измотать его силы в долгих, изнурительных боях и уничтожить вовсе.

В успехе такой тактики Верховный властитель был уверен. Потому он не пошел на помощь Еревану.

Окружая Ереван, Абдулла паша бросил бы свою семидесятитысячную армию против Давид-Бека, и поражение стало бы неизбежным.

И Ереван был осажден. Чем дольше продолжится эта осада, чем больше падет турок, тем легче и легче будет горцам.

Над страной занималось кровавое утро.

Равнодушное к страданиям народа, задыхающегося в огне пожарищ, из-за синеющей гряды гор подымалось солнце. Оно начинало свое привычное шествие во вселенной, одинаково щедро освещая седую вершину Арагаца, турецкие войска, дымящиеся, заваленные трупами деревни.

Всеми цветами радуги переливались под весенними лучами травы Араратской долины, сверкали горные озера, беспечно пенились на груди каменистых гор реки. Мрачен был только Масис. Свой древний лик он прикрыл вуалью из облаков. Не хотел старый вновь быть свидетелем кровопролития и пожарищ. На протяжении двух тысячелетий он не раз был очевидцем разорения страны Армянской…

На берегу Раздана, в садах и зеленеющих нивах копошились воины турецкой армии.

Солнце еще не осветило лагеря, когда из островерхого шатра вышли командующие янычарскими полками — паши Коч Али и Ялгуз Гасан.

Рабы-арабы подвели им коней, услужливо пригнулись, чтобы паши ступили им на спины и вскочили в седла. В сопровождении трехсот стрельцов-янычаров паши направились к высотам правого берега Раздана, откуда хорошо просматривается укрепленный на скалах город.

Глубокое ущелье, в котором извивался мутный Раздан, гигантская плотина и водное заграждение, сооруженное армянами в северной части города, во впадине, — все было как на ладони.

— Крепкий орех, — заговорил первым Коч Али паша. — Нужны стальные зубы, чтобы его разгрызть.

— Ереванцы — народ воинственный! — добавил Ялгуз Гасан паша. — И пока что, как видишь, сидят, да еще, наверное, посмеиваются над нами.

— Пусть смеются. А конец у них один — станут ноги мне лизать, просить милосердия.

Оба они на своем веку одерживали не одну победу, и опыт верно подсказывал им, где искать слабые места в укреплениях.

Спустившись по скалистому берегу пониже, паши прошли вперед, вверх по течению реки. Разговор был коротким: решили начинать штурм с берега реки, в направлении квартала Дзорагюх.

Скоро в лагере зазвучали трубы, войска янычаров выстроились по полкам. Сераскяр Абдулла паша на белом коне проскакал перед строем. Воины громогласно приветствовали его. Гладко выбритое лицо Абдуллы с подкрученными усами и крючковатым внушительным носом было неподвижно, словно неживое. Но стоило ему кинуть из-под редких своих бровей беглый взгляд, и он уже внушал страх и ужас.

С минуту испытующе поглядев на янычаров, Абдулла заговорил визгливым, будто бабьим, голосом:

— Богат Ереван — город гяуров-армян, о дети Магомета! Непобедимая длань пророка привела нас насладиться этими богатствами. Завладейте Ереваном, и на три дня он будет предоставлен вам. Все будет ваше — богатство армян, их жены и девушки. Владейте и наслаждайтесь.

Двенадцатитысячная армия янычарской пехоты спустилась к реке. Они несли длинные деревянные лестницы для подъема на скалы Дзорагюха. Черная масса достигла берега и, как бы сжавшись в комок, влезла в реку. Выйдя на другой берег, турки взяли сабли в зубы, выстроились и стали карабкаться на крутой склон. А через их головы из лагеря били из пушек по городу.

Сражение началось…

Двое пашей, стоя на холме, следили за атакой своих войск. Около пятисот янычаров, одетых в красные штаны, уже достигли подножия отвесно висящей скалы. Они приставили к ней десятка два деревянных лестниц и бросились подниматься вверх. Навстречу им полетели камни, пули. Лестницы разваливались одна за другой. Убитые тут и там скатывались вниз. Но ставили новые лестницы, и янычары опять с криками бросались вверх.

В штурмующих уже летели горящие подушки и тряпки. Подушки рвались,

и огненный поток перьев сыпался на головы теснящихся на берегу янычаров.

— О шайтан! — заскрежетал зубами Коч Али паша.

Берег покрылся трупами. Турки стали палить из пушек по домам, что лепились на скалах. Именно оттуда осажденные забрасывали штурмующих ливнем огня и камней. Дома обрушивались, и горящие их обломки опять же летели на головы турок.

— Уймите этот огонь! — с остервенением заорали паши, неизвестно к кому обращаясь.

С правой стороны, где каменная стена была ниже, а потому и прибрежный склон доступнее, большая толпа штурмующих достигла подножия скалы. Впереди бежал мулла, весь в белом, с непокрытой головой. Сабля, зажатая в его зубах, блестела на солнце. Сверху летели камни и пули, но мулла одним мигом взлетел по лестнице на вершину скалы и замахал саблей. Его догнали еще с десяток храбрецов.

— Машаллах!.. — возликовали паши.

Но радость их была недолгой. Муллу и его сподвижников изрубили саблями. А лестницу, по которой они взбирались, подпалили, и она обрушилась вниз.

— Шайтан! — рванул и рассек в гневе надвое свой плащ Ялгуз Гасан. — Что это за город! О, аллах, как нам взорвать его скалы?..

На холме стоял чернее тучи сераскяр Абдулла. Он был в полном вооружении, над головой развевалось знамя султана. Жезл слегка дрожал в его руке.

— Опростоволосились? — не глядя на пашей, бросил он насмешливо.

— Прикажи, сераскяр, и я сам поведу на штурм слуг султана! — опустившись на колени, попросил Коч Али паша.

Абдулла, вскинув рыжую бровь, заскрежетал зубами и посмотрел вверх по течению реки. Там скалы были еще выше, и вскарабкаться на них не смог бы сам дьявол.

— Прикажи, господин сераскяр!.. Я молю тебя! Полки убывают! — снова

взмолился Коч Али.

Паша махнул рукою в знак согласия. Коч Али обнажил саблю и сбежал вниз. Воины едва успели подать ему коня, и он бросился через реку. За ним последовали три тысячи камнелазов в панцирях и шлемах. У каждого из них были длинные копья.

Перешли реку и стали тяжело карабкаться вверх. Впереди шел Коч Али. Каждые три воина несли на плечах одну лестницу. Коч Али кинулся к одной из них, но в этот момент на плечо ему сверху грохнулся большой камень. Паша опустился на колени… Два аскяра потащили его к реке.

Камнелазы тоже не смогли достичь вершины. Их лестницы рушились. Аскяры в панцирях то и дело падали на камни. Между тем осажденные беспрерывно палили сверху…

Пришедший в себя Коч Али паша стоял перед сераскяром и, склонив голову, ждал его слов. Но сераскяр словно онемел.

Левый берег реки почернел от трупов. Штурмующие в отчаянии кидались на новые и новые лестницы. Но тщетно. Поток пуль, камней и горящих предметов не давал им опомниться.

Уже темнело. Абдулла паша отдал приказ прекратить штурм.

Мовсес сидел у полуразрушенного дома. Жена Карчик Ованеса перевязывала ему рану на левом плече. Обезумевший мулла с налитыми кровью глазами обрушил на него страшный удар, но, к счастью, сабля только скользнула по плечу Мовсеса, не то лежать бы ему сейчас, подобно сотням других, в церковной ограде. Мовсесу помогла сабля Карчик Ованеса — второго удара мулла уже не сделал: Мовсес вспорол ему живот.

— Болит, брат? — спросила жена Ованеса.

— Болит, только не эта рана, сестра, — тихо ответил Мовсес. — Есть другая. Ее не залечишь.

Он прикрыл глаза, и перед ним встала Арусяк. Как бы он был счастлив, если бы сейчас она врачевала его раны…

Две девочки-подростка принесли воды в кувшинах. Мовсес с жадностью

выпил. Все нутро горело от жажды, целый день он не покидал позиций, а дочь Ованеса едва успевала набивать порохом ружье и подавать ему на стену. И он палил. После каждого выстрела падал сраженный турок. Но Мовсесу казалось, что это еще не тот, не убийца Арусяк…

Мовсес поднялся, попробовал пошевелить раненой рукой, но сморщился от боли. Сделал несколько шагов и вдруг увидел у ног поверженного муллу. Мовсес долго всматривался в остекленевшие глаза. Впервые в жизни он изрубил саблей человека. Человека или врага? Не пришел бы с мечом, не подох бы. И что им нужно? Неужели не могут иной ценой добывать себе блага жизни?

Мовсес с ненавистью в глазах переступил через убитого.

Вокруг царила радость. Женщины раздавали мужчинам завернутые в лаваш куски вареной курятины и разные соленья. И как они осмелели, эти женщины. Без умолку болтают, с нежностью смотрят даже на незнакомых.

Вороной конь воинственно раздувал ноздри, словно бы исторгая пламя. Его нагрудная броня, стальное забрало и края чепрака дымились от пота. Потягивая удила, он с трудом шагал по виноградной лозе.

Кёпурлу Абдулла паша оглядывал раскинувшееся вокруг войско. У палаток готовили пищу. Верблюды, повернув головы к востоку, жевали траву. Тут же толпилось много женщин и девушек. При виде паши все они падали ниц. То были армянские пленницы.

Паша мрачнее тучи. Штурм первого дня окончился позорной неудачей. Под стенами Карби стоит десятитысячное войско — все, что осталось после битвы. Этот непокорный город надо держать в осаде.

Из Лори нет никаких вестей. Взяли его, или, может, и там понапрасну тупятся османские сабли и течет кровь правоверных, как текла она сегодня под скалами Еревана?

Если Лори, Карби и однодневный штурм Еревана стоили стольких жертв, что ждет их в Сюнике, Арцахе? Чем сломить силу Давид-Бека, чтобы затем изгнать русских из Баку и Дербента и углубиться в Персию?.. Теперь недруги

паши, наверно, чернят его перед султаном. Все ведь думали, что он с такой огромной армией без труда пройдет через Ширак, Лори и после отдыха в Ереване отрежет Сюник и Арцах, подойдет к русскому лагерю. А он, уже давно выступив из Эрзерума, все еще топчется под стенами Еревана. Последние бои показали, что армяне долго будут сопротивляться и задержат его в своей проклятой стране. И откуда в этих гяурах такая стойкость! Они, выходит, и оружием владеют!..

Осажденные ереванцы, поняв, что Мирали хан держит взаперти в крепости мелика Агавела Агамаляна и других посланцев, и без того полные ненависти к хитрому персу, были взбешены до предела.

— Змея засела в нашем сердце и жалит! — говорили они.

— Виноваты сами! — выходил из себя Карчик. — Мы должны были захватить крепость и прикончить Мирали!

Ругали хана на чем свет стоит, но было уже поздно. Крепость, где засел Мирали, столь крепка, что при сложившейся обстановке ее не одолеть. Поневоле пришлось смириться. Нужно беречь силы для борьбы с турками.

Мастера-плотники соорудили камнеметательную машину. Несуразную эту громадину прикатили в Дзорагюх и установили на скале. Навезли пяти-шестипудовые камни.

Всю ночь на радость ереванцам шел проливной дождь. Раздан к утру настолько поднялся, что теперь уж ни один смельчак и никакой конь не решится войти в мутные воды взбушевавшейся реки.

Может, именно по этой причине турки в тот день не возобновили штурма, только били из пушек.

Ядра попадали в дома и рушили их. Были жертвы, но, соблюдая видимость спокойствия, люди безмолвствовали. Даже матери, оплакивая своих детей, только беззвучно проливали слезы и утирали глаза концами головного платка.

Спустя три дня турки подвели к реке небольшие плоты. Усадив на каждый из них по десять — двенадцать воинов, двинулись пересекать реку.

Из камнеметательной машины выпустили первый камень. Пролетев дугой,

он упал в реку несколько выше плотов. Второй камень потопил плот. Это воодушевило осажденных — есть еще одно оружие против врага.

Но плотов было много. А с затопленных всплывали уцелевшие аскяры и, преодолев течение, выходили на берег, заливали осажденных ружейным огнем. Тем временем на новых плотах приплывали отряды копьеносцев. Закрывая щитами свои головы, они с удивительной скоростью поднимались вверх по склону.

В этот день турки бросили на Ереван тридцать тысяч аскяров.

Сераскяр Абдулла паша стоял на скале. Он топтал ногами молодые побеги винограда. Их зеленый сок струился, как слезы. Паша был обеспокоен. Хотя в этот день он бросил на штурм лучшую свою пехоту, но понимал, что, карабкаясь по столь крутым скалам, огромная масса людей вряд ли сумеет добраться до высот. Вместе с тем паша удивлялся спокойствию армян, которые только и делали, что бросали вниз потоки камней и пуль…

Абдулла паша в бешенстве кусал губы, не зная, что же предпринять. Но тут он вдруг заметил, что смыкающиеся правая и левая скалы в одном месте чуть отходят друг от друга, оставляя узкий, но доступный проход в город. И как это случилось, что до сих пор не обнаружили такого слабого места? Взяв у телохранителя подзорную трубу, паша долго смотрел на проход, затем сказал одному из стоявших рядом сипаев:

— Видишь тот узенький проход? Лети к Ялгуз Гасан паше. Отругай этого глупца от моего имени и вели всем войском штурмовать брешь! Да спеши!

Сипай рванулся и через минуту исчез с глаз.

Но Ялгуз Гасан паша и без сераскяра уже увидел обетованный проход и повел туда два своих полка. И скоро они достигли высоты. Скачок был смелый, рискованный. На солнце заискрились бесчисленные сабли. Абдулла загоготал от радости. Еще один такой скачок, еще одно дерзание — и оборона армян даст трещину!

В этот миг все потонуло в шуме ужасающего грохота. В рядах штурмовиков Ялгуз Гасан паши случилось нечто чудовищное — взорвался

густой дым и, оседая, стал сползать вниз по каменистому склону. В задних рядах штурмующих произошло смятение. Воины, давя друг друга, грудами покатились к реке. Плотовщики, чтобы остановить отступление, отогнали плоты в глубь реки. Но, несмотря на это, сотни людей кидались в реку и, борясь с волнами, бросались к плотам.

Дым рассеялся, и Абдулла ясно увидел бегущую армию. Царили хаос и паника. В бессильной ярости паша разорвал ворот шитой золотом рубахи. Но ярость его сменилась ужасом, когда он увидел, как армяне, выскочив из того самого узкого прохода, с криками преследовали бегущих в страхе воинов Ялгуз Гасана.

Завязалась беспорядочная бойня.

— Шайтан, шайтан!.. — бессильно восклицал Абдулла паша.

Река почернела от теснившихся в ней аскяров. Многие тонули в водоворотах. Люди хватали друг друга за ноги, за волосы, за полы одежды, старались как-нибудь выбраться на правый берег.

Ялгуз Гасан паша, свистя саблей, сумел вернуть часть воинов на берег и попытался обороняться, но бежавшие сверху новые толпы захватили его в свою волну и увлекли в реку…

Над головой Абдуллы пролетели пули. Телохранители, бледные от стыда и страха, робко попросили:

— Здесь опасно, паша, удались отсюда!

Но Абдулла пренебрег советом. И только когда пуля сорвала с него шапку, он едва сдержался, чтобы не бежать к своему шатру…

На левом берегу реки не оставалось больше ни одного аскяра.

Ялгуз Гасан паша в мокрой одежде лежал распростертый у ног Абдуллы и колотил кулаками свою голову…

Писец-мулла бормотал над ухом сераскира:

— Одиннадцать тысяч убитых и утонувших. Три паши, пятьсот…

— Перестань каркать, — взревел сераскяр. — Бабы! Трусы!

Армяне подобрали брошенное противником оружие, сняли с убитых сабли, пороховницы и с большой добычей вернулись в город.

Главнокомандующий Ованес Хундибекян сидел под скалой на камне и ел мацун, часто утирая пот с лица. Перед ним покорно стоял Давид Мирзеджанян и с удивлением смотрел, как паронтэр большими кусками кусал хлеб и, не разжевывая, целиком глотал его.

— Всех накормил? — спросил паронтэр.

— Всех, — ответил Давид.

— Дай людям Карчик Ованеса вина. По кружке каждому. Вели взять из моих погребов. У меня хорошее вино. Для остальных возьми бесплатно у виноторговцев. Скажи, я приказал выдать. Кто пожалеет для воинов, повешу. Так и передай! Ступай.

Подошел Карчик Ованес, усталый, но сияющий от счастья. Главнокомандующий обнял его и погрозил кулаком в сторону турок:

— Выкусил, Абдулла паша! Погоди, еще не то будет. Ну и хорошо же ты придумал, Карчик! И как тебе пришло в голову поджечь бочки с порохом да бросить их в этих сучьих сынов?

— Они подумали, наверно, что, на них обрушилось божье наказание! Ведь как орали! А? — расхохотался Карчик.

Сражение возобновилось только через три дня. На этот раз армяне не дали туркам приблизиться к реке. Устроили засаду на левом берегу, в камнях и в ямах, и из двадцати камнеметательных машин беспрерывно били по реке. Турки не могли подвести к ней ни одного плота. Они вынуждены были отойти к своему лагерю и теперь только палили из пушек.

Совет пашей решил послать в обход Еревана двадцатитысячную армию. Под начальством трех пашей эта армия спустилась у Егварда в ущелье Зангу и на плотах переплыла реку. Со стороны Канакера сошли во впадину, где скопилось много воды. Вода цвела гнилью, и потому над ней кружились тучи комаров. За этим водным бассейном ереванцы возвели искусственные плотины. Преодолеть их не было никакой возможности. Оставалось только зажать город

в тесном кольце осады и предать его обитателей голодной смерти.

Сераскяр отправил в Баязет гонца. Через неделю оттуда на подкрепление прибыла тридцатипятитысячная армия. Она расположилась лагерем в Багреванде и стала ждать падения Еревана, чтобы затем, соединившись с Абдуллой, направиться через Тавриз к русским границам.

— Ереван в вашей власти, храбрецы! — сказал паша, встречая эту армию. — Возьмите его и поступите с городом как пожелаете.

Баязетцы, наслышанные о богатствах Еревана, о красе его женщин и девушек, возгорелись желанием. После суточного отдыха на трехстах плотах они спустились на реку. Но ни один из плотов не достиг противоположного берега. Река скоро окрасилась кровью. В водовороте у старого моста сгрудилось множество убитых и тяжелораненых.

Турки снова отступили.

Сераскяр созвал военный совет. Паши впали в отчаяние. Разгром баязетской армии порадовал только Ялгуз Гасана. Теперь он высмеял ее командующего, который намеревался одним приступом взять Ереван.

— Раздан перейти невозможно, — сказал Ялгуз Гасан паша. — Мы все будем уничтожены, до последнего человека. Надо просить у султана новых и новых подкреплений!

— Но разве у нас мало войска! — недовольно буркнул Абдулла паша.

— У армян очень выгодная позиция, наш господин. Только голодом мы сможем измотать их и подавить.

Решили написать султану письмо. Пусть пришлет вспомогательное войско или же разрешит оставить Ереван в осаде и двинуться на Сюник и Тавриз.

Штурмы прекратились. Войско теперь только и делало, что пожирало захваченную в пути добычу. Загадили нечистотами весь лагерь. Скоро продовольствие было на исходе.

Окрестные села уже ограблены. У поселян отнято все до зернышка. В войске зароптали. Уже тридцать три дня сидят под открытым небом. Кони отощали. Из камышников Аракса и из болот Раздана подымались тучи комаров

и облепляли шатры. Воинов стала валить лихорадка. От цвелой воды многие маялись животами. А тут еще жара. Со второй недели мая все вокруг выжигало огнем. И не заметили, как весну сменил летний зной с комарами, змеями и бесчисленными роями оводов…

Абдулла паша послал в Эчмиадзин один полк с требованием предоставить им (под угрозой уничтожения) денег, продовольствия и кормов для коней. Но пока его люди достигли Эчмиадзина, от султана пришло повеление сохранить Эчмиадзин невредимым и не сметь наносить ему никакого ущерба. Пашу очень удивил этот странный приказ. Он спросил у своего советника, отступника-армянина Мурад-Аслана:

— Как ты думаешь, кто из смертных мог убедить величественного султана повелеть мне, чтобы я не трогал Эчмиадзин?

— Армянин Сегбос, высокопревосходительный паша, — с готовностью ответил отступник. — Этот гяур — любимец султана. Я опасаюсь, как бы он не убедил султана не трогать также и Ереван. О! Он очень силен своей казною! И ловок этот гяур Сегбос.

— К черту его! — обозлился паша. — А чем я тогда буду кормить войско, где возьму денег на жалованье?

— Одолей Ереван, великий благодетель! Продовольствия, добытого в Ереване, с лихвой хватит твоей армии на целый год.

— Легко сказать, одолей. Они сопротивляются, город укреплен!

— Прикажи привести из Гандзака войска Сари Мустафа паши и Реджеб паши, мой повелитель. Пусть они идут через Казах и Гокчу. Не отчаивайся, приведи новые войска. Город и со стороны впадины доступен, укрепления там не сильны. Поспеши, светлейший господин, не то придет Давид-Бек с сюникскими и арцахскими войсками, и тогда действительно станет трудно…

«Ох и змея!» — глядя в глаза своему верному советнику, подумал паша. Истинный воин не мог примириться с мыслью, как это человек может так необузданно ненавидеть свой народ. Бывали моменты, когда паше хотелось плюнуть в лицо предателю, вонзить ему в сердце свой меч. Но он сдерживался:

никто из мусульман не оказывал ему столько услуг, как этот вероотступник. А какой охотник убьет собаку, если она безошибочно находит спящего козленка и день и ночь верно охраняет хозяина от всякой напасти…

Абдулла паша решил последовать совету Мурад-Аслана.

В эти тяжелые дни, когда Ереван героически отражал штурм турецких полчищ, в Сюнике и Арцахе произошли новые события. Турецкая армия, следовавшая из Баязета по течению реки Тгмут, перешла Аракс и после непродолжительного сражения, обратив в бегство, собранное наспех Асламаз Кули ханом персидское войско, вошла в Нахичеван.

Но выйти из Нахичевана и приблизиться к горам Сюника турки не отваживались. Армянские полки занимали ущелье Аракса и Шахапуникский перевал и являли собой грозную силу. Турецкое войско осталось в Нахичеване, ожидая падения Еревана, чтобы затем вместе с большой армией сераскяра начать военные действия против Сюника.

Именно в дни, когда Давид-Бек укреплял проходы Аракса и Шахапуника, ему вдруг из Арцаха донесли, что крупная османская армия с равнины Партава по реке Каркар приближается к границам Арцаха со стороны гавара Варанды.

— Что думают ваши военачальники? — выслушав гонца-сотника, спросил Давид-Бек.

— Ждут твоего приказа, тэр Давид-Бек, — ответил сотник. — Прикажи войскам Джраберда и Полистана пойти на помощь мелику Багру из Варацды. У Багра в сигнахе Аветараноц две тысячи воинов, а турецкое войско насчитывает больше пятнадцати тысяч. Его ведут Шахин, Салах и Али паши.

— Чью просьбу ты передаешь мне? — спросил Бек.

— Князя Ованес-Авана, а также просьбу святейшего, тэр Давид-Бек.

Этот разговор состоялся на Сисаканском перевале, где был раскинут лагерь части войска Давид-Бека. Из военачальников при Давид-Беке находились при этом только Мхитар спарапет и Тэр-Аветис. Все остальные со своими полками укрепляли вход в ущелье.

Гонец ждал с нетерпением, что скажет Давид-Бек. Между тем Верховный

властитель Арцаха и Сюника медлил с ответом.

— Неправильно думают князь Ованес-Аван и католикос Есаи! — сказал наконец Бек, обращаясь к гонцу. — Не следует забирать из сигнахов Полистана и Джраберда ни единого воина. Это они сдерживают окопавшееся в Гандзаке турецкое войско. Не трудно понять тактику турок. Посылая войско в Каркар, они надеются выманить князя Авана из его укреплений и сразиться в открытом поле. А это означало бы поражение!

— Что же ты прикажешь, тэр Давид-Бек? — спросил смущенный гонец.

— Пусть мелик Багр своими силами разобьет врага.

— С двумя тысячами против пятнадцати тысяч? — удивился сотник.

— Бывает, что и капля воды долбит камень, — сказал мягко Бек и умолк.

Варандинского сотника удивляло спокойствие Верховного властителя. Говорит о таком деле, а сам сидит на траве и безмятежно взирает на залитую светло-синими предвечерними красками Араратскую долину, на Масисы, снежные вершины которых слепят глаза в сиянии последних лучей солнца…

Но Бек не так безмятежен, как кажется сотнику. И не забыл о гонце.

— Во сколько дней ты доехал сюда? — спросил он, вставая.

— В три дня, тэр Давид-Бек, — ответил сотник. — Скакал и днем, и ночью.

— Вон как? И лошадь выбилась из сил, да и ты измучен. Ступай-ка в мой шатер, отдохни там.

Наступила ночь. Давид-Бек вошел в шатер спарапета.

— Возьми конный полк Дзагедзора, — тихо сказал он, — и отправляйся в сторону ущелья Вайоц.

— Что, есть опасность? — поспешно обуваясь, спросил спарапет.

— Ты разве не слышал, что говорил посланец мелика Багра?

— Но он ведь не говорил, что опасность грозит нам со стороны ущелья Вайоц? — удивился спарапет. — Турки же наступают на Варанду.

— Вот то-то и оно. Потому и посылаю тебя к ущелью Вайоц. На полпути сверни вправо и через леса Кашатахка вынырни над Варандой. Обмани,

приведи в замешательство турок! Теперь понимаешь? Пусть в Варанде никто, кроме мелика Багра, не знает, что ты Мхитар. Переоденься, сбрей бороду — не жалей ее, отрастет. Надо сделать так, чтобы турки не знали, что у нас мало сил, и пусть не думают, не гордятся, что вот, мол, против всякой их своры идет сам спарапет армян!

Мхитар уже выходил из шатра, когда Бек добавил:

— Непременно затяни все неприятельское войско в ущелье Каркара и только тогда начинай дело. Победа должна быть полной. Пусть первая же встреча приведет турок в ужас. Они ведь послали эту армию с целью разведать, каковы наши силы. Ну отправляйся! Желаю удачи!

Незаметно отделив от основного лагеря Дзагедзорский конный полк, Мхитар еще до рассвета перешел Сисаканский перевал и вступил на дорогу, ведущую в ущелье Вайоц.

Шатры Дзагедзорского полка не были сняты. Пусть враг думает, что лагерь продолжает целиком оставаться на Сисаканском перевале. Мало ли турецких лазутчиков бродят неподалеку и вынюхивают, что и как.

Спустя три дня конница спарапета была уже в гаваре Варанда. Воины мелика Багра, выехавшие навстречу, с удивлением спрашивали:

— Кто вы такие?

— Как видите, воины! — отвечал Мхитар, одетый в форму простого сотника. — Едем со стороны Гарни к мелику Багру. Проводите нас к нему.

Мелик Багр раскинул свой лагерь в сигнахе Каркара и ждал помощи от Давид-Бека. Велико было его удивление, когда вошедший к нему в шатер безусый и безбородый сотник, слегка поклонившись, сказал:

— Пусть никто не знает, что я Мхитар спарапет, тэр Багр. Ты слышишь: никто! Скажи всем, что я один из владетелей Гарни, бежал от турок и прибыл со своим полком искать убежища в твоем гаваре. А теперь, будь добр, позаботься, чтобы нам дали поесть, и созови своих сотников.

Мелик Багр был рад встрече, но для него осталось загадкой, почему спарапет скрывает свое имя.

Ужинали наспех. Сотники мелика Багра дивились аппетиту гарнинца. От вина гость отказался. Так же поступили и прибывшие с ним Товма и Есаи.

После ужина, когда все сотники покинули шатер мелика, Мхитар сказал:

— Мы не сойдемся с врагом в открытом поле, тэр мелик. Нас мало, их много. Они разобьют нас. Но никто из вступивших в Каркарское ущелье турок не должен унести головы. Никто! Понимаешь? Это наша первая встреча с новым врагом. Нужно устроить ему западню, задушить хитростью.

— Что же ты предлагаешь, спарапет? — спросил мелик.

— Пойдем к туркам. С хлебом-солью, со священниками, с евангелием и с дорогими дарами.

— Что ты говоришь? — удивился Багр. — Это еще зачем?

— Тише, — предостерег Мхитар. — Польстим пашам покорностью, обманем их. С видимым почетом приведем в наши деревни, устроим в домах и… ночью начнем…

— Это очень опасно, тэр Мхитар. Враг хитроумен.

— А я верю в удачу! На худой конец, если они откажутся принять нас под свое подданство, станем биться. Но для этого надо быть уверенным в своих людях. Нет ли среди ваших предателей?

— Предателей? — вскинул брови Багр. — Ты плохо знаешь варандинцев, тэр спарапет. Среди них не может быть предателей. Они скорее умрут, чем согласятся покориться врагу.

— В таком случае я поговорю с сотниками и десятниками, расскажу о наших планах, о том, что от них требуется.

Скоро все, кому это следовало, знали, что задумал гарнинский сотник.

Варандинцы, как это ни странно, нашли его план разумным.

— Верьте мне, братья! — сказал переодетый спарапет. — Я в числе других пойду к туркам. Если по соизволению господню исполнится задуманное — значит, хорошо. В противном случае будем сражаться. Так или иначе бой неизбежен. А потому сделаем пока попытку перехитрить врага.

— Мы согласны! — поддержали варандинцы.

Войско разместили по селам. Было приказано упрятать оружие, предупредить женщин, чтобы приготовили туркам обильное угощение и удобные помещения.

Втайне все тревожились за исход задуманного. Но предприятие казалось уж очень заманчивым — вдруг да удастся с легкостью истребить столь мощного противника!..

На следующее утро, когда войско уже было рассеяно по селам, Мхитар с меликом Багром, с Товмой, Есаи и двенадцатью стариками, со священниками, с крестами и хоругвями вышли из села Шош и направились в османское логово.

Стоял хмурый, мрачный день. На горе Кирс выпал снег. А ущелье Каркар ночью засыпал град, обрядил в белое ледяное одеяние молодую травку. Было холодно.

В так называемых райских садах группа армянских парламентеров столкнулась с передовыми отрядами турецкого войска. Они продвигались кучками, не без опаски. В пути их настиг град. Аскяры промокли до нитки, лошади брели, понуро свесив уши.

Армяне подняли белый флаг. От турок отделилось несколько всадников, и, держа копья горизонтально, они подъехали поближе.

С хлебом-солью в руках Мхитар опустился на колени на мокрую землю и громко, отчетливо произнес:

— Мы мирные посланцы, великолепные мужи. Пришли по доброй воле покориться владыке вселенной — турецкому султану, прибытия которого очень ждали. Будьте добры отвести нас к вашему паше.

Голос просителя звучал так искренне, а слова были так убедительны, что турки, посовещавшись с минуту, окружили армян и повели их к своим.

Паши Шахин, Салах и Али стояли, спешившись на седой от града равнине. Армяне почтительно подошли к ним, и все вместе опустились на колени. Монах, протянув вперед евангелие, взмолился своим старческим скрипучим голосом:

— Примите наши головы и наши сердца, о паши! Примите у нас хлеб-соль,

и мы будем служить вам и ныне и во веки веков. Мы не хотим понапрасну проливать кровь, и потому стар и млад пришли припасть к вашим стопам и покориться.

Шахин паша, который был старше двух других своих сподвижников, спросил:

— А где же ваше войско? Где сотники и мелик?

— Мы все перед тобою! — ответил на этот раз Мхитар спарапет. — Мы владетели Варанды. У нас нет войска. Мы мирные поселяне, великолепные паши! Вот и пришли с хлебом-солью к вашим стопам. Покоряемся всем гаваром.

— А где же Давид-Бек, Мухитар паша, князь Ованес-Аван? Где их войско? — вновь поинтересовался Шахин паша.

— Да проклянет их господь! — с неподдельной искренностью воскликнул Мхитар. — Они далеко от нашего гавара. Мы и сами воюем с ними. Не признаем их владычества. Они избрали губительный путь и не отличают добра от зла. У нас нет войска, господа паши. Мы готовы принять вас как друзей, кормить, содержать, готовы платить султану. Только вы смотрите на нас добрыми глазами.

Старцы со слезами в голосе клялись, что никогда не будут враждовать с султаном, что не хотят войны и крови и потому добровольно явились покориться пашам.

Спарапет краем глаза рассматривал турецких воинов. Промокшие, усталые и озябшие, они явно нуждались в отдыхе. И кони были измучены. Ветер, что дул со снежных вершин Кирса, пронизывал насквозь… «Поверят, — убеждал себя спарапет. — Ну, а если нет…» — и он ощупывал спрятанные под широкой полою кафтана кинжал и короткоствольный пистолет.

Шахин паша обратился к Мхитару:

— Чем можете поручиться, что вы искренни?

— Тем, что мы пришли к тебе с клятвой и хлебом-солью, паша.

— А если я сейчас же велю всех вас перебить? — спросил паша, кладя

ладонь на рукоятку сабли.

— Что ж, вели. Но ты ничего не выиграешь! — смело ответил Мхитар. — Стоит нас уничтожить или арестовать, население нашего гавара, которое с надеждой и миром послало нас к твоим стопам, тотчас удалится, оставив вам опустошенные и разрушенные дома. Кроме того, народ проникнется к вам ненавистью, а более или менее единодушные с нами мелики, которые также намерены сейчас без войны покориться, потеряют к вам всякое доверие и присоединятся к Давид-Беку, и это будет гибелью для вас. Не забывайте, что нашу горную страну нелегко поставить на колени. А если вы посмотрите на нас добрым глазом, это послужит примером для остальных гаваров, и мелики, покинув Давид-Бека, добровольно придут покориться вам.

Шахин паша нервно покусывал ус. Безмолвствовали и двое других пашей. Мхитар затруднялся угадать, поверили они ему или нет. Мельком он высмотрел поросшее кустарником ущелье. Пусть паши попытаются арестовать его. Он выстрелит в них и бросится к этому ущелью…

— Нам надо подумать! — сказал наконец Шахин паша. — А пока располагайтесь и ждите нашего приказа.

Он повернулся и вместе с Али и Салах пашами удалился в шатер, что был раскинут на берегу реки.

Воины ежились вокруг костров. Но, на их беду, с наступлением темноты снова полил дождь с градом. Костры погасли. Армянские парламентеры, сидевшие неподалеку от шатра, тоже промокли до нитки и продрогли.

— Они вырежут нас, тэр Мхитар, бежим отсюда, пока не поздно, — шепнул на ухо спарапету Есаи.

— Не торопись! — ответил Мхитар. — Бежать легко. Но я верю, что желаемое свершится.

Утром Шахин паша сказал:

— Мы принимаем вас под свое покровительство, армяне. Вы рассудили умно. И этим спасете себя и ваш народ. Что ж, ведите нас в свои села, дайте нам кров.

Армяне подняли крики радости, вновь и вновь клялись на евангелии, целовали у пашей руки, вручали им принесенные дары.

Скоро они уже провожали турок в свои села. Мхитар вел под уздцы коня паши Шахина и на чем свет стоит ругал Давид-Бека, спарапета и прочих именитых армян.

— Теперь мы убедим всех меликов, чтобы они поскорее покинули Давид-Бека и пришли покориться вам, милосердные паши, — говорил он. — Народ не хочет воевать. Наш пример поощрит других. Они увидят, что у вас по отношению к нам добрая воля, и, отвернувшись от Давид-Бека, люди падут к вашим стопам.

— Да будет так! — одобрительно кивал головой Шахин паша.

Турки, видать, и впрямь поверили армянам. Они были довольны, что овладеют Варандой без крови. В начале похода турецкие паши взирали на горы Варанды с опаской. Удастся ли подавить сопротивление армян, занять их сигнахи? И вот сами армяне добровольно явились и вручают им свой гавар. «Надо немного обласкать этих вислоухих, — думали паши, — с их помощью внести раскол в армянское войско и захватить всю страну».

Подошли к селению Шош. Навстречу вышли все обитатели — мужчины и женщины, стар и млад. В руках они несли белые полотнища, хлеб-соль, у некоторых даже были в руках ранние весенние цветы. Женщины кинули свои шали под ноги пашей. А высокая седая старуха воздела руки к небу и воскликнула:

— Добро пожаловать, паши. Вы для нас желанные гости, и мы заботливо будем служить вам.

В сером небе загремело, загрохотало. Эхо в ущелье откликнулось на тысячу голосов и, рокоча, умолкло. Над Кирсом засверкала молния.

— Разместите моих людей, армяне! — приказал Шахин паша, сходя с коня.

Вскоре с крестом и хлебом-солью явились старшины из ближних сел. Они представились пашам, заверили в преданности и тоже изъявили готовность

разместить у себя их войско.

Села Варанды были густо населены и хорошо благоустроены. Располагались они одно от другого очень близко. С незапамятных времен армяне, проживающие в долине реки Каркар, жили безбедно, имели крепкие хозяйства. Они производили хлопок и виноград, владели шелкоткацкими мастерскими и широко торговали с соседними странами. Варандинцы селились большими семьями. Дома у них были двухэтажные, каменные, с просторными дворами. Почти все утопали в садах.

Мелик Багр поделил османское войско между селами. В присутствии пашей наказал старшинам отменно угостить всех, отвести хорошие помещения для постоя и задать корм коням.

Когда войско было размещено, мелик Багр и Мхитар пригласили пашей во дворец Багра, что находился на высоком холме в самом центре села Шош. Члены семьи мелика встретили пашей с дорогими дарами, разостлали им под ноги ковры. Дочери и невестки мелика помыли гостям горячей водой головы и ноги. И вообще всячески старались угодить им. А едва паши уселись за обеденный стол, младшая дочь мелика поднесла им три кисти винограда на серебряном подносе.

— В такое время года виноград?! — в один голос удивленно воскликнули паши.

— У нас и не то найдется, высокочтимые паши! — покорно поклонился мелик Багр. — Мы люди состоятельные и дадим султану столько дани, сколько не даст ему целый вилайет. Угощайтесь, прошу вас.

Паши взяли по грозди и ахнули. Они были отлиты из золота. Подарок окончательно растопил души гостей. Они заулыбались от удовольствия и стали всячески хвалить таланты и щедрость армян.

Подали кушанья. Мелик и Мхитар стоя прислуживали пашам, обильно подливали вино.

Примерно такое же происходило и в других деревнях. Армяне угощали турок, готовили постели, и стар и млад задабривали их. Довольные приемом,

щедрыми подарками и угощением, турки и не подозревали, что ожидает их ночью. Сытые, ублаженные, они улеглись в приготовленные армянскими женщинами мягкие постели с надеждой дать отдых телам своим, измученным в долгих и многотрудных походах.

Была полночь. Свет в домах погас. Один за другим стали выходить из засады армянские воины, и вскоре началось…

В темноте три тени бесшумно вошли в ту комнату в доме мелика Багра, где спали паши. Горги Младший перекрестился, подошел к постели Шахин паши и со всего маху опустил топор.

Мелик Багр кинжалом срубил голову Али паши. Мхитар разбудил Салах пашу. Тот сел в постели. В комнату со свечой в руках вошла женщина. Разглядев распростертые на полу трупы, паша в ужасе завопил.

— Успокойся, Салах, — зажал ему рот Мхитар. — Ты не умрешь. Я решил живьем доставить тебя к Давид-Беку. На помощь, зови не зови, никто не явится. Воины ваши сейчас в тех самых домах, которые вы собирались превратить в груды развалин и пепла, кончают счеты с жизнью.

Пашу связали. Мелик и Мхитар вышли. Во дворе в беспорядке лежали тела убитых стражников и слуг пашей.

Подвели коней, Мхитар и Багр вскочили в седла. Обнажив меч, Мхитар рванул вперед.

В селе уже было спокойно, тихо.

Возмездие свершилось. Вероломно ворвавшийся в чужую страну враг получил по заслугам.

Разорвав тучи, взошло солнце. Из домов стали выносить врагов. Пятнадцать тысяч аскяров уже не поднимут меча против армян.

Мхитар на коне стоял над головой связанного Салах паши и выслушивал донесения прибывающих из сел гонцов. Паша мрачно смотрел на разъяренную толпу, собравшуюся вокруг.

— Я растоптал половину Европы, заковывал в цепи королей, сжигал города, пленил целые народы, но никогда еще не встречал столь хитроумного

противника, как твои люди, сотник, — сказал он, обращаясь к Мхитару.

— Не сотник я, Салах паша. Можешь называть меня спарапетом Мхитаром.

— Неужто это ты? — выпучил глаза паша.

— Да, я. И знай: то, что ты видел, только начало. В наших горах прахом развеются армии Абдулла паши. Не моя вина в том, что нам приходится идти на такую хитрость. Делать нечего. Вас много, и вы как саранча. Пришли не в гости, лелеете надежду стереть с лица земли нашу страну, вырезать народ. И мы вынуждены убивать вас. Господь свидетель, мы должны изгнать вас из своего дома, чтобы жить.

— Ты прав! — тяжело простонал пленный паша. — Но одно удивляет меня. Зачем вы так упорно сопротивляетесь? Ведь армяне бессильны перед мощью султана. Уничтожив нашу армию, вы не перерезали тетивы османского лука, которого страшатся многие куда более крупные государства.

— Не перерезали, так перережем, паша. Рано или поздно тетива направленного против нас лука лопнет! — сказал Мхитар. — Две тысячи лет враги идут и идут на нас, пытаются уничтожить, но погибают сами. Шли властители Византии, Ленк-Тимур, Чингисхан, Джихан шах. Но, как видишь, мы существуем, а их нет. Насилием не повернуть вспять течение реки, паша! Тщетные усилия. И вас мы выгоним из нашей страны. Так и знайте.

— Если бы не вы, не армяне, мы уж давно захватили бы у русских Дербент и Баку… — промолвил паша. — Как бы то ни было, а я хвалю твою изобретательность, Мухитар паша. Ты сорвал наш замысел. Мы ведь собирались уничтожить население всех этих деревень, несмотря на ваши дары и посулы. Нам только надо было передохнуть и дождаться приказа выступить отсюда к берегам моря, и тогда мы бы вырезали вас до единого. Таково было наше решение. Но вы опередили нас.

Мхитар не сказал больше ни слова.

В Варанде спарапет оставался еще два дня. Часть оружия, захваченного у турок, он вручил мелику Багру, остальное погрузив на тысячи, опять же

турецких, коней, выехал в Алидзор.

Теперь можно было отправляться на помощь Еревану.

Под ветками цветущих абрикосовых деревьев шел, точнее, бежал Карчик Ованес. Он держал путь к церкви святого Саркиса. Факелоносец-подмастерье еле поспевал за ним. Свет пламени кровавыми бликами падал на каменные плиты тротуара и цветы деревьев.

Карчик добрался до ворот церкви.

— Эй, кто тут? — позвал он, снимая шапку и утирая ею покрытые испариной лицо и голову.

Старый служка, ворча, выбрался из-под лохмотьев, под которыми спал.

— Что, брат Ованес, тревога? — спросил он.

— Разыщи монаха Григора да пошли гонцов за военачальниками. Побыстрей давай.

Старик, пошатываясь, вошел в боковой придел, где только недавно улеглись на ночь юные гонцы. Он разбудил их, велел созывать военачальников, а сам вернулся и сказал, зевая:

— Что это с нечестивыми, даже из пушек не палят? Неужто умиротворились?

— Они притаились, старик. Стягивают новые силы, — ответил сквозь зубы Карчик Ованес.

Собрались военачальники, пришел и монах Григор. Все поднялись на алтарь, расселись, поджав ноги, на каменных плитах. Служки зажгли большие восковые свечи. Со стены с немым вопросом глядели огромные очи богоматери. На колонне покачивалось распятие. Слабый свет свечей, отражаясь в хрустальной люстре, робко пламенел в таинственном мраке церкви.

— За время осады турки потеряли больше половины своего войска, — заговорил Карчик Ованес, и глаза его блеснули торжеством. — Согласитесь, что это немало. Но и наших полегло больше тысячи человек вместе с ранеными. Мы и дальше будем защищаться. Однако противник слишком долго бездействует, это не предвещает ничего хорошего. Видно, паша поджидает

подмогу.

— А нам поможет бог, братья! — воскликнул монах Григор.

— На бога надежда не велика, — махнул рукою Карчик. — Я предлагаю послать человека к Давид-Беку, просить, чтобы он пришел к нам на помощь. И пусть Бек сообщит русскому царю, как мы крепко держим наш город, — может, и царь пришлет войско. Что вы на это скажете, достойные мужи?..

Паронтэр Ованес откашлялся и проговорил:

— Русские далеко. От Баку до нас путь долог.

— Мы продержимся до их прихода! Тридцать три дня держались, еще продержимся.

— И верно, пусть Давид-Бек приходит! — крикнул Давид Мирзеджанян.

— Он же приходил! — воскликнул Карчик Ованес. — Не послушались, вот и расплачиваемся теперь.

— Ошиблись, — с горечью проговорил монах. — Не приняли доброго совета, а сейчас с чем же Беку прийти нам на помощь? В Нахичеване турки, в Гандзаке тоже. Не может же он оставить турок у своего порога и поспешить к нам?

— Хоть посоветует, как нам быть дальше.

— Не вовремя вы разговорились, — прервал Карчик, — некогда нам пережевывать прошлые события. Говорите, посылать человека в Сюник или нет? Сами знаете, положение тяжелое.

— Надо послать, — сказал паронтэр Ованес. — Дело ясное, мы положились на хана и на недальновидного нашего католикоса и обманулись. Доколе мы выдержим? Враг уморит нас голодом, если не сумеет взять город силой. Вся надежда на то, что Давид-Бек поможет нам прорвать кольцо турок и вывести из города население.

Слова паронтэра пришлись Карчику по сердцу. Сейчас уже поздно каяться в ошибках, надо искать выход для спасения народа. А выход один — уйти из города…

На том и порешили.

Вернувшись домой, Карчик Ованес послал одного из подмастерьев за Мовсесом.

Карчик чувствовал себя усталым, ломило кости. В первый раз он с горечью подумал, что ему ведь уже сорок! До чего же скоро пролетели годы…

В верхний этаж его дома недавно попало ядро. Обвалилась одна стена, два балконных столба повисли в воздухе, колонны покривились.

Двор и сад были пустынны. Арбузные грядки поросли крапивой. Дерзкие побеги повители опутали розовый куст и придавили его своей тяжестью к земле. Карчик огляделся вокруг, тяжело вздохнул и прошел под полуразрушенный балкон, к двери, что вела в глубокий подвал. Из щели между досками пробивался слабый свет. Карчик вошел.

Бабушка встретила его на пороге.

— Тсс!.. Тише, Ованес, дети спят, — сказала она, приложив палец к губам.

Неподалеку сидели жена и дочь. Грустные, поникшие.

— Ну, как вы тут? — спросил Ованес.

— Э, да что о нас спрашивать? — запричитала старуха слезливым голосом. — Ты там, в огне, мы здесь. Вся надежда на бога.

Дети спали у стены, на ковре. У старшего как бы в удивлении открыт рот, младший подложил ручонку под ухо.

Отец поцеловал их. При свете лампы дети казались бледными и словно бездыханными. Отец на миг содрогнулся от мрачных мыслей, затем, перекрестившись, отошел.

— Не падайте духом! — сказал он, с трудом подавляя тяжелый вздох. — Берегите детей.

Вошел Мовсес. Ованес вывел его во двор и заговорил:

— Мы решили послать тебя в Сюник. Как, согласен?

Мовсес с готовностью кивнул.

— Надо просить Давид-Бека, чтобы пришел и вывел нас из окружения. Расскажи ему все, что ты видел своими глазами. Передай, что мы раскаялись в том, что не приняли его совета. Пусть не оставит нас на погибель. А как

прорвем осаду, тотчас уйдем в Сюник.

Пока они говорили, подмастерья привели двадцать молодых людей из квартала Цирани, которым были хорошо известны потайные выходы из их квартала. Попрощались. Циранские молодцы повели Мовсеса.

Карчик глубоко вздохнул, посмотрел на облачное небо и потер лоб. Сорвал розу с куста, придушенного повителью, понюхал ее, не ощутив запаха, отбросил в сторону и пошел к позициям.

Стояла беззвездная душная ночь.

Из Стамбула прибыло вспомогательное войско, а с ним и строгий приказ султана Ахмеда немедленно занять Ереван и уйти к берегам Каспия, чтобы помешать наступлению русских в глубь персидской страны.

Султан поставил под начальство котайского паши двадцатипятитысячную армию и послал ее в помощь Абдулле. Котайский паша — совсем еще молодой, кривоногий от долголетней верховой езды турок с узкими монгольскими глазками, под которыми пролегли черные тени. Необыкновенно подвижные брови его густо выкрашены хной. Небрежно став перед Абдулла пашой, он торжественно произнес:

— Дарующий блага султан повелел мне прийти и отвоевать у гяуров-эрменов Ереван.

Сераскяра уязвили наглый вид и самоуверенность вновь прибывшего паши. Даже подобающего приветствия не произнес грубый котаец. Но Абдулла знал, откуда это идет. Котайский паша был сыном сестры султана Ахмеда и любимцем великого визиря.

— Сколько у тебя войска? — с деланным спокойствием спросил сераскяр.

— Двадцать пять тысяч.

— Я дам тебе еще столько же янычаров.

— Мне хватит своих людей! — усмехнулся котайский паша. — Гяуры-эрмены не стоят того, чтобы из-за них пускать по ветру войска владыки наших судеб султана! Я сам возьму Ереван.

Абдулла даже порадовался самонадеянности спесивца. «Ничего, —

подумал сераскяр, — разобьет башку об ереванские скалы, тогда уж я поговорю с этим избалованным ослом».

— Хорошо, — сказал он уже вслух. — Я согласен. Только советую дать войскам дня два отдохнуть перед штурмом.

Котайский паша решил лично осмотреть места подступов к городским укреплениям.

Воды в Раздане было уже значительно меньше.

На сороковой день осады, ранним утром, турки возобновили штурм. Хотя Абдулла и питал некоторую враждебность к котайскому паше и даже желал ему поражения, однако приказал стрелять по городу из пушек и предоставил котайцам определенные вспомогательные силы.

Котаец ехал на коне впереди своего двадцатипятитысячного войска. Хорошо отдохнувшие, сытые, уверенные в победе — хотя бы из численного своего превосходства, котайцы под звуки барабанов и крики мулл форсировали обмелевшую реку и, заняв левый берег вдоль ущелья, кинулись вслед за пашой к укреплениям.

На этот раз к скалам приставили семьсот лестниц. Большая часть турецкого войска сосредоточилась на штурме единственной тропинки, ведущей от ущелья к городу…

Армяне поделили свои малочисленные силы на четыре части. Небольшой отряд охранял северные укрепления города, где скопившаяся вода уже обмелела. Хотя турки еще и не решались нападать с этой стороны, тем не менее нужно было обеспечить тыл. Командовали тут Бутик, сын Мариам, и старшина Дзагавана — Мовсес.

Второй отряд во главе с Логосом Кичибекяном и братьями Мкртичем и Мгуном защищал подступы со стороны реки, что течет вдоль квартала Еркуерес.

Ованес Хундибекян с тремя тысячами храбрецов занял позиции между старым мостом и мельницами, откуда турки намеревались перейти реку и, обогнув южные холмы, подобраться с тыла к кварталу Дзорагюх.

Карчик Ованес с двумя тысячами воинов должен был защищать проход у тропы. На случай оказания помощи попавшим в затруднительное положение частям выделили полторы тысячи копьеносцев и под началом монаха Григора направили их в квартал Хнкен. Оттуда они могли активно помешать нападению турок.

Штурм начался по всему фронту. Засевшие на берегу реки аскяры палили из ружей без перерыва. Дымом заволокло все вокруг, скоро он поднялся до вершин скал.

Полки турецких копьеносцев, зажав в зубах сабли, карабкались вверх.

От старого моста до аштаракской дороги все было заполнено турками.

Десятитысячный отряд набросился на позиции, занятые Ованесом Хундибекяном. Шаг за шагом они приближались к откосу, где в безводной канаве, под прикрытием каменных глыб, затаив дыхание, их ждали люди Хундибекяна.

Видя наступающую массу, паронтэр Ованес на миг испытал чувство страха. Но в следующую секунду в нем уже вскипела кровь, он обернулся к своим воинам и крикнул:

— Не пугайтесь этих разбойников, братья!.. Бейте их во имя спасения наших детей и нашего города!

Армяне стали посылать одиночные ружейные выстрелы. А скоро целый поток пуль полетел в движущегося навстречу живою стеной неприятеля.

Поредели первые ряды турок, но все последующие упорно подымались по крутому склону.

Сейчас обе армии находились друг от друга на расстоянии пятидесяти — шестидесяти шагов.

Ованес Хундибекян обнажил меч, огляделся вокруг и, увидев, что его люди уже несутся на врага, рванул вперед.

Побоище началось.

Позиция у армян была благоприятная. Они были наверху, а туркам, чтобы подняться, приходилось карабкаться по каменистому склону. Вот высокий

турок совсем было подскочил к паронтэру, но в этот миг из-под его ног покатился камень, и он грохнулся. Ованес тотчас рубанул его саблей.

Ущелье гремело от воинственных криков и от стонов умирающих.

Абдулла паша, стоя под ореховым деревом, в подзорную трубу наблюдал за ходом сражения. Его искренне удивляло и восхищало упорство котайцев. Их беспощадно косили, лестницы под ними одна за другой разбивались, увлекая за собой уцепившихся за ступеньки людей. Но в одном месте, как заметил Абдулла паша, турки теснили армян: на участке между мельницами и старым мостом. Армяне и здесь усиленно отражали удары котайцев, но слишком уж неравными были силы.

Сераскяр не отрывал взгляда от котайского паши, над головой которого неотрывно держали бело-черное знамя с изображением черепа и полумесяца. Абдуллу обуревали двойственные чувства. Он ясно видел, что их войско побеждает, и не мог не радоваться этому. Но, с другой стороны, ему было досадно: вот уж возомнит этот самодовольный котаец, расхвастается перед султаном, что он, мол, один только и сумел взять Ереван, и будет, конечно, требовать себе соответствующей награды. Султан, чего доброго, назначит его сераскяром, не задумается, посрамит древний род Кёпурлу. «Хоть бы убили этого котайца…» — подумал Абдулла.

Ованес Хундибекян видел, как редеют ряды своих. Люди отступали под напором врага. Турки уже отрезали ведущий в город проход. «Падем, поголовно падем!» — подумал паронтэр, и им вдруг овладело какое-то странное успокоение. Нужен был лишь миг, чтобы он примирился со случившимся и посмотрел в глаза смерти. «Но прежде чем пасть, я еще многих уложу», — пронеслось у него в голове.

На левом фланге турки вновь прорвали оборону. Это случилось совсем неожиданно. Паронтэр едва успел перепрыгнуть через мельничную канаву. За спиной, всего в двадцати шагах, высилась скала. Князь защищался мужественно. Он вступил в рукопашную с двумя турками и уложил обоих. Шлем слетел с его головы, и седеющие волосы упали на лоб. Горсточку

оставшихся с ним людей теснили новые отряды врага.

Паронтэр понял, что на этом все кончено. В тылу — неприступная скала, а впереди — нескончаемые полчища турок.

— Вперед!.. — в самозабвении крикнул он и очертя голову бросился на врага.

Бывшие с ним сотни три воинов смешались с турками, и началось побоище не на жизнь, а на смерть.

Как ни странно, превосходящие в своем количестве турки подались назад: потрясла сила натиска. «Шайтан, шайтан!» — кричали они, удивляясь, как это почти поверженный противник не молит о пощаде, а все еще сражается.

Горячая струя вдруг прожгла Ованесу левое плечо, и он увидел у ног свою оторванную руку, еще трепещущую. Паронтэр открыл рот, хотел, видно, что-то прокричать, но упал как подкошенный и покатился к берегу… Пахнуло мятой и… былое погрузилось в вечный мрак.

Все, что свершилось у мельниц, наблюдал со своей позиции Карчик Ованес. Увидев, как падает Ованес Хундибекян, он подумал: «Вот и вознесся в небо! Да прославится его имя в народе, с честью ушел в вечную обитель!»

Вражеские воины, обобрав убитых, подались в город.

— Пороховые бочки сюда! — крикнул изо всей мочи Карчик Ованес и бросился к расщелине.

Хотя было уже далеко за полдень и жара давно спала, он задыхался, широко раскрыв рот, лихорадочно глотал воздух, раздувая при этом ноздри.

Сто двадцать бочек подкатили к щели, которую охраняла какая-нибудь сотня воинов. А снизу черной тучей подступали турки. В каждой из бочек было по небольшому отверстию. Их открыли и вставили туда легко воспламеняющиеся фитили.

— Скорей, скорей! — торопил Карчик Ованес.

А тем временем женщины сбрасывали на головы турок все, что было под руками: глыбы камней, бревна, куски железа. Многие из них тут же погибали от неприятельских пуль. Убитых быстро оттаскивали в сторону и снова бежали

к щели.

Откуда ни возьмись явилась бабушка Карчик Ованеса. С распущенными волосами, с разодранным на груди платьем, с горящим факелом в руках, она была само мщение. За ней следовали невестка и внучка и еще какие-то женщины. Ованес увидел их и крикнул:

— Бабушка!..

Больше он ничего не сказал. Только указал в сторону прохода.

Женщины поднесли деревянные ведра с растопленной смолой и сбросили их вниз.

— Сожжем, изжарим проклятых, дети мои! — прохрипела бабушка и кинула вслед за ведрами свой горящий факел.

«Хоть бы до темноты продержаться!» — думал Карчик, втыкая фитили в бочки с порохом.

Он уже послал двести воинов в помощь паракарцам. А сейчас подозвал юношей, что таскали камни, и сказал:

— Быстренько соберите всех городских собак.

Удивленные этим странным приказом, юноши растерянно мялись на месте.

— Не вам ли я говорю?! — закричал Ованес. — Приведите сюда всех собак и притащите все, какие попадутся под руки, лохмотья и тряпки! Да поскорее, времени у нас в обрез.

Юноши бросились в город.

Женщины продолжали делать, что могли: лили вниз кипящую воду, иные смачивали свои шали в керосине, поджигали их и тоже кидали на врага.

Все ближайшие дома уже были разобраны. Запасы каменных глыб иссякали.

Ереван сопротивлялся со сверхъестественным, невероятным упорством. С трудом одолев трехтысячный отряд Ованеса Хундибекяна, бесчисленные воинские соединения турок втиснулись в Дзорагюх, оттеснили паракарцев и заняли на высоте подступы к нескольким узким улицам.

Получив подкрепление от Карчик Ованеса, паракарцы не дали врагу продвинуться вперед. Они подложили под дома порох и, взорвав их, забаррикадировали улицы.

Дневные успехи опьянили турок. Аскяры самозабвенно кидались на развалины, вступали в рукопашную с армянами, защищающими уличные проходы.

Котайский паша делал все, чтобы прорваться в город и за ночь вырезать оставшееся в живых армянское население. Он уже не сомневался в победе, даже отправил одного из телохранителей к сераскяру, сказать, пусть ни в коем случае больше не присылает войска.

— Город взял я! — самодовольно заявил он гонцу. — И все его богатство принадлежит моему войску. Так и передай Абдулла паше!

С наступлением темноты турки слегка ослабили штурм. Только временами гулко постреливали из ружей. Но на позициях своих они держались крепко. Местность от берега реки до самого Дзорагюха, куда добрались их передовые отряды, была усеяна турецкими воинами. Кашевары раздавали людям полувареное мясо, хлеб и мягкий творожный сыр из овечьих и козьих бурдюков.

— Потерпите еще немного, дети Магомета, — подбадривал всех паша, обходя войско. — Завтра мы будем пить ароматный кофе в домах ереванцев и каждый, кто того захочет, станет ласкать армянских красавиц.

Котайцы слушали сладкие речи и облизывались, мечтая, чтобы скорее наступил рассвет.

Темная, беззвездная ночь спустилась на осажденный город и на раскинувшиеся на берегу реки армии непрошеных пришельцев-губителей. В небе грудились свинцовые тучи. Река стонала и ревела. Постепенно угасли все костры. Черный призрак крепости растаял во мгле…

Но в городе никто не спал.

Карчик Ованес собрал остатки своего войска.

— Будьте готовы к штурму, — приказал Ованес. — Мы скатим на турок

горящие бочки. Затем всей своей оставшейся силой нападем на них. В эту ночь мы должны отбросить неверных на другой берег.

Никто не возражал, не роптал. Верили они или не верили в возможность одолеть врага, это не имело значения. Важно одно: все были готовы к бою!

Бочки установили на краю обрыва. Юноши успели собрать и привести всех городских собак. Почуявшие опасность животные, поджав хвосты, жалобно скулили. Собак обвязали лохмотьями, облили керосином и стали ждать приказа Карчик Ованеса.

И вот собак подожгли и сбросили вниз. Несчастные подняли ужасающий вой. Объятые пламенем, они сначала катались по земле у самой стены, но, почуяв близость воды, инстинктивно кинулись к реке.

В стане турок началось что-то невообразимое. Обезумевшие собаки с воем подскакивали в воздух и плашмя падали на груды спящих воинов.

— Бочки!.. — крикнул Карчик Ованес, едва последняя собака скатилась вниз.

Подожгли короткие фитили, и все сто двадцать бочек, подгоняемые одна другой, ринулись по крутому склону. Затаив дыхание, Ованес ждал взрыва. Мгновение казалось ему вечностью.

Но вот послышался первый взрыв, и гигантский огненный столб взметнулся в воздух. За ним второй, третий… Ущелье загрохотало…

Осветились даже отдаленные холмы. Взрывы следовали один за одним. Даже армяне ужаснулись, видя последствия содеянного ими. В темноте казалось, будто разверзлась земля и огненный вал, обрушивающийся на берег реки, исторгается из ее чрева.

В турецком лагере горело все. И как горело!..

Карчик Ованес со звоном обнажил саблю.

— За мной! — крикнул он. — Во имя нашей родины и нашего народа!

Карчик первым прыгнул с плотины. Все его воины последовали за ним.

— Урусы, урусы пришли!.. — крикнул по-турецки Карчик Ованес, налево-направо обрушивая удары сабли на панически мечущихся врагов.

— Амман!.. Урус пришел! — вторили ему, тоже по-турецки, армяне.

— Бегите, гяуры идут!..

Кто мог знать, чьи именно голоса так ревут в этом пылающем аду. Каждый думал только о спасении своей жизни. А известие о русских подлило масла в огонь и еще более усилило панику.

Ужас овладел турками. Истошно вопя и топча друг друга, они безотчетно кидались вниз с одной лишь мыслью: спастись от огня и меча.

На берегу бегущих встречал котайский паша и жестоко карал всех попавшихся под руку своей саблей, приказывая вернуться назад. Но волна спасающихся захлестнула его и увлекла за собой. Сабля выпала из рук паши, и он очнулся уже в реке, ощутив холод ее воды.

Армяне еще долго беспощадно рубились с врагом.

Рассвело.

Ереванцам открылись последствия ночного боя. Левый берег Раздана от узкой прибрежной равнинной полосы до дзорагюхского прохода был покрыт бесчисленными телами убитых. Многие еще дымились. Воздух полнился запахом гари. Среди трупов копошились еще живые, но смертельно обожженные люди.

Картина была ужасающей. Даже одержимые паракарцы отворачивались.

Карчик Ованес послал небольшие отряды подобрать турецкое оружие и трупы армянских воинов, а сам стал проверять, кто жив и кто погиб в ночном бою.

Тем временем у шатра главнокомандующего османским войском, под раскидистым абрикосовым деревом, уже отягощенным плодами, перед Абдулла пашой стоял на коленях, без шапки, в изорванной и насквозь мокрой одежде котайский паша.

— Самодовольный хвастун, развеял по ветру войска владыки наших судеб, а теперь каешься! — гремел сераскяр. — Гордая и глупая баба! Что же ты не взял город?

— Я бы взял, но урусы зашли в тыл к армянам, урусы! — закричал

опутанный цепями паша.

— Урусы!.. Ха-ха-ха!.. — засмеялся сераскяр. — Где ты видел урусов? Свинья, трус, дерьмо! Из-за своей самонадеянности ты истребил лучшее войско султана. Изменник!

Абдулла паша вымещал долголетнюю досаду. Каково это? Наконец-то можно вволю понатешиться издевкой над человеком, перед которым трепетал как осиновый лист на ветру! Теперь-то уж никто не покарает его за глумление над выскочкой, погубившим двадцатипятитысячную армию и к тому же удравшим с поля боя без оружия и даже без шапки.

— Повесить его! — бросил Абдулла.

К высокой ветви абрикосового дерева привязали навощенную веревку, накинули петлю на шею коленопреклоненного паши. Повиснув на дереве, он бессильно дернулся раз-другой, захрипел и скоро поник недвижимый.

— Приостановить штурм до прибытия войск, расположенных на берегу Куры! — приказал Абдулла паша и зашагал к своему шатру.

Все низко поклонились ему.

А в это время в ограде церкви святого Саркиса ереванцы предавали земле прах Ованеса Хундибекяна, Логоса Кичибекяна, Давида Мирзеджаняна и еще многих.

Обряд погребения совершал монах Григор.

Люди вокруг безмолвствовали. Курился ладан в кадилах священников. Печально перезванивались церковные колокола.

Оплакивали молча, без слез.

Проданная кровь

Горный перевал Сисакана пламенел красным цветением маков. Казалось, прошедший накануне дождь окропил зеленый ковер, покрывающий горы, алой кровью.

День стоял теплый, воздух прозрачный и чистый. От снежных шапок с

высот стекали бесчисленные ручейки. Дробясь о скалы, они затем сливались в белые ленты и, вытянувшись в небольших ущельях, катились к прячущейся в пропасти реке Шахапун.

Все вокруг полнилось звоном невидимых роев диких пчел.

На самом верху перевала, где еще высился воздвигнутый некогда царем Арташесом путеводный столб, стоял Давид-Бек. Там же были Мхитар спарапет, Тэр-Аветис, мелики Бархудар, Шафраз и Еган. Внизу, в ущелье, воины и жители окрестных сел уже заканчивали возведение укреплений. Бек смотрел в подзорную трубу в сторону вершин Масиса, сияющих разительной белизной на фоне синего горизонта.

— До чего же величественны! — воскликнул он, передавая трубу телохранителю. — Большой Масис — будто белое облако, неподвижное и без единого пятнышка.

— Он и пленный величествен! — добавил спарапет.

Давид-Бек еще раз посмотрел на запад. Невооруженному глазу Масис был едва виден.

— Какие вести оттуда? — спросил Бек у спарапета.

— Осажденный Ереван все еще держится и даже сопротивляется, — ответил Мхитар. — Села, что лепятся вокруг него на равнине, вконец разорены турками. Сегодня прибыл гонец из Арцаха. Князь Ованес-Аван сообщает, что паши Сари Мустафа и Реджеб внезапно сняли свои войска из-под Гандзака и ушли…

— Куда?

— В Ереван, на помощь Абдулле.

Давид-Бек помолчал минуту, тяжело вздохнул и сказал:

— Ереванцы оказались неблагоразумными и недальновидными. Не вняли нашему совету, и вот чем все это кончилось…

— Персияне вероломно обманули их, — добавил Тэр-Аветис, — а теперь к тому же ищут контактов с осадившими Ереван турками.

— А что католикос?

— Католикос Аствацатур возвратился из Тавриза в Эчмиадзин.

— Чтобы сдаться туркам? — воскликнул Бек.

— Султан отдал приказ не трогать Эчмиадзин и католикоса.

— Хорош пастырь! Спас свою голову, а что будет с несчастной паствой, это его не волнует! — с горечью сказал Бек.

От подножия холма, раздвигая на пути траву, подымался инок Мовсес. Его борода была растрепана, раненая рука еще не зажила. Шагал он тяжело, устало. Давид-Бек едва узнал Мовсеса.

— Кончилось? — тревожно спросил Бек, не ожидая приветствия инока. Не терпелось поскорее узнать о дальнейшей судьбе Еревана.

— Нет еще, тэр Давид-Бек, — переводя дух, ответил Мовсес. — Ереванцы сопротивляются. Сражаются с небывалым упорством. Сотни и тысячи турок полегли под стенами Еревана.

Бек присел на камень. Сделал рукою знак, чтобы сел и Мовсес, с грустью посмотрел на него: инок казался постаревшим лет на двадцать. Беку хотелось по-отечески притянуть его к себе и крепко обнять, но он сдержался и попросил поподробнее рассказать обо всем, что творится в Ереване.

— Сила османов очень велика, владыки военачальники! — вздохнул Мовсес. — Не исчерпать ее отдельными выпадами. Ереванцы прислали меня к вам, чтобы вы помогли найти какой-нибудь выход. Жалко их, погибнут все до единого… Мирали и католикос обманули…

— А, давно пора бы взяться за ум, не дать себя обмануть! — зло бросил мелик Бархудар.

— Бог наделил их храбростью, но этой ценой отнял разум! — добавил мелик Еган.

Речи эти не понравились Беку.

— Люди гибнут во имя своей чести, своего народа и города! — строго заметил он. — Они достойны глубокого уважения. Склоните головы перед ереванцами, так будет уважительнее!

Бек встал, отряхнул полы запачканной землею одежды, сорвал в траве

листик щавеля, поднес его к губам и скривился. Концом сапога копнул мягкий чернозем. «Турки ушли из Гандзака, — размышлял про себя Бек, — и идут на Ереван — северные ворота в Персию. Но на пути в Персию перед ними встанет Сюник. После Еревана турки наверняка соединятся с нахичеванским войском и пойдут на нас».

Бек широко зашагал. Какой свежестью веет от травы, как красивы маки!.. Так и хочется лизнуть их алые лепестки, растянуться вот тут, на холме, насладиться всей этой радостью жизни, утренним солнцем… Не знать ни горя, ни забот…

— Тэр Бархудар! — обратился Бек к мелику Хндзореска. — Пройдем-ка в твой шатер. Может, не один я голоден, а? Что скажешь?

Бархудар просиял от удовольствия и поклонился. «Что-то у Бека на уме? — подумал мелик, приглашая всех в свой шатер. — Неспроста он впервые оказывает мне такую честь!»

Расселись на разостланных перед шатром коврах. С высот просматривалась вся восточная часть Араратской долины. А чуть дальше — левее Малого Масиса — текла река Тгмут, утопало в тумане Аварайрское поле…

Опершись спиной о большой камень, Давид-Бек смотрел вдаль… Казалось, острый взгляд его видел сквозь тьму веков героев Аварайра[61].

Всего несколько месяцев назад тот самый инок Мовсес, который вот сейчас сидит перед ним, читал в монастырской келье: «…Из рода Мамиконянов — пал храбрый Вардан, из рода Хорхоруни — мужественный Хорен… И доблестный Артак, и дивный Тачат… И жены нежные Армянской страны…»[62]

— Где вы, о, храбрецы?! — забывшись, громко возгласил Бек.

— Кто? — удивленно спросил сидевший против него Мовсес.

Бек не сразу пришел в себя. Посмотрел на инока и подумал: не Егише ли

---

[61] В 451 г. н. э. армянские воины под предводительством легендарного полководца Вардана Мамиконяна в неравной схватке с превосходящими силами противника разгромили персидское войско.

[62] Из книги историка V века Егише «О Вардане и армянской войне».

это? И что он напишет о нынешних днях в назидание грядущим поколениям, что скажет о людях Еревана, Варанды, Лори, обо всем армянском народе, который снова встал на борьбу за свою независимость, за родину, как тогда, на поле Аварайра… Бек протянул руку к медному подносу, взял кусок вареной баранины и подал Мовсесу:

— Ешь, брат мой! Так будет не вечно. Гонениям на наш народ придет конец. Обязательно придет…

Мовсес ничего не сказал. Мысли инока были далеко, там, где навсегда осталась его Арусяк…

Заговорили мелики. Все были озабочены судьбой Еревана — матери городов армянских.

Покончив с едой, Бек обтер руки травой, на которой еще не высохла роса, и обратился к Мхитару:

— Бери полк «Опора страны» в подмогу своим воинам и лети в Ереван. Возьми с собой и мелика Бархудара с его войском, дай знать ереванцам, что вы идете на помощь. Прорви ночью кольцо осады, выведи народ из города и спасай его любой ценой! Все понял?!

— Повеление будет исполнено! — вытянулся Мхитар.

Мелик Бархудар опять был польщен столь высоким доверием.

Кёпурлу Абдулла паша рвал и метал. Неудачи следовали одна за другой. Уже пятьдесят один день сидит он под Ереваном. Потерял под стенами этого злосчастного города несколько тысяч воинов. На каждое орудие у него оставалось не больше десяти ядер. Обоз застрял в горах Ширака, и кто знает, когда прибудет на место. На исходе мука, нет и риса. От постоянного употребления мяса люди болели цингой. Аскяры мучились от боли, жевали траву и желтую глину. Изнуряла и невыносимая жара. Сотни воинов болели желудком, умирали от лихорадки.

А Ереван все держался. Паша ума не мог приложить: на что надеются эти армяне, зачем сопротивляются, не сдаются? Бессильную свою злобу Абдулла

сорвал на беззащитных селах, уцелевших в отрогах Арагаца, в гаварах Ниг и Цахкотн. Он приказал ограбить их и сжечь дотла, а людей угнать в плен.

Сераскяру не давали покоя вести, доходившие до него из Высокой Порты.

«Султан недоволен тобою, любимый мой Абдулла, — писала ему сестра — перл султанского гарема. — Поскорее кончай с этим проклятым Ереваном и иди на урусов. Великий визирь ропщет, послы Франции и Англии недовольны. Твое промедление на руку московскому царю. Поспеши, брат мой!»

«Поспеши! — повторил про себя паша. — А разве я не спешу? Ох уж эти мне европейцы. Взяли в тиски слабовольного султана и вертят им как хотят».

Такими тяжкими думами полнилась голова сераскяра, когда однажды на рассвете в его лагерь явились паша Сари Мустафа и паша Реджеб. Узнав об их прибытии, Абдулла вскочил на коня и поскакал навстречу.

Сомнений и огорчений как не бывало, едва сераскир увидел, с каким войском пришли к нему на помощь Сари Мустафа и Реджеб. Крепкие и сытые, довольные доставшейся им в грузинской стране добычей, воины эти готовы были броситься в огонь и в воду. Лагерь ликовал по случаю прибытия подкрепления. Глаза Абдулла паши увлажнились. Он обнял и поцеловал соленые губы Сари Мустафа паши, прижал к груди молодого, высокорослого, чуть косившего Реджеба — его сераскяр видел в первый раз.

— Кто остался в Гяндже? — спросил Абдулла паша.

— Там десять тысяч вооруженных воинов, — ответил Сари Мустафа. — А что же это у тебя ничего не получается, сераскяр ага?

— Плохи дела, дорогой, — вздохнул Абдулла, — аллах свидетель, эти армяне сошли с ума! Они жаждут смерти, и только!

— Да, орех попался крепкий. К сигнахам Арцаха и вовсе невозможно подступиться, в Варанде уничтожен корпус Шахин паши.

Паши объехали расположившихся новым лагерем прибывших воинов. Здесь же грудами лежали награбленные вещи: серебряные чаши, имеретинские ковры, узлы с парчой и шелками из Тифлиса. Кишмя кишели куры, овцы и прочая живность. Тут же стояли двухколесные арбы с впряженными в них

быками, на которых, как затравленные зверьки, жались большеглазые юные грузинки, отроки и совсем еще малые дети.

Абдулла паша остановил лошадь перед большим отрядом янычаров. Черноволосые, рыжие и совсем светлые, бородатые янычары угрюмо смотрели на сераскяра. Глаза у них были как у барсов, жаждущих крови, — глянуть страшно. Не одного султана повесили они на площади Ат-Майдан в Стамбуле!

— Салям храбрейшим сынам Магомета! — приветствовал их сераскяр.

Войско рявкнуло в ответ что-то неопределенное, глухо и недружно.

— Ереван падет перед вами! — продолжал Абдулла. — Клянусь пятой пророка, что никому не позволю взять и сотую долю из вашей добычи.

— Иншалла! — на этот раз единодушно ответили янычары.

— Пусть сам аллах ведет вас.

Абдулла паша остался на ночь в шатре Сари Мустафа паши и Реджеб паши. Штурм решено было начать ранним утром. Войску роздали жалованье. Пленных увезли в сторону Аштарака. Наставили пушки на город. А пока, в ожидании рассвета, прирезали не одну сотню барашков и стали пировать. Сари Мустафа подарил Абдулла паше двух прекрасных грузинок. Липкими от вина и от жира губами мерзкий сластолюбец стал лобызать нежные лица затравленных пленниц.

В беззвездной ночи из-за Гарнийских гор поднялся необычный кровавый серп луны и зловеще повис над раскинувшимся на скалах Ереваном.

Скоро османский лагерь, распластавшись подобно тигру, уложившему голову на лапы, погрузился в короткий тревожный сон.

Впереди снова был бой.

Карчик Ованес пребывал в большой тревоге. Не было никаких вестей от посланного в Сюник Мовсеса.

В оружейной мастерской при свете лучины кузнецы чинили захваченное у турок оружие, а Карчик раздавал его всем, кто еще не потерял способности передвигаться: старикам, женщинам и детям. Каждый понимал, что турок не пощадит никого. Так уж лучше умереть с честью…

Разделавшись с оружием, Карчик Ованес пошел на позиции в Дзорагюх. Шел по темным улицам, ноги ныли, голова трещала от бессонных ночей. Сердце полнилось горем. Шел, будто в ад. Каковы изверги? Обрекли на гибель целый город!

Навстречу ему вышел вардапет Григор.

— Турки снова получили большое подкрепление, — сообщил он.

— Тем хуже для них! Погибнут и эти, как собаки! — ответил Карчик.

На рассвете началу новые атаки. На этот раз турки штурмовали город с четырех сторон…

Через час-другой Карчик Ованесу сообщили, что войска Сари Мустафа паши преодолели водную преграду и вошли в квартал Анапат. Карчик послал туда горсточку молодых аванцев и несколько женщин. Им удалось приостановить наступление турок, но отбросить врага из квартала Анапат они уже не смогли — слишком малы были силы…

Уличные бои в Ереване длились три дня.

Скоро турки заняли также кварталы Дзорагюх и Еркуерес. Никто из армян не бежал, не бросил своей позиции. Люди погибали с оружием в руках.

Оставшиеся в живых сгрудились на улицах и во дворах домов, лепившихся окрест церкви святого Саркиса. Спасти их могло лишь чудо. Но в чудо уже никто не верил, никто не ждал его.

В портале церкви ночью собрались уцелевшие сотники и десятники. Не снимая с себя оружия, вардапет Григор наскоро отслужил обедню и причастил всех.

— Умрем с оружием в руках! — возгласил он осипшим голосом. — Господь бог примет нас в свои объятия, дети мои…

Выйдя из церкви, вардапет в сопровождении небольшой группы стариков и женщин направился с крестом и хоругвями в Конд, где жили сто семейств боша — армянских цыган. Вардапет разулся, разорвал на груди рубаху и с крестом в руке вошел во двор старшины цыган Казара Бабурина. На шум высыпали из своих домов все окрестные жители.

Заметив вардапета Григора, боша Казар, сухопарый человек с козлиной бородкой, склонился и поцеловал служителю церкви руку.

— Приди нам на помощь! — обратился к нему вардапет. — Не забывай хлеб-соль, которую не год и не два делим между собой. Детям нашим грозит смерть. Во имя Христа, помоги. По наущению господню я пришел к вам.

Боша немного опешил от замогильного голоса вардапета, от его страшного вида, от воплей армянских женщин и детей. Сердце больно сжалось. Из глаз полились слезы.

— Мы готовы! — проговорил он. — У меня двести храбрых молодых людей, они вооружены и искусны в обращении с мечом и в стрельбе. Все пойдут к вам и станут вместе сражаться против турок.

Вардапет зарыдал. Женщины громко благословляли судьбу.

Боша Казар разделил своих людей на пять отрядов, назначил старшин и передал всех под командование Карчик Ованеса. Под покровом ночи эти маленькие отряды ходами, известными лишь им одним, подступили к кварталам, занятым турками.

Рассвет не заставил себя ждать. Пришел день новых горьких испытаний.

Солнце поднималось все выше и выше, но ереванцы не видели ничего — ни солнечного дня, ни дождя, ни облаков. Никто, конечно, не видел и того, что давно уже созрела белая тута, что, лишившись хозяев, городские кошки одичали, а собаки, питаясь падалью, взбесились.

Дух мужества в людях иссяк. Малочисленных защитников вдруг обуял страх. Некоторые стали роптать. Иные откровенно выражали недовольство самому Карчик Ованесу. «Что это вы натворили? — смело кидали они ему в лицо. — Враги изо дня в день увеличиваются в своей численности, а нас все меньше и меньше. Чего упорствовать? Не лучше ли сдаться паше, вымолить у него милосердие для нас и для нашего несчастного города?»

И Карчик Ованес с вардапетом Григором наконец уступили: решили послать человека к Абдулла паше, заявить о своей покорности и просить мира. Объявили об этом людям: все молча согласились с решением. Но никто не

вызвался идти парламентером. Вардапет снял и отбросил в сторону свою саблю.

— Пойду я, — сказал он.

— Нет! — воскликнул тогда паракарец Арутюн, смуглый пучеглазый парень. — Я хорошо владею турецким, да и вообще мне проще. Давайте белый флаг.

К концу палки привязали белую тряпицу и подали Арутюну. Вардапет Григор благословил парня, затем его по канату спустили со скалы на берег реки. Держа белый флаг над головой, он перешел реку и поднялся вверх. Сгрудившиеся на том берегу турки радостно замахали ему руками.

Арутюн подошел к ним. Из толпы выступил турецкий десятник, выхватил у Арутюна флаг, бросил себе под ноги и спросил:

— Что тебе надо, гяур-эрмени?

— Проводите меня к вашему паше, я парламентер. Старейшины Еревана просят мира. Мы покоряемся султану.

— Ха-ха-ха!.. — засмеялся десятник. Ему вторили и остальные. — Хитрые же вы лисы, гяуры-эрмени! Ха-ха-ха… Теперь вы просите мира, хотите лишить нас добычи, всего, что по праву принадлежит нам?

— Отведите меня к паше, пусть он все решит, — попросил Арутюн.

— Нам нужен ваш город, ваши жены, ваши сокровища, ваше имущество — все! Никакого мира быть не может! — Десятник выхватил у стоявшего рядом аскяра топор и со всего маху ударил им по голове Арутюна…

Карчик Ованес наблюдал со скалы за всем происходящим и поневоле съежился, видя, что сделал турок с Арутюном. Удар этот будто пришелся по его собственной голове.

— Не отчаивайся, Ованес! — сказал спокойно известный в городе хлебопек Мирза Ахиджанян. — Теперь пойду я. Убьют и меня, умру с миром, а коли останусь жив, брошусь в ноги паше и буду молить о милосердии к нашему городу.

Мирза обнялся и расцеловался со всеми, взял с собою своего подмастерья,

и по канату они спустились с утеса. Армяне снова с надеждой следили за ним.

Вот оба парламентера пересекли реку и подошли к передовым отрядам турок. Мирза шел впереди, подмастерье за ним. Как только они добрались до турок, те набросились на них с топорами. Мирзу растерзали на месте же, паренек рванулся и побежал к реке. Турки кинулись за ним, но ловкий юноша ринулся со скалы в реку, на мгновение скрылся под водой, а затем, выйдя на берег, добрался до Дзорагюха.

— Горе нам, христиане! — крикнул он. — Велик наш грех, бог почитает нас недостойными своего милосердия!

— Прекрати карканье! — закричал Карчик Ованес и, повернувшись к оставшимся с ним людям, их было три-четыре сотни человек, спросил: — Готовы, братья?..

— Готовы ответить смертью на смерть!

Показались две женщины, они несли тело вардапета Григора. Святой отец устремился на помощь к боша, которые вели бой в квартале Анапат, и был убит. Вражеская пуля разорвала его левую лопатку. Лицо выражало полное успокоение.

Карчик Ованес приказал похоронить вардапета во дворе церкви. Но именно в этот момент огромная толпа турок поперла в сторону церкви. Оставив убитого непохороненным, все бросились на врага…

Бились не на жизнь, а на смерть. За каждую улочку, за каждый дом.

Перед Ованесом вдруг вырос какой-то юноша. С головы его струйкой стекала кровь.

— Боша Казар убит! — сказал парень и тут же растянулся перед Ованесом — ноги не держали беднягу. — Турки взяли квартал Цирани, — добавил он и испустил дух.

Ованес хотел было оттащить тело юноши к подножью ближайшего хачкара, но в эту минуту увидел прямо перед собою трех аскяров, отбросил ружье и обнажил саблю.

Сражение шло теперь лишь в квартале Дзорагюх. Ворвавшись со всех

сторон в квартал, турки рубили отчаянно сопротивлявшихся женщин и детей.

Карчик Ованес видел, что все уже кончено и что ему и горстке уцелевших людей осталось жить еще несколько мгновений. Преодолевая сопротивление своры янычаров, они отошли к церкви святого Саркиса.

Со стороны квартала Хнкен раздался мощный взрыв. На миг это обрадовало Ованеса. «Кузнецы взорвали пороховой погреб!» — подумал он про себя и завернул в низенькую часовню. Зарядил пистолет, стер ладонью кровь с сабли и вышел. Выстрелил в живот встречному турку, ударил другого саблей и перескочил через низенькую стену.

С ним больше никого не было.

Через дворы и тупики Карчик Ованес добрался до дому. Хотел в последний раз посмотреть, что там делается, живы ли свои. Неужто угнали в плен? Нет, не может этого быть! Его жена, юная дочь, сыновья! Неужто они попали в руки турок, пусть лучше погибнут, подобно сотням, тысячам других!..

Карчик легко вскарабкался на стену и прыгнул в сад. Первое, что он увидел, была большая толпа турок, человек сорок — пятьдесят. Они рвали друг у друга столовое серебро, безжалостно топтали ковры, на которых росли и играли деды Карчика, он сам, его дети. Увлеченные захватом добычи, турки не заметили Ованеса.

— Эх, храбрецы! — бесстрашно крикнул он. — Вот, я, добровольно сдаюсь вам!

Янычары удивленно посмотрели на него. Ованес бросил им под ноги пистолет и саблю.

— Это мой дом! Здесь у меня спрятано от глаз людских большое богатство. Обещайте сохранить жизнь моей семье, и я покажу вам, где тайник. Не исполните просьбы, без меня его не найдет и сам сатана.

Турки окружили Ованеса.

— А если врешь, гяур?

— В таком случае вы меня прикончите. Видите, я уже безоружен.

— Показывай, где твои клады.

— Клянитесь именем аллаха, что не обманете. Я верю вашей клятве.

— Клянемся! — крикнули сразу в несколько голосов. — Пусть аллах иссушит чрево наших жен, если мы не пощадим твоих детей и всю твою семью.

— Идемте! — сказал Ованес и зашагал к низким сводам подвалов своего дома. — Отец мой был большой ходжа. Мы из рода в род ходжи. Добра у меня много, пусть оно будет вашим, только, во имя бога, не нарушайте вашей клятвы…

Ованес постучал в дверь подвала и сказал:

— Бабушка, это я! Открой!

Дверь открылась. Увидев турок, бабушка попятилась. Дети вскрикнули. Ованес на мгновение закрыл глаза, зашатался, но, собравшись с силами, вошел. Янычары последовали за ним.

— Зажги свет, бабушка, и молись за спасение наших душ.

Засветили лампу. Ованес не взглянул на детей, жену, дочь, которые в страхе жались в одном из углов подвала.

— Теперь мы все спасемся! Все!.. — твердо и четко проговорил он, зажег у огня пропитанный нефтью фитиль и добавил, обращаясь уже к туркам: — Клад — вот в этом углу. Сейчас я его открою. Только потише. Видите, дети испуганы.

Он медленно подошел к тониру, нагнулся, поднял тяжелую деревянную крышку. Тонир был полон пороха. Ованес перекрестился и бросил на порох зажженный фитиль…

Взгляд его только на миг ослепило пламенем. В следующее мгновение все обрушилось и скрылось под обломками.

Случилось это седьмого июня тысяча семьсот двадцать четвертого года.

Так закончился шестидесятый день мужественной защиты Еревана. Город пал.

Сераскяр Абдулла паша торжественно вступил в Ереван. Его сопровождали паши Сари Мустафа, Коч Али, Ялгуз Гасан и Реджеб, все на конях, в праздничных одеждах, с цветистыми знаменами. Ехали под грохот

барабанов. Впереди всех шествовал Мурад-Аслан. Высоко подняв, он нес султанскую хоругвь. За ним следовал полк телохранителей паши.

Копыта у коней окрасились кровью.

Разрушенный город полнился запахом разлагающихся трупов. Их здесь было видимо-невидимо. Кони шагали прямо по телам.

Абдулла мрачно взирал на все: тяжелой ценой достался им Ереван. За шестьдесят дней потеряно двадцать семь тысяч убитыми. А в награду вот только горы трупов и пепла. Паши самолично лицезрели, как воины их армии отрывали у убитых пальцы и мочки ушей, чтобы завладеть кольцом или серьгами. Хватали друг у друга ковры, паласы, посуду, одеяла и подушки, все, что попадалось под руки.

Военачальники османской армии видели это и не препятствовали ничему. Абдулла ведь обещал войску отдать город на разграбление, так он и сделал.

Паши остановились в садах квартала Анапат. Там уже были раскинуты шатры. Не успели они войти в остроконечный с золотыми кистями шатер сераскяра, как им сообщили, что со стороны крепости к лагерю направляется группа всадников.

— Люди хана едут припасть к ногам твоим, паша победителей! — сказал Абдулле вероотступник Мурад-Аслан.

— Пошли одного из самых презренных моих погонщиков верблюдов, пусть заставит посланцев спешиться и приведет их сюда! — приказал сераскяр.

Сказано — сделано. Ханского визиря сорвали с седла, сняли с него дорогое платье, приказали надеть завшивленный кафтан погонщика верблюдов и босым повели в палатку паши. Остальным персиянам не позволили приблизиться к дверям шатра сераскяра.

Высоко держа над головой серебряное блюдо с ключами от крепостных ворот, великий визирь на коленях вполз в шатер сераскяра, положил поднос к ногам Абдуллы и три раза ударил головой об пол.

— Кто ты, неверный? — спросил Абдулла, пожирая великого визиря кровавыми глазами.

— Я — великий визирь молящего тебя о милосердии Мирали хана, господин! — сказал персиянин и еще раз приложился головой к полу.

Паша схватил связку ключей и с силой ударил ими визиря по лбу.

— Почему вы не сдались в первый же день моего прибытия? — закричал он. — Почему стали причиной гибели такого множества подданных султана, шиитские псы? Почему?

Голос паши разносился далеко.

— Да увенчает аллах могуществом солнцеликого, дарующего блага земные, великого из великих — султана, о праведный паша! — воскликнул, простирая руки к небу, визирь. — Это не мы сопротивлялись! Мы давно хотели покориться единственному в этом мире наместнику аллаха — султану и сдать тебе Ереван. Но армяне… Гяуры-армяне не допустили. Они заперли нас в крепости, чтобы не дать встретить тебя. Великий вред нанесли они тебе, о милосердный паша!

Абдулла пожевал толстыми губами, бросил связку ключей на колени Реджеб паши, войска которого первыми вступили в Ереван, и, укоризненно посмотрев на великого визиря, прогремел:

— Отчего хан самолично не явился ко мне на поклон? Уж не хочет ли он быть повешенным в своей крепости?

— О всемилостивый паша! Хан прислал тебе ключи и теперь готовит для тебя и твоих пашей драгоценные…

Абдулла, не дослушав до конца, сделал знак, великого визиря поволокли и вышвырнули из шатра. Турки стали глумиться над ним. Кто-то пустил струю ему в лицо, кто-то рвал волосы на голове. Но убить не убили.

К вечеру на поклон к паше явился сам Мирали хан. Сорок вельмож несли дары — полные золота кошельки, серебряную утварь, шелка, изысканные восточные сладости. Двое персов вели в дар пашам юных дев. В знак покорности хан и его люди шли пешком, с непокрытой головой, с повешенными на шею саблями.

Дары тотчас приняли. Хана и его людей оставили в лагере. Но никто не

заговаривал с ними, не накормил, даже воды не дали испить. Ночь они провели под открытым небом.

Утром Абдулла вскочил в седло и приказал Мирали хану взять коня под уздцы и вести его к крепости. Персияне не ожидали подобного бесчестия. В пути по приказу паши многих из персидских вельмож прикончили.

Великий визирь следил за всем и только ужасался. Улучив момент, он шепнул Шейх Уль Исламу:

— Не лучше ли было бы и нам, подобно армянам, пасть на поле боя, как подобает людям, нежели переносить это бесчестие?

— Замолчи, замолчи! — дрожащим голосом зашикал Шейх Уль Ислам. — Голова дороже чести.

Мирали хана, великого визиря и Шейх Уль Ислама привязали к воротам ханского дворца, поставили перед ними собачье корыто, из которого кормят собак, налили в него пойла и заставили лакать. На глазах хана ограбили его дворец, разворошили гарем, раздели всех жен и велели им стоять перед янычарами в чем мать родила.

В тот день турки повесили на стенах крепости больше двух тысяч персиян, а вместе с ними старика мелика Агавела Агамаляна и армян-парламентеров.

Из Высокой Порты вдруг пришел приказ. Султан писал Абдулла паше:

«Не лишай персидского хана чести, возьми у него знатных заложников, а самого с имуществом и гаремом отпусти, пусть едет в свою страну. Аллаху угодно, чтобы мы были милосердны к нашим единоверцам-персиянам».

Паша послал заложниками в Стамбул старшего сына Мирали и двух ханских братьев. Остатки войска персиян он рассеял мелкими отрядами в своей армии. А самому Мирали велел убираться из Еревана вместе с гаремом и всем, каким хочет, имуществом.

Хан ликовал. Дело кончилось так, как он того желал: спас свою шкуру ценою крови ереванцев.

— Итак, выходит, нечего теперь продолжать путь? — сказал спарапет Мхитар, обращаясь к собравшимся в его тесном шатре сотникам. — Турки

взяли Ереван…

Прошла неделя, как спарапет выступил из Сюникских гор на помощь Еревану. Тяжкая весть о падении города застигла его на равнине Шарура. Им повстречались несколько беженцев-ереванцев, которым бог знает каким чудом удалось вырваться живыми.

Солнце уже погасило свои лучи. В небе засветилась луна. Ветер гнал с гор на Араратскую равнину дождевые облака. Полотно шатра колыхалось. Горги Младший зажег свечи. Ереванцы рассказывали обо всем, что видели, что испытали. Глаза у них были потухшие, полные неизбывного горя. Никто и ничем не мог помочь этим несчастным.

— Ереван разрушен, — говорили они. — Видеть бы вам, о господи, мучения мужчин, слышать бы, как голосили женщины, как разрывали грудь оставшиеся в живых, как кричали они под ударами турецких ятаганов…

Спарапет и мелик Бархудар не находили слов для утешения измученных страдальцев, глаза сотника Есаи были полны слез. Бархудар лихорадочно перебирал четки.

Ереванцы сообщили, что Абдулла паша оставил Мирали хана на свободе.

— Нагрузив все свое богатство на сотни верблюдов, это исчадие ада держит сейчас путь в Тавриз. Мы своими глазами видели его у Хор-Вирапа.

Спарапет потер обросшее лицо. Бархудар бросил четки в карман.

— Не зря же мы тряслись в седле! — сказал Есаи и многозначительно посмотрел на спарапета.

— Говори прямо, что у тебя на уме? — ответил тот.

— И скажу! — осмелел Есаи. — Неужто мы выпустим Мирали безнаказанным? Сам господь послал этого мерзавца к нам в руки. Поручи его мне, тэр спарапет, я живо расправлюсь с ним. А то ведь что вздумал, и шкуру хочет спасти, да богатств столько прет! Мне хватит одной моей сотни, тэр спарапет. Не откажи и, если завтра в полдень хан не будет у твоих ног, сними с меня голову!

Бархудар хоть и не любил сотника-рамика, на этот раз не мог не выразить

своего удовольствия — он весь зажегся радостью. Согласился и спарапет.

— Ты прав, Есаи, — сказал он, — хорошая мысль. Пора наказать эту собаку. Возьмешь с собой еще две сотни и Горги Младшего в помощники.

Есаи подтянул пояс, глаза его заблестели.

Через полчаса он уже был на коне. Взяв с собою ереванских беженцев, он понесся в сторону Аракса наперерез Мирали хану. Еще до рассвета надо добраться до большой дороги…

— Сколько с ханом людей? — спросил Есаи.

— Очень мало. Абдулла кого перевешал, а кого оставил в своих войсках. С ханом всего только человек сто, не больше.

— Все вооружены?

— Нет, лишь немногие. Паша обезоружил персов.

Есаи не задал больше ни одного вопроса. Кони мчались, вздымая за собою тучи пыли.

Звезды, висевшие над зубцами гор, в последний раз мигнули и скрылись в молочном предрассветном тумане.

Светало, но мрак на равнине Шарура еще не рассеялся. Было свежо, дул легкий ветер, и капли росы осыпались с кустов.

Мирали хан откинул полог, протер глаза и сладко зевнул. Плохо ли ему: на душе покой. Ночь прошла хорошо — выспался на славу, хотя постель и была постлана на краю дороги, у какого-то развалившегося колодца. Верблюды ханского каравана расположились неподалеку. Закинув головы на хребтины, они лениво пережевывали пищу. Три дня шагали, бедняги, под палящим солнцем по Араратской долине. Остановились только этой ночью. Когда хан наконец отдал приказ сделать привал и передохнуть до рассвета, верблюды сами, не ожидая окриков погонщиков, осели на ногах, а люди, где стояли, там и повалились на выжженную землю.

…Великий визирь, стоя на коленях, совершал утренний намаз. Тем же занимались муллы и погонщики верблюдов. Немногочисленные слуги суетились, готовили завтрак. Там, где располагались женщины, было еще тихо,

только горбатый евнух проснулся и зевал своим беззубым ртом.

Хан тоже опустился на намазник, воззрился на восток и стал славить аллаха в благодарность за свое спасение. Но слова молитвы скоро застряли у него в горле. Хан увидел в десяти шагах перед собою вооруженных всадников. Он замигал глазками, раскрыл и закрыл рот. Не успел и слова сказать, как великий визирь бросился к его ногам.

— Разбойники, хан!.. — крикнул он и задрожал всем телом.

Мирали вскочил с места, сделал движение рукою — хотел схватиться за саблю, но услыхал над головою чей-то окрик:

— Сдавайся без лишнего шума, Мирали хан. Обещаю доставить тебя к моему господину невредимым!

Хан еще не пришел в себя от неожиданности, как почувствовал, что ему уже вяжут и закручивают за спиной руки.

Какой-то персиянин попробовал вступиться за своего повелителя и тут же лишился жизни. Закричала женщина, но тотчас умолкла, — видно, кто-то зажал ей рот.

Хана взвалили на верблюда-вожака, тот недовольно замычал, и ему в ответ из конца в конец, заголосили все другие верблюды каравана.

Тут же в ногах у всех ползал великий визирь, вымаливая пощаду себе и хану. Один из ереванских беженцев хватил его камнем по голове и закричал:

— Дайте-ка я и хана прикончу, погублю, как он, проклятый, всех нас погубил!

Хан задрожал, испугался, как бы и правда не размозжили голову.

Хотя Есаи и Горги и приняли все меры предосторожности, нескольким персиянам все же удалось сбежать и скрыться. Их не преследовали. Было не до того. Подняли верблюдов и повернули караван по направлению к Вайоцдзору.

Есаи торопил погонщиков. На своем вороном коне он носился с одного конца каравана в другой и плетью подгонял неповоротливых персиян.

— Скоро наступит жара! Спешите! — кричал он.

Горги Младший поравнялся с верблюдом, на спине которого восседал

кто-то неведомый, тщательно сокрытый от глаз людских шелковым балдахином. Горги не терпелось узнать, кто это. Он подозвал Вецки Маргара:

— Эй, дядя Маргар, подержи-ка моего коня.

Отдав уздечку, Горги стал на коня и, взявшись за луку седла верблюда, вспрыгнул на него, раздвинул полог и… ахнул. На него с ужасом взирала совсем юная девушка. Горги никогда еще не видел таких глаз. Они были черные, как ночь в пустыне. Небольшое личико, на котором, подобно пятнышку крови на свежевыпавшем снегу, алели нежные губы, было очень бледным. Стан девушки обтягивал темный бархатный кафтан, руки и шея оголены, из-под кафтана выглядывали розовые шаровары, у ног лежала пара шитых серебром туфелек.

При виде незнакомого мужчины девушка слабо вскрикнула и прикрыла тоненькими пальчиками лицо.

Горги словно окаменел: что это, не сказка ли?

Верблюд шагал покачиваясь. Покачивалось и чудо. В отверстие над балдахином падал сноп света, освещая нежную шею девушки, ее жемчужные серьги, волосы, от которых струился дурманящий аромат.

Вдруг рядом с девушкой что-то зашевелилось. Горги разглядел чернокожую морщинистую старуху. Юноша даже испугался. Старуха тем временем взяла его за руку и неожиданно писклявым голосом сказала:

— Айшэ боится тебя, храбрец! Не трогай Айшэ. Я дам тебе золота, пожалей Айшэ. Она маленькая…

Но Горги не слушал ее. Не мигая смотрел он на дрожавшую девушку и не мог очнуться. С ним творилось что-то странное. В сердце вспыхнуло непонятное чувство, оно разрасталось, как пламя, и сжигало его. Горги потянулся к девушке рукой. Ему все не верилось, что это не чудо. Подобно человеку, который боится разбить драгоценную вещь, он осторожно отнял от лица девушки ее фарфоровые пальчики. Из-под черных, длинных ресниц лились слезы…

— Господи, ты живая! — выдохнул Горги и, как бы ища подтверждения

своим словам, посмотрел на старуху.

— Айшэ жалко, храбрец! Не убивай Айшэ, — опять взмолилась та.

«Убить? Кого? Это небесное создание?» — удивился про себя Горги и быстро-быстро заморгал глазами. Никогда еще он не видел так близко женщины. Но, может, Айшэ вовсе и не женщина? Она скорее похожа на фею из сказки.

Держа в руке дрожащие пальцы девушки, Горги дышал тяжело и отрывисто. Он не чувствовал мягких шагов верблюда, не слышал голоса старухи-карлицы, все только смотрел и смотрел как завороженный на прелестную фею.

— Айшэ, — заговорил он наконец, — не бойся меня.

Горги пригнулся, хотел припасть к ногам девушки.

Она еще больше сжалась, и юноша пожалел ее, отпрянул, а потом и вовсе сполз на шею верблюда и спрыгнул в седло своего коня.

— Что там было? — спросил Вецки Маргар.

Горги не ответил. Закрыл глаза и откинул голову.

— Ты что, оглох? Я же спрашиваю, что ты там видел?

— А? — рассеянно посмотрел на него Горги.

— Ну истинно, парень с ума сошел! — крикнул Маргар.

— Тише! Айшэ испугается, тише! — погрозил Горги.

— Э-ге-ге, выходит, это персияночка тебя с ума свела?

— Замолчи!

— Боже милостивый! — уже со страхом прошептал Вецки Маргар. — Околдовала! Не иначе, околдовала, шельма! И ведь надо? Всего за один миг ума лишила!..

До самого устья ущелья Вайоц Горги не отходил от верблюда, что вез Айшэ. Иногда выглядывала старуха и теперь уже без страха подмигивала Горги. Между тем Горги Младший ничего не понимал, не видел вокруг себя. Не видел даже страшного лица Есаи.

Там, где река Арпени вырывается из узкого ущелья и, сердито урча, бежит

по равнине Шарура, Есаи встретил спарапета с меликом и сотниками. Караван остановился. Стена пыли стала оседать на землю. Верблюд-вожак, брызжа вспененной слюной, потянулся к прибрежной крапиве. Есаи соскочил с седла и подбежал к спарапету.

— Тэр спарапет! — начал он, заикаясь от радости.

— Знаю, знаю! — замахал рукой Мхитар. — Где он?

Мирали хана сорвали с седла и бросили под ноги спарапету. Руки у хана вспухли от натяжения: как-никак целый день в путах. Лицо почернело от пыли и пота. Мхитар схватил его за бороду и потряс.

— Ах, скотина! — прошипел спарапет сквозь зубы. — Обрек на смерть поверивших в тебя людей, продал целый город, чтобы спасти свою паршивую голову!

— Ведает аллах, что я не виноват, Мухитар хан! — заголосил Мирали.

— Не виноват? А кто виноват? Кто обманул ереванцев, ввел их в заблуждение? Кто говорил, будто турки обещали не нападать на город, что шах Тахмаз посылает для защиты Еревана большое войско? Какая собака заперлась в крепости и бросила ереванцев одних?

Мхитар так дернул хана за бороду, что вырвал целый клок, с омерзением отбросил его, обтер руку о голенище своих сафьяновых сапог, сплюнул и крикнул громовым голосом:

— Приведите мула!

Хан лобызал ему сапоги, просил о милосердии. Но спарапет был неумолим.

Воины привели двухлетнего, еще не объезженного мула. Сделав петлю из одного конца веревки, Есаи накинул ее на толстую ханскую шею, а другой конец привязал к хвосту мула. Огрели скотину плетью. Мул вздыбился, испугался тяжести, что тянула его назад, и очертя голову понесся вниз по каменистому берегу реки…

Верблюдов осадили на колени, сняли с них поклажу и стали считать добычу. Ханский гарем отвели к берегу реки. Спарапет строго наказал и

пальцем не трогать женщин.

Заночевать решили в ущелье.

Горги Младший расстелил под ветвистой ивой бурку и бережно усадил Айшэ. В лунном свете синели скалы, волны реки, дрожащие ветви ивы. Горги был словно в бреду. Он крепко сжимал маленькую ручку Айшэ, гладил ее распущенные волосы, не отрываясь смотрел в лицо и лишь иногда осмеливался шепнуть:

— Айшэ, маленькая Айшэ.

Близился рассвет, а они все сидели и смотрели друг на друга. Только взгляд девушки стал теперь доверчивей и нежней. Она вдруг положила голову на плечо Горги. Не помня себя, он поцеловал ее тонкие губы. Чего-то испугался. Поднял голову. Лагерь спал. Стоявшая неподалеку лошадь лениво жевала ячмень. Вдали кричал фазан.

Горги снова поцеловал Айшэ. Задрожал от волнения и гордо посмотрел на лагерь. Отныне Айшэ — его любимая, его жена. Горги убьет любого, кто посмеет притронуться к ней рукой. Айшэ принадлежит ему… При этой мысли лоб юноши покрылся испариной. Он вспомнил мать, грозную и неумолимую. Что она скажет, узнав, что ее сын взял в жены персиянку? Вспомнился и утренний сердитый окрик Есаи:

— Она же басурманка! Не марайся.

— Нет, Айшэ хорошая, она моя! — ответил тогда Горги.

И вот Айшэ обеими руками доверчиво обняла Горги за шею и глазами испуганной лани смотрит на него.

Этой ночью с Горги произошло удивительное. Он вдруг впервые в жизни ощутил, что может защитить другое существо. Существо, которое ему дороже собственной жизни.

Положив голову на грудь Айшэ, Горги трепетал от счастья, от гордости…

Луна заливала своим светом все ущелье. На берегу квакали лягушки, с гор струился аромат цветов.

Айшэ скоро уснула спокойным сном ребенка.

Три дня отряд оставался в Вайоцдзоре. Ждали, не пойдут ли турки после захвата Еревана в Сюник. Но скоро вернулись лазутчики и сообщили, что турки засели в Ереване на долгое время.

За эти три дня Горги лишь раз виделся со спарапетом. Мхитару сказали, что парень, как околдованный, все сидит подле персиянки. Хотя спарапет в душе и рассердился, но ни словом не попрекнул своего любимца.

Двое-трое из друзей-товарищей попытались посмотреть, какая она — гури-пери[63] Горги Младшего. Однако Горги прикрыл Айшэ буркой и отогнал товарищей.

Как-то Есаи сказал:

— Э, сынок мой Горги, этот ангел совсем сведет тебя с ума. Что я тогда скажу твоей матери? Бросил лошадь без присмотра к не отрываешься от персиянки. Не стыдно?

Горги пронзил его взглядом и сжал зубы. Айшэ заплакала. Ее круглые плечики затряслись, колени задрожали.

В этот день Горги ненавидел всех: и Есаи, и товарищей, даже спарапета.

Наконец двинулись к Сисиану. Верблюдов с трудом проводили под скалами. Непривычные к горным тропам, животные пыхтели, фыркали, свесив свои длинные губы. Голова каравана достигла вершины горы, а хвост все еще вился в глубине ущелья. Раскаленный воздух обжигал людей. Тяжело и медленно преодолевали подъем.

Горги завернул Айшэ в бурку, положил на луку седла, правой рукой обнял ее, а левой взял уздечку. Был он мрачен и зол. Иногда открывал лицо девушки, с нежностью отирал у нее со лба испарину. В такие минуты Айшэ светилась радостью, но глаза и тогда оставались печальными.

Впервые Горги испытал отвращение к своей воинской жизни, до боли захотелось ему побыть одному. Пусть хоть сквозь землю провалятся все его

---

63 Гури-пери — персонаж армянского фольклора.

товарищи — Семеон, Цатур, Вецки Маргар! Все! Горги не желает их больше видеть. Уйти бы от всего, скрыться в глубине леса вместе с Айшэ!..

Ночь провели в селе Ангехакот. Горги Младший решительно направился к приходскому священнику. Облобызал у него руку, отдал все, какие имел, деньги и стал молить, чтобы священник окрестил Айшэ. Тот согласился, взял Айшэ за руку и повел в церковь. Только ничего из этого не вышло. Их настигли Цатур с Семеоном, избили священника, выгнали из церкви. Хотели даже отнять у Горги Айшэ и растерзать ее, но юноша обнажил саблю и защитил любимую.

— Я женюсь на ней, что бы вы ни делали! На некрещеной женюсь! — кричал он диким голосом. — Пусть сам Иисус Христос попытается помешать этому, я не уступлю.

На следующий день караван вошел в ущелье реки Воротан и опять потянулся по тропинкам. Никто больше не заговаривал с Горги. Держались подальше. «Забыли», — думал Горги и жесткой рукой ласкал мягкие волосы Айшэ. Утешал бедняжку как мог.

Приближались к Татевскому монастырю. В полдень сделали небольшой привал, потом спустились в глубь ущелья. К вечеру караван уже достиг Чертова моста, что перекинут через Воротан. Горги решил: едва прибудут в Татев, он бросится спарапету в ноги и будет умолять его, чтобы разрешил окрестить Айшэ.

Но, кроме Горги, видно, никто не торопился — караван снова остановился.

Чуть выше Чертова моста лепились избушки, в которых устраивались на ночлег приезжающие сюда на воды горячих источников страдальцы — больные ревматизмом и прочими недугами. Источники были тут же, у самого моста.

Горги повел Айшэ в ту сторону, чтобы устроить ее в одной из мазанок. Какая-то добрая старушка тотчас уступила им свое место.

— Что, больна? — спросила она, участливо глянув на Айшэ.

— Нет, мать, она просто устала, — ответил Горги, — давно уж в дороге. Позволь ей поспать на твоем ложе. Я щедро вознагражу тебя.

Старуха кивнула, при этом недвусмысленно улыбнулась и сказала:

— Пусть так и будет, сынок. Я пойду спать в ацатун[64].

Горги обнял Айшэ, усадил ее на покрытую тряпьем тахту и провел рукой по лицу девушки.

— Не плачь, Айшэ, — сказал он с нежностью. — Я буду защищать тебя, пусть даже ценою жизни. Поверь мне!

— Я верю.

Горги поцеловал Айшэ и вышел.

Прошло два дня. На третье утро Горги потребовали к спарапету, в Татевский монастырь, что возвышался на краю противоположной скалы.

Горги обрадовался, он верил, что спарапет разрешит ему окрестить Айшэ и жениться на ней. Поручив старухе присмотреть за Айшэ, он вскочил на коня и по горной тропе понесся к Татеву.

Из Татева вернулся только спустя четыре дня: был доволен, спарапет не отказал ему.

Еще издали он увидел на пороге опечаленную старуху и встревожился:

— Что Айшэ? Где она?

— Нет ее, увели! — всплеснула руками старуха.

Горги схватил ее за плечи:

— Что? Что ты говоришь?!

— В тот вечер, как ты уехал, пришли трое и увели девушку. Я не отдавала ее, бросилась защитить, они только обругали меня, эти чертовы дети, оттолкнули и увели.

— Куда увели, кто такие? — задыхался Горги.

— Люди из вашего войска, — простонала старуха. — Сказали, что у них на то приказ. Они отправили девушку под надзором какого-то воина с больными, что приезжали сюда лечиться с берегов Аракса. Сказали, она, мол, персиянка, вот и отправляем на родину, не хотим брать греха на душу.

Горги Младший схватился за голову. Отчаяние его было так велико, что в

---

64 Ацатун — помещение, где устроен тонир, печь для выпечки хлеба.

первую минуту он не знал, что делать. Очнувшись, бросился к коню. Вскочил в седло и выехал на дорогу.

Но тут же сообразил: куда ехать-то? Ведь Айшэ увезли четыре дня назад. А отсюда до Аракса всего три дня пути. Выходит, Айшэ давно уже в Персии. Где найти ее? Как? Ах, бессердечные люди!

Горги сошел с коня и как потерянный метался в ущелье. Потом решительно двинулся к Татеву.

Кто-то окликнул его. Горги обернулся. Это была старуха. Она протянула руку. В ней лежал маленький сверточек.

— На, сынок. Это девушка велела отдать тебе. Прости, я сразу не припомнила.

Горги взял сверток. Это был платок. Он развернул его и увидел серьгу Айшэ. Одну-единственную серьгу — вторую она, видно, оставила себе. Его как прорвало, он бросился в траву и горько зарыдал.

Перед дворцом Давид-Бека остановились три всадника. Дорожная пыль покрывала их одежды и бороды. Лошади взмылены. Ясно, что люди приехали издалека. Один из них — местоблюститель Эчмиадзинского монастыря вардапет Овасап — человек со злыми, будто полными яда, глазами. Двое других — крепостные Эчмиадзинского прихода.

На лошадиный топот вышел слуга Давид-Бека Согомон. Прищурив близорукие глаза, он присмотрелся, заметив вардапета, со страхом нашарил на себе пуговицу, схватился за нее (надо же отогнать зло). Крепостные помогли шестипудовому вардапету сойти с коня.

— Что еще за пришельцы? — спросил Согомон.

Овасап выступил вперед.

— Я — вардапет… — начал он, но Согомон не дал ему кончить:

— Ну что ж, что вардапет? Здесь не монастырь, а я тебе не слуга убирать навоз за твоими лошадьми! Проезжай-ка давай дальше.

— На кого это ты там сердишься, Согомон? — крикнул Давид-Бек.

— Кто его знает? — с прежней злобой ответил Согомон. — Говорит,

вардапет, черт его возьми…

— Пусть войдет, — сказал Бек.

Согомон нахмурился. Вардапет Овасап зло покосился на него и поднялся наверх.

Бек был не один. У него сидели Мхитар спарапет, Тэр-Аветис и инок Мовсес. Мовсес и Тэр-Аветис тотчас узнали в запыленном, запыхавшемся человеке эчмиадзинского вардапета. Мовсес весь передернулся. Вспомнил все, что говорила Арусяк об этом охальнике, и кровь ударила в голову. Только то, что он находится в доме Давид-Бека, удержало Мовсеса. А так хотелось наброситься на этого дэва и собственноручно удушить его!..

Мхитар посмотрел на гостя и, взяв со стола кружку с мацуном, опрокинул ее, залпом все выпил и заел свежим огурцом. Не порадовал его приход вардапета. Спарапет не жаловал чернорясников. И скрыть этого никогда не умел.

Вардапет Овасап широко перекрестил присутствующих. На минуту скользнул взглядом по лицу Мовсеса и, не зная, который из военачальников Давид-Бек, обратился ко всем сразу:

— Святейший католикос всех армян моими устами приветствует вас, армянских полководцев!

— Католикос уже дома, отец Овасап? — спросил Тэр-Аветис.

— Милостью господа он на своем престоле, — ответил вардапет, а сам все силился вспомнить чем-то очень знакомое лицо Тэр-Аветиса, даже повернулся к нему.

Тэр-Аветис понял его и усмехнулся.

— Наш гость, — сказал он, обращаясь к Беку, — вардапет Овасап — местоблюститель святейшего владыки Эчмиадзина. Похоже, у вардапета короткая память, не узнает меня. Что ж, садись.

Несколько смущенный Овасап сел на предложенный Тэр-Аветисом стул… От усталости он готов был где попало растянуться и захрапеть. Ему дали холодного мацуна. Он выпил его и тоже заел огурцом.

Давид-Бек, сжимая зубами трубку, испытующе оглядывал тучного гостя. Сейчас Беку не столь важно было знать, что нужно от него католикосу, куда важнее разведать, чем дышит Абдулла паша. Овасап проглотил последний кусок огурца, положил руки на колени, вздохнул и сказал:

— Вы, конечно, знаете, что Ереван пал.

У Мовсеса опять зачесались руки. Только чудо удерживало его.

— Знаем, как же не знать, — ответил Давид-Бек. — Черная весть доходит быстро.

— О боже праведный, — простонал вардапет. — Горим в огне.

— Отчего же? — удивился спарапет. — Ведь святейший вымолил пощаду Эчмиадзину. И сам он не в обиде. Говорят, он всегда желанный гость у Абдулла паши?

— Это не тайна, — подтвердил вардапет. — Он бывает в гостях у паши. Другого выхода нет, братья. Мы — пленники Абдуллы. Каждый день, того и гляди, бросит нас в тюрьму и дотла разорит святую обитель. Вы должны понять, что вынуждает святейшего любезничать с пашой.

Давид-Бек иронически улыбнулся, глянув на спарапета, дал ему понять, чтобы не останавливал вардапета. «Пусть, мол, говорит, посмотрим, куда гнет».

Овасап тем временем, из страха, что военачальники, может, недовольны его появлением и, чего доброго, постараются от него отделаться, торопился изложить, что привело его сюда.

— Знайте, уважаемые военачальники, — продолжал он, — что я прибыл по поручению святейшего, и все, о чем скажу, — это его богоугодные слова. — Он умолк, гневно посмотрел в сторону Мовсеса и, обратившись уже к Давид-Беку, сказал: — Тебе, несомненно, известно, Верховный властитель Сюника и Арцаха, что сила османов неиссякаема. Только в этом году султан завоевал земли от Кафлан-Тивена до Еревана и наводнил всю занятую территорию своими войсками. А теперь он собирается идти к большому морю, но прежде намерен овладеть и вашей горной страной. Велик гнев султана на вас за то, что вы подчинились московскому царю и открыли ему дорогу во все

страны, что расположены по эту сторону моря. Не мудро ты поступил, тэр Давид-Бек! Зря разгневал султана. Но еще не поздно и не все потеряно. Святейший просит тебя: не упрямься, пойди на поклон к Абдулла паше с драгоценными дарами, умоли его, чтобы взирал он на тебя и на твою страну добрым глазом и незлобивым сердцем. Знай также, Верховный властитель, что того, кто является к нему с повинной, сераскяр принимает с любовью. Не убивает, не бесчестит, не неволит. Напротив, чтит такого, наделяет богатыми дарами и разрешает господствовать в своей стране. Паша ждет тебя. И католикос своими, вещающими божественную волю, устами просит тебя, тэр Давид-Бек, во спасение народа твоего поспешить на поклонение паше. Чем скорее ты это сделаешь, тем лучше…

— А если я пошлю твоего католикоса и его «милосердного» пашу в объятия сатаны? — не сдержавшись, прервал речь змеи Давид-Бек.

— В таком случае на тебя и на несчастный армянский народ падет новая страшная беда, — ответил вардапет. — Паша явится со своим несметным войском и сокрушит вас.

— И проводником ему в наши горы будет сам католикос, не так ли? — кинул спарапет.

Бек укоризненно посмотрел на него. Вардапет вздохнул:

— Э-эх, заблудшие люди! Католикос денно и нощно молится за армянский народ. Он старается спасти ту небольшую горсточку армян, что еще топчется на этой жаждущей крови земле. Не осуждайте обманутого и покинутого всеми царями мира вехапара-вседержителя святейшего престола господня. Не клевещите на него!

Вардапет умолк. Он сказал то, что должен был сказать.

— И это все, что желает передать нам католикос? — спросил Давид-Бек.

— Все! — тяжело ответил Овасап. — Святейший смягчил гнев паши. А тебе, Верховный властитель наш, Давид-Бек, остается идти к паше с повинной.

В глазах Бека вспыхнули грозные искры. Мовсес заметил, как нервно задергалась его правая щека.

— Согомон! — обернувшись к двери, едва сдерживая гнев, позвал Бек. Согомон тотчас вошел. — Отведи этого почтенного вардапета куда следует, хорошенько покорми его, укажи постель — пусть отоспится — и проводи в путь, когда он того пожелает.

Обернувшись к Овасапу, Бек добавил:

— Передай вехапару наш смиренный привет и скажи ему, чтобы впредь не вмешивался в наши дела. Эчмиадзин глух к армянскому горю, и его католикос мертв для армянского народа! Да будет счастливым твой путь…

Ранним утром разгневанный вардапет удалился.

В конце июня в Алидзор прибыл Нагаш Акоп. Даже Бек с трудом узнал своего любимца. Акоп был весь в лохмотьях, исстрадавшийся, какой-то потерянный. Еще из Агулиса Давид-Бек отправил его в Европу, в Амстердам, за армянской типографией. И вот после долгих мытарств Акоп вернулся с полпути.

Войдя в комнату, Нагаш снял шапку и, поклоном приветствуя Давид-Бека, сказал:

— Вот и я, тэр Давид-Бек. Скорблю, что вместо радости принес тебе тяжелую весть.

— Случилось несчастье, Нагаш? Ты вернулся с пустыми руками?

— С пустыми руками и к тому же обманутый! — воскликнул живописец и без сил упал в кресло. — Все погибло…

Давид-Бек позвал Согомона, приказал ему сходить за главным лекарем. Но живописец замахал руками:

— Не нужно, не нужно! Знай же, Верховный властитель, нас предали, подрубили сук нашей надежды. Оказывается, мы спали и не ведали, что творится вокруг.

— Говори яснее, да без криков и воплей! — попросил Бек. — Ограбили караван, что ли?

— Ограбили караван армянского народа! Предали нас, продали в рабство! — твердил живописец. — Европейские лисы угрозами вынудили

русских, и двенадцатого июня они заключили мир с султаном.

Давид-Беку показалось, будто под сводами комнаты разразился гром. Дышать стало нечем. Он побледнел, глаза налились кровью, невольно сжал в кулак правую руку. В нервном тике задергалась щека.

— А ну, Нагаш, — сказал он угрожающим голосом, — спокойно расскажи все, что знаешь. Все, слышишь?

— Расскажу, — перевел дух Нагаш Акоп. — Горько, но что делать, расскажу. Разве горечь не сопутствовала нам вечно? Нам, народу, умеющему создавать богов, но за века не удостоившемуся и крохи добра от этих богов.

Нагаш попросил воды, уже несколько успокоившись, продолжал:

— Доехал я до Стамбула в конце мая. Остановился у патриарха, чтобы затем морем отправиться в Амстердам. Все шло как надо, патриарх обещал помочь. Однако накануне отъезда мы узнали о тяжелом бедствии. Султан уломал русских, заставил подписать договор о мире. Русский посол князь Неплюев долго упорствовал. Он даже требовал, чтобы султан уступил России Армению и Грузию, вывел бы из Еревана и Тифлиса свои войска, но ничего не получилось. Французский и английский послы сделали свое дело. На все требования Неплюева султан лишь покачивал головой. Целую неделю посол России стоял на своем, угрожал войной, но все безуспешно. Наконец он пошел на компромисс — предложил оговорить, чтобы Армения и Грузия не принадлежали ни русским, ни туркам, а остались бы независимыми государствами. На это предложение султан ответил не сразу, просил два дня на размышление и, говорят, уже готов был согласиться… Но, бог мой, нет у нас счастья… — живописец схватился за голову.

— Продолжай, что потом? — в нетерпении отдернул его руки Бек.

— Опять вмешались англичане и франки! «Владей богатой Арменией и Грузией, султан Ахмед, — сказали они, — мы стоим за тобой, в любую минуту придем на помощь. Ни один волос не слетит с твоей головы. Владей этими странами, не дай русским войти туда». Неплюев рассорился с султаном. Англичане тем временем ввели в Босфор военные суда и пригрозили Неплюеву,

что их страны направят эти суда к Азову. Угрожали напасть и с севера. Две недели шли переговоры. Английский посол, взбешенный несговорчивостью русских, бросил в лицо Неплюеву: «Советую вам умыть руки. Армяне и грузины с давних времен принадлежали туркам, чего ради вы из-за них суетесь в огонь? Если царь Петр продвинется на Востоке хотя бы на шаг, мой король и Карл шведский вступят в Россию с севера». Этими угрозами не ограничились. Англичане направили свои пушки на посольский корабль Неплюева. Петр поневоле уступил. Так был заключен договор, ставивший условие, что Россия и Турция не будут больше воевать друг с другом и что Петр довольствуется землями, уже занятыми им на побережье Каспийского моря. Вот как все было, тэр Давид-Бек! — закончил Нагаш.

Бек держал в зубах трубку, тыча в нее трутом, но никак не мог запалить. Нагаш посмотрел на Давид-Бека и ужаснулся. Сейчас, вот сейчас он сойдет с ума.

— Ох, господи! — воскликнул Нагаш. — Пусть бы лучше меня прирезали где-нибудь в пути, только бы не слышать мне всего того, о чем я сейчас поведал тебе, Бек, не узнать бы, что рушится все, за что отданы жизни тысяч и тысяч наших людей.

— Не причитай, словно баба, — вдруг удивительно спокойно произнес Давид-Бек. — Нам надо мужаться!

— Легко сказать «мужаться», — буркнул живописец. — В таком положении это разве мыслимо?

— Очень даже мыслимо. Когда я всего с четырьмя сотнями смельчаков начал свое дело, мне заранее было ясно, на что я иду, какие несчастья нас ждут. Но я верил и до конца жизни буду верить в свой народ. Пока жив хоть один армянин, нас не сломить.

— Место слияния Куры и Аракса стало теперь пограничным пунктом между Турцией, Персией и Россией, — сказал Нагаш. — Чем помянуть тебя, бог армян?..

— Довольно! Прекрати этот стон! — неожиданно загремел Давид-Бек.

Потом он долго стоял у открытого окна и наконец обернулся к живописцу и уже мягко сказал:

— Не отчаивайся, Нагаш. Я предчувствовал все это. Помни, никто не может заставить нас свернуть с нашего пути. Никто! Никого я не молил о помощи и не намерен молить. Мы будем продолжать борьбу за свободу армянского народа, за существование нашей родины.

— Дай тебе бог удачи, Бек! — сказал Нагаш Акоп и, считая разговор оконченным, направился к выходу. Но Давид-Бек удержал его:

— Больше никогда я не пошлю тебя в заморские края, Нагаш. Чужой хлеб горек, а улыбка лжива. Оставайся в Алидзоре. Открой здесь живописную мастерскую, умножь число своих учеников, пусть работают во славу нашего народа.

Нагаш заморгал глазами: не поверил услышанному.

— О какой мастерской ты говоришь, тэр Верховный властитель? Время ли сейчас этим заниматься?

— Всегда время, Нагаш! Чтобы сохранить тело, дух должен быть просвещенным. Если мы станем ждать благоприятного времени, оставаться нам в вечном мраке. Ты создай очаг света в нашем доме. Какими бы грозными ни были бури, нельзя отчаиваться! Ступай и смело начинай свое дело. Через несколько дней я приду посмотреть, что ты сделал.

Нагаш Акоп молча вышел. Давид-Бек сел и задумался.

Одинок, ох как одинок населяющий Восточное Армянское нагорье отважный народ. Все двери, откуда могла бы прийти к нему надежда, крепко заперты снаружи. Теперь он без всякой помощи извне должен сражаться за землю, которая издревле принадлежала ему, его дедам, прадедам и прапрадедам; за родной свой дом, безжалостно, безнаказанно отданный Западной Европой турецкому султану…

Конец первой книги

КНИГА ВТОРАЯ
ПУТЬ АРМЯН

Опасное затишье

Лето 1724 года прошло без значительных событий. Турецкая армия все еще находилась в Ереване. Лазутчики, отправленные в Араратскую долину из пограничных крепостей Сюника, доносили, что войска Кёпурлу Абдулла паши не проявляют никаких признаков движения.

Тихо прошли осень и морозная зима. Давид-Бек ожидал появления турецкой армии весной следующего, 1725 года. Однако в конце зимы преданные ему люди сообщили из Стамбула, что восставшие в Египте арабы серьезно встревожили султана Ахмеда, заставили его бросить на подавление этого опасного восстания всю свою военную мощь. Большая часть находившихся в Ереване войск также была снята и отправлена в Египет.

Прошла еще одна зима. Она была суровая, снежная. Дороги, плоскогорья, овраги и ущелья были забиты толстым слоем снега, снесенным с гор частыми метелями. Всю зиму горцы оставались отрезанными от мира, но даже и в эти тяжелые месяцы гонцы Давид-Бека беспрерывно пробирались по горным дорогам. Его лазутчики проникали в гарнизон засевшего в Ереване паши, во дворец шаха Тахмаза, привозили известия из Высокой Порты Стамбула.

Настала весна 1726 года. Хотя Сюник и Арцах провели еще два мирных года, однако армяне хорошо понимали, что долго так длиться не может и война рано или поздно разразится.

В долгих и кровопролитных сражениях султан добился своего, потопил в крови египетское восстание. На площади Ат-Майдан, в Стамбуле, он велел выложить пирамиду из ста пятидесяти тысяч голов убитых в Александрии арабов.

Теперь уже Давид-Бек от тех же верных людей получал тревожные вести.

Афганец Мир Махмуд по-прежнему занимал Исфаган. Персия задыхалась в его когтях. Император Петр скончался год назад. На русском троне теперь восседала императрица Екатерина. Давид-Бек понимал, что Петр унес с собой в могилу надежду армян.

Ранней весной 1726 года турки начали войну против Персии. Они легко заняли Маку. Хан Маку и нашедший у него пристанище нахичеванский Асламаз Кули хан пытались сопротивляться туркам, но наспех собранное, разношерстное их войско было разбито в первом же столкновении с турками. Сами ханы едва успели спасти свои семьи и вместе с несколькими десятками верных им людей нашли убежище у Давид-Бека. Через несколько дней после их прибытия в Алидзор приехал также и хан Баязета Хосров.

Давид-Бек принял их с почестями. Однажды он спросил у них, почему они прибыли к нему, а не искали убежища в Тавризе.

— Тахмаз бессилен против турок, покровитель наш, — ответили ханы. — Ты наша надежда. С твоей помощью мы прогоним турок из Нахичевана, Баязета и Маку. Мы теперь беззащитные, бездомные, державный наш властитель. Мы полагаемся на твою совесть и десницу.

Бек оставил их в Алидзоре и выдал им из казны Верховного Собрания средства на жизнь. Он был доволен тем, что ханы вынуждены просить у него приюта. Бек считал, что это подымет престиж его власти как внутри страны, так и в других государствах. Кроме того, он был уверен, что ханы не примирятся и рано или поздно выступят против турок.

Шииты-персияне турок-суннитов считают главными виновниками гибели персидского трона и разорения страны и потому не любят их.

Однако некоторые военачальники Бека не разделяли его доброжелательного отношения к персидским ханам. Не понимая мысли Верховного властителя, они роптали.

— Не вчера ли нахичеванский Асламаз Кули хан вместе с баргушатским Батали Султаном воевали против нашего молодого государства? — говорили они. — Во время Шушанадзорского сражения Батали Султан победил князя

Тороса и захватил в плен юного Степаноса лишь потому, что на помощь персам пришел Асламаз Кули хан.

Недовольство проявляли не только многие военачальники, но и войско, даже воины полка «Опора страны»… Некоторые горячие головы самовольно пытались ворваться в жилище ханов и убить их. Узнав об этом, разгневанный Бек разжаловал двух младших чинов, возглавивших бунт.

Но недовольство и ропот не только не прекращались, но даже усиливались. Однажды, когда Бек собирался навестить ханов, к нему пришел спарапет Мхитар.

— Войско и народ выражают беспокойство, властитель, — с надлежащей вежливостью приветствуя Бека, сказал он. — Ты напрасно приютил персидских ханов, которые так много бедствий причинили нам.

— А как думаешь ты, спарапет, ведь ты не простой воин, — нахмуря брови, сказал Бек.

— Я думаю, следует или уничтожить их, или заковать в цепи и отправить к Абдулла паше, — ответил спарапет.

Давид-Бек, тяжело дыша, неожиданно для Мхитара гневно сказал:

— А не хотел бы ты, любезный мой Мхитар, чтобы и я по собственной воле пошел бы к Абдулле и просил разрешения поцеловать подошвы его башмаков?

— Бек!.. — побледнев, воскликнул спарапет.

— Молчи, — огорченный недальновидностью спарапета, мрачно произнес Давид-Бек. — Не хочу… Не желаю слушать подобные незрелые советы. Они могут только принести новые бедствия нашему народу. Предать ближнего соседа, отдать его в руки палачу — такое может советовать только безумец.

Оскорбленный и удивленный, Мхитар не мог понять, что происходит с Беком. Казалось, перед ним не он, не Бек, а другой человек в его образе и одежде.

— Бек, Бек, — умолял спарапет, — ты мне был отцом, Бек. Твоя воля беспрекословна для меня. Но ты затеял опасное. Гнев турок умножится, когда

они услышат, что их враги нашли прибежище у нас. Обдумай лучше, умоляю.

— Турки не сегодня-завтра покинут Армению и Персию, — с неослабевающим гневом продолжал Бек. — Персы снова останутся нашими соседями и врагами турок.

— И твоими врагами.

— Да, и моими. Но это было вчера. Оно может случиться и завтра. А сегодня персы враги турок. Сегодня они стремятся жить с нами в мире. У них еще есть силы. Пользуйся этим, если сумеешь и если рассудок не покинул тебя. Покойный Израел Ори стучал во многие двери великих западных держав, чтобы получить помощь для Армении. А получил он у твоих европейцев эту помощь? Не эти ли европейцы, не эти ли христианские державы отдали вчера нашу страну турецкому султану, продали, как рабыню?

— То же самое сделают и персы, — не уступал спарапет.

— Делали и будут делать. Но сегодня иное: ханы еще располагают силами. Они вместе с нами готовы выступить против турок. Почему не воспользоваться этим? Почему, если мы одни и нуждаемся в помощи? Спокойной ночи.

Спарапет вышел растерянный, огорченный. Однако и Бек, вопреки своему намерению, не пошел навестить ханов. Он направился в казармы полка «Опора страны» и два дня оставался там. Его всегда аккуратно постриженная и причесанная борода была всклокочена, под глазами залегли синие круги. Теперь он лишь изредка принимал своих военачальников. Бывало, мелики часами простаивали в передней его приемной.

Одному только его слуге Согомону было известно, что в каждую пятницу, пользуясь ночной темнотой, из Алидзора выходили и скрывались в неизвестном направлении два армянских и два персидских лазутчика… Узнав об этом, неосведомленный спарапет сильно обиделся и в недоумении пожал плечами. Почему Верховный властитель скрывает от него, с какой целью, кого и куда он посылает? Когда об этом он осторожно намекнул Беку, тот неожиданно для него беспечно захохотал и с присущей ему находчивостью полюбопытствовал, кто спарапету открыл эту тайну. Спарапет назвал имя того

воина, который по тайным проходам выпускал лазутчиков из крепости.

На следующий день спарапет увидел этого воина казненным на площади. Он вздрогнул. А вечером, встретив оскорбленного спарапета, Бек спросил:

— Видел воина на колу?

— Видел, Бек. Ты жесток. Воин открыл тайну не кому-нибудь, а мне, своему спарапету.

— Это все равно. Если твою тайну кто-то откроет даже мне, сожги открывшего ее.

Спарапет молча вышел с сокрушенным сердцем. Он чувствовал, что трещина, пролегавшая между ним и Беком, постепенно расширяется.

В эти дни прибыли в Сюник посланцы Абдулла паши. «Требую немедленно заковать персидских ханов в цепи и передать их моим людям, — повелевал паша. — Они враги султана, и кто им покровительствует, тот навлекает на себя справедливый гнев владыки вселенной».

Давид-Бек отказал паше в его требовании. Мхитар считал этот шаг Бека недопустимым.

— Из-за персидских ханов ты подвергаешь нас опасности, Бек, — с заметном возбуждением сказал он. — Исполни волю паши.

— Когда сам будешь Верховным, поступишь по-своему, — ответил Бек. — А пока оставь меня в покое до последнего моего пристанища. — И остался на своем, непреклонным.

Вскоре стала известна еще одна неприятная новость. Турки после десятидневного штурма заняли город Шамхор. Азербайджанские и армянские воины, защищавшие рука об руку свой город, погибли все. Весть о падении Шамхора разнеслась из Гандзасара по всем уездам. Захватив Нахичеван, Гандзак и Шамхор, турки теперь двойными клещами нацелились на Сюник и Арцах.

Среди армянских войск распространились тревожные слухи. Невесть откуда появившиеся бродячие монахи нашептывали, будто эчмиадзинский католикос отрекся от христианской веры и призвал всех армян принять ислам.

Некий полусумасшедший босой бродяга ходил по деревням и объявлял себя Иисусом Христом, посланным богом творить последний суд.

По приказанию Давид-Бека всех их словили. Монахов сожгли на площади Алидзора, а лже-Христу вспороли живот и бросили на улицу, сказав:

— Если ты Христос, воскресни.

Он не воскрес, и труп его стал разлагаться. Тогда горожане попросили у Давид-Бека разрешения вынести мертвеца из города.

Давид-Бек без конца приглашал к себе персидских ханов. Они веселились вместе, играли в нарды до утра. Ханам удалось через своих верных людей собрать несколько сот соплеменников для выступления вместе с армянами против турок. Однажды Давид-Бек дал ханам понять, что было бы полезно, если бы персидский шах Тахмаз начал переговоры с ним. Намекнул также, что сам он не сделает первого шага и хочет, чтобы первым сделал ему такое предложение шах.

Ханы тайно послали своих поверенных в Тавриз. Из армян были осведомлены об этом только Давид-Бек и Мовсес, который помимо занятий в своей школе исполнял теперь обязанности писца при Давид-Беке.

И вот некоторое время спустя в Алидзор прибыли посланцы Тахмаз хана и мулла.

— Наш светозарный шах желает вести переговоры с тобою, о шахиншах армян Давид-Бек, — сказали они. — Отправь, стало быть, своих людей ко двору нашего повелителя. Шах был бы весьма рад и счастлив, если бы ты сам соблаговолил пожаловать к нему, чтобы вместе поразмыслить и решить дело преграждения пути нечестивым туркам.

Бек созвал Совет старейшин Верховного Собрания, на котором послы доложили о желании шаха Тахмаза.

Неожиданная новость показалась многим меликам и военачальникам странной. Спарапет от гнева не находил места. Он надеялся, что Давид-Бек выгонит послов шаха: прикажет завязать им глаза и переправить через Аракс. Но этого не случилось. Более того, Бек обратился к послам с просьбой

подождать некоторое время, пока старейшины решат, как быть. И отправил их к Пхиндз-Артину на постой.

— Подумайте и вы, старейшины, — сказал он своим. — Нам выгодно помириться с Тахмазом, чтобы с ним вместе выступить против турецких армий.

На этом совещание закончилось. Мхитара охватило чувство отчаяния. «Ханы-беглецы вскружили голову Давид-Беку, — с болью, возмущением и тревогой думал он. — Это они толкают нас в объятия к шаху Тахмазу. Бек лишился рассудка. Боже мой, разве можно помириться с персами? Этим мы возбудим против себя Мир Махмуда».

Не понимая намерения Бека, Мхитар все более убеждал себя в том, что Бек заблуждается. Но сталкиваться с ним снова он не хотел. Не гнева Бека боялся, его больше страшило другое — возможность раздора.

Только несколько меликов и князь Баяндур были согласны с Беком в необходимости переговоров с Тахмазом. Остальные роптали, разводили руками, избегали говорить об этом вслух и определенно. Лишь Тэр-Аветис и мелик Еган высказывали спарапету свое недовольство. Однако и они в присутствии Бека будто в рот воды набрали. Зато мелик Шафраз твердил:

— Я верю в Бека. Он не поведет нас по неиспытанной дороге.

Между тем посланники Тахмаза скучали во дворце Пхиндз-Артина. Давид-Бек словно забыл об их существовании.

Свершилось то, чего больше всего боялся Давид-Бек. В войсках стали проявляться признаки недовольства, разочарования. Они постепенно теряли боевой дух и веру в свои силы. Военачальники, близкие Беку люди, все чаще сообщали ему неприятные сведения о настроении воинов. «Турки нас окружили, мы попали в мешок, четыре года воюем, а конца не видно. Мы бессильны и беспомощны», — говорили в казармах, на сторожевых постах, в деревнях.

Ропот перерос в дезертирство. Вначале покидали армию, удирая бог весть куда, боязливые и паникеры. Ходили слухи, что турки не трогают перебежчиков. Воинам полка «Опора страны» удалось поймать нескольких

дезертиров и повесить на большой дороге. Но и это не помогло. Страх перед османцами был велик. Теперь уже бежали небольшими группами. Сотник Барсег из полка Чавндура удрал в сторону долины Аракса со своими воинами. Его не смогли поймать. Хотя он и не перешел на сторону турок, но был первым нарушившим единство армии. Он стал разбойничать в горах Сев.

«Куда приведет нас это нескончаемое кровопролитие, — начали роптать также некоторые мелики и сельские старшины. — Где конец?»

Недовольство, ропот, доносившиеся до Бека со всех мест, сильно огорчали его. Конечно, он мог бы за одну ночь арестовать и уничтожить всех, кто разлагал ряды армии. Но пойти на такую крайность он не хотел, понимая, что этим дело не поправишь. Более того, начнется междоусобица, братоубийство. Нужно терпеть, сделать вид, будто не видишь и не слышишь всего этого, нужно найти другое, более действенное средство, способное покончить с беспорядками в войсках, укрепляя в то же время единство в стране. Теперь он чаще бывал среди воинов, оставался подолгу с ними, старался казаться веселым и не выказывать ни единого признака тревоги. Устраивал скачки, обедал с воинами, с меликами был вежлив, внимателен, не пропускал удобного повода повеселиться с ними, попировать, приглашал к себе военачальников.

Как-то раз, находясь в гостях у военачальника Константина в Мегри, он представил меликам какого-то персидского сотника и с нескрываемой радостью объявил:

— Шах Тахмаз прислал к нам гонца, братья мои. Приятные вести шлет нам великий хан. Войска шаха, во главе с Тахмаз Кули Надир ханом, наголову разбили под Урмией армию Кара Бибар паши. Паша с трудом спасся, удрав в Ван. Оттоманская звезда начинает тускнеть, поздравляю вас!..

Военачальники, оживленные радостной вестью, начали расспрашивать гонца о подробностях битвы под Урмией.

— Покинувшие Тахмаза ханы возвращаются к нему, — продолжал громко Бек. — Тавриз собирает силы против Оттомании.

Эти известия, однако, не обрадовали спарапета. Ему не по душе было

торжество Бека. Ну и что из того, что Надир победил какого-то Кара Бибар пашу, не уйдут же из-за этого турки из Еревана и Гандзака. Идет война… Бог войны непостоянен, он за день по десять жен меняет.

— Надо немедленно вызвать из Алидзора персидских ханов. Пошлем человека к Пхиндз-Артину, пусть посланники шаха придут к нам, — предложил хозяин дома Константин.

— Они уже здесь, — сказал Давид-Бек. Он подал знак, и в зал вошли ханы и сотник-гонец. Бек усадил их возле себя и налил им вина.

Спарапет, видевший все это, еле сдерживал свой гнев. Он бросил оземь свой кубок и встал. К счастью, ни Бек, ни персидские ханы не заметили его поступка.

После пира, когда ханы и сотник ушли, Бек обратился к присутствующим:

— Слушайте, военачальники. Мы должны отнестись с должным вниманием к просьбе хана Тахмаза и отправить к нему наших послов.

Спарапет вздрогнул, от гнева у него затуманились глаза. Мелик Бархудар заметил это и ехидно улыбнулся. «Как?.. — думал спарапет. — Пойти к шаху на поклон? Что это стряслось с Беком?»

— Отправим ханов в Персию, — снова заговорил Бек. — Завтра же. Пусть вместе с шахом повоюют с турками. Затем нужно выбрать послов, чтобы отправить в Тавриз. Мы обязаны сговориться с Тахмазом, чтобы послать турок к чертовой матери.

— Чтобы потом Тахмаз нас задушил, — не выдержав, крикнул спарапет. Все удивленно оглянулись на него. — Сойди с этого опасного пути, тэр Давид-Бек!

— Не горячись, говори с достоинством, как подобает человеку, кому доверена судьба целого народа, — сказал спокойно Бек.

— Я говорю голосом совести, — не уступал спарапет.

— Довольно, хватит! — замахал руками Бек. — Решено. Возвращаемся в Алидзор и отправляем посольство к Тахмазу. А персов завтра проводим в Тавриз. Мхитар, слышишь, проводи с должным почетом и вежливостью. —

Затем, повернувшись к хозяину дома, крикнул: — Принеси еще вина, Константин. С бокалами, полными вина, встретим зарю отчизны и отправимся в Алидзор.

Хотя прошла неделя со дня возвращения в Алидзор, но Давид-Бек не забыл дерзкие возражения спарапета против того, чтобы послать представителей в Тавриз для переговоров с Тахмазом. Однако он скрывал свое недовольство от Мхитара и от других. По-прежнему Бек ходил с ним в казармы, беседовал, шутил с воинами и в радостном настроении возвращался домой.

Вскоре он подобрал послов для отправки в Тавриз во главе с князем Баяндуром. В их числе был мудрый инок Мовсес, облаченный в меликскую одежду, три сотника и хорошо осведомленный в обычаях персидского двора некий агулисский ходжа, по имени Хачик. Посольство должна была сопровождать конница в количестве трехсот воинов, отобранных Беком лично из полка «Опора страны».

Накануне отъезда посольства военачальники снова собрались у Бека. Лицо каждого из них отчетливо выражало его мысли — согласен он с действиями Верховного властителя или нет.

Бек старался не замечать спарапета. Не хотел снова вступать с ним в спор. У него не было никакого желания выслушивать советы и других собравшихся здесь старших чинов своей армии. Он просто собрал их для вида, твердо зная, что не отступит от своего решения.

— Пока не поздно, подумай еще раз, тэр Давид-Бек, полезное ли ты делаешь для отчизны, — заговорил спарапет, сделав последнюю попытку отговорить Бека от трагического, по его мнению, намерения.

— Я не вижу неразумности в этом, — ответил холодно Бек.

— Что подумает Абдулла, узнав о наших переговорах с шахом?

— Плох тот военачальник, который не умеет пользоваться благоприятным ходом событий.

Удар нанесен тяжелый… Лицо спарапета багровело. Мелики тревожно смотрели то на Бека, то на растерявшегося спарапета. Бек, топнув ногой,

привстал. Предвидя неприятное, многие онемели от страха.

— Рать наша ропщет, — раздраженно продолжал Бек, — недоволен и народ… Слышишь, тэр Мхитар? Чавндурский сотник Барсег удрал… Барсег не единственный и не последний. Дезертирство растет. Нужно вдохновить войска. Чем мы их вдохновим? Чем? Ведь ты — спарапет, так найди выход… Нам нужен союзник против врага, который сильнее нас. Его надо искать здесь, среди наших соседей. Пускай он недостаточно сильный, пускай неверный, вчерашний наш враг. Кто этого не понимает, тот дьячок, невежда, глупый дьячок.

— Бек, — сделав шаг вперед, воскликнул спарапет, — опомнись! Подумай, на что ты идешь! Ты дал убежище ханам, которые незадолго до этого воевали против нас, затем с почестями отправил их домой. Теперь снова ты хочешь бросить нас к ногам Тахмаза, чтобы он указывал нам свою волю.

— Я последнему псу пойду на поклон, если буду уверен, что он поможет моему народу, подверженному опасности. Пойми ты это наконец, тэр спарапет.

Но Мхитар не уступал. Он продолжал раздраженно спорить, возражать, размахивать руками. Мелики молчали. Они не решались стать на ту или другую сторону, понимая, что и Бек и спарапет могут весь накопившийся в них гнев обрушить на их головы.

— Мы восстановим против себя Мир Махмуда! — вновь воскликнул Мхитар.

— Как будто до сих пор он был твоим дядей, — с нескрываемой иронией ответил Бек и косо посмотрел на военачальников. — Ныне нет у нас друзей, все наши враги.

— И Тахмаз.

— Да, и Тахмаз, — кивнул головой Бек. — Но вместе с тем он и туркам враг. Он идет на турок.

Теперь Бек говорил спокойно, не отрывая взгляда от спарапета. Снизил тон также и спарапет. Даже начал просить и умолять воздержаться от отправки посольства. Пытался убедить его в бесполезности этого шага.

— Удивляюсь, как ты можешь верить Тахмазу? — пожимая плечами, закончил он свои долгие увещания.

— Верю, — ответил спокойно Бек.

— Наивно… — вылетело из уст спарапета. И тут же мысленно раскаялся, что переступил границы дозволенного. Все посмотрели на Бека. Проглотит ли Бек оскорбление или прикажет немедленно арестовать спарапета? Ведь он не простил его, своего любимого спарапета, четыре года назад, когда тот, уверенный в поражении своего войска, вопреки воле Бека, отказался вступить в бой с персами. Бек приказал тогда обезглавить Мхитара, но, уступив мольбам меликов, простил его… а сейчас не произойдет ли то же самое?

Но Бек, сдерживая гнев, спокойно сказал:

— Отныне я прикажу казнить каждого, кто осмелится хоть в малой мере противиться моей воле, будь он даже любимый мною человек.

Он долго молчал, не глядя ни на кого. Наконец, набрав полную грудь воздуха и выдохнув, резко сказал:

— А теперь расходитесь, идите и ждите моего приказа.

— Бек, отец… — крикнул, задыхаясь, спарапет.

Но Давид-Бек решительным движением руки потребовал, чтобы тот слушал. Затем, помолчав немного и посмотрев на него укоризненным взглядом, продолжал:

— Турки снова показались в окрестностях Варанды, они жаждут мести за поражение в Каркаре. Небольшими группами они совершают набеги на села Варанды. Нужно немедленно послать войска и очистить край от турок. Это можешь сделать ты, Мхитар. Возьми свои полки и отправляйся туда. Теперь идите все.

На следующий день посольство князя Баяндура выехало из Алидзора. Среди провожающих не было Мхитара и Тэр-Аветиса. Накануне они со своими полками отправились в Варанду. Все понимали, что это — своеобразное выселение, что Бек намеренно и надолго удалил полководца Мхитара из Алидзора.

Мелик Бархудар ликовал. Наконец-то он избавился от подчинения Мхитару и со своим полком остался в Алидзоре. Но он был крайне удивлен, когда на следующий день Бек приказал и ему немедленно отправиться в Варанду в распоряжение Мхитара. Что заставило Бека неожиданно изменить свой приказ, осталось для Бархудара загадкой. Сжав зубы, он выполнил повеление Верховного властителя и в долине реки Аракс нагнал Мхитара.

Эти строгости Бека радовали больше всех инока Мовсеса. Каждый день, после занятий в своей школе, он приходил к Верховному властителю и своими советами помогал ему. Он был убежден, что в эти полные тревог дни страной должен править суровый, беспощадный, но справедливый властелин, обладающий большим умом, железной волей и мужеством. Таким именно и был Давид-Бек.

Вечером этого полного хлопотами дня Согомон вручил Давид-Беку короткую записку. Бек горько усмехнулся, узнав почерк Мхитара, напоминающий вороньи следы на снегу.

«Ты нанес мне неизлечимую рану. Ты сровнял мою честь с грязью ног чужеземных ханов. Я еду в Варанду защищать границы нашей страны. Ты сговорись с персидским ханом, правитель наш. А я сделаю свое. Я выхожу из-под твоей власти. Можешь прийти наказать меня. Посмотрим, кто выиграет. Мхитар».

Бек смял бумагу и гневно швырнул ее на пол.

«Глупец… — с горечью подумал он. — Бог даровал тебе силу и мужество ценою лишения разума».

Он заскрежетал зубами, вскочил с места, сорвал висевшую на стене саблю и, обнажив ее, бросился во двор… Сейчас он бросит клич, подымет полк «Опора страны» и помчится наказать, уничтожить смутьяна. Он устремился к выходу, но, не добежав до лестницы, остановился, махнул рукой и, ослабев, упал в объятия следовавшего за ним в ужасе Согомона.

Ночью он отправился к воинам полка «Опора страны» и остался там. Утром, когда Пхиндз-Артин спросил у Согомона, где он может видеть

Давид-Бека, тот пожал плечами.

— Иди в казармы, господин Артин, — сказал он, сдерживая слезы. — Он, несомненно, спал там с седлом под головой. О всевышний, что это делается с моим бедным хозяином…

Наступил май 1726 года. Дороги уже открылись, и на армянском нагорье показались первые толпы беженцев. Они приходили из Еревана, из сел Араратской долины, из Лори и Тифлиса. Ожесточенные, проклинающие и бога и свою судьбу, эти несчастные люди искали жилья и хлеба в селах Арцаха и Сюника. Местные жители ахали, вздыхали, видя измученных, покинувших свои родные места переселенцев, удивлялись их странным наречиям, но с любовью всех кормили, давали одежду и оружие, как было строго-настрого велено Давид-Беком.

Толпы беженцев появились также в Варанде. Они требовали от уже прибывших сюда Мхитара и мелика Багра разместить их семьи, а им самим дать оружие и зачислить в свои войска. Население Варанды охотно приняло их и расселило по селам. Способным воевать Мхитар раздал оружие.

— Встречали турок? — спрашивал он беженцев с берегов Куры.

— Чтоб последний раз увидели наши глаза их, — отвечали они. — Да, мы их встретили. Идут с большой армией. Сари Мустафа паша после взятия Еревана вернулся в Гандзак и оставил там пятнадцатитысячное войско против гюлистанцев и джрабердцев, а сам с основной армией идет на вас.

Спарапет уже знал об этом. Князь Ованес-Аван предупредил его о намерениях и о движении войск Сари Мустафы. Он знал также, что джрабердцы и гюлистанцы не имеют возможности прийти ему на помощь. Находящиеся в Гандзаке крупные соединения турецкой армии могли воспользоваться случаем и захватить эти провинции. Оставалось рассчитывать только на свои силы. Посоветовавшись с меликом Багром, Бархударом и сотниками, Мхитар решил действовать по излюбленной тактике Давид-Бека — избегать открытого столкновения с врагом на равнинах, завлечь его в ущелье Шош и, взяв в клещи, уничтожить. Для этого Мхитар велел перевести

население всех деревень, расположенных на среднем течении реки Каркар, в ущелье Кирс и на высившуюся над селом Каринтак гору Шош, где еще оставались следы древней крепости. На высотах ущелья, предвидев возможные столкновения с врагом, Давид-Бек заблаговременно велел заготовить массы камней, соорудить укрепления, как это было сделано в ущелье Шахапуник.

Оставалось только завлечь османское войско в роковое для него ущелье.

Двадцать восьмого мая расположенные на нижних склонах Варанды сторожевые отряды сообщили находившемуся в селении Шош спарапету, что армия Сари Мустафа паши направляется в ущелье Каркара. Мхитар решил оставить пехотные части на высотах ущелья, а с конницей выйти навстречу Мустафе.

После прибытия в Варанду спарапет заметно изменился. Он стал молчаливым, скрытным. Даже с Тэр-Аветисом он старался встречаться редко. Был мрачен и зол. Хотя никто, даже Тэр-Аветис, не знал о написанном им письме Давид-Беку, однако многие догадывались, что какой-то червь грызет ему душу. Тэр-Аветис дважды пытался узнать у него, почему он мрачен и молчалив, но безуспешно. Спарапет избегал откровенного разговора.

Питался он в полку Есаи, спал где попало, завернувшись в бурку. Запретил разбивать свой шатер. Мысль о том, что он порвал с Давид-Беком, не давала ему покоя. Но в то же время Мхитар не мог и мириться с действиями Бека. Пойти на уступки персидскому шаху, стать его союзником! Опасный и позорный поступок. Приобретшую наконец независимость страну снова бросить под ноги старого врага? Нет, пойти на это он не может. Всячески старался забыть случившееся, но совесть мучила его, — казалось, своей рукой зарезал родного сына или брата. И все же Мхитар был уверен в своей правоте и в большом заблуждении Бека.

В первых числах июня армия Сари Мустафы вошла в ущелье Каркара. Она медленно и грозно двигалась вверх по реке. В сердца армян, наблюдавших с горы ползущее к ним чудовище, вкрался страх. Многие до этого надеявшиеся, что враг все же не явится в Варанду, теперь с ужасом смотрели на огромную

армию османцев. Выдержат ли они — пять тысяч человек — напор двадцатитысячной армии, заполнившей от края до края огромное ущелье?

Стемнело. Синий туман, казалось, поглотил армию османцев. На небе весело замигали первые звезды…

— Запретите зажигать огни, — приказал спарапет своим военачальникам. — Скрывайтесь в лесах. Уведите подальше коней. Даже звери не должны пронюхать, что здесь есть живые существа.

Он отправил в глубь ущелья ночные дозорные отряды, чтобы они следили за движением войск неприятеля и сообщали ему об этом.

Вскоре мрак покрыл скалы и ущелья. Отчетливо слышался шум реки. Из-за расщелин зубчатых скал показался край пугливой луны. На позициях армянских войск воцарилась могильная тишина.

Около полуночи Мхитар велел позвать сотника Товму. Горги Младший, разбудив, повел его в дубовый лес, где под дикой мушмулой в бурке стоял Мхитар. Товма впервые видел спарапета курящим и очень удивился.

— Явился по твоему приказу, тэр спарапет, — вытянувшись перед Мхитаром, доложил Товма.

— Ладно, — сказал мягко Мхитар и спросил: — Сколько у тебя удальцов?

— Пятьсот пятьдесят конных, — не без гордости ответил Товма, — ждут твоего приказа.

Мхитар внимательно посмотрел на него. При лунном свете Товма казался особенно красивым и мужественным.

Юноша безмятежно-спокойным взглядом смотрел на полководца, готовый по первому его знаку броситься в огонь и воду.

«Горд он, еще бы, имеет такую жену, как Гоар», — не без зависти подумал Мхитар, и первый раз его любимый сотник вызвал в нем ненависть. Он закрыл глаза. На миг представил Гоар в своих объятиях, затем целующей полные уста молодого мужа. Сердце щемило. Невольно вздохнув, он открыл глаза. Товма удивленно смотрел на него.

— Как поживает отец, Гоар? — спросил Мхитар. — Есть вести?

— Есть, тэр спарапет. Живут, молят всевышнего, чтобы даровал нам победу. Кланяются тебе.

— Добро, — сказал Мхитар, еле скрывая боль в душе. — Иди подыми свою конницу, поезжай в сторону села Кагарцы, затем сверни влево и по лесным тропам, тайно спустись к селу Нахичеваник. Следи за движением османской армии, догони ее арьергард и неожиданными налетами помешай ее беспрепятственному продвижению, а в случае отступления перерезай ей путь. Понял?

— Вполне, — вытянулся Товма.

— С тобой пойдет отряд из полка мелика Багра, храбрые и хорошо знающие эти места люди.

Мхитар еще долго и обстоятельно разъяснял Товме, что от него требовалось, все время избегая смотреть ему в лицо.

— Иди, господь с тобой, — наконец произнес он взволнованно, — будь осторожен, жалей людей и себя, тебя ждет…

Товма резко повернулся и твердыми, уверенными шагами удалился.

Мхитар закрыл глаза. Он тщетно пытался вспомнить все черты лица Гоар. Перед ним вставали только тоскующие и укоризненные глаза, те глаза, которые он с таким волнением и жаждой целовал когда-то. Как хотел бы он сейчас, перед тяжелым сражением, хоть издали еще раз увидеть их.

Близился рассвет. Войско Мхитара, укрывшееся в засаде, ни единым звуком не нарушало тишину.

Армия Сари Мустафа паши медленно ползла к синеющим впереди возвышенностям Варанды. Густая пыль, поднимающаяся из-под ног конницы, пеших полков янычаров, обозного транспорта и вереницы верблюдов, на которых везли орудия, мешки с порохом, продовольствие и добычу, пеленой ложилась на них же. Весна щедро нарядила долину Каркара в зелень. Невинно улыбались астры, полынь рассеивала опьяняющую пыль, уныло качались тополя. Кругом было безмолвно. Передовые отряды турецкой армии по пути, ведущему в ущелье, входили в опустошенные и безлюдные села. Следующая за

ними армия нещадно топтала виноградные плантации, всходы озимых посевов, срубала деревца черешни, чтобы пожрать незрелые плоды. Там, где проходила армия, цветущая земля превращалась в черную пустыню, загаженную обгрызенными костями, внутренностями забитых животных и трупами умерших пленников. Прозрачные воды горных родников и речушек становились мутными.

Добравшись до края ущелья селения Шош, турецкая армия остановилась. Сари Мустафа паша придержал коня. Он поднес подзорную трубу к воспаленным от пыли глазам и стал рассматривать возвышающиеся перед ним горы. Голландский бинокль приблизил снежные вершины, леса и водопады. Однако паша не разглядел никаких признаков жизни в горах. Дорога, извиваясь, терялась в безднах ущелья, затем снова выходила на седловину горы, где еще не растаял снег. Паша долго смотрел на эти огромные нагромождения скал, через которые по единственной узкой дороге он должен провести свое многотысячное войско.

Мурад-Аслан, покорно стоящий возле него, также со страхом взирал на арцахские горы. После взятия Еревана сераскяр Абдулла паша отправил его к Сари Мустафа паше в качестве советника и заодно, что было более важной его обязанностью, своего тайного доносчика. Теперь этот опытный советник Абдулла паши был недоволен своим хозяином за то, что тот послал его для участия в этом полном опасностей арцахском походе.

— Неужели в этих краях нет другой дороги к логову армян? — спросил Сари Мустафа, отняв бинокль от глаз и обращаясь к окружающим его военачальникам и советникам.

— Отсюда только одна дорога ведет к замку на горе Каринтак, могучий паша, — ответил Мурад-Аслан. — Есть и другая дорога, но она проходит через провинцию Хачен и трудно одолима. Кроме того, она занята главными силами армии Давид-Бека. Там много деревень и замков.

— А здесь, впереди, есть деревни? — спросил паша.

— Есть, но они безлюдны. Мхитар погнал население в глубь страны.

Перевал труднодоступный, паша. Мхитар может устроить нам засаду в ущелье. Здесь армяне поглотили армию Шахин паши. Нужно как следует прощупать ущелье, прежде чем войдем в него.

Продвинувшись еще немного, остановились. Узкий проход ущелья закрывали две гигантские скалы, высившиеся одна против другой. Горная река бурлила в их гранитных объятиях. Паша со страхом смотрел на огромное, ушедшее глубоко в землю ущелье. Он обещал десять золотых каждому, кто добровольно возьмется разведать его. Желающих оказалось много. Перед пашой предстал даже один мулла с козлиной бородой.

— Во имя Магомета я поведу людей, паша, денег не хочу, пророк приглашает меня в рай аллаха… Пришло время стряхнуть с себя бремя этого мира и отправиться в лоно наслаждений дженната[65].

Добровольцы отправились на разведку. Паша вошел в свой шатер. Беспокойство и злоба охватили его. Этот грозный, закаленный в боях человек не испытывал страха, когда штурмовал славянские города, стучался в ворота Венеции, сбрасывал с престолов европейских королей и, надев им на шеи веревки, тащил за своим конем. А вот в этой горной стране непонятное чувство страха вкралось в сердце и преследует его, как шакал раненого воина.

Стемнело. Месяц, видневшийся из полуоткрытой двери шатра, осветил безжизненно-бледной голубизной мрачные скалы и растревоженные волны реки. Паша, потерявший покой, приказал подать кофе и позвать Мурад-Аслана. Льстивый отступник с постоянной кривой улыбкой на лице вошел в шатер. Паша сделал знак рукой, чтобы тот сел. Затем из медной чаши налил ему кофе. Мурад от радости вспотел.

— Чем богат этот край страны Армянской, которым наш султан — тень аллаха — хочет овладеть? — спросил паша, прихлебывая глотками коричневую пену кофе.

— О, армянский Сюник и Арцах — богатые страны, паша! — облизывая

---

65 Дженнат — рай (тюркск.).

губы, воскликнул отступник. — Амбары золота имеются в Агулисе и Старой Джуге. У здешних купцов свои лавки на всех рынках мира. Их суда плавают в морях и океанах. Из богатых городов мира золото рекой течет в замки этих гор, где купцы держат свои семьи и богатства. В Кафане богатые медные прииски, Мегри, Амарас и Ордувар богаты шелком, искусно сотканным сукном. На высокогорных пастбищах несметные стада овец и коров.

— Далеко Алидзор? — спросил паша.

— Если пожелает аллах, да святится вовеки имя его, мы будем там через неделю.

— Укреплен?

— Очень… Пока никому не удавалось захватить этот город. Ты будешь первым из знаменитых полководцев, кому аллах предвещал войти в сердце Сюника — Алидзор. Вспомни, что сказал милостивый султан Баязет: «Чтобы окончательно завладеть Арменией, надобно разрушить Сюник и Арцах».

— А он сам пробовал взять их?

— Пробовал, но тщетно… Еще ни один мусульманин не проник в сердце этого нагорья.

Паша поставил китайскую чашку, которую он держал в руке. То же сделал и Мурад-Аслан, хотя и не успел допить последний глоток драгоценного кофе.

В лагере царила тишина. Войско спало. Не было слышно даже переклички дозорных. Паша отпустил Мурад-Аслана и, завернувшись в бурку, положил голову на седло и закрыл глаза…

Разведчики-добровольцы вернулись незадолго до рассвета. Мулла тотчас же пошел к паше.

— По ущелью добрались до вершины скалы, — доложил он, обнажая ржавые зубы. — Даже собаки ни одной не встретили. Остались только свежие следы войска. Ясно, что армяне покинули эти места и удалились. Дорога открыта перед тобой, паша победителей. Иди беспрепятственно.

Другие разведчики вторили мулле.

На рассвете армия уже была на ногах. Сари Мустафа паша, сев на коня и

обнажив меч, повернулся в сторону ущелья и обратился к своим войскам:

— Эта дорога ведет в богатую страну. Не пугайтесь диких гор, с именем аллаха на устах преодолевайте их. Перед вами нет армянских войск, идите, положась на аллаха.

Войско Сари Мустафы, наслышанное о несметных богатствах сюникских армян, с воодушевлением устремилось к проходу в ущелье.

Узкая дорога вилась по правому берегу пенистой реки, с обоих ее берегов высоко в небо подымались крутые склоны, — казалось, армия османов идет по глубокой трещине земли.

Вслед за войском въехал в ущелье и паша. Им снова овладел непривычный страх. Однако паша успокоился, увидев своих бесчисленных воинов, энергично продвигающихся вперед. Шли тесными, беспорядочными рядами, наступая друг другу на пятки, дыша друг другу в спину. Кони упирались своими мордами в спины идущих впереди воинов. Вскоре вся армия вошла в ущелье.

Передовые части турецкой армии уже достигли конца ущелья, а хвост только оторвался от входа, когда вдруг раздался ужасающий грохот. Словно в ясном небе разразилась гроза. С поднебесной высоты по склону ущелья, поднимая тучи пыли, лавиной катились вниз бесчисленные глыбы камней. С возрастающей скоростью низвергающиеся каменные массы в одну секунду достигали дороги и падали на растерявшиеся от неожиданности турецкие войска.

Сари Мустафа паша содрогнулся. Конь в испуге взметнулся, стал на дыбы и налетел на круп коня знаменосца. Синий лоскут неба потемнел.

— Беда!.. — исступленно крикнул ехавший рядом Мурад-Аслан.

— Землетрясение! — заорал паша.

— Мир рушится… Аллах…

Потерявшие головы люди не понимали, что происходит. Беспрерывным потоком летевшие камни сбивали с ног, уничтожали сбесившихся от страха верблюдов, испуганных коней, растерявшихся от ужаса людей. Многие падали в реку.

— Шайтан!.. Шайтан!.. — кричал мулла с козлиной бородой, прокладывая саблей себе путь к выходу из ущелья.

— Аллах… аллах…

Турки были уверены, что это землетрясение. Между тем на верхнем, отвесном крае ущелья, закрытые облаком пыли воины Мхитара вытаскивали деревянные колья, вырывали сдерживающие каменные кучи столбы, и повторялось ужасное… Большие и мелкие груды камней, рассыпаясь, с оглушающим грохотом летели в ущелье. От этого грохота, потрясающего горный край, невольно содрогались сами устроившие эту жестокую западню армяне.

— Быстрей, братцы! — перепрыгивая от одной груды камней к другой, подбадривали своих воинов сотники.

Охваченная паникой армия паши обратилась в бегство. Те, кому удавалось спастись от града камней, устремлялись к выходу из ущелья. Обезумевшая толпа подхватила с собой Сари Мустафа пашу и вынесла его, как щепку, к выходу. Один из камней ударил по голове коня паши и свалил его и седока наземь. Мурад-Аслан и турецкий онбаши[66] с трудом вытащили пашу из-под людских и конских ног. С непокрытой головой, в изорванной одежде и с окровавленным лицом, паша бежал вместе со всеми. Мурад-Аслан крепко держал его за руку.

Армия паши была разгромлена. Немногим удалось выбраться из ущелья. Паша обеими руками ударил себя по непокрытой голове и воскликнул в отчаянии:

— Армия моя погибла, армия!..

— Не терзай себя, — сильно тряхнув его, сказал Мурад-Аслан. — Благодари аллаха, что сам остался цел. Следуй за мной, торопись, не то вот-вот настигнут армяне… Гляди, они спешат отрезать нам путь.

— Здесь есть армянское войско?! — закричал паша.

---

66 Онбаши — десятник (тюркск.).

— А как же. Этот твой дурак мулла — слепец: не заметил засады, устроенной армянами. Ах, аллах!

— Дьявольская страна, провались она в преисподнюю! — воскликнул Сари Мустафа паша и побежал за Мурад-Асланом.

В глубине оврага они догнали небольшую группу охранных войск обоза, забрали у них двух коней и умчались в степь. С горы спустилась группа всадников, посланных Товмой преследовать беглецов.

Выполняя приказ Мхитара, Товма во главе своей конницы отрезал путь вырвавшимся из ущелья войскам паши и начал беспощадно рубить их. Бежавшие от каменного града напуганные воины, многие из которых потеряли своих лошадей и оружие, попали в еще большую беду. Вскоре к ним в тыл спустился и спарапет Мхитар с конным полком Дзагедзора и тоже начал громить турок.

«Что скажет Давид-Бек, узнав об этой победе?» — подумал преисполненный радости Мхитар, с небольшого холма оглядывая неравный бой на поляне, недалеко от ущелья. В эту минуту он бы хотел, чтобы Бек своими глазами увидел эту победу, увидел бы, как он выполняет свой долг перед страной и народом.

К вечеру все кончилось.

Товма бросил под ноги спарапета сноп разорванных знамен турецких полков.

— Сари Мустафа паша удрал, мой спарапет. Мы преследовали его, однако он исчез с одним телохранителем. Взяли много пленных. А захваченному оружию нет числа.

Мхитар смотрел на спокойное, уверенное и счастливое лицо Товмы, которое бывает у людей, наслаждающихся щедрыми дарами судьбы.

— Молодцы, — сказал он, глядя вдаль. — Добычу перевезите в село Каринтак. Оружие сдайте на хранение старшине, а остальное добро раздайте войску.

Товма свистнул, и его люди приволокли турецкого воина с веревкой на

шее. Это был мулла с козлиной бородой.

— Сопротивлялся, собака! — гневно воскликнул Товма. — Нашли его в лисьей норе, без оружия. Когда я вытаскивал его, укусил мне руку. — Он с отвращением посмотрел на муллу. Тот был без чалмы, босой, с обнаженной грудью, в изорванных штанах. На лице подтеки. Колено было ободрано, кровь высохла на волосатых голенях. Но и в таком жалком виде мулла был вызывающе дерзок. Его серые глаза были полны ненависти.

— Ну, получили? — процедил спарапет. — Надеюсь, теперь забудете дорогу в нашу страну.

— Забыть! — злобно произнес мулла. — Только привыкаем к этой дороге. Не думай, что, выиграв и это сражение, ты запугал нас, сераскяр, гяуров, — у Абдулла паши еще сто тысяч воинов в вашей стране.

— Их ожидает такая же судьба, — спокойно ответил Мхитар. — Чего лезете своими мордами в огонь? Почему пришли в страну, которая не принадлежит вам, ничем не угрожает и не причинила никакого зла султану?

Мулла скривил окровавленный рот, вырвал еле державшийся зуб, бросил в сторону и заговорил быстро:

— Я раб пророка и должен отдать свою кровь его священному огню. Рабу не дано постигнуть пророчества аллаха. Но могу ответить тебе, армянский сераскяр, потому что ты показал пример храбрости и мужества. Да будет тебе известно, что все страны в мире принадлежат наместнику Магомета на земле — султану. И он снова пойдет на вас. И знай еще: мы идем на гяуров-урусов и должны покорить все страны, лежащие на этом нашем пути. Вы непокорный народ, мешаете нам. Вы приковали к себе гнев султана и обрекли ваши тела и души на гибель. Вы помогаете гяурам-урусам, и потому наш пророк разгневан на вас. И разрешил уничтожить вас.

— Вы все дуете в одну дуду. Салах, Шахин, Али паши говорили мне то же самое. А не думает ли раб пророка, благочестивый мулла, что мы и русские тоже вправе убивать вас, чему он был свидетелем сегодня?

— Непобедим османский меч, все народы должны пройти под ним! —

воскликнул мулла.

— Рехнутый, — засмеялся спарапет и приказал сотнику Товме отпустить муллу на волю.

Товма почесал затылок.

Оскорбленная гордость

На стене южной крепостной башни, из бог весть когда образовавшейся щели, тянулся к солнцу маленький куст дикой розы. Его тонкие, седоватые корни крепко обхватывали чуть сдвинувшуюся плиту — единственное, за что они держались… После небольшого ночного дождя первый на нем цветок кокетливо улыбнулся поднявшемуся на горизонте солнцу и, казалось, горел багрово-желтым пламенем.

Тикин Сатеник в это утро впервые заметила кустик, когда подошла к окну, чтобы подышать свежим воздухом. Башня находилась как раз напротив окна ее комнаты и так близко, что она отчетливо видела кружившуюся над цветком пчелу.

Всю ночь, склонившись над столом, она писала, писала и рыдала. О нерадостных, грустных событиях пришлось ей рассказывать потомкам в своей летописи.

«И в скале живет красота, — глядя на цветок, подумала она. — Ничтожный кустик, а как оживляет он мертвую башню». Она хотела отойти от окна, как вдруг заметила высунувшиеся из гнезда головы трех птенцов. Это были орлята. По бледному лицу Сатеник прошла улыбка. Птенцы робко поклёкали, стуча еще не окрепшими серыми клювами по камню. Затем они удивленно и долго разглядывали голубое небо. Видимо, впервые им приходилось смотреть на мир. Как красивы небеса, воздух, солнце, которое щедро сыплет свое золото на бескрайние просторы гор.

Сатеник грустно вздохнула. Поглощенная своим трудом, под грузом только ей одной известного горя, она даже не заметила, как прошла зима,

наступила весна, как пробудился горный край, расцвел шиповник. Не заметила орлицу, свившую напротив ее окна свое царственное гнездо, снесшую яйца и выведшую птенцов.

Дверь с шумом отворилась, и в комнату как вихрь ворвалась Вард-хатун.

— Победа… — еле переводя дыхание, крикнула она и бросилась обнимать тикин. — Победили наши, твой спарапет, мой иерей. Они прислали гонца из Варанды. В ущелье Шоша наши наголову разбили войско Мустафа паши. Разбили… Победа… Ликуй, ликуй, госпожа! — И она принялась шумно целовать Сатеник.

— А какие известия от Давид-Бека? — спросила тикин.

— Бек отправился в Агулис. Поздравляю. Наверно, уже известили его о победе, и он на радостях пьет сладкое вино с ходжами и их женами. Ну и красивы же, бестии. После разгрома под Варандой турки не могут опомниться. Они уже не решаются идти на Арцах или Агулис. Пусть будет им наукой. Ах, боже мой… Сердце разрывается от радости. Представляю, как теперь петушится мой иерей. Ба, ба, ба! — начала кривляться и гримасничать она. — Даже разговаривать с ним будет нелегко. Приехал бы хоть на денек. Общипала бы ему бороду.

— Сейчас им нечего делать в Дзагедзоре, они отправятся на помощь к Беку. Да умножится слава твоя, господь наш, не отворачивайся от нас, — глаза тикин Сатеник увлажнились. — Орлят видела спозаранку — к добру это…

И весь день она не отпускала от себя прибывшего из Варанды гонца. Записывала то, что сообщал ей участник и очевидец варандских событий. А когда кончила писать и отпустила гонца, все еще продолжала сидеть у стола. Неодолимая тоска по Мхитару охватила ее. Ей казалось, что она летит к нему, бросается к его ногам и умоляет: «Не делай этого, Мхитар, забудь ее, пожалей меня… Забудь». Она не смогла удержать слез, когда вспомнила, что не ей принадлежит сердце любимого человека, родного мужа. Глотая слезы, она записала в летописи:

«И когда разрушились оковы зимы, вместо весенней радости ветер

бедствий нахлынул на нашу страну, засверкало всепожирающее западное пламя. Вышел из своего логова бешеный Абдулла паша. Пришел проглотить страну Армянскую…

…А победивший турок в Варанде спарапет Мхитар, супруг мой, мужчина с ясным и благородным лицом, с длинными темными волосами. У него густые, изогнутые дугой брови, чуть вытянутый подбородок с кудрявой бородой и искрящиеся глаза. Высок он ростом, плечист и могуч. Жесток характером и упорен. Проникнутый великой любовью к народу армянскому, он посвятил себя целиком его делу…»

Перо выпало из рук Сатеник. Обхватив голову ладонями, она тихо заплакала. Слезы заволокли глаза, вдруг перед ней отчетливо предстала на белом листке бумаги желто-красная роза. Она постепенно разрасталась и вот уже преобразилась в Гоар, которая с дерзкой улыбкой на лице, казалось, говорила: «Тот, о ком душа твоя тоскует, принадлежит мне».

Весь день тикин Сатеник не выходила из своей комнаты. Старший сын, Агарон, еще с утра повел свой «полк юных» на ученье. Цамам и маленький Давид в сопровождении няни спустились в деревню Горис поиграть с крестьянскими детьми.

Тикин осталась одна, безутешная. О, как горька жизнь, как она тяжела! Горькими были и строки ее летописи. Перелистывая страницы своей рукописи, она невольно начала читать записи, сделанные ею зимой. Они рассказывали историю падения Еревана, которую она записала со слов бежавших оттуда армян.

«Храбро сражались ереванцы. Но турки все же победили. Они разрушили, уничтожили все. В городе не уцелел ни один дом. Старых и малых, женщин и детей, всех, кто остался живым, — угнали в плен. Дома разрушили, церкви превратили в конюшни. В Ереване не осталось ни одного хоть немного стоящего, способного на что-нибудь человека. У священников вырывали бороды, били и пытали так, что на них остались только кости. Девушек насиловали на глазах у матерей. «Гяура мучить — аллаху служить», —

хвастаясь, повторяли турки. Горе нам, горе беззащитному роду армянскому. Не разрешили хоронить покойников. Трупы бросали псам на съедение. Больных и немощных сбрасывали в ямы, чтобы гнили там заживо».

Тикин пришла в ужас от собственных записей. Ночью ей приснились кошмары — убитые, зарезанные дети, обнаженные, сошедшие с ума женщины и турки, турки… с ятаганами, с диким хохотом, с окровавленными руками. Она просыпалась от страшных снов и кидалась в объятия старой прислужницы.

— Спасите!.. — умоляюще кричала Сатеник.

А как-то под утро, заслышав звуки труб и рогов, закричала неистовым голосом:

— О, турки идут… Дети! Спасите моих детей!.. — и бросилась в соседнюю комнату. Но служанка успела преградить ей путь.

— Очнись, тикин! — закричала она. — Или не слышишь, это победные трубы твоего супруга.

— Супруга… — вздрогнула она. — Зачем он едет? Зачем?.. Двери моего сердца закрыты перед ним. Зачем он едет? Может, сейчас в Агулисе или Нахичеване турки снова проливают кровь наших людей. Почему он не едет туда? Дайте мне одежду.

Шумно открыв дверь, из соседней комнаты вышел Агарон.

— Отец приехал!.. — радостно вскрикнул он и выскочил на улицу.

Все уже были на ногах. Через открывшиеся широкие ворота в замок сначала въехал спарапет, затем Тэр-Аветис, а за ними воины тащили по земле десятки турецких знамен. Жители замка восторженными криками приветствовали прибывших. Бандур-Закария подбежал к спарапету, чтобы помочь ему слезть с коня.

Однако ликование длилось недолго. Спарапет был мрачен, он даже не приветствовал толпу, как делал это каждый раз, возвращаясь из далеких походов, не взглянул на восхищенных им женщин, на Бандур-Закарию. Бросив гневный взгляд на устремившегося к нему сына, прошел вперед. Агарон недоуменно попятился.

Не только жители замка, но даже мелики и сотники не знали причины гнева и мрачности их любимого полководца.

— Накорми войско, — приказал он Бандур-Закарии. — Раздай всем жалованье. Запрещаю без моего приказа кого-либо впускать или выпускать.

На верхней ступеньке каменной лестницы его встретила супруга. Заметив мрачное лицо мужа, полные гнева глаза и торопливый шаг, Сатеник подумала, что случилось недоброе. Однако не осмелилась спросить об этом в присутствии посторонних. Спарапет прикоснулся губами ко лбу жены, оттолкнул стоящего рядом Агарона и вошел в свою комнату. За ним последовала только жена.

— Что с тобой, Мхитар? — закрыв за собою дверь и опираясь спиной на нее, спросила Сатеник.

— Со мной? — усмехнулся спарапет, опустившись на первый попавшийся стул. — Что может со мной случиться? Разве ты не видела турецкие знамена? Мы победили в Варанде. Как дети?

— Дети?.. — вздохнула тикин. — Не увиливай, Мхитар. Скажи, зачем ты приехал?

— Ты не желала этого?

— Турки из Нахичевана идут на Агулис.

— Знаю. Ну и что?

— Твое место не дома, — решительно сказала она. — Ты сейчас должен быть с Давид-Беком. Где он?

Спарапет не ответил, расстегнул на шее застежки шлема, сорвал его с головы, снял высокие багровые сапоги, небрежно разлегся на тахте. Это еще больше обеспокоило Сатеник. Сердце чуяло беду. Она подошла и, опустившись перед мужем на колени, сказала:

— Не скрывай от меня, Мхитар. Где Бек, почему ты не с ним?

— Тебе не обязательно это знать, — бросил спарапет.

Сатеник схватила мужа обеими руками за плечи и встряхнула.

— Нет, я должна знать. Отвечай. Что случилось? Поссорился с Беком? Ушел от него? Изменил?..

— Что?.. — крикнул спарапет и вскочил с тахты.

Встала и Сатеник. Мгновение они гневно смотрели друг на друга.

— Ты меня считаешь изменником? — крикнул Мхитар. — Двадцать тысяч трупов оставили в Варанде турецкие янычары. И ты… ты осмеливаешься?..

— Ты ушел от Бека, ушел!.. — вскрикнула Сатеник. — Это я чувствую, вижу, об этом говорят твои глаза, твое лицо. О… Господи. — Она закрыла ладонями лицо и зарыдала. Затем опять опустилась на колени, судорожно обняла ноги мужа и умоляюще продолжала: — Не делай этого, Мхитар!.. Не умножай мои страдания. Пожалей детей своих, меня. Не для тебя позорное клеймо изменника.

— Сатеник! — крикнул, задыхаясь, Мхитар. — Опомнись, что ты говоришь! Да, я бросил Бека, ушел от него. Но я не изменник… Я верен своей клятве. Меня многие не понимают, хоть ты пойми.

Сатеник снова зарыдала. Мхитар постоял немного, он колебался. Затем нагнулся, поцеловал жену в голову и поспешно вышел. В передней стоял нахмуренный Агарон. «И этот считает меня изменником», — подумал Мхитар и вздрогнул.

— Ну, как твой «полк юных»? — подойдя к сыну и взяв его за плечи, спросил Мхитар.

— Отец! — мгновенно забыв недавнюю обиду, радостно крикнул Агарон и обнял отца. — Я так хотел тебя видеть!..

У Мхитара запершило в горле.

— А я нагрубил тебе, — взволнованно сказал Мхитар. — Обиделся? Не сердись, сын мой. Ты ведь не… Ну, ладно, где Давид и Цамам?

— Они спят еще. Сегодня мои «молочные» будут на ученье. Приходи, отец, посмотреть. Будешь доволен. Ребята возмужали…

— Приду, приду посмотреть, на что вы способны. Ты вот стал настоящим мужчиной, хоть куда. Семнадцать лет…

В первый раз заметил отец, что сын и в самом деле возмужал. Ростом он почти догнал его, на верхней губе обозначился бархатный пушок усов. Глаза

уже не детские, голос огрубел.

Агарон ушел, чтобы повести свой «полк» на ученье.

Отец, растерянным взглядом провожая сына, постоял несколько секунд в коридоре. Затем направился в комнату детей.

У входа в детскую, прижавшись спиной к двери, стояла Сатеник. Крепко сжатые бескровные губы, гневный и угрожающий взор говорили о ее необычайной встревоженности. Казалось, она сейчас, словно орлица, защищающая своих детенышей, закричит и набросится на того, кто осмелится приблизиться к ней. Мхитар ужаснулся, увидев жену такой.

— Гм!.. — пробормотал он. — Препятствуешь, не позволяешь войти, посмотреть на моих детей? Сговорилась с ним…

— Опомнись, Мхитар, — протягивая руки вперед, умоляющим голосом сказала она. — Давид-Бек собирает новых ополченцев. Народ откликнулся на его зов. Люди идут сражаться за родину под его знаменем. А ты в это решающее время покидаешь его. Потомки проклянут тебя. Опомнись!..

— Я не из тех, кто унижается перед персидским шахом! — прогремел спарапет. — Грудью своей и кровью стану я в защиту народа армянского. Умру, но не войду в союз с хитрым и коварным недругом. Это гибели подобно, поймите наконец и ты, и твой Бек.

И, не дожидаясь ответа жены, поспешно удалился. Он шел, сам не зная куда. Очутился у флигеля Тэр-Аветиса. За дверями слышался веселый смех. Толкнув плечом дверь, он вошел в комнату. Вокруг стола, уставленного вином, блюдами с жареной курицей и форелью, вместе с Тэр-Аветисом сидели мелик Бархудар, сотник Товма, Есаи и мелик Еган. Видно было, что тут уже повеселились. Заметив входящего спарапета, все встали. Вард-хатун, кокетливо переваливаясь, подошла к Мхитару.

— А где Сатеник, почему ты ее не привел с собою, Мхитар?

— Она не может оставить свою летопись, — стараясь насколько возможно казаться спокойным, ответил спарапет и сел на поднесенный хозяйкой стул. Затем тут же, притворяясь веселым, добавил: — Ого! Жареная форель,

прелестно. Счастливый ты человек, Аветис. Форель… А в моем доме… стоит запах чернил и бумаги.

Вард-хатун торжествующим взглядом посмотрела на мужа. Бархудар ехидно усмехнулся. Все поняли — между спарапетом и женой произошло неладное.

Выпили вина. Спарапет жадно пил и ел, беря руками большие куски форели. Казалось, он старался едой заглушить боль, которую причинил ему первый после разрыва с Беком неприятный разговор с женой. Он знал, что для Сатеник, этой вечно недовольной собою, впечатлительной и способной проникнуть в душу своего мужа женщины, достаточны были даже сделанные им прозрачные намеки на разрыв с Беком, чтобы угадать все. И она действительно угадала. А теперь — можно не сомневаться — записала обо всем этом в своей рукописи.

Возвратившись из Варанды, он заметил, что мелики при встрече с ним смотрят на него странным взглядом. Чуют его разрыв с Беком или же прознали о его письме? На вопрос военачальников, почему они не едут в Агулис, он ответил, что таково распоряжение Бека.

Снова выпили. Мелик Бархудар запел хриплым голосом:

Чашки китайские,

Красное вино,

Будь вам в усладу…

«В усладу, — повторил про себя со злостью спарапет, и холодная дрожь прошла по его телу. — Мы здесь хлебаем вино, а там Давид-Бек, быть может, из последних сил бьется с врагом». Ему стало душно, словно прервалось дыхание. Почему он приехал в Дзагедзор? Ведь знал, что не радость его ждет дома, а угрюмое лицо жены. Он поставил кубок на стол и решительным движением поднялся.

— Куда ты, куда?! — забеспокоилась Вард-хатун. — Сейчас принесу плов с курицей, повремени чуточку…

— Идем к нашим юным воинам, я обещал посмотреть на их ученье, нужно

сдержать слово, — сказал спарапет и направился к выходу. Ему нужен был повод уйти отсюда, отвлечься от мыслей, мучивших его. Мелики последовали за ним. Выехав через открытые ворота, они помчались к полку Агарона, который упражнялся недалеко от замка, на открытом поле. Стоял ясный, солнечный день.

На берегу реки Варарак, вокруг старинного монастыря Зангзор, собралась многочисленная толпа. От прибрежной равнины до лесистого подножья горы, на всей этой огромной площади, расположились сотни групп паломников. Сюда пришли не только из ближнего Дзагедзора, Гориса, Сандера, Верин Шена, Карауджа, но и из Кашатахка, Цгука, даже из сисианских гаваров. Пришли семьями. Под стенами, на ветках шиповника и ивы, протянули сотни колыбелей для грудных детей. Мужчины закалывали ягнят и овец, женщины хлопотали вокруг костров, на которых стояли огромные медные котлы с жертвенным мясом. Коробейники шныряли среди паломников, продавая разные мелочи старухам и молодицам.

Здесь была и Зарманд. Она пришла с односельчанами. Приведенный ею ягненок, которого она посвящала сыну, стоял в тени ивы и блеял тоненьким жалобным голосом. Вдоль берега реки там и сям собаки раздирали доставшиеся им внутренности заколотых животных. Монахи, прибывшие из Татева, с особым тщанием правили литургию. Зарманд отнесла своего ягненка в ограду монастыря и, бросив его перед древним хачкаром, попросила старого крестьянина заколоть его.

— Спаси мое единственное дитя, о святой крест, — благоговейно прошептала она.

Во двор монастыря вошла группа воинов. Вокруг них вскоре собрался народ. Старший группы, военачальник Паки, со знаменем Давид-Бека звонким голосом крикнул:

— Слушай, народ армянский. Наш Верховный властитель Давид-Бек обращается к вам с призывом. Вот он, — и Паки, поцеловав свиток, который он держал в руке, приложил его ко лбу, затем, развернув бумагу и откашлявшись,

прочел раздельно: — «…Пусть наш добрый голос дойдет до всех армян, от мала до велика. Настал день, когда каждый из нас должен показать, что он может жертвовать собою во имя родного очага, во имя родной земли Армянской. Значит, к оружию, соберитесь в ополченские полки, вооружитесь, стар и млад, женщины и мужчины, и придите на помощь войску своему.

Захватив многие наши земли, разрушив и опустошив города и села, турки ныне приближаются к нашим горам. Братья и сестры, во имя бога, соберитесь воедино и спешно идите в Агулис, чтобы противостоять врагу. Пусть любовь к нашей родине подымет вас на священную войну. Жду вас. Верховный властитель Армянского Верховного Собрания Давид-Бек мелик Парсаданян».

Толпа паломников в немом молчании выслушала призыв Бека. Сначала не все поняли, чего от них требует Бек.

— Это что за новый указ? — раздались голоса.

— Это не указ, люди, это клич Давид-Бека, — отвечал им Паки.

— Снова воинов требует?

— От мала до велика зовет на войну.

— Эй, братец военачальник, прочти-ка снова, послушаем.

Все умолкли. «Пусть наш добрый голос дойдет…» — снова стал читать Паки. Десять раз толпа заставила перечитать призыв Бека. Наконец совершенно охрипший Паки, собрав все силы и напрягшись, крикнул громовым голосом:

— Все, кто вступит в ряды ополченцев и откликнется на призыв Давид-Бека, получит большие почести и на три года будет освобожден от всяких налогов и податей!

Некоторое время продолжалась тишина, а затем вдруг толпа зашевелилась, прорвалась, как весенняя гроза. Эти слова Паки, как видно, подействовали.

— И от монастырских? — одновременно выкрикнули с разных мест.

— От всех, не будете платить никаких налогов и податей…

— Пойдем!

— А оружие Бек нам даст?

— Даст, — надрывался Паки. — Собирайтесь и идите в Агулис. Спешите,

братья и сестры, Бек с нетерпением ждет вас.

Зарманд нашла односельчан, присоединилась к ним. Они разговаривали громко, словно ругались между собой.

— Эй, Зарманд, и ты решила пойти?! — спросил хромой мельник с разлохмаченными бровями.

— А отчего ей не пойти, — вместо вдовы ответил заика гончар. — На три года избавится от налогов. Налоги…

— Молчи, несчастный козел! — вскипела Зарманд и схватила лежащий у костра длинный загнутый вертел. — Не в налогах суть. Страна в опасности, отчизна… Понимаешь?.. Если смел, иди к Давид-Беку, если нет, возвращайся к своей толстушке. Она тебя под юбкой спрячет.

— Ну и колючий язык у тебя! — обиделся гончар.

Мужики все еще спорили, толковали. Некоторые, решившись, прощались с женами и детьми, другие колебались. Не знали, идти к Давид-Беку или нет. Вдруг Зарманд резко повернулась, высоко подняла вертел, который все еще держала в руке, и громко крикнула:

— Эй, кто из вас мужчина и на голове носит папаху, а ну, идите за мной. Пойдем к Давид-Беку на подмогу. Враг наступает, встанем на защиту нашей земли, нашего дома. Ну, идите, идите!..

Человек двадцать, отделившись от толпы, пошли следом за Зарманд. К ним, наконец решившись, присоединился и хромой мельник.

— И я пойду с вами, Зарманд.

Проходя мимо военачальника Паки, Зарманд выхватила у него знамя Давид-Бека и призывно крикнула:

— Идемте, братья, Давид-Бек зовет!..

Начиная с этого дня дороги, ведущие на Агулис, не переставали пылиться. Из окрестных сел, большими и маленькими группами, вооружившись кто чем мог, шли к Давид-Беку крестьяне.

Настали тревожные дни.

Целую неделю провел спарапет в «полку юных», устраивая по ночам

бесшабашные пиры. Иногда на этих бесконечных трапезах, не без согласия отца, присутствовал и сын. Но ни пиры, ни среда веселых юнцов не успокаивали его душу. Он не находил ни минуты покоя. Его лазутчики доносили, что турки пока отсиживаются под Нахичеваном и Одзнасаром в ожидании Кёпурлу Абдулла паши, который во главе собранной им в Ереване новой армии со дня на день должен двинуться на Нахичеван. Давид-Бек продолжает набирать ополченцев.

Донесения лазутчиков Мхитар скрывал от меликов. Впрочем, мелики и сами не находили времени поинтересоваться событиями, происходившими в гаварах. Они даже не знали о том, что и из их собственных деревень крестьяне отправляются в Агулис, к Давид-Беку. Ночи напролет они проводили за трапезным столом, пили, орали на сазандаров и гусанов, пока силы окончательно не покидали их, и они не валились тут же бесчувственными. Мхитар приказывал обливать их холодной водой и снова сажать за трапезный стол. Днем все отсыпались.

Раза два приходили Вард-хатун и тикин Сатеник — упрекнуть мужей и заставить их прекратить губительные пиры. Но каждый раз спарапет их грубо выпроваживал, а затем вообще приказал слугам не допускать их больше в зал.

Вечером седьмого дня пребывания в лагере «полка юных» Мхитар велел всем находившимся в зале меликам и военачальникам отставить кубки и пить прямо из кувшина. Кто не мог одолеть содержимое огромной посуды, тому лили вино в глотку. Сам спарапет никогда еще так сильно не напивался, как в этот вечер.

Было за полночь. В туманном полумраке пиршественного зала трудно было отличить одного полуживого мелика от другого. Спарапет сидел на своем месте с мрачным, безжизненным лицом. Он решил открыть наконец свою тайну, объявить меликам о своем разрыве с Давид-Беком. Будь что будет. Должен же он знать, кто из них за него и, кто против. Знал, предчувствовал — не обойтись без крови. Собирался не щадить никого, кто воспротивится ему, узнав о его разрыве с Давид-Беком и о том, что отныне не будет признавать его

как Верховного властителя. Он приказал сотнику Есаи привести и держать в соседних комнатах тридцать секироносцев. Преданный спарапету военачальник почуял недоброе, но все же пошел выполнять приказание. Однако только успел выйти из зала, как тут же вернулся обратно. Спарапет подозрительно посмотрел на него и сжал зубы. «Неужели меликам известно мое намерение и они помешали Есаи?» — подумал он.

— Почему ты вернулся? — спросил он громко, еле удерживая гнев.

— Из Гандзасара прибыл Кёхва Чалаби! — объявил Есаи. — Слуги не впускают его.

— Веди, — пробурчал спарапет.

Кёхва Чалаби вошел сразу же.

— С добром? — нетерпеливо спросил спарапет, едва держась на ногах.

— С добром, тэр спарапет, с добром, — ответил Чалаби. — Под Гандзаком князь Ованес-Аван разбил Реджеб пашу.

Спарапет, не скрывая удовольствия, причмокивал губами. И хмель будто покидал его. «Нет, не следует пока объявлять меликам о разрыве с Давид-Беком. Кто одобрит мой поступок? — подумал он. — Ованес-Аван одержал победу, помогая Беку, а я хотел сообщить меликам о том, что ушел от Бека, собирался расправиться с теми, кто осмелился бы не одобрить мой поступок».

— Эй, мелики, радуйтесь, наши арцахские братья разбили врагов! — глубоко вздохнув, громко крикнул он. — Кончайте пировать, едем в Шахапуник.

Не прошло и получаса, как мостовые двора загремели под сотнями копыт откормленных лошадей. Первым из открытых ворот промчался спарапет… Войско последовало за ним…

Улицы и площади Агулиса были переполнены толпами крестьян, пришедших со всех концов страны. Они были одеты по-разному и вооружены чем попало. С восхищением, удивляясь, смотрели они на дворцы богачей

города, на позолоченные купола одиннадцати монастырей, на бесчисленные овощные и фруктовые ряды крытого рынка, на лавки драгоценных камней и шелков. Город, славившийся своей чистотой, где не разрешали жителям держать скотину и проезжать на телегах по улицам, теперь был загажен навозом лошадей и мулов.

Прекрасен и богат был Агулис. Расположенный на дне глубокого ущелья город с трех сторон окружали высокие скалы. Он был доступен только со стороны реки Аракса, однако и эта низменность была покрыта густыми садами и ограждена мощной стеной, построенной искусными мастерами.

Чуть поодаль от города, на узком отлоге ущелья, гордо возвышался монастырь апостола Товмы[67]. Дверь его кафедрального собора украшала инкрустация из слоновой кости, а на куполе сверкал огромный золотой крест. Не менее богатыми и роскошными были и остальные десять храмов и монастырей города. По открытым каменным канавкам днем и ночью весело журчала студеная вода из многочисленных артезианских колодцев.

Агулисцы иногда не без гордости именовали свой город «новым Ани». Правда, Агулис не обладал могуществом и высоким положением прославленного стольного города Багратидов — Ани, но он на Востоке славился своим богатством. Несостоятельные эчмиадзинские католикосы часто обращались к агулисцам с просьбами, чтобы те оплатили долги духовных отцов и позаботились о их нескончаемых нуждах.

Пресыщенные богатством агулисцы и избалованное ими духовенство города лишь формально признавали церковную власть Эчмиадзина. Торговый Агулис стоял в стороне от освободительного движения и заботился только о собственной безопасности и покое.

В центре города под старинным дугообразным мостом находился большой рынок Агулиса. Во многих странах мира славились агулисская белая шерсть и хлопок, тонкий ситец и сушеные фрукты, шелка и цветная тонкая кожа, из

---

67 Армянское произношение имени Фома.

которой заказывали себе обувь европейские короли и вельможи, дубленая шкура горной козули и бриллиантовые украшения, драгоценные камни и многие другие товары.

Давид-Бек со своими военачальниками расположился в монастыре апостола Товмы, невдалеке от своей ставки и части войсковых соединений. Монастырь был окружен крепкой стеной с башнями, которые придавали ему вид крепости.

Был полдень.

Один из дозорных конных отрядов стремительно въехал в город, криками и бряцанием оружия требуя дорогу у запрудившей узкие улицы толпы. Они везли с собою безбородого и безусого турецкого всадника, чьи глаза были завязаны платком. Турок держал в руке белый флаг. Всадники с трудом пробились во двор монастыря, где воины полка «Опора страны» тотчас же сорвали турка с седла.

— Приехал в наш монастырь перекрещиваться в христианина? — спросил один.

— Парламентер от Абдулла паши, — ответили всадники. — Приехал обрезать тебя, козлиная борода.

— Хи-хи-хи, — засмеялась «козлиная борода». — Хорошего вероотступника нашел. Скажи лучше, что поражение в Варандинском сражении лишило пашу мужского достоинства… Да будет славно имя спарапета.

Турка отвели к Давид-Беку, сняли с глаз повязку. Бек во дворе монастыря, сидя на одной из старых могильных плит, разговаривал с начальниками ополченских полков. Перед ним смиренно стоял и городской старшина Агулиса мелик Муси. Завидев парламентера, Бек прервал беседу. Начальники ополченских полков глядели на турка полными любопытства глазами. Мелик Муси вздрогнул, а Зарманд, которая недавно свободно и смело говорила с Беком, закрыла платком рот и нахмурилась.

— Кто ты и зачем прибыл в наш город?.. — спросил Бек, глядя в упор на турка.

Тот шумно откашлялся и ответил хрипло:

— Меня к тебе послал тот, кто владеет нашими головами, — сераскяр Абдулла паша.

— Откуда ты прибыл? — снова спросил Бек.

— Из Нахичевана, где стоит паша.

— Он уже приехал из Еревана?

— Да, теперь он в Нахичеване.

— Или в Варанде? — приподняв бровь, спросил Бек. — Здоров ли отважный сераскяр? Успел ли сшить новые знамена вместо утраченных в Варанде? Удивляюсь, почему султан не отстранил его после сокрушительных поражений в Варанде?..

— Не говори, князь армянский, счастье войны изменчиво, — заметил посланец паши.

Бек, помолчав немного, спросил снова, не глядя на него:

— Что угодно твоему паше?

— Владыка наших голов желает, чтобы ты с покорностью пожаловал к нему.

— Ваши палачи, наверно, без дела сидят? — усмехнулся Бек.

— Твой отказ умножит их дела. Смерть для вас будет неминуема.

Руки Зарманд крепче сжали железный вертел, привезенный из монастыря. А мелик Муси, затаив дыхание, не отрывал взгляда от Бека. Как было бы хорошо, если бы Бек согласился отправиться к паше. Не все ли равно, кому платить подать — Давид-Беку или султану. Ни тот, ни другой не смеет обидеть купца. Без него ни один трон не может быть прочным.

— В этом воля паши? — спросил Бек.

— Мы разрушим ваши города, вырежем ваш народ.

— О, видно, смелый ваш паша. — Голос у Бека дрожал от гнева. — Ну, хватит. Убирайся отсюда и скажи своему паше, чтобы отныне не донимал нас своими советами. На этот раз отпускаю тебя. Следующему посланцу не будет пощады. В армянском небе нет места кривому полумесяцу.

— Для покорных подданных османский полумесяц не опасен, — сказал турок.

— Скажи своему паше, что горы наши непокорны. Они верны заветам предков — жить свободно. Убирайся.

Бек встал. Воины вновь завязали турку глаза и увели. Недовольные тем, что Бек отпускает врага, они громко ругали пашу, султана и магометанскую веру. Бек слушал и молчал.

— Ты мудро поступил, тэр Давид-Бек, — тихо проговорил мелик Муси.

«А искренен ли ты?» — подумал Давид-Бек. Затем, сев на коня, он в сопровождении военачальников, мелика Муси и начальников ополченских войск спустился в город. Завидев Бека, горожане и войско, собравшиеся у рынка, громогласно приветствовали своего предводителя:

— Да здравствует Давид-Бек!

— Бек!.. — отозвались эхом скалы.

— Видишь, народ готов защищать свою родину, — сказал Бек ехавшему рядом мелику Муси. — Они отстоят ее, будут защищать твое богатство и тебя.

Муси поклонился.

— Да будет благословенна твоя рука, — сказал он громко. Но душу его терзали другие мысли. Он был бы куда счастливее, если бы этот суровый и неуступчивый Бек со своим войском находился в другом месте. Нескольких мешочков золота, нескольких сот кусков шелка и нескольких красивых девушек было бы достаточно, чтобы смягчить сердце паши и удержать его вдали от себя и от своего города.

Узнав о прибытии из Персии своих посланцев, Бек встретился с ними наедине в одной из келий монастыря.

— С пустыми руками? — спросил он, глядя с надеждой на князя Баяндура.

— Нет, — ответил усталый князь. — Но и результаты невелики. Долго держал нас шах во дворце. Воздавал почести.

— А войско? — с нетерпением спросил Бек.

— Привели. Пять тысяч разношерстной толпы. Идут вслед за нами, завтра

будут здесь. Ведут их Асламаз Кули и Хосров ханы.

Бек молча набил трубку, отдал Согомону, чтобы тот разжег. Затем сказал:

— Это, конечно, не помощь, но все же войско. Народ скажет — мы не одни. Шах прислал нам подмогу. Лучше, чем ничего. А известно ли вам, что шах послал против турок большую армию? Она через Маку должна выйти в тыл врага, чтобы облегчить здесь наше дело. Под Арцахом турки снова понесли крупное поражение. Знайте и сообщите войскам, — сказал он, не глядя ни на князя, ни на других. Он в первый раз лгал. Победа под Арцахом была правдой, но остальное он выдумал. Так было нужно. Надо было обнадежить войско, поднять его дух.

Поверили ли ему посланники? Трудно угадать. Но радостные известия о том, что персы прислали подмогу и что шах отправился к Баязету, чтобы ударить по туркам с тыла, быстро распространились среди войска.

Среди поверивших был также мелик Муси.

На следующий день прибыли персидские ханы со своими войсками и гаремами.

Бек велел расположить войска в окрестных садах Агулиса, выдать им продовольствие, а ханов оставить в крепости.

— Аллах помогает, — обрадовались ханы, узнав об Арцахской победе, — мы готовы служить тебе, тэр Давид-Бек.

Мхитар, расположившись лагерем в Шахапунике, ожидал со дня на день появления турок. Но турки не решались приблизиться к ущелью. Конные отряды спарапета внезапными набегами на дорогах, ведущих в Нахичеван, беспокоили турецкую армию. Раза два Мхитар сам участвовал в ночных нападениях.

Турки рассвирепели. Мхитар отрезал им дорогу на Ереван. Его отряды громили, захватывали вражеские обозы, отправлявшиеся к Абдулла паше через Ширак и Ереван. Спарапет гордился этими своими победами. Частыми набегами с тыла он держал турецкую армию в постоянном беспокойстве. О победах спарапета и его войск говорили повсюду, умножая его славу. Кёпурлу

Абдулла паша со страхом и уважением произносил его имя.

Но все это не служило средством, облегчающим старую боль. Она продолжала терзать его душу. Неделю назад тикин Сатеник со старшим сыном приехала в Шахапуник и не упускала случая, чтобы не упрекнуть мужа за разрыв с Давид-Беком.

«Может, я и вправду изменник? — иногда спрашивал себя спарапет. — Нет, никогда, — тут же отрицал он. — Я воюю с турками, и мои войска приносят славу нашему народу, его армии, а что я разошелся с Беком, в том не моя вина».

Поведение жены сильно возмущало его: зачем она приехала в лагерь, сидела бы дома, у своего испачканного чернилами стола. Он не мог выносить нахмуренного, тяжелого взгляда Сатеник, ее укоряющих речей. И ведь она ни в чем не обвиняет Давид-Бека, оправдывает его. Почему она не бранит того, кто в присутствии меликов и военачальников оскорбил ее мужа, удалил его из Алидзора, изгнал… Почему Сатеник не возмущается поведением Бека, ищущим примирения с персидским шахом?

Но все же, несмотря на разрыв и клятву никогда не мириться с ним, спарапет в глубине души продолжал любить Бека. Он любил его, как родного отца, любил за его железную волю, храбрость, за беззаветную преданность народу. Но почему, почему Бек возлагает надежды на союз с персами, почему держит у себя персидских ханов и их ненадежные войска, которые, несомненно, бросят его при первом же поражении…

Как-то раз, вернувшись из набега, совершенного в сторону Начихеванской долины, он увидел у своего шатра инока Мовсеса, приветствовавшего его поклонами. Кругом царила подозрительная тишина. Предчувствуя что-то тяжелое, Мхитар ответил на приветствие Мовсеса легким кивком и вошел в шатер. Там были жена и сын Агарон. Вслед за ним вошел и Мовсес.

Всегда величавое и красивое его лицо сейчас было встревоженным и бледным. Сердце Мхитара защемило. Может быть, Бек проиграл сражение или же…

— Что нового? — сухо спросил он, стараясь скрыть волнение.

— Милостью всевышнего, — медленно ответил Мовсес, — мелики шлют тебе привет.

Мхитар навострил уши. «А Бек, он не прислал привета? Нет, Мовсес не назвал его…»

— Как войско? — Мхитар отбросил в сторону бурку.

— Вооружено и готово ко всяким бедствиям. — Голос у Мовсеса был укоряющий.

Спарапет перевел взгляд на Сатеник. Недовольная, печальная, наклонив голову, она сосредоточенно смотрела в одну точку. Внезапная мысль заставила вздрогнуть спарапета: а не сообщила ли жена их тайну Мовсесу?

— Зачем ты приехал? — наконец спросил он.

— Приехал, чтобы вместе с тобой отметить радость твоих побед, но опечалился, узнав тяжелую и горькую новость.

Мхитар пронзительно посмотрел на жену:

— Это ты рассказала, да?

— Да, я! — гневно ответила Сатеник. — Я все сообщила Мовсесу. Делай что хочешь. Я больше не могу скрывать, я сообщу всем, возвещу всему свету, что ты, что ты…

Агарон, затаив дыхание, смотрел на отца. Взгляд сына, казалось, ужалил спарапета, он, обессиленный, сел на низенький стул и обхватил голову руками.

— Еще не поздно, Мхитар, — после долгого молчания спокойным голосом заговорил Мовсес. — Пока не все знают о твоем разрыве с Беком, уступи.

— Не то проклянут меня, назовут изменником? — взревел спарапет. — Не так ли? Не это ли ты хотел сказать?

— Ни одни уста не посмеют о тебе сказать этого, — ответил Мовсес.

— Забудут и похоронят меня и мое доброе имя. Пусть хоронят. Я не отступлю.

Снова воцарилось тяжелое и продолжительное молчание.

— Когда ты должен вернуться, Мовсес? — первым нарушив молчание,

спросил Мхитар.

— Сегодня же.

— Сегодня же отвезешь моим друзьям в Агулис мой подарок: головы ста пятидесяти турецких военачальников, тридцать верблюжьих поклаж пороха, сто пятьдесят ружей. Повезешь?

— Войско и военачальники в восторге от твоих действий, — как бы между прочим сказал Мовсес.

— А Давид-Бек? — торопливо спросил Мхитар.

— В честь победы в Варанде он велел раздать вина войску и народу. Три дня подряд беспрерывно звонили колокола монастырей и церквей.

— Большая честь! — с иронией сказал спарапет.

— Я тороплюсь, спарапет, — сказал Мовсес, — страна в тревоге. Турки не сегодня-завтра нападут на Агулис. Бек наметил дать сражение на берегу Аракса.

— Пусть, а мне какое дело!.. — вылетело из уст Мхитара. Но он тотчас же раскаялся. Сказал не то, что думал. Знал, что у Аракса, в долине Мараги, решится судьба его народа.

Мхитар не пожелал сказать Мовсесу, что он через своих людей внимательно следит за действиями Бека и турок. Видит малейшие движения, совершающиеся в Мараге, и в тяжелую минуту не оставит Бека в беде.

— Не от души говоришь ты, тэр спарапет, — упрекнул Мовсес. — Враг силен.

— Пусть вам помогут персидские ханы.

— Забудем о ханах! — воскликнул Мовсес. — В опасности родина, спарапет армянский. Угроза велика, опасность неотвратима.

Сатеник зарыдала.

— Меня к тебе послал…

— Кто? — перебил его спарапет, надеясь, что Мовсеса отправил к нему Давид-Бек.

— Послала к тебе моя совесть, — ответил Мовсес. — Прошу тебя с

мольбой, присоединись к Беку, помирись с ним…

— Никогда! — загремел спарапет. — После оскорбления, которое он нанес мне, я не протяну ему руки. Пусть он мирится с шахом. Если ты задумал примирить меня с Беком, так знай — этого не будет.

— Тэр спарапет!

— Все… Оставайся сколько хочешь или уходи когда угодно. Моя нога не ступит в Алидзор. Я отправляюсь на север. Со стороны Севанского моря турецкий отряд теснит гегаркуникского мелика Абова Мелик-Шахназаряна. Я иду на помощь соседу. Вот и все. Доброго пути…

Но случилось неожиданное. Вдруг Сатеник и Мовсес опустились перед ним на колени, а сын припал к ногам отца.

— Или убей нас, или иди на помощь Давид-Беку! — крикнула тикин Сатеник.

Спарапет, не ожидавший подобной дерзости, на минуту онемел. Затем вскочил с места, стал босыми ногами на землю и зарычал от бешенства.

Гость, сын и жена, перебивая друг друга, стали умолять его. Сатеник сквозь рыдания угрожала именем бога. Но Мхитар остался непоколебимым. Топая ногами, он накричал на жену, велел ей убираться вон.

— Слышите? Вон! Сейчас же, сию же секунду убирайтесь вон! Не то… — Схватив сына и Мовсеса за шиворот, вытолкал их из шатра. Затем, вызвав воинов, приказал: — Сейчас же проводите мою супругу и сына в Дзагедзор. Немедленно. Оседлайте коней, поскорей!

Сатеник решительно поднялась.

— Да будешь проклят богом, если не исполнишь мою волю! — воскликнула она и вышла из шатра…

Спустя три дня Сатеник и Агарон достигли долины реки Варарак. Невдалеке показался замок Дзагедзор.

— Поезжайте на север! — приказала Сатеник воинам.

— Куда мы едем, мать? — забеспокоился сын.

— В Пхндзакар, — простонала мать. — Только Гоар сможет сломить

упорство твоего отца.

Она отвернулась, чтобы сын не заметил полившихся из ее глаз горьких слез.

Солнце в ущелье Аракса

Стояли жаркие июльские дни. Под палящим солнцем выгорела вся скудная растительность ущелья Аракса. Высохли карликовые кусты шиповника, завяла трава. Земля трескалась от зноя. Жаром дышали раскаленные скалы. Давно не было дождя.

Армия Давид-Бека расположилась между городами Агулис и Ордувар, среди голых камней. Внизу тянулась узкая долина Мараги. Целый месяц войска строили укрепления на подступах к этим двум расположенным недалеко друг от друга городам. В садах селения Дашт были установлены три легкие пушки. Путь вражеской коннице должен был преградить глубокий ров, вырытый от Аракса до Агулисской горы. Во рвах, на искусственных холмах и валах — везде стояли войска, готовые в любую минуту встретить врага.

Двадцать седьмого июля на западном склоне долины показались передовые части противника. Османская армия вступала в ущелье Аракса. Небольшие отряды турецких всадников, смело продвигаясь вперед, достигли прибрежных тростниковых зарослей Аракса, поднялись на холмы и стали беспокойно озирать сторону Ордувара и Агулиса. До полудня они безнаказанно разъезжали в долине, затем неспешно удалились.

Армяне всю ночь не сомкнули глаз. Лазутчики, вернувшиеся со стороны Нахичевана, сообщили, что большая турецкая армия поднялась с места и ползет медленно к Мараге. На рассвете она уже расположилась по западной вершине узкой долины — от Аракса до холма селения Цгнэ. Эта часть долины почернела от бесчисленных шатров неприятельских войск.

Глухой шум гигантского лагеря доносился до армян, которые в немой тревоге следили за каждым его движением.

Чуть позади расположения турецкой армии на высоком холме вырос красный шатер сераскяра с черными и желтыми полосами. Над ним стояло султанское знамя. Над войском кружили стаи хищных птиц.

До вечера было спокойно. Под вечер около пятисот всадников, оторвавшись от серой массы, поскакали в сторону расположения армянских войск.

Давид-Бек стоял на невысоком холме в центре лагеря. Здесь были князь Баяндур со своими помощниками — военачальниками Захарией и Ованесом, мегринские Константин и Сари, сотник Шиванидзора Саркис, Гиджи из Татева, дизакский мелик Еган, кривошеий военачальник Бали, брат князя Тороса — мелик Нубар, старейшина Агулиса мелик Муси, Казар из Большого Гайлаберда, сотник Адам багабердский, мелик Мага из Джуги со своим сыном Тиланчи-Беком, инок Мовсес, два персидских хана и несколько сотников.

Начальники ополченского полка, находившиеся тоже здесь, с удивлением и тревогой смотрели на турецкое войско, занявшее половину долины.

— Хотят прощупать наше расположение, — сказал Бек, указывая на турецких всадников.

— Прикажи открыть огонь по ним из пушек, — попросил князь Баяндур.

— Не торопись! — ответил спокойно Бек. — Придет время… Если подойдут ближе, встречайте ружейным огнем.

Но турки не приблизились. Поскакали влево, затем, повернув назад, удалились…

Стемнело. От бесчисленных костров османской армии небо стало кроваво-пурпурным, звезды потускнели.

Армянские военачальники, тесным кольцом окружившие Бека на холме, высказывали свои предположения — откуда следует ожидать первые удары турецкой армии. Бек молча слушал. Он не вмешивался в их споры, не высказывал своего мнения. Он думал о возможных действиях врага. Его удивляло, как такой испытанный полководец, каким являлся Абдулла паша, решился с восьмидесятитысячной армией принять бой в узкой долине Мараги,

где его войска будут лишены возможности развернуться. «Вероятно, он бросит в бой не все войска одновременно», — думал Бек. И это радовало его. Если турки на самом деле выступят по частям, ему нетрудно будет разбить их с укрепленных и выгодных позиций. А если Абдулла бросит всю армию в бой, то его полки неизбежно помешают друг другу, и у них не будет места развернуться и маневрировать. Так или иначе завтра — сражение. Против восьмидесятитысячной армии врага стоят двадцать две тысячи армянских и пять тысяч персидских войск. Завтра на поле Мараги решится судьба маленькой Армянской страны. Падут многие вот из этих горячо спорящих друг с другом военачальников. Падут, но не дрогнут перед силою врага. Здесь нужно нанести решительный, сокрушительный удар. Если даже победа не будет полной, она все же еще раз покажет врагу нашу решительность, силу и вселит в его душу страх. Для оставшихся в живых это будет последнее сражение, и наступит конец. Наступит ли? Где конец? Начало было, а конца не видно. Так и будут жить, вечно сражаясь, всем народом, в бедствиях и невзгодах, которые из века в век, беспрерывно падают на голову армян.

Грустные мысли о поступке спарапета, о его вероломстве, тяжелым камнем давили сердце Бека. «Покинул, не вернулся. С десятитысячным войском сидит в Шахапунике, в то время, когда здесь решается судьба страны. Эх, Мхитар, Мхитар… Ты отважен и храбр, знаю. Но почему так слеп и наивен в дипломатии?..»

Он поднял голову. Долгое молчание могло обеспокоить военачальников. Овладев собою, он спокойным и подбадривающим голосом сказал:

— Пусть вас, мои дорогие, не беспокоит количество стоящего против нас врага. Помните, мы защищаем свой дом, своих детей, а он — трусливый вор, вошедший в чужой дом. Вы показали много примеров храбрости и доблести. Сейчас судьба нашей Армянской земли в наших руках. Не робейте перед врагом. От вашего мужества и от мужества ваших воинов зависит все. Поверьте, победа будет за нами. Мы заставим Абдулла пашу покинуть нашу страну.

Военачальники внимательно слушали Бека и время от времени поглядывали в сторону лагеря противника. Так ли будет, как говорит Бек, или же завтра им уже не видать восхода солнца?

Накормили войско. Пищу раздавали воинам женщины, пришедшие из Агулиса и Ордувара. Многие из них затем не вернулись домой, остались, чтобы на следующий день участвовать в сражении — помогать раненым и больным. Поздно вечером в лагерь прибыл епископ Оваким.

— Наступил день, дети мои!.. — воскликнул он, простерев руки. — Сохраните землю Армянскую.

Его сопровождали многочисленные священники в саванах мучеников, иноки, епископы. Они разошлись по лагерю и стали причащать воинов.

Вскоре прибыл и Авшар Тэр-Гаспар из Цицернаванка и привел с собою пятьсот вооруженных крестьян. Он поцеловал знамя Давид-Бека и сказал взволнованно:

— Пришли отдать богово богу, взять свое, тэр Давид-Бек. Отведи мне клочок поля, чтобы я стал на нем против смерти. За землю родную.

Бек велел ему отвести свой отряд на берег реки, где стояли персидские войска. Авшар Тэр-Гаспар улыбнулся.

— Следить за персиянами, чтобы они не побежали, тэр Давид-Бек? — сказал он, не скрывая насмешки.

— Иди прикрой проход, ведущий к Мегри. С тобою будет и Зарманд со своими ополченцами, — ответил Бек.

— Да! Хорошие у меня соседи, — пошутил снова Авшар. — С одного бока персияне, с другого — баба-военачальник. Оба друг друга стоят.

Его шутки несколько развеселили военачальников. Однако веселье Авшара раздражало мелика Муси. «Боже мой, что это за люди, — думал он, — смотрят в глаза смерти, а сами насмешничают. Ведь завтра им душу богу отдавать».

Как бы хотелось мелику Муси быть сейчас в Исфагане, в Венеции или хотя бы в Стамбуле, где у него были богатые лавки, были друзья среди купцов всех национальностей. И почему судьба связала его с этими?

Почему он не отправился вовремя к Абдулла паше, не склонился перед ним и не привел его войско в Агулис? Завтра паша займет город, и кто знает, удастся ли ему своими золотыми мешками умилить пашу, простит ли его паша или же велит немедленно повесить.

Между тем военачальники продолжали обсуждать подробности завтрашнего сражения. Кто-то спорил с князем Баяндуром. Давид-Бек с трудом узнал в темноте молодого сотника из Татева Гиджи.

— Мы не должны сходить с наших укреплений, тэр князь, — говорил он Баяндуру. — Опершись о холмы, мы выстоим. Мхитар в Варанде разгромил турецкую армию, устроив засаду. Сделаем то же самое и мы.

— Было бы хорошо отойти к Мегринскому ущелью, — сказал мелик Нубар и посмотрел смело на Давид-Бека. — Оно более тесное.

«И убирайтесь, — думал про себя мелик Муси. — Какой черт вас держит здесь. Отодвиньтесь, убирайтесь, я знаю, как спасти свой город».

— Марага тоже узкое ущелье, — заметил князь Баяндур. — Если половина турецких войск сядет верхом на другую половину, и то всем не хватит места. С одной стороны — река, с другой — гора Цгна. Негде врагу развернуться, действовать свободно. Ущелье Марага — это ворота в нашу страну.

«Если бы еще один сильный, боеспособный отряд, — прислушиваясь к разговору, думал Бек, — я бы спрятал его в ущелье и в решающий момент сражения ударил бы в тыл врага с правого крыла. Но где взять такую силу? Воюет весь наш народ. Может быть, сейчас и Мхитару нелегко, и он не может отбросить врага. Арцахский князь Ованес-Аван с трудом удерживает северные подступы. Кто может прийти на помощь, откуда?»

— Сражение начнем тут, в долине Мараги, — сказал он военачальникам. — Впустим врага в глубь страны — и завтра здесь будет новая Варанда. Воды Аракса поднимутся от крови вражеской.

Умолк. Сердце разрывалось от гнева, словно гроза скопилась в нем. Завтра — в бой. Быть может, последний; последний раз будет биться он за землю родную. Враг силен и коварен. Падут многие, может быть и сам. Завершится

его страдальческая жизнь. Ну и что же!.. Не погибнет же мир с его уходом. Он уйдет, пусть затем явится Мхитар, пусть он поднимет войска, народ на защиту, земли Армянской. Пусть управляет один, по-своему… «Может быть, прав он, возможно, он спасет страну. Если так… Не беда, пусть я умру, пусть паду во имя спасения страны. Я уйду — придет тот, которого я любил, как сына, люблю и теперь всей силою души».

Отпустив военачальников, Бек остался на холме. Перед ним было поле завтрашнего побоища. Во мраке ночи не были видны воды Аракса, лишь слышался их глухой стон.

Только на рассвете сморил сон Зарманд. Но длился он недолго. Проснулась, будто услышав молящий о помощи голос сына. Она подняла голову, и кошмар исчез. Сердце матери екнуло. Сегодня здесь будет литься кровь. А где ее сын? И там, где он, льется кровь? «О пресвятая дева Мария, отведи от моего единственного огонь и меч, пожалей меня! Если уж смерть, дай ее мне, не ему», — исступленно шептала она, протягивая руки. Затем, овладев собою, она посмотрела на турецкий лагерь. Страшное чудовище еще спало, окутанное синим предрассветным туманом.

Спавшие рядом односельчане, которых сама привела сюда, постепенно пробуждались. Вот зевает хромой мельник, худой и лохматый, как только что проснувшийся после зимней спячки медведь. Он пришел, чтобы защитить клочок собственной земли, построенный на скале новый дом. Рядом с нею — гончар, он был неимущим воином. Спарапет дал ему землю, он начал заниматься гончарным ремеслом. С ними еще с десяток крестьян. Проснулись, прислонили к коленям свои копья, сели на землю и беседуют.

Зарманд подошла к ним. «Доброе утро!» — сказала она, и у нее сжалось сердце. Сама привела их сюда, на войну. У каждого из них полон дом детей, она будет причиной их несчастья. О боже! Зарманд тяжело опустилась возле них на землю.

Бледные лучи рассвета коснулись горы Камкух. Была пора первых петухов. Трое воинов гнали впереди себя турка к холму Давид-Бека.

— Кто это? — спросил, вставая, гончар.

— Ослеп, что ли, не видишь, пленника ведем? — ответил гордо один из воинов. — Поймали возле реки. Пришел выкрасть кого-нибудь из нас. Теперь от страха намочил штаны, и от него несет псиной. Тьфу!

Зарманд узнала воина. Это был сын их пастуха. И остальные узнали его. Хотели позвать, расспросить, но он вместе с другими воинами и пленным был уже далеко.

— Это сын нашего Аветиса, — сказал гончар. — Узнали?

— Как же, по языку узнал, такой же мельничный трясок, как и отец, — ответил мельник.

— Мхитар дал ему земли, чтобы он завел хозяйство, — сказала Зарманд. — Дай бог ему удачи!

— Он-то дал, да другие отняли, — вздохнул мельник. — Ростовщик отнял за долги отца. Теперь сын надеется, что снова получит землю.

— Значит, он и теперь без земли?

— Получит на том свете, как и многие из нас, — пробормотал мельник.

— Утро свято, божий человек, говори доброе, — упрекнула Зарманд и тревожно посмотрела в сторону турецкого лагеря. — Спит. Усыпи его навеки, бог.

Гончар чинил лапти, прокалывая дырки острым шилом.

— Да! Да!.. — сказал он, потянув зубами кожаный шнур. — Молод сын пастуха. Под брачным венцом еще не стоял. Но, сестра моя, не видишь разве, в каком мы положении? Эх, эх!..

Барабанная дробь, отчетливо донесшаяся из турецкого лагеря, прервала разговор. Крестьяне умолкли. Их взоры обратились в сторону Марагского поля, которое, как темная пасть могильной ямы, виднелось между двух высоких скал. Гончар поспешно надел лапти. Прислушались напряженно, задерживая дыхание. Синева неба постепенно бледнела. Вскоре висевший над Араксом клочок облака окаймился золотой бахромой.

Приближалось время боя. Холмы и овраги загремели от звуков сотен труб,

возвещавших об утренней заре, и от боя барабанов. Черная масса восьмидесятитысячной турецкой армии зашевелилась, закипела, сдвинулась с места и, стекаясь с холмов вниз полумесяцем, искривилась в долине. Турецкое войско, в красных шароварах, казалось, двигалось в огромной кровавой реке, по колено, погруженное в нее. Над их головами раскачивался целый лес копий, а поверх копий — отличительные знаки полков: конские хвосты, костяные полумесяцы, высохшие черепа. В черной массе мелькали зеленые чалмы перебегающих с места на место мулл.

— Боже, помоги нам!.. — воскликнули крестьяне.

К Давид-Беку на холм поднялся епископ Оваким, окруженный монахами. Он поднес Беку окунутый в святую воду наперсный крест. Бек, не отводя взгляда от турецкого войска, нехотя поцеловал холодное золото. Епископ воздел высохшие руки к небу.

— Да будет благословенна десница твоя, сын мой! — дрожащим голосом воскликнул он. — Сверши невозможное во имя отца и сына, и святого духа.

— Уйди отсюда, святейший, — попросил Бек. — Иди и молись богу о спасении его созданий. Знай, будем стоять насмерть. Никто из нас не хочет умереть, оставив нашу страну на растерзание врагу.

Епископ ушел. Бек подозвал к себе оружейника Врданеса и, протягивая руку в сторону врага, спросил:

— Видишь тот холм, на котором красный шатер?

— Вижу, — ответил оружейник.

— Ударь из пушки чуть ниже.

— Слушаю. — Он бегом вернулся к пушке. Там его ждал Владимир Хлеб. Врданес заложил в пушку ядро, а Владимир соединил фитиль, и они стали дожидаться сигнала Давид-Бека.

Перед роскошным шатром, окруженный толпой телохранителей и советников, стоял Кёпурлу Абдулла паша. Выкрашенными хною ногтями он перебирал бороду и слушал Мурад-Аслана. Этот, сложив на груди руки, говорил смиренно:

— В центре войско князя Баяндура, солнечный паша. Он хитрый и храбрый человек. Двадцать лет служил в русской армии. У него отборная конница. На правом крыле войска кривошеего Бали. В одном из боев была прорублена половина его шеи, но потом она чудом зажила, срослась. А с левого крыла от Давид-Бека расположились две тысячи чавндурцев во главе с молодым меликом Нубаром. Ему на подмогу послан сюда и агулисский мелик Муси, на войска которого Давид-Бек не очень надеется, — видимо, он знает, что агулисские купцы издавна дружат с султанами.

— А где они расположили персидское войско? — спросил паша.

— У реки. Надеюсь, что после первого же нашего удара они удерут. Но Давид-Бек умен, он персиян не оставил одних, рядом с ними стоят полки ополченцев. Эти мужики будут сражаться, пока все не передохнут. Возглавляет их дикая, безумная женщина.

— Пушки у них есть?

— Есть. Сами вылили.

— Многие имеют огнестрельное оружие?

— Нет, владыка моей жизни. У них мало ружей.

— Все их войско здесь? — снова спросил паша.

— Все двенадцать тысяч войск Давид-Бека, пять тысяч персидских разбойников и около десяти тысяч мужицкого сброда.

— Что слышно о спарапете Мхитаре?

— Рассорившись с Давид-Беком, он отправился в сторону Севана с десятью тысячами воинов.

— И на что надеются эти глупцы?.. — захихикал Абдулла паша.

— Погибнут все, — вторил своему господину подобострастным смехом Мурад-Аслан. — Непокорные глупцы эти сюникцы. Аллаху угодно, чтобы они умерли. И пусть пропадают…

Гром пушек со стороны агулисских садов прервал Мурад-Аслана. Ядра упали на стыке двух оврагов, где стоял панцирный полк янычаров.

Абдулла велел бить по холму, где стоял Давид-Бек.

Сражение началось, когда лучи утреннего солнца еще не достигли долины Мараги. Было еще свежо. Турецкая армия, часть за частью спускаясь с холмов, двинулась вперед к армянским укреплениям. Впереди шли оруженосцы двумя длинными рядами. Пока один ряд, став на колени, стрелял, другой набивал ружья. Пушки гремели непрерывно.

Абдулла паша, ни на минуту, не отрывая глаз от подзорной трубы, следил за наступлением своих войск. Пятнадцатитысячная его конница, состоящая из сипаев, наступала на центр. Вот они, обнажив мечи, ринулись вперед… Армяне встретили их ружейным огнем.

Сраженные потоком пуль, падали сипаи, один, другой, третий… Затем, у самых укреплений, перед ними вырос лес копий, и начался беспощадный рукопашный бой.

На левое крыло обороны армян, где стояли персидские войска, наступал Ялгуз Гасан паша со своим многочисленным отборным войском. Персияне открыли оружейный огонь, пускали стрелы. Асламаз Кули и Хосров ханы, не ожидавшие столь мощного нападения на их позиции, поняли намерение врага — отбросить их одним ударом и выйти в тыл Давид-Беку. Ханы старались достойно встретить врага. Обнажив мечи, с криками: «Смелее, дети аллаха!» — они пытались повести свое войско в контратаку. Однако перепуганные их воины дрогнули сразу. Один из них, крикнув: «Турки в бронях!», бросился бежать. Вскоре его примеру последовали другие. Части, находившиеся возле реки, в панике бросились в воду и быстро поплыли к другому берегу. Ни угрозы, ни крики ханов, требовавших вернуться назад, не остановили их.

Воспользовавшись этим, турки внезапно ворвались в беспорядочные ряды персиян и начали рубить их. Хосров хан бросился против них, стараясь закрыть брешь, однако тут же пал его конь, и он, кое-как вытащив ногу из стремени, бросился в воду. Началось массовое бегство персиян… Турки беспощадно уничтожали их.

— Вперед! — крикнул Ялгуз Гасан и погнал лошадь по трупам павших. Он спешил зайти в тыл армян.

Но у холма, куда устремился паша, случилось непредвиденное. Перед ним неожиданно возник целый лес направленных вперед длинных копий. Из-за холма, из расщелин камней и из оврагов показалась пестрая масса людей и с громкими криками преградила путь туркам.

— Бейте их, братья!.. — послышался громкий голос Зарманд. Она выбежала вперед и длинным копьем проколола одного карабкавшегося вверх турка. Лицо ее горело в гневе, глаза, налитые кровью, готовы были выскочить из орбит. Рядом сражался гончар, смачно ругаясь; справа орал мельник:

— Бейте, родные!

Отряды ополченцев бешено сражались. Туркам нелегко было подниматься на холм. Подъем был крутой. Но и поднимаясь до вершины холма, они саблями не могли отбиться от копьеносцев-армян. К тому же последних было так много, словно они вырастали из-под земли.

Ялгуз Гасан паша еле уклонился от словно ищущего его горло копья, заставив коня отпрянуть назад. Ему почудилось, что из-за холма вышли против него не армяне-ополченцы, а лесные чудовища. Придя в себя, он велел своим войскам спускаться вниз, в надежде, что армяне, преследуя его, сойдут с холмов и там ему удастся разбить их. Однако ополченцы не покинули свои позиции и стали палить им вдогонку.

Давид-Бек, предвидя возможные осложнения, не выпускал из поля зрения левый фланг гигантского сражения. Он видел панику своих союзников — персиян, не многим из них удалось переплыть через быстротечный Аракс и спастись в персидских пределах.

«Изменили! — с горечью подумал он. — Удрали как трусы…»

— Хорошо, что ополченцы отбросили турок, не то… — робко заметил стоящий подле него Мовсес.

— Не то что? — спросил Бек.

— Было бы нам трудно.

— Поэтому ополчение и было расположено за спиною персиян, — заметил строго Бек.

Обезумевшая Зарманд весь свой гнев изливала на прятавшихся там и сям перепуганных, припавших к земле, подобно трупам, персиян.

— Чтоб я вас схоронила! — кричала она на них, ударяя копьем. — И это все ваше мужество?.. Чтоб вы сквозь землю провалились…

Тем временем конница Реджеб паши теснила в центре войска мелика Нубара. Повернувшись вправо, Зарманд заметила это и, долго не раздумывая, крикнула:

— Подымайтесь, мужики, смотрите: полк мелика Нубара зажали… — И, не ожидая, пока все последуют за ней, подобно наседке, бросающейся на коршуна, устремилась к расположенным справа холмам.

— Стой крепко, Нубар, мы с тобою! — крикнула она бодро.

И без того жаркий бой стал еще более ожесточенным. Ополченцы в едином порыве бросились в бой. Они длинными копьями сбивали сипаев с седел, пронизывали животы коням и падали сами, сраженные меткими ударами опытных турецких воинов.

Давид-Бек увидел самоотверженный поступок ополченцев Зарманд, и у него пересохло во рту. Он закрыл на миг глаза, чтобы не видеть, как гибнут эти близкие его сердцу люди, защищающие свою землю, свои дома. Затем он окликнул сотника Гиджи:

— Иди помоги ополченцам! Спеши!

Гиджи нехотя побежал в сторону своего полка, стоящего за холмом. Это был последний полк резерва Давид-Бека. Остался только Алидзорский полк «Опора страны», который Бек не решался бросить в битву. Обе стороны несли огромные потери. Однако турки бросали в бой все новые и новые отряды, а ряды армянских воинов редели.

Алидзорцы стояли в ущелье и еле удерживали своих рвущихся вперед коней.

На всех участках обширного поля битвы шли ожесточенные бои. Приближался роковой час. Давид-Бек видел, как тают его полки. На левом крыле турки теснили к реке полк Бали. В центре, мужественно сражаясь, теряла

силы конница князя Баяндура. Турки здесь добились превосходства. Но полк Баяндура не отступал, воины сражались, пока были в силах держать в руках оружие, а павшего тотчас же сменял другой. Ущелье Аракса гремело от грохота пушек, от ружейной стрельбы и от исступленных криков десятков тысяч людей, уничтожающих друг друга. А солнце только что достигло зенита, и от его прямых лучей окрашенный кровью песок блестел багровым цветом.

Следя за напряженной битвой своих войск, Бек то и дело посматривал в сторону тыла турецкой армии, туда, где стояли многочисленные резервные войска Абдулла паши, готовые каждую минуту ринуться на армян. Его больше всего беспокоили эти полки. Если Абдулла паша бросит в бой и эти силы, тогда он осуществит задуманное…

Но противник, видимо, берег резервы для решающего удара. Сражение не утихало. Ополченцам вместе с подоспевшим полком Гиджи удалось обратить пехоту Ялгуз Гасан паши в бегство. Отступая в беспорядке к центру, они преграждали путь своим же конным частям. Но турки вовремя заметили эту брешь. С холмов резервных сил сорвались три полка пехоты и бросились на армян. Бек увидел это, и довольная улыбка пробежала по его лицу. У Абдулла паши остались теперь в резерве только четыре полка — два пехотных и два конных. Он подождет, пока паша решится ввести в бой эти последние свои силы, тогда он сам станет во главе Алидзорского полка и сделает то, что является последней его надеждой.

Припав к холке коня, примчался гонец. Он вытер рукавом текущую из виска кровь и крикнул:

— Полк военачальника Бали погибает, тэр Давид-Бек, помоги!

— Поможет бог… — еле скрывая тяжелую боль, ответил Давид-Бек. — Передай военачальнику Бали, чтобы выстоял, сохранил ценою жизни ворота Ордувара. Иди!

Гонец повернул коня и исчез в дыму и пыли.

Бек поднял руку. Перед ним вытянулся инок Мовсес. Он был полон величия, решимости, стоял с обнаженным мечом, готовый броситься в бой.

— Что тебе угодно? — спросил Бек.

— Военачальник Бали…

— Сколько у тебя людей?

— Мои ученики и триста мужиков.

— Почему ты пришел, зачем привел учеников, закрыл школу?

— Пришел, чтобы вместе с моим народом предотвратить гибель нашей страны. Разреши.

Бек, сжимая губы, отрицательно потряс рукой.

— Щадишь меня? — обиделся Мовсес.

— Жалею свет, который ты носишь в себе, — ответил Бек. — Если не ты, кто же зажжет факел трижды великого просветителя Григора Татеваци. Жалею твоих учеников, пойми, Мовсес.

— Тэр Давид, — дрожащим голосом произнес Мовсес, — родная земля дороже света просвещения.

Но Бек уже не слушал его. Он обратил бледное, сведенное от боли лицо к полю сражения. Левое крыло, где находились мелик Нубар и Зарманд, постепенно оттеснялось к реке. Они сражались, но силы были неравны, противник нажимал. Вот туда направился еще один резервный полк Абдулла паши. Пора. Именно здесь нужно сломить врага. Нужно помочь ополченцам. Если они дрогнут, не дай бог, убегут, начнется смятение, и бедствие настигнет неизбежно. Бек видел, с каким отчаянием, отдавая последние силы, сражались мужики. Они падали, но не отступали. Мужественно сражались, падали также и воины Авшар Тэр-Гаспара. Они кричали, неистовствовали, кололи неприятеля, одного, другого… Затем падали сами. Многие успевали повернуться лицом к холму, где стоял он, произнося, несомненно, последнее слово «прощай» …

Комок сдавил горло Бека… Мовсес все еще продолжал стоять перед ним. Что нужно этому ученому человеку, единственному в этих горах?

— Отряд твой! — вырвалось невольно у Давид-Бека.

— Он готов исполнить твое повеление, тэр Верховный властитель! — загорелся Мовсес.

— Иди к ополченцам на помощь, лети.

Инок вместе со своими учениками и тремястами крестьянами-копьеносцами поспешно спустился к берегу реки. Бек провожал его грустным взглядом, пока не исчезли из виду развевающиеся полы его кафтана, его широкая спина и крестьянская шапка. Туман ли застлал глаза Бека, или дым и пыль поглотили отряд Мовсеса? Мовсес, дорогой, любимый Мовсес ушел… Вернется ли вновь, или?.. Бек отвернулся, чтобы не видеть, как Мовсес бросается в рукопашный бой с турками. Он хорошо знал, что горячий инок не будет щадить себя.

Продолжая теснить войска Бали, турки, окрыленные успехом, продвинулись к холмам, стремясь выйти в тыл к мегринцам.

Бек понял: катастрофа приближается. Сражение подходило к концу. Чтобы ускорить развязку, Абдулла бросил в бой свои последние два полка. Бек усмехнулся, он ожидал, что паша именно сейчас и сделает последний шаг. Настал час. Почему-то снова перед ним встал образ спарапета. Бросил… А ведь с ним ему было бы не так трудно… Знает ли?.. Придет?..

Он поднял руку. На этот раз перед ним предстал сотник Саркис из Шиванидзора.

— Поведи алидзорцев на помощь мегринцам. Спеши!

— Тэр, — заговорил Саркис.

— Что такое? — У Бека засверкали глаза.

— …Ты останешься без войска.

— Спеши, Саркис. Настал наш час. Победа близка. Паша бросил в бой все свое войско, мы должны нанести ему последний удар, перебить врага до наступления темноты. И перебьем.

Саркис, воодушевленный словами Верховного властителя, вскочил на коня, но Бек неожиданно остановил его. Новая мысль осенила его, и радостная, довольная улыбка озарила его лицо. Прекрасным, величественным было оно в эту минуту, словно лучезарный лик святого.

— Оставь мне пятьсот сабель из моего полка, остальных бери, — и он

сделал знак рукой, чтобы Саркис удалился.

Алидзорская конница, подняв облако пыли, помчалась вперед. Турецкие войска, теснившие военачальника Бали, стремились любой ценой прорваться к воротам Ордувара, к широкому, безводному ущелью. Они были почти у цели, когда отборные алидзорские всадники Бека стремительным ударом заставили их отступить. Удар был неожиданным, но янычары, отступив немного, сумели сомкнуть свои ряды. Бой разгорелся с новой силой.

Итак, Бек бросил в бой последний свой резервный полк, полк «Опора страны». А дальше что? Что же будет потом? Нет, он не уступит победу Абдулле. Никогда. Да, падают его воины, сражаясь мужественно. Иссякают силы, но они продержатся до темноты. А затем… отойдут к Мегри, чтобы там, в неприступных скалах, снова встретиться с врагом в новом бою. Совесть у него спокойна. Отчего это? Уверен ли он в окончательной победе? Уверен.

Взгляд его снова остановился на ополченцах. Здесь продолжался ожесточенный бой. Мовсеса не было видно, но его люди вместе с Зарманд и Авшар Тэр-Гаспаром еще держались, преграждая путь врагу.

Военачальникам Давид-Бека казалось, что сражение ими проиграно и бедствия не миновать. Они были уверены, что вот-вот их полки будут окончательно разбиты.

— Тэр, — раздался беспокойный голос Согомона, — враг близок, он идет на тебя, надо уходить отсюда.

Бек обернулся, взглянул в ту сторону, куда показывал Согомон, и, ничего не ответив, продолжал следить за сражением. Согомон схватился за голову и бросился к его ногам.

— Здесь тебе угрожает опасность, тэр мой! — закричал он. — Прошу тебя, во имя нашего несчастного народа, спеши, нельзя медлить.

Но Бек не слушал его. Напряженное, отчаянное сражение, которое шло и в центре, и на флангах, захватило его. Неужели не выстоят, неужели дрогнут, тогда конец, конец всему, навеки. А солнце сегодня удивительно яркое. Для кого оно сияет? Помощи нам неоткуда ждать. Хоть бы стемнело поскорее. Что

это? На правом крыле появились новые, свежие силы врага?.. Бек горько усмехнулся, он понял: Абдулла бросил в бой даже полк своих телохранителей. Восемьдесят тысяч против двадцати двух… Не плохо. Теперь сражаются все до последнего солдата. Враг спешит. Конец приближается. Или они, или… Какое еще «или»! Друзья мои, настал час показать врагу волю, мужество свое, показать, что вас победить нелегко.

Бек побежал к своему коню. Согомон не успел поддержать стремя. Бек вскочил в седло. Конь взвился на дыбы. Близость боя он почувствовал или запах крови? Он рванулся вперед…

— За мной, мои храбрецы!.. Настал час!.. — крикнул он и полетел к центру, где истекал кровью полк Баяндура.

За ним поскакали последние пятьсот всадников Алидзорского полка «Опора страны». На холме остался только епископ Ованим и еще пять-шесть монахов, которые, опустившись на колени, молили всевышнего протянуть войску Бека десницу спасения.

Но помощи не было. Молящийся на коленях возле епископа летописец Магакия вдруг вскочил, сбросил с себя мешающую свободно двигаться церковную ризу, вырвал из рук лежащего неподалеку мертвого воина его саблю и побежал к своим. Монахи последовали его примеру.

Воины Баяндура, увидев несущегося к ним на своем коне Давид-Бека, громко прокричали: «Да здравствует Давид-Бек!» — и бешено бросились в бой. Немногочисленные воины истрепанных армянских полков, ободренные появлением Бека, стали против теснившей их страшной силы.

От решительного удара Давид-Бека полк Реджеб паши отступил, но тотчас же восстановил нарушенный боевой строй. Узнав о том, что всадник на черном коне сам Давид-Бек, Реджеб паша встал во главе двухтысячной пехоты, бросился к нему.

— Яваш! Яваш!.. — кричал он. — Берите гяура живым. Аллах, аллах!..

— Аллах, аллах!.. — воодушевленно рычало турецкое войско.

А всадник на черном коне не видел ничего, кроме стоящей против него черной массы. Его длинная дамасская сабля сверкала направо, налево, меткими ударами разя противника. Бряцали сабли и над ним, но алидзорские храбрецы отводили удары турок или принимали их на себя.

Рядом с Беком все время находился Согомон. Он прикрывал Бека и при этом истошно кричал, и ругался. И когда только он научился так ругаться? Недалеко от Согомона находился летописец Магакия без щита, с непокрытой головой, на пегом коне. Он неумело размахивал саблей и бил.

— Вернись назад, Бек! — преграждая ему путь, требовательным голосом крикнул какой-то всадник. — Следи за сражением.

Это был инок Мовсес, прискакавший сюда в надежде вывести Бека из пекла битвы.

— Погибли все? — спросил, задыхаясь, Бек.

— Сражаются, — ответил Мовсес. — Падают с твоим именем на устах. Вернись, во имя бога… Твоя погибель — погибель невозместимая…

Но Бек, пришпорив коня, направил его навстречу паше, высокомерно сидевшему на огромном, величиной чуть ли не с верблюда, коне. Алидзорцы снова преградили ему путь, оставив его чуть позади себя. Турки попятились назад и, построив боевые ряды у небольшого оврага, размахивая саблями, бросились на уже малочисленную конницу армян. Вновь скрещивались сабли, скатывались шлемы, падали сраженные воины.

Бек, улучив время, взглянул влево. Там еще реяло знамя мелика Нубара, ополченские отряды все еще сопротивлялись. Но долго ли они протянут, хватит ли у них сил?.. На правом фланге истекал кровью Бали, редели полки Константина и Адама. Еще полчаса, и все будет кончено. Бек понял: ни храбрость, ни отвага всех и каждого из его воинов уже не помогут, наступает роковой час, он проигрывает сражение.

На разгоряченном коне, с окровавленным лицом и отрубленным ухом, к нему подскочил сотник Саркис и голосом, полным тревоги и отчаяния, кричал:

— Дай приказ к отступлению, тэр мой. Погибаем, горе нам, горе нашей

стране!

Бек затаил дыхание. Отступить — значит погубить всех, до последнего воина.

— Посмотри туда, — продолжал Саркис, показывая саблей в сторону гор. Оттуда к полю сражения стремительно неслась конница. Лес сабель в поднятых руках всадников сверкал под лучами склоняющегося солнца.

— Турки, это турецкая конница, — произнес с отчаянием Согомон, и Давид-Бек, привстав на стременах и вытянув шею, внимательно вгляделся в указанную Саркисом сторону.

— А мы думали, что Абдулла бросил в бой всю свою армию. Прикажи отступать, Бек, отойдем к горам, пока не погибли все.

Но что это? На лице Бека вдруг появилась еле заметная улыбка, постепенно она расплылась по всему лицу, выражая душевную радость и ликование. Согомону и Саркису, находившимся рядом с ним, казалось, что Бек сошел с ума — иначе почему он улыбается? Что за дьявольская улыбка на его лице?

— Крепитесь! — вдруг закричал Бек громким голосом, не отрывая взора от спускавшихся с гор войск. — Слава! Слава!

Впереди летел белый конь. Всадника не было видно, только сабля сверкала над ушами коня. За ним неслась конница.

— Все пропало, — бил себя по голове Саркис. Согомон в отчаянии рыдал. Растерявшиеся воины личной охраны Бека не знали, как поступить. Один только Бек ликовал. Еще бы. Как ему не узнать всадника на белом коне, летевшего впереди конницы!.. Сколько раз этот всадник, пригнувшись, стремительно летел на врагов! Как не узнать родного, любимого…

Бек стал на стремена и крикнул во весь голос:

— Бейте крепче, родные мои, прибыл Мхитар со своей армией!..

Его голос разнесся над обессиленным войском, перешел в тысячи уст. Со всех сторон кричали:

— Спарапет Мхитар прибыл!..

— Бей, бей турок, бей крепче!..

— Дружней, братья, крепче!.. — подбадривали вздохнувшие свободно сотники.

Инок Мовсес прискакал к Беку:

— Спарапет, Бек, спарапет!

Бек с трудом подавил рыдание.

Выезжая из ущелья Цгнэ, полки спарапета широким фронтом направились на левое крыло турецкой армии.

— Держитесь, братья! Я здесь, — кричал Мхитар, несясь впереди своего войска. Слева от него, вытянувшись на коне, мчался Тэр-Аветис, напоминающий направленное к удару копье, сгорая желанием поскорее броситься в бой. Он беспрерывно подхлестывал своего скакуна, и без того летевшего во весь опор. Обуреваемые, как и он, жаждой боя, неслись во главе своих полков мелики Бархудар, Шафраз, Еган. Рядом с женой, скакавшей с обнаженной саблей в руках, летел Товма. Не отрывая взгляда от черной массы врага, мчался Есаи.

От неожиданного удара конницы Мхитара турецкая пехота в растерянности повернула назад. Топча и давя друг друга, пехотинцы ворвались в ряды конницы Реджеб паши, нарушая ее боевой строй… Турецкие полки, сражавшиеся в центре, обороняясь щитами, отступили, стараясь не быть отрезанными от своих и не попасть в окружение. Однако удар был настолько неожиданным и сильным, что турецким военачальникам не удалось удержать воинов от панического бегства. Стесненные с трех сторон неприятельские полки скопились на узкой береговой полосе Аракса, мешая друг другу передвигаться. Сражались только их передовые ряды. Остальные в смятении кружились на одном месте. Конница давила пехоту.

Тем временем натиск вдохновленных успехами армянских войск все нарастал. Слышался звонкий голос Зарманд:

— Бейте нещадно, братья, Мхитар с нами!..

— Бейте, гоните турок! — раздавались сотни голосов ополченцев.

— Бейте крепче!.. — неслось со всех сторон.

Все это видел Давид-Бек, но он знал, что это еще не победа. Нужно отбросить находящийся в центре полк Ялгуз Гасан паши, прижать его к реке и разбить. Только в этом случае начнется настоящая паника в рядах неприятеля.

Он решительным движением пришпорил коня, который задрожал, заиграл, и, рванувшись вперед, полетел как молния.

— Бек, Бек, остановись! — крикнул ему Мовсес.

Но Бек не слушал его. Нельзя медлить. Надо решительными ударами закрепить успех. Вот-вот турки могут опомниться. Надо расколоть боевое скопление в центре, чтобы перебить противника по частям… Его конь мчался по трупам. Мрачное лицо Бека снова перекосилось иронической улыбкой, которая у него появлялась каждый раз, когда внутри кипела жажда сражения и он бросался на смертельный поединок.

— Смелее, мои храбрецы!.. За мной… Бейте крепче!.. — гремел его голос.

Небольшой Алидзорский отряд вновь рванулся за ним.

Неприятель продолжал отступать к реке под энергичными ударами полков спарапета. От ржания коней, неистовых криков раненых и треска оружия невозможно было ничего расслышать.

Отряд Бека, выстроившись клином, острым концом, направленным на центр конницы Реджеб паши, старался стремительным ударом разрушить ее боевой строй. Ему удалось сломить сопротивление сипаев и разделить их на две части. В перепуганной турецкой пехоте, находящейся позади конницы, началась паника, когда часть сипаев повернула коней обратно. Бек достигал своей цели.

Но в это время одному из турок, охотившихся за Беком, удалось сильным ударом по плечу выбить меч из его руки. Удар второго сипая, нацелившегося на голову Бека, пришелся на шею вздыбившегося коня. Третий турок, не успев опустить высоко поднятый меч, упал от удара Мовсеса, разрубленный от плеча до пояса. Бек упал. Алидзорцы оттеснили турок, соскочили с коней и окружили его.

— Выньте ногу из стремени, дайте коня! — сломленным голосом воскликнул Бек.

Мовсес и Согомон, бережно подняв его, поставили на ноги. Правая рука Бека бессильно повисла, из рукава кафтана текла кровь. Удар турка был настолько сильным, что рассек броню и тяжело ранил плечо Бека.

— Несчастье? — с ужасом в глазах воскликнул подбежавший князь Баяндур.

— Иди туда, — показав головой на сражающихся Алидзорцев, тихо произнес Бек. — Я сейчас. — Но повис в беспамятстве на руках Согомона.

Князь Баяндур решительно, но осторожно снял с Бека его плащ и шлем и, протянув их Мовсесу, сказал:

— Надень, возьми его меч, садись на моего коня, он похож на коня Бека, и езжай скорее туда, пусть никто не знает, что Бек…

Мовсес наскоро надел плащ Бека, его шлем, вскочил на коня князя и полетел, ведя за собой отряд всадников.

— Сильнее, мои храбрецы, бей неверного! — голосом Бека кричал Мовсес, ворвавшись в ряды турецких войск, скопившихся на берегу реки. Рядом с ним ехал воин, высоко держа знамя Давид-Бека.

— Да здравствует Давид-Бек! — дружно кричали алидзорцы, хотя некоторые из них и знали, что Бека среди них нет.

Князь Баяндур, надев на Бека свой плащ, поручил телохранителям отнести его на другую сторону холма к епископу Овакиму.

Части конницы Мхитара, внезапно появившиеся в тылу и на левом фланге растерявшегося врага, нанесли сильные удары. Окруженные с трех сторон турецкие войска все еще теснились на берегу реки.

Увидев паническое бегство своих войск в центре и на левом фланге, Абдулла паша, незадолго до этого радостно потиравший руки, предвкушая победу, соскочил с кресла и, сделав несколько шагов, яростно кричал:

— Что это происходит, кто зашел к нам в тыл?

Но его телохранители и советники молчали. Главный войсковой мулла в

бессилии опустился на колени. Лицо паши покрылось холодным потом. Неужели он теряет победу… близкую, полную?..

Соскочив с коня, к его ногам покатился запыхавшийся гонец.

— Армяне окружают нас… Режут!

— Кто пришел им на помощь? — спросил паша.

— Спарапет Мухитар…

— Что?.. — У паши задрожала рука. Он ударил ногой в живот гонца, который, судорожно обхватив руками живот, скатился вниз…

— Обманул! И на этот раз провел меня, дьявол! — неестественным голосом, колотя себя по голове, орал паша. — Коня!..

Слуги-арабы подвели жеребца и помогли паше взобраться в седло. Пришпорив коня, он взмахнул саблей и помчался к своим войскам. Находившиеся возле него воины и свита поскакали вслед за ним. Однако не успел паша спуститься со своего холма, как ему преградила путь бежавшая навстречу беспорядочная масса аскяров. Побросав оружие, они пытались бегством спастись от преследовавшей их конницы, которая беспощадно топтала, разила и убивала их.

— Назад, вернитесь, проклятье! — закричал паша и стал разить бежавших аскяров.

— Зулум!.. Зулум!..[68] — кричали аскяры.

— Аман!..[69] — орала масса.

Не внимая угрозам и крикам пашей, пытавшихся остановить бежавших в панике людей, аскяры топтали друг друга, падали, не будучи в силах подняться вновь. Мурад-Аслан, с трудом пробившись к паше, схватил его за руку и крикнул:

— Смотри на реку!

Паша посмотрел на Аракс и завыл диким голосом. Река была запружена

---

[68] Зулум — несчастье (тюркск.).

[69] Аман — горе нам (тюркск.).

его войсками. Все бежали, отчаянно крича и толкая друг друга.

— Верните, верните их назад! — кричал паша.

Мурад-Аслан снова дернул его за рукав:

— Смотри направо.

Со стороны горы Цгна прямо в ту сторону, где стоял Абдулла, стремглав летел новый отряд конницы спарапета. Паша, словно почувствовав на шее холодное прикосновение сабли, в полной растерянности резко повернул коня к реке и спустя минуту был уже в мутной воде Аракса.

Вдохновленные успехом, войска Мхитара и Давид-Бека продолжали натиск, преследуя бежавшего врага. Турки искали спасения на том берегу Аракса. Не многим из них удавалось переплыть реку и выйти на ее персидский берег.

Солнце уже садилось.

Равнина Мараги была покрыта тысячами трупов воинов и коней, брошенным оружием и доспехами. На восточном холме одиноко стоял опустевший роскошный шатер сераскяра Абдулла паши.

Утро. Во дворе монастыря апостола Товмы, у входа в покои епископа, стояли, опустив головы, армянские военачальники. Время от времени открывалась дверь и на пороге показывался Мовсес.

— Ну? — бросаясь к нему, спрашивали они.

— Врач надеется… Но еще не пришел в сознание. Дыхание еле слышно… — отвечал Мовсес.

— Господь наш, даруй его нам, пожалей нас, псов своих, помилосердствуй, — шептали военачальники.

В опочивальне епископа на единственной кровати лежал Давид-Бек. Врач обмыл его рану, зашил тонкой шелковой ниткой, перевязал ее. В изголовье Бека стоял епископ Оваким, у ног — спарапет Мхитар. Он не моргая смотрел на посиневшие уста Бека, на его лоб, в морщинах которого блестели капли пота. Огромное горе душило спарапета…

На простенькой деревянной кровати лежала сама судьба армян.

Ни одного родного человека не было у него. Он был одинок в этом переполненном людскими страданиями мире и не имел ничего, кроме окровавленного кафтана, закаленной в боях сабли и очень большого сердца.

У Мхитара сжималось горло. Мысль о том, что он, Мхитар, своим раздором с Беком стал причиной большого несчастья, мучила его. Хоть бы раз, один раз открыл бы Бек глаза и увидел, что Мхитар с ним, отныне и навеки.

Врач помыл руки в медном тазу и, усевшись возле раненого, сказал медленно:

— Немного погодя он откроет глаза, в полдень заговорит, а через неделю станет на ноги. Рана не опасная, только крови потерял много.

И действительно, через два часа Бек открыл глаза. Старый лекарь улыбнулся сквозь коротко подстриженные усы. Опасность миновала. Епископ Ованим закрыл осторожно книгу Нарекаци. Всю ночь он еле слышным голосом читал творения великого поэта.

Спарапет на коленях подполз к Беку и поцеловал его руку. Бек долго смотрел на него, затем тихо, разомкнув бледные уста, спросил:

— Кто пал?

— Лишь бы ты скорее исцелился, тэр наш, — прошептал спарапет.

— Назови павших, — потребовал Бек.

Мхитар перевел взгляд на хирурга. Тот сделал знак головой, дав знать, что можно говорить. Бек выжидательно смотрел на спарапета. Взгляд его был повелительный.

— В сражении при Мараге закончили свою жизнь со славой сотники Ованес и Захария, сын мелика Бархудара военачальник Паки, Сари и Аракел из Мегри, мелик Мага из Джуги и бек Диланчи, Авшар Тэр-Гаспар, сотник Саркис из Шиванидзора, военачальник Казар из Гайлаберда…

Голос Мхитара дрожал. Он с трудом выговаривал имена павших. Бек слушал его, закрыв глаза. Казалось, он мысленно прощался с каждым из них, своих боевых соратников, отдавших свою жизнь за родную землю и покоившихся ныне в ее объятиях…

— …Затем пали три тысячи сто сорок шесть отважных воинов, — продолжал спарапет. — Из ополчения погибло четыре тысячи человек.

— Царство им небесное… — прошептал Бек.

— Аминь, — добавил епископ.

Бек долго, не моргая, смотрел на раскрытое напротив окно, сквозь которое ярко улыбалось солнце.

Спарапет снова взял его руку. В глазах у него стояли слезы. Пора было произнести слова раскаяния, которые жгли его душу. Угадав его мысль, Бек снисходительно улыбнулся.

— Тэр мой, — начал спарапет прерывающимся голосом, но Бек слабым движением руки дал понять, чтобы он умолк. Затем еле заметным движением потянул его к себе и, обхватив слабой рукой шею спарапета, поцеловал его.

— Я знал, знал, Мхитар, — произнес он медленно. — Я знал, что ты не бросишь меня! Забудь былое, забудь!..

Спарапет вытер слезы уже во дворе монастыря.

— Опасность миновала, — сказал он, глубоко вздохнув, бежавшим навстречу военачальникам. — Бек поправляется.

Плоды Мараги

Дорога, ведущая в Алидзор, вновь оживилась. Из далекого Джраберда, из Варанды, Сота, Кашатахка в Алидзор тянулись небольшими группами или в одиночку священники с хоругвями, старшины, мелики с женами и слугами, богато одетые купцы, крестьяне в лохмотьях и полуголые нищие.

Все они толпились вокруг дома Давид-Бека в томительном ожидании вестей о здоровье своего спасителя. Мовсес и Согомон выбились из сил, сотни раз отвечая: «Бек поправляется».

Люди со слезами на глазах коленопреклоненно молились богу, чтобы он сохранил для них жизнь Давид-Бека, в Ваганаванском монастыре приносили жертвы, зажигали свечи на могилах похороненных там царей Сюника.

Купцы вместе с богатыми дарами передавали для Бека багдадскую хурму и сухие индийские бананы. Крестьяне дрожащими руками доставали из-за пазухи собранные в своих горах целебные травы и коренья и просили Мовсеса и Согомона прикладывать их к ранам Бека.

В Алидзор прибыла также тикин Сатеник вместе с сыновьями и Цамам. Незадолго до нее приехала сюда Гоар. Она блистала своей красотой, роскошью одежд, своим веселым, озорным характером сумела привлечь к себе внимание всех. Но в то же время она смотрела на жен меликов с княжеской гордостью, ездила с мужчинами на охоту, принимала участие в конских состязаниях. Она гордилась тем, что сумела сломить упорство Мхитара и вовремя привести его на поле Марагского сражения.

А тикин Сатеник вела между тем совершенно замкнутую жизнь. Даже радость победы и примирения мужа с Давид-Беком не утешила ее. Ведь примирения двух самых близких и дорогих ей людей она добилась ценою унижения собственного достоинства. Теперь, после того как она совершила этот унизительный шаг, когда все уже позади, она краснела от стыда, вспоминая, как добиралась до Пхндзакара и, пренебрегая своей женской гордостью и достоинством, стала умолять Гоар поехать к спарапету и уговорить его примириться с Беком. Она дрожала, хваталась за голову и рыдала, подобно молодой девушке, несправедливо обиженной матерью.

Гоар встретила ее с холодной радостью, вежливо поклонилась, пригласив ее в одну из своих недавно выстроенных комнат, усадила ее, а сама осталась стоять. Сатеник не помнит, как она начала разговор, с какими словами обратилась к этой женщине, которая похитила ее счастье, причинила так много горя ей и одно слово которой для ее мужа было в тысячу раз дороже, чем царские веления. Не помнила также, что ответила Гоар. Но она никогда не забудет иронической улыбки надменной красавицы, искры радости в ее глазах в тот момент, когда она, Сатеник, признав свое бессилие, умоляла ее поехать к спарапету, чтобы уговорить его помириться с Беком.

Никогда она не была так подавлена и унижена, как в этот день. Теперь, когда прошло много дней, когда, слава богу, все окончилось благополучно, она страдала еще больше, хотя и знала, что именно этот ее поступок во многом решил исход сражения при Мараге, спас родную страну от гибели.

Приехав в Алидзор, Сатеник вновь была уязвлена, узнав, что здесь находится Гоар. Стараясь не встречаться с ней, она целыми днями просиживала дома. Однако Гоар, казалось, нарочно почти каждый день в определенное время, в сопровождении своих молодых телохранителей и многих военачальников, шумно проезжала мимо дома Сатеник. Ее конь, словно гордясь своей красивой и ловкой, как рыцарь, всадницей, шел мелкой рысью. Звонкий голос и веселый смех Гоар сводили с ума многочисленных ее поклонников. Дети Сатеник подбегали к окнам, чтобы полюбоваться шествием. Мать сердилась на них и велела служанке закрывать окна.

К счастью, Мхитар мало оставался в Алидзоре. Часто он уезжал на целую неделю. Обычно возвращался ночью усталый, запыленный и, не промолвив ни слова, ложился спать. Сатеник догадалась, что Мхитар также избегает встречи с женой сотника Товмы, и это несколько утешало ее.

В накинутой на плечи домашней шубе, с привязанной к груди раненой рукой сидел в убого убранной комнате Давид-Бек.

— Человек уходит — остаются его дела, тэр Верховный властитель, — тихо говорил живописец. — Потомки радуются добрым делам человека. Они с благодарностью вспоминают творца добра. Для людей грядущего приятно, когда остается его портрет. Он становится им более родным и близким.

Бек время от времени смотрел на стоящего перед ним молодого, скромного и умного живописца, и на его бледном лице появлялась еле заметная, теплая и нежная улыбка.

— Вот по твоему поручению, тэр Верховный властитель, я написал портрет крестьянина — сотника Есаи. Быть может, моя скромная работа и недостойна твоего внимания, но будь снисходителен, разреши написать для грядущих поколений твой портрет.

— Желание твое доброе, Нагаш Акоп, — сказал Бек, — но не для этого я вызвал тебя. — Затем, не отрывая взгляда от лежащего на столе портрета, продолжал: — Хвалю также твое искусство, в образе Есаи ты схватил главное — его дух, непреодолимый дух его народа. Это видно по его взгляду. Он воин и готов сражаться. Но он не убийца, а спаситель, таков и народ его. В портрете я вижу любовь Есаи к жизни. Он человек не одним своим обликом, но и тем, что возвышает его, делает человеком, — его духом. Но я хотел бы видеть в портрете и силу руки Есаи, той руки, которая не только владеет мечом для защиты своей земли и своего отчего дома, но и умеет сооружать храмы, плавить железо, создавать хлеб и виноград. Это единственное, чего нет в портрете твоем, милый мой Нагаш.

Нагаш слушал его и, глядя на портрет Есаи, думал, как удивительно верны замечания Бека. Рука Есаи действительно не такая, какой она должна быть. Она получилась слабой, бессмысленно лежащей сбоку. Все свое внимание он сосредоточил лишь на глазах Есаи, стараясь как можно выразительнее показать их внутренний огонь.

— Исправлю, тэр Давид-Бек, — искренне сказал он. — Ты искусство чувствуешь больше, чем-то следует властителю.

— Но, повторяю, я вызвал тебя не для этого, — сказал Бек. — Я уже приказал предоставить тебе здесь, в Алидзоре, здание для мастерской с залом, комнатами, кельями для учеников.

— Неужели? — обернулся к нему Нагаш.

— Удивляешься?

— Удивляюсь, что в это смутное и тяжелое для нашего народа время ты нашел возможность предпринять такое большое дело.

— Удивляться нечему, Нагаш Акоп, — с доброй улыбкой ответил Бек. — Нам нужны очаги света и знания. Я хочу, чтобы мы в Алидзоре кроме школы инока Мовсеса имели также свою художественную школу. Живописные школы, как тебе должно быть известно, раньше у нас существовали. Ты ведь слышал о знаменитой мастерской художника Маркаре в Ани, художника

Церуна в Хизане, о мастерских в Армянской Киликии, в Средней Армении и в других местах. Но с гибелью нашей государственности погибли и они.

— Мой покойный отец, Нагаш Овнатан, также имел намерение открыть мастерскую и, собрав учеников, обучать их.

— Вот видишь! — обрадовался Бек. — И твой отец мечтал о добром. Сделаем, стало быть, то, что задумали. Собери учеников, оборудуй свою мастерскую, выпиши из Европы все необходимое. Я беру на себя все расходы.

Лицо Нагаш Акопа сияло от радости.

— О!.. Великий человек!.. — воскликнул он. — Чем могу возблагодарить тебя?

— Верным служением народу своему и отечеству, — ответил Бек.

— Готов служить самоотверженно, — взволнованно сказал Нагаш. — Но, тэр Верховный, не откажи мне в просьбе, разреши написать твой портрет.

— После, после! Теперь не время.

Открылась дверь, и вошел спарапет. Бек с умилением посмотрел на него и радостно улыбнулся:

— С добрыми пришел вестями?

— Шах Тахмаз архангела послал к нам. Тавриз и шах ликуют.

— Добро, — превозмогая боль в ране, произнес Бек. — Зачем?

— Шах собирается послать к тебе большое посольство.

— Неужели?

— Страшно разгневался на Асламаз Кули хана и Хосров хана, которые бросили тебя. Готов просить прощения.

— Кого намерен направить послом в нашу страну?

— Тахмаз Кули Надир хана.

— Большая честь! — иронически сказал Бек. — Что поделаешь, примем, пускай едет. А? Что скажешь, спарапет, принять персидское посольство или нет?

— Нужно принять, тэр Бек, ведь вреда нам от этого не будет!.. — сказал Мхитар.

— В таком случае готовься поехать навстречу послу.

Это поручение явно огорчило Мхитара, но он смолчал. Не его, спарапета армянских войск, а последнего погонщика мулов следовало бы послать навстречу послу персидского шаха.

— Вести о сражении у Мараги дошли до европейских дворов, — медленно заговорил Бек. — Английский посол в Стамбуле, говорят, рассвирепел. Взбесился, морская собака. Выразил султану соболезнование по поводу поражения Абдуллы. От имени английского двора обещал султану снова снабдить его оружием и золотом. Он и франкский д'Бонак вновь подстрекают турок против нас. Султан в траурном облачении.

— Пусть поскорбит, — сказал Мхитар.

Живописец и Мхитар недолго оставались у Бека.

Старый хирург, который то и дело входил в комнату, давал знать, что пора оставить больного в покое.

Аракс бушевал.

Вздувшаяся от весенних ливней река выходила из берегов, заливая прибрежные низины глинистой водой. Над рекой со звонким карканьем кружились стаи птиц. Хищники то и дело стремительно падали в реку и, с минуту теряясь в ее мутной воде, снова устремлялись ввысь, чтобы сесть на голые камни прибрежных скал и переваривать еще трепещущую в желудке рыбу.

На изогнутом, как лук, мосту через Аракс, напротив Старой Джуги, показалась группа всадников. Ехавший впереди всадник вез шахское знамя. Под торжественные звуки труб они переехали мост и вступили на землю Армении. Это были посланники персидского шаха, направляющиеся к Давид-Беку.

— Подымите белое знамя, — приказал глава посольства Тахмаз Кули Надир хан и натянул поводья испуганного ревом реки коня.

Рядом с шахским знаменем с изображением льва поднялось белое шелковое полотно — знак мирного посещения. Из густых, как сплошная желтая

стена, прибрежных тростниковых зарослей вдруг выехала группа вооруженных всадников и приблизилась к отряду. Ехавший впереди сотник Есаи снял шапку, вытер ею лоб и, остановив коня поодаль, спросил по-персидски:

— Кто вы и зачем прибыли в нашу страну?

— Я Тахмаз Кули Надир хан, — ответил посол. — От имени персидского шаха еду ко двору Давид-Бека.

— А… — протянул, как бы не зная, в чем дело, Есаи и, подъехав поближе, спросил с нескрываемым презрением: — Которого персидского шаха ты являешься послом, хан?

Тахмаз Кули Надир хан был уязвлен. Как смеет этот волосатый дикарь задавать ему такой вопрос?

— Персия имеет одного шаха, и им является тень аллаха — Тахмаз шах.

— Разве? — улыбнулся Есаи. — А мы слышали, что в Персии два шаха. Один, что сидит в Исфагане на троне почившего Султан Гусейн шаха, афганец Мир Махмуд, а другой — сын покойного — Тахмаз. Значит, ты посол Тахмаза, добро, добро… Прислал бы ваш шах в нашу страну Хосров хана или Асламаза Кули. Ведь они хорошо знают эти места. Мне довелось их видеть, кажется, в Мараге. Ах! Как они были роскошно одеты… Ну, что делать, хан посланник, пожалуй, к нам, мы достойную окажем тебе честь. Будь добрым, отдохни здесь, пока я не уведомлю моего господина о твоем прибытии.

И, не ожидая ответа, Есаи повернул коня и, обдавая посланников густой пылью, скрылся за скалами. Тахмаз Кули Надир хан закусил губы и, проглотив обиду, сошел с коня. Его примеру последовали двести пятьдесят сопровождающих его всадников. Шейх Уль Исламу помогли спешиться.

Полуденное солнце припекало. Хан, впервые попавший в Армению, своими зелеными тигриными глазами оглядывал, казалось вклинившиеся в небеса, армянские горы.

— Проклятая страна, — пробормотал он.

— Сам черт потеряет голову в этих ущельях. Солнце жалит, как пустынный скорпион, — проворчал Шейх Уль Ислам. — Поскорее бы войти

под какое-нибудь укрытие.

Откуда было знать этому страдающему под тяжестью двенадцатислойной чалмы человеку, что он останется под палящим солнцем до самого вечера.

А в это время перед своим шатром, разбитым у горного прозрачного ручейка, под тенью свисавшего со скалы инжирного дерева, спарапет играл в шахматы с Мовсесом, он упорно искал ответный ход, склонившись к низенькому шахматному столику. На тонких красивых губах Мовсеса обозначилась улыбка. Он доволен был своей игрой. К ним подъехал Есаи и, не сходя с коня, сообщил о прибытии посланников.

— Не мешай, — рассердился Мхитар, — к дьяволу их. Как же это случилось, Мовсес?

— Ты проиграл, тэр спарапет, — спокойно ответил Мовсес, — торопишься. В царской игре торопиться опасно. Ты проиграл.

— Не бубни, — взбешенный проигрышем, произнес спарапет и нервным движением руки перевернул шахматную доску, — от проклятого слона нет спасения. — Затем, обращаясь к Есаи, произнес: — Что тебе там нужно, кто приехал?

— Посланник шаха со свитой жарится под солнцем у моста, — небрежно ответил сотник.

— Пусть томятся, незваные. Давай-ка, Мовсес, сыграем еще разочек.

Весь день спарапет не отрывался от игры. Скрываясь от жары, он то и дело менял место, устраиваясь в тени инжирного дерева. Он волновался, проигрывал, но продолжал играть. И только под вечер, вспомнив о посланниках шаха, приказал Есаи поехать за ними.

Сопровождавшие спарапета воины вышли из тени ветвистых деревьев, надели свое снаряжение и подняли знамя Армянского Собрания. Трубачи заняли свои места у речки, а триста стрелков выстроились вдоль ущелья, готовые встретить всадников ружейным залпом. Спарапет, проверив их строй, остался доволен, но тем не менее, заметив молодого солдата, небрежно держащего ружье, подошел к нему и сердито сказал:

— Что ты разинул рот, как теленок, проглотивший колючки? Нахмурь брови, вытянись. Шахских посланников принимаем, это не шутка.

За скалой раздался звук трубы. Горги Младший подвел к спарапету его беспокойного скакуна. Мовсес, Товма и еще четыре сотника поспешили к своим коням. Спарапет поднятием правой руки подал знак. По ущелью пронеслись гул барабанной дроби и звуки труб. А как только из-за скалы показались персияне, залп из трехсот ружей потряс воздух. Перепуганный конь Шейх Уль Ислама, нарушив строй, поднялся на дыбы и сбросил бы наземь толстого хозяина, если бы не Есаи, успевший вовремя схватить коня за узду. Гордый хан посинел от стыда. Он бросил гневный взгляд на растерявшегося шейха, поспешно пришпорил коня и, проехав вперед, торжественно произнес:

— Привет армянскому властителю, победителю и владыке Мхитар хану.

— Дай бог здоровья высокочтимому Тахмаз Кули Надир хану и его роду, — ответил Мхитар.

— Владыка наш, государь Ирана и других прочих стран, шах Тахмаз, спрашивает через меня о драгоценном здоровье великого и победоносного армянского князя князей Давид-Бека.

— Жив-здоров Давид-Бек. Пусть господь сбережет голову вашего шаха тоже.

— Затем, через меня, шах осведомляется о здоровье вашего кешиш-бабы[70], меликов, начальников и войска.

— Все здоровы и радостно живут под солнцем всевышнего.

— Венец нашей главы, шах Тахмаз, отправил меня послом в вашу страну с добрым намерением мира и братства, — Тахмаз Кули Надир хан низко поклонился.

— Просим, достопочтенный посол, для добрых гостей наши двери открыты.

Снова зазвучали трубы и раздался ружейный залп. Хан и спарапет сошли с

---

[70] Кешиш-баба — имеется в виду глава армянского духовенства католикос.

коней и пожали друг другу руки.

— Ночью останемся здесь, вельможный посол, — сказал Мхитар. — Наши дороги трудны, и, как вижу, твои люди устали. Останемся, а утром, с помощью бога, отправимся в глубь нашей страны. Сделай честь, хан, войди в мой скромный шатер.

Хан и Уль Ислам вошли в скромно обставленный, но довольно просторный шатер спарапета. Шейх, не дожидаясь приглашения, уселся. Его черное, покрытое морщинами лицо вызывало у спарапета отвращение. Бороденка, состоящая из нескольких волосков, не прикрывала его выдающийся вперед хищный подбородок, под которым висела складками иссохшая кожа. Впалые, расположенные близко друг от друга глаза Шейх Уль Ислама гноились. Не только спарапет, но и сам хан относился брезгливо к этому неприятному человеку.

Персидские воины сняли с мулов мешки с шахскими подарками и сложили их в шатре спарапета. Горги Младший принес гостям нехитрый ужин. Шейх, считая грехом прикасаться к христианской пище, достал из мешка свою еду и небольшую чашку для воды. Между тем хан с удовольствием ел отварное мясо и репчатый лук.

Говорили нехотя о погоде, о «черном недуге», появившемся в Персии. Чувствовалось, что спарапет избегает разговора о целях прибытия посланцев, хотя по туго набитым мешкам не трудно было догадаться, что персияне возлагают большие надежды на заключение союза с армянами.

Утром спарапет предложил отправиться на охоту.

— В песках Аракса появились леопарды, хан, поедем, попытаем счастья.

Хан был польщен оказанной ему честью, но вместе с тем он понял, что под предлогом охоты спарапет намеренно затягивает отъезд посольства.

Охота длилась три дня, вернулись с богатой добычей — множество убитых кабанов, речной птицы и с двумя леопардами, шкурами которых покрыли коней спарапета и хана. Есаи и Товма ехали с привязанными на папахах ушами леопардов и клыками, подвешенными на груди. Это они убили зверей.

Только на четвертый день, утром, Мхитар решил повезти посланцев в Алидзор. Позвав Есаи, он велел ему быть проводником и указал дорогу, по которой следовало идти.

— Непроходимую ты указываешь дорогу, тэр Мхитар, — заметил осторожно сотник.

— Пусть увидит хан и убедится в недоступности нашего Сюника.

Двинулись в путь. Вскоре караван персидских посланников и сопровождавший их отряд спарапета вошли в ущелье Меградзора. Вьющаяся по крутому косогору тропинка то устремлялась к вершинам висевших над бездной скал, то, пройдя через густые леса и кустарники, спускалась ко дну глубокого ущелья. Она наводила страх на персиян. Часто приходилось слезать с коней и преодолевать обрывистые дороги пешком. То там, то здесь неожиданно из темных овражков и из-за скал появлялись пешие и конные армянские воины и, бросая гневный взгляд на персов, тут же исчезали.

— Не разбойники ли это? — спросил со страхом Шейх Уль Ислам спарапета.

— Нет, уважаемый Шейх, — ответил, улыбаясь, тот. — В нашей стране сейчас нет разбойников. Это отряды наших пограничных войск.

На самом деле это были не войска, а специально снятые из внутренних крепостей и войсковых стоянок многочисленные отряды, отправленные сюда Давид-Беком с целью показать персиянам свою военную мощь.

— У них много войск, — найдя удобную минуту, шепнул Шейх хану.

— И как они вооружены…

В одной из долин навстречу послам вышел большой караван купцов. Ехавший на вислоухом муле ходжа — владелец каравана — дружески пожал руку спарапету и слегка поклонился послам.

— Куда везете свои товары, брат ходжа? — спросил хан, не отрывая взгляда от огромного каравана.

— В Россию, — ответил ходжа.

— В Россию далек путь, — заметил хан, — Тавриз в десять раз ближе.

— Тавриз?!. — воскликнул ходжа, словно при нем произнесли имя покойного. — Да, Тавриз ближе Москвы, хан, но кто в Тавризе в состоянии купить мой шелк, мои ковры, кожу, ореховое дерево? Русские платят дорого за наши товары. Вот Исфаган — это другое дело, но…

Хан понял, на что намекает ходжа, но, проглотив обиду, умолк. Ходжа подарил хану и Шейх Уль Исламу целый рулон шелка. Последний, растроганный, восхищался дорогим подарком, а хан подумал о том, что армяне, видимо, снова разбогатели.

— Что за страна у вас, ага спарапет, — спросил утомленный и разбитый хан, когда они выехали из глубокого ущелья, — и как вы передвигаетесь по этим местам?

— Для сюникца непреодолимых дорог нет, хан, — ответил спарапет. — В этом ущелье девятьсот лет тому назад нашло свою смерть пятидесятитысячное войско араба Юсуфа, того самого Юсуфа, который покорил Тавриз и растоптал нашу страну. Это единственная дорога, хан, которая соединяет вашу страну с Сюником.

«Ох и хитрецы!..» — подумал хан, догадываясь, с какой целью спарапет напоминает ему о гибели арабских войск, но снова терпеливо скрыл нанесенное ему оскорбление. Что он мог сказать герою Мараги?

Вторую ночь пути пришлось провести на склоне высокой горы Хуступ, немного ниже полосы вечного снега. А внизу, в лесах, на отрогах гор, в ночной мгле ярко горели какие-то таинственные костры. Не спалось Шейх Уль Исламу. Ему казалось, что он попал в страну дэвов, откуда нет выхода слугам аллаха. Теперь он горько сожалел, что согласился ехать с посольством.

На следующий день караван вошел в ущелье Каджарана. Чем меньше оставалось до Алидзора, тем дорога становилась круче. Спарапет, который стал говорливее, рассказывал хану и Шейху разные истории, связанные с этим грозным и великолепным ущельем. Когда они наконец выбрались на плоскогорье, на горизонте, озаренном солнцем, заметили скалистое плоскогорье, на котором отчетливо виднелись крепостные башни.

— Алидзор? — спросил хан.

— Нет, это Багаберд, хан, — показывая плетью на крепость, ответил спарапет. — Ее построил наш князь, по имени Сисакан Багак, тысячу восемьсот лет назад. Шах ваш тогдашний, Шапух, много своих войск погубил под стенами этой крепости. Рассказывают, что он однажды сильно оскорбил своего соратника, армянского князя Андока. Последний в отместку, выбрав удобный случай, нападает на столицу Шапуха Тизбон и, ограбив ее, возвращается с большой добычей и укрывается за неприступными стенами Багаберда. Оскорбленный и разгневанный Шапух решает любой ценой захватить крепость и наказать Андока. Его многочисленные войска три года, неся большие потери, осаждали крепость, но безуспешно. На четвертом году приближенные шаха умолили прекратить безнадежную битву, дабы сохранить остатки персидского войска. И Шапух, не достигнув цели, покинул страну.

Спарапет заметил, что хан и Шейх слушали с недовольством эту позорную для их страны историю. Но он, делая вид, что не замечает этого, продолжал вспоминать новые и новые подобные истории.

Когда проезжали мимо одной из многих в этой местности причудливых возвышенностей, Мхитар, показывая полуразрушенные крепостные стены на ее вершине, сказал:

— А это крепость Паху[71]. Она разрушена землетрясением. Ее построил царь Арташес двенадцать веков назад. Наслышавшиеся о богатствах армянских царей могучие тогда римские полководцы с огнем и мечом пошли на нашу страну и вскоре вступили в Араратскую долину. Арташес храбро сражался с ними и в то же время распускал слухи, будто его несметные сокровища находятся вот в этой крепости Паху. Соблазненные римляне, уверенные в своем могуществе, поспешили в Сюник. Но многочисленные малоподвижные легионы могучей империи начали быстро таять в этих суровых и неприступных горах, и крепости достиг всего один воин из десяти. Ценою огромных жертв

[71] Ныне город Каджаран.

римляне овладели крепостью, когда там не осталось ни одного армянского воина, но драгоценностей легионеры там не нашли.

— Видимо, вашему царю удалось заблаговременно вывезти сокровища, — сказал хан.

— Нет, — рассмеялся спарапет, — там никаких сокровищ никогда и не было. Арташес намеренно распустил слух о них, чтобы возбудить аппетит жадных римлян, заманить их сюда и погубить в этих скалах и бездонных ущельях.

— Он так сделал?

— Да, ни один римский легионер не вернулся к себе.

— Хитрый вы народ, — не вытерпел хан.

— Хитрый и храбрый, — поправил спарапет, — два этих качества — верное оружие маленького народа.

К вечеру прибыли в Алидзор.

У городских ворот посланников встретил только князь Баяндур. Он с холодной учтивостью приветствовал хана и, торопливо пришпорив коня, галопом въехал в крепость. Недоумевающий и оскорбленный хан последовал за ним. Но что он мог поделать? Он хорошо понимал, что армяне вправе пренебрегать ими, что еле удерживающийся на своем пошатнувшемся троне шах Тахмаз на большее уважение рассчитывать не может.

Хана поразили укрепления Алидзора, своеобразная форма его башен, хорошо приспособленных для ружейной и пушечной стрельбы. Крепость казалась более или менее доступной лишь со стороны узкого горного перешейка, но и там стояли двойные стены необычайной толщины, каждая из которых имела по двенадцати башен с фронтальными и угловыми бойницами. Проникнуть в крепость можно было через единственные железные ворота.

Посланников поместили в одном из отдаленных зданий крепости, приставили к ним многочисленных слуг и предали забвению их существование.

Стемнело. На улицах редко показывались одинокие прохожие. Но в трактирах все еще было шумно и многолюдно. В одном из них, расположенном

невдалеке от кафедрального собора, у отдаленной от входа стены сидели Цатур, Семеон и рябой, с красным, словно изгрызенным носом человек, облаченный в лохмотья, еле прикрывавшие его могучую грудь. Рослый, со злыми глазами, Семеон смотрел на его дынеобразную голову и еле сдерживал смех. Перед ними стоял пузатый кувшин, три плоские кружки, лук и хлеб. Говорили вполголоса, словно боялись кого-то.

— Видели, сегодня шахские ханы прибыли в Алидзор? — спросил рябой, быстро моргая живыми глазами.

— Не слепые, видели, — фыркнул Цатур, обдав его лицо запахом вина и лука. — Лакай свое вино, не твое дело, ханы приедут или шахи. Ты все равно всегда будешь икать от голода. Хи-хи-хи!..

— Мы приняли их как незваных гостей, без почестей, — вмешался в разговор Семеон, с хрустом разжевывая сухой лаваш и лук. — Целый день спарапет заставил персов ждать его в ущелье Аракса на солнце. Затем мы провели их по таким местам, что и хан, и Шейх совсем перетрусили. А помните, с каким почетом приняли мы русского посла? Устроили праздник в его честь, семь дней радовались, ели и пили сколько душе угодно… И почему пустили на нашу землю этих предателей персов! — сказал он, стукнув волосатым кулаком по столу. — Не для того мы проливали кровь в Мараге и Варанде, чтобы явился персиянин и снова наложил нам на шею цепи. Я пойду к самому Давид-Беку и выскажу все, что у меня на душе. Пусть он отрежет послам уши и отправит обратно.

— Берегись!.. Как бы он не отрезал твои уши, — засмеялся Цатур.

— А твое какое дело, что ты суешь всюду свой нос? Ты неси свой крест, — почесав затылок, произнес рябой.

— Крест!.. — рассердился Семеон. — Какой крест мы должны нести? Почему нам чествовать персов? Русских чествовать — другое дело, христиане они. Я воевал с русскими против турок.

— Говорят, Бек и Мхитар рассорились из-за персов, — хрипло заметил рябой.

— Что ты несешь? — сказал серьезно Семеон.

— Да, да, клянусь крестом, — побожился рябой. — Они поссорились еще до Мараги. Помните, два персидских хана жили у Бека. Из-за них и из-за того, что Бек отправил в Тавриз посольство, спарапет поссорился с ним. Он требовал выслать ханов и не отправлять посольство.

— Ты заткнешься или нет? — зарычал Семеон.

— Ну что ты рычишь, заставь меня умолкнуть, ну убей, приставь к горлу саблю, — плаксиво произнес рябой, — я рассказываю то, что слышал. Клянусь прахом моего отца, что все так было, как я говорю. Да, поссорились, и Бек прогнал спарапета из своего дома. Тогда он вместе со своими войсками удалился в Варанду. А потом, помните, к спарапету приехала дочь мелика Бархудара — Гоар. Зачем она приезжала? И это знаю. Об этом ее просила супруга спарапета, умоляла, чтобы она поехала и примирила спарапета с Беком. Да простит меня бог, ведь Гоар возлюбленная спарапета. (От любопытства все трое прижались друг к другу носами.) И этой гурии удалось все же помирить спарапета с Беком. Не будь Гоар, на Марагском поле турки, упаси бог, разбили бы Давид-Бека. Да, вот ведь какие дела. Эх… человек не знает, кому верить, а кому — нет.

— Ну и ну… — протянул Цатур.

— Вот тебе «ну и ну» … — подняв чару к желтым зубам, ухмыльнулся рябой. — А теперь шах Тахмаз обхаживает Давид-Бека. Как бы не началась снова грызня между спарапетом и Беком.

— Нет, в шаха верить нельзя, — простонал Семеон. — Нужно крепче хвататься за полу русских. Вот что я вам скажу.

— Думаю, не податься ли мне туда, в страну русских? Может, там наемся вдоволь хлеба, — проговорил рябой. — Говорят, там как у Христа за пазухой.

— Ну, еще бы, — тряхнул головой Семеон, — наешься, как же!.. Был я там, три года колесил по землям этой страны. На русской земле, в городе Архангельске, прогнал меня мой хозяин-ходжа из-за штуки полотна. Чего греха таить, протянул я руку к тому полотну — и поплатился. Три года ходил с

сумой, нет, и там беден народ и разорен. Боярами называют ихних хозяев-богачей, этим живется хорошо, они с мужиками обращаются хуже, чем с собаками. На собак меняют христиан, сердце разрывается, когда видишь голодных, босых мужиков. Ах, господи!..

Умолкли. Слова Семеона произвели тяжелое впечатление. Долго не могли говорить. Наконец рябой сказал:

— Все же подамся туда, христиане они, не турки.

Он перекрестился и встал.

— Добро вам, братья-воины, — сказал он. — Наелся я сегодня вволю. За то, что отнял у вас, бог воздаст вам сторицей. Темно уже, пойду поищу, где приклонить голову… — И пошел, покачиваясь и чему-то посмеиваясь про себя.

Мовсес все время докладывал Давид-Беку о настроении и жизни персидских посланников. Он сообщал, что Тахмаз Кули Надир хан недоволен оказанным ему приемом, чувствует себя оскорбленным и беспрерывно ворчит на то, что его долго держат в Алидзоре и как будто забыли о нем. Дескать, «прошла уже неделя, а Давид-Бек не изъявляет желания принимать меня», — передал Мовсес слова посланника и добавил, что тот возмущен, ругает слуг за то, что они якобы подают ему несвежий хлеб. А Шейх Уль Ислам не разрешает никому из христиан входить в его покои, брезгует нашим хлебом и питается яйцами, купленными им на базаре.

Давид-Бек слушал Мовсеса спокойно, наказывал не придавать значения словам хана.

— А хану передай, — добавил он, — что я не смогу принять его в скором времени, пусть ждет.

— Передам, — обрадовался Мовсес, которого раздражала заносчивость хана.

— Еще что нового? — поднял голову Бек.

— Настоятель Мушского монастыря святого Предтечи с пятьюдесятью всадниками и сорока семьями прибыл в Татев, к епископу, с просьбой выделить ему землю для основания села.

— Это нехорошо, Мовсес. Настоятель поступил глупо. Как можно обезлюдить родные земли? Нехорошо. Как раз этого и хотят турки, чтобы наши земли опустели.

— Отправить их обратно? — спросил Мовсес.

— Кого, мушцев? Нет, теперь уже поздно, пропадут в пути. Пошли человека, пусть он отведет и разместит их в селе Арсеняц. Напиши указ, чтобы предоставили им землю, пастбища, лес и все другие угодья разрушенного села. Пусть мушцы возродят его. Что еще?

— Сегодня вечером в трактире близ церкви святой Богоматери появился какой-то подозрительный нищий. — Бек настороженно посмотрел на Мовсеса, тот поклонился. — Нет, он не турецкий шпион. Бездомный бродяга. Спьяну болтал, будто ты рассорился с Мхитаром из-за персидских ханов. А выпивавший с ним воин жаловался на то, что мы оказываем почести посланнику шаха Тахмаз Кули, вместо того чтобы истребить их. Нищего арестовали. Нужно заткнуть рот бродяге.

— Отпусти, — махнул рукой Бек, — он не виноват, такое было. Пусть идет куда хочет. Что еще?

— Католикос Аствацатур Амаданци преставился.

— Да?! — не то обрадованно, не то удивленно воскликнул Бек. — Царство ему небесное. Что был, что умер — одно и то же. Кого помазали на его место?

— Некоего Карапета Улнеци. Нагаш Акоп, ездивший в Эчмиадзин за червецами[72] и старинными книгами, присутствовал при его миропомазании. Святейший прогнал художника за то, что Акоп высказывал недовольство, почему на выборы не были приглашены сюникский епископ и гандзасарский католикос. «Мятежных и нечестивых арцахцев и сюникцев я своими не считаю», — сказал новопомазанный святейший.

— Да-а, — горько усмехнулся Бек. — Так часто бывает, плохого сменяет худший. Он ставленник турок, добра от него ждать не следует. А наш

---

[72] Червецы — полужесткокрылые насекомые, из которых изготовляли чрезвычайно устойчивую краску.

преосвященный Оваким надеялся, что сам займет престол.

Персидских послов Давид-Бек принял лишь спустя месяц после их приезда. Принял без какой бы то ни было торжественности. Военачальники и мелики были одеты так, словно отправлялись в военный поход. Во время приема присутствовали также старейшины Армянского Собрания, многочисленные сотники, младшие чины, даже простые воины, купцы и духовные лица.

Тахмаз Кули Надир хан, войдя в круглый зал Армянского Собрания в сопровождении Шейх Уль Ислама, двадцати вельмож и несших мешки с подарками персидских воинов, смутился, увидев сидящего в простом кресле, прямо против дверей, Давид-Бека. Хан в первый раз видел этого высокого человека с седыми волосами и седой бородой, чье имя с почтением и со страхом произносили во дворце шахиншаха. Хан низко поклонился Беку. Стоящий возле него Мовсес дал понять, чтобы тот подошел поближе. Хан сделал еще несколько шагов по направлению к Беку. За ним хотел последовать и Шейх Уль Ислам, но Мовсес удержал его за полу…

— Это невежливо, — сказал он по-персидски.

Хан снова отвесил поклон, достал из висящего за поясом золототканого мешочка перевязанное шнурком из крученых золотых нитей и запечатанное большой печатью шахское письмо и, приложив его к устам и ко лбу, протянул Беку.

— Читай сам, — сказал Давид-Бек.

Тахмаз Кули хан растерянно опустил голову и пробормотал:

— Пусть простит меня великий князь за то, что я не умею читать и писать.

В глазах Давид-Бека на мгновение появились насмешливые искорки. Затем он небрежно взял свиток и протянул его Мовсесу. Тот встал возле хана, распечатал и начал читать.

— «Во имя всемогущего и всемилостивого господа. О Али, о Магомет! Власть принадлежит аллаху: он — бог».

В гробовой тишине раздавался приятный бархатный голос Мовсеса, мелики и военачальники слушали, затаив дыхание.

— «…Победоносный шах Тахмаз, царь персидский, — здесь Мовсес притворно кашлянул, затем продолжал: — Мое слово к тебе, храбрый Давид-Бек, и к храбрым военачальникам Армении, которые пребывают с тобою, привет! Кто защитит божье создание — человека, того бог убережет от всяких напастей. О!.. Всевышний аллах, ты более всех велик сердцем и великодушием.

Мой любимый брат, Давид-Бек. (Мовсес снова кашлянул.) Много, много раз нам становилась известна твоя храбрость. Но ныне мы не только слыхали, но и были очевидцами великих дел ваших, которые ты совершил против моего и своего врага. Сегодня ты стал владыкой своей страны, которая некогда принадлежала нам. Ныне, волею аллаха, вручаю эту страну тебе, правь ею нерушимо, из рода в род. Ты будь также владыкой стран, находящихся по ту сторону Аракса, и властвуй над ними по своей воле и по своему разумению. Тебе подчинены не только владыки Кафана и Карабаха, но моей высокой волей я отдаю тебе ваши исконные Баргушат, Нахичеван, Гёкчу и все лежащие между Курой и Араксом страны.

Значит, брат мой, имей серебряный трон, укрась свое чело унизанной жемчугами тиарой и носи золотой перстень с печаткой. По царской воле нашей носи красную обувь и приобрети золоченый жезл, на котором напиши имя и славу рода твоего. Чекань для царства своего монету с твоим изображением. Вместе со щедрыми дарами посылаю тебе хоругвь, а также кованый железный шлем и огнедышащий меч, на устрашение ворогов наших. Пусть падет от твоей руки гиена, жаждущая крови.

Да будет также ведомо тебе, безобманный друг моего чела и моего трона, князь князей Давид хан, что посланные на помощь тебе ханы Хосров и Асламаз Кули наказаны по моему повелению за бегство с поля брани, так как мой царственный отец, да поместит его бог на самом прохладном месте рая, говорил: «Если ты нанес случайно оскорбление твоему другу, спеши просить у

него прощения». Значит, будь великодушен и забудь былое.

Ныне я говорю тебе моими шахскими устами: я уже имею пятьдесят тысяч конных и пеших людей и волею аллаха готовлюсь идти на афганца Мир Махмуда, чтобы изгнать этого разбойника из стольного города моего отца и спасти могилы моих предков. Внимай мне, брат мой Давид хан, и поспеши ко мне со своими войсками, чтобы рука об руку разбить, изгнать неверного смутьяна. И после этого бок о бок, по-братски наслаждаться — ты своей страной, я — своей. Вот мое обращение к тебе, брат мой.

Послание заканчиваю с благополучием. Написал двадцать третьего дня пятого месяца Джувада года Зиан в нашем стольном городе Тавризе. Помни: если твое благословение и милосердие сопутствует нам, вселенная накинет на свои плечи хламиду покорности.

О Магомет! О Али… Слуга небесного царства шах Тахмаз, раб восьми и четырех»[73].

Мовсес закончил чтение шахского послания и, вручив его Беку, попятился к ряду сотников.

В зале облегченно вздохнули. Все смотрели на Бека, сидевшего, как прежде, неподвижно. Тахмаз Кули Надир хан продолжал стоять. Не то забыли, не то намеренно, никто не предложил ему сесть. Еле скрывая обиду, он посмотрел на Бека и, встретясь с его взглядом, снова опустил голову.

— Что еще наказал своему посланнику источник величия шах? — наконец спросил Бек.

— Солнцеподобный послал через меня царские дары тебе и твоей знати, — ответил хан и сделал знак своим.

Из мешков достали трехцветное знамя, похожее на хоругвь.

— Пусть это знамя всегда ведет вас к победе, армяне, — громко произнес хан, встряхнув шелк знамени.

— Аминь, — единодушно ответили сидящие в зале.

---

[73] Намек на двенадцать помощников Магомета.

Шахские подарки оказались действительно щедрыми.

Он прислал Беку и всем его военачальникам драгоценные одежды и по одному арабскому коню. Кроме множества оружия, шлемов, шах прислал Беку также золотую шкатулку, в которой лежали кольцо с голубым алмазом, крупный, красивый яхонт, жемчужные бармы и бриллиант на золотой цепи для ношения на груди.

Когда подарки были розданы военачальникам и они, приняв их, молча стали на свои места, Давид-Бек сказал:

— Пусть попечитель наш небесный воздаст шаху за щедрые подарки, а почтенный хан пусть отдохнет еще три дня, пока я решу со знатными людьми моей страны, кому из четырех звавших меня с моим войском владык мы должны отдать предпочтение — русской императрице, стамбульскому султану, Мир Махмуд шаху или тавризскому шаху Тахмазу?

Сказав это, Бек быстро поднялся и направился в соседнюю комнату. Военачальники, раздвинув свои ряды, пропустили Бека и вслед за ним вышли из зала. Мовсес пошел провожать хана в его покои.

— Персидский лев стал на колени! — весело воскликнул мелик Шафраз, выходя из зала. — Бек положил гордеца на лопатки.

— Это после Мараги, — ответил Тэр-Аветис.

Военачальники ожидали, что Бек соберет старейшин Армянского Собрания для рассмотрения предложения шаха. Но Бек, судя по всему, не намерен был советоваться с ними. Особенно беспокоился спарапет. Какое будет решение Бека? Неужели он согласится и пошлет свои войска на помощь шаху? Неужели? Нет, он не сделает этого. Но ведь Бек не обменялся с ним ни словом о предложении шаха.

Прошли назначенные три дня.

Вновь собрались в том же зале Армянского Собрания. Привели шахских посланников. Они вошли в зал, поклонились Беку и, сложив руки на животе, стали ждать. Старейшины Собрания, военачальники, мелики в торжественной напряженности, затаив дыхание, ждали, пока заговорит Бек. Тот с

невозмутимым спокойствием долго глядел на бахрому разостланного под его ногами ковра и наконец, подняв голову, негромким, но уверенным голосом сказал:

— Мы с радостью и удовольствием приняли посланцев шаха Тахмаза, великий посол…

У хана заблестели глаза. Ряды военачальников беспокойно шевельнулись. Спарапет нахмурил брови. «Неужели Бек решил…» — с горечью подумал он. Но повелительный голос Бека прервал его мысли.

— Военный союз для двух наших государств выгоден особенно сейчас, когда османская гиена подняла свою голову и угрожает нам. Но известно ли великому послу, что мы заключили союз с русской императрицей и обязались объединить наши силы против врагов России? Мы получили также послание Абдулла паши, который обещает воздержаться от военных действий против нашей страны в том случае, если мы не будем ему мешать стать владыкою Персии. Мы отказали Абдулле в сговоре, и результатом отказа явилась Марага.

Бек остановился, тяжело вздохнув. От острой боли в ране у него искривилось лицо, он слегка побледнел. Военачальники забеспокоились. Но Бек решительным движением выпрямил плечи и более внушительным тоном продолжал:

— Наши сердца наполнились радостью, когда мы прочли письмо шаха. Мы готовы вступить с вами в военный союз!..

Посол от радости сделал шаг вперед и низко поклонился Беку.

— О, Давид-Бек хан, во всей вселенной не найти другого такого мудрого властелина, как ты.

Бек не смотрел на своих. Он знал, что радости посла они не разделяют. А спарапет, наверное, услышав его слова, проклинает себя за то, что приехал в Алидзор, и думает вновь покинуть его.

Подняв голову, он посмотрел на сияющего от радости хана и продолжал:

— Мы согласны присоединить свои войска к армии шаха…

В рядах меликов пронесся тревожный шепот.

— Тэр Давид-Бек, — послышался глухой, дрожащий голос спарапета.

Бек, будто, не услышав ни шепота меликов, ни слов спарапета, продолжал:

— Я согласен стать соратником шаха Тахмаза, достойнейший хан… — И, сделав небольшую паузу, прибавил: — Но с условием. Пусть прежде шах Тахмаз со своим войском перейдет Аракс и придет в нашу страну, чтобы помочь нам отвоевать у турок Ереван и Нахичеван. Когда же, по милости божьей, совместными усилиями мы изгоним их из Нахичевана и из Араратской долины, тогда мы двинемся на Исфаган. — И, обратившись к военачальникам, спросил: — Так ли, братья военачальники?

— Так! — с бурной радостью ответили все, и громче всех прозвучал голос спарапета.

Хан мгновенно побледнел, его уста дрожали, колени подгибались.

— Но шах не может оставить у себя в тылу Мир Махмуда и прийти к вам со своим войском, великий князь, — сказал он. — Это опасно для трона.

— А как же могу я, оставив турок у нас в тылу, со своим войском пойти на Исфаган? — ехидно улыбнувшись, сказал Бек. — Ведь это вдвойне опасно. Как только мы покинем нашу страну, турки ворвутся в Сюник и в Тавриз. Это ясно и ребенку.

— Шах мыслит неполезное, достойнейший посол. Или вам неведомо, что воевать против двух врагов невозможно, — вмешался спарапет. — Мир Махмуд сейчас не очень опасен. Он потерял голову в дворцовых распрях. Сейчас опасны нам турки. Надобно покончить сначала с турками, потом двинуться на афганца. Только так можно спасти трон Тахмаза, иначе он вовсе его потеряет.

Послы онемели. Будто не замечая их растерянности, Давид-Бек продолжал:

— Сообщите молельне вселенной — шаху Тахмазу, что я буду ждать его с войском на пограничной черте наших стран, в ущелье Аракс у моста в Джуге. Пусть пожалует к нам, и мы заключим союз вечного братства и двинемся на турок. Вот наш ответ милосердному шаху.

Бек поднялся. Все, даже Шейх Уль Ислам, поняли, что Бек хитро отклонил предложение шаха.

В тот же день Мовсес дал понять персидским послам, что пора им вернуться в свою страну.

До Аракса послов провожал только Есаи с одной сотней.

Под ступенчатым подножием трона, перед полулежащим на дорогих коврах и львиных шкурах шахом Тахмазом стоял Тахмаз Кули Надир хан и рассказывал о результатах своего посольства.

— Армяне нас приняли неохотно, солнцеликий мой шах. «Меня русская царица призывает, — сказал князь армян Давид-Бек. — Я получил послание из Стамбула». Почти целый месяц нас продержали взаперти. Взамен наших щедрых даров он не дал даже пятака твоим погонщикам мулов.

— Что еще? — вставая и пятясь к трону, спросил шах Тахмаз.

— «Я стану соратником шаха только при условии, — сказал он, — если шах во главе своего войска придет в нашу страну, чтобы вместе с нами пойти против засевших в Нахичеване и Ереване турок».

— Я?.. Чтобы я пошел к гяуру-армянину? Унизился? — яростно крикнул шах. — Да как он посмел отвергнуть мое предложение! Гм!.. Понимаю… он хочет поднять меня против турок, услужить русским, облегчить им дело… Понимаю… О!.. Шайтан, шайтан… Откуда у этого гяура столько ума? — Схватив своими костлявыми пальцами хана за ворот, он в бессилии крикнул: — Верблюд! Осел! Не сумел обмануть гяуров? Подкупить меликов?

— О!.. Тень аллаха. О! Милосердный владыка, — опустившись на колени, трепещущим голосом произнес хан. — Это какие-то другие армяне, другие!.. Все обещал, но…

— Убирайся! — прохрипел шах.

Хан торопливо выкатился из зала.

Падающая звезда

Первый снег выпал в конце ноября. Ночью. Проснувшись утром, алидзорцы увидели улицы и крыши домов покрытыми белым саваном. Но уже утренние лучи солнца растопили снег. Стены домов намокли, на улицах появились лужи.

Но ни яркий солнечный день, ни приятная бодрящая свежесть, которую принес с собою первый снег, не радовали алидзорцев. Все уже знали, что здоровье Давид-Бека резко ухудшилось, что открылись его старые раны и что состояние его с каждым днем становится все безнадежнее… Встречаясь на улицах, люди прежде всего спрашивали:

— Как Бек?

— Мало надежды, — следовал ответ.

На базаре, в лавках, на улицах люди разговаривали вполголоса. Женщины, приникнув друг к другу, говорили тревожным шепотом у родников и в церквах. Старухи молились, призывая всемогущего на помощь: «Иисусе Христе, возьми нашу жизнь и отдай ему, пожалей нас». Даже дети и те были охвачены горем. Мовсес, закрыв на время свою школу, день и ночь находился у постели Бека.

Убедившись в неминуемости смерти Давид-Бека, Мхитар пригласил всех меликов и князей в Алидзор. Многие из них приехали со своими женами. В храме святой Богородицы архиерей Ованим справлял по утрам и вечерам молебны.

В доме Бека никто не засыпал. Старый агулисский хирург не отходил от постели больного… Приближенные Бека, с надеждой следившие за каждым шагом знаменитого хирурга, не увидели в его глазах ничего утешительного.

Пополудни в последнюю субботу ноября Бек почувствовал себя лучше. Он велел позвать к себе меликов и военачальников. Мовсес понял: наступают последние часы жизни Бека, он хочет проститься с друзьями и близкими.

Приглашенные молча, обнажив головы, заполнили комнату больного. Возле Бека сидели его двоюродный брат — военачальник Бали, мелик Парсаданян и хирург. В углу у входа, съежившись, стоял Согомон. Бек лежал на широкой деревянной кровати. Седые волосы обнаженной головы небрежно

рассыпались по подушке, руки бессильно лежали на одеяле. Его исхудалое, иссиня-бледное лицо и печальные, но необыкновенно добрые глаза все еще светились благородством и величием.

Когда один за другим все его соратники целовали ему руку, в углах впалого рта больного обозначилась мягкая улыбка.

— Бог призывает меня в свою небесную обитель, — сказал он медленно, когда все уже были возле него. — Пришел мой час расставаться с этим обремененным страданиями миром. Ухожу — довольный всеми вами.

Согомон всхлипнул. Из глаз мелика Егана полились неудержимые слезы. Бек, услышав глухой шум рыданий дорогих ему людей, сказал, чуть приподняв голову и оглядев стоящих:

— Не нужно ни слез, ни рыданий. Не нам плакать. Время проливать слезы миновало. Плачут слабые, бессильные. Мы же теперь сильны, как никогда. Мы оттеснили врагов нашей родины силой своей и единством. Свершилось то, что веками считалось невозможным…

Умолк. Казалось, силы покидают его. Сделав знак, чтобы подали воды, он выпил неторопливо и тихим голосом продолжал:

— Слушайте, дорогие мои! Я позвал вас, чтобы сказать свое последнее слово. Завоеванная кровью свобода не будет долгой, если ослабнет дух борьбы и пошатнется наше единство. Единство — источник всех наших благ, разлад же — источник зла и раздоров, убивающих доброе дело. Помните всегда: наши предки теряли свои царства и свое могущество всякий раз, когда правители народа не ладили между собою, когда исчезали единство и любовь друг к другу. А враги, разделив нас на части, превращали в разоренные и послушные им стада. Ныне вы, с помощью всевышнего, свободны от этого убийственного зла. Находите и беспощадно истребляйте тех, кто попытается заразить вас пороком раскола. Это — первое мое слово. Затем, не верьте льстивым врагам, прикидывающимся друзьями, чтобы ввести вас во искушение. Довольно! Мы слишком часто бывали обмануты льстецами…

Бек снова умолк. Попытался подняться. Спарапет и хирург подложили ему

под спину подушки. Мелики, задержав дыхание, смотрели на него. «Кого он назовет своим преемником?» — думал мелик Бархудар.

— Откройте окно, — попросил Бек. — Вот так! Оставляю вам нашу страну, дорогие мои. Берегите ее, зорко охраняйте ее рубежи. Держитесь крепко за русских. Россия — звезда нашей надежды, армяне… Враги помешали, не дали ей прийти к нам на помощь, но она придет. Не слушайте неразумных, сеющих семена недоверия к России, не упускайте блага. С Персией будьте тверды и неуступчивы. У нее надломлен хребет, она сейчас не опасна для нас. Наш смертельный враг — Стамбул, коварный султан. Это хищник, кровожадный и беспощадный. Если над нашей несчастной нацией, не приведи господь, когда-нибудь еще разразится беда, то знайте: его зачинщик он. Не верьте деспоту, никогда не верьте. Наш народ, горная наша страна — преграда перед ним, на его завоевательном пути на север. Мы помешали турецкому султану идти на Дербент и отвоевать его у русских. Значит, крепко охраняйте наши горы, чтобы они всегда преграждали путь врагу, тогда русские будут рядом с нами. Наступит час, поверьте мне, они придут к нам…

Он глубоко вздохнул, усталым взглядом молча оглядел всех стоящих возле него знакомых и близких ему людей, и по его лицу снова прошла бледная улыбка.

— И перед тем, как уйти от вас, скажу вам, дорогие мои братья, последнюю мою заповедь. Дорожите войском нашим, держите его всегда в готовности. Нам необходимо постоянное войско. Сделайте так, чтобы у нас было двадцать знамен и под каждым знаменем по тысяче воинов постоянной службы, — только тогда наш народ сможет жить и трудиться спокойно. Никогда не распускайте войска. Не робейте перед врагом, покажите ему, что у вас острые когти и твердая воля к свободе…

Голос Бека ослабел, последние слова он произнес с трудом. Дыхание стало тяжелым, прерывистым. Он опустил голову на подушку и закрыл глаза. Мелик Бархудар едва не крикнул: «Скажи, кому завещаешь власть, Давид?!» — но сдержался.

Лекарь попросил всех выйти. Около Бека остались только спарапет и епископ Ованим. А во дворе, казалось, все жители Алидзора и войско тесным кольцом окружили дом Давид-Бека. Они тревожным взглядом смотрели на меликов, один за другим выходивших из дома. Никто не разговаривал. Одни плакали. Другие, опустившись на колени на мокрую землю, молились. В углу просторного балкона, в черных одеяниях, с заплаканными глазами, стояли жены меликов и военачальников. Среди них были Сатеник с Вард-хатун, Гоар с женой и матерью Пхиндз-Артина.

Вечером, когда садилось солнце, из комнаты Бека тихо вышел епископ Ованим. Он простер руки в сторону столпившегося народа и дрожащим голосом громко произнес:

— Плачь, народ армянский! Ты осиротел, твой спаситель и столп страны твоей, Давид-Бек, вознесся в небеси. Пала непоколебимая твердь. Угас огонь надежды нашей.

Ждавшая в безмолвии огромная толпа вдруг застонала, заколыхалась… Тысячи людей опустились на колени. Застонали церковные колокола. Дома опустели. Солнце угасло над Капуйтджигом, и нагорье погрузилось во мрак…

Никогда в Алидзоре не собиралось столько народу.

Несмотря на наступившие холода, из всех сел нагорья, из посадов и городов тысячи людей спешили в Алидзор. Казалось, пришел сюда весь армянский народ, чтобы проводить в последний путь своего великого вождя, попрощаться с человеком, который пронесся как ураган по родной стране и очистил ее ото всех заклятых врагов.

На городской площади, на рынках, в пригородных лесах и ущельях собралось множество народа. Пришли из самых отдаленных гаваров страны, даже с берегов Севана, из Васакашена, Кашатахка, Ордувара. Прибыли воевода Арцаха князь Ованес-Аван, мелик Джраберда Мирза, военачальники Хачена Тархан и Еган, мелик Варанды Багр. Прибыл даже городской голова Шемахи мелик Айтказ и много других знатных людей. Из-за болезни не смог приехать католикос Есаи Асан Джалалян. Он прислал на похороны Бека шесть епископов

и тридцать монахов.

Был мрачный, пасмурный день. Серые низкие облака покрыли все небо. Снег в ущельях растаял, отступив к горным вершинам.

Площадь перед кафедральным собором Алидзора и ведущие к ней узкие улицы были в этот день заполнены толпами людей. Они ждали окончания панихиды в соборе. Начавшаяся на рассвете церемония помазания тела Бека и укладывания в гроб длилась до полудня. Наконец из главных дверей собора потянулся лес хоругвей, факелов, крестов, знамен и икон. Многочисленные иноки в белых церковных рубашках, с непокрытыми головами, напевая заупокойные молитвы, двинулись к площади. Толпа раздвинулась, образовав узкий проход. За иноками шли ученики школы Мовсеса в черных рясах.

Траурное шествие открыли семьдесят священников, кадивших ладаном. Они шли медленным, размеренным шагом, раскачивая металлические кадила и распевая молитвы. Вслед за ними вынесли гроб с телом Бека, окаймленный черными лентами. Его несли высоко на руках Мхитар, князь Ованес-Аван, мелики Бархудар, Тархан, Багр, Шафраз, Тэр-Аветис и сотники Есаи и Товма.

За гробом в подобающих случаю одеждах, расположившись по старшинству, шли двенадцать епископов. Высокую церковную знать возглавлял епископ Оваким. Несколько позади, расположившись также по старшинству, следовало более ста священников в ризах. Четверо из них несли высоко над гробом траурно украшенный балдахин.

Два седых воина несли перед гробом шлем и шапку Бека. Несколько иноков, пятясь, кадили ладаном, направляя благоухающий дым на тело Бека. Монотонной грустью звучали псалмы.

Похоронная процессия, пройдя площадь и несколько узких улиц, подошла к городским воротам, волна за волной вышла из них и направилась к знаменитому монастырю Ваганаванку, в ограде которого покоились цари Сюника.

Алидзорский полк «Опора страны» в боевом снаряжении следовал за траурной процессией. На шапках, на концах копий и ружей воинов были

привязаны черные ленты. Долголетний и единственный слуга Бека, Согомон, вел под уздцы убранного черными парчовыми ремнями высокого коня Бека, над ушами которого колыхались два красных султана, а с подпруги спускались, почти касались земли шесть разноцветных кистей. Казалось, и конь был печален. Время от времени он грустно ржал. На пустом седле он нес лишь золототканый плащ Бека и его черную бурку.

— Мы свою надежду несем хоронить, Товма, — сказал глухим голосом Есаи шедшему рядом спутнику.

— Да, да! — простонал Товма. — Бек был нашей гордостью. Теперь осиротели!..

Колокольный перезвон, доносившийся из сел, расположенных в ущелье, становился все сильнее. Весь Сюник, Арцах, все селенья и деревни страны в этот час оплакивали свою невозвратимую потерю.

Процессию замыкала пехота. Воины шли с непокрытыми головами, медленным шагом, они вели под уздцы двенадцать черных коней, на седлах которых были сложены одежда, оружие, щит, кольчуга и тот меч, который стал символом воинской доблести Бека и великих ратных дел. Каждого коня, держась за его стремена с правой и с левой стороны, вели два воина в черной одежде, с обнаженной грудью. Четыре сотника на красных бархатных подушках несли купельный крест Давид-Бека, перстень, подаренный католикосом Гандзасара, ленты и рыцарские регалии, полученные от грузинских царей за воинские заслуги.

Среди воинов, ведших коней, находились также ученики Нагаша и Агарон. Роскошь похоронной процессии наполнила сердце юного Агарона страхом. Все было настолько величественно, что он время от времени невольно крестился.

Громче всех раздавался душераздирающий плач Зарманд. Она неистово била обеими руками по своему окровавленному лицу, по голове. Раздирали себе лица и сопровождающие ее крестьянки. От их безудержных воплей и криков, многократно повторяющихся громким эхом, гремело ущелье. Казалось, вместе с ними скорбит вся горная страна, одетая в увядшие цвета поздней

осени.

Когда траурная процессия вышла из ущелья и достигла небольшой равнины, Зарманд и окружавшие ее плакальщицы вдруг распустили свои длинные полотняные пояса и, выйдя вперед, затеяли странную пляску. Они делали какие-то безумные движения, раздирали груди, били себя по голове и истошно кричали:

Исторгни пламя, Арамазд,

Кровь жертвы твоей прими к сердцу.

К ним присоединились десятки крестьянок ближних деревень. Рыдания, неистовый пляс и вопли огромной толпы женщин ошеломили всех. Даже пожилые крестьяне и воины оцепенели от ужаса. Женщины кружились как вихрь, беспрестанно били себя в грудь, царапали лица и повторяли охрипшими голосами:

Дэв Арамазд,

Безумный Арамазд!..

Ужас охватил всех. Испуганное духовенство прекратило свои псалмы. Монахи, растерявшись, не знали, что предпринять. Смятение охватило и епископов.

— Язычники! — гневно взревел епископ Оваким и, подняв посох, подошел к Мхитару. — Видишь? — укоризненно спросил он.

— Успокойся, преосвященный, — ответил тихо Мхитар.

— Язычник подымает голову, а я должен умолкнуть и терпеть? — разгневался старец.

— Но сейчас не время размахивать посохом над язычниками, преосвященный, будь благоразумен, сделай вид, что не замечаешь. И пусть каждый по-своему почтит память усопшего.

Старец в бессилии умолк. От бешенства у него нервно тряслась борода. Тем временем женщины, взявшись за руки, продолжали траурную пляску, выражая свою великую скорбь. Религиозный экстаз плакальщиц вскоре заразил и мужчин. Сначала крестьяне, затем многие из воинов, среди которых были

Цатур, Семеон, Вецки Маргар, выскочили из рядов и, ворвавшись в кольцо женщин, пустились в языческий пляс. Они выражали свою скорбь еще более дикими криками и движениями. Они рычали, как взбешенные быки, хватая руками землю, посыпали себе головы, рвали бороды, били камнями в грудь. Окровавленные, они бросались на землю перед гробом и, снова посыпая землей головы, кричали:

Бери, бери плату за кровь,

Черный Арамазд, дэв Арамазд!..

Этот ужасный языческий обычай траурного шествия, к счастью, длился недолго. Монахи уже готовились напасть на нарушителей церковного обряда. И Мхитар уже был бессилен сдержать гнев епископа Овакима, который, размахивая посохом, кричал:

— Гоните лукавого… Язычник снова поднял голову. Проклятый бес, преследуйте его…

Закончив свой обряд, язычники, окровавленные, изодранные, тяжело дыша и испуская стоны, вновь присоединились к шествию. Никто из них не вытирал кровь с лица и груди, не стряхивал грязь с одежды. И их все еще горящие от экстаза глаза и омытые кровью лица внушали ужас. Умолк и Ованим. Священники начали заупокойную молитву Маштоца. Крестьяне смотрели со злорадством, ведь они уже совершили свой ритуал, от которого они были насильно отрешены уже многие столетия, но следы которого сохранялись еще в затерявшихся в скалах и темных лесах деревнях.

Солнце клонилось к закату, когда траурная процессия достигла Ваганаванка. Купол монастыря был наполовину разрушен. На уцелевшей части все еще высился медный крест, который собственноручно водрузил на храм в 1293 году епископ-летописец Степанос Орбелян.

В ограде монастыря стояли крестообразные надгробные камни на могилах царей Сюника. Трава вокруг них завяла. Земля осела, и многие из них покосились. Однако высеченные на них надписи, покрытые зеленым слоем мха, сохранились.

У могилы царя Смбата была вырыта яма, которая должна была принять останки Давид-Бека — великого создателя новой государственности армян. Два могильщика-крестьянина стояли с лопатами в руках возле горки черной земли и печально смотрели на вырытую ими яму. Недалеко от ямы рос куст шиповника, на хилых ветках которого сохранилось лишь несколько зеленых листьев.

Разноголосый хор священников и иноков еще раз пропел заупокойную Маштоца, затем несущие на руках гроб Давид-Бека остановились на паперти храма. Инок Мовсес громко произнес:

— «Отверзните мне врата!..»

Двери Ваганаванка медленно открылись, и процессия вошла в храм. Здесь у восточной стены, на месте сошествия, был приготовлен высокий, обитый черным бархатом постамент со ступенями. Бережные руки близких Беку военачальников и меликов опустили гроб. По обе стороны постамента стояли большие и малые серебряные подсвечники с зажженными восковыми свечами. На грудь усопшего положили старинное евангелие.

Отслужив панихиду, боевые соратники Бека вынесли гроб с его телом и поставили возле вырытой ямы. Скопившийся на отлоге горы и в примыкавших к храму ущельях народ в немом молчании следил за погребальной церемонией. Лучи осеннего солнца, постепенно прорвав серое облачное покрывало небес, озарили ярким светом, разрушенный купол Ваганаванка, надгробные камни и серые ветви свисавшего над бездной инжирного дерева. Несколько лучей упало на застывшее, мраморное лицо Давид-Бека. Людям показалось, что навек закрытые глаза их любимца излучили свет.

Послышался глухой старческий голос епископа Овакима, совершающего похоронный обряд. Толпа с обнаженными головами плотно окружила могилу, раздался истерический плач женщин.

— Горе нам, братья, великое горе. Неужели мы отдадим земле нашу надежду и спасителя нашего? — неожиданно крикнул спарапет и повалился наземь к гробу…

Когда он встал, лицо его было грозно. Подняв высоко голову, он

громовым, решительным голосом произнес:

— Клянемся перед твоим святым прахом, звезда нашей судьбы Давид-Бек, что до последнего нашего дыхания будем бороться за спасение страны нашей. Клянемся!..

— Клянемся!.. — воскликнули все, и ущелье загремело от десятков тысяч голосов.

— Что ни один чужестранец не приблизится к твоей святой для нас могиле, Давид! Клянемся!

— Клянемся!..

Гроб опустили в яму.

Раздался пушечный залп из Алидзора. Вслед за ним еще один прощальный залп дал стрелковый полк. Епископ Ованим освятил землю могилы и накрест посыпал ею гроб. Все знамена склонились. Печально звучали псалмы.

Ушел в небытие Давид-Бек. Ушел, выполнив великую клятву. Он открыл своему народу дорогу к свободе. Ушел с надеждой в душе, что наслаждающаяся плодами независимости и мира частичка армян и преданные общему делу и исполненные единой воли военачальники и мелики продолжат и завершат его дело.

Когда с наступлением вечерней мглы народ покидал кладбище, вдруг удивительно яркая звезда сорвалась и, оставляя на темной синеве неба огненную линию, упала на зубчатые силуэты Капуйтджига.

Прошло две недели со дня похорон Давид-Бека, однако мелики, в ожидании новых событий, все еще оставались в Алидзоре. Предстояло избрание нового Верховного властителя. Недовольные спарапетом старейшины по ночам тайно навещали друг друга с целью угадать намерение другого. Ждали, пока спарапет созовет совет.

Но велико было их удивление, когда спарапет, собрав всех, неожиданно попросил немедленно отправиться в пограничные крепости, разместить войска в западных гаварах.

— В такую стужу турок не решится приблизиться к нашим горным

перевалам, тэр спарапет. Какая необходимость выводить войска из зимних стоянок? — попробовал возразить мелик Бархудар.

— Решится! — сказал спарапет. — Весть о смерти Бека, несомненно, обрадовала Абдуллу. Он воспользуется тем, что мы подавлены великой потерей, и появится неожиданно на наших перевалах. Нужно держать в готовности войско на рубежах страны.

И он потребовал исполнить его волю.

Мелики вынуждены были покориться. Они готовились к отъезду, но никто еще не успел покинуть города, как поступил письменный указ Мхитара, которым он требовал от меликов отныне платить войскам жалованье из личных средств. Это уже было совершенно не по душе меликам, и они пошли жаловаться Тэр-Аветису.

— Мхитар наступает нам на горло! — в бессильной злобе восклицали они. — Испокон веков мы платили войску из казны. Почему же теперь он хочет ограбить нас, оставить без гроша?

— Держите языки за зубами, лучше будет, — сказал мрачно Тэр-Аветис. — Если вода не будет течь, — завоняет.

Мелики не поняли, на что намекает тысяцкий. Они продолжали выражать свое недовольство друг другу, но от самого спарапета скрывали накопившуюся в сердцах обиду. Роптали, что он самовольничает, не созывает Верховного Собрания, не спрашивает их мнения. Затаенная издавна вражда против него вновь подняла голову. Особенно недовольны были потомственные мелики. Сегодня спарапет гонит их из Алидзора, заставляет раскошелиться, а завтра, как знать, до какой беды он их доведет. Больше всех возмущался мелик Бархудар. Он не мог спокойно наблюдать за тем, как спарапет стремится стать Верховным властителем. Не Мхитар, сын рамика, должен возглавить страну, а, скажем, Тэр-Аветис, ведущий свою родословную от великого Проша, или князь Ованес-Аван, или почему бы на этом месте не быть ему самому?

Но свою желчь Бархудар изливал лишь перед сыном — сотником Миграном. Он опасался раньше времени открывать свои тайные замыслы. Ведь

Верховного властителя должно избрать Великое Армянское Собрание. А они… Ах это Собрание… Войско и народ сгрудятся и будут кричать: «Мы хотим властителем Мхитара!..» Что ты можешь поделать, кому заткнешь рот? Военачальники и мелики также, нет сомнения, присоединятся к спарапету, а его, Бархудара, задушат в собственном замке. Кто придет ему на помощь? Батали Султан хан, который боится даже собственной тени, или же едва удерживающийся на собственном шатающемся троне шах Тахмаз? Никто. И Бархудар чувствовал себя одиноким.

А тем временем спарапет выдвигал перед меликами одно за другим всё новые требования. Хотя он видел, что внешне мелики одобряют его действия, но чувствовал, что некоторые из них, особенно Бархудар и агулисский городской старшина Муси, преисполнены вражды к нему.

Мелики со своими войсками покинули Алидзор. Задержался только мелик Муси, который по просьбе Мхитара, отправив свои войска, остался в Алидзоре, чтобы посоветоваться со спарапетом по торговым делам. Спустя несколько дней Мхитар вывел из города и отправил в ущелье Вайоц и Алидзорский полк «Опора страны».

Город остался без войска.

Но Мхитар заранее продумал свои действия. Он хорошо знал, что недовольные им мелики могут сговориться и, воспользовавшись удобным случаем, ворваться в оставшийся без войска Алидзор и учинить там расправу.

Втайне ото всех, даже от тысяцкого Тэр-Аветиса, он готовился подавить возможный мятеж. С этой целью он тайно отправился во дворец Пхиндз-Артина. Отослав самого Артина надолго в Шемаху по торговым делам, Мхитар поселился в доме оружейного мастера Врданеса и его подручного Владимира Хлеба. В оружейной мастерской, на медных рудниках и в плавильнях Пхндзакара работало уже более трехсот рабочих. Мхитар тайно вооружил их захваченным в Мараге оружием, разделил людей на десятки и поставил под начальство Врданеса.

— Будь в любой день и час готовым по моему приказу явиться в

Алидзор, — строго предупредил он Врданеса. — Нависает опасность, и беда может нагрянуть неожиданно и в любое время.

Но и это было не все, что предпринял Мхитар.

Существовала еще большая группа людей, силу и возможности которых до сих пор не приходило никому в голову использовать. Это — городское население Алидзора: красильщики, кожевники, кузнецы, гончары, люди других ремесел и масса мелких торговцев, которых становилось с каждым днем все больше и больше в этом новооснованном городе.

Спарапет решил привлечь на свою сторону и эту силу. Пригласив к себе старост ремесленных общин, сказал:

— Нашим знатным меликам не по душе рост и обогащение вашего города. Подумайте, братья, о вашей безопасности.

И недовольные меликами горожане охотно согласились вооружиться и быть готовыми ко всякой неожиданности. Чтобы упрочить свою связь с горожанами, Мхитар пообещал способствовать процветанию ремесел, уменьшить налоги и раздать оружие тем, кто его не имеет. Затем, с согласия горожан назначив над ними военачальником инока Мовсеса, велел ему немедля и тайно вооружить, и обучить людей.

Только после благополучного разрешения этих своих планов Мхитар почувствовал себя в безопасности. Между тем неосведомленные враги спарапета радовались, что он удалил из Алидзора все войско, и энергично продолжали действовать.

Спокойствие Мхигара и тайные действия его врагов серьезно беспокоили инока Мовсеса. Как-то раз он сказал Мхитару:

— Не намерен ли ты вернуть войско в Алидзор, тэр спарапет?

— Что, зреет мятеж? — мрачно спросил Мхитар.

— Какой мятеж? — побледнел Мовсес. — Я этого не знаю, не дай бог. Но хочу сказать, что близится день созыва Армянского Собрания. Могут…

— Не избрать меня Верховным властителем, — продолжил его мысль Мхитар. — В этом твое сомнение? Может случиться. Ну и что? У армянского

народа немало мудрых полководцев.

— Не говори, тэр спарапет. Каждый хорош на своем месте. Чую недоброе, не могу не высказать его. Мелик Муси три раза тайно посетил Тэр-Аветиса.

— О чем они говорили? — стал серьезнее Мхитар.

— Моему слуге не удалось подслушать их беседу.

— Ты велел обезглавить его? — гневно спросил Мхитар.

— Кого? Слугу? Боже упаси, — ответил испуганно Мовсес. — Он верный человек. Подозрение грызет душу. Предчувствую подлое. На рынке какой-то бакалейщик проговорился, будто бы епископ Оваким, мелик Муси и, не верится мне, Тэр-Аветис не желают тебя Верховным властителем.

— А народ хочет?

— Народ на твоей стороне и войско — тоже, но…

— Подозревать Тэр-Аветиса я запрещаю, — решительно произнес Мхитар. — Но не удивлюсь, если этот беззубый Оваким предаст меня даже туркам. Также и мелик Муси. Да и кто я для них?.. — воскликнул он. — Сын безземельного рамика, раба… В моих жилах не течет кровь сюникских царей. Я не выходец из рода Орбелянов, как епископ Оваким. Не дворянин и не княжеский отпрыск. Раб я, рамик…

— Не говори, тэр спарапет, — умолял Мовсес дрожащим голосом. — Гнев твой неуместен, приди в себя, могут услышать.

— Пусть слышат и узнают истину. Пусть народ и войско, пусть знают все…

— Может быть, ты вернешь в Алидзор полк «Опора страны», может, призовешь мелика Багра или хотя бы Дзагедзорский полк? — посоветовал Мовсес. — Это испугает злоумышленников, и они примолкнут. У нас мало сил.

— Отозвать войско и перед турками открыть ворота в нашу страну? Рехнулся ты, что ли? — произнес Мхитар, раздраженно расстегнув кафтан. Но затем, успокоившись немного, мирно произнес: — Иди, делай свои дела, навостри ухо. Будь осторожен, надлежаще вооружи ремесленников и не подавай никому виду, что знаешь уловки недругов.

Мовсес удалился. Долго Мхитар не мог успокоиться. Больше всего он вознегодовал против мелика Муси. Как бы он хотел притащить его на площадь и обезглавить, но этого сделать было нельзя, ибо такой поступок нанес бы тяжелый удар по единству, дал бы повод другим недовольным меликам размежеваться и действовать против него. У мелика Муси есть защитники и единомышленники. Его дядя — городской голова Шемахи. Он запретит доступ в свой город сюникским купцам. Откажет в продаже оружия и пороха. А Тэр-Аветис? Нет, подозревать его не следует. Пусть встречается с Муси, в этом нет ничего предосудительного. Возможно, он тоже хочет вызнать у мятежника его намерения? Да, видимо, начинается неизбежное. Нужно только быть хладнокровным, не спешить, схватить врага в тот момент, когда он пожелает выйти из логова вместе со своими приверженцами и покажет свою гнусную рожу…

Только тогда.

И Мхитар был убежден, что это время не за горами…

До созыва Армянского Собрания оставалась лишь одна неделя.

Алидзор готовился к выборам Верховного властителя. Ходили темные слухи, нарастали кривотолки. Мовсес приносил тревожные вести, что мелик Муси уже долгое время держит у себя сына мелика Бархудара — Миграна, что он не перестает посещать тайно Тэр-Аветиса. Но Мовсес сообщал и радостное, то, что алидзорцы твердо стоят за Мхитара.

Ночью перед воскресеньем, когда Мхитар задумчиво шагал в своей комнате, дверь тихо открылась, и несмело вошел Горги Младший. Спарапет удивленно повернулся к нему.

— Тэр мой, она хочет видеть тебя, — прошептал телохранитель.

— Кто? — спросил Мхитар, предчувствуя неприятное.

— Гоар.

— С-сс! — спарапет приложил руку к губам и тревожно посмотрел на завешенную тяжелыми шторами дверь в глубине комнаты, которая вела в покои его жены, Давида и Цамам. Он знал, что Сатеник еще не спит. Затем, на

цыпочках подойдя к Горги, шепнул: — Скажи — не время, пусть удалится.

— Но она уже здесь, за твоими дверями.

— Боже мой… — растерянно произнес Мхитар и снова взглянул на дверь в комнату жены. — Скажи, пусть удалится, пусть… — Но он не успел договорить. Через плечо Горги он заметил стоявшую в дверях Гоар и вздрогнул, подобно жертве, увидевшей своего палача.

— Успокойся, — поспешила предупредить Гоар. — Не чувство привело меня сюда. Оно убито твоей рукой. Я приехала предупредить спарапета. Великая опасность угрожает тебе, Мхитар. И ты не волен не выслушать меня…

Брови Мхитара насупились, рука невольно сжалась в кулак. Забыв о существовании соседней комнаты, он пристально смотрел на Гоар, переодевшуюся старушкой.

— Заговор? — спросил он наконец.

— Да.

— Говори.

Шторы на двери смежной комнаты еле заметно заколебались, однако ни Мхитар, у которого все потемнело в глазах, ни задыхающаяся от волнения Гоар не заметили этого. Лишь Горги понял, что кто-то подкрался к шторам. Он хотел предупредить своего повелителя, но, подумав, что там может находиться лишь Сатеник, успокоился.

— Недоброе затевают против тебя мелик Муси и брат вероотступника Давида Татевского, монах Гарегин, — взволнованно сказала Гоар, не глядя на Мхитара. — Заговорщики хотели привлечь на свою сторону моего отца и брата, но это им не удалось. Они не смогли также сделать своим соучастником и Тэр-Аветиса.

— А почему твой отец и брат или Тэр-Аветис не сообщили мне об этом? — спросил Мхитар.

— Мелик Муси не решился предлагать им открыто, — ответила Гоар. — Проверь сам. Но знай: он вызвал из Агулиса свой полк, который сегодня утром должен быть здесь. Святой отец Гарегин также снарядил тысячу своих людей…

Они идут из Татева… Заговорщики решили расправиться с тобой… Боже мой, ну что же ты стоишь как вкопанный, Мхитар! Опаздываешь, спеши!..

— Да, поторопись, пока не поздно, — послышался голос Сатеник. Шторы отодвинулись, и она вошла в комнату. — Я слышала, Гоар, — сказала она с волнением. — И рада, что у тебя в груди бьется благородное сердце. Торопись, Мхитар, пока еще не поздно. У тебя нет здесь войска, ты одинок. Пока твой полк прибудет из Шахапуника, они… О милостивый господь! Мои дети!.. Торопись, собери друзей своих, предупреди мятеж. — Сатеник требовательно посмотрела на мужа. Казалось, что и она сама готова тотчас же броситься на любое опасное для жизни дело.

— Спеши, тэр спарапет, — более спокойным, но умоляющим голосом сказала Гоар. — Уезжай в Дзагедзор или в Пхндзакар, спасай свою жизнь…

Между тем, к удивлению, Гоар и Сатеник, Мхитар, казалось, и не реагировал на тревожные вести. Он был спокоен и хладнокровен, на его лице застыла ироническая улыбка.

— Пошлем гонца в Мегри, за военачальником Константином, — посоветовал Горги Младший.

— Поздно, — наконец вымолвил спарапет.

— О боже! — вскричала Сатеник. — Покарай нас. Неужели мы сами губим свое счастье? Нет, не покидай Алидзора, Мхитар. Пусть свершится воля всевышнего. У тебя достаточно мужества встретить врага здесь, прикажи закрыть городские ворота. Будем сражаться.

— Но только без паники, — сказал спокойно Мхитар. — Идите к себе и ждите конца горестных событий.

Горги Младший помчался во владение Пхиндз-Артина, чтобы сообщить оружейнику Врданесу о случившемся. Мхитар же вызвал Мовсеса. Узнав о заговоре, он возмутился, но не потерял присутствия духа, поспешил в город поднимать своих людей.

Спарапет велел всем, кто находился у него дома, вооружаться. Агарон сокрушался, что его «полк юных» остался в Дзагедзоре. Ах, если бы ребята

были здесь! Он, как тень, неотступно следовал за отцом. Предстоящее «дело» воодушевляло юношу.

Взяв с собой сына и четырех своих телохранителей, Мхитар под покровом темноты отправился в дом, где жил мелик Муси. У входа в покои мелика они бесшумно сняли стража и, зарядив пистолеты, открыли дверь в комнату мелика.

Муси сидел на тахте с непокрытой головой. При свете трехсвечового подсвечника лысина его блестела. Увидев спарапета и направленные на него пистолеты, мелик в испуге грохнулся на пол. Тяжелый каблук спарапета тут же наступил Муси на руку.

— По какой дороге идет твое войско?

— Пощади меня, псом твоим стану! — завопил Муси. Он понял, что рухнуло все, обмануть уже не удастся. Кто же предал?

— Говори, подлый изменник, по какой дороге идет твое войско? — прокричал спарапет. — Отвечай, если хочешь жить… — Холодное дуло пистолета коснулось виска лежащего на полу Муси. — Ну?

— Скажу, тэр спарапет, псом твоим стану, — целуя сапоги Мхитара, говорил Муси. — Только поклянись, что не убьешь меня, поклянись! Виновен я, нечестивый святой отец Гарегин сбил с пути истинного меня, осла такого. Рабом твоим стану, пощади, поклянись, что пощадишь?

— Клянусь святой гробницей Давид-Бека, — произнес спарапет.

Несколько успокоившегося, но все еще дрожащего мелика Муси посадили на тахту.

— Войско направляется по дороге из Чавндура, — наконец заклацал зубами Муси. — Три тысячи человек. Сейчас они, должно быть, подходят к реке Вохчи. Я так велел.

— Они знают, зачем идут в Алидзор?

— Знают сотники.

— Назови их.

— Мирза, Черный Акоп, Севум, Барсег. Они — соучастники, а войско —

нет. Ах! Ах! Что за бес попутал! Ах! Святой отец Оваким…

«Нужно немедля арестовать сотников, а войско задержать у реки Вохчи, — мгновенно решил спарапет. — Медлить нельзя». Мхитар потребовал чернила и бумагу.

Еле сдерживая дрожь руки, мелик Муси стал писать под диктовку Мхитара: «Наши дела идут хорошо, дорогие мои. Отправляюсь к Пхиндз-Артину, он также с нами. Оставьте войско у реки Вохчи, а сами приезжайте поскорее ко мне на совещание. Спешите».

Муси подписал, запечатал письмо большой родовой печатью и вручил спарапету. Тот велел снарядить двух гонцов: одного отправить с письмом Муси к его сотникам, а другого в замок Пхиндз-Артина с приказом оружейнику Врданесу обезоружить сотников и, заковав их в цепи, привезти в Алидзор.

Мелика Муси заключили в тюрьму. Затем спарапет велел арестовать и святого отца Гарегина. С него сорвали монашескую одежду, остригли бороду и под пыткой заставили назвать имена всех его соучастников. Затем арестовали и их.

Еще не рассвело, когда Мовсес выстроил вооруженных ремесленников перед дворцом Армянского Собрания. Разгневанная толпа мастеровых была готова выполнить любое приказание спарапета. Мхитар велел им идти навстречу движущимся из Татева мятежным воинам и разоружить их.

Город проснулся раньше обычного от топота конских копыт и шума снующих воинов. Народ потянулся к площади. Оружейники Врданес и Владимир Хлеб привели в Алидзор свой отряд. Они вели четырех избитых агулисских сотников; в полдень доставили в Алидзор и обезоруженных, привязанных друг к другу веревками монастырских воинов.

На площади против церкви соорудили виселицы. Ополченцы Врданеса и Мовсеса оцепили площадь. На вороном коне, в доспехах и в сопровождении телохранителей, прибыл спарапет Мхитар. Он был мрачен. Не сходя с коня, остановился перед церковью, снял шлем и, перекрестив лицо широким жестом, громко произнес:

— Алидзорцы! Среди нас нашлись люди, которые, оскорбив святую могилу Давид-Бека, изменили его святому делу. Они продались османским пашам и готовили заговор против Армянского Собрания и против нашей страны.

— Проклятие! Проклятие! — зарычала толпа.

— Они задумали отдать нашу страну туркам.

— У-у… — загудела площадь.

— Стремились к власти, к почету.

— Теперь они их получат, тэр спарапет! Воздай им.

— Если бы благодаря милости всевышнего их заговор не был раскрыт, они тайно привели бы турок в Алидзор. Изменники не должны жить на нашей земле.

— Смерть, смерть!

Спарапет подал рукой знак. Затрубили трубы. Воины погнали заговорщиков к виселицам. Их тут же в присутствии народа стали допрашивать. Упорствующих избивали. Когда привели монаха Гарегина, вся площадь в ужасе на минуту окаменела. Избитый, окровавленный, без бороды, он еле стоял на ногах. Однако держался спокойно и, непрерывно осеняя себя крестным знамением, отвечал на все вопросы.

Чувство отвращения вызывал мелик Муси, который, лежа на земле, ползал то к ногам Мхитара, умоляя его о пощаде, то к Врданесу, который безжалостно хлестал его.

Допрос заговорщиков продолжался до вечера.

Первым на подмостки виселицы подняли монаха Гарегина. Когда ему на шею надевали петлю, он крикнул:

— Я достоин этого, братья. Молитесь о спасении моей души, — и собственноручно поправил на шее веревку.

Затем одного за другим повесили агулисских сотников. Мелик Муси в беспамятстве лежал у ног сидевшего на высокой скамье спарапета. Когда к нему подошел палач, чтобы подтащить его к виселице, Горги Младший что-то

шепнул ему на ухо. Палач привел мелика в чувство, уложил ничком на щебень и, нанеся двадцать пять ударов прутьями, уволок Муси в тюрьму. Не избежали кары и монастырские воины. Они разделили участь Муси.

Спустя два дня из Татева пришла весть о скоропостижной кончине епископа Овакима. Спарапет отказался сам и запретил своим людям ехать на похороны.

Ночью, взяв с собой Горги Младшего и палача, Мхитар навестил мелика Муси в городской тюрьме. Агулисский богач, сжавшись в углу сырого подвала, дрожал от холода и от страха. В клятву спарапета он не верил. Какой властитель исполняет свои обещания?

— Я исполню свое обещание лишь в том случае, если ты признаешься в одном, собака, — став над головой мелика, произнес спарапет. — Скажи, ты бывал в доме Тэр-Аветиса?

Горги держал высоко в руке горящий факел. Палач стоял у двери с топором в руках в ожидании приказа спарапета. Муси зарыдал охрипшим голосом. На его лице и распухших губах виднелись следы побоев и крови.

— Нет, нет! — затряс он головой. — Тэр-Аветис не был с нами. Если бы он согласился со мной, теперь бы ты был в цепях, на моем месте, тэр спарапет. Не подозревай своего верного друга. Я не сообщал ему своего намерения, не доверял ему…

— А был ты у него?

— Был.

— Сколько раз?

— Три раза, ночью.

«Правду говорит», — подумал Мхитар, вспомнив слова Гоар. Затем он заставил мелика рассказать о подробностях его беседы с Тэр-Аветисом. Муси поклялся, что Тэр-Аветис не был соучастником задуманного им и монахом Гарегином заговора.

— Нет, он не изменник, милосердный тэр, не верь никому, кто скажет другое, не верь. Ни он, ни сотник Мигран, ни Бархудар, ни один из них не был с

нами. Я уговаривал их склонить тебя к миру с турками, к тому, чтобы ты согласился стать подданным султана, закончить эту кровопролитную и безнадежную войну.

— Это ты мог сказать мне самому, — прервал Мхитар.

— Ты жестокий и упрямый человек, тэр спарапет, ты подозреваешь даже близких, а меня мог принять за подкупленного султаном человека. Я боялся тебя. С Тэр-Аветисом говорил только об этом. Больше ни о чем. Свидетель господь.

Спарапет вздохнул облегченно. Он был рад, что его долголетний друг и соратник Тэр-Аветис не связан с заговорщиками.

— И теперь ты посоветовал бы мне идти на поклон к султану, покориться ему? — спросил он.

— Да, тэр мой, — не сразу ответил мелик. — Пойми, Мхитар, у нас нет другого выхода. Турки сильнее нас. Не сегодня-завтра они добьются своего. Напрасно мы упорствуем, надо покориться, чтобы жить.

— Покорение спасет только тебя и твою казну. А народ обречет на гибель. Ты купец и думаешь только о спасении своей шкуры и своего богатства. А народ, наш народ, может выжить, только отстаивая свою независимость, только объединив силы, чтобы противиться врагу. Другого пути нет.

Спарапет вышел из камеры. Он приказал тюремщику больше не пытать мелика. Облегчить его положение, а также давать ему раз в день горячую пищу.

После его ухода тюремщик и палач пожали плечами и удивленно переглянулись.

По крутым перевалам и снежным дорогам горкой страны в Алидзор съезжались богатые и мелкопоместные мелики, старшины городов и военачальники. Долгожданное Армянское Собрание было назначено на середину зимы. Приехали многочисленные купцы, главы ремесленных общин. Кроме того, каждое село послало в Алидзор по одному из десяти мужчин в качестве своих представителей в Армянском Собрании. Таким же правом представительства пользовались и войска.

На площади Алидзора все еще стояли столбы виселиц, на которых продолжали раскачиваться трупы заговорщиков. Перед старейшинами Армянского Собрания Мхитар сказал:

— Изменники понесли достойную кару. Только мелик Муси оставлен на ваш суд.

— Ты должен был повесить и его вместе с монахом Гарегином, — сказал гневно Ованес-Аван, не скрывая своего возмущения.

— Я не могу превысить свои права, — ответил спарапет. — Мелик Муси член Совета старейшин Армянского Собрания, племянник могучего и богатого шемахинского паронтэра и сам паронтэр Агулиса и наследственный мелик. Судьбу его решайте сами.

— Он должен быть повешен, — заметил кривошеий мелик Бали. — Вон столбы еще стоят, и не поздно.

— Не горячись, шурин мой. Куда мы придем, если без конца будем вешать людей? — стремясь сдержать возмущение, произнес Тэр-Аветис.

Мхитар встревожился: неужели он, уверенный в непричастности Тэр-Аветиса к заговору, ошибается? Неужели эта подлая тварь Муси обманул его? Иначе почему же Тэр-Аветис встает на защиту предателя? Мхитар посмотрел на своего друга, пытаясь уловить его взгляд.

— Сегодня же нужно повесить предателя, — продолжал разгневанный Бали. — Вы забыли его первую измену? Не он ли коварно убил моего отца?

— Тебя ослепила жажда мести, — снова упрекнул Тэр-Аветис. — Что Муси не ангел небесный, мы все знаем. Он прожужжал мне уши своими настойчивыми советами покориться турку и сложить оружие. Но это его заблуждение. Надеюсь, со временем поймет, исправится. Он совершил тяжкое преступление, это верно. Но мы не должны поколебать основы единства, на которых стоит наша страна.

— Значит, простить, миловать преступника? — не уступал Бали.

— Да, простить, сохранить ему жизнь и на этот раз, но строго наказать, взыскать крупный штраф.

Тэр-Аветис не смотрел на спарапета. Был недоволен им. Если спарапет уверен в предательстве Муси, почему же он не повесил его? Кого он боится? Не скрывает ли он от него свою истинную цель? Подумав об этом с неприязнью, он сказал:

— Пусть сам спарапет решит судьбу мелика Муси. Я буду согласен с ним. Должна же воля кого-то одного быть для нас непреклонной. Это должна быть воля спарапета.

Мхитар облегченно вздохнул. Нет, Тэр-Аветис дорожит нашим единством, только потому хочет, чтобы пощадили мелика.

Мелика Муси привели из тюрьмы, снова допросили, даже избили перед старейшинами и, наложив на него большой штраф и лишив прав военачальника, заставили поклясться на евангелии в своей верности.

Его оставили в Алидзоре.

Армянское Собрание проходило на большой площади Алидзора. Мелики и военачальники со своими свитами и знаменами заняли место перед кафедральной церковью, а представители гаваров и воинских стоянок столпились на площади. Отряды Мовсеса и Врданеса окружили территорию Собрания. Народ умолк.

Старейший из старейших мелик Багр поднял знамя Давид-Бека, все еще окаймленное траурной лентой, и крикнул удивительно звонким голосом:

— Слушай, о скорбящий народ армянский, дом твой был в трауре. Но настал день, когда ты, народ гайкский, почтив достойно память своего великого сына, должен сбросить траур.

Он опустил знамя. Трое воинов в черных одеждах сорвали со знамени черные ленты.

— Пусть здравствует Дом Армянский! — раздались громкие голоса среди войска и народа.

— Пусть здравствует! — загремела площадь.

— Пришло время выбрать преемника Давид-Бека. Кого вы хотите своей свободной волей избрать Верховным властителем, скажите?

Воцарилась тишина. Казалось, вдруг все онемело. У Мхитара дрогнуло сердце, но в этот же миг раздался голос многотысячной толпы:

— Мхитара!..

— Спарапета Мхитара!

Высоко подняв голову, с радостной улыбкой на лице, Тэр-Аветис оглядел толпу. А люди продолжали выкрикивать одно и то же: «Мхитар!..» Тут же он заметил, что мало кто из стоящих возле него сановных лиц произносил это имя. Нахмурившись, он вдруг крикнул во все горло:

— Мхитара!.. Да здравствует Верховный властитель Мхитар!.. — и сильным движением вытолкнул вперед спарапета. Затем схватил у мелика Багра знамя Давид-Бека и втиснул его в руку Мхитару. После чего опустился на колени, поцеловал бахрому знамени и снова выкрикнул: — Да здравствует Верховный властитель Мхитар…

— Да здравствует! — прогремела площадь.

Старейшины последовали примеру Тэр-Аветиса. Вся площадь опустилась на колени. Продолжал стоять лишь мелик Багр. Он торжественным движением протянул Мхитару саблю Давид-Бека, и над затихшей толпой пронесся его голос:

— Будь мощью и опорой страдающей нации армянской!

— Будь!..

Мхитар, поцеловав холодную сталь сабли и шелк знамени, громко произнес:

— Клянусь…

— Утешься, о скорбный народ… — дрожащим от волнения голосом крикнул мелик Багр и, подняв Мхитара с колен, поцеловал его.

Все старейшины и военачальники, соблюдая степень старшинства, обнимались с Мхитаром. Когда настала очередь мелика Муси, он, обняв Мхитара, прошептал:

— Забудь старое, тэр Верховный властитель. Человеку не мудрено ошибаться. Забудь!

— Забуду, — сказал искренне Мхитар.

Зазвучали военные трубы. Весело зазвенели церковные колокола. Мхитар велел раздать военачальникам и сотникам подарки, те, в свою очередь, приказали своим казначеям выдать воинам деньги.

В честь новоизбранного Верховного властителя Тэр-Аветис устроил пир в своем доме. В числе многих высокопоставленных гостей были также начальники ополчения. Женщины с завистью смотрели на Вард-хатун. Даже Гоар не без зависти любовалась ее блистательным нарядом. Жена тысяцкого была в голубом архалуке с двадцатью четырьмя бриллиантовыми пуговицами на груди, с золотыми сурмами на рукавах и с широким золототканым поясом. Не скрывая на миру своей гордости, она порхала по многочисленным комнатам, отдавала приказания прислуге, шутила с гостями, стараясь быть всем приятной и желая удивить всех своим остроумием. Однако в ее, порою неуместных, шутках спарапет чувствовал легкую желчь.

За столом занимали места по старинной традиции — на одной стороне женщины, на другой — мужчины.

Мхитару не нравилось странное поведение Тэр-Аветиса, который не отходил в тот вечер от него. Пытался всячески угодить ему, исполняя роль некоего виночерпия при нем. Будто они и не были давнишними друзьями, между которыми всегда существовала простая, непринужденная близость.

После нескольких тостов завязалась оживленная беседа.

— Теперь можно часть войска отпустить домой, — заметил мелик Шафраз. — Турки больше не отважатся пойти на нас. Мы им выбили зубы. Рамики недовольны, братья, некому пахать землю, иные молодицы не больше одной ночи после свадьбы успели поспать в объятиях мужей.

— Это так, верно говоришь, — подтвердил Мхитар, сочувственно глядя на Шафраза. Ему хотелось знать, кто еще заражен настроением Шафраза.

— Из каждых трех воинов отпустим двух домой, — ободренный сочувствием Верховного властителя, продолжал Шафраз. — Пусть пойдут займутся своим хозяйством, а то меликские доходы оскудели.

— Оскудели!.. — повторил Мхитар, но на этот раз таким тоном, что все насторожились. Шафраз недоумевающе посмотрел на Мхитара. — Да, да, а как же?! — продолжал Верховный властитель голосом, полным издевки. — Если не распустим войско, откуда будем брать поборы и налоги, чем умножим свое богатство, чем будем наряжать своих жен, невесток, дочерей? Уборы каждой из них равны жалованью целого полка.

Он встал, опорожнив единым духом кубок, и, вытянув, как меч, свою руку в сторону владетеля Сисакана, сказал:

— Ты, мелик Шафраз, храбрый человек, это известно и богу. Но меня удивляет твое отчаянное желание распустить войско. А как мы убережем нашу страну, если распустим его, как?.. Покойный наш Давид-Бек мечтал освободить Ереван, Нахичеван, сердце Армянской земли — Араратскую долину, Карс, Лори… Теперь волею судьбы сделать это должны мы. Я намерен создать еще десятитысячное постоянное войско, а ты предлагаешь распустить и существующее? Где твой разум?

— Страна может держаться только на постоянном войске, — подтвердил князь Баяндур.

— Довольно кичиться победами при Мараге и Варанде, — повысил голос спарапет. — Османия сильна, грозна. Отрубить ей лапы мы можем, только имея большое, постоянное войско. Знайте же: если турки возьмут еще Сюник и Арцах, то на землю Армянскую ляжет навечно надгробный камень.

На минуту воцарилось тяжелое молчание.

Тогда Сатеник начала приводить примеры из истории Армении. Получалось, что независимы и победоносны были те из царей, которые имели большое и постоянное войско.

— Пожертвуем всем, но сохраним войско. Сильному и бог помогает, — сказала она. — Если мы напряжем усилия, не только двадцати, но и тридцатитысячную армию сумеем вооружить и содержать.

Слова тикин Сатеник произвели сильное впечатление. Это задело самолюбие Вард-хатун. В ней зашевелился червь зависти. Но этим не кончился

триумф Сатеник. Она встала, оглядела царственным взглядом мужчин и сказала:

— В стране нашей двести тысяч дымов. Известно ли вам это? Если из каждых четырех дымов возьмем на содержание всего одного воина, то мы сможем иметь пятидесятитысячное войско, Пятьдесят тысяч!.. Пятьдесят знамен! Почему не пойти на это, мужи армянские?

— Для содержания такого войска нужны деньги, тикин Сатеник, — простонал мелик Еган. — А где их взять, нет их.

— Есть, — ответила тикин уверенно. Она взяла стоявший в середине стола поднос с сушеными фруктами, ссыпала фрукты на скатерть и начала срывать с себя серьги, пуговицы с рукавов, кованный золотом пояс — все это бросила на поднос. — Нет для нас лучшего украшения, чем свобода нашей страны! — сказала она взволнованно. — Я передаю Армянскому Собранию свои драгоценности. Не забывайте, что турки готовятся к новой войне с нами! Можем ли мы допустить, чтобы снова лилась кровь, разорялась страна наша? Кому нужны наши украшения, если у нас не будет сил противостоять врагу?

Никто не ожидал, что дело дойдет до этого. Даже Мхитар неодобрительно посмотрел на жену. Женщины, онемев от неожиданности, широко открытыми глазами смотрели на Сатеник, которая освобождала пальцы от тяжести колец. Вард-хатун багровела от зависти и гнева.

Первой примеру Сатеник последовала Зарманд. Отвязав пояс и сорвав с него серебряные украшения, она бросила их на поднос. Хотя жены меликов и военачальников были недовольны Зарманд, но откладывать дальше было зазорно. Гоар, вынув из ушей крупные серьги, тоже бросила их на стол.

— Пожертвуем и мы наши украшения, чтобы жила страна, — не то со злобой, не то искренне сказала она и стала срывать с рукавов тяжелые драгоценные пуговицы.

Вард-хатун, надутая и недовольная всем происходящим, с такой силой сорвала с платья бриллиантовые пуговицы и золотой нагрудник, что послышалось, как пополз шов.

Мужчины, казалось, все еще находились в смятении, они молчали, видя благородные поступки их жен. Сатеник, снова поднявшись, спокойно и величаво поставила перед спарапетом тяжелый поднос с драгоценностями.

— Прими наш дар, — сказала она весело. — Завтра мы, женщины, разъедемся по стране и соберем новые пожертвования. Чтобы умножалась сила страны нашей.

— Да будет благословен час твоего рождения! — с чувством произнес князь Баяндур и, схватив ее руку, поцеловал. — Будет, будет жить наш народ, имея таких матерей…

Все были в приподнятом настроении. И никто не хотел больше сидеть за пиршественным столом. Одна только Вард-хатун чувствовала себя оскорбленной. Хоть бы все это случилось не в ее доме, не сегодня.

Гости вскоре разошлись. Вард-хатун проводила тикин Сатеник до лестницы и вернулась назад. Войдя в опустевший зал, она глазами разъяренного коршуна осмотрела столы. Молодая служанка, убиравшая посуду, выронила из рук серебряное блюдце. Вард вздрогнула, подбежала к растерявшейся служанке и выместила на ней скопившуюся злобу.

— Руки отвалились, сукина дочь! — крикнула она вне себя и нанесла служанке звонкую пощечину. — Убирайтесь отсюда, вон… Негодные…

Служанка и слуги скрылись тотчас же, а в дверях показался Тэр-Аветис.

— Что ты взбесилась? — мрачно упрекнул он.

— Это ты бешеный, ты! — вскричала Вард-хатун, топнув ногой. — Беспомощный, глупый человек. Жена твоя обесчещена, опозорена, понимаешь? Эта чернильная мумия разыгрывает коронованную царицу… Жена Верховного властителя… Распоряжается в моем доме!..

— Успокойся, Вард, — подойдя к ней, мягко произнес Тэр-Аветис. — Да, Сатеник супруга Верховного властителя, и подала она хороший пример.

— Змея она! — крикнула Вард, посиневшая от злости. — «Верховный властитель»! Зачем же ты носишь шапку, если посадил на голову сына рамика? Твои деды и ты происходят из рода Проша, а я из рода Мелик Парсаданянов. Я,

я должна была быть первой госпожой в стране Армянской! Ты!..

— Вард… Вард!.. — сердито крикнул Тэр-Аветис. — Опомнись, Вард, перестань!

— Не перестану! — вскипела жена. — Ты должен был стать Верховным властителем, ты! Мхитар вырвал из твоих рук власть!.. Погоди, дождешься… Когда-нибудь будешь раскачиваться на виселице подобно святому отцу Гарегину. Сын рамика доберется и до тебя…

Еле сдерживая слезы и задыхаясь от злобы, она поспешила в свою половину.

«И как угадывает мои мысли эта женщина?» — подумал Тэр-Аветис, застыв, словно прикованный, у стола. Уж очень горьки были слова жены.

«О… господи, отврати зло. Избавь меня от преступных мыслей!..»

На следующий день, когда женщины собрались отправиться в разные концы страны для сбора пожертвований, Вард-хатун велела передать Сатеник, что не может выйти из дома.

Но и тикин Сатеник не удалось отправиться в гавары.

Прибывший из Гандзасара гонец принес трагическую весть о кончине ее дяди католикоса Есаи Асан Джалаляна. Тикин Сатеник тут же упала в обморок. Когда ее привели в чувство, она закрылась в своей комнате и горько оплакивала дядю. На другой день в сопровождении Мхитара и группы меликов и духовных отцов она отбыла в Гандзасар.

В стране снова наступил траур.

После кончины Давид-Бека потеря католикоса Есаи была новым тяжелым ударом для страны.

Мхитар оставался в Гандзасаре недолго.

Похоронив католикоса, он вместе с женой и приближенными сразу вернулся в Алидзор. Упорные слухи о том, что турки готовятся возобновить войну, серьезно беспокоили его.

Весна, полностью завладев равниной, постепенно добиралась до вершин гор. В ущельях созревала тута. Наступившие жаркие дни предвещали знойное

лето.

Тикин Сатеник, еще не сняв с себя траурной одежды, отправилась в гавары исполнить свое намерение. С ней поехала и Гоар. Вард-хатун осталась дома, сославшись на болезнь.

В Алидзор прибыла бежавшая из Персии группа армянских купцов, которые сообщили, что армия Абдулла паши взяла Тавриз, вынудив шаха Тахмаза бежать в Хорасан. С собой шах успел взять только шесть тысяч своих воинов. Турки, получив большую помощь от Англии и Франции, вновь окрепли. Они оснастили свою армию европейским оружием, у них служат сотни английских офицеров.

С падением Тавриза для армян создалась новая ситуация. Туркам удалось сомкнуть кольцо. Тахмаз был хотя и слабой, но все же преградой перед османцами. Султан до падения Тавриза долгое время был вынужден действовать против армян и против персов. Теперь, после полного поражения Тахмаза, армянское войско осталось в одиночестве против огромной турецкой армии. Надежды на помощь не было. Да и откуда она могла прийти?

Весть о падении Тавриза произвела на армянских Меликов тягостное впечатление.

— Остались одни-одинешеньки, — сказал мелик Бархудар, придя к Мхитару.

— А разве до сих пор кто-то помогал нам? — перебил его князь Баяндур. — Были одинокими и остались такими. Бог милостив…

Мхитар долго выслушивал собравшихся в его доме военачальников. Пользуясь молчанием Мхитара, они горячо спорили, давали советы. Некоторые считали лучшим выходом пойти на уступки туркам. Найти с ними общий язык, послать человека к паше. Другие энергично возражали против этого.

Спор продолжался долго. Наконец Мхитар встал и протянул руку в сторону Тэр-Аветиса. Тот вскочил с места и покорно стал ждать.

— Приготовься отправиться в Тавриз, — сказал решительным тоном Мхитар. — Выезжай завтра. С тобою будут Мовсес и сотник Есаи. Бери с собой

также двух воинов.

— Да как же это? — недоуменно воскликнул Тэр-Аветис. — Поехать к врагу и дать ему понять, что мы опасаемся его?

— Вести переговоры с неприятелем — вовсе не означает проявить слабость. Это не новость.

— Да, да! Попытаемся, что тут такого?.. — вмешался мелик Бархудар. — Может быть, и найдем общий язык с пашою и отведем его от мысли идти на нашу страну.

Мхитар одобрительно взглянул на Бархудара.

Хотя Бархудар и был преисполнен ненависти к Мхитару, хотя он и не желал его первенства, но ему была по душе твердая позиция Мхитара — сохранить в независимости созданное в Сюнике и Арцахе государство. Будучи самым богатым меликом Сюника, Бархудар хорошо понимал, что только при родной власти он сможет удержать свое меликство. Он знал также, что как он, так и другие мелики лишатся родового наследства, как только страна попадет под власть османцев. В завоеванных странах султан уничтожал родовые княжества и передавал их земли своим пашам. Вот почему Бархудар был готов на всякие жертвы, лишь бы страна сохранила свою независимость.

Тишину вновь нарушил излишне громкий голос Тэр-Аветиса.

— Поехать — поеду, властитель, — сказал он, заметно обиженный. — Но что скажут отцы церкви, народ?.. «Идете к туркам? Может, хотите веру нашу продать, дабы головы свои спасти?» — скажут они. Вот в чем опасность. Они не одобрят наш поступок.

— А я и не жду одобрения духовных отцов, — с притворным спокойствием ответил Мхитар. — Народу нужен мир, а как мы добьемся его, это не дело святых отцов. Наши церковные сановники всегда стремились сами вести торги, и не по той ли причине нас всегда враги водили за нос. Довольно! Судьбу нашей страны должны решать не отцы церкви, а мы сами.

— Эчмиадзин покорился турку! — воскликнул князь Баяндур. — И не виновны ли в этом святые отцы в Эчмиадзине, Тэр-Аветис?

Мелики понимали, что Тэр-Аветис, так же, как и любой из них, считает для себя унизительной порученную миссию. Но они знали также, что Мхитар не уступит.

— Хорошо! Поеду! — вздохнул тысяцкий. — Но что я должен вымаливать у турок?

— Почему вымаливать? — удивился Мхитар. — Разве не мы побеждали в битвах с ними? Умолять не о чем. Твоя цель — разузнать, что думают турки, какая у них сила военная. Как посланник победившей страны, ты вправе требовать у Абдуллы немедленно вернуть завоеванный ими Эчмиадзин и Ереван. Требуй настоятельно, чтоб он не подумал, будто, захватив Тавриз и окружив нас с четырех сторон, может праздновать свою победу. Отправляйся и еще раз напомни им о Мараге и Варанде.

— Это уже другое дело, — вздохнул несколько облегченно Тэр-Аветис. — Если так, то, конечно, достойная миссия. А я думал, что должен отправиться к паше, подобно нищему с протянутой рукой.

Решение Мхитара было неожиданным и для меликов. Их самолюбие было задето тем, что Мхитар не посоветовался с ними, не спросил, кого направить с посольством. Почему он пренебрегает старейшинами и только повелевает, возмущались они. Но некоторым из старейшин, среди которых был Мовсес, нравилась решительность Мхитара. «Кто-то должен повелевать», — думали они.

Мхитар приказал военачальникам не покидать города и пошел отдыхать. Было за полночь. Слышался одиночный лай собак. Хмурое небо бледно освещалось редкими звездами.

Один у друга, другой у врага

Мхитар решил послать посольство также в Баку, к главнокомандующему русской армией генералу Голицыну, чтобы добиться помощи у русских. Главою посольства он назначил князя Баяндура, помощниками — мелика Багра

из Варанды и Нагаш Акопа. Последнему это высокое поручение было не по душе, однако он не стал возражать Верховному властителю. Переехав из Эчмиадзина в Алидзор, Нагаш намеревался приступить к созданию своей мастерской, но смерть Давид-Бека помешала этому.

О кончине своего благодетеля он узнал по пути в Алидзор. Он посетил могилу Бека и всю ночь оплакивал потерю великого человека. Нагаш хорошо понимал, что теперь ему уже не следует думать о скором осуществлении своей мечты. Близилась новая война, и вряд ли Мхитар найдет время и средства, чтобы помочь ему.

И вот мрачный и расстроенный Нагаш Акоп в составе посольства князя Баяндура спустился с армянского нагорья в Муганскую низменность.

Августовское солнце скрылось за горизонтом. Синева сумерек окутала безбрежную равнину. Игра предвечерних красок оживила на миг художника, но это продолжалось недолго. В тумане исчезли раскаленные дневным зноем небольшие песчаные холмы. На мохнатых листочках степных колючек появились капельки влаги. С Кавказских гор пронесся над степью теплый ветер.

Уже шестой день, как армянское посольство продвигалось по знойной Муганской степи к морю. В мертвой пустыне не было ни единого живого существа. Лишь с наступлением сумерек высоко в небе парили горные орлы да из-под колючих кустов выползали одурманенные зноем змеи.

Привыкшие к горной прохладе армяне томились под огненными лучами раскаленного солнца и только в вечерние часы, почувствовав некоторое облегчение, начинали оживленно разговаривать, вспоминали родные края, близких.

Они ехали уже шестую ночь напролет. Нагаш Акоп, проявляя удивительную осведомленность в дороге, ехал впереди.

— До побережья осталось немного, — сказал он в полночь князю Баяндуру, — на рассвете увидим море.

— Слава богу, проехали благополучно.

— Бога будем славить потом, когда вернемся домой живыми. Никто не может представить, что нас еще ожидает в том обиталище зла. Муганская степь кишмя кишит разбойниками. Правда, воины конного разведывательного полка русской армии, что создал еще покойный Петрос ди Саркис Гиланенц из армянских всадников, когда преследуют разбойников, то проникают в самую глубь пустыни.

— А велика ли эта армянская конница? — спросил Баяндур.

— Вначале была малочисленна, потом пополнилась армянами, пришедшими из Арцаха, Тифлиса, с Северного Кавказа. А с джугинским купцом Петросом ди Саркис Гиланенцем я был знаком лично. Мужественный и благородный человек, и хоть ростом не выдался, но казался красавцем. Русский царь многим обязан ему. Только пал Саркис в одном из сражений. Мир праху его…

— Аминь!

— Ныне в отряде более полутора тысяч всадников. Гиланенца теперь заменяет его помощник — Агазар ди Хачик, храбрый арцахский юноша, любимец русской императрицы.

Много любопытного рассказал Нагаш Акоп об армянской коннице. Князь с интересом слушал его. Мерцающие на сером небе звезды постепенно тускнели в предрассветной мгле. Пустыня становилась таинственной, страшной. Князь Баяндур приказал зарядить ружья. Каждую минуту можно было ожидать непредвиденного.

В рассеивающейся мгле вспыхнул слабый огонек и исчез. За песчаным холмом раздался вой степного волка. Послышался клекот коршуна. Мертвая пустыня подавала признаки жизни.

— Подъезжаем, — сказал художник.

Лошади, почуяв прохладу моря, зафыркали. Вдруг из-за холма выскочила группа всадников и, подскакав к посольству, преградила ему путь. В предрассветной дымке различались их треугольные шлемы, белые панталоны и оружие.

— Стойте! Кто вы? — спросил один из них по-русски.

— Мы армяне, — не замедлил ответить Нагаш Акоп тоже по-русски, — едем к полковнику Агазару ди Хачику.

Всадники удалились. Но не прошло и минуты, как над степью прозвучал звук трубы и словно из-под земли выросло около двухсот всадников, которые выставленными копьями окружили послов.

Князь Баяндур приветствовал воинов на родном языке. Убедившись, что пришельцы действительно армяне, солдаты удивились сначала, затем опустили копья и, уже не соблюдая боевого строя, приблизились к ним.

— Вы армяне? — радостно воскликнул один из офицеров.

— Армяне, — ответил князь.

Офицер быстро спешился, подошел к князю и отдал ему честь непривычным для князя образом. Посольские люди с удивлением и любопытством смотрели на воинов. Им казалось, что это не солдаты, а царские телохранители. Офицер, пропустив вперед посла, проводил его в свой лагерь. Уже светало. И как только лучи восходящего солнца коснулись пустынной степи, сразу стало жарко.

Князь Баяндур внимательно разглядывал сопровождающего его сотника. Ему показалось, что он где-то видел этого чернобородого, с густыми нависшими бровями и со строгими и добрыми глазами мужчину.

Сотник, заметив вопросительный взгляд князя Баяндура, спросил его громко:

— Не можете вспомнить меня, князь Баяндур?

— Не скрою, — признался князь. — Как будто знакомы мы с тобой. Но вспомнить не могу.

— Много прошло времени, князь. Я из Тифлиса, сын Кузаненц Парсадан бека — сотник Таги. Был десятником в полку Давид-Бека в Мцхете.

— Вспомнил! — радостно воскликнул Баяндур. Затем, вздохнув, добавил: — С твоим отцом не раз подымал чару. Он часто навещал покойного Давид-Бека. Приходил с сазандарами, гусанами. Пировали вместе. Давно на

русской службе?

— Четвертый год. По просьбе светлой памяти Петроса ди Саркис Гиланенца вступил в армянскую конницу.

— Жалеешь?

— Нет, князь. Надеемся освободить Армению, вернем в Ереван армянского царя, но…

— Что «но» … или потеряли надежду?

— Пока нет. Дай бог силу вашей деснице. Никто из нас не потерял надежды на то, что великая императрица когда-нибудь прикажет прийти к вам на помощь, мы ждем.

— Дай бог!

Сотник Таги хотел еще что-то сказать, но умолк, заметив, что князь не склонен продолжать беседу и смотрит вдаль. Жара становилась все более невыносимой. В полдень передохнули возле колодца. Напоили коней и продолжили путь.

К вечеру добрались до лагеря армянской конницы. Он состоял из нескольких десятков шатров. Над куполом среднего шатра реяло царское знамя с двуглавым орлом. Посреди лагеря был разведен костер, готовился ужин. Кони, энергично потряхивая головами и отмахиваясь хвостами, отбивались от назойливых степных оводов. В тени шатра с царским знаменем, устроившись на седле, офицер чистил пистолет. Таги сказал князю Баяндуру:

— Это полковник Агазар ди Хачик.

Заметив подъезжающих всадников, последний поднял голову, и его задумчивое лицо просветлело. Увидев армянское знамя, он поспешно заткнул пистолет за пояс и встал. Таги спрыгнул с коня и не успел отрапортовать своему начальнику, как тот спросил:

— Из армянских военных они?

— Да, господин полковник, — ответил Таги. — Приехали из Армении, князь Баяндур.

— Князь Баяндур! — вскричал удивленно полковник и поспешно взял под

уздцы его коня. — Пожалуй, князь, мой бедный шатер к твоим услугам. Ковры бы постелить под вашими ногами, но мы живем как волки в этой проклятой степи, что поделаешь!..

— Наши ноги привыкли к шипам и камням, полковник.

— Истинно, — вздохнул Агазар. — Да поможет господь. — Его крупные глаза увлажнились, голос задрожал. Сдержав волнение, он обратился к собравшимся возле шатра воинам: — Ну, львы мои! С армянских гор к нам орлы прилетели в гости, приветствуйте их.

Солдаты, окружив гостей тесным кольцом, стали радостно обниматься с прибывшими. Воины Агазара, все как один, были чернобородые, с загорелыми лицами, хорошо одетые и вооруженные. Глаза их подернулись тоской и печалью. Они с уважением и почтительностью смотрели на приехавших к ним соплеменников.

— А как страна наша, князь? — спросил несмело пожилой солдат.

— Цела, ценою крови нашей, — ответил Баяндур.

— Да будет с вами божья благодать, — сказал тот же солдат каким-то виноватым голосом. — И мы проливаем кровь свою за страну Армянскую волею всемогущей императрицы российской.

— Да будет непоколебим трон северной царицы, — сказал князь.

Солдаты Агазара расседлали у прибывших армян усталых коней, накормили их и, отведя гостей в свои шатры, завели оживленные беседы. Агазар, устроив у себя князя Баяндура, пригласил также Нагаш Акопа и мелика Багра. После скромного походного ужина он поинтересовался о дели посольства. Баяндур ответил, что по велению Верховного властителя Мхитара они прибыли просить у русского генерала помощи.

— Заняв Тавриз, турки с трех сторон окружили нашу страну. Вот-вот бросятся на нас. Мы нуждаемся в помощи императрицы.

— Цель добрая, — сказал тихо полковник и отвел глаза, не выдержав пристального взгляда князя. Он хорошо знал, какими усилиями держатся его сородичи в своих горах. Ему были известны все обращения и мольбы,

посланные армянскими князьями к царскому двору, равно как и обнадеживающие ответы бояр и великих князей. Но вместе с тем он знал и то, что в настоящее время императрица по многим причинам не может послать войска в Армению. Опытный воин, он знал наперед, что армянское посольство и на этот раз вернется с пустыми руками, но не хотел заранее разочаровывать послов.

— Пора спать, братья, — сказал он. — Завтра предстоит долгий путь. Отправимся рано утром. Я поеду с вами к генерал-фельдмаршалу князю Долгорукову. Отсюда один день пути. Долгоруков — добрый и честный человек, что-нибудь да сделает.

Накрывшись бурками, они легли на разостланное в шатре сухое сено. За шатром в непроглядной темноте слышалось ржание коня и тихие протяжные звуки солдатской песни, затем степь погрузилась в глубокую тишину.

Полковник Агазар ди Хачик привез армянское посольство в Сальян. Этот захолустный степной городок в вечернем мраке имел жалкий вид. Там и тут едва вырисовывались верхушки минаретов. Рынок и лавочки были закрыты. На безлюдных улицах время от времени встречались русские дозорные.

Ставка генерал-фельдмаршала помещалась в полуразрушенной крепости. На ее единственной уцелевшей башне колыхался русский флаг.

Войсковое соединение драгун было расположено среди развалин, в круглых низеньких шатрах, сшитых из кусков войлока и разноцветного тряпья. Вокруг шатров, беспокойно потряхивая головами, стояли могучие обозные и артиллерийские лошади.

Послов у входа в лагерь встретил десятник с еле пробивающимися усами. Он тепло поздоровался, сказав, что генерал моется в бане, отвел их и полковника Агазара в какое-то наспех отремонтированное здание, где стены еще пахли известкой.

Послы почистили свои одежды, умылись невкусной колодезной водой и стали ждать. Генерал принял их в небольшой, освещенной факелами комнате. Был он высокого роста, с округлым лицом, без парика. В парадной форме.

Слегка увядшие, покрасневшие после бани щеки и прилипшие к голове золотистые волосы подчеркивали преклонность возраста.

— Кто вы? — спросил он строго, хотя и знал, кто они такие.

Агазар ди Хачик перевел его вопрос.

— Мы послы армянского Верховного властителя, спарапета Мхитара, — ответил князь и низко поклонился.

— А!.. — радостно воскликнул генерал. — Вы из Армении? Только не надо поклонов. Ах! Армения!.. Храбрый, мужественный народ… Венценосные головы должны склоняться перед вами, вы достойны этого. Россия в восторге от вашей доблести. Как страна, войско, Мхитар?

— Турки теснят, генерал!

— Да, — покачал головой генерал и, обняв за талию князя и мелика Багра, посадил их возле себя, помолчал, опустив долу мрачный взгляд. Агазару ди Хачику было известно, что генерал Долгоруков и поныне упорно требует у русского двора ввести в Армению войска. — Турки теснят, — повторил с болью генерал и, повернувшись к Баяндуру, продолжал: — Теснит и Европа, князь! Это она возбудила турок как против нас, так и против вас. Это она воспрепятствовала шаху Тахмазу принять нашу помощь. Потому мы и не смогли войти в ваш Ереван и грузинский Тифлис. Не пустили!.. На севере шведский король строит против нас козни. Заполонил море судами. Англия с согласия Турции пригнала свой флот в Азов. Петр не был виноват, поверьте, князь, не был виноват, но… — Он помолчал с минуту, считая, видимо, неуместным продолжать свою мысль. — Но так не останется, держитесь…

— Будем держаться, — вздохнул князь Баяндур. — Одни… до последнего воина. Мы не сложим своего оружия. И пусть кара божия падет на виновных в пролитии нашей крови…

Слова князя заметно взволновали генерала. Чтобы скрыть свои чувства, он поспешно встал и, повернувшись к понуро стоящему у двери адъютанту, велел подать ужин.

— Вашу просьбу вы должны сообщить генералу Голицыну, князь. Он мой

начальник и повелитель. Я завтра провожу вас к нему.

— Умоляем, генерал, убедите императрицу помочь нам, — сказал Нагаш Акоп. — Вся надежда на вас. Весь народ Армении вот уже много лет ждет прихода русских.

— Это верно, — подтвердил мелик Багр. — Если императрица отправит к нам две-три тысячи войск, мы будем довольны.

Выслушав их, Долгоруков сказал:

— Я многих убеждал в надобности ввести войска в Армению, готов еще раз обратиться с вашей просьбой. Я напишу императрице.

Принесли ужин. Армяне с удовольствием поели русский хлеб с острым, но приятным запахом. Многое здесь было непривычно, ново для них. И чай, который денщик, наливая из огромного медного самовара в китайские чашки, подавал им, и медовая брага, и огромный кусок свиного сала, что, отрезая тонкими ломтиками, охотно ел генерал. Говорили о событиях в Персии, о Турции, вспоминали Давид-Бека. Генерал высказал свое восхищение по поводу сражений в Варанде и Мараге, затем похвалил конницу Агазара. Но он явно избегал вести разговор о миссии, с которой прибыли армяне.

На рассвете следующего дня армянское посольство в сопровождении генерала Долгорукова и казацкой сотни выехало в Баку. Дорога шла по песчаному берегу моря. Раскаленный от знойного солнца песок, казалось, обжигал копыта коней. Ехали молча. По дороге не встречалось ни сел, ни обработанных земель. Слева простиралась огромная степь, справа — серое, застывшее море.

После четырехдневной утомительной дороги по мертвой местности посольство наконец добралось до Апшеронского полуострова. Здесь уже все было по-другому. Природа не радовала глаз.

— Удивляюсь, что вы нашли хорошего в этой пустыне? Присохли к ней, вместо того чтобы идти в нашу страну, — сказал Баяндур генералу.

— Это ворота в вашу страну и в Персию.

— Остановились у ворот и не входите в дом.

Генерал не ответил. Это не оскорбило князя, поэтому он продолжал, казалось, размышлять вслух:

— Если наши переговоры с генералом Голицыным ничего не дадут, тогда впору считать, что нет у нас друзей на всем белом свете.

— И будете правы, — ответил Долгоруков.

— Вся надежда на вас, генерал, — продолжал князь. — Нам известна ваша любовь к армянам. Вы опытный и мудрый полководец. Скажите, почему Россия не объединяется с нами, чтобы вместе противостоять туркам?

Долгоруков мягко улыбнулся.

— Вы вправе упрекать нас, — сказал он. — Армяне сделали много для нашей империи. Пять лет подряд, проливая кровь, вы отражаете нашествие турецких армий, которые, завладев вашей страной, конечно, двинулись бы на нас. Но Петра нет… Упала обуздывавшая турок рука. Существует к тому же кровавый Константинопольский договор, князь.

— Выходит, волею обстоятельств мы должны быть перебиты? — укоризненно спросил Баяндур.

— Не приведи господь, — вздохнул Долгоруков.

— Мы открываем вам путь в Константинополь и к Средиземному морю, — горячился князь, — а взамен просим лишь… Не забывайте нас в трудный час.

— Ведомо мне, дорогой князь, и, может, больше других, с каким упорством наш милосердный император Петр отстаивал интересы Армении и Грузии. Он требовал, чтобы султан признал независимость и нейтральность двух ваших стран. Желал блага вашему народу. Но, повторяю, англичане и французы, преследуя иные цели, угрожали ему войной. Сложная обстановка.

— Европа всегда была недружелюбна и к вам, и к нам! — воскликнул Баяндур.

— Да, причину ваших бед вы должны искать во взаимоотношениях Европы с Россией, — сказал сочувственно Долгоруков. — Я всегда восхищался мужеством вашего народа, князь. Волею всевышнего, иначе невозможно объяснить, как вы можете устоять против столь могущественного врага.

— Не вы один восхищаетесь, генерал. Но одной песней, как бы она сладка ни была, пахарю не вспахать поля. Нужна помощь.

— Это верно, — согласился генерал и снова помрачнел.

Что он мог поделать, если судьбою этого небольшого свободолюбивого народа вертят государи могущественных европейских стран, желая помешать России проникнуть на юг через Кавказские горы.

Князь Долгоруков отвел послов в главную ставку русской армии, расположенную на берегу моря, близ Баку. Узкая проселочная дорога шла по холмистой, покрытой жалкой растительностью земле, среди бесчисленных луж с загрязненной нефтью и мазутом водой. Здесь жара была особенно невыносимой. Солдаты лагеря, спасаясь от зноя, купались в море или, томимые лихорадкой, лежали в тени шатров. Невдалеке зияла огромная яма, предназначенная для захоронения умерших от лихорадки солдат.

В море полукругом стояло множество военных кораблей.

Худощавый, с коротко остриженными усами капитан, пришедший встречать Долгорукова, клацая зубами, доложил, что главнокомандующий Голицын два дня назад уехал в Решт и просил генерала приехать туда.

— Лихорадит? — сочувственно спросил Долгоруков, видя, как мучается капитан.

— По-гибаем в этом про-клятом аду!

Стаи комаров носились в воздухе. Армяне, привыкшие к чистому, прохладному горному воздуху, брезгали и страшились этих ядовитых пискунов.

Долгоруков решил переночевать в Баку и на другой день морским путем, вместе с посольством, отправиться в Решт. Большинству членов армянского посольства впервые приходилось путешествовать по морю. Все, кроме Нагаш Акопа, заболели морской болезнью. Они страдали от недомогания и рвоты. Баяндур проклял день, когда он поднялся на это судно. И только Нагаш Акоп, стоя на палубе, пристально вглядывался в морскую даль.

Мрачные и морщинистые морские просторы оживляли лишь чайки. Резко

вскрикивая, они камнем бросались вниз и снова взмывали. Справа по берегу тянулись пески — беспредельные и мертвые. Матросы-гребцы сопровождали свои размеренные движения заунывной песней. Хотя армяне не понимали слов, но чувствовали тоску по родине, которую изливали в песне эти светловолосые люди с круглыми лицами.

В Решт приплыли через два дня. В честь прибытия генерала русские суда, стоящие в бухте, произвели артиллерийский залп. Несмотря на вечерние сумерки, вдали отчетливо видны были синие минареты и высокий купол армянской церкви. Армяне повернулись в сторону церкви и перекрестились.

— Здесь ловят изумительную рыбу — осетра — крупную, нежную, как сливочное масло, — глядя на Решт, сказал Нагаш Акоп. — Славятся и местные ковры.

— Благодарные жители в знак уважения преподнесут тебе лучший ковер, брат Нагаш, — пошутил мелик Багр.

— Я уже получил свое, — вздохнул художник, — и не пожелаю никому из вас того, что этот город дал мне.

К судну причалила лодка с морскими офицерами, которая и доставила генерала и послов на корабль главнокомандующего с имперским флагом на флагштоке. Князь Голицын, толстяк с маленькими глазками и густыми бакенбардами, встретил Долгорукова на палубе, холодно и небрежно оглядел прибывших с ним чужестранцев.

— Это армянское посольство, ваше сиятельство, — доложил Долгоруков. — Прибыли к нам из Армении.

Генерал, заметно нахмурив брови, легким движением головы приветствовал гостей и, отвернувшись, заговорил с Долгоруковым. Следившие за ними армяне поняли, что последний призывает Голицына проявить внимание и вежливость к ним, но Голицын только морщил лицо.

Холодное, даже презрительное отношение Голицына к послам уязвило князя Баяндура. Он никогда не чувствовал себя таким униженным. Но смолчал. Да и что он мог поделать?..

Главнокомандующий приказал одному из офицеров устроить армян, а сам с Долгоруковым вошел в свою каюту.

— Зачем вы привезли их ко мне? — опускаясь на мягкий диван, недовольно спросил он.

Долгоруков достал длинную трубку — подарок императора Петра после сражения при Нарве. Трубка эта прямо-таки колола глаза многим высокопоставленным офицерам, вызывая их зависть. А Долгоруков всякий раз, доставая ее, как бы говорил: «Знайте: это трубка Петра Великого. Он вынул ее изо рта и подарил мне». Выпустив из-под красивых усов струю дыма, он сказал:

— Вам не кажется, князь, что мы оскорбляем память покойного императора Петра?

— Чем? — удивленно спросил Голицын.

— Тем, что предоставляем армян прихоти судьбы, — почти крикнул Долгоруков. — Будь жив император, мы теперь находились бы на берегах Евфрата. Но он ушел, и его трон достался бабе.

— Князь! — вскричал испуганно Голицын и с опаской посмотрел на дверь.

— Да, да, — не уступал Долгоруков. — Померкла слава России. Это не секрет. Почему ее величество императрица скармливает нас комарам? Почему не отдает приказа войти в Армению? Боится? Напрасно. Союзные нам армяне выставят тридцать тысяч войск. Они нас будут кормить, одевать. А императрица делает худшее. Она оставила армян одних против турок. Это неподобно…

— Бог ты мой!.. — вскричал, дрожа от страха, Голицын, теребя пухленькими пальцами кудрявые колечки парика. — Какие у тебя мысли, мой дорогой!

— У меня мысли человека, честно служащего России, князь. Достаточно нам отправить восемь-девять тысяч стрелков в Армению, и армяне за неделю возьмут Ереван.

— Может быть, удастся им взять, а может быть, и нет, — пожал плечами

Голицын. — Но это не наше дело. Мы только исполнители, милый мой. Есть сенат, есть императрица. И, наконец, ты напрасно балуешь этих армян.

— Они доверились нам, и мы обязаны помочь им. Есть божий суд. Не будь их, турки погнали бы нас с берегов Каспия. Пять лет они служили нам щитом…

— Не знаю! Не ведаю, — тоном обремененного заботами человека произнес Голицын. — Что ты предлагаешь, милейший?

— Я уже сообщил в Петербург мое мнение. Напишите и вы императрице. Здешними войсками распоряжаетесь вы. Напишите, пусть разрешат нам отправиться в Армению.

— Не могу! Не могу! — вскочил с дивана Голицын и начал нервно шагать по узкой каюте. — Я этого не смею сделать. Тебе многое неизвестно, милостивый государь. — Он стал перед Долгоруковым и вздохнул: — Ты плохо знаешь распутную женщину, именуемую дипломатией. А я зна-ю!.. Да! Петр желал присоединить к своей империи Армению и Грузию. Его привлекали не эти пески, а торговые пути, проходящие через Армению. Но не вышло!.. — Он покачал головой. — Не вышло!.. Когда я с великим послом Неплюевым был в Константинополе, французский посол де Бонак пришел на наш корабль и с наглой улыбкой предложил нам немедленно отказаться от нашего намерения и не пытаться приблизиться к границам Армении и Грузии. «В противном случае мы поможем султану, — пригрозил он, — и напустим на вас шведов». Теперь ты понял, с чем связан армянский вопрос? Та же лиса де Бонак заставил турок не признавать заключенного нами с шахом Тахмазом договора. Рука об руку с де Бонаком действовали английский посол, Венеция и австрийский резидент. Они подкупили турецких визирей, чтобы султан ни в чем не уступал нам и ввел бы свои войска в Армению и Грузию. Английский посол сказал султану: «Воюйте с Россией, в Европе они не имеют ни одного союзника. Воюйте, а мы и датчане тоже готовимся напасть на Россию». Вот как, душа моя. Они дали султану деньги, оружие, припасы, суда и пушки…

— Но ведь Англия и Франция враждуют между собою? — спросил огорченный услышанным Долгоруков.

— Да, они грызут друг другу горло. Но когда нужно оттеснить Россию и напустить на нас врагов, они делаются друзьями, объединяются против нас.

— Несчастные армяне! — воскликнул Долгоруков.

— Да, им счастье не улыбается. А как близко было их освобождение.

— В своих горах они стеною стоят перед огромными турецкими армиями, быть может, не зная, кто кладет могильную плиту на их счастье. Неужели такой древний, благородный народ должен пропасть, став жертвой европейских волков?!

— Спаси боже!.. — прошептал Голицын.

Оба долго молчали.

— Какой же все-таки дать ответ армянским послам? — спросил наконец Долгоруков. — Они приехали с верой, с надеждой.

— Не знаю! — пожал плечами Голицын. — Может быть, посоветовать поехать в Петербург и пасть к ногам императрицы?

— Хоть вы примите их, князь, скажите им что-нибудь ласковое, обнадеживающее.

— Обнадеживающее!.. — усмехнулся Голицын. — Велика милость! Скажу. Но какая польза? Поверят ли? Обнадеживающим словом не преградишь путь врагу. Нет, не могу хитрить, притворяться. Лучше чем-нибудь помочь им. Подумаем. Может быть, дать им оружие, деньги или сотню драгун.

Долгоруков взглянул на Голицына с надеждой. Чем же еще вправе помочь этот мрачный, тучный генерал? Хорошо и то, что это обещал, только бы сдержал слово! Ведь право в руках венценосцев, а генералы, какими бы высокопоставленными ни были, они лишь только исполнители монаршей воли. Не более.

Русские генералы дали роскошный обед в честь армянского посольства. Голицын пришел на обед в полной генеральской форме, в которой он обычно представлялся императрице. По его распоряжению с палубы флагманского корабля произвели пушечный залп по открытому морю. На флагштоке рядом с имперским знаменем с двуглавым орлом было поднято знамя Армянского

Собрания. Духовой оркестр исполнил военный марш.

Генералы усадили князя Баяндура между собой, под знаменами, полотнища которых шелестели от предвечернего теплого ветра. Как бы внимательны и заботливы ни были генералы к князю Баяндуру, горечь в его душе не унималась. С чем он вернется в родную страну? Спокойно ли там или османские армии уже ворвались в ущелье? Поведет ли он с собою хотя бы небольшую силу или вернется с пустыми руками? Эта мысль не давала Баяндуру покоя, и только из вежливости он пробовал русские блюда и иногда пил водку.

— Пусть армянский князь чувствует себя как в доме друга, как у родных братьев, — с приятной улыбкой сказал, обращаясь к нему, Голицын. — Мы, русские, никогда не оставим вас, армян, без помощи. Сегодня недруги спутывают наши ноги цепями, чтобы мы не шли в вашу страну. Но, поверьте мне, эти цепи рано или поздно будут разрушены, не продержатся долго, и мы придем вам на помощь.

— Боюсь, что будет поздно, — сказал Баяндур.

— Это не пустые слова, сиятельный князь, — продолжал Голицын. — Условия, которые создали враги двух наших народов, неблагоприятны. Но верю я, что это будет продолжаться недолго, и мы придем, чтобы изгнать из вашей страны турецких захватчиков. Придем, свидетель господь!..

— Но и теперь мы не отпустим вас без ничего, — сказал Долгоруков, решив воспользоваться данным вскользь обещанием главнокомандующего дать армянскому посольству оружие, деньги и отправить с ними в Армению сотню драгун. Нужно было его поставить перед совершившимся фактом, пока он не отступил от обещания. Долгоруков взглянул на Голицына и, не заметив на его лице недовольства, продолжал: — Мы вверим вам сотню русских солдат, досточтимый князь. Они помогут обучать ваших воинов и будут воевать против наших общих врагов. Кроме того, дадим вам деньги и оружие — ружья, сабли. Вооружите ими народ. Держитесь, пока наступит день, когда мы сумеем добраться до ваших гор.

Нагаш Акоп заметил, как хмурое лицо Баяндура постепенно светлело. Рад был, и он сам. Все же они вернутся на родину с чем-то.

— Да, это так, великий князь, — обращаясь к Баяндуру, сказал Голицын. — Мы с фельдмаршалом Долгоруковым решили дать вам сотню драгун. Затем две тысячи ружей, столько же сабель и штыков, порох и деньги. Поверьте, это все, чем мы в состоянии помочь властителю Мхитару и вам. Свидетель бог, большего сделать в настоящее время мы не можем.

Баяндур обнял обремененные тяжелыми эполетами плечи слегка захмелевшего князя Голицына.

— Благодарю, ваше сиятельство, — произнес он с воодушевлением. — Мы так и знали, что вы не отошлете нас с пустыми руками. Мы знали…

Спустя два дня армянские посланники тем же морским путем вернулись в Баку. Их сопровождал фельдмаршал Долгоруков. Пришлось снова, меся пески пустыни, верхом добираться до Сальяна. В лагере русской армии фельдмаршал сам выбрал драгун, которые должны были поехать в Армению, велел увязать тюки с оружием и боеприпасами, мешки серебряных монет и, погрузив на обозных лошадей, отправить в стоянку конницы Агазара ди Хачика.

Отдохнув день в лагере армянской конницы, Баяндур намеревался двинуться в путь ночью, в прохладе. Однако еще днем, когда обед, устроенный Агазаром ди Хачиком в честь прибывших в его лагерь генерала и посла, был в разгаре, он неожиданно поднялся и велел своим готовиться в путь. Затем, обратившись к фельдмаршалу, произнес:

— Отпусти нас, князь, нам пора. Мы безмерно довольны вами.

Долгоруков встал и, не прощаясь, сказал:

— Потерпи немного, дорогой князь, я хочу еще кое-чем порадовать тебя.

— Да порадует вас господь, князь! — взволнованно произнес Баяндур. — Навеки останемся признательным вам народом.

Долгоруков приказал Агазару ди Хачику выделить из своих всадников триста человек.

— Пусть они вместе с драгунами отправятся в Армению. Никто не

обвинит нас за это. Они армяне, пусть отправятся защищать свою родину. Это их право и долг. Исполни, полковник.

Приятная неожиданность глубоко взволновала Баяндура. Его глаза слепили слезы радости. Доволен был также Агазар ди Хачик.

Когда вскоре по распоряжению генерала перед шатром выстроилась вся армянская конница, к ним дрожащим от волнения голосом обратился князь Баяндур:

— Братья, вашей родине угрожает опасность. Согласны ли вы отправиться вместе с нами в Армению, чтобы защищать нашу священную землю, наших детей?

— С радостью! — раздались голоса из рядов.

Добровольцев оказалось много. Но выбрали всего триста человек.

Начальником над ними назначили армянина из Кафана капитана Абдалмаса и сотника Таги.

Полностью вооружив отряд и обеспечив его провиантом, передали в распоряжение Баяндура.

Князь был в веселом настроении. И как ему было не радоваться. Его миссия увенчалась успехом — он вел с собою четыреста хорошо вооруженных и обученных воинов. Это, несомненно, укрепит веру его соотечественников в то, что императрица не забыла их и придет к ним на помощь.

Когда солнце склонилось к закату, отряд Баяндура вышел в путь. Фельдмаршал и полковник вместе со старшими офицерами конницы проводили их. Они расцеловались с князем Баяндуром.

— Да хранит вас бог, князь, — сказал на прощание Долгоруков. — Передайте мой братский привет князю Мхитару и его доблестным воинам. Знайте, что мы никогда не забудем вас, ваши услуги русской империи. Я буду еще и еще раз просить императрицу, чтобы она отправила меня вместе с моим войском в вашу страну. Счастливый путь!

— Благодарю, князь, — сердечно ответил Баяндур. — Я сообщу Мхитару и нашему народу о вашей искренней любви к нам. Во имя Христа прошу вас,

князь, не переставайте объяснять царице, что мы нуждаемся, ждем ее милостивой помощи.

Они обнялись. Долгоруков оставался на месте, пока армянские посланцы и конный отряд не исчезли в туманной дымке.

Уже с дальних подступов к Тавризу можно было отчетливо видеть огромное скопление турецких войск. Бесчисленные, беспорядочно разбитые по всем окрестностям города, вплоть до его дальних холмов, шатры из черного войлока, знамена, табуны лошадей и скота, снующие повсюду вооруженные аскяры — все это оставило тяжелое впечатление у армянских послов, направляющихся к туркам для переговоров.

— Боже мой, где они набрали столько войска? — прошептал инок Мовсес. — Неисчислимы как песок.

Было за полдень. Сотни столбов дыма, поднимавшиеся из лагеря к небу, еще больше сгущали окутавший Тавриз туман. Время от времени густые облака пыли то там, то тут закрывали горизонт — это возвращались из набегов конные отряды. В эту пору дня особенно шумно вскрикивали в небе, кружась над лагерем, сотни хищных птиц.

Посланцы Армении невольно остановили своих коней. Они с тревогой и грустью смотрели на эту гигантскую серую массу вооруженных людей, которых злая воля султана направляла на их страну.

Тэр-Аветис, глубоко вздохнув, первым отвел взгляд и велел находившемуся рядом Есаи распустить знамя Армянского Собрания. Сгрудившись, посольство двинулось вперед. Когда они въезжали в лагерь, их тотчас же окружили вооруженные копьями аскяры. Есаи инстинктивно потянулся к сабле, но тут же отвел руку. В не меньшей тревоге был и Тэр-Аветис. «Эти бешеные фанатики могут растерзать нас», — подумал он. Но, собравшись с духом, громко крикнул: «Салам» — и сообщил, что они «эльчи»[74] и едут к великому паше.

---

[74] Эльчи — посланники (тюркск.).

— Приехали покориться, эрмени? — сказал, хихикнув, похожий на негра огромный турок в остроконечной папахе.

— Вести переговоры, — ответил Тэр-Аветис и попросил дать им дорогу.

По узким переходам среди бесчисленных шатров их подвели к Ереванским воротам Тавриза. Сотни воинов, муллы, дервиши в рубищах, толкая друг друга, входили и выходили через открытые ворота.

Посланников оставили невдалеке от ворот, у роскошно убранного шатра какого-то паши. Над ним торчало знамя из зеленого бархата с вышитым золотом полумесяцем. Вход охраняли два янычара, к ногам которых были привязаны два огромных, черных как смола пса.

Армянам не позволили въехать в город. На всю ночь их оставили под открытым небом и только на следующий день, после утреннего намаза, разрешили въехать в ворота. Пока под палящим зноем, минуя пыльные, зловонные улицы, доехали до дворца шаха Тахмаза, где восседал Абдулла паша, наступил полдень. Но страданиям их еще не пришел конец, они только начались, когда им сообщили, что паши нет в городе и неизвестно, когда он вернется.

Посланников разместили во дворе армянской церкви и словно забыли о их существовании. Первые дни они обходились оставшейся в хурджинах пищей, затем пришлось за невероятно высокие цены доставать пропитание и себе и коням. В городе оставалось лишь небольшое число армянских семейств. Но аскяры так обобрали их и персов, что они, спасаясь от голодной смерти, вынуждены были продавать даже своих детей.

Уже двадцать дней никто не приходил к армянским посланникам. И вот как-то вечером Тэр-Аветис, вышедший из терпения, велел готовиться к отъезду. Утром, подняв знамя своей страны, они направились к Ереванским воротам. Но уже на городской площади их догнало несколько высокопоставленных служащих двора.

— Куда вы спешите, армяне? Паша уже вернулся и сегодня вас примет, — сказали они, вежливо раскланиваясь.

Тэр-Аветис, поняв, что его решимость подействовала и Абдулла его сегодня действительно примет, стал нарочно упрямиться и уступил только после того, как турки несколько раз просили прощения за невнимательное отношение к нему.

— Если сегодня сераскяр не примет нас, мы вернемся к себе, — сказал он угрожающе.

Их отвезли в шахский дворец, накормили, пригласили в дворцовую баню выкупаться. После полудня советник паши Мурад-Аслан посетил их и сообщил, что сераскяр готов принять армянских послов.

Тэр-Аветис, Мовсес и Есаи надели подобающие случаю доспехи и пошли в сопровождении Мурад-Аслана.

— Никак, еврей? — кивая в сторону советника, тихо спросил у Мовсеса Есаи.

— Как знать, может быть, вероотступник-армянин, — ответил тот.

Мурад-Аслан еле заметно улыбнулся. Когда они подошли к покоям сераскяра, он остановился и напомнил, что посланники обязаны снять оружие.

— Мы посланники не побежденной страны, нам нечего снимать оружие, — бросил небрежно Тэр-Аветис.

Мурад-Аслан улыбнулся снова и, оставив их в передней сераскяра, ушел. Войдя в приемную, у самой двери он низко поклонился Абдулла паше, который с Ялгуз Гасаном, Коч Али и еще с несколькими военачальниками ожидал армянских посланников.

— Послы не желают сдать оружие, — сказал Мурад-Аслан.

— Ого! — пробурчал стоящий возле паши Ялгуз Гасан. — С какой же целью приехали гяуры? Разоружить силой.

Абдулла нахмурил брови и, приподняв руку, сказал:

— Пусть входят с оружием.

Тэр-Аветис вошел твердым шагом, с высоко поднятой головой. За ним медленно переступил порог Мовсес, затем Есаи — непринужденной, дерзкой поступью. Все трое с почтительным достоинством поклонились Кёпурлу

Абдулла паше.

— От армянского Верховного властителя, самодержавного владыки Большого и Малого Сюника, Агулиса, Гохтана, Гегаркуника и Нахичевана и от старейшин Армянского Верховного Собрания привет тебе, гордости рода Кёпурлу, Абдулла паша, слава о храбрости которого известна во многих странах, — стальным голосом произнес Тэр-Аветис и снова поклонился, и снова только Абдулле.

Турецкие военачальники, явно уязвленные невниманием армянских посланников к ним, беспокойно зашевелились на своих местах. Ялгуз Гасан смотрел на Тэр-Аветиса тигриным взглядом. Затем он медленно перевел глаза на гордо стоящего Есаи и вздрогнул. Не его ли меча на поле Мараги он счастливо избежал, вовремя пришпорив быстроходного коня?..

Между тем Есаи с любопытством обозревал великолепный дворец персидского шаха, в котором ныне восседал турецкий сераскяр. Ему чудилось, что он попал в какой-то сказочный мир. Непривычная посольская одежда стесняла его движения, оружие давило своей тяжестью. Окна с разноцветными стеклами лили в зал радужный свет. Подставка на львиных лапах поддерживала огромное зеркало в золотой раме, в котором Есаи отражался во весь рост рядом с Мовсесом. С трудом догадался, что это он сам и есть. На высоких бронзовых треножниках стояли позолоченные светильники. На стенах висели диковинные картины, которые захватывали все его внимание, и ему, простодушному крестьянину, с трудом удавалось подавить возглас удивления. Но больше всего его интересовал сам Абдулла паша с мясистой большой головой на сильных плечах, его исполинский рост. В черных глазах Абдуллы словно гнездились змеи. Жидкая бородка начиналась от ушей и заострялась на подбородке, подобно копью, чтобы вонзиться в сердце собеседника. Есаи улыбнулся про себя, вспомнив, что и этот грозный паша еле спасся от его меча в сражении на поле Мараги. Он обязательно снял бы его тыквовидную голову, если бы тот не бросился в реку… Удрал! Доведется ли когда-нибудь встретиться снова?

— Что велел сообщить мне армянский Верховный властитель? — услышал

Есаи голос паши и оглянулся.

— Наш венценосец, и наша гордость желает тебе и твоему войску здоровья, — ответил спокойно Тэр-Аветис. Есаи удивился: как может Мхитар желать здоровья этому паше? — Мы не хотим, чтобы войско султана, да поместит его господь рядом с собою, воюющего с нашими и вашими врагами — персами, напрасно проливало кровь в наших горах, как это случилось в Варанде, при Мараге и под Ереваном.

Тэр-Аветис, бросив взгляд на пашей, заметил, как они нахмурились. Он знал, что задевает их раны, обрадовался и продолжал спокойным тоном:

— Наш властитель и мы хотим мира, хотим прекратить кровопролитье. Пусть каждый из наших народов живет для себя.

— А если властелин вселенной султан прикажет мне вступить в вашу страну? — спросил сераскяр.

— Ты уже был у нас, достойный паша. Твое войско вновь будет уничтожено. И от этого выиграет бежавший в сторону Хорасана шах Тахмаз, — ответил Тэр-Аветис.

— Ты предсказатель или посол? — не вытерпел и вмешался Ялгуз Гасан.

Тэр-Аветис сделал вид, что не слышит его, и продолжал прежним тоном:

— Мы пришли говорить с вами голосом благоразумия, чтобы не загремели громы войны.

— Покоритесь нам — и восторжествует благоразумие, — сказал Абдулла.

— У нас нет намерения покоряться кому бы то ни было.

— Ты хочешь побить нас своим языком? — снова заговорил Ялгуз Гасан паша.

Абдулла косо посмотрел на него. Тэр-Аветис, не глядя на пашу, злобно бросил:

— Пусть почтенный паша не забывает настоящих битв.

Абдулла призадумался. Конечно, он мог приказать сейчас же сжечь послов на костре, но благоразумие военачальника сдерживало его. Он знал, что победить армянское войско в сражениях трудно. Они будут сражаться до

последнего воина. Значит, нужны другие средства, иным способом нужно сломить силу врага.

— Почему вы противитесь нам, раз эти земли не ваши? — спросил строго паша. — Разве вам неизвестно, что страны, расположенные по эту сторону от слияния Куры и Аракса, переданы нам?

— Известно, — ответил Тэр-Аветис, — но никто не имеет права исконные земли одних отдавать другим. Это земли наших предков.

— Сила не спрашивает о правах!

— О правах не спрашивает разбойничья сила.

Лицо Абдуллы стало свирепым.

— Вы непокорный народ! — бросил он зло. — Мы не нравимся, а гяуров-русских за руку тащите к себе и направляете на нашу страну. И после этого требуете мира? От голоса султана содрогается Европа, а вы отважились противиться его воле? Не пропадете ли вы бесследно?

— Бог дал каждому право защищаться. Мы и делаем это, — ответил Тэр-Аветис.

— Аллах дал также право убивать противников.

— И это верно.

— Кончим… Что же еще вам угодно? — взмахнул рукой Абдулла.

— Мы не покорность свою приехали выразить вам, сераскяр, и не хотим войны. Я приехал требовать, чтобы ты вернул нам Нахичеван, Ереван, Лори и увел свое войско из этих городов. Тогда мы будем жить в мире и дружбе.

Паша громко расхохотался.

— Хороший у тебя аппетит, посол. Ха-ха-ха!.. Не забывай, что великий султан всех поднебесных стран послал меня свершить его суд над вами, чтобы отныне ни один армянин не брался за саблю, которая дарована аллахом только нам. А ты явился требовать у меня Ереван и Нахичеван? Глупец… Отправляйся, посол, и скажи своему князю, что из вас останется жив лишь тот, кто станет передо мной на колени и будет боготворить султана, когда я с огнем и мечом вступлю в вашу страну.

— Я передам, паша, — ответил спокойно Тэр-Аветис. — И встретим мы вас достойно… Только не с поклоном…

— Мы сталью заставим вас поклониться.

— Наши зубы привыкли крошить сталь.

— Кончено! — поднял руку паша.

Армянские послы покинули дворец. Когда они пересекали большую площадь Тавриза, там собралось множество турецких аскяров. Стоя на седле, какой-то мулла кричал:

— Не бойтесь неверных христиан! Крепко держа в руке священный меч Али-Зульфугар и с криками «О, аллах», «О Магомет» бейте и уничтожайте их!

— Полай, полай, — сказал тихо Тэр-Аветис. — Придет конец вашей славе.

— Я знаю этого муллу, — сказал вдруг Есаи.

— На самом деле? — улыбнулся Мовсес.

— Да, да, клянусь крестом, — воодушевился Есаи. — Это тот самый мулла, которого сотник Товма взял в плен. Но Мхитар отпустил его. Тогда он присмирел, как кошка, а теперь поглядите каков.

— В пустом ущелье лиса — лев, — сказал Тэр-Аветис. — Интересно, сколько армян он загубил в Тавризе. А мы его отпустили на волю.

Войдя в ограду армянской церкви, Тэр-Аветис велел готовиться к отъезду. Он был доволен собою, тем, что с честью выполнил свой долг и высоко держал достоинство своего государства перед кичливыми турецкими военачальниками.

Но в душе он чувствовал какой-то горький осадок. На кого он поднимал голос? Кого запугивал? Какую великую державу он представлял? И какая могучая сила стоит за его спиной? От центра Европы до Арабской пустыни все занято турецкими янычарами. Послы европейских стран опускаются на колени во дворце султана. «Бедный мой народ. Зачем было тебе обнажать меч против кровожадного зверя, чтобы теперь грозило тебе уничтожение? Откуда у тебя эта дерзость? Тебе бы гнуть шею и язык держать за зубами. Кто твой покровитель? Ты дал себя обмануть и стоишь теперь одинокий перед ненасытным зверем. Сидел бы ты в своих горах, не отнимая руку от сохи и

серпа… Восстал, не стерпел. Ну, хорошо. А потом? Чего достиг? Ты видел, что они сделали с твоими Ереваном, Лори, Нахичеваном? Не лучше было бы сидеть покорно в своем доме, сохранить кое-как свою веру и свой язык, чем заноситься, а затем падать под ноги слонов?»

Тэр-Аветис содрогнулся от своих мыслей, но в то же время он впервые отчетливо почувствовал, что начатое им дело чревато тяжелыми последствиями. Куда заведут их дерзость и упрямство? Выдержат ли? До каких пор? Хватит ли сил?

Он печально посмотрел на ожидающих его во дворе церкви Мовсеса, Есаи и двух воинов, сопровождавших посольство. Несколько аскяров на улице громко смеялись. Тэр-Аветису показалось, что это смех жестокой судьбы армян. Впервые этот стальной человек почувствовал себя подавленным и бессильным. Что может сделать храбрость против могучей силы врага?

Кончался день. Тэр-Аветис велел накормить коней, чтобы выехать затемно. Сердце сжималось, оно не предвещало доброго. Кто знает, какие козни сейчас готовят против них турки…

Он вошел в келью, где жил несколько недель в ожидании приема. Хотел позвать Мовсеса, чтобы не быть одному, но из угла кельи вдруг вышел тот самый знатный турок, который утром отвел его к паше и, как будто насмехаясь, с большим, чем полагалось, старанием приветствовал его.

— Не удивляйся, тэр посол, — заговорил он ласковым голосом. — Меня послал владыка моей головы, сераскяр, утешить тебя.

Тэр-Аветис вздрогнул от неожиданности. Нечто страшное таили в себе маленькие, узкие глаза этого человека, которые хотя и улыбались, но, казалось, готовы были растерзать того, на кого они смотрели. Он еще более удивился, когда увидел свою убогую келью совершенно преображенной. Стены, пол, голые дотоле, были покрыты дорогими коврами и шелком, на тахте лежали подушки.

— Ты изумлен, тэр посол, — с прежней мягкостью сказал турок, — но чего не бывает в этом бренном мире? Все эти почести оказал тебе великий паша. Ты

ему очень понравился. Это скромные дары от паши, наслаждайся ими…

— Но откуда явился ты сюда? — гневно спросил Тэр-Аветис.

— Это неважно. Все дни, которые ты проводил здесь, я денно и нощно следил за тобой. Я слышал каждое твое дыхание. Так было нужно, иначе наши янычары растерзали бы вас. Я охранял тебя и твоих людей.

«Засада», — быстро промелькнуло в голове Тэр-Аветиса, и он посмотрел с гневом на незваного гостя. Последний торопливо поклонился и вышел в дверь в глубине кельи. Но не успел Тэр-Аветис опомниться, как турок вернулся со слугой, несущим на голове поднос с ужином. Вскоре показался и другой слуга, который принес жареную индейку на серебряном блюде. Они поставили пищу и кувшин вина на низкий столик, стоящий возле тахты, и тут же удалились.

Турок закрыл дверь, зажег свечу и движением руки пригласил Тэр-Аветиса сесть. На дворе воцарилась тишина. Только время от времени слышалось ржание коней.

— Меня зовут Мурад-Асланом, тэр посол, — проговорил, садясь, турок. — Я один из тех, кто пользуется доверием султана, и имею честь быть советником Абдулла паши. Будем друзьями.

— Иногда не плохо подружиться и с врагами, — с иронией сказал Тэр-Аветис, садясь на низенький стул против Мурад-Аслана.

— О!.. Говоришь языком пророка, тэр посол. Если бы все враждующие друг с другом народы на земле подружились бы, то и солнце улыбалось бы сладко над несчастными созданиями бога. Выпьем, тэр посол, — дружески сказал он, наполнив чаши. — Вино знатное.

Не дожидаясь, пока выпьет посол, он осушил чару и, отрезав индюшачью ножку, начал с аппетитом объедать ее.

— Насколько мне известно, истинные мусульмане не пьют вина, тэр советник, — поставив на стол пустую чару, заметил Тэр-Аветис.

— Да, это так, но это установлено для мусульман, а я христианин. Не удивляйся, брат, я армянин.

— Армянин? — почти закричал Тэр-Аветис. — Какой армянин, если

служишь у турок?

— Не торопись, тэр посол, — Мурад-Аслан сделал рукой знак успокоиться. — А вы разве не пошли к русскому царю, чтобы стать его слугами. Не так ли? Да, теперь у армянина нет иного выхода, как служить чужим. А кто будет хозяином — персиянин или турок, не все ли равно?

— Одно дело христианин, другое — магометанин, — возразил Тэр-Аветис.

— Вздор, — рассмеялся Мурад-Аслан. — Такой умный человек, как ты, не должен рассуждать как последний поп. Ты будь покорен, и господин твой будет ласково смотреть на тебя. Не христиане ли, англичане и франки, продали вас?

Тэр-Аветис не нашел ответа. Он выпил еще чару вина. Советник оказался знающим и опытным человеком.

— Вот властелин Мхитар отправил тебя сюда. Ты его слуга и выполняешь его волю… — продолжал тот.

Тэр-Аветис незаметно вздрогнул. «Слуга Мхитара», — подумал он с гневом. И когда поднял голову, заметил притаившуюся в уголках рта собеседника насмешливую улыбку. «Эта собака угадывает мою мысль», — с горечью подумал он.

Мурад-Аслан продолжал:

— На Западе христиане возносят Мхитара за его ратные дела. Может быть, среди всех армян и впрямь нет другого мужа с такой хитростью и умом. Я истинно радуюсь этому. Но мы отклонились от нашего разговора. Не нам, простым смертным, дано осуждать поступки великих людей. Пей вино. Ты, наверно, думаешь, что я не честный армянин. Нет, брат мой, и мне хотелось бы, чтобы Мхитар стал царем всей Армении, и чтобы это царство раскинулось от Куры и Аракса до Евфрата и южных гор моря Бзнунянц.

— Если это так, то почему не отказываешься служить туркам и не вступаешь в войско своего народа? — спросил Тэр-Аветис.

— Гм!.. Я делаю больше, чем вы. Слушай, тэр посол, ты и твой повелитель Мхитар… — Кашель прервал его.

«Твой повелитель Мхитар» — снова эти слова задели Тэр-Аветиса. «Чем

он мой повелитель?»

— …Твой повелитель Мхитар, — подавляя кашель, продолжал Мурад-Аслан, — и все мелики — вы в заблуждении. Ты слышишь? Вы слепо толкаете армянский народ к гибели.

— Мы хотим спасти Армению.

— Это бред. Чем вы хотите ее спасти? Кто вам поможет, кто? Простаки. Идете подставлять свои голые шеи турецкому ятагану, которому под силу разрушить весь мир, от востока до запада.

— Выходит, по-твоему, нет нам спасения? — спросил, наклонившись, Тэр-Аветис.

— Есть!

— Какое?

— Покориться сильному. Сложить оружие и пасть к ногам султана. Только в этом случае народ будет цел.

— Этого никогда не будет.

— Это слова твоего повелителя Мхитара, а не твои. Не заблуждайся, мудрый человек. Пойми полезное. Даже великие державы страшатся стамбульского полумесяца. А вы обнажаете меч против него. Поймите же, этим вы обрекаете на гибель ваш, и мой, с горстку народ.

Помолчав немного, он продолжал:

— Я человек дела, тэр посол. Поговорим о деле.

— Ты пришел с поручением от паши?

— Устами паши с тобой говорит сам султан Ахмед. Поверь, я обращаюсь к тебе с дружеским чувством. Отойди от этого сумасшедшего рамика.

Тэр-Аветиса словно дубиной ударили по голове. Он хоть и понял, от кого предлагают отойти, но спросил строго:

— От кого отойти?

— Не притворяйся наивным, я говорю о твоем повелителе Мхитаре.

— Замолчи, не то…

— Не щетинься, — сказал зло Мурад-Аслан. — Я передаю тебе слова

султана Ахмеда. Пока ты был заключен в этой келье, паша отправил к стопам султана человека по поводу переговоров с тобой. Значит, слушай. Ты будешь пашой — наместником Сюника, а если пожелаешь, католикосом Эчмиадзина. Ведь я знаю, ты был духовным сановником… Это раз. Твоя страна избежит резни. Это второе.

— Цена?

— Избавиться от Мхитара и покориться султану.

— Изменник! — подскочил Тэр-Аветис и протянул растопыренные пальцы к Мурад-Аслану. — Я разорву тебя!..

— Потерпи, — сказал удивительно спокойным голосом Мурад-Аслан. — Будь благоразумен, тэр посол! Мои слова никто не слышит. Твои люди в другой келье. Вот предложение султана: или мир, если будет уничтожен Мхитар, или война. Судьба армянского народа положена на чаши этих весов! Обдумай и дай ответ. Счастливо оставаться…

Мурад-Аслан направился к потаенной двери.

— Постой! — крикнул ему вслед Тэр-Аветис. — Прикажи проводить меня немедленно. Сейчас же.

— Благословен твой путь, — ехидно улыбнувшись, сказал отступник. — Не забывай о сказанном мною.

Через шесть дней армянские посланники подъехали к Алидзору. Всю дорогу Тэр-Аветис думал о предложении Мурад-Аслана. Гнев и возмущение против этого продажного пса, осмелившегося думать, что он продаст Мхитара, не покидали его.

«Бесстыдный отступник!» — повторял он и решил обо всем рассказать Мхитару.

Спарапет встретил его у городских ворот. Тэр-Аветис соскочил с коня и крепко обнял его.

За обедом, рассказав подробно о миссии, он хотел было сообщить также и о подлом предложении Мурад-Аслана. Но решил отложить до вечера, рассказать во время ужина. Во время вечерней трапезы он опять не решился

расстаться со своей тайной и оставил это на следующий день. Однако и на следующий день и последующие дни он так и не нашел в себе силы рассказать Мхитару то, что было известно только ему.

Но он не забыл о словах Мурад-Аслана. По ночам стал плохо спать, ворочался в постели, вздыхал. Страшная мысль стала точить душу этого железной воли и стойкости человека.

А следующие одно за другим горестные события способствовали этому.

Действует стальной кулак

Алидзор лихорадочно готовился.

Не было уже никакого сомнения, что турки вскоре начнут большое наступление.

Мхитар сумел создать еще три полка регулярного войска, в каждом по тысяче оруженосцев. Тикин Сатеник еще раз объехала гавары и, собрав среди населения пожертвования, передала их в распоряжение Армянского Собрания.

Вновь собранные полки разместили на постой в крупных монастырях. Это вызвало недовольство духовных отцов. В знак протеста они босиком и в лохмотьях пришли в Алидзор и шумно протестовали перед дворцом Армянского Собрания. Мхитар приказал избить их и выгнать из города. Двух самых крикливых вардапетов лишили духовного сана. Отцы церкви приумолкли и стали покладистее…

Почти ежедневно из армянских и населенных армянами грузинских гаваров прибывали в Алидзор беженцы. Приходили не только ограбленные и до предела притесненные турецкими пашами крестьяне, но и лишившиеся своей власти мелики и тавады[75].

Мхитар встречал их с распростертыми объятиями и отправлял в отряд оружейника Врданеса. Часто он сам отводил беженцев во дворец

---

[75] Тавады — князья (груз.).

Пхиндз-Артина и оставался там целыми днями. Это давало повод злословам говорить, будто Мхитар завел с красавицей женой Пхиндз-Артина любовные шашни.

Как-то раз, когда Мхитар с почестями отвез к Пхиндз-Артину бежавших из Тифлиса трех армянских меликов и одного грузинского тавада, Вард-хатун сказала мужу:

— Спишь, что ли? Слышал, с какими людьми веселится Мхитар в доме Пхиндз-Артина?

— Какое мне до этого дело? — недовольно отмахнулся Тэр-Аветис. — Бездомные люди, дает им приют.

— Гм, — скрипнула зубами Вард, — «дает приют»… Раскрой глаза, наивный человек! Это князья, бежавшие из Тифлиса и Лори. Мхитар намерен оделить их деревнями и назначить военачальниками.

— Пусть назначает, — буркнул Тэр-Аветис.

— Он их назначит вместо тебя, вместо родовитых меликов, а вас будет держать как слуг. Знай это!

— Довольно! — крикнул Тэр-Аветис. — Всю душу мне вымотали, все жилы из меня вытянули. Хватит! Конец! Не хочу, нет!..

И, словно спасаясь от огня, выскочил из дома. Он невольно направил шаги к церкви. Впервые после тридцатилетнего перерыва у него появилось страстное желание помолиться в церкви.

Был час утреннего богослужения.

Церковь была полна верующими. Увидев Тэр-Аветиса, священники смутились, спутали псалмы. Тэр-Аветис зажег свечу, стал на колени перед алтарем и долго, под удивленными взорами всех, молился.

Он покинул церковь с чувством утери чего-то дорогого. Ему казалось, что от сердца отделяется, уходит сокровенное, что его когда-то светлый путь закрывается густым туманом.

В сопровождении телохранителей, с группой бежавших из Тифлиса военачальников, Мхитар спускался в ущелье Багац. Дорога шла через

прилипшее на крутом склоне горы селение Бех. Никто не встречал Верховного властителя, хотя уже рассвело, и дорога отовсюду просматривалась. Это было неожиданно и странно. Мхитар, Мовсес и военачальники еще больше удивились, когда на плоской крыше первого дома заметили большой костер, около которого никого не было. Вскоре они увидели, что костры горят и на крышах других домов. Мхитару почудилось недоброе.

— Что это значит? — мрачно спросил он ехавшего рядом Мовсеса.

— Сам не понимаю, — ответил Мовсес.

— Может, гневаются крестьяне, тэр Верховный властитель, — заметил один из тифлисских беженцев. — У нас такие огни на крышах зажигают в знак протеста против турецких пашей или персидских ханов. Недобрая примета.

Когда спустились в ущелье, у сводчатого родника увидели собравшихся жителей деревни. Они молча и сосредоточенно стояли в ожидании спарапета. От толпы отделились три старика и, подойдя к Мхитару, протянули ему по общипанной курице. Обомлевший от неожиданности и позора Мхитар вырвал из рук старцев непонятное подношение и отбросил его собакам.

— Здравствуйте, бехцы, — в сердцах обиженно и необычно громко приветствовал он крестьян. — Благодарю за общипанных кур. Такой высокой чести не удостоился ни один вступивший в Армению сельджукский султан, монгольский хан, персидский шах или турецкий паша. Угодили мне… Но будьте добры сказать, зачем вы развели огонь на крышах? Вы что — язычники?

— Считай как хочешь, — рассерженно ответил один из стариков. — Разумей так: мы горим, как дрова, брошенные в эти костры.

— А куры? Насмехаетесь надо мной?.. — крикнул Мхитар.

— Знай также, что мы подобны этим общипанным курам.

Мхитар нахмурил брови, вынул из стремени ногу и, спрыгнув с коня, развалистой походкой подошел к притаившейся толпе.

— Кому принадлежит это село? — хрипло спросил он.

Люди молчали. Он переспросил гневно:

— Спрашиваю: вы чьи? Онемели, что ли?

— Мы люди Тэр-Аветиса, — ответило несколько человек.

— Врете! — загремел Мхитар. — У Тэр-Аветиса нет деревни.

— Есть, милостивый князь, есть… наше село не является, правда, его вотчиной, но принадлежит ему. Оно — приданое его жены, Вард-хатун.

— Ну и что же? — вырвалось у Мхитара невольно.

— Что сказать!.. Горим в огне, погибаем в пасти змеи. Послал нам бог нынче недобрый урожай, но все же мы не роптали, убрали хлеб, а как закончили, то и пришли надсмотрщики Вард-хатун и все, что у нас было, до последнего зернышка отобрали. Корыта наши пусты, мельницы стоят, голодаем всем миром. Увидели, что ты едешь, решили жаловаться, к ногам твоим пасть. Помоги, спаситель наш, не дай умереть с голоду…

Впереди толпы стояли полунагие, исхудалые, с голодными глазами дети. За их спинами, скрестив руки и с глубокой печалью на лицах, — женщины. Большинство мужчин были босы, рваная, много раз залатанная одежда еле прикрывала их худые, костлявые тела. Мхитару казалось, перед ним стоят не люди, а привидения.

«За моей спиной грабят, терзают беззащитных людей, а я…» — с горечью и гневом подумал он и, сев на камень, опустил голову, чтобы не видеть этих страшных существ. Старики, осмелев, стали перед ним. Мовсес, закрыв глаза, качал головой: всюду та же нищета, те же голодные, полуголые люди. Чем все это кончится?

— Гневайся, если угодно, повелитель наш, тэр Мхитар, — заговорил один из стариков. — Угодно: всем селом соберемся в хлеве, — сожги нас. Вырвешь с корнем и зуб и зубную боль. Бездомные мы и без хозяйства, голодны и голы, а впереди зима.

— Погибнем! — вскрикнула какая-то женщина и, растолкав окруживших старика крестьян, оказалась перед Мхитаром. — Ты, Мхитар, взял моего мужа в Варанду — и загубил его там. Малых детей оставил сиротами. Теперь пришли надсмотрщики Вард-хатун и, избив меня как собаку, унесли весь хлеб. Да еще изругали меня неслыханными словами, бесстыжие, мало им показалось. Взяла я

своих сироток и встала перед весами. Взвесьте, говорю, нас, берите, сколько вам угодно пудов; если не хватит, пойду выкопаю из могилы отца своего, принесу сюда его кости. Но не взяли, им пшеница нужна, на что мы им.

После этих смелых слов крестьяне, набравшись храбрости, еще теснее окружили Мхитара. Говорили, перебивая друг друга, шумели, махали руками, иные даже тянули Мхитара за плечи.

— Тихо, рамики! Дайте расскажу Мхитару, что было сегодня ночью! — кричал один. — Черная туча нависла над нами, благодетель наш. Только запели петухи, как заметили на кладбище огонь. Испугались мы, собрались толпой, пошли и — что же увидели? Аракел наш, мой сосед, с женой вырыли могилу, уложили в нее живых детей своих и готовились заживо схоронить их, убить, стало быть. А для себя приготовили другую яму. Развели там костер и хотели броситься в огонь, сгореть. Успели мы вовремя, не позволили. Вот. А что было им делать? Дети на глазах умирают от голода…

— Мы также ищем могилы… нет у нас больше сил платить бесконечные подати! — кричали с разных сторон.

Мхитар, закрыв рукою глаза и опустив голову, молчал. Плачет, что ли?

— Или бери под свою защиту, или мы все уйдем…

— Куда? — встрепенулся Мхитар.

— Туда, где найдем хлеб. Поступим, как протоиерей Мехлу, разгромим все и уйдем…

— Да! — поднялся Мхитар. — Так бежал и мой отец от голода и несправедливости… Думаете, обрел хлеб и справедливость? Как же! Был голоден, голодным и умер на чужбине. Куда вы уйдете, несчастные?.. Где теперь Мехлу? Нет его… Выдумано это, все ложь… Где найдете справедливость, добро?.. Их нет. И не было. Несите свой крест, пока наступит день справедливости. Расходитесь по домам, — несколько успокоившись, продолжал он. — А того, кто посмеет покинуть нашу страну, прикажу обезглавить. Повешу вместе с детьми, знайте это. (Послышались глухие вздохи.) Знайте также, что на моей земле никто не должен умереть с голоду. Я

дам вам хлеба, помогу.

Крестьяне недоверчиво переглянулись. Огорченный этим спарапет велел выделить людей и вьючную скотину, чтобы доставить пшеницу из Алидзора. Это уже подействовало. Нахмуренные, испуганные лица бехцев просветлели. Однако снова из толпы вперед пробрался бородатый старец со впалыми, но живыми глазами и дрожащим голосом заговорил:

— Зачем нам хлеб из Алидзора, милостивый наш властитель? Мы не хотим быть никому в тягость. Если у тебя есть хлеб, отдай своему войску, а нам верни хотя бы половину того, что добыто нами, мы проживем и, прежде чем благодарить господа, вознесем благодарность тебе. Наш хлеб вон там, — он протянул руку в сторону церкви. — Отняли у нас надсмотрщики Вард-хатун и сложили его в церкви. Триста вьюков. Повезут в Агулис, чтобы продать и купить для Вард-хатун драгоценности. Говорят, Вард-хатун подарила свое золото войску, осталась без украшений. Верни нам наш хлеб, если можешь. Твое пусть останется тебе.

Мхитар направился к церкви. Толпа последовала за ним. Топот коней и людской гомон разбудили спящих у церкви надсмотрщиков. Увидев Мхитара, они опешили.

— Откройте двери, а сами убирайтесь! — крикнул на них спарапет.

Когда испуганные надсмотрщики поспешно распахнули двери церкви, Мхитар, обращаясь к толпе, сказал:

— Выносите мешки, берите ваш хлеб. Повелеваю: с сегодняшнего дня вы больше не принадлежите Вард-хатун. Ваше село с сегодняшнего дня свободно… Каждый пусть берет столько пшеницы, сколько отняла у него Вард-хатун.

Оцепеневшие от неожиданности и радости крестьяне сначала не решались перешагнуть порог церкви и удивленно смотрели друг на друга. Затем вдруг все вместе, толкаясь, набросились на мешки. Надсмотрщики убежали.

Мхитар отошел от церкви, вскочил на коня и поскакал по ущелью. Он был мрачен, как потерпевший в бою поражение полководец, который спасается

бегством. Конь несся стремительно. Но время от времени он сдерживал бег и поворачивал морду к отлогим лугам, где паслись кобылицы.

Был яркий осенний день. Под теплыми лучами солнца ущелье наполнилось всеми цветами радуги. Своей пышной красотой и нарядностью природа, казалось, призывала к веселью, к радости. Но Мхитар не замечал этого. Случай в селе Бех не давал ему покоя. Занятый созданием новых полков и подготовкой войска к предстоящим боям с грозным врагом, он не знал, что в стране не все благополучно и что под кажущимся внешним спокойствием таится глубокое недовольство народа. Правда, иногда в глазах некоторых меликов и военачальников, покорно исполняющих все его приказания, он замечал неискренность, подозрительную холодность, но не придавал этому серьезного значения. Чего хотят эти чернобородые, грубые и черствые люди, одичавшие, озлобившиеся в бесконечных войнах? Больше всех его огорчал Тэр-Аветис. Почему он не обуздал свою жену, которая за спиной Армянского Собрания обрекла на голод целое село? А может быть, не только село Бех находится в таком положении?

Мхитар решил обследовать все гавары. Есть ли еще голодающие деревни?

К вечеру, когда мгла начала окутывать землю, вдали показался серый красивый замок Пхиндз-Артина, окруженный высокими, стройными тополями. Уставший, жаждущий отдыха Мхитар погнал лошадь. Заехав во двор замка, он остановился у хижины оружейников и, не постучавшись, открыл дверь. В еле освещенной масляной лампадой комнате он с трудом разглядел сидевших у низенького стола Врданеса и Владимира. Жена Владимира разливала в глиняные миски похлебку. На коленях Врданеса резвился рыжий, кудрявый ребенок. Неожиданное появление Мхитара крайне удивило всех. Врданес снял с колен ребенка.

— Мир дому этому, — бодро приветствовал спарапет.

— Милости просим, пожалуй, властитель наш, — торопливо вставая, сказал Врданес и поклонился.

— Помешал я вам, простите, — сказал Мхитар и, повернувшись к жене

Владимира, смущенно стоявшей с деревянной поварешкой в руках, добавил: — Добрый вечер, хозяйка. Да будет у вас всегда полная чаша. — Он поднял с пола ребенка. — Ну, храбрец, отдашь ли ты мне свой ужин?

— Боше нет, — смело сказал ребенок.

— Кто съел — ты или кошка?

Ребенок засмеялся. Мхитар ущипнул его за щеку.

— О, шалун, сразу видно, что огонь.

Мхитар передал ребенка матери.

— Бог да сохранит его. Пусть не увидит он тех горестей, которые небо послало нам, — сказал он.

— Аминь, — произнесли супруги.

Позвали Пхиндз-Артина. Пришли и тифлисские князья. Расселись кто на чем мог. Артин чувствовал себя уязвленным тем, что спарапет остановился не у него. Он несмело пригласил его в свой дом, но Мхитар замахал рукой.

«Опять в нем проснулся бес», — со страхом подумал владетель рудников. Его огорчало не только это. Мхитар беседовал с оружейниками просто, по-дружески, а с ним обращался важно, сердито, не говорил, а приказывал.

«Верховный властитель, а балует рамиков и каких-то беглецов, — с негодованием думал он. — А я ведь — владетель медных рудников и плавилен Кафана; богаче меня нет человека в стране. Другие готовы на коленях пробираться ко мне. А этот… О боже мой! Всем прощает, всех балует, а со мной разговаривает, как с последним слугой. Сотники полка «Опора страны» пьют с простыми воинами, этого он не видит. Пьяные воины разнесли в Шнгере ворота женского монастыря… Когда пожаловались спарапету, он только улыбнулся. Как повесил святого отца Гарегина, стал преследовать духовных отцов. Даже не поехал на похороны епископа Овакима. Клялся купец, побывавший в доме Мхитара, что видел, как тот целовался с язычником…

Конец света, — продолжал размышлять со страхом Артин. — Цурцы и

тондракийцы[76] разрушат церкви, а меликов и купцов сожгут в кипящей смоле. Ну почему все так изменилось? Этот бес Мхитар угадывает даже мысли людей», — с ужасом думал Пхиндз-Артин…

После короткого отдыха, оставив тифлисцев в доме оружейников, Мхитар в сопровождении Мовсеса и нескольких сотников покинул замок Пхиндз-Артина. Ехали всю ночь. Рассвет застал их в ущелье Каварта. Здесь воздух был пропитан запахом жженой серы, а вода в речушках и лужах отливала ржавчиной, всюду на камнях виднелись следы красной извести.

— Все эти горы насквозь из меди, — произнес ехавший рядом с Мхитаром Мовсес. — Какое богатство! Если бы в каждом ущелье устроить рудники и плавильни, можно было бы добывать сто тысяч пудов меди в год. Тогда могли бы содержать даже пятьдесят тысяч постоянного войска…

— Сделаем, — вздохнул Мхитар. — Минует турецкая опасность, сделаем и это.

— Медь наша отменная. В Венеции из нее отливают памятники.

С тоской и горьким сожалением глядел Мхитар на меденосные скалы. Под ногами лежало беспредельное богатство, а пользоваться им не могли. Когда же получим возможность жить спокойно? О господи…

Вдруг лошади шарахнулись. Мовсес едва удержался в седле.

— Какой там черт пугает коней? — спросил он тревожно.

— А ты посмотри, — усмирив своего коня, ответил спарапет.

В дорожной пыли ползло какое-то странное существо.

— Иисусе… господь милостивый, — прошептал Мовсес испуганно.

Мхитар сошел с коня. Спешились и остальные. По каменистой дороге, кряхтя и фыркая, полз обезображенный человек, скорее бесформенный комок мяса. Когда подошли ближе, все остолбенели. Комок оказался безногим мужчиной. Застарелые рубцы чернели подобно черепашьему панцирю. На

---

[76] Цур — село в Зангезуре (Армения), где в X веке возникли крестьянские волнения; Тондрак — село в Западной Армении. Здесь в X веке вспыхнуло знаменитое крестьянское движение, распространившееся на всю страну и направленное против церкви, социального неравенства и феодалов.

култышках образовались наросты с палец толщиной, как на спине буйвола, годами таскавшего ярмо. Измазанное грязью тело покрыто ссадинами и шрамами. Пальцы на одной руке неподвижно согнуты. Волосы на голове походили на войлок, и невозможно было установить, какого они цвета — пепельного, белого или желтого. Опухший живот и нижнюю часть тела еле укрывала рваная тряпка — единственная одежда несчастного.

— Избавь, господи! — вновь воскликнул испуганный Мовсес. — Эй, человече, остановись!

Но комок мяса продолжал ползти. Мовсес нагнулся и осторожно тронул его за плечо.

— Брат, остановись и выслушай меня, — попросил он.

— У-у-у-у-йди, — зарычал увечный.

— Куда же ты идешь? — отстраняясь, спросил Мовсес.

— Убить… утопить…

— Кого?

— Зло, зверя, который сожрал мои ноги и сердце… Отойди! Съем, укушу. Нету, нет его, нет человека божьего. Есть зверь. И господь — его попечитель. — Он остановился, сел на обрубки ног, затем, отбросив упавшие на лоб волосы, уставился узкими, едва видимыми глазами на стоящих перед ним людей. — Идете туда, терзать оставшихся? Идите. Да, там еще есть, не всех растерзали. В плавильнях Каварта есть покойники, которые еще движутся. Пхиндз-Артин не сожрал, не прикончил всех, достанется и вам, идите…

— Юродивый? — спросил Мхитар.

— Нет, — шепотом ответил Мовсес. — Я, кажется, догадываюсь. Эй, человек, ты из рудников Каварта?

Человек, выпучив глаза, змеем посмотрел на него.

— Хи-хи-хи, — скривил он опухшие губы. — Из рудников? Там ад, преисподняя. Из ада нет выхода. Говорят, спасение принесет только сын

рамика Мхитар. Но где он? Кто убил утешителя[77] нашего? Мелик Муси и Пхиндз-Артин убили солнце, луну, лишили рудокопов воды, оставили только медную жилу, чтобы сосать, пить вместе с нашей кровью… Это они убили Мхитара, чтобы мы не нашли выхода из рудников, сгнили бы там. Иду задушить Пхиндз-Артина. Посторонись, дай дорогу. Задушу… задушу… — И он попытался ползти дальше, но Мовсес снова остановил его:

— Постон, брат, кто сказал, что Мхитара убили?

— Садаэл[78]. Да, Садаэл с палящим бичом в руках. Бич… У-у… Не вкушали вы его? О, о… Он распух от крови, от нашей крови, Садаэл кормит нас кнутом. Это он сказал, что нет Мхитара. А мы ждали его, сына рамика. Убили… Зарезали нашу надежду.

Он зарыдал. Воины с ужасом смотрели на этого несчастного человека. Он заговорил снова, ударяя в грудь кулаком.

Мхитар нагнулся над ним:

— Я Мхитар, брат мой, опомнись, скажи, кто ты?

— Врешь! — замахал калека здоровой рукой. — Мхитара нет. Его, как Рушана, распяли на скале Хуступ. Не то взошло бы солнце, взошло бы… Не то нас не пожирали бы Пхиндз-Артин и Садаэл. Всевышний, дай место возле себя надежде армян Мхитару.

Долго, терпеливо уверял спарапет, что он и есть Мхитар. Подтвердили это Мовсес и воины. Наконец калека, широко раскрыв глаза, посмотрел на Мхитара и, с трудом выпрямившись, прильнул головой к его груди.

— Постой, я слышал когда-то сердце Мхитара. Я узнаю его по сердцу. Молчи, сейчас… — сказал он и, подняв руку, приложил ухо к груди Мхитара. На его заросшем лице вскоре появилась улыбка.

— Он! — крикнул увечный и здоровой рукой обнял Мхитара. — Да, это ты, спаситель наш!.. Я узнал тебя, ждал, что придешь и вызволишь нас из

---

[77] Мхитар — по-армянски буквально утешитель.

[78] Садаэл — черт, шайтан, нечистая сила.

могилы. Эй, люди, это он… пришел… Берегите, защищайте нашего Мхитара! — хриплым от рыдания голосом не переставал кричать он и ударил кулаком о камень. — Рушан не распят, он не умер, нет… Раздвинется гора Хуступ, вырвется из нее пламя, и выйдет Ваагн в облике Рушана. Выйдет и скажет мне, рабу Ованесу: «Будь свободен, по желанию своему».

Воины завернули его в бурку и посадили на коня. Искалеченный человек то рыдал, то громко и странно смеялся, то, успокоившись, рассказывал страшные были о жизни рудокопов Каварта.

— Без света они, во мраке кромешном! — кричал он как сумасшедший. — Тринадцать лет назад продал меня мелик Пхиндз-Артину. Загнали под землю, и больше не видел я солнца. Добывал медь, чтобы из нее изготовили подсвечники, а сам, лишенный света, тосковал по нему. Рудники Артина отняли у меня ноги…

Приехали в Кавартские рудники.

Там и здесь, у подножья скал, покрытых хилыми кустами шиповника и высохшей травой, виднелись зияющие пасти подземных проходов к медным рудникам.

Из домика, построенного на скорую руку, у одного из проходов, доносился душераздирающий крик. Подъехав к домику, спарапет быстро сошел с коня и открыл дверь. В полумраке, спиной к двери, стоял, раздвинув ноги, быкоподобный мужчина. Кряхтя и ругаясь, он избивал бичом распростертого человека.

— Ослиное отродье… Сукин сын… Куда девался ползун? Где ты был, подох, что ли, когда увели его, а? Получай, твою мать… Получай!..

На тахте сидела молодая женщина. Она спокойно ела сушеный инжир и посмеивалась, слушая неистовые крики лежащего на сырой земле несчастного. Увидев входящего Мхитара, женщина удивленно заморгала своими красивыми глазами, а затем ощетинилась и, сжавшись в углу, завизжала. Быкоподобный верзила, почувствовав неладное, обернулся. Мхитару показалось, что перед ним стоит не человек, а сатанинское отродье с огромной головой, кривым,

свернутым к уху красным носом и с налитыми кровью глазами.

Секунды две он гневно смотрел на незваного гостя и не то в сердцах, не то от страха заревел:

— Кто ты?

— Это он, Садаэл! — крикнул испуганно калека. — Берегитесь его, о ужас… Он, Садаэл! Отойди от него, Мхитар, сейчас он растопчет и тебя…

Великан схватил выроненную плеть, но в это время Горги Младший приставил копье к его голой, густо заросшей груди:

— Признай властителя своего, собака!

Плеть вновь выпала из рук чудовища. Он узнал Мхитара, медленно опустился на колени и, протянув вперед руки, прохрипел:

— Не казни меня, тэр Верховный властитель. Я лишь надсмотрщик Пхиндз-Артина, выполняю его волю.

— Истязая людей?! — гневно крикнул Мхитар.

— Таково веление моего господина.

Мхитар отвернулся и вышел. Воины подняли валявшегося на земле полуживого человека и стали приводить его в чувство. Скорчившаяся в углу молодая женщина вдруг, как кошка, прыгнула в окно и скрылась… Надсмотрщик на коленях следовал за Мхитаром, умоляя о пощаде.

— Садаэл!.. О злой дэв! Час возмездия за Рушана наступил! — не переставал орать калека.

По тропинке, ведущей от шахт к плавильне, шли навьюченные корзинками с медной рудой мулы. Завидев Верховного властителя и его воинов, погонщики мулов пали ниц. Мхитар с неудовольствием посмотрел на них и крикнул:

— Вставайте, передо мною ползают только враги! — Затем, когда гнев несколько остыл, велел надсмотрщику показать ему медные рудники. Тот испуганными глазами посмотрел на него и, поклонившись до земли, сказал:

— Не смею, тэр властитель, опасно для твоей милости…

Но Мхитар уже вошел в подземный проход. Погонщики, оставив своих мулов, зажгли факелы и побежали за ним. Сырые, с медными вкрапинами

стены при свете факелов казались багровыми. Со стен падали тяжелые капли воды. Сырой, спертый воздух захватывал дыхание. Сгибаясь, надсмотрщик продвигался вперед, предостерегая Мхитара от ухабов и груд камней. После долгого пути наконец остановились в сравнительно просторной рудничной яме. Из глубины доносились звон цепей и тяжелое дыхание людей.

— Дайте больше света, — сказал Мхитар, не видя ничего в полутьме.

Когда зажгли новые факелы, перед взором Мхитара открылась тягостная картина. Человек двадцать полуголых, похожих на привидения рудокопов, напрягая костлявые тела, падая и вставая, таскали из глубины тяжелые корзины с породой и опорожняли их у входа в яму. Подойдя поближе, Мхитар заметил, что они все прикованы длинной цепью к скале. Были закованы в цепи и руки, но так, чтобы несчастные могли таскать корзины. Заметив пришедших, рудокопы стали хором петь, вызвав крайнее удивление Мхитара. Пещера гремела от хриплых, озлобленных голосов. Но ни Мхитар, ни Мовсес, ни воины не могли понять их песни.

— Перестаньте! — приказал Мхитар. — Зачем поете?

Закованные умолкли и широко раскрытыми глазами смотрели на него. Мхитар повторил свой вопрос.

— От счастья, — ответил один из рудокопов. — Так велено. Запел бы и ты, если бы отведал удары господина Гедеона. Как не петь? Разве не видишь нашего счастья, это же рай? — словно излив душу, добавил он.

Мхитар, бросив гневный взгляд на надсмотрщика и протянув руку в сторону темной ямы, спросил:

— И там есть люди?

— Есть, камень добывают оттуда, — ответил тот запинаясь.

— Спустимся вниз.

Подбородок надсмотрщика задрожал.

— Не ходи, милостивый властитель, там совсем опасно, — стал умолять он дрожащим голосом, бросившись в ноги Мхитару.

Мовсес, Горги Младший и другие тоже просили спарапета не спускаться

туда. Но Мхитар взмахнул рукою и вошел в доставленную снизу большую корзину.

— Спускайте, — приказал он решительным голосом.

В корзину вошли Горги, надсмотрщик и три воина. Один из закованных засмеялся так, что устрашился даже Горги. Ему показалось, что они спускаются в глубину ада, а рудокопы, что смотрят на них, — это черти, выползшие из загробного мира.

Подвешенная на канате огромная корзина медленно опускалась. Горги закрыл глаза. В густом мраке слышались скрип корзины и какие-то неопределенные голоса, доносившиеся, казалось, из могил. Когда корзина коснулась земли, надсмотрщик что-то крикнул. Тотчас же к ним подошли с масляными светильниками два человека, похожие на пещерных людей. Они заросли настолько, что волосы доставали до бедер и прикрывали наготу. Показались еще десятка два таких же существ с остроконечными ломами в руках; глаза их выражали одновременно и ненависть, и испуг, и любопытство к людям, прибывшим «из светлого мира». Когда Мхитар приблизился к ним, они испуганно шарахнулись в стороны, звеня цепями и что-то выкрикивая, скрылись в темноте пещеры.

— Это ад, — глухим голосом произнес Мхитар.

— Все они были приговорены к смерти, — объяснил надсмотрщик. — Их купил мой хозяин. Пусть желают ему здравия, что живут до сих пор.

— Кто приговорил к смерти?

— Церковь и мелики. Это язычники, тэр Верховный. Последыши Мехлу, которые не признают ни законов, ни бога. Они оскверняли крест, бежали с монастырских земель, от меликов. Их схватили и продали моему хозяину, Пхиндз-Артину.

— Много их?

— Двести человек еще живы.

— А умерших?

— Много… Здесь все умирают. Никто отсюда не выходит живым.

— Собери всех сюда.

Надсмотрщик приложил ко рту ладони и крикнул. Затем еще раз, сильнее. Наконец из мрака стали выползать дрожавшие от страха скелетообразные существа. У Мхитара было такое ощущение, будто в его череп вбивают гвозди. Никогда не видел он ничего более ужасного. Несчастные были с клейменными лбами, с вырванными ноздрями.

— Кто ты? — указывая пальцем на стоящего перед ним, спросил Мхитар.

Тот что-то пробормотал.

— Безъязыкий он, — объяснил надсмотрщик. — Восемь лет назад святой отец Гарегин собственной рукой отрезал. Удивляюсь, как жив еще. Тут долго не протянешь.

— Подымите всех наверх, — приказал Мхитар.

— Милостивый властитель, — брякнулся на колени надсмотрщик, — хозяин тогда вместо них меня заточит сюда, пожалей, не делай этого, у меня дети.

— Подыми всех наверх, — с трудом сдерживая гнев, повторил Мхитар и стал ждать, пока не сняли со всех рудокопов оковы и не подняли обреченных наверх.

Последним вошел сам в корзину и велел надсмотрщику также покинуть яму. Когда вышли на свет, Мхитар почувствовал, что голова у него кружится и в глазах мутнеет. Высвобожденные рудокопы целовали землю, камни, ползали в пыли и грязи перед домиком, горько рыдали. Мхитар не в силах был смотреть на эту щемящую душу картину, отвернулся и попросил воды.

— Спаситель, ведь говорил же я, что придет спаситель наш, — беспрестанно выкрикивал калека, подползая и целуя то одного, то другого рудокопа.

Мхитар приказал отвезти всех рудокопов в замок Пхиндз-Артина.

— Скажите, что я буду у него через десять дней. И повеление мое — лечить, кормить и привести в божеский вид всех этих людей. Коль прибуду и увижу хоть одного больного, горе ему. Ступайте!

На шею быкоподобного надсмотрщика привязали камень и столкнули истязателя в заброшенную шахту. Безногий калека, ползая вокруг ямы, швырял вниз камни и визжал от удовольствия.

Десять дней, не зная ни сна, ни отдыха, Верховный властитель разъезжал по гаварам. Внезапно появляясь то в одной, то в другой деревне и объявляя тревогу, проверял боевую готовность местных отрядов. Был суров и беспощаден. В двух деревнях велел избить старшин и десятников, не сумевших вовремя собрать отряды. В другом месте поощрил проворного десятника, подарив ему свою бурку. Он упорно отказывал сельским старшинам, которые приглашали его к себе, и довольствовался скромной пищей своих телохранителей.

Его неожиданное появление в гаварах напоминало людям о том, что опасность еще не миновала и что турки, вероятно, снова готовятся пойти войной.

Разъезжая по деревням, Мхитар, однако, не забывал то, что увидел в рудниках Каварта, и каждый раз, когда он вспоминал несчастных рудокопов, кровь вновь и вновь закипала в его жилах. Прежде чем вернуться в Алидзор, он решил заехать в замок Пхиндз-Артина. Его встретили оружейники.

— Где хозяин дома и почему он не встречает меня? — спросил спарапет.

— Нет его здесь, тэр Верховный властитель, — сказал Врданес.

— Убежал? — Кровь ударила в голову Мхитара.

— Да, тэр наш, в тот день, когда ты выпустил из рудников несчастных, Артин со страха места себе не находил. Взял ночью жену и детей и скрылся.

— Куда?

— В Алидзор. Страшится тебя.

Мхитар долго молчал, заскрежетал зубами. Затем велел позвать рудокопов. Они явились. Все были одеты в суконные архалуки и лапти из буйволиной кожи и заметно поправились.

— Ну? — подавляя улыбку, спросил Мхитар.

— Были мертвы, воскресли! — крикнули рудокопы. — Да ниспошлет

господь вечный покой вашим усопшим. Видишь, стали вроде как люди.

— Этого мало. Я еще сдеру шкуру с Пхиндз-Артина. А теперь вот что, братья мои. Вы теперь свободны и вольны располагать собой. Вы больше не рабы, понимаете?

— Умножь господь твою жизнь! — хором крикнули рудокопы.

— Но нам нужна медь, вы сами знаете. Вы должны вернуться в Кавартские рудники. Но работать будете не так, как заставлял Пхиндз-Артин. В Каварте для вас построят дома и будут сытно кормить. С утра отправитесь в рудники, а в полдень вернетесь домой. И каждую неделю станете получать деньги за вашу работу. В ущельях Каварта я вам выделяю землю и разрешаю жениться. Только добывайте как можно больше меди. Согласны?

— Согласны! — единодушно ответили рудокопы.

— Пусть кто-нибудь из вас будет старшиной, изберите и судью, чтобы они вели дела вашей общины. А если возникнут споры, приходите ко мне. Согласны ли с этим?

— Согласны, — снова единодушно ответила толпа рабочих.

До поздней ночи оставался Мхитар с рудокопами, помог им избрать старшину и судью, условился, как будут сдавать руду владельцам правилен, сколько должны получать за каждый пуд. Старый рудокоп, бежавший из Лори, помог Мхитару своими дельными советами.

Только перед рассветом Мхитар вернулся в Алидзор, твердо решив наказать Пхиндз-Артина. Стражники, заметив его, затрубили в трубы. Раздвинулись ворота, и навстречу спарапету выбежал сотник Товма. «Опять он», — нахмурив брови, подумал Мхитар. Червь зависти снова проснулся в нем. Стоило ему увидеть Товму или Гоар, как старая, казалось, давно зарубцевавшаяся рана давала о себе знать щемящей болью. «Надо удалить его хотя бы из Алидзора. Но ведь преданно служит». Неохотно ответив на приветствие Товмы, Мхитар задал ему два-три отрывистых вопроса и направил лошадь к дворцу.

У входа во дворец его ожидали князь Баяндур, Тэр-Аветис и мелик Багр.

Все трое низко поклонились ему. Мхитар, мимоходом ответив на их поклон, быстро поднялся по ступеням…

Войдя в небольшой зал старейшин Армянского Собрания, он отдернул от окна штору, постоял немного, любуясь восходящим над горами солнцем, затем, круто повернувшись, уставился на входивших вслед за ним военачальников.

— С сегодняшнего дня рудники Каварта будут принадлежать Армянскому Собранию, князья, — решительным голосом медленно произнес он. — Пхиндз-Артин творит там беззакония, которым мог бы позавидовать даже людоед Ленк-Тимур.

Затем он велел Мовсесу написать об этом указ. На лицах военачальников и князей появилась улыбка, они были довольны решением Мхитара, потому что завидовали Пхиндз-Артину, который накопил огромное богатство.

Подписав указ, Мхитар поднялся и перевел взгляд на Тэр-Аветиса.

— Ты, оказывается, имеешь собственную деревню, а я и не ведал об этом, брат мой, — сказал он с иронией.

— У меня нет деревни, есть у моей жены, — ответил Тэр-Аветис. — У меня лишь два богатства: несчастная наша страна и верность тебе.

Мхитар опустил глаза. Он понял, что Тэр-Аветису уже известно происшедшее в деревне Бех и он обижен на него. Спарапет хотел было послать за Вард-хатун, но тут же передумал и решил поговорить с нею потом, наедине.

— В Бехе люди убирают с голоду, — упрекнул он Тэр-Аветиса.

— Знаю. Я наказал старшину этого села, — невозмутимо ответил Тэр-Аветис. — Он висит теперь на площади села.

— За излишнюю строгость и жестокость с крестьянами? — спросил Мхитар.

— За то, что не сберег мое имущество.

— Жестокий! — воскликнул Мхитар и тяжело опустился в кресло.

— Я хозяин своего добра, и никто не должен вмешиваться в мои семейные дела, — глядя в окно, недовольно сказал Тэр-Аветис.

— Ведь гибнут от голода наши люди, где твоя совесть, Аветис? — спросил

Мхитар сокрушенно.

Тэр-Аветис усмехнулся. Князь Баяндур, Багр с беспокойным вниманием следили за перебранкой двух друзей и предчувствовали недоброе. Но не смели вмешиваться в их разговор, попытаться примирить их, ибо знали, что оба упрямы и своенравны.

— Совесть моя чиста, Мхитар, — спокойно ответил Тэр-Аветис. — Верно, руки мои покрыты кровью. Но это лишь кровь наших врагов, и господь простит мне. А не простит — тоже не беда, ибо я чист перед моим народом и вправе требовать даже от всевышнего не вмешиваться в мои домашние дела. Я и впредь буду преданно служить нашей отчизне, дабы спасти от гибели хотя бы последние её крохи…

Все умолкли. Мхитар, упираясь подбородком в ладонь, лишь часто моргал. Тэр-Аветис больше всего обиделся на то, что Мхитар дал свободу крестьянам Беха, не спрашивая его. Он не гнался ни за славой, ни за богатством, лишь бы не оскорбляли его самолюбия, не попирали его права.

— Воля твоя, — медленно подняв голову, обиженно произнес Мхитар. — Но знай, — резко добавил он, — и уведомь об этом мою сестру Вард-хатун, что село Бех принадлежит отныне Армянскому Собранию.

— Знаю, знает и она. Слышали о твоем наезде туда.

Военачальники с приметным недовольством переглянулись. «Куда это тянет Мхитар? — с горечью подумал мелик Багр. — Завтра он отнимет и мою деревню, передаст Армянскому Собранию». Он откашлялся, глотнул слюну. Ему вдруг показалось, что перед ним не Мхитар, а кто-то чужой. Все молчали. Молчал и Мхитар. Сидел неподвижно, задумчиво уставившись в пол. И только на виске жилка стала дергаться заметнее.

— Ну? — наконец поднял он голову. — Чего молчите, будто все в рот воды набрали? Говорите же… Я знаю, о чем вы думаете. А вот крестьяне села Бех восстали. На крышах среди белого дня зажгли костры. Преподнесли ощипанных кур. Бесчестие неслыханное, понимаете? Они умирают от голода. И это — когда нависла опасность. Спрашиваю вас — пойдет ли против врага

голодный шинакан[79]?! Нет, не пойдет. Зачем ему идти, если мы вырываем у его детей последний кусок хлеба. В рудниках Каварта гнули спины нелюди — скелеты. Известно ли это вам, почтенные князья? Нет! Пхиндз-Артин заставляет людей работать в подземелье до тех пор, пока не испустят дух…

Слова бессильны были облегчить душу Мхитара. Он был полон негодования.

— Артина давно нужно было наказать, — заговорил князь Баяндур.

— Монастыри торгуют людьми, знаете ли вы об этом? — продолжал спарапет. — Артин покупает осужденных церковью и бросает их навечно в свои рудники.

Слушая Мхитара, Тэр-Аветис все больше и больше удивлялся. Чувствовалось, что он искренне страдает.

— Мир так устроен, его не изменишь, — сказал он с грустью. — Но Артина следует наказать строжайше.

Мхитар приказал привести Пхиндз-Артина. Мелики облегченно, с нескрываемой радостью вздохнули: наконец-то самый богатый в стране человек будет наказан. Не могли переносить этого разбогатевшего, пресыщенного ходжу. Они с мечом в руках сражаются с врагом, а он в это время копит горы золота, жрет плов с куропатками и наслаждается в своем роскошном замке.

Но Тэр-Аветиса мучали и другие мысли. Внешне он казался спокойным, и трудно было угадать, что его тревожит. «Не сегодня-завтра османские полчища хлынут в нашу страну, а спарапет, вместо сплочения сил, дает повод для раздора, — думал он. — А пострадает народ. О его судьбе должно думать прежде всего». Он повернулся к Мхитару, чтобы высказать это, но тут в дверях показались тикин Сатеник, Гоар и мать Пхиндз-Артина — все в черных одеяниях и со слезами на глазах. Мхитар вздрогнул от неожиданности.

— Зачем пришли? — обращаясь к жене, гневно спросил он.

---

[79] Шинакан — буквально селянин; крестьянин, мужик.

Женщины опустились на колени у дверей. Мать Артипа протянула вперед руки.

— Убей меня, всемогущий властелин, но не казни моего сына… — сквозь рыдания произнесла она.

— Утихомирь гнев свой, Мхитар… — нежным, но решительным голосом сказала тикин Сатеник. — Прости Артина, он раскаялся, как истинный христианин. Не обрати в сирот его детей, не обрекай его жену раньше времени носить черное вдовье покрывало.

Она умолкла и опустила голову, не в силах больше смотреть на гневное, напряженное лицо мужа, на его искрящиеся от злости глаза и дергающиеся руки. Военачальники, стараясь не глядеть на рыдающих жен, молчали.

— Вставайте! — загремел Мхитар так, что все вздрогнули, удивленно посмотрели на него: «Не сошел ли он с ума?» — И убирайтесь вон… Горе стране, над правителями которой будут властвовать женщины… — произнес он в ярости.

Но в это время шумно открылась дверь, и воины, втащив полуживого Артина, бросили его под ноги Мхитара. Мать Пхиндз-Артина вскрикнула и упала без чувств. Артин, судорожно цепляясь и тяжело дыша, произносил какие-то непонятные слова. Из-за двери слышался плач его жены и детей.

— Уймись, Мхитар, небесная кара настигнет тебя! — выкрикнула тикин Сатеник. — Услышь мольбу этих несчастных.

— Выведите их, — указывая рукою на женщин, приказал воинам Мхитар.

Тикин Сатеник вскочила с гордым достоинством, подняла вместе с Гоар мать Артина и увела ее.

— Пощади, властитель наш, я собака твоя, — целуя сапоги Мхитара, умолял Пхиндз-Артин.

Цепь необычных, неожиданных событий настолько потрясла Мхитара, что ему казалось, что он видит все это во сне, что все это кошмар, какая-то сумасшедшая игра. Почувствовав кого-то у своих ног, он с отвращением отодвинулся, и в этот миг кошмар рассеялся, уступив место суровой

действительности.

— Позовите палача, — вытерев холодный пот на лбу, глухим голосом приказал он.

Палач не заставил себя ждать. Вошел одетый в красное детина и, не ожидая приказания, заученным движением, как человек, хорошо знающий свое дело, оторвал от земли лишившегося чувств Пхиндз-Артина, поднял его, как дети с отвращением подымают грязного щенка, и посмотрел на Мхитара:

— Здесь или?..

Мхитар исподлобья глянул на военачальников. Ему не трудно было угадать, что все они желают, чтобы Артин был обезглавлен. Наивные люди! А кто будет добывать медь, лить пушки, пополнять оскудевшую казну Собрания? Какими глазами посмотрит он тогда на суровую, но справедливую Сатеник и на гордую тигрицу Гоар?

— Уведи, — глухим голосом приказал он палачу. — Придет в чувство, всыпь тридцать горячих и таскай по улицам, чтобы все плевали ему в лицо. А потом, когда соберется с силами, приведешь ко мне.

Пхиндз-Артина увели. Ушли также военачальники. Мхитар послал Горги к палачу:

— Скажи ему, чтобы отхлестал полегче, убьет собаку. И чтобы по городу не водил.

Услышав это, Мовсес мягко улыбнулся и незаметно вышел. Он был доволен снисходительностью Верховного властителя. Всех не обезглавишь, не перебьешь. Разве другие — Бархудар, Шафраз Сисаканский, паронтэр Муси, даже не гоняющийся за богатством Тэр-Аветис — менее жестоки, чем Артин? Так было, так и будет. Что может поделать один Мхитар против укоренившегося веками порядка? Ничего… И лучше, если бы он старался не замечать этого или делал бы вид, будто не видит. И вспомнил слова древнего поэта:

Один — родовит из рода в род,

другой — нищий из рода в род.

Ищет правду, справедливость… Существуют ли они?.. Кто их даст, кто допустит?..

Тэр-Аветис вернулся домой раздраженный. Его злило поведение Мхитара, который с каждым днем становился все более властным, самовольным, перестал с ним советоваться, ни во что не ставил старейшин, выносил решения один, наказывал кого хотел, кого хотел — миловал. И жена встретила его немилостиво:

— И мою деревню отнял твой Мхитар, а ты молчишь, как перепуганный ребенок.

— Перестань, не хочу, не трещи, — махнул рукой Тэр-Аветис.

— Почему я должна перестать, — не уступала жена, — молчать, чтобы он сел мне на голову, этот сын голодранца, чтобы он завтра лишил меня моего наследства, оставил без куска хлеба. Этого не будет, нет! И вы еще называете себя мужчинами? Перед кем гнетесь, горе вам! Где это слыхано, чтобы рамик стал князем, правителем?

— Да замолчи ты наконец, — вновь замахал руками муж. — Может, ты и права. Но не время сейчас, пойми. — И, вздрогнув от своих же слов, подумал: «А какого времени я жду?» — Замолчи, не время для семейных ссор. Это повредит нашему делу, замолчи, — добавил он более спокойно, довольный тем, что нашел причину оправдаться.

Но Вард-хатун не могла успокоиться. Она ненавидела Верховного властителя, оскорбившего ее своим решением.

Через неделю Мхитар принял Пхиндз-Артина.

— Чтоб прежнее не повторилось! — сказал он сурово. — Вина твоя велика. В другой раз пощады не жди.

— Да, властитель мой, — простонал Артин. — Грехам моим нет прощения.

— Ступай домой. Будь благоразумным, выполняй волю своего властителя и удостоишься милости его.

Пхиндз-Артин попятился, беспрестанно кланяясь и повторяя слова

благодарности.

Оставшись наедине и вспомнив пережитое, он горько зарыдал. Ни один персидский хан или турецкий паша так не оскорбил его, как это сделал соплеменник. Душа его жаждала мести. «Ищешь справедливости, Мхитар? Напрасно. Наживешь врагов. Знай это!» — злобно думал он.

Между тем Мхитар был доволен, что окончил дело миром.

Зачем приходит весна

Весна 1729 года выдалась ранней. Уже в начале марта снег повсюду растаял, реки стали полноводными, просохли дороги, и земля покрылась нежной зеленью. Но весна не принесла радости армянскому народу. Она приманила журавлей и ласточек, нивы весело зашумели, но весенний ветер донес и дым горевших в западных гаварах поселений, и звон оружия турецких армий.

Пусть бы затянулась зима, пусть бы оставались закрытыми дороги, лишь бы не видеть черных масс османцев с поднятыми копьями, несущихся лавиной на мирно курящиеся села и живущие в вечной тревоге города.

Кому нужна эта весна, несущая с собою смерть и разорение?

Готовясь к отражению турецкого нашествия, Верховный властитель Мхитар велел всем меликам и военачальникам со своими семьями и войсками перебраться в Алидзор. После зимней тишины и спокойствия город оживился. Отряды меликов разместились в постоялых дворах, на рынках и в крепостных казармах, а их семьи поселились во дворце Армянского Собрания. Все это было сделано Мхитаром преднамеренно. Держа у себя войско и семьи меликов, он предупреждал их возможную измену и заставлял быть покорными.

Оставил он на своих местах лишь паронтэра Агулиса мелика Муси, мелика Сисакана Шафраза и владетелей Джраберда и Гюлистана. Со своими войсками они должны были охранять границы страны. Правда, Мхитар не был уверен в преданности и верности мелика Муси, но сотник Товма со своим хорошо

обученным войском, которого он собирался отправить в Агулис, должен был в случае необходимости обуздать паронтэра. Кроме того, Мхитар был рад представившемуся поводу отправить подальше от Алидзора Гоар и самого Товму.

Весь день с улиц и переулков Алидзора подымался теплый пар. Таяли под грудами мусора остатки льда, грязные потоки текли к городским воротам.

По одному из переулков, ведущих к расположению полка «Опора страны», шел погруженный в свои мысли Тэр-Аветис. Как предводитель объединенного войска, он часто навещал полки и дружины ополченцев. И делал это тем более охотно, что желал, как можно меньше находиться дома и слышать бесконечные упреки Вард-хатун.

При встрече с ним алидзорцы снимали шапки и почтительно кланялись. Он отвечал им легким кивком головы и продолжал шагать медленно, с высоко поднятой головой. Серебряные ножны его тяжелой сабли временами ослепительно сверкали, отражая лучи солнца. Ничто, казалось, не привлекало внимания Тэр-Аветиса. Не чувствовал он даже опьяняющего весеннего воздуха. Взгляд его выражал глубокую печаль и озабоченность. Его беспокоила судьба родной страны и народа.

«Турецкий султан снова поднимает против нас свои армии. Устоим ли? До каких пор может малочисленный народ своими слабыми силами противостоять опасностям, отражать бесконечные нападения врагов? Одинокое дерево, каким бы оно стойким и жизнеспособным ни было, может противостоять урагану день, два, но в конце концов и оно погибнет. Мы подобны этому одинокому дереву. Да, будем биться в одном сражении, в другом, возьмем верх в десяти сражениях. А потом?.. Враг скопил войска в Тавризе, Гандзаке, в Нахичеване. А что мы имеем?» Он горько усмехнулся. И как ни старался Тэр-Аветис отогнать от себя мысль о том, что сопротивление может иметь трагические последствия для его народа, это ему не удалось. «А может быть, действительно следует покориться султану, дабы избежать бедствия? Ведь Мурад-Аслан обещал не разорять страну, если мы примем власть султана. То же самое обещал и паша.

Сдержат ли турки свое обещание?

А Мхитар… Этот твердо убежден в спасении, если весь народ подымется против врага. Весь народ, а сколько его осталось? И до каких пор можно сопротивляться? Не подтолкнем ли к гибели последние крохи несчастного народа, пока еще уцелевшие в своих высоких горах? Разве не безумство сопротивление? А что, если покориться султану, пожертвовать собственными поместьями, несколькими знатными родами, платить дань султану, чтобы спасти народ?»

Эти мысли беспрестанно мучили Тэр-Аветиса с тех пор, как он возвратился из Тавриза. Однако он никак не мог решить, как ему быть, по какому пути идти, что делать, чтобы спасти народ от уничтожения.

Он не раз вспоминал Мурад-Аслана, вздрагивал от отвращения, плевался. «Неужели я сверну с пути, предам… Нет, никогда не быть этому». Но тут же начинал спорить про себя с Мхитаром, князем Баяндуром, с другими сторонниками спарапета. «Нет, дорогие, я не трус и не себялюб. Я голову свою положил на алтарь отечества. И не желаю стать ни Верховным властителем, как бы ни подстрекала меня к этому моя честолюбивая жена, не стремлюсь и к богатству. Спасти народ свой, который уже стоит на пути к гибели, — вот единственное, к чему я стремлюсь».

Тэр-Аветис очнулся от тяжелых мыслей, когда услышал звуки труб, донесшиеся из лагеря полка «Опора страны». Он инстинктивно выпрямился, снял остроконечную шапку и ставшим привычным в последнее время размашистым движением руки перекрестился. Подбежавшие сотники отдали честь.

— Как войско? — спросил он, стараясь владеть собою.

— Всегда готово исполнить твой приказ, — гордо ответил один из его помощников, статный, массивный, будто осколок скалы, военачальник Адам из Багаберда.

— Вели дать сигнал тревоги.

Раздалась барабанная дробь. Из ближайших домов, из наспех построенных

возле городских стен времянок и конюшен войско высыпало на узкую, но длинную площадь. Воины суетились, поправляли одежду, вешали на себя мечи, подымали копья. Висевшие на боках воинов длинные сабли, ударяясь концами о камни, звенели. Выведенные из конюшен кони, опьяненные весенним воздухом, неудержимо ржали.

Полки построились согласно строгому порядку. Все совершилось быстрее, чем можно было ожидать. Это понравилось Тэр-Аветису. Воины, готовые тотчас же выполнить приказание полководца, сосредоточенно и мужественно глядели на него из-под глубоко надетых на голову папах. Рядом со старыми седобородыми воинами стояли молодые с черными как смоль волосами и бородами. Были и такие, у которых над губой едва пробивался черный пушок.

Оруженосец привел коня Тэр-Аветиса. Вороной конь становился на дыбы, бил передними ногами о землю, ржал серебристо и огненными глазами оглядывал покорно выстроившихся в рядах лошадей. Белоногий, с длинным черным хвостом, с белой звездочкой — знаком военной доблести его хозяина — на лбу. Златотканая попона свисала до колен. Узнав своего хозяина, конь выпрямил шею и попятился так резко, что оруженосец повис на уздечке.

— Успокойся, дружок, — ласково произнес Тэр-Аветис и погладил голову коня. Тот смиренно положил морду на плечо хозяина. Тэр-Аветис скормил своему другу горсть кишмиша и неожиданно для всех ловко вскочил в седло. Оруженосец отошел. Изготовившийся конь взвился на дыбы, но Тэр-Аветис, энергично натянув повода, пригвоздил его к месту. Крик восторга раздался среди войска.

— Наш тысяцкий не стареет, — вскинув густые брови, сказал пожилой воин молодому всаднику. — Все так же легко вскакивает в седло, как и тридцать лет тому назад.

— Этот конь был тогда у него? — несмело спросил молодой воин.

— Дурак! — посмеялся над ним пожилой. — Разве под Тэр-Аветисом устоит столько какая-либо лошадь?

Тэр-Аветис выехал к центру площади, подал знак, чтобы полки образовали

полукруг. Когда колонны перестроились, он приподнялся на стременах и раскатистым, громоподобным голосом спросил:

— Сыты ли ваши кони, храбрецы?

— Крылаты!.. — загремело на площади.

— А мужественны ли вы сами?

— Жертвенники земли Армянской.

— Жертвенники…

Радостное волнение охватило Тэр-Аветиса. Сердце наполнилось безграничной гордостью. Ему казалось, что он один, вот с этим полком, мог бы разбить всю османскую армию. Еще с большим волнением оглядел он следующий, Дзагедзорский полк. В нем он получил первое боевое крещение, вместе с храбрецами этого полка он не раз врывался в ряды врагов, побеждал и радовался, удостаивался славы и воинских почестей. Вглядываясь в смуглые лица доблестных воинов, Тэр-Аветис видел, что их всех томит какая-то глубокая тоска. Не тоска ли по оставленным в далеких краях семьям лежит на их обожженных горными ветрами лицах!

— Здравствуйте, отважные дзагедзорцы! — подавляя волнение, крикнул Тэр-Аветис.

— Да живет земля Армянская! — единым духом выкрикнули воины.

— Сыты ли ваши кони, храбрецы?

— Крылаты!..

— А мужественны ли вы сами?

— Клянемся постоять за землю родную.

Объехав все полки и поприветствовав их по установленному порядку, Тэр-Аветис сошел с коня и стал беседовать с воинами. С детской наивностью и непосредственностью он восторгался, когда малорослый воин показывал, как он может усыпить товарища, или, когда другой воин прокалывал губу большой иголкой, так что не чувствовал никакой боли и при этом не шла и кровь. Но радость Тэр-Аветиса шла от печали, была радостью страдающего. Тяжелое горе не переставало томить его сердце.

Все они — и бесстрашные его сотники, и храбрый и остроумный военачальник Адам, и умный, изящно одетый Гиджи, и этот обаятельный низенький воин, — все обречены на гибель. Они, он уверен, будут сражаться до последнего вздоха, падут, со славой окончат свою жизнь. Но что даст их гибель?.. Войско будет истреблено, турки ворвутся в страну, перережут всех. Погибнет народ, когда-то великая, могучая страна будет стерта с лица земли, исчезнет язык, народ армянский…

Нет, этого допустить нельзя. Нужно искать, найти выход. Обмануть врага, хитрить, бросить ему в пасть несколько жирных кусков, пожертвовать чем-то, быть может, одним-двумя городами, унижаться, лицемерить, лишиться чести, но спасти народ, спасти от неминуемой гибели.

Весь этот и следующий день Тэр-Аветис не покидал лагерь, провел с воинами.

Лес кончился. Отряд поднялся на голую вершину горы. Снег здесь только начинал таять. Усталые, взмыленные лошади с трудом преодолевали дорогу, вьющуюся на краю бездны. Впереди отряда ехали рядом супруги — сотник Товма и Гоар. С вершины горы показалась узкая долина Аракса.

— Скоро прибудем на место? — спросила Гоар.

— К вечеру, дорогая, — ответил муж. — Тебе холодно? Возьми мой плащ. — Он с нежностью посмотрел на жену. — Возьми, здесь холодно. — Он сорвал с себя плащ и попытался набросить его на плечи жены.

— Не надо, — со скрытым неудовольствием отвела она руку мужа. — Мне не холодно, просто хочу поскорее увидеть, что это за такой хваленый город Агулис. В дни Мараги не успела в нем побывать.

Отряд медленно следовал сзади. Кони фыркали, роняли клоки серой пены.

Начали спускаться в ущелье. Вскоре снежные вершины остались позади. Чем ниже, тем солнце грело сильнее. Вначале показались рассеянные по чернозему бесчисленные подснежники, потом из-под зазеленевших кустов шиповника улыбнулись высокие, синие, как горизонт на рассвете, фиалки. А еще ниже, на берегах озорных, полноводных ручейков, под плакучими ивами

благоухала повилика. Чудесна долина Аракса ранней весной.

Вот и Агулис, город армянских купцов, город роскоши и богатства. Еще издали манили взор горевшие золотом купола его церквей и монастырей среди цветущих садов. А вблизи — дома с длинными, на весь фасад, балконами, украшенными колоннами и инкрустацией.

Перед большими городскими воротами агулисцы остановили отряд Товмы. Нахмурила красивые брови Гоар. Она чувствовала себя задетой тем, что агулисцы не узнали знамени мужа, на котором, намекая на свою судьбу, она своею рукою вышила орла и растерзанную лань.

— О вашем приезде мы должны доложить нашему паронтэру, — сказали холодные и невозмутимые агулисцы.

— А мы кто, турки или персы, чтобы жариться на солнце? — не стерпела Гоар.

— Таков порядок, — грубо ответили ей.

Больше двух часов заставили ждать под солнцем. Товме, оскорбленному до глубины души, хотелось, чтобы мелик Муси вовсе не принял его. Вернется, пожалуется Мхитару. Тогда уже несдобровать негостеприимному мелику.

Но вскоре открылись городские ворота. Гоар так стремительно проскочила, что чуть было не задавила караульных. При этом еще посмеялась над ними. Сотни агулисцев с любопытством смотрели с балконов и окон на пхндзакарцев, которые с шумом проезжали по мощеной булыжником улице. Особенно любопытствовали женщины, в необычных для Гоар платьях с вырезом, с накинутыми на головы вместо покрывала чекиле[80].

Гоар понравились широкие окна агулисских домов с цветами в вазах на подоконниках и апельсиновые деревья в кадках, которые уже были вынесены из комнат на балконы.

Замок мелика Муси находился на краю обрыва, рядом с известным агулисским крытым рынком драгоценных камней и сушеных фруктов, что

---

80 Чекиле — газовая накидка.

стоял на пятидесяти колоннах. Мелик встретил Товму и его супругу на сверкавшем разноцветными стеклами балконе своего замка.

— Без меры счастлив, что ко мне в гости приехали дети моего брата, великого мелика Бархудара — непревзойденная Гоар и ее храбрый муж сотник Товма, — сказал паронтэр, улыбаясь и запахивая полы полосатого монгольского халата. — Пожалуйте, дорогие мои, в дом — ваш дом…

Две молодые служанки взяли Гоар под руки и повели ее в комнату для омовения. Мелик велел своим сотникам разместить воинов Товмы в служебных комнатах, но Товма попросил выделить для своего полка другое место.

— Мои буяны не привыкли жить в домах, тэр паронтэр, — сказал он. — Они обленятся там. Лучше, если предоставить нам место под открытым небом, мы люди привычные.

— Воля твоя, дитя мое, — покачал плешивой головой паронтэр.

Воинов разместили во дворе монастыря святого Товмы, находившегося невдалеке от города. Сотник остался у мелика на ужин с тем, чтобы потом перебраться в лагерь и жить с женою в шатре, вместе с своим полком.

Комната омовения ошеломила Гоар своей роскошью. Она едва не вскрикнула от восторга, но сумела скрыть свое удивление и непринужденно подошла к умывальнику. Огромные зеркала, занимавшие стены от пола до потолка, отражали трепетный свет масляных ламп. Служанки помогли ей умыться под краном, подали полотенце. Вытираясь, Гоар взглянула на круглые стенные часы, что мягко и размеренно отбивали молоточком время. Перед одним из зеркал, на мраморном столике, были расставлены шкатулки из слоновой кости и золота с булавками, шпильками и гребешками. Гоар привычно и ловко привела в порядок волосы и одежду, понюхала флаконы и, выбрав благовоние по вкусу, обрызгала свою одежду. Обернувшись, она увидела у дверей, разукрашенных инкрустациями из слоновой кости, трех очень похожих друг на друга и почти одного возраста девушек.

— Наша мать просит тебя пожаловать к ней и обрадовать ее своим посещением, — сказали они, низко поклонившись, и подошли, чтобы

поцеловать Гоар руку.

— Что вы делаете, дорогие мои, не нужно, — взволновалась Гоар и отняла руку. — Не нужно, милые мои.

— Мы много слышали о тебе, — заговорили дочери мелика. — Женщины и девушки Агулиса обожают тебя, госпожа Гоар. Слышали о твоих подвигах на Марагском поле. А сегодня мы видели, как ты ездишь на коне.

— А вы не умеете ездить верхом?

— Нет.

— Если пожелаете, научу, — сказала Гоар и величественно и гордо пошла вперед.

Ее вели по роскошно обставленным коридорам и комнатам. В этом доме все было необыкновенно красиво и богато. Разостланные на полу ковры, казалось, были сотканы из живых цветов, и было жалко ступать на них. Ни одна из бесчисленных комнат не повторяла другую своим убранством и цветом. Как ни старалась Гоар подавить свое восхищение, это ей не удавалось. Зависть все больше и больше подымалась в ее честолюбивом сердце.

Наконец шедшие впереди служанки остановились и, раздвинув окаймленные золотой бахромой тяжелые шторы, открыли какую-то дверь. Из комнаты послышалась нежная музыка. Вдруг какое-то черное существо охватило колени Гоар. Она едва не вскрикнула от испуга. Оказалось, что это была ручная обезьянка. Служанка слегка ударила черную обезьянку и отпихнула ее.

— Моя мать очень любит эту обезьянку, — смущенно объяснила одна из дочерей мелика. — Алик — большая шалунья. Такое вытворяет, что… Отец привез ее из Индии. Она не кусается. Не напугала она тебя, дорогая госпожа?

— Я наказываю всякого, кто встает на моей дороге, — сердито сказала Гоар. Девушки сконфузились. Прощающе улыбнувшись им, Гоар перешагнула порог, ступила на цветастый ковер и одним взглядом охватила утопающий в роскоши и насыщенный благоуханием свечей и ладана огромный зал. Затем перевела глаза на женщин, которые сидели на высокой тахте с

многочисленными разноцветными подушечками.

— Добрый вечер агулисским дамам. Мир вам!

— А тебе радость, — ответила восседавшая на высокой подушке в центре госпожа Гайкандухт. — Пожалуй, дорогая госпожа Гоар.

Все, кроме хозяйки, встали. Горделивой походкой прошла Гоар вперед, слегка поклонилась дамам, поцеловала руку хозяйке. Гайкандухт обняла гостью.

— Хоть и утопает в роскоши мой дом, но с твоим приходом он стал еще наряднее, — сказала она взволнованно. — Хоть и достойна я хорошего гостя, но горжусь, что навестила ты меня. Я не знаю в мире более благодетельной, более очаровательной и более храброй женщины, чем ты. Сядь около меня, дочь моя, и раздели с нами нашу радость. Ты видишь тут всех знатных дам Агулиса. Они пришли, чтобы с нами вместе праздновать именины моей старшей дочери. Добро пожаловать…

Она усадила гостью справа от себя, на пуховой подушке. Гоар, чуть прищурившись, оглядела важно и торжественно сидящих дам. Среди них было много пожилых женщин в голубых архалуках и темных шелковых платьях, полы которых они подоткнули под колени. Золототканые фаты и лобные повязки с двенадцатью золотыми монетами украшали головы. Сверху накидывалась легкая вуаль, которая, спускаясь волнами, ложилась пышной пеной на цветы ковра. На груди у женщин сверкали бесчисленные бриллиантовые пуговицы, а золотые бубенчики на обшлагах издавали приятный звук, когда кто-нибудь двигал рукой.

С особым любопытством Гоар рассматривала наряды молодых женщин. Ее удивило, что они были с непокрытыми головами и с распущенными волосами, которые ниспадали на голые плечи. Гоар впервые видела женщин с обнаженными плечами. Их высокие, белые шеи, казалось, сверкали под ярким светом. Все они носили различной формы красивые серьги.

— Ты утомилась в пути, моя голубка? — дружески сказала госпожа Гайкандухт, осторожно беря руку Гоар.

— Я привыкла, — ответила гостья.

— Хвала твоему мужу.

Гоар обратила внимание на двух юных гусанов, сидевших неподвижно на низенькой тахте между большими окнами.

Служанка пронесла высоко над головой серебряный поднос, опустила его и поставила перед Гоар небольшую бутылку душистого вина, золотую чашку, похожую на распустившийся цветок колокольчика, и сушеные фрукты на серебряных тарелках.

— Пей, голубка, — ласково сказала госпожа Гайкандухт, наполнив вином чашку гостьи, — гохтанское вино приятно и полезно.

Гоар взяла чашку и, держа ее перед собой, низким голосом произнесла:

— Я желаю здоровья и много радостей имениннице.

Сидевшая напротив девушка поднялась и, скрестив на юной груди обнаженные руки, поклонилась.

— Это моя Егине, — сказала с гордостью госпожа Гайкандухт. — У нее ум что море и скромность ягненка. Сегодня ей исполняется четырнадцать лет.

— Да живет она счастливо, не ведая зла и боли, — пожелала Гоар.

— Аминь, — откликнулись дамы.

Гусаны заиграли на своих инструментах. Одна из девушек взяла в руки лежавшие на подушке бубны и стала ударять по ним тоненькими пальцами. Егине, подняв голову и осторожно ступая по ковровым цветам, начала танцевать.

А Гоар, глядя на это нежное, порхающее подобно бабочке создание, с ужасом подумала: «Боже мой, завтра это беззащитное существо может попасть в руки туркам, и какой-нибудь аскяр завладеет ею и растопчет, как растаптывают валяющуюся на дороге лилию». Она вздрогнула от собственной мысли, налила себе вина и, подняв чашку, упавшим голосом произнесла:

— Достопочтенная госпожа и милые мои сестры! Выпьем за наших храбрых мужчин — защитников отечества нашего. Вселяйте в них своей нежностью и красотой силу и мужество, чтобы ни один враг не смог коснуться

ваших покрывал. Поддерживайте верность святому единству и сплочению, если не хотите, чтобы вы оказались обесчещенными.

Старые женщины, вытирая слезы, всхлипывали. Музыка умолкла. Танцевавшая Егине вернулась на свое место.

— Не забывайте, что враги рядом. И не ждите от них добра, — продолжала Гоар. — Следите за вашими мужьями, братьями, чтобы они не сбились с пути верности и преданности Армянскому Собранию и Верховному властителю Мхитару. Значит, выпьем за тех наших мужчин, которые честь своей родины ставят выше собственного благополучия и даже собственной жизни.

— Аминь! — произнесли растроганные женщины.

— Поклянемся же закрыть наши двери и наши сердца перед теми, кто отступит, предаст родину, кто изменит своему народу. — Гоар выпила, затем окинула взором агулисских женщин и гордо села.

Все, опустив головы, долго молчали. Гоар вглядывалась в цветные стекла противоположного окна, на котором искусный художник изобразил сказочных птиц и букеты фиалок. Фиалки были словно живые, и чудилось ей, что они вот-вот сорвутся со стекол и рассыплются по полу. Эти чудесные цветы напоминали Гоар берег реки Трту, где Мхитар впервые обнял ее и где он приколол ей сорванную в расщелине скалы фиалку — свой первый подарок. Гоар закрыла глаза, погрузилась на мгновение в приятные воспоминания, но тут же встрепенулась и, вдохнув полной грудью, поднялась.

— Играйте, братья гусаны, — сказала она, бросив озорной взгляд на музыкантов. — Я хочу танцевать, хочу забыть навеки, забыть его… весь мир, мое горе… надвигающуюся опасность.

Ритмы стремительного танца заполнили зал. Гоар встряхнула головой и, выпрямившись, пошла удивлять своей неистовой пляской присутствующих. Из-под ее короткого кафтана временами сверкали позолоченные ножны кинжала. Она бурно веселилась, восторгая именитых женщин Агулиса.

А ночь между тем уже окутала ущелье Аракса.

Гоар осталась в доме мелика Муси. Ей безмерно нравились хозяйские дочери, особенно нежная и приветливая Егине. Большую часть времени она проводила с ними. Спала в комнате Егине. На пятый день неожиданно сообщили, что ее хочет видеть Нагаш Акоп. Гоар не отказала художнику в просьбе, хотя и близко не знала его. Нагаш явился с холстом и в сопровождении молодых учеников. Вежливо поклонившись, он сказал:

— Твое имя стало любимо в нашей стране, госпожа Гоар. По просьбе нашего Верховного властителя я пришел написать твой портрет. Надеюсь на благосклонность…

Чувство гордости охватило Гоар, но она старалась не показать своего волнения.

— Ты говоришь, по велению Мхитара? — спросила она.

— Да, — ответил художник. — Я с радостью выполню просьбу нашего повелителя. Тем более что она справедлива. Ты достойна этого.

Желание Мхитара было неожиданным. «Не забыл, значит, любит, — подумала Гоар, — может, так же горячо, как раньше. Хочет иметь при себе мой портрет. Пускай будет, как желает он».

Она грустно вздохнула.

— Неужели я достойна твоей кисти, Нагаш Акоп? В нашей стране много знатных женщин и княгинь, а я жена простого сотника и вряд ли буду в состоянии вознаградить тебя за твою большую работу.

— Позволь возразить тебе, милая Гоар, — очарованный ее искрящимися глазами и волевым лицом, ответил Нагаш. — Не только повеление Верховного властителя привело меня сюда. Ты совершила то, что мало кому удается в нашей стране. Твоя заслуга огромна перед народом. Ты преданный воин родины, и это вдохновляет меня. Человек славен своими делами, будь он рамиком, царем, мужчиной или женщиной. Я хочу написать твой портрет для будущих поколений, чтобы видели армянские девушки и женщины тот огонь любви к отчизне, которого так много в сердце твоем, отданном народу.

«Или Мхитару?» — проглатывая давящий горло комок, подумала Гоар. Ее

утешало и безмерно радовало то, что Мхитар хочет именно ее портрет оставить «будущим поколениям». И снова нахлынули воспоминания. Между тем Нагаш Акоп, открыв кожаную суму и разложив краски, готовился приступить к работе. Гоар рассеянным взглядом следила за его движениями.

— Я согласна, — наконец улыбнулась она, обратившись к художнику.

С этого дня Нагаш Акоп начал писать ее портрет.

Никогда еще в Джраберде не собиралось столько народа и войска.

Неделю назад сюда приехали Верховный властитель Мхитар и тысяцкий Тэр-Аветис. После избрания Верховным властителем Мхитар впервые посещал северные гавары Армении. Он решил побывать в Гулистане, Джраберде и Хачене, чтобы проверить состояние войска, разведать силы засевшей в Гандзаке османской армии, узнать о намерениях турок.

Услышав о его прибытии в Джраберд, из окрестных сел и крепостей спешили туда толпы крестьян со своими жалобами, недовольством и просьбами.

После обильного дождя небо еще было покрыто черными тучами, и казалось, что оно своими краями упирается в вершины гор. Еще задолго до рассвета жалобщики столпились на тесной площади Гандзасара. Телохранители Мхитара охраняли порядок, успокаивали людей.

— Потерпите, сельчане. Придет Верховный властитель, выслушает ваши жалобы и всех справедливо рассудит, — говорили они.

К рассвету все переулки, крыши соседних с площадью домов были заполнены крестьянами и войском. Глашатай, забираясь на крышу то одного, то другого дома, зычным голосом звал:

— Соберись на площади, народ армянский! Есть дело, важное дело, соберись.

— Снова война? — с беспокойством спрашивали крестьяне.

— От турецкого сераскяра прибыл посол, — отвечал им глашатай.

— Прямо к нам, в Джраберд?

— Нет, он приехал в Алидзор, но оттуда привезли его к Верховному

властителю.

— Эге! И зачем он приехал!

Со стороны меликского дома послышались звуки труб и показалось знамя Армянского Собрания. Мхитар в сопровождении князя Ованес-Авана, меликов и военачальников прибыл на площадь и, поднявшись на кровлю низенького дома, тепло приветствовал войско и народ. Он был в хорошем настроении и казался выше ростом и величавее. Справа от него стал Тэр-Аветис, мрачный, озабоченный, слева — князь Ованес-Аван, с длинными усами и широкой выпяченной грудью. Затем, в порядке старшинства, стали все прибывшие в Джраберд мелики.

— Слушайте меня, джрабердцы, — подняв руку, твердым голосом крикнул Мхитар. — Сейчас мы выслушаем посла Кёпурлу Абдулла паши.

Раздались медные звуки труб. Сотник Есаи, который привез посла из Алидзора в Джраберд, сделал знак туркам, чтобы они поднялись на кровлю. Послы были в широких темно-красных штанах с нашитыми кожаными латками сзади, в ярких атласных кафтанах с короткими рукавами, расшитыми красными полумесяцами. Головы были покрыты плоскими фесками с торчащими на них бычьими хвостами. Выбритые и смазанные маслом круглые лица турок блестели.

Посол, отвесив Верховному властителю легкий поклон, гордо застыл с пренебрежительной улыбкой на толстых губах.

— Ого!.. Видать, петух с большой навозной кучи, — достаточно громко поделился своим впечатлением какой-то крестьянин.

— А шея-то, что жернов. Хи-хи!..

— Ну, говори, с чем пришел. Вот народ, который ответит тебе, — сказал Мхитар послу, широким жестом показывая на заполнивших площадь людей.

Прибывший с послом переводчик сделал шаг вперед и, переломившись надвое, перевел слова Верховного властителя. Посол бросил хмурый взгляд на запруженную площадь.

— Я привез вам, армяне, беспрекословное повеление победоносного

Кёпурлу Абдулла паши, — произнес он визгливым голосом, затем, достав из-за пазухи свиток, протянул его Мхитару. — Паша требует, чтобы вы, подданные султану армяне, припали к его стопам и поцеловали концы его башмаков.

Толпа загудела. Возгласы негодования покатились волнами и перешли в общий гул — злой, угрожающий. Посол умолк, приняв позу победителя; переводчик вздрогнул от страха.

Тэр-Аветис смотрел на толпу пронзительным взглядом. «Безумцы. Спятили с ума и стар и млад, — покачивая головой, подумал он. — Вместо того чтобы найти общий язык с врагом, умалить его гнев, сами бросаются на обнаженные им мечи».

Мхитар, прочитав послание паши, состоящее из одних ругательств и угроз, передал его Есаи и, повернувшись к послу, спокойно спросил:

— Что еще хочет паша?

— Он требует, чтобы ты распустил свое войско. Это — первое. Уплатил дань султану за семь лет. Это — второе. И чтобы ты открыл дорогу непобедимым войскам султана, позволил им пройти беспрепятственно через твою страну в Баку и Дербент, чтобы наказать гяуров рыжей Москвы. Это — третье. Или ты исполнишь эти повеления, или же мы придем в твою страну и не оставим там ни одного живого существа.

Народ снова загудел.

— Вырежь ему язык, тэр Мхитар, — потрясая кулаком, угрожающе крикнул снизу Цатур. — Они хотят подати за семь лет. Как бы не так, держи карман шире!

— Дай его нам, тэр властитель, мы мигом расправимся с этим волком.

— Никакой дани, никакой уступки!

Со всех сторон раздавались возмущенные голоса крестьян и воинов. Тэр-Аветис от гнева кусал губы. А когда кинутый кем-то из толпы грязный трех угодил в лицо посла, тысяцкий нервно подошел к Мхитару и сказал:

— Укроти этих зверей.

— Укроти сам, если можешь, — недовольно ответил Мхитар.

— Играют с огнем, пустоголовые, — пробормотал Тэр-Аветис, но Мхитар уже не слушал его. Он подошел к послу.

— Слышишь, ага посол? — показав рукой на разбушевавшихся людей, сказал он. — Их воля. Вернись к себе и скажи сераскяру, что мы не должны ему дани и не допустим, чтобы через нашу страну он пошел на русских. Передай наше требование, чтобы отвел войска от наших границ и освободил Нахичеван и Ереван, если хочет жить в мире и добром соседстве с нами.

Мхитар и мелики поспешно спустились с кровли. Один из сотников велел своим войскам оградить послов, чтобы разъяренная толпа не растерзала их.

Спустя неделю Есаи со своей сотней доставил посла на берег Аракса.

— Вот граница нашей страны, тэр посол. Теперь ты можешь перейти реку и отправиться к своему паше, — сказал он, сойдя с коня.

— Пойду, чтобы вернуться вновь, — бросил посол.

— В нашей стране много ям, в которых мы сможем зарыть ваши головы, — ответил спокойно Есаи. Затем он достал из-за пазухи письмо паши Мхитару и приказал послу открыть рот.

Тот уставился на него глупым, изумленным взглядом.

— Открой рот, ну… — повторил Есаи.

— Зачем? — встревожился посол.

— Чтобы хорошенько услышать мой ответ.

Турок отказался. Есаи подмигнул своим воинам. Двое из них схватили посла за руки, отвели их назад и, упираясь коленом в его спину, стали тянуть назад. У турка затрещали кости.

— Аман! — замычал он. — Пустите. У меня открыт рот!

Скомкав письмо, Есаи сунул его в рот послу.

— Ешь!

Вспотевший от стыда и страха посол сжевал бумагу и проглотил.

— Теперь проваливай, — сказал Есаи под веселый хохот воинов. — Отвезешь своему паше то, что поел. Таков наш ответ.

Павшего в сражении на Мараге военачальника Паки заменил его брат, старший сын мелика Бархудара — сотник Мигран. В свое время Давид-Бек назначил его начальником алидзорского гарнизона и командующим крепостным войском. И он был доволен. Однако Мхитару не нравился этот недоверчивый, замкнутый и молчаливый человек. Вернувшись из Джраберда, он снял его с поста и отправил в алидзорский ополченский отряд сотником. Злой и коварный по природе, Мигран чувствовал себя оскорбленным и униженным. Он ненавидел Мхитара, однако прикидывался довольным и улыбался Верховному властителю. Особенно бесился он, когда Мхитар оказывал почести его противнику, сотнику Товме, разрешая ему и нищему сотнику Есаи бывать на посольских приемах и на советах старейшин, и когда почтительно и с уважением разговаривал с простыми мастеровыми Врданесом и Владимиром Хлебом, а его, сына достойнейшего, родового мелика Бархудара, и видеть не желал. Он никогда не забывал оскорбления, которое Мхитар нанес его роду много лет назад, приказав на виду у всех высечь его и отца розгами. Более того, он принудил отца, мелика Бархудара, породниться с беглым рамиком Туринджем, выдав Гоар за его сына Товму.

А теперь ненависть Миграна к Мхитару умножилась. Порою ему казалось, что Верховный властитель чувствует это. «Знай, отродье рамика, я никогда не прощу тебе», — злорадно думал Мигран про себя в такие минуты.

Как-то раз он заговорил об этом при Тэр-Аветисе. Мхитара в Алидзоре не было. Тысяцкий вызвал его по какому-то делу. Они оставались одни. Тэр-Аветис был чем-то озабочен и сердит. Но Миграна усадил возле себя и даже сам ему налил кофе. Китайская лампа освещала комнату тусклым светом. Глаза Тэр-Аветиса будто горели. На дворе завывал осенний ветер. Мигран, неожиданно наклонившись к хозяину дома, тихо сказал:

— Я обесчещен, тэр тысяцкий. Он смешал меня с грязью.

— Кто? — строго спросил Тэр-Аветис.

— Известное дело. Сын рамика. Верховный властитель! Наш господин, наш владыка, повелитель, — вскипел Мигран и так потянул ворот своего

кафтана, что отлетели круглые золотые пуговицы. — Я сойду с ума, если так будет продолжаться. Я…

— Тсс! — таинственно предостерег его Тэр-Аветис. — Как ты осмеливаешься! Башки лишиться хочешь, надоела она тебе?

— Да, да, — задыхаясь от гнева, произнес Мигран. — Пусть снесет, этого и желает сын голодранца. Если не сегодня, так завтра прикажет отрубить мне голову. Разве он потерпит? Меня сровнял с землей. Я не стою мизинца его любимца, пройдохи Товмы.

— Эге!.. — после долгого хохота и вскидывания руками выговорил Тэр-Аветис. — Где тебе до Товмы!.. Или до этого Есаи. Они, братец мой, опора Мхитара, надежда страны, а ты что?..

— Я раб и дурак, если терплю все это, — ответил Мигран, ударив себя в грудь.

Тэр-Аветис встал и презрительным, уничтожающим взглядом посмотрел на Миграна.

— Я с корнем вырву твой язык, если еще раз осмелишься лаять на Верховного властителя, — сказал он грозным голосом, — несчастная тварь. Ты ради своей подлой душонки готов поступиться интересами страны, так, что ли? Я собственными руками задушу каждого, кто осмелится нанести вред нашей несчастной родине. Да, да! Знай это, паршивая лиса. Встань! Вот так!.. Под угрозой страна, народ армянский. А ты не можешь забыть старьте обиды, жаждешь мести. Вон турки идут саранчой, чтобы сожрать нас. Надо искать спасение, найти выход, выход!.. — крикнул он исступленно, в ярости топнув ногой. — Свое или чужое, князь или рамик, обиду, честь, семью свою, жену, детей — все, все сейчас надо забыть, думать только о спасении страны, — продолжал он, тяжело дыша.

— Покориться — одно осталось, — неожиданно произнес Мигран.

Тэр-Аветис схватил его руку так, что у того чуть не треснула кость.

— Кто сказал, что это единственный выход? — прошипел он гневно сквозь зубы.

— Сам убедился в этом. Или должны покориться султану, или погибнуть… Поди, слыхал, что говорил в Джраберде посланник паши: «Мы придем в вашу страну и не оставим ни одной живой души в ваших гнездах». Слыхал ведь, тэр тысяцкий!

— Да, — хрипло ответил Тэр-Аветис, отпустив его руку.

— И эчмиадзинский католикос советует покориться султану. А вы оскорбили посла, бросили ему в лицо истлевший трех. А этот нищий Есаи надругался над послом самым дерзким образом, принудил его на берегу Аракса съесть письмо паши. Потерпит ли это властелин всех стран, султан?.. Он пошлет на нас столько войска, сколько в море песчинок, и мы погибнем, от нас не останется и пепла.

«Значит, не один я понял это, — слушая его, подумал Тэр-Аветис. — А выход? Да, единственное спасение — покориться. Пусть часть народа будет уничтожена, уведена в плен, но большая часть уцелеет; не погаснет огонь армянского очага». Ему захотелось сказать Миграну, что и сам думает так, что он даже готов менять веру, принять ислам, дабы спасти народ, но сдержал себя и, показав рукой на дверь, сказал строго:

— Уйди со своими дьявольскими мыслями. И чтобы больше рта не раскрывал, не то разрублю и тебя и твоих детей. Уйди.

Он закрыл лицо обеими руками, а когда открыл глаза, Миграна уже не было.

На дворе неистовствовал теплый весенний ветер.

Золотистый конь, мерно покачивая головой, взбирался вверх по тропинке. Горги Младший ехал в селение Аза навестить сестру. Легко и радостно было на душе. Пышная зелень леса, колыхающаяся на тихом ветру, трава, яркие горные цветы — казалось, все звали, манили его в свои объятия. Как бы хотелось ему взять хорошо отточенную косу, сбросить с себя амуницию и косить вот эту траву, поваляться в ней и ночью долго смотреть на звезды, слушая веселую перекличку лесных сверчков.

Он вспомнил отца. Вместе ходили в поле косить хлеба. Отец работал от

зари до наступления темноты. И когда последний сноп улаживали на коня и уходили, отец благоговейно опускался на колени на краю нивы и целовал землю.

— Пусть пойдет впрок твой дар, сестра моя!

И он повелевал сыну делать то же самое, благодарить землю, дарующую им хлеб.

— Пусть не гневается наша кормилица.

Лошадь шла медленно. В хурджине, перекинутом через седло, Горги Младший вез подарки сестре, зятю, сватам. Как обрадуется Маро, увидя его. И оттого, что он доставит радость сестре, приятно щекотало в горле.

Он поторопил коня. Вечером доедет до ущелья Цав, переночует у знакомого гончара, а на рассвете продолжит путь.

Спустя два дня показался возвышавшийся среди тополей церковный купол Аза, завиделись желто-красные воды шумного Аракса. На берегу было расположено старое кладбище с хачкарами и могильными плитами. Брызги долетали порою до одного из покосившихся хачкаров и смывали с него вековую пыль.

У аробщиков, встреченных на краю села, Горги узнал, где дом свата Гичи. Аробщики поклонились ему. Он хотя и удивился, но был польщен. И с благодарностью вспомнил слова Мхитара, подарившего ему перед отъездом из Алидзора роскошную одежду: «Едешь к сватам, оденься понаряднее».

Проехав мимо покосившейся изгороди и гигантского тутового дерева, он остановил коня во дворе дома сватов. Старый пес бросился ему наперерез, но не то со страха, не то из почтения не залаял. Горги спешился, хотел было уже крикнуть кого-нибудь, но тут из сада выбежала его сестра… Узнав брата, от радости растерялась, выпустила из рук уголки фартука, и на землю посыпались пучки зеленого кресс-салата и киндза.

— Брат! Горги! — вскрикнула Маро. Она стремительно бросилась в объятия брата и прижалась головой к его широкой груди.

— Маро!.. Маро!.. — только и мог выговорить Горги.

В воротах показался сват Гичи, которого Горги помнил еще с тех пор, когда он продавал в их деревне вино. Освободившись от объятий сестры, он подошел к виноторговцу.

— Эге!.. Сват! — воскликнул Гичи. — Добро пожаловать. Наконец-то ты вспомнил о нас. Ну, слава богу! Как поживает мать? Сам как?

— Мать шлет вам низкий поклон.

Они подали друг другу руки. Маро не двигалась с места. От прилива чувств она словно забыла, что должна делать, и только изумленно смотрела на брата.

— Поздравляю, невестушка, с приездом брата, — сказал ей свекор и, обращаясь к Горги, добавил: — Во всем Аза одна Маро и есть, о ней только и разговору.

Горги был польщен. Он обхватил сестру за плечи, и они направились к одноэтажному просторному дому. Переваливаясь, приковыляла свекровь — маленькая, сморщенная старушка, обняла и поцеловала Горги.

— Благословен твой путь, — приветствовала она голосом, который, казалось, исходил из иголочного ушка. — Бедная моя невестушка все глаза проплакала. Все по тебе страдает. Осуши ее слезы. Порадуй дитя.

Гичи оттолкнул ногой торчавшую перед ним собаку и повел гостя к стоявшей на балконе тахте. Маро разостлала на ней ковер, принесла две подушки. Горги восторгался сестрой. Она выросла, пополнела. Но взгляд, как и прежде, оставался покорным, затуманенным печалью. Гичи и гость уселись.

— А где же наш зять, что же он не показывается? — спросил Горги, лишь бы что-нибудь сказать.

— Уехал в Мегри, приедет в конце недели. Там у нас замужняя дочь. Родила сына.

— Поздравляю вас!

— Спасибо тебе. — Гичи обратился к старухе и к Маро: — Ну, чего уши развесили? Разведите тонир, да поскорее. Ты, дорогой сват, посиди, а я пойду зарежу барашка. — Сказал и поднялся с места.

— Не надо, сват.

Гичи замахал рукой:

— Ну, ну! Я сносил больше рубах, чем ты, я знаю, что мне делать. Если скука берет, пойдем со мной.

Зарезали барашка. Собака слизала загустевшую кровь и потащила к изгороди кишки. Гичи просунул вертел меж сухожильями задних ляжек, свесил барашка в раскаленный тонир, закрыл его каменной плитой, залепил края и, скатав из глины несколько шариков величиной с орех, положил их на крышку.

— Эй, хозяюшки, присматривайте за тониром, — поручил он женщинам. — Как только высохнут шарики, скажите мне. Мы идем в погреб за вином.

Горы по ту сторону Аракса заалели, узкая полоса заката мелькнула на вершинах и померкла. Солнце, опустившись на Малый Масис, подтягивало свои фиолетовые косы, чтобы отправиться на покой, Аракс засверкал на миг и закутался в голубой туман. Только изредка слышался его шум. Два аиста, шурша крыльями, сели на верхушку тополя.

Когда на балконе зажгли свет, Гичи достал из тонира обжарившегося барашка. Пришли соседи, родственники. Они здоровались с Горги и поздравляли хозяев. Затем усаживались на тахту и начинали бесчисленные расспросы.

Гичи разливал золотистое вино, все чокались с почетным гостем, затем каждый, сказав какую-нибудь здравицу, медленно, с наслаждением осушал чару. Больше всех пил Гичи. Когда заговорили о турках, он поднял голову к небу и воскликнул:

— Господи, всели им в душу тоску, чтобы вернулись они обратно в свои дома, в свою страну. Что они потеряли здесь, что ищут? И по ним ведь плачут близкие. Отведи их, господи, подальше от наших ворот и домов.

— Аминь! — вздыхали азанцы.

До полуночи ели и пили.

Утром, когда Гичи повел коня Горги на водопой, тот позвал Маро и ее

свекровь и достал из небогатого хурджина подарки. Сестра таяла от восторга. Старуха без конца благословляла Горги. Вернувшемуся свекру Маро с радостной улыбкой на лице положила на колени подарки брата — материю на архалук и бухарский мех.

— Бог да воздаст тебе сторицей, сын мой! — взволнованно поблагодарил Гичи.

За стол завтракать сели только мужчины. Большая деревянная миска была чуть не до краев наполнена мясным отваром, другая — душистым дымящимся мясом. Гичи накрошил в миску с отваром лаваш, помешал, посыпал перцем, нарезал чеснок и, весело подмигнув Горги, сказал:

— Ну, посмотрю, как ты умеешь есть. — И, зачерпывая полную ложку, он начал есть, заливая жиром подбородок и ворот рубашки.

— Что говорят в Алидзоре? — спросил Гичи.

— О чем?

— О турках.

— А что говорить? Будет война — повоюем.

— Как это — будет? Война за порогом. Боюсь, что султан доберется и до наших скал, и пропадем ни за что.

— Мхитар вешает трусов, сват, — пошутил Горги.

— Я знаю это лучше тебя. Не шути. Я не трус и не за себя боюсь. Султан ждет нашего конца, хочет вырвать армян с корнем. Вот откуда страх. Ты близкий Мхитару человек, скажи ему, пусть, если может, держит турок подальше от нас.

— Пойдут войной — все равно набьем им морду.

— Не говори, сынок, — вздохнул Гичи. — Не каждый день река приносит бревна.

Вошел сосед Гичи, поклонился хозяину дома и его гостю, выпил стоя стакан водки. Попросил, чтобы Гичи и Горги пожаловали к нему сегодня в гости. По старинному обычаю, приехавших к кому-нибудь издалека гостей крестьяне по очереди приглашали к себе и одаривали небольшими подарками.

Подумав об этом, Горги встревожился. Он мог пробыть здесь всего два дня. И кому из приглашающих может он отказать, чтобы не обидеть?!

В служебной комнате Верховного властителя, освещенной двумя свечами и лампадой, находились князь Баяндур, Тэр-Аветис и еще несколько военачальников. Только что из Джраберда прибыл запыхавшийся и запылившийся гонец, староста Чалаби, и сообщил тревожную весть о том, что князь Ованес-Аван потерпел поражение у Гюлистана. Мхитар знал, что всего несколько дней назад турецкое войско, получив пополнение из Гандзака, неожиданно вступило в Арцах. Доносили также, что князь Ованес-Аван, объединив свои силы, ведет неравный бой с врагом. Почти одновременно расположившиеся в Нахичеване и под Одзнасаром турецкие войска двинулись и к Сюнику. Хотя они не начали активных действий против сюникцев, однако принудили Мхитара думать о защите двух гаваров сразу. И Мхитар приказал послать в Арцах на помощь князю Ованес-Авану полки Дзагедзора и Чавндура. Однако не успели они еще выступить из своих гаваров, как прибыл старшина Чалаби и привез известие о поражении арцахцев.

Теперь уже нечего было думать о помощи. Арцах пал. Не сегодня-завтра Абдулла паша двинется на Сюник.

— Значит, случилась беда, Чалаби? — переспросил Мхитар.

— Хуже, чем беда, — простонал Чалаби. — Арцах пал. Турки ворвались в Гандзасар. Нет больше Арцаха, тэр властитель!..

— А вы спали или были мертвые, а! — вдруг крикнул Мхитар, гневно уставившись на гонца.

— Мы сражались, — ответил гордо Чалаби. — Сам знаешь, тэр властитель, что турок было в сто раз больше. За одну ночь вырезали всех мужчин в Гандзаке и, опустошив его, пошли на наши сигнахи. В первый день мы перебили многих. Но паши бросили в бой новые полки. Сорокатысячной саранчой напали на нас. За два дня перебили половину, только их все прибывало. Бессильны были мы обороняться с четырех сторон. Вот и вошли они в Арцах. Большая сеча была под Гандзасаром. У нас пали девять из десяти.

И исполнилась воля лукавого. Теперь раздирают Арцах.

«Вот они, плоды безумного сопротивления, — подумал с горечью Тэр-Аветис. — Арцах раздирают! Вчера Ереван, Лори, Нахичеван, сегодня Арцах, завтра — очередь наша. Сопротивляться!.. Гм…»

— А что стало с князем Ованес-Аваном? — спросил он у Чалаби.

— Еле избежал плена. Удалился в страну русских. Взял с собой сотника Тархана, остатки полка и двести семейств из своих сел.

— Предал!.. — крикнул Мхитар. — Изменил князь… Если спасся, почему не приехал сюда?

«Какая там измена? — с горечью подумал Тэр-Аветис. — Безумие противостоять с горсточкой войска огромной армии».

— Бедный, обманутый народ, — продолжал отчаиваться Мхитар.

— Теперь мы остались совсем одни, — тихо произнес Тэр-Аветис, слегка прищурив глаз. На его устах заиграла непонятная улыбка… Вспомнив слова священного писания: «Близок час измены», он почему-то ужаснулся. — Нам бы тоже следовало удалиться к русским, — медленно продолжал он. — Ушли бы, наказав народу покориться туркам. Не погибли бы всем миром. Потерпели бы, пока бог не пожелал бы нам добра. А так обрекаем на гибель весь армянский народ.

— Не каркай, — погрозил пальцем Мхитар. — Постыдно слышать такое из твоих уст. Кто умеет воевать, тот уцелеет. Тысячу лет жили так. Смелые живут, а не пропадают. Погибают трусы. У нас еще есть сила, есть войско и оружие. Мы еще можем раздробить туркам зубы и отбить у них охоту идти на Сюник. Будьте готовы, и да не лишит вас бог мужества.

Военачальники долго обдумывали, что еще можно предпринять против неминуемого бедствия. Было ясно, что война уже на пороге. Разошлись поздней ночью.

Тэр-Аветис вышел из дома Мхитара, охваченный отчаянием и непреодолимой тревогой. Падение Арцаха вынуждало его действовать. Оно окончательно убедило его, что сопротивление приведет лишь к неминуемой

гибели. Нужно спасти народ, спасти любой ценой, хотя бы ценою своей жизни, гибели жены, детей, веры, потери славы и доброго имени, которое он приобрел в кровопролитных сражениях на протяжении тридцати лет. Но как сделать первый шаг? Мхитар не согласится покориться султану. А он, Тэр-Аветис, никогда не подымет на него руку. Не приведи господь!.. Что же предпринять, как отвести бедствие, которое, подобно грозовой туче, приближается к родному дому?.. Тэр-Аветис был хорошо осведомлен о происходящем в соседних странах. В Тавризе уже давно восседал полновластным владыкой Кёпурлу Абдулла паша и когтями впивался в Персию. Персидские же ханы, поклявшись действовать совместно с Давид-Беком, ныне покорились Абдулла паше. Потерпели поражение Грузия, Гандзак, Арцах. Пала Шемаха, и турки вот-вот двинутся на русские гарнизоны, что на берегу Каспийского моря…

Большой Сюник охвачен со всех сторон огнем.

Долго ли он устоит?

Погруженный в эти тяжкие мысли вернулся домой Тэр-Аветис. На половине жены еще горели светильники. Жена не спала. Вот уже несколько дней он не встречался с ней, находясь постоянно среди войска, в казармах, в конюшнях. Подумал было отправиться к жене, чтобы развеяться, дать наставления медлительному и тучному сыну, но, охваченный мучительными раздумьями, направился к себе в комнату, здесь он чувствовал себя свободно со своими мыслями и горестями.

Слуга открыл дверь. Тэр-Аветис вошел в насыщенную ладаном комнату и от удивления остановился. Возле лампады с ладаном, сложив на груди руки, стоял сотник Мигран. Увидя хозяина дома, он низко поклонился.

— Чего спрятался? — спросил строго Тэр-Аветис.

— Я пришел сюда не прятаться, а к тебе в гости, милостивый тэр, — ответил спокойно Мигран и снова поклонился.

— Назвался гостем в надежде, что я отвечу: «Гость от бога, хозяин — осел

гостя»?[81] Не так ли? — спросил Тэр-Аветис. — Не бог, сатана прислал тебя сюда. — Он посмотрел с отвращением на подобострастное лицо Миграна, на его маленькие и дерзкие глаза, и ненависть к нему перешла в настоящее бешенство. Но, вспомнив, какие вынашивает мысли старший сын мелика Бархудара, решил, что тот может пригодиться ему, и, сдержав гнев, сказал: — Добрый вечер, сотник Мигран. Садись. Что нового?

— Это я жду от тебя новостей, — улыбнулся Мигран. — Ты же идешь от Верховного властителя.

— Мог узнать от отца.

— От отца? — усмехнулся сотник. — Он заблуждается больше всех. Надеется, что будет создано армянское царство и что его попросят стать царем, хи-хи!..

— Верит?

— Еще как!.. «Турки упразднят меликства, — говорит мой помешанный. — Захватят наши земли, нас уничтожат. Лучше уж опять наша армянская власть». С ним нельзя говорить откровенно.

«Эта бычья голова уже считает меня заговорщиком? Своим единомышленником? — подумал Тэр-Аветис и вздрогнул. — Когда я стал им? Кто сказал?» Он грузно опустился на тахту и, стараясь казаться спокойным, предложил гостю садиться.

— Что вы решили? — с дерзкой смелостью спросил гость, продолжая стоять.

— О чем? — грозно спросил Тэр-Аветис.

— Арцах пал.

— Ну и что же?

— Черед за нами.

— Ничего не поделаешь. Да свершится воля всевышнего.

— Турки никого не пощадят, вырежут до последнего слуги. — Мигран

---

[81] «Гость от бога, хозяин — осел гостя», то есть обязан выполнять все его желания, — народная поговорка.

стал перед Тэр-Аветисом на колени. — Послушай, тэр тысяцкий: ты последняя наша надежда. Только ты можешь спасти нас. Вдолби в голову этому рамику, что другого спасения нету, пусть он пойдет с повинной к султану, пока не поздно. Паша ждет этого…

— Откуда ты знаешь? — хрипло спросил Тэр-Аветис.

— А? — растерялся Мигран. — Узнал, он ждет.

Тэр-Аветис, яростно схватив сотника за ворот кафтана, спросил:

— Признавайся, откуда ты узнал, что паша ожидает…

— Отпусти! Сейчас скажу. Человек агулисского мелика Муси здесь, в твоем доме, дай позову.

Тэр-Аветис отшвырнул его. Мигран еле увернулся, чтобы не удариться головой о стену. Вытер рукавом, выступивший на лбу холодный пот и спросил:

— Привести?

Тэр-Аветис не шевельнулся. Мигран вышел и тут же вернулся в сопровождении какого-то священника в черной одежде. Священник произнес с порога:

— Мир дому сему…

Тэр-Аветис с минуту испытующе смотрел на него. От удивления у него округлились глаза. Затем встал, медленно подошел к священнику и неожиданно расхохотался… Миграну почудилось, что тысяцкий сошел с ума, и хотел было перекреститься, но не мог поднять руку, пальцы словно окаменели.

— Из какого гнезда птица? — обратился Тэр-Аветис к священнику.

Тот с притворным спокойствием ответил:

— Я из Агулиса, милосердный тэр.

— Ха, ха!.. — снова засмеялся Тэр-Аветис. — Как это тебе удалось долететь до нас на своих вороньих крыльях так, что наши орлы не заметили тебя?

— И я хочу стать орлом.

— Для этого нужно иметь орлиное сердце и орлиные крылья.

— Я обладаю ими, тэр тысяцкий.

— Возможно, и обладал. — Тэр-Аветис снова острым взглядом смерил стоявшего напротив ненавистного человека. — Возможно!.. Но твои турецкие хозяева подрезали тебе крылья. Кёпурлу Абдулла паша твоими мягкими крыльями подтирает свой зад.

Священник с ужасом уставился на могучую фигуру Тэр-Аветиса. Понял, что тот узнал его с первого же взгляда. Скрываться смысла не было. Поэтому он сложил руки на груди и, опустив голову, произнес:

— Моя шея под твоим мечом тоньше волоса, тэр тысяцкий, делай что хочешь, но и выслушай меня.

— Ха-ха-ха!.. — с издевкой смеялся Тэр-Аветис. — Священник!.. Из Агулиса… Да! Пожалуй, святой отец! Коршун! — крикнул он. — Ты не знал, продажная душа, что никакая турецкая лиса не может обмануть меня? А-а, Мурад-Аслан, думал, проведешь, не узнаю? — Он схватил бороду отступника и скрутил ее, фальшивая борода осталась в его руке. Он хлестнул ею по гладкому, будто куриным салом смазанному лицу Мурад-Аслана и процедил сквозь зубы: — Ты пришел покаркать над моей страной, ворон! Продал душу и в ус не дуешь. Реки крови армян Еревана и Нахичевана, видно, не утолили твоей жажды, а?

Сотник Мигран от удивления беспрестанно моргал глазами, словно их выедал едкий дым. Он не мог понять, что происходит с Тэр-Аветисом и с этим «священником Казаросом, членом братии монастыря святого Тадея», которого послал мелик Муси. Почему с такой легкостью сорвалась его борода, не причинив ему никакой боли? Почему у него на лице не показалось ни капли крови?

— Если бы ты не узнал меня, я все равно сам бы сказался, тэр тысяцкий, — уже не таясь, заговорил лжесвященник. — Да, я Мурад-Аслан. Мы старые знакомые. Успокойся, мужественный человек. Трезво рассуди и выслушай разумный и полезный голос провидения.

Тэр-Аветис умолк на минуту, затем сел и движением руки пригласил сесть и гостя. Мигран напряг слух. Долго никто не произносил ни слова. Тэр-Аветис,

обхватив голову руками и полузакрыв глаза, напряженно думал. Мигран затаил дыхание. Лишь Мурад-Аслан с виду казался спокойным.

— Выкладывай, посмотрим, чего хочет твой хозяин, — наконец заговорил тысяцкий и выпрямился.

— Он посылает свое приветствие армянам, старым и малым.

— А еще? — заскрежетал зубами Тэр-Аветис. — Я знаю цену его привету.

— Абдулла паша ждет с терпением, чтобы вы, владыки Сюника, пошли к нему и покорились султану.

— Какова цена?

— Вечная дружба между вами и султаном. Паша поклянется на коране, чтобы ни один волос не пал с вашей головы. Пощадит народ.

— А не то?

— Не то все вы будете обречены на смерть. Паша придет в вашу страну. Теперь руки у него развязаны. Арцах пал. Шемаха и Гандзак принадлежат султану. Нахичеван и Ереван — тоже. Вы в клещах.

Тэр-Аветис не задал больше ни одного вопроса. Не говорил также Мурад-Аслан. Мигран еле сдерживал гнев. «Почему ты не соглашаешься, несчастный?.. На кого возлагаешь надежду?..»

Тэр-Аветис встал, поднял с пола помятую фальшивую бороду Мурад-Аслана и швырнул ему на колени.

— Иди с сотником Миграном. Он найдет тебе место, где даже мыши не почувствуют твоего запаха. Жди моего приказа. Идите!

Спустя неделю Тэр-Аветис проводил Мурад-Аслана. Даже Мигран не узнал, о чем они договорились.

Сокрушаются первые ворота

Наступил день возвращения.

Накануне вечером Горги Младший сказал Гичи, что утром он уезжает. Сват был огорчен, даже слегка обиделся.

— Не хочешь дождаться возвращения зятя?

— Не сердись, сват, дело воинское, должен вернуться, — ответил Горги.

Сестра нагрела воду, чтобы обмыть брату и свекру ноги. После ужина Гичи снял лапти, вытряхнул из них пыль, ударяя ими о край тонира, и, усевшись на опрокинутой бочке, погрузил ноги в деревянную лохань, полную горячей воды.

Помыв ноги, Горги попросил сестру постелить ему на сене, что на кровле. Гичи, завернувшись в одеяло, уже храпел на тахте… Мохнатая кошка, устроившись на его груди, удивленно разглядывала длинные усы, которые шевелились.

Когда Горги собирался лечь, сестра робко взялась за пояс брата.

— Так завтра ты уезжаешь, Горги? — с тоской спросила она.

— Да, дорогая Маро, уезжаю.

— Когда еще доведется свидеться?

— Как знать? Как-нибудь с матерью приеду.

— Сбылось бы скорее… — Сестра обняла брата и заплакала. — Сердце чует недоброе, Горги. Ослепнуть бы мне. Оставил бы ты военную службу. Сыграли бы свадьбу!..

— Придет и этот день, Маро-джан, не спеши.

Сестра ушла. Тоска охватила Горги — по дому, по недавнему беззаботному детству. И захотелось позвать Маро, сказать ей, что ему и самому опротивела воинская служба, что и он хочет вернуться в деревню, к матери, растить хлеб. Но сделал только шаг, повернулся, лег на сено, отбросил одеяло и, сложив руки под головой, погрузился в думы… На небе виднелись лишь редкие звезды. Вдали, в стороне Масисов, горизонт время от времени освещался яркими вспышками молний. Аракс дремал в своей камышовой колыбели. Лаяли одиноко собаки. На краю села среди ночной тишины раздалась запоздалая песня поливальщика. Горги Младшему почудилось, что издали за ним следят чьи-то глаза. Айшэ ли это, или звезды так печально смотрят на него? Благоухание сухой травы одурманило его, и сон смежил

глаза…

Вдруг со стороны Аракса, где прилипли к камышам крайние дома деревни, раздался визг дворняги. Чей-то душераздирающий крик пронзил воздух. Небо осветилось внезапно вспыхнувшим пожаром.

Горги проснулся, и первое, что он увидел в темноте, были промчавшиеся по улице всадники. «Кто такие?» — с тревогой подумал он и подскочил к краю кровли… Небо осветилось еще одним пожаром. Вопя и крича, бежали обезумевшие, полуодетые сельчане. Со стороны реки раздались выстрелы. «Турки», — пронеслось в голове Горги, и он спрыгнул с кровли. На балконе сестра упала к его ногам.

— Беда, Горги!

— Вставай! — крикнул брат. — Бери оружие, скорее!

С вилами в руках, без шапки вышел с гумна Гичи. На поясе у него висела сабля.

— Скрывайтесь! — приказал он невестке и старухе и направился с Горги к воротам.

Теперь пожары вспыхивали повсюду. Мчавшиеся по улицам всадники швыряли факелы в стога, бросали их в деревянные постройки. Другие врывались в дома, в погреба, в конюшни…

— Война началась, сынок, — казалось, безразлично произнес Гичи. — Ты беги, спеши в Алидзор.

— А вы?! — ужаснулся Горги.

— С нами все уже кончено!.. Мы пропали. — Гичи застонал. — Бери сестру и беги, жалко вас…

Горги торопливо оседлал коня, надел оружие и шлем, вскочил в седло и выехал на улицу. Турецкий всадник с горящим факелом в руках приблизился к дому Гичи. Из-под пшатового дерева выскочил Гичи и воткнул вилы турку в бок… Конь отскочил, однако Горги успел схватить его за уздцы.

— Садись на коня, скорее, — поторопил он свата, увидев мчавшихся на них пять-шесть аскяров.

Гичи вскочил на коня, вынул саблю и, крикнув: «С нами сила крестная!» — бросился на турок. Горги видел, как он разрубил плечо одному турку. «Есть еще сила в его руке», — подумал он и сильным ударом свалил с коня другого аскяра. Турки стали отступать, Гичи, преследуя их, гнал дальше от своего дома.

Вслед за конниками и факельщиками с оглушительным ревом и криками в село ворвалась основная масса турецкой армии. Начался погром. Аскяры выбивали двери, окна, врывались в дома, убивали защищающихся мужчин, бросали в огонь детские колыбели, хватали девушек и подростков и, привязав их к своим коням, угоняли в рабство.

Гичи и Горги сражались у ворот. Более пятидесяти пеших турок старались проникнуть во двор. Они набрасывались с копьями на обороняющихся.

— Бей, сват! — кричал обезумевший Гичи.

Турки, разрушив изгородь, ввалились во двор… Горги налетел на них в надежде защитить сестру, но другая группа окружила его… Гичи не удалось подоспеть на помощь, его прижали к стене. Он успел спрыгнуть с коня на кровлю погреба и оттуда стал забрасывать камнями осаждающих. Они с воплями отбежали назад.

Послышался бой барабана. По улице медленно и торжественно проезжала большая группа всадников. Впереди, в роскошной одежде ехал паша, равнодушный к окружающей резне. Вдруг Гичи, воспользовавшись минутным замешательством аскяров, быстро спустился вниз, стал на колени посреди улицы, поднял руки к небу и крикнул:

— Пощади человеческие создания, о милосердный паша! Вот мы всем селом покоряемся вашему султану. Пощади!

Паша даже не взглянул на него. Гичи продолжал громко молить о пощаде, пока кто-то не воткнул копье в его спину… Гичи повалился под конские копыта.

Сраженный копьем, рухнул наземь конь Горги. Но, не теряя присутствия духа, отважный воин продолжал неравный бой. Отступая назад, он упал в канаву, но тотчас же вскочил и, отбивая непрерывные удары десятков

янычаров, вышел на улицу. Его спасали броня и крепкий шлем.

Торжественно проезжавший паша, взглянув на Горги, улыбнулся.

— Берите живым этого храбреца, он воин, — приказал паша.

Несколько телохранителей достали арканы и двинулись на Горги. Аркан, свистя, готов уже был обвиться вокруг его шеи, но Горги успел перерезать саблей веревку, но тут же другая веревка захлестнула смельчака. «Хотят взять меня в плен», — пронеслось молнией в голове Горги, и это еще более взбесило его.

— Стойте!.. Не убивайте! — услышал он голос паши.

Горги не успел взглянуть в последний раз на дом свата, где он оставил сестру и ее добрую свекровь. Веревка сжала горло, в глазах потемнело. Он только почувствовал, что его волокут по дороге…

Рассвело.

Аза напоминало пылающий тонир. Огонь пожирал дома, виноградники, людей. Турки поспешно выгоняли из огня и дыма коров и овец, вытаскивали мешки с пшеницей, ковры, паласы, котлы, тащили детей и девушек. Спешили отнять у огня свою добычу.

За селом, на высоком берегу Аракса, у шатра, разбитого в тени развесистой туты, стоял Бекир паша и смотрел на горевшую деревню. Он был недоволен действиями своих янычаров.

— Все сожгли, дети шайтана. Не было приказано. Предали огню такое богатство… Свиньи! Неверные!.. — ругался он, топая ногой.

Перед шатром на ковре сидела молоденькая женщина с золотистыми волосами и удивительно белым лицом. Она часто доставала из коробочки флакон с благовонием и подносила к носу, чтобы заглушить веющий из села запах гари.

Чуть поодаль, к стволу абрикосового дерева, был привязан Горги. Хотя он и задыхался в крепко стягивающих его веревках, но держался дерзко и непокорно. Только порою взглядывал на сидящую на ковре красавицу. У ее ног находилась чернокожая служанка.

На холмике поставили складное кресло, в которое сел паша.

Войско выходило из села: полк за полком проходили перед пашой. Воины были нагружены добычей, они вели с собою пленных детей и девушек. Приблизившись к паше, каждый воин бросал к ногам паши самые дорогие вещи из добычи. Одного из каждых трех детей также оставляли людям паши. Остальных вели, чтобы продать следовавшим за войском работорговцам.

У ног паши образовались горы из кусков шелка, цветной кожи, одежды, мехов, медной посуды. Золотые украшения и серебро кидали в большой котел. Горги, затаив дыхание, следил за действиями турок. Он видел, как один из аскяров бросил в кучу синюю шелковую материю, которую он привез в подарок Маро. Другой поднес паше бухарский мех, подаренный им Гичи…

— Маро, сестренка моя! — в отчаянии зарычал он, представив, какая страшная участь постигла ее. Опустив голову, он горько зарыдал… А когда открыл глаза, то с удивлением заметил, что рядом с ним сидит на корточках чернокожая служанка красавицы.

— Моя госпожа желает знать, христианин ли пленный? — оглядываясь по сторонам, тихо спросила чернокожая.

— Да, христианин, к несчастью, — невольно ответил Горги.

— И моя госпожа — христианка, русская. Но ты не признавайся, пленный. И будь покорен. Не то убьют тебя, жалко. — Она приложила палец к губам и исчезла так же внезапно, как и появилась.

После того как паша получил свою часть священной добычи, он сошел с холма. Красавица вошла в шатер. Паша ступил на ковер, на котором сидела красавица, и уселся на складное кресло. Велел привести пленного. Горги бросили к его ногам.

— Я видел, как отважно сражался ты с моими янычарами, гяур! И решил сохранить тебе жизнь. Чего ты упорствовал, зная, что пришел твой последний час? — спросил паша, внимательно рассматривая его.

— Я защищал мою сестру, — ответил Горги.

— Аффарим [82] , — улыбнулся паша. — Я люблю таких храбрецов, свидетель аллах. Ты будешь моим конюхом и удостоишься почестей, если будешь благоразумен.

— Я хочу умереть, — сказал спокойно Горги.

— Почему? — удивился паша. — У христиан ведь нет души, они не попадут в рай. Для гяура двери в рай закрыты. Зачем же умирать, расставаться с радостями земной жизни? Удивительно!

Паше подали шербет.

— Где войско вашего Мухитар паши? — спросил он.

— В Алидзоре.

— Далеко?

— Нет. Дорога проходит через поле Мараги… — ответил Горги.

— Ты языкастый! — усмехнулся паша. — Все тычете нам в глаза Марагу, хи-хи-хи!.. Много у Мухитара войска?

— Сколько листьев в лесу.

— Но есть огонь, который может пожирать леса. Сегодня годовщина смерти моего отца, гяур. Сегодня я решил не проливать крови. Довольно и той, которую пролили вчера и сегодня ночью, чтобы ангелы пророка умастили благовонными маслами душу моего покойного отца. Завтра ты поведешь меня в Алидзор. Завтра тебя обрежут и сделают магометанином. Такова моя воля. — Он вошел в шатер.

Горги вновь привязали к дереву. Один из прислужников паши поставил перед ним мутную воду в собачьей миске.

— Лакай, чтобы не умереть от жажды, — прошипел слуга и бросил ему в ноги вонючий конский хвост. — А это твоя еда. Возблагодари Магомета, что, жив. Завтра совершат над тобой обрезание и обратят в веру Магомета.

— Иди ты… со своим Магометом, — бросил Горги.

Слуга вытаращил глаза:

---

82 Аффарим — молодец (тюркск.).

— О Магомет, о Али! — заикаясь, произнес он и схватил Горги за горло.

Но в этот момент из шатра выскочила чернокожая служанка и кинулась на слугу, начала ругать его:

— Самый могущественный и самый справедливый паша вкушает любовь моей маленькой госпожи и запрещает в час своего наслаждения производить беспорядки. Слуга Байрам, удались! Не мути чистый миг наслаждения моего владыки, чего не можешь искупить даже своей кровью. Удались!

Слуга ушел, скрежеща зубами. Горги невольно расхохотался.

Чернокожая женщина уселась перед шатром караулить, чтобы «самый могущественный и самый справедливый паша» мог насладиться спокойно любовью «маленькой госпожи» …

Над Агулисом спускался вечер. Мирно курившийся город готовился уже ко сну, когда со стороны села Дашт, обдавая пылью запоздавших в садах крестьян, помчался в город Горги Младший. Увидев его, горожане тревожно переглядывались.

Подскакав к замку паронтэра мелика Муси, Горги соскочил с седла на ступеньки лестницы и, испугав дочерей паронтэра, побежал по роскошно убранным коридорам. В доме поднялась суматоха. В одном из коридоров Горги встретился лицом к лицу с меликом Муси.

— Куда ты несешься, скотина? — рассердился мелик, останавливая запыленного десятника. — Кто разрешил тебе войти сюда?..

Из соседней комнаты вышли городские купцы, среди которых Горги узнал только владельца шелкоткацкой мастерской ходжу Хачика. Увидя высокого запыленного десятника без шапки и оружия, купцы почувствовали недоброе.

— Кто разрешил тебе? — сердито переспросил мелик.

— Турки приближаются к твоему городу, тэр мелик! — тяжело дыша, воскликнул Горги.

У мелика Муси округлились глаза, купцы тотчас же окружили десятника. Его ввели в приемную мелика, где недавно мирно беседовали о своих торговых делах.

— Ты зловещий ворон? — дрожащим от ужаса голосом спросил паронтэр.

— Я был в селе Аза, — сказал Горги. — Ездил повидаться с сестрой. Вчера ночью десятитысячное войско Бекир паши перешло Аракс и вступило в нашу страну. Аза разграбили и сожгли. Мужчин вырезали, женщин и детей забрали в рабство. Бекир паша разбил лагерь на берегу Аракса и ждет прибытия Абдулла паши с его армией, чтобы двинуться на Агулис… Бедствие, господа ходжи, спасайтесь. Верьте мне, я десятник Горги, телохранитель Верховного властителя Мхитара.

Ошеломленные ходжи словно онемели. У мелика Муси дрожали руки, он дышал отрывисто, задыхаясь. Уставившись немигающим взором в десятника, он не знал, что сказать.

— Будьте мужественны, ходжи. Час испытания настал, крепостные стены вашего города неприступны, и войско ваше отважное, — послышался вдруг звонкий голос Гоар.

Все обернулись в ее сторону. Ее нахмуренное, спокойное лицо выражало решимость. Мелик Муси зло посмотрел на нее. Пребывание в его доме этой женщины было неприятно мелику и держало его в постоянном беспокойстве.

— Я рад, что мужество не покидает тебя, милая Гоар! — подавляя ненависть, сказал Муси. — Но было бы хорошо, если бы ты пошла молиться, колокола призывают. А наша молитва испорчена.

— Дайте мне оружие и одежду, — попросил Горги Младший. — Я должен немедленно отправиться в Алидзор.

Ему дали оружие и одежду. Быстро оделся, перекусил стоя и, найдя Гоар у дочерей мелика, спросил ее:

— Где Товма?

— Он со своим отрядом находится в монастыре, — ответила Гоар, и ее глаза наполнились слезами. — Ах, Горги, что они с тобою сделали!

Дочери мелика зарыдали.

— Что я?.. — горько вздохнул Горги. — Слава богу, еще жив. Село Аза предали мечу. Сестру мою!.. — Рыдания прервали его речь…

— Ах, несчастная девушка, — простонала Гоар. — А как спасся ты?

— Чудом, — вздохнул Горги. — Меня взяли в плен. Бог помог, в этот день Бекир паша наслаждался любовью с одной из своих жен. Меня, связанного, оставили возле его шатра. Ночью чернокожая служанка госпожи перерезала мои путы и подвела одного из коней паши, дав возможность бежать.

— Чернокожая?.. — удивилась Гоар.

— Да, ее госпожа христианка, русская. Служанка сказала, что она дала обет спасти из рук своего повелителя сорок пленников-христиан. Я был сороковым. И на этот раз мне повезло. Что передать Мхитару?

Гоар слегка вздрогнула, зарделась, как молодая невеста, но, переборов волнение, подняла голову и промолвила мечтательно:

— Пусть знает, что он всегда в моем сердце и что я не забуду его до самой могилы. — Она долго молчала и наконец, взяв Горги за плечи, добавила уже спокойным голосом: — Скажи Мхитару, чтобы не оставил нас одних… Здесь есть люди, которые могут продать нас. Поезжай и привези Мхитара, Горги!.. Я боюсь, что никогда больше не увижу его… Иди. Нет, погоди, поезжай сначала к моему мужу, поговори с ним, да хранит тебя бог.

Горги ушел. Гоар долго стояла молча. Кто-то обнял ее сзади. Она обернулась — это была Егине, испуганная, дрожащая от страха.

— Турок захватит нас в плен!.. — всхлипывая, сказала она.

Сердце Гоар щемило от жалости к этому прекрасному и беспомощному созданию.

Она обхватила тоненькую талию девушки.

— Не плачь, дорогая, — сказал она. — Бог милостив, будем защищаться. Мхитар не оставит нас без помощи. Придет!

Она взяла Егине за руку и вышла. Продолжая жить с Егине в ее комнате, она почти все свое время проводила с нею и лишь дважды ездила в монастырь, чтобы повидаться с мужем. Она привязалась к Егине, полюбила ее и даже поведала ей тайну своего сердца. Они переписали песни Нагаш Овнатана и часто по ночам, сидя в полутемной комнате, тихо напевали их. Девушка не

замечала слез Гоар, которые она проливала, вспоминая о своей неудавшейся любви…

Была поздняя ночь. Раздеваясь, Гоар долго глядела на себя в зеркало. Снова память вернула ее в проведенные с Мхитаром счастливые дни на берегу реки Трту. Она легла в постель, укрывшись легким покрывалом. Егине смотрела на нее зачарованная. Гоар напоминала ей покоящуюся на облаках нимфу…

Через верхнюю часть окна виднелся кусок неба с двумя яркими звездами. Звезды порою улыбались, порою же покрывались лоскутком черного облака. Полная тревог ночь! Что принесет утро? Это известно одному богу…

Гоар только закрыла глаза, как Егине разбудила ее.

— Заговор! — шепнула девочка.

— Что? Кто? — вздрогнула Гоар.

— Тсс!.. Ходжи. Вставай!

Гоар быстро оделась.

Дрожавшая всем телом Егине повела ее в смежную пустую комнату, а оттуда в небольшой чулан, пропахший старой одеждой. Сквозь щель виднелась тоненькая полоска света. Обе прилипли к стене. Слышался чей-то низкий голос:

— Нужно пасть к ногам паши, покориться султану. Султан не чинит зла торговым людям. Дадим золото, сокровища, мирно вручим город паше и спасем его от разорения.

Другой сказал еще что-то, но Гоар не удалось расслышать.

— Я сам пойду и паду к стопам паши, — энергично продолжал первый. — Наш друг Мурад-Аслан находится у Абдуллы, он нам поможет.

— Нужно спешить, пока не поздно. — Гоар узнала голос мелика Муси.

— Да, нужно спешить, иначе успеют сообщить Мхитару, и он натворит беды.

Они стали говорить шепотом. Гоар удалось уловить лишь отрывистые слова.

— Окружить… Товма… Паши… Хорошим подарком… Гоар…

— Нет, я не согласен, — возразил кто-то громко. — Это измена. Я сообщу…

Но его голос прервался тотчас же.

У Гоар потемнело в глазах. Схватив руку Егине, пошатываясь, она вернулась в спальню.

— Беги, Гоар, скорей. Сейчас они придут за тобой… — шептала Егине, обнимая ее. — О! Господи! Я как чувствовала! Человек с женским голосом — торговец драгоценностями. Я еще не спала и слышала, как этот дэв прошел к отцу. У него гадкий сын, хотят меня обвенчать с ним. Я подумала, что он пришел за этим, тогда я тихо, чтобы не разбудить тебя, вышла отсюда, пошла в чулан и стала подслушивать… Моя мать часто подслушивала оттуда тайные разговоры отца. О господи! Нас продают туркам…

— Тихо, теперь молчи, — попросила Гоар. — Покажи, откуда я могу бежать.

Она надела свою кольчугу, шлем и, открыв окно, бесшумно спрыгнула в сад. Затем обняла Егине, осторожно спустила ее с окна. Девушка ослабла от страха, еле передвигала ноги. Подошли к садовой стене.

— Вот сюда, — показав дверцу в стене для протока воды, сказала Егине и убежала обратно.

А в это время в сопровождении телохранителя вошел в замок мелика Муси сотник Товма. Не зная о заговоре, он приехал посоветоваться с паронтэром о защите города. Горги сообщил ему весть о приближении турок. По тому, что перед ним тотчас открыли ворота, он понял, что мелик не спит. Оставив коня и телохранителя у крыльца, Товма быстро поднялся наверх и вошел в полутемный коридор. Но не успел он сделать и двух шагов, как сильный удар тупым орудием по голове свалил его на пол. Он попытался встать, но ему скрутили руки. Как во сне, услышал он голос мелика Муси:

— Ведите в острог.

Товма очнулся в темнице. Лязгая цепями, которыми были скованы руки и ноги, он встал и направился к двери. Она была заперта. Кто-то схватил его за колено.

— Товма, дорогой… И ты попался в ловушку?

Это был ходжа Хачик. Товма узнал его по голосу.

— Ходжа, а тебя за что? — спросил Товма.

— Лиса! Провел. Позвал, чтобы обдумать, как защитить город. Пришел, справился о тебе. Ответили, что послали за тобой. Предатели, задумали сдать город турку. Я воспротивился, пригрозил. Ударили по голове, сковали цепями. О-хо!.. Сказали, что я пес Мхитара. Не один Муси, все ходжи города заговорщики… Горе, горе бедному моему городу…

Ходжа Хачик зарыдал. Товма, словно окаменевший, застыл на месте.

Пробираясь по темным извилистым улицам, оглядываясь то и дело назад, Гоар наконец достигла ворот монастыря апостола Товмы.

— Откройте, я Гоар… — еле переведя дыхание и стуча кулаками в тяжелую дверь, крикнула она. — Враг приближается, откройте.

Стражники открыли ворота и впустили госпожу…

— Бейте тревогу, разбудите всех. Где мой муж?

Воины выскакивали из келий, из конюшен, из шатров.

Все были полуодетые, босые, но вооружены. Услышав тревожный голос Гоар, прибежал Горги Младший:

— Что случилось?

Гоар едва узнала его.

— Где мой супруг? Позовите его!

— Он только что отправился к мелику Муси.

— Ах, боже мой, он погиб! — вскрикнула Гоар и ударила себя по голове. — Мелик Муси изменник, он убьет его!.. Нас предали. Вооружайтесь! Укрепите монастырские ворота. Они скоро придут сюда, готовьтесь.

Весть о предательстве была настолько неожиданной для воинов, что они сначала словно остолбенели. Но когда прошли первые минуты и раздался

сигнал тревоги, все бросились на свои места. Каждый знал, что ему следует делать при чрезвычайных обстоятельствах. Во мраке раздавались короткие приказания десятников, лязг оружия. Часть воинов с ружьями поднялась на стены. Другая подкатывала и приставляла к воротам надгробные плиты. Гоар и Горги поднялись на боевую башню. И тут, снизу, из-за крепостных стен, послышались звуки трубы. Кто-то во все горло крикнул:

— Эй, пхндзакарские безумцы, слушайте, что приказывает наш господин!..

— Ваш господин — продажный пес, — ответила Гоар.

— Дочь мелика Бархудара! — крикнул снизу мелик Муси. — Выслушай мое доброе слово. Прикажи этим безумцам сложить оружие и выйти из монастыря. Клянусь евангелием, что всем, в том числе и заключенному у меня твоему супругу Товме, дам свободу. Идите, куда пожелаете.

— Не верьте! — донесся из садов женский голос. — Они обманут вас. Не верь, Гоар!..

Гоар узнала голос Егине.

— Даем вам время до утра, — снова крикнули снизу, — или сдайтесь и удалитесь из нашего города, или всех предадим мечу. Товму сожжем.

Грохот падающих камней, брошенных с высоких стен монастыря, заглушил угрозы мелика Муси. Перепуганные заговорщики укрылись в ближних садах, где им уже не угрожала опасность. Осажденные поняли, что мелик Муси не выпустит их из монастыря, пока не сдаст город туркам.

Опираясь на тяжелый посох, из церкви вышел престарелый епископ — высохший старец, который, казалось, явился из загробного мира. С ним была монастырская братия — три монаха и несколько иноков. Епископ дрожащей рукой осенил крестным знамением растерянно стоявших воинов и произнес еле слышным голосом:

— Пастырь могущественный, пастырь добрый и извечный, посмотри и посети свое стадо Христово, которое собралось в твоем доме и ждет твоего милосердия! — Он обратился к Гоар и, повысив, насколько мог, голос, сказал: — Не пугайся, дочь моя, прославившая свое имя в деле при Мараге! Вот мы с

тобою. Вдохни храбрость в людей своих и, изгнав страх из сердца своего, найди путь спасения.

— Но пока мы найдем этот путь, собака Муси сдаст город туркам, — до удивления спокойно сказала Гоар.

Старец покачал головой.

— Принесите мне керон![83] — воскликнул он. — Я удержу мелика от тропы измены.

— Напрасно это, — безнадежно выговорил Горги Младший. — Он уже продал нас.

Преосвященный ушел, окруженный своими людьми. Слабый свет керона, словно кровью, окрашивал его путь. Воины и монахи спустили его со стены на веревках. В садах на минуту поднялась суматоха. Послышалось грозное проклятие епископа, и снова все стихло…

Кровавый свет керона больше не был виден…

Гоар вместе с Горги и десятниками полка осмотрела стены и боевые башни монастыря, подбодрила воинов и, спустившись со стены, сказала:

— Отныне я ваш военачальник. С помощью всевышнего мы выйдем из этого проклятого города.

— Воле твоей будем верны, — сказали единодушно десятники.

Гоар вошла в храм. Там коленопреклоненно молилось все монастырское духовенство.

— Встаньте, духовные отцы, — ее голос стозвонно пронесся под сводами храма. — Не молитвы спасут нас от меча неверных. Покажите потайной ход вашего монастыря.

Монастырь апостола Товмы, как многие армянские средневековые монастыри, имел потайной ход. Это обрадовало Гоар. Однако радость ее была недолгой. Монахи сообщили, что паронтэр знает о существовании подземного хода и его люди, конечно, уже караулят у его наружного выхода.

---

[83] Керон — большая восковая свеча.

Пока Гоар и Горги Младший ломали головы над тем, как спасти полк, рассвело. Из садов раздались выстрелы. Снова показался мелик Муси и стал требовать открыть ворота монастыря. Осажденные ответили ружейным огнем и потребовали предоставить возможность преосвященному вернуться в монастырь. Снизу показали отрезанную голову епископа, посаженную на длинный кол.

День прошел в тревоге. Однако агулисцы не решались штурмовать крепкие стены монастыря. Знали, что взять его не легко, и потому предпочли ждать прихода турок.

Отряды мелика Муси держали под наблюдением три стены монастыря, а четвертая, та, которая выходила в сторону ущелья и под которой открывалась глубокая бездна, была свободной. Гоар решила воспользоваться этим. Она велела пробить дыру в стене и всех находящихся в монастыре людей спустить на веревках в ущелье. Чтобы отвлечь внимание осаждавших, велела монахам беспрерывно звонить в колокола, а воинам — стрелять из ружей, кидать камни — всеми средствами держать в напряжении изменников.

Горги Младший вместе с отрядом воинов рушили стену, между тем агулисцы продолжали издеваться над осажденными.

— Эй, пхндзакарские дикари, выдайте нам вашу красавицу госпожу, и мы выпустим вас целыми и невредимыми! — кричали они.

— А не хотите ли вы ослиных хвостов, чтобы повесить их на носы ваших жен? — отвечали сверху.

— Погибнете, безумцы! Мы подарим паше вашу красивую Гоар, и вы будете спасены.

— Погодите! Разрушим это змеиное гнездо, так что от вашего города уцелеет лишь его черное название. Погодите!..

Мелик Муси вернулся из-под монастыря взбешенный. Велел привести Товму и ходжу Хачика и позвать кузнеца.

Когда обреченных ввели в просторный двор, в центре которого в окружении предателей — купцов и военачальников, расставив ноги, стоял

мелик Муси, многие невольно ахнули от ужаса. Казалось, несчастные только что чудом вырвались из когтей кровожадного зверя. Обнаженная грудь Товмы была окровавлена, левая рука беспомощно висела, голая спина покрыта синими подтеками. И все равно, несмотря на это, он шел с поднятой головой. Но старый ходжа Хачик был не в силах стоять на ногах. Этого почтенного человека раздели догола, ему переломали пальцы, отрезали ухо.

Состояние Товмы и ходжи Хачика потрясло даже некоторых купцов. Воины мелика, окружавшие двор, помрачнели. Многие из них видели Товму при Мараге и жалели его. Невозмутим был лишь мелик Муси. Он надеялся кровью сотника и ходжи выслужиться перед пашой. Сделает все, преподнесет Абдулле драгоценнейшие дары, оделит пленными, вручит ему ключи от города, дабы смягчить его и спасти город от разгрома.

Увидев обреченных, кузнец понял, зачем позвали его. Он побледнел, выпустил из рук мешок с инструментом и начал креститься.

Ходжу Хачика поставили на колени перед меликом. Товма же, широко расставив ноги, чтобы не упасть, взбешенным взглядом уставился на мелика. Тот в страхе отвел глаза и сказал:

— Слушай, сотник Товма, будь разумен, иди и убеди своих разбойников сложить оружие и предаться моему милосердию.

— Я не предатель и подчиняюсь воле лишь одного человека — Верховного властителя Мхитара, — ответил Товма, с трудом раскрывая распухшие, окровавленные губы.

— Здесь я властитель! — заорал мелик. — Или подчинись моему приказу и спаси себя и жену, или отдам в руки палачу.

— Делай что хочешь, изменник, — ответил спокойно Товма. — Я жалею, что тебя, собаку, не повесил в первый же день моего прибытия сюда.

— Ты осмеливаешься… — взбесился мелик.

— Но будешь повешен. Еще ни один предатель не избежал веревки.

— Кузнец! — рассвирепел Муси. — Кузнец, подковать собаку!

Кузнец распростерся перед ним.

— Прости, во имя Христа, тэр мелик! — взмолился он. — Я не могу, нет! — И он заплакал.

По знаку мелика кузнеца выкинули за ворота. Призвали палача. Палач в красной одежде швырнул Товму наземь, задрал ему ноги, приложил подкову к пятке и вбил молотком гвоздь…

Подручный палача и трое слуг еле удерживали Товму под своей тяжестью. Он мычал, метался, стараясь вырваться. Но тщетно. Вскоре он потерял сознание…

Пришла очередь ходжи Хачика. Он был в полуобморочном состоянии; пришел в себя, когда стали вбивать первый гвоздь в его пятку. Зарычал, как бык, которого режут, хватал зубами землю.

Вдруг с балкона послышался истошный крик госпожи Гайкандухт. Мелик Муси вздрогнул от испуга.

— Ты наложил проклятие на мой дом, предатель! — крикнула она, царапая ногтями лицо, голову, обнаженную грудь. Дочери, стоящие рядом, безудержно рыдали.

— Уйди, гриф развалин… — крикнул Муси яростно.

— Ты продаешь страну нашу, отступник! — разнесся над городом крик несчастной женщины. — Иуда!

— Удалите их, — приказал мелик.

Залитые кровью его глаза на миг остановились на бездыханно лежащих у его ног Товме и ходже Хачике. Он содрогнулся от собственного преступления, но не раскаялся. «Нет, иначе нельзя, — словно оправдываясь, подумал он, — как же еще спасти город… Это единственное средство».

Слуги побежали к балкону. Госпожа Гайкандухт, протянув руки в сторону монастыря, хриплым голосом выкрикнула:

— О святой апостол! Услышь мой голос! Я проклинаю отступника мелика Муси. Пусть гиены сожрут его подлую душу…

Слуги попытались схватить ее, но она вырвалась, подбежала к перилам балкона, обернулась, безумным взглядом посмотрела на мужа и закричала

страшным голосом:

— Мой грех и грех этих невинных мучеников да падет на твою голову, палач!..

Слуги старались остановить ее, но Гайкандухт взобралась на перила балкона и бросилась вниз… Девочки с криком кинулись было за своей матерью, но слуги оттолкнули их.

— Ох! Святая богородица, о боже… — ахнули многие из свидетелей этой страшной картины.

Мелик Муси почернел с лица, как уголь. Посиневшие губы судорожно подергивались. Молоток ходил в руке ходуном. Все ожидали, что Муси лишится сейчас рассудка. «Принес!.. Первую жертву для спасения города принес я, — эта мысль молнией пронеслась в его голове. — Пусть видят все, что я не щажу и своих. Пусть видит сам паша, пусть насытится зверь». В бешенстве, охватившем его, он со всего размаху опустил молоток на голову распростертого у его ног ходжи.

— Смерть всем, смерть! — заорал он исступленно. — Пусть насытится зверь!.. Пусть берет!.. Перережу, уничтожу всех! Не смейте перечить мне, мне!.. Принесу еще жертвы, чтобы жил Агулис!

В полночь Горги Младший сообщил Гоар, что путь к бегству открыт. На приготовленных заранее длинных веревках пхндзакарцы начали спускаться в глубокое, безлюдное ущелье…

Едва рассвет коснулся вершин Сюникских гор и солнце начало подбирать росинки с трав и цветов, как отряд Гоар взошел на вершину горы. Отсюда открывался вид на Аракс, над которым подымалась к небу бело-голубая пелена тумана.

Утомленные ночным бегством воины попадали на мокрую траву, устремив горестные взгляды на оставшийся за монастырским холмом вероломно преданный врагу Агулис. Со шлемом в руках молча стояла Гоар. В этот миг она напоминала богиню, перед которой распростерлись рыцари, пришедшие из далеких мест поклониться ей. Но богиня заговорила человеческим голосом:

— Слушай, Товма, если ты жив, слушай меня, а если тебя уже нет, то пусть земля донесет мои слова. Клянусь этим священным рассветом, что я отомщу за тебя. Отомщу!.. — Из ее больших усталых глаз упало несколько слезинок…

А там, на краю горной долины, по дороге, ведущей к Агулису, ползла черная нескончаемая масса…

— Турки приближаются к Агулису, — сказала с горечью Гоар и надела шлем. — Пойдем, братья, мы еще вернемся в этот город…

Воины встали.

Равнодушное к человеческим преступлениям солнце продолжало свой путь к зениту.

Мелик Муси велел запереть трех дочерей и двух маленьких сыновей, не прекращавших горько плакать по матери, и, приказав без его разрешения никуда их не выпускать, вместе с богатыми купцами города поспешил навстречу туркам. В знак добровольного покорения они шли с обнаженными головами и расстегнутыми воротами. Их слуги несли на больших подносах дорогие дары. Двое подталкивали искалеченного, но еще не утратившего мужества сотника Товму. Несколько безоружных воинов мелика вели двенадцать отборных коней под золототканными попонами и среброкованными седлами, к которым было приторочено по ружью с серебряными прикладами.

Выйдя за город, купцы спустились по засыпанной галькой дороге к селению Дашт. Турецкая армия продвигалась медленно, наползая волнами, разливаясь будто половодье, вытаптывая виноградники, нежные побеги шелковицы, хлопковые гряды.

Ходжи, никогда не видевшие такого количества турецких войск, невольно содрогнулись. Впереди на вороных конях, покачивая пиками с надетыми на них отрубленными человеческими головами, двигался авангардный полк, распространяя зловоние.

— И ваши головы будут торчать на этих копьях, изменники, придет час! — собрав силы, крикнул сотник Товма.

Его заставили замолчать.

Впереди головного полка под сенью красных, желтых и черных знамен ехал на белом коне Кёпурлу Абдулла паша. Сераскяра сопровождали одиннадцать пашей, старший войсковой мулла и Мурад-Аслан. Агулисцы ускорили шаги. Приблизившись к пашам, они простерлись в дорожной пыли и стали наперебой выкрикивать:

— Добро пожаловать, милостивый наш господин Абдулла паша. Мы пришли по велению наших сердец проводить тебя в наш дом, чтобы стать твоими слугами.

Абдулла подъехал прямо к голове мелика Муси и подозвал Мурад-Аслана.

— Который мелик Муси? — спросил он с усмешкой.

— Тот, кто лежит под твоими чистыми ногами, — ответил Мурад-Аслан.

— Пусть встанет.

Мелик Муси поднялся.

— Есть ли порядок в твоем городе, досточтимый мелик Муси? — спросил паша.

— Все на своем месте, всепобеждающий и всемилосердный господин, — ответил Муси. — Все мы, и стар, и млад, ждем тебя, чтобы дать отдых твоим стопам на наших головах. Мы наказали мятежников, очистили от них город и вот добровольно вручаем тебе одного.

Купцы протянули паше обремененные дарами подносы. На одном из них они принесли головы ходжи Хачика и престарелого епископа…

— Это головы тех мятежников, которые воспротивились нам, когда мы хотели послать тебе ключи нашего города, великий паша! — объяснил Муси. — Но мятежники получили достойную кару.

— Машалла!.. — погладил усы Абдулла. — А что это за связанная собака? — показал он плетью на Товму.

— Он один из любимых сотников Мхитара, — поклонился мелик. — Мятежный человек. Вручаем твоему суду.

— Хорошо! — улыбнулся паша. — Пусть наши муллы сделают из этого храбреца слугу Магомета. Отдайте им.

Когда все подарки были вручены, ходжи, взявшись за уздечки коней, повели пашей в город. Дорога от городских ворот и до дворца мелика Муси была устлана коврами. По обе стороны дороги, на коленях, согнувшись до земли, стояли горожане и сложившее оружие войско Агулиса. Ворота домов были закрыты, окна завешены.

Турецкие аскяры, разорившие и разграбившие множество городов и сел, смотрели хищными глазами на красивый Агулис, о богатстве которого слышали легенды. Они начали было хватать разостланные на улицах ковры, вырывать их друг у друга. Но слуги паши избили их и отняли добычу. Воины сердились на сераскяра — на то, что он не велит начать священный грабеж. Юзбаши с трудом сдерживали их.

Мелик Муси привел пашей к своему дворцу. Абдулла в присутствии ходжей приказал военачальникам воспретить войску грабить и беспокоить агулисцев.

В честь паши купцы устроили роскошный пир. Они уплатили назначенную пашою дань и взяли на себя обязательство удовлетворить все потребности войска, пока оно будет стоять в Агулисе.

— Мы с любовью исполнили твою волю, справедливейший паша, но только не разоряй уже принадлежащий султану наш город, — попросили они.

— Я знаю, что нахожусь в доме моих друзей, и их честь дорога мне, — успокоил Абдулла паша. — Будьте спокойны: за вашу безопасность отвечаю своей головой.

Паши всю ночь провели в пиршестве, развлекаясь и бесчинствуя со служанками мелика Муси. Купцы делали вид, что не замечают этого и того, как паши и главный мулла войска засовывали в карманы серебряные тарелки, ножи, вилки и чаши.

Рассеивался голубой туман. Наступало утро в Алидзоре. Над ущельем парил пробудившийся орел. Со склона горы, покрытого редким лесом, неслась песня пахаря… С балкона своей комнаты тикин Сатеник с тоской смотрела на извивающуюся по ущелью дорогу.

Неделю назад Мхитар спешно отправил Агарона к начальнику гарнизона Ерндjака с распоряжением укрепить крепость и усилить надзор за действиями турецких войск, засевших в Нахичеване и в опустевших армянских деревнях, расположенных вокруг Одзнасара. Отец настрого приказал сыну не задерживаться в Ерндjаке и, собрав сведения, немедленно возвращаться в Алидзор. Однако прошла уже неделя, а Агарона все не было. Мхитар ходил разгневанный.

— Оба вы упрямые и непослушные, — сказал он супруге. — Почему сопляк прохлаждается там? Ведь я велел ему пробыть не больше одного дня…

Сатеник тайно отправила человека в Ерндjак, чтобы вызвать спешно сына домой, и теперь с нетерпением ждала его возвращения. Она знала, что Мхитар не простит сыну его поведения, накажет, изобьет. В последнее время он стал несдержанным и жестоким, часто сердился, ругался даже из-за пустяков. Военачальникам не давал покоя, не позволял уходить из казарм домой. Со всеми говорил повелительно и не желал слушать никаких советов.

«Ах, боже мой, чем все это кончится?» — думала с горечью Сатеник, ломая пальцы.

Дорога оставалась пустынной. Не было видно ни одного всадника.

Дверь на балкон тихо скрипнула. Сатеник обернулась и увидела стоявшую на пороге полуоткрытой двери Цамам.

— Агарон приехал, — сообщила девушка равнодушно; казалось, она была чем-то недовольна.

— Слава богу! — вздохнула с облегчением Сатеник. — Где он, почему не идет повидать меня?

— Переодевается, он в грязи и… пьяный… Смотреть противно…

— Неужели, — забеспокоилась госпожа. — Он пьяный? С каких это пор он пьет?

— Не знаю. Когда мы были на охоте возле Навса, он тоже напился.

Тикин заметила в ее глазах непонятную горечь. Она чувствовала, что с этой всегда веселой, неунывающей и смелой девушкой приключилось

неладное. Но что? Пытаться узнать бесполезно. Все равно Цамам не скажет. Если бы могла, сказала бы сама.

— Пойдем, — сказала Сатеник и почти побежала в комнату сына.

Агарон стоял посреди комнаты и кричал на слугу, который не мог отыскать в платяном сундуке нужную ему рубашку.

— Я раздроблю тебе скулы, развалина! — кричал Агарон. — Ослеп, что ли?

Увидев вошедших в комнату мать и Цамам, Агарон крепко сжал губы, исподлобья сердито взглянул на мать. Он был бледен. Лицо обросшее.

— Ты только что приехал? — не желая возбуждать и без того раздраженного сына, спросила мать.

— Да, — недовольно ответил сын. — А что?

— Ты кажешься усталым, дитя мое, — погладила его волосы мать; она почувствовала острый запах вина, но ничего не сказала.

— Ты так меня заторопила, словно в доме покойник, — заговорил злобно сын. — Лошадь до смерти загнал, мчал как сумасшедший. А тут все живы. Зачем звала?

— Тебе было хорошо в Ернджаке? — спросила мать.

— Да уж. Пировали днем и ночью. Пили как жаждущие верблюды. Ха, ха, ха… Из Шорота привозили гусанов.

— Ради создателя, не говори отцу ничего, — испуганно предупредила мать. — О боже, почему так наказываешь нас? Ты нехорошо делаешь, что пьешь, дитя мое. Не дай бог, узнает отец… Он и без того гневается на тебя. Умойся, побрейся и выспись. Пусть отец не видит тебя в таком виде. Сейчас я пришлю цирюльника.

Мать убедила сына лечь и вышла вместе с Цамам. Послала за цирюльником, настрого приказала слуге не отходить от дверей комнаты и никого не пускать к Агарону.

Мхитар еще не успел повидать сына и пробрать его за задержку в Ернджаке, как ему сообщили, что из Агулиса приехали Гоар и Горги Младший.

Предчувствуя недоброе, он выскочил в переднюю. Гоар и Горги скорбно стояли рядом.

— Мелик Муси изменил, сдал Агулис Абдулла паше, — медленно и гневно начала Гоар. — Коварно захватили моего мужа. Мы еле вырвались.

— Когда? — глотнул слюну Мхитар.

— Два дня назад. Сейчас турки в Агулисе.

Мхитар окаменел, даже не моргал и словно не дышал.

Изумленно глядел на скорбную Гоар. «Началось, — думал он, — распускается клубок заговоров. Куда все это поведет?.. И снова ошибся. Должен был обезглавить мелика Муси, когда он находился у меня в руках». Но тут же Мхитар очнулся от тяжелой вести, он попросил Гоар пойти к Сатеник, а Горги Младшему велел немедленно созвать военачальников.

Мхитар никак не мог простить себе, что оставил мелика Муси в живых. Ведь чуяло сердце, что изменит. Да, он чувствовал, но почему упустил? Почему побоялся нарушить единство, почему испугался находящегося в Шемахе дяди мелика Муси? Нужно было уничтожить его. Но еще больше грызла другая боль. Несомненно, мелик Муси не один. Иначе почему ходжи Агулиса не пресекли заговор? Нет, этот несчастный народ наказан богом и не вправе жить свободно, — с горечью думал он.

Мелики и военачальники пришли.

— Готовьтесь двигаться в сторону Мегри, — сказал Мхитар. — Агулис пал. Турки ворвались в нашу страну.

— Они не ворвались, тэр Верховный властитель, их пригласили в наш дом, нас предали, — сказал со злобой мелик Бархудар.

— А кто вынуждал меня простить изменника, когда он был в моих руках? — закричал Мхитар. — Вот она, цена снисходительности.

Свершилось неизбежное.

Ночью, когда мелик Муси, вернувшись от Абдулла паши, собрался лечь спать, раздался крик женщины, доносившийся со стороны крытого рынка. Голос взывал о помощи. Муси вышел на балкон. В центре города, возле рынка,

царило ужасное смятение. Спасаясь от янычаров, выбегали из домов полуголые женщины, дети. Рынок горел, горели прибазарные дома. Город был освещен заревом пожара. Из верхних кварталов также послышались крики и рыдания людей. Вскоре все ущелье загудело от воплей обреченных на ужасные бедствия людей… Муси понял, что началось неотвратимое — погром Агулиса…

Охранявшие дворец слуги, разыскав Муси, с ужасом рассказали, что янычары врываются в дома, убивают людей, не щадят даже младенцев. Хватают все, что попадается под руку.

Мелик Муси вздрогнул. Хотя он и знал, что турки рано или поздно покажут свое лицо, но все же надеялся на обещание паши и не думал, что это произойдет так скоро. Выбежав из своей комнаты, Муси ринулся на половину сераскяра. Три янычара преградили ему дорогу, но рассвирепевший мелик прорвался в его спальню.

— Проснись, сераскяр! — закричал он, забыв всякую осторожность.

Паша, который спал одетым, вскочил.

— Что случилось, мелик, почему ты дрожишь? — спросил он строго.

— Не будь клятвопреступником, паша, твое войско начало резню в городе.

— Неужели? — спросил с деланным удивлением паша. — Я им запретил.

— Посмотри. Город в огне, и отсюда слышны крики людей, — настаивал мелик. — Запрети сейчас же. Знай, победоносный паша, если Агулис будет разгромлен, ни один город, ни одно село не откроет перед тобой своих дверей. Стар и млад встанут против тебя. А падение Агулиса еще не падение Сюника.

Паше хотелось разрушить и предать огню Агулис, но предстояли еще тяжелые сражения, нужно было взять другие города и крепости. В самом деле, разгром Агулиса настроит враждебно склонных к покорности армянских богачей, выведет народ из терпения.

Паша приказал поселившимся в доме мелика военачальникам прекратить грабежи и беспорядки. Затем разослал по городу своих телохранителей, чтобы исполнить приказ.

Только невероятными усилиями удалось остановить резню. Мелик Муси

утешился тем, что город будет спасен. «Сохраню, спасу мой город», — повторял он самодовольно.

Утром, выйдя в город, он заметил на улицах и во дворах трупы. Сгорело четыре дома. «Отдали один город, чтобы уберечь сто, — думал он. — Теперь надо убедить пашу вывести войска из Агулиса».

Во время завтрака Абдулла утешил мелика и сочувственно покачал головой.

— Свидетель аллах, что я накажу смутьянов, — побожился он. — Ты пришел вовремя, брат, а то могло быть поздно…

— Разоряя города и села, ты возбудишь против себя народ, милосердный паша! — сказал Муси. — Кто же тогда поверит мне или тебе, кто добровольно сдаст свой город или свое село. Избегай погромов, паша, если хочешь завоевать Сюник.

— Сожалею о случившемся этой ночью, брат мой, — льстиво сказал паша. — Но слава аллаху, что вовремя прекратили бедствие, что смутьяны не тронули тебя и твоего дома, что живы твои дети. Клянусь сосудом, которым совершает намаз пророк, что из твоего богатства не убудет и нитки.

Эту свою клятву паша исполнил. Мелик Муси остался доволен, что сумел спасти свое имущество и город. Были довольны и другие купцы.

В тот же день, к вечеру, турки, захватив с собою награбленную прошлой ночью добычу и многочисленных пленных, вышли из города и расположились лагерем на берегу Аракса — в открытом поле. Абдулла паша послушал мелика Муси, высказавшего опасение, что Мхитар может неожиданно явиться и обложить город.

Последними из города вышли паша и муллы. За главным муллой, привязанного длинной веревкой к седлу его осла, волочили Товму. Распухший, обессилевший от пыток и страданий, он закрывал глаза, шепча лишь слова проклятий. Когда подошли к группе пленных девушек, Товма, услышав их рыдания, открыл глаза и, с трудом шевеля губами, спросил:

— Сестрички, во имя бога, скажите, где Гоар из Пхндзакара?

— Она убежала, спаслась со своими воинами, — ответили они.

На обезображенном лице Товмы обозначилась горькая улыбка. Глубоко вздохнув, он сказал себе: «Теперь я готов с радостью нести крест мученика. Моя Гоар свободна. Моя Гоар…» Он заплакал.

Остановились на берегу Аракса. Товма понял, что пришел его конец, и это вдруг восстановило его утраченные силы. Главный мулла уселся под деревьями на шелковом агулисском ковре. Слуги принесли и бросили к его ногам потерявшую сознание молоденькую девушку с золотистыми волосами. Она была в одной прозрачной рубашке, с обнаженной грудью. Товма отвернулся от несчастной. Мулла укрыл ее шелковым одеялом, рукоделием агулисских женщин, и с постным выражением на морщинистом лице обратился к Товме:

— Слушай, гяур, говорю в последний раз: если не хочешь сейчас же подохнуть, отрекись от своей скверной веры и обратись в нашу.

— Мой бог — мой народ. Я не предам его, — ответил Товма.

Столпившиеся возле шатра турки гневно заворчали.

— Ведите, — приказал главный мулла.

Товму увели. Ни зверские пытки, ни угрозы не сломили дух и железную волю мужественного сотника.

Когда увидели, что он остается твердым в своей вере, саблей отрубили ему руки, швырнули Товму наземь и забили камнями насмерть.

Пожар в нашем доме

Стопятидесятитысячная армия Абдулла паши, оставив за собой Агулис, двинулась в глубь Сюника. Передвигалась медленно, осторожно, с трудом преодолевая узкие горные проходы, застревая в лабиринтах глубоких ущелий. Мелкие боевые отряды армян закрывали порою единственные проходы в теснинах. Внезапно нападая из приютившихся в расщелинах сел, каждое из которых представляло собой небольшую естественную крепость, армяне заставляли турок терять дни и недели. Не было дорог. Туркам пришлось

оставить орудия на берегу Аракса. Абдулла паша был взбешен.

— Что за проклятая страна! — кричал он на не отходившего от него мелика Муси. — Нет ни дороги, ни даже пяди равнины.

— Потерпи, милосердный паша, — обнадеживал Муси, — Алидзор недалеко. Возьмешь его и обезглавишь эту горную страну. Силы армян невелики. Как только падет Алидзор, мелики покинут Верховного властителя и явятся к тебе.

Войско роптало. В деревнях, взятых ценою больших жертв, оно не находило ни пищи для себя, ни корма для лошадей и скота. Покидая свои дома, крестьяне оставляли лишь голодных собак и кошек. Турки со злости разоряли дома, вытаптывали виноградники, уничтожали сады, сжигали посевы.

Днем туркам еще было терпимо. Но как только наступала ночь, внезапно, невесть откуда, появлялись армяне и врезались в растянувшееся по узким ущельям войско. Казалось, что армяне возникали из мрака и с рассветом исчезали. Передовые отряды армии порою погибали все без остатка.

— Они изведут все мое войско! — отчаивался паша.

— Не терзайся, — кланялся ему мелик Муси. — Если ты решил покончить с Мхитаром, то обязан взять Алидзор.

В июле турки окружили городок Мегри. Но, несмотря на десятидневные непрерывные штурмы, взять его не смогли. С высоких неприступных стен осажденные лишь вызывающе смеялись над турками, били из пушек, бросали горящие смоляные лохмотья. Паша попытался обмануть мегринцев. Послал двух мулл для переговоров с ними.

Муллы поклялись на коране, что сераскяр не причинит городу никакого вреда, если осажденные сложат оружие и подчинятся ему. Военачальник мегринцев Константин вырвал у мулл коран и на глазах у всех бросил его в помойку, а самих велел повесить на крепостной стене.

По совету мелика Муси Абдулла паша оставил под Мегри десятитысячный отряд и по берегу Аракса повел армию в Алидзор.

Алидзор был готов к обороне. Мхитар оставил во всех замках и крепостях, расположенных на пути турецкой армии, — от берегов Аракса до Алидзора — небольшие гарнизоны и, обеспечив их продовольствием и боеприпасами, приказал активными действиями, не покидая крепости, притягивать к себе внимание турецких войск. Он решил не давать Абдулле сражения в открытом поле, а стараться расчленять его армию на части, заманить турок в глубь страны и навязать им длительную войну в горах. Создавались ополченские полки, в которые вступали даже люди, никогда не бравшие в руки оружия. Вооружались вилами, лопатами, тяжелыми дубинками.

— Станем за нашу землю, — говорили они друг другу. — Отгоним турок или умрем и навсегда избавимся от ниспосланного господом наказания.

Привязав за спиной маленьких детишек, женщины убирали на полях созревший урожай. Опустели шелкомотальные и полотняные мастерские, медные рудники, потухли огни в кузнечных горнах, остановились гончарные круги. Все ушли на войну.

В Алидзор прибыл с двумя сотнями своих крестьян престарелый мелик Пхндзакара Туриндж. Узнав о гибели Товмы, старик не заплакал. Пошел в церковь, распростерся на каменных плитах и долго молился о спасении души сына. Затем роздал бывшие при нем деньги нищим и пошел искать невестку.

Он нашел ее со своим отрядом у входа в ущелье реки Вохчи, где она, вместе с другими ополченскими отрядами, по распоряжению Мхитара совершала налеты на врага, затрудняя его продвижение.

Гоар бросилась в объятия свекра.

— Пришел отомстить за сына, отец? — спросила она, с жалостью смотря на обессилевшего старика.

— За всех, дочь моя, за всех нас, — простонал старик. — Пришел к тебе на подмогу.

Невестка и свекор больше не говорили о Товме. Увешанная оружием, облаченная в броню, загоревшая на солнце и горном ветру, посуровевшая Гоар была похожа на истинного воина. «Господи боже, какие дни сподобил ты нас

увидеть», — думал старик, удивленно следя, как воины послушно исполняют все ее приказания.

Отряд Гоар расположился на склоне ущелья, среди густых зарослей ежевики и шиповника. Как только наступила темнота, Гоар приказала готовиться к выступлению. Она вскочила на своего вороного коня, взглянула на клячу свекра и усмехнулась:

— Э-э… отец, и зачем ты привел сюда эту несчастную кобылу?

— Да уж так, — смутился старик. — Лучших коней я отправил в Алидзор, осталась только эта…

— Ничего, — улыбнулась невестка. — Отнимем у турок.

По крутым тропам спустились к Араксу. Пробирались почти ощупью. Скоро дошли до безлюдной деревни. Посланные заранее лазутчики сообщили Гоар, что крупное соединение турецких войск расположилось на берегу реки Вохчи, среди шелковичных тутовых деревьев.

— Мелик Муси с ними? — спросила Гоар.

— Нет, госпожа! Изменник находится у паши, в Чавндуре.

— Не беда… Рано или поздно попадется в руки…

После короткого отдыха снова пустились в путь.

Из расщелины горы Егвард показался полумесяц, залив ущелье серебристо-желтым светом. Увидев внизу, на берегу реки Вохчи, тлеющие костры турецкой армии, Гоар сказала своим десятникам:

— Готовьтесь. Нападем внезапно. Наведем панику и перерубим всех. Знайте, на другом берегу реки стоят в засаде полки Есаи и Зарманд. Сигнал к нападению дадут они: три раза прокричит сова. Не забудьте!

Десятники ушли. Гоар села на камень и положила на колени обнаженную саблю. Она устала, броня сжимала полную грудь, шлем давил на голову, ноги ныли… Но она старалась забыть усталость. Думала о Мхитаре. Была обижена на него. Изменился, стал безразличным, даже не подошел, не утешил по поводу гибели мужа. Избегает ее. И это сейчас, когда она чувствует себя такой одинокой, когда ей так хочется поговорить с ним, облегчить свое горе. До

каких пор будет продолжаться это страдание? «Смерть, лишь смерть положит конец моим мучениям», — часто повторяла про себя Гоар и искала смерти в сражениях…

Огни на берегу реки потухли. Месяц уже склонился над горой Гегва. Приятная ночная прохлада нагоняла дремоту… Сон одолевал Гоар, когда с противоположного склона ущелья послышалось уханье совы. Гоар поднялась и поспешно поправила доспехи. Крик повторился вновь. Она подошла к своему коню и ловко взлетела в седло. Когда «сова» ухнула в третий раз, Гоар взмахнула саблей.

— За мной… — тихо скомандовала она и понеслась к тлеющим кострам… Через несколько минут отряд был уже на берегу реки.

В турецком лагере поднялась суматоха.

— Гяуры! — кричали стражники.

Спавшие у костров аскяры вскочили и бросились к вспугнутым лошадям. Мимо Гоар пробежало какое-то черное существо. «Во имя моего Товмы», — Гоар опустила саблю на голову бежавшего.

— О Магомет! О Али! — кричали турки в панике.

Немногим удалось найти своих лошадей. Внезапное ночное нападение вызвало переполох. Не могли установить боевого порядка. Армяне налетели с трех сторон. Пешие шинаканы мелика Туринджа кололи копьями, вилами, били длинными острыми лопатами. Одному из турецких отрядов удалось все же принять боевой строй. Однако с другого берега реки нагрянули ополченцы Есаи и Зарманд и тут же смяли турок.

Началась рукопашная схватка. Армянские ополченцы мелкими отрядами появлялись внезапно то в одном, то в другом месте, наносили удары и так же внезапно отходили… Турки не выдержали ночного боя, бросили свой лагерь и в панике отступили к Араксу. Ополченцы преследовали их некоторое время и только на рассвете прекратили бой. Вернулись, сняли брошенные турками шатры, собрали оружие, коней и поднялись в горы. Гоар приказала не оставлять в живых ни одного пленного. Даже раненых. На отнятой у турок гнедой лошади

ехал теперь старый Туриндж. Восхищенно смотрел он на невестку. «Меликское звание больше пристало ей, — думал старик. — Какой из меня мелик!..»

С восходом солнца ополченцы уже достигли лесистых гор. Гоар решила остановиться здесь и ждать нового приказа Мхитара.

Но Мхитар прибыл сам и привел с собой почти все свое войско. В Алидзоре он оставил Тэр-Аветиса всего с тысячей воинов и вооруженными горожанами. Твердо полагаясь на неприступность Алидзора, Мхитар удалился оттуда, чтобы задержать Абдулла пашу в лесах и ущельях, затянуть войну до наступления суровой горной зимы. Зимою Абдулла не сможет рассчитывать на помощь, и армяне окончательно перебьют его армию. В числе войска Мхитара со своими полками были мелик Бархудар, бежавший из Дизака в Сюник мелик Еган, а также князь Баяндур.

Пополудни армия Верховного властителя достигла подножия Геханyйша. Мхитар никого не поздравил: ни Есаи, ни Зарманд, ни даже Гоар, которая ждала хотя бы улыбки его после успешного боя. Едва передохнуло войско, едва покормили лошадей, как он приказал двигаться дальше. Сев на лошадь, обратился к ополченцам:

— Что сказать вам, братья! Сами видите, что ворог опять ворвался в наш дом. Но пусть не пугает вас его дикое рычание. Помните, мы защищаем свой дом, свою землю. Помните также, что мы веками отстаивали наше право на жизнь, сопротивляясь бесчисленным врагам. Кто умеет противостоять, тот будет жить. Вновь поднялись мы на защиту своей земли с верой в победу. Всем народом стали мы перед опасностью и победим. Примером может служить вам совершенное вчера. Мужеством и отвагой одолели вы врага, в десять раз превосходящего. Продолжайте днем пребывать в укромных местах, а в ночных боях показывайте врагу свой неукротимый дух и силу десниц своих. Мужайтесь. Кроме этого оружия, нет у нас другой защиты. Господь да будет с вами!

Помахав рукой, он простился с ополченцами и, пришпорив коня, повел свою армию в сторону Чавндура.

Наступила ночь, но Мхитар, не давая отдыха своим войскам, спешил нагнать армию Абдуллы. Высланные вперед лазутчики сообщили, что пятидесятитысячная турецкая армия занимает всю долину Чавндура и что паша, по всему видно, поведет ее вверх по реке. Мхитар собрал военачальников и, не сходя с коня, разъяснил им свою мысль.

— Я беру с собою две тысячи пятьсот всадников, — сказал он. — Спущусь по горам Егварда в долину Аракса и с правого крыла обрушусь на центр армии Абдуллы. Вы же во главе с князем Баяндуром спускайтесь вниз по ущелью и нападайте на турок с фланга. Запрещаю завязывать бои днем. Только ночью. Днем таитесь в лесах и ущельях. Укрыться, слава богу, у нас есть где. После короткого удара сейчас же отходите, чтобы напасть снова. Разрушайте дороги и мосты. Держите связь с отрядами ополченцев Есаи и Гоар. Не упускайте из виду рамиков, не оставляйте их одних, иначе сдеру с вас шкуру.

Незаметно вздохнув, он оглядел безмолвных военачальников. Сердце сжалось. Чувство тоски вдруг охватило его. О смерти которого из них узнает он по возвращении? На мгновение закрыл глаза и затем, подняв голову, продолжал:

— Наша цель — не дать врагу без потерь подойти к стенам Алидзора, нужно задержать его до наступления зимы. Только так нам удастся уничтожить армию спесивого Абдуллы. Доброго вам здоровья…

— Доброго пути, властитель. До встречи, — взволнованно ответили военачальники.

Мхитар уехал. Военачальники понимали, что он избрал единственный и правильный план ведения войны против огромной армии. К этому способу армяне прибегали еще со времен Давид-Бека.

Мхитар стремительно повел свою конницу в сторону темных гор Егварда. Но когда уже достаточно удалился от основной армии, вдруг круто повернул вправо и направился в сторону Мегри. Воины полка «Опора страны» удивились такому его решению. Ведь они должны были идти на армию Абдуллы.

Переправившись через реку, Мхитар пустил коня вскачь.

Есаи и Зарманд повели свой полк в большое село Гайлакал, которое со скалистого выступа господствовало над подступами к реке Вохчи. Кругом царила мертвая тишина. Из ердиков не поднимался приятный дымок. Жители села, покинув свои дома, переселились в горы.

Ополченцы решили ждать появления врага в небольшом ущелье, заросшем ореховыми деревьями.

Наступила ночь. Одна из восхитительных ночей горного Сюника. Казалось, объятые тишиной, спали Гайлакал, мельница под орешником, лес. Лишь низвергающаяся в ущелье речка, ударяясь о скалы, беспрерывно шумела, нарушая тишину. Полная луна, подобно стыдливой невесте, временами показывалась из-за облаков и, на минуту улыбнувшись, вновь пряталась под облаками, золотя их разбросанные клочки. Перед рассветом Есаи приказал раздать воинам пищу.

— Жаль, что нет вина, — вздохнул Семеон, положив на колени свою порцию хлеба, сыра и горсточку вареных бобов. — Вот бы выпил…

— Ну, опять за свое! — произнесла Зарманд. — А плова с изюмом не хочешь?

— Почему бы и нет, — вздохнул Семеон. — Пасхальный плов — одно удовольствие.

— Придет турок, он покажет тебе такой пасхальный плов, что навеки забудешь его вкус.

— Пусть идет, — махнул Семеон. — Что мне терять, мое бренное тело? Пускай гибнет. А вот за тобой поохотятся. Народишь им бесенят…

Только что пробудившиеся от сна и начавшие протирать глаза шинаканы захохотали.

— Заткнись, каланча, — обиделась Зарманд. — Если всяк станет лаять подобно тебе, тогда и впрямь все армянские женщины попадут в полон.

— Не сердись, сестра, — мягко сказал Семеон. — Хоть раз нужно и пошутить, ведь люди мы.

Позавтракав, прислонились к камням, стали ждать. Неприятель не появлялся. Одни, сидя, снова начали дремать. Другие забрались в расщелины скал, притаились среди скрученных корней ореховых деревьев. Не было настроения ни шутить, ни разговаривать. В напряженном томительном ожидании забывалось все мирское.

Есаи, приставив копье к дереву, сел возле Зарманд. Впервые ему захотелось быть рядом с нею, положить голову на ее колени, смотреть на ее доброе загорелое лицо. Вот она свесила голову на грудь и дремлет… Не мог понять, откуда взялось у него это желание. Удивлялся, как оно вдруг родилось в нем. Впервые посмотрел на нее как на женщину, которая не только могла воевать, но и обладала особым женским обаянием. Пожалел ее, эту с растрескавшимися руками женщину… Ему показалось, что он чувствует даже ее запах. Что это было за благоухание? Неужели она хранит за пазухой сушеные лилии? Сердце Есаи затрепетало, и он едва сдержался, чтобы не нагнуться и не поцеловать колено Зарманд.

Лучи солнца коснулись верхушек гор. В кустах зачирикали белобоки, повеял приятный аромат дикой ежевики. Свесившийся со скалы куст шиповника слегка покачнулся, и на папаху спавшего под ним воина скатились капельки росы. Есаи долго смотрел на шиповник. Скрученные корни куста спускались по склону до земли и входили концами в нее. Это были те питательные жилы, благодаря которым куст зеленел, распускал белые цветы, напоминавшие собой зажженные свечи в зеленых подсвечниках.

Есаи то смотрел на корень шиповника, то переводил взгляд на неподвижно сидевшего под ним Семеона. И чудилось ему, будто извилистые, серые жилы на шее Семеона были тоже корнями шиповника. Что-то суровое было в лице этого вечно бездомного бродяги, и оттого оно казалось одновременно страшным и жалким. «Вот уже пять лет, как воюет этот несчастный человек, — подумал Есаи. — Но что он заработал? Только две раны и похвалу Мхитара. Давали ему клочок земли, не взял: кто ее будет обрабатывать и когда? И вот воюет — преданно и самоотверженно. А турки, персы? Зачем они воюют?

Разве мало на свете земли? Вон ее сколько — от восхода до захода солнца. Хватит на всех. Пусть живут, наслаждаются благами земли, не убивая друг друга. К чему эта ужасная бойня? Даже красавица Гоар пошла воевать. Зачем она пошла? Защищать родину? Где она, эта родина? Разве позволяют армянину иметь родину? Армянин… Какой несчастный народ. Живет на камнях, но и это хотят отнять у него. И почему другие имеют родину, а армянин не должен ее иметь? Монах Мовсес говорит, что и у нас была великая родина. Где она, кто ее отнял, почему отнял, почему? Если отняли, почему не возвращают!..» — так думал Есаи и не мог найти ответа.

Горячие лучи солнца разогнали сон у дремавших воинов. Они подходили и усаживались вокруг Есаи и Зарманд. Явился и одноглазый гусан Етум. Есаи вспомнил, как много лет назад он выругал Етума за то, что тот пел у свинопасов грустные, щемящие душу песни. В то время не думал он, что наступят дни, когда и его сердцу будут милы тоскливые песни гусана. Раскаялся, сердце сжалось.

Гусан достал из кожаного мешка залатанный саз и стал бренчать. Игра хватала за сердце, люди слушали молча, каждый думал о своей печали. Вдруг молодой беженец отбросил вилы, которые держал в руке, попросил у гусана саз и, энергично ударяя по струнам, запел:

Посижу, попрошу у бога,
Чтобы дал мне крылья.
Долечу с рассветом
До своей любимой,
Зацелую милую,
Зацелую славную…

«Ах, бедное, несчастное мое дитя!» — вспомнив дочь, глубоко вздохнула Зарманд и всплакнула. Горги рассказал матери, что приключилось с Маро. «Не знаю, убита она или увели в плен», — сказал он.

— Еще раз, а ну еще раз, Паргев! — просили певца сюникцы.

Зарманд утерла глаза.

— Слабое у тебя сердце, Зарманд, — покачал головой Семеон.

— Ах, потеряла я свою Маро, брат Семеон, голубку свою, — произнесла Зарманд. — Этот, такой же молодой, лишился своего родного крова, скиталец. Да померкнет свет в очах того, кто сделал его скитальцем…

— Да, детей наших губит турок нещадно!.. — взволновался Семеон. — А у кого нет горя, сестра? Да сохранит господь сына твоего. У тебя сын еще есть, а мне каково… Мы пришли всем миром, всем родом-племенем, чтобы, как птица феникс, броситься в огонь. Пусть я сгорю, издохну, лишь бы жила страна, страна…

Спели и другие воины. Печальна, тосклива была песня крестьян-шинаканов, но звучал в ней великий протест, суровый стон, наполнял душу тоской и гневом…

Песня шинакана прервалась. Лазутчики, посланные к берегам Вохчи, привели пленного турка. Помрачнел, нахмурил густые брови Есаи. День был такой тихий и песня такая трогательная, что казалось, нет в мире врагов, что вот сейчас они поднимутся и пойдут косить поспевшие хлеба.

Пленника бросили к ногам Есаи. Сотник пристально посмотрел на лазутчиков, потом на турка.

— Поймали этой ночью, — рассказывали воины. — По берегу реки мы дошли до турецкого лагеря и схватили.

У пленника было жирное лицо и большой нос. Глаза, налитые кровью. Бритая голова блестела подобно желтой тыкве. На поясе висел небольшой мешочек из козьей кожи, в нем он держал воду. Был у турка еще и другой мешочек, из красной материи. Есаи сорвал его и сунул в мешочек руку, вытащил оттуда ереванские гребни, персидскую золотую монету, позолоченные агулисские серебряные ложки, серьги, на которых еще оставались ссохшиеся кусочки мяса. Глаза Есаи помутились. Он не выдержал, ударил ногой пленного.

— Хоть бы мочки не рвал, зверь! — крикнул он в бешенстве.

Турок рукавом стер с лица кровь. Зарманд выхватила у Есаи серьги, поднесла к глазам. «Не моя ли Маро носила их?» Содрогнулась от этой мысли.

— Волк, зверь… — крикнула она и швырнула наземь серьги, зарыдала.

— Кто ты? — спросил турка Есаи.

— Можешь спрашивать, но я ничего тебе не отвечу! — бросил турок.

Его вздернули за ноги на дереве. Побили. И турок не выдержал, закричал:

— Скажу, только отпустите…

Турок рассказал, что Абдулла паша решил взять город Алидзор и вырезать там всех армян. Сообщил, сколько войска в их армии и когда они двинутся по ущелью Вохчи.

— Вон как, хотите нас вырезать? Покончить с нами? — сжавшись от злости, спросила Зарманд.

— Вы гяуры, — ответил турок, — поэтому вы не имеете права жить. Страшные муки ожидают тех, кто не примет ислама. Мы режем вас, чтобы двери рая открылись перед нами…

— Сейчас я раскрою перед тобой двери этого рая, ступай и блаженствуй там, — спокойно сказал Есаи и потащил турка к краю скалы.

Некоторые из шинаканов отвернулись. Гусан Етум поспешно удалился. Зарманд застонала. Поставив турка на краю скалы, Есаи пронзил его копьем. Турок упал. Побледнев, Есаи отвернулся, посмотрел на своих.

— Жалеете, да?.. — крикнул он, задыхаясь. — Ненавидеть врага — и того вы не умеете. А видели серьги в его мешке? Почему не сжалился он, когда насиловал девушек, резал детей, вырывал с мясом серьги? Отпустить надо было, так, что ли? Отпустить, чтобы потом вонзил меч в мою грудь? Чтобы наполнил кровью колыбель моего внука? Да? Кто жалеет врага, тот собственными руками перерезает горло своему сыну.

Он сбросил в бездну распластавшегося на краю скалы турка.

— Ступай! — гневно и как будто рассерженный на кого-то закричал Есаи. — Убиваю тебя не на пороге твоего дома, не у твоего очага, не у края твоей нивы. Ты принес смерть, смерть и получай.

Он отвернулся, сел рядом с онемевшими товарищами, руки его дрожали, глаза были полны жалости. «Мы не убийцы, — говорил он себе. — Будь мы

ими, мы не дошли бы до такого состояния!» Долго не мог успокоиться. То и дело поглядывал на скалу, где только что лежал сраженный им турок. «Кто сделал меня его убийцей, кто? Зачем? Был тружеником, мирным человеком. Стал зверем. О господи боже…»

Перед заходом солнца на багровом горизонте показались клубы пыли. Первым заметил Есаи. «Идут, вот они. Идут, чтобы отнять у нас эти оставшиеся скалы. Идут, чтобы зарезать моего внука, вырвать мочки ушей моей невестки. Убить меня, Семеона, Зарманд! Ну, если так, тогда идите… Посмотрим…» Ему показалось, что он высказал свои мысли вслух. Удивленно взглянул на Цатура. Слышал ли он? Что скажет? Но Цатур приник к камню и, раскрыв рот, смотрел на медленно приближавшееся облако пыли. Казалось, он слился с замшелым камнем, превратился в скалу. Недавно жалел пленного, а теперь сам готов броситься на турок. Жалко стало Есаи старого друга. Пожалел от всего сердца. «Станет ли когда-нибудь на ноги этот полуголый, всегда одинокий и голодный Цатур? Будет ли иметь свой дом или уже в эту ночь падет под ударом турецкого ятагана и не найдется никого, кто бы насыпал на его могилу горсточку земли? Вот он идет, всепожирающий враг, безжалостный, разоряющий, жаждущий крови».

— Приготовьтесь! — крикнул он.

Подобно гигантской морской волне, грозно надвигалась черная масса иноязычной, иноплеменной армии. Паргев спросил удивленно:

— Что это, дядя Есаи?

— Турок идет, — ответил Есаи.

— Турок? — глотнул слюну Паргев. — Турок крылатый?

— Нет, ползущий, как и мы. А кружат над ним хищные птицы. Земля, по которой проходит турецкая армия, опустошается. Падали ждут. Как увидишь на небе стаи ворон, знай — идут турки.

— Вах, вах, — удивился парень, которому впервые приходилось видеть столько войска. — Как саранча!

— Саранчу тоже можно уничтожить, — мрачно сказал Есаи.

— Страшно, — пробормотал Паргев.

Из засады армяне напряженно следили за ползущим по ущелью войском.

Наступила ночь. Турецкая армия скучилась в узкой долине.

Воины принялись пожирать награбленную по дороге пищу. Затем армия, самодовольная и самоуверенная, кичащаяся своей силой и тем страхом, который она распространила вокруг себя, постепенно отошла ко сну. Дым бесчисленных костров, запах пота и навоза засмрадили воздух. Помутнели, стали кровавыми воды горной речки от брошенных в нее внутренностей забитых животных. Бездомные, одичавшие собаки, волки и шакалы осторожно подбирались к своей наживе.

И вот уже выползли из засады ополченцы. Двинулись полки князя Баяндура, мелика Бархудара, военачальника Бали, мелика Егана.

Есаи повел своих людей по берегу реки, между кустами и камнями. Где-то в вышине вспыхнул огонь и потух. Это князь Баяндур давал сигнал для общего нападения…

— С богом! — крикнул Есаи и бросился вперед. Он опустил тяжелый меч на голову полусонного, вскочившего из-под бурки турка. Тот упал, издав блеющий вскрик. Поднялась суматоха. В лагере затрубили. Но не успел враг опомниться и понять, откуда нанесен удар, как ополченцы отошли, чтобы напасть, с другой стороны. В темноте турки не могли разобраться, где чужие и где свои.

Всю ночь ущелье грохотало от криков нападающих, ржанья лошадей и стона раненых. А когда рассвело, армяне исчезли бесследно…

— Откуда появляются они? Куда исчезают? Шайтаны это или люди? — кричал от ярости Абдулла паша.

Мелик Муси пытался успокоить его.

— Это последние вздохи умирающего, могучий паша, — говорил он, склонив голову и скрестив на животе руки. — Скоро их силы растают, как весенний снег.

— Тает моя армия, — бесновался паша. — Посмотри на трупы.

— Нужно спешить, солнцеликий паша. Возьми Алидзор, и все усмирится.

Как мог паша спешить в этой горной стране, где нет ни дорог, ни мостов, ни равнин? Громоздкая армия в узких ущельях, растянувшись как нитка по краям стремнин, проходит едва четверть пути, который она должна была пройти за день. А тут еще неуловимые армяне устраивали засады в каждом ущелье, за каждой скалой. Турки несли большие потери от неожиданных ударов легких, подвижных частей Мхитара.

Но тем не менее турецкая армия тяжело и медленно продвигалась к Алидзору, оставляя за собою груды обглоданных костей и трупы.

Дни Бекир паши проходили в беззаботных пиршествах. Его десятитысячная армия, с трех сторон обложив Мегри (с четвертой стороны были отвесные непроходимые скалы), засела в садах и огородах. Осажденные мегринцы почти не беспокоили его. Только иногда выстрелят раз-другой из пушек. Берегли боеприпасы. Ниоткуда паше не грозила опасность. Сераскяр с главными силами застрял в глубине Сюника. Армяне вели там против него тяжелые и неравные бои, и, по-видимому, им было не до осажденного Мегри.

Аскяры Бекир паши днем обжирались в мегринских садах тутой и абрикосами, купались в Араксе, а ночью спали как убитые. От безделья и жадности у них раздувались животы. Занимались перепродажей приведенных из Агулиса пленных женщин. Многие из них, не выдержав мук, умирали. Но тем сильнее вцеплялись аскяры друг в друга из-за оставшихся в живых.

Вскоре в лагере появились перешедшие Аракс со стороны Персии распутные женщины. Наведывались коробейники продавать разную мелочь, приходили скупщики пленных детей, чтобы продать их в Стамбуле.

Бекир паша оставался безразличен ко всему этому. Рассиживая в своем роскошном шатре с молоденькой девушкой на коленях, он, по обыкновению, пил холодный шербет и слушал песни дервиша, стоявшего на коленях у входа в шатер.

Войско не испытывало недостатка в пище. Палатки были полны добычи,

вокруг лагеря паслись захваченные стада овец и крупного рогатого скота, и кони были сыты.

Турки ожидали, пока сераскяр возьмет столицу армян, чтобы двинуться затем к Каспийскому морю, во владения земли Российской.

— В стране рыжего московского царя возьмете столько сокровищ и пленных, что потомки семи ваших поколений, возлежа на боку, будут вкушать и не исчерпают всего, — уверяли солдат муллы.

Сильная августовская жара не смягчалась, даже когда солнце склонялось к западу. Зной стоял и по ночам, не было ветра, деревья не шелестели.

Этот день также прошел в знойной духоте. Только солнце село, как вся утомленная жарой армия уснула. Аскяры то и дело бегали к реке, пили теплую воду и не могли утолить жажды.

Наступила полночь. Сытые, откормленные лошади, спокойно дремавшие рядом с лагерем, вдруг забеспокоились, стали ржать, рыть передними ногами землю, дергаться на привязи. Даже старые жеребцы не удержались… Часовые насторожились. Они заметили какие-то черные массы, спускающиеся по склону ущелья. Топот и ржание взбесившихся лошадей разбудили аскяров. На шум вышел из шатра и Бекир паша.

— Что за шум? — спросил он сгрудившихся в темноте воинов.

— Вроде с горы спускается стадо, — ответили ему.

Паша внимательно всматривался в темноту. Несколько аскяров побежали в ту сторону, откуда надвигалась черная масса, и скоро вернулись.

— Лошади, паша, — сообщили ему.

— Какие лошади?

— Неоседланные, без хозяев. Может, спускаются на водопой.

Зажгли факелы. Действительно, со склонов ущелья неслись на лагерь ошалелые табуны лошадей. Мчались с бешеной быстротой, ржа, налетая друг на друга, словно спасались от какой-то страшной опасности. Через несколько минут обезумевшие лошади ворвались в лагерь…

— Это кобылицы, остановите их! — кричал Бекир паша. — Ловите их

арканами, скорее, а то наши кони сейчас взбесятся.

Аскяры побежали, чтобы задержать кобылиц, но было поздно. Укротить их уже никакая сила не могла. Почувствовав кобылий запах, несколько тысяч жеребцов турецкого лагеря сорвались с привязей и с остервенением бросились вперед… Поднялась адская суматоха. Тысячи кобылиц, разрушая палатки, убивали копытами растерявшихся полусонных воинов, со страшным ржанием носились с одного конца ущелья в другой, увлекая за собой возбужденных жеребцов. Аскяры не могли найти своего оружия, поймать свою лошадь. Старались спасаться от одичавших животных. От страха быть растоптанными многие взбирались на деревья, прятались среди камней.

Бекир паша понял, что случилось непоправимое, и рвал на себе волосы. Несомненно, что армяне пригнали табун кобылиц, чтобы взбесить жеребцов, разорить лагерь… Он был убежден также в том, что затеявший эту хитрость противник находится поблизости в засаде и с минуты на минуту нападет на лагерь. Бекир паша достал рог, чтобы подать боевой сигнал, но в эту минуту три лошади разом врезались в его шатер и сорвали его с места. Из шатра послышался душераздирающий женский крик. Паша ударил саблей несущуюся мимо лошадь. Она упала, вновь поднялась и исчезла во мраке.

— Угоните лошадей, перебейте их! — с пеной у рта кричал паша. — Где моя лошадь, где?!

Но и его арабский скакун, сорвавшись с привязи, смешался с другими, и кто знает, где гонялся сейчас за кобылицей? Турки попытались было колоть копьями обезумевших лошадей, но из этого ничего не получилось.

Опасение Бекир паши оправдалось. Со склонов ущелья, замыкающих с двух сторон узкую долину, вскоре стали стремительно спускаться армянские полки.

— Армяне нападают! — с трудом отыскав пашу, сообщили ему телохранители.

— Какие армяне, откуда? — посинел паша, хотя сам предсказывал это.

— Спускаются со склона горы. Регулярное войско, паша! — кричали

турки. — Это они напустили на лагерь кобылиц. Осажденные вышли из города. На правом крыле страшная резня. В лагере паника, шайтан, шайтан!..

— Коня! — невольно крикнул Бекир паша.

Смятение особенно усилилось, когда раздался неизвестно чей крик:

— Абдулла потерпел поражение, мусульмане… Спасайтесь от Мхитара!..

Усилия некоторых турецких военачальников установить воинский порядок оказались тщетными. Обезумевшие лошади продолжали рушить лагерь.

Началось бегство…

— Бейте их! — кричал с коня Мхитар.

Турки, спасаясь, бросались к единственному выходу — к ущелью Аракса. Человеческая масса смешалась с обезумевшими табунами и бросалась к Араксу… Армяне настигали и рубили бежавших в панике турок.

Впереди Горги Младшего выскочил толстый турок, кинулся в виноградные кусты, упал, вновь поднялся и побежал. Горги смутно различил его шлем, занес саблю и ударил, но промахнулся. Турок отскочил и поднял пистолет. Заметив блеск направленного на него оружия, Горги мгновенно соскользнул под живот лошади. Раздался выстрел. Лошадь повалилась на бок, Горги прыгнул на спину турка и вцепился пальцами ему в горло. На помощь Горги пришли два других воина, и вместе они связали врага…

Спаслись только те турки, которым удалось переплыть Аракс и выйти на персидский берег. Число их было, однако, невелико. Берега реки Мегрет были покрыты бесчисленными трупами. Несколько сот турок сдались в плен. Раненые стонали в предсмертной агонии. Бились головами о землю, дергали ногами сраженные лошади, пока не издыхали с тяжелым храпом.

— Где мы похороним столько околевших? — спрашивали друг друга армяне.

Горги Младший, привязав веревкой пузатого пленника к поясу, тащил турка за собой. Пленник от бессилия скрежетал зубами. Он был закован в броню из синей дамасской стали, спина была покрыта кольчугой. Синего цвета были и его шлем, латы и набедренники.

— Что это ты поймал, Горги? — шутили воины полка «Опора страны».

— Редкостный зверь угодил мне в руки, — небрежно ответил Горги.

Из-за виноградного куста выглянула дрожащая от страха женщина из Агулиса, вгляделась в пойманного турка и, не стесняясь того, что была полунагой, набросилась на него, вцепилась костлявыми пальцами и закричала:

— Отдай мне мою дочь, зверь, дочь мою! Ой, люди, задушите эту собаку. Это окаянный Бекир паша. Это он отнял мою дочь, ах… — И упала без сознания.

Горги Младший внимательно посмотрел на своего пленного, и на лице его появилась ироническая улыбка.

— О-о, значит, Бекир паша? — удивился Горги. — Ну, бей себя по голове, нет больше твоей армии…

Мхитар велел захоронить трупы турок, поймать лошадей и собрать добычу.

Затем, взяв с собой военачальника Константина и его войско и оставив в Мегри только один отряд, спешно направился к Алидзору.

Третьего сентября, потеряв в пути половину своих войск в бесчисленных столкновениях с небольшими отрядами армян, турецкая армия наконец дошла до Алидзора. Несмотря на потери, армия Абдулла паши все еще представляла грозную силу и насчитывала в своих рядах около семидесяти тысяч воинов. Немногочисленные армянские отряды, долгие месяцы изматывавшие турецкую армию, были вынуждены укрыться за надежными стенами столицы. В последний раз Мхитар дал туркам сражение в долине реки Вохчи, у Большого Сгнаха, после чего отошел к ущелью Гегва. Наскоро созвав совет военачальников и меликов, он объяснил свой дальнейший план войны.

— Вместе с полком Тэр-Аветиса я остаюсь в Алидзоре, — спокойно сообщил он. — Мы будем защищать Алидзор и удержим его хоть три года. Ты, князь Баяндур, вместе с меликом Бархударом и меликом Шафразом отойдите к гавару Цгук. Паша обязательно пошлет на вас свои отряды. Вам надо заманить их в ущелье Воротан и уничтожить. Потом возьмете с собой гарнизон

Вайоцдзора, Шахапуника и крепости Воротан и нападете с тыла на осадившую Алидзор армию паши, пусть он бьется с двух сторон.

Это было начало того плана Мхитара, по которому армия Абдулла паши должна была быть побеждена и в конце концов вышвырнута из Армении.

Военачальники одобрили план Верховного властителя. Необходимо беспокоить с тыла, осадившего Алидзор Абдулла пашу, отрезать пути, по которым могла быть послана ему помощь, теснить его бесконечными атаками, пока не наступит суровая зима Сюника.

Князь Баяндур, мелик Бархудар и мелик Шафраз отправились со своими войсками в Каджаран, чтобы двинуться оттуда к Цгуку. Мхитар заперся в столице.

Алидзорцы, так же, как и Верховный властитель, не сомневались, что их город, на неприступных горах, может держаться долго и что никакими силами турки не сломят его сопротивление. Алидзор был обеспечен продовольствием, достаточно боевых припасов имело войско, а его защита находилась в руках такого опытного и бесстрашного человека, как Верховный властитель Мхитар.

Однако расчеты Мхитара не во всем оправдались. Абдулла не послал в Цгук войск для преследования князя Баяндура. Вкусив горечь тяжелых битв, которые велись в труднодоступных горах Сюника, он не стал расчленять свою армию. Решил сначала покончить с Алидзором и только после этого преследовать удаляющихся небольшими отрядами на север армян.

Алидзор был осажден с трех сторон. С четвертой высились неприступные скалы. Османская армия заняла находящиеся ниже Алидзора ущелья и горные долины. Убедившись в том, что Абдулла не намерен преследовать Баяндура, Мхитар послал в Татев гонца с приказанием князю Баяндуру спешно собрать войско и идти на осадивших Алидзор турок.

Но этому плану также не было суждено осуществиться.

Только выступил из Татева со своими отрядами князь Баяндур, как ему доставили весть, что большое турецкое войско со стороны Араратской долины вошло в Вайоцдзор. Баяндур этого не ожидал. Помрачнело его морщинистое

лицо, насупились и нависли над усталыми глазами брови. «Неужели господь отвращает от нас свое чело!»

Военачальники окружили спешившегося Баяндура. Какое вынесет решение этот сидящий на замшелом камне мудрый пожилой полководец? Мелики не знали, какой подать совет. Наконец Баяндур встал.

— Садитесь на коней! — приказал он решительно. — И не жалейте их. Через два дня мы должны быть в Вайоцдзоре. Если до нашего прихода турки выйдут оттуда и дойдут до плато Акунка, остановить их уже будет невозможно. Едем, бог в помощь…

— А Алидзор, князь? — мрачно спросил мелик Бархудар. — Оставим в осаде?

— Оставим, — ответил Баяндур. — Алидзор крепок, устоит. Там Мхитар, он не отдаст его туркам.

Князь сел на коня и понесся к безлесным каменистым горам Сисакана, к истокам Воротана, чтобы через Джермук спуститься в Вайоцдзор.

В селах удивлялись, видя, с какой поспешностью несется армянская конница. Лошади задыхались, падали. Воины садились на новых. Князь распекал отстающих. Пятидневный путь надо было проскакать за два дня. Опоздание смерти подобно…

Густой предосенний туман рассеялся. И предстал высоко на скалах осажденный Алидзор.

Было утро. Сюникский край, открыв свою неповторимую строгую красоту, казалось, хотел пленить турок, смягчить их безжалостные сердца. Однако османское войско, занявшее склоны горы и тесные входы в ущелье, не проявляло интереса к величию горной природы. Измученные непрерывным дождем, шедшим в течение всей недели, турки оживились, стали сушить на кострах одежду, чистить доставленные на мулах орудия. И казалось, под стенами Алидзора стоит не армия, уничтожающая села и города, а мирные кочевники, которые остановились лишь ненадолго на привал.

На небольших горных площадках виднелись остроконечные шатры пашей,

на которых красовались бунчуки и военные знамена. Окруженный множеством пашей и европейских военных советников, Абдулла паша стоял на левом берегу реки, на высоком безлесном холме, и, прищурив глаза, глядел на стены Алидзора. Все молчали. Европейские советники удивленно смотрели сквозь желтоватые очки на крепостные стены, которые, казалось, были высечены из скал, и ожидали, о чем спросит у них паша.

А Алидзор словно бы прирос к отвесной скале и с головокружительной высоты своей каменной броней и боевыми башнями будто угрожал врагу, смеялся над ним. На стенах крепости никого не было. Казалось, город безлюден, мертв. Лишь иногда курились бойницы и слышался глухой гул пушечного выстрела…

Паша протянул руку к английскому полковнику. Тот вручил паше свою длинную подзорную трубу и, поклонившись, отступил. Абдулла видел рядом склон, толстые стены, вооруженные пушками башни. Он опустил трубу, сел на подставленный ему складной стул, потрогал мягкими пальцами стекло подзорной трубы и сказал, как будто сам себе:

— Неприступно.

— Справедливо сказано, — поклонился англичанин. — Но османский полумесяц развевается над многими такими крепостями.

Паша повернулся и вопросительно посмотрел на своих военачальников.

— Позволь, сераскяр, — попросил командующий конницей Коч Али паша, — и я возьму штурмом это гнездо армян.

Абдулла поднял голову и снисходительно улыбнулся. Перед ним, вытянувшись, стоял широкоплечий, высокий, с приветливым и открытым лицом Коч Али — один из преданных ему военачальников. Кто не знал его дерзости и ненасытной жадности. Всюду он бросался в бой первым, чтобы захватить себе самую жирную добычу.

— Мне известно твое бесстрашие, любимый мой Коч Али, однако твоя конница не сможет карабкаться по этим скалам.

— Мои сипаи еще и опытные камнелазы, мой сераскяр, — не уступал Коч

Али. — Они умеют разрушать неприступные крепости.

— Посмотрим, посмотрим, — покачал головой сераскяр и отыскал взглядом мелика Муси, который поспешно выступил вперед и застыл в смиренной позе.

— Сколько войска в Алидзоре?

— Мало, господин сераскяр, — ответил мелик. — Из страха перед тобой большая часть войск Мхитара рассеялась. Князь Баяндур, мелик Бархудар и мелик Шафраз оставили Мхитара, ушли. В городе лишь Мхитар и Тэр-Аветис и с ними две-три тысячи воинов. Но пушек много. В Алидзоре есть мастера, изготовляющие порох.

Паша вновь поднес к глазам подзорную трубу. Долго смотрел на город. Затем опять обратился к мелику:

— Можешь ли отправиться к Мхитар паше и склонить его к сдаче?

Мелик побледнел.

— Пойду, милосердный паша. Но обратно не вернусь. Мхитар меня сразу обезглавит. Я ему ненавистен.

Паша задумался. Вспомнил Мурад-Аслана: «Тысяцкий Тэр-Аветис сочувствует нам. Через него можно сделав многое». Позвал Мурад-Аслана. Тот сейчас же согласился пойти к армянам парламентером. Был убежден, что если не сумеет уговорить Мхитара, то уж Тэр-Аветис послушается его совета. Есть надежда посеять раздор. Тэр-Аветис не станет упорствовать. Да и есть ли смысл упорствовать? Алидзор осажден огромной армией.

Паша написал Тэр-Аветису письмо, пообещав не разорять города, не брать ни одного пленного и назначить его Верховным властителем, если он уберет Мхитара и сдаст город без кровопролития.

Мурад-Аслан облачился в одеяние священника и вместе с турецким юзбаши миновал ущелье с белым флагом в руке, с трудом вскарабкался наверх. Когда достигли городских стен, Мурад-Аслан крикнул:

— Эй, алидзорцы, подымите нас к себе, мы имеем дело к Мхитару.

— А ты не отступник, батюшка, не продал ли еще душу дьяволу? —

спросили сверху.

— Зачем мне быть отступником? Паша не принуждает мирных, покорных ему людей становиться мусульманами. Скорее давайте лестницу. Мы — посланники паши.

— Сейчас, сейчас.

Сверху свесили веревочную лестницу. Как только Мурад-Аслан и юзбаши достигли зубцов стены, на головы им надели мешки и повели в какую-то узкую келью. Там мешки сняли. Есаи, уставив руки в бока, с ядовитой усмешкой посмотрел на священника:

— Что поделывает мелик Муси, батюшка? По-прежнему лижет паше пятки?

— Живет в почете, — переодетый Мурад-Аслан испуганно посмотрел на грозного сотника. — Мелик благоразумно подчинился паше. Сделаете хорошо, если последуете его примеру.

— Этого желает твой господин?

— Ведите меня к вашему Верховному властителю, — потребовал Мурад-Аслан.

— Ишь чего захотел, — усмехнулся Есаи. — Верховный властитель играет в шахматы с монахом Мовсесом. Явись сам царь, он не оставит игру на половине. Выкладывай-ка, что тебе нужно.

— Волю паши я сообщу только Мхитару или Тэр-Аветису. Тогда ведите меня к Тэр-Аветису.

— Эге!.. Посмотрите-ка на него, — рассердился Есаи. — Этот паршивый священник хочет видеть самого Тэр-Аветиса. Выкинь из головы и скажи, за сколько сребреников ты хочешь продать нас? — Он поднес кулак к носу Мурад-Аслана, чем поверг его в ужас.

— Сдавайтесь, не то паша сотрет ваш Алидзор! — невольно вырвалось у отступника. Он и юзбаши стали угрожать и требовать, чтобы их представили Мхитару или Тэр-Аветису. Однако Есаи лишь смеялся, а затем велел выгнать их из города.

Мурад-Аслан побежал к стене, к лестнице, но Есаи вдруг погнался за ним и схватил его за шиворот.

— А ну, постой, помазанный, — мягко сказал он. — Ведь я не узнал твоего имени.

— Тэр-Мамбре, — сейчас же ответил священник и, почувствовав недоброе, спросил: — А для чего тебе мое имя?

— Чтобы сказать тикин Сатеник. Пусть в своей летописи упомянет и твое собачье имя рядом с именем изменника мелика Муси.

Челюсть Мурад-Аслана задрожала, глаза расширились. Он быстро повернулся, чтобы взяться за лестничную веревку, однако двое воинов скрутили ему руки и набросили на шею вощеную веревку. Лестницу втащили наверх. На грудь Мурад-Аслану привязали кошку и вздернули вместе с ним. Кошка царапала его лицо, раздирала грудь.

Воины-шинаканы и алидзорцы потешались при виде такого невиданного зрелища.

— Вот теперь как надо миропомазали батюшку! — кричали они.

— Будь проклят день, когда его рукоположили!

На стене показался Тэр-Аветис.

— Что это за хохот? — строго спросил он.

— Да так, тэр тысяцкий, — весело ответил Есаи. — Парни немного позабавились. Паша прислал людей — армянского священника и одного турка.

— Ну и что? — поинтересовался Тэр-Аветис.

— Требовал ключи от города.

— Отдал? — шутливо спросил тысяцкий.

— Да, турка я выдворил, а священника повесил с кошкой. Вон качаются и обнимаются.

Тэр-Аветис улыбнулся. Но когда нагнулся над стеной и внимательно вгляделся в лицо повешенного, то помрачнел и, круто повернувшись, схватил Есаи за ворот.

— Кто тебе позволил измываться над послом, несчастный! — загремел он

и оттолкнул сотника.

Воины присмирели. Никто не ожидал, что их любимый Тэр-Аветис из-за какого-то священника при всех может так оскорбить сотника. Недоумевал и Есаи.

Тэр-Аветис приказал отнести тело священника к себе в дом. Ночью внимательно осмотрев труп и убедившись, что это действительно Мурад-Аслан, он обшарил его одежду и нашел письмо паши.

Казнь Мурад-Аслана, оказавшего столько услуг туркам, вывела из себя Абдулла пашу.

— Из ваших черепов, армяне, я возведу холм, — грозился он. — На штурм! Утром начинаем штурм!

Мастера-плотники по указаниям европейских советников уже построили в лесу огромную стенобитную машину и наделали лестниц. Сотни воинов стали прокладывать через узкое ущелье дорогу, чтобы перевезти огромную машину на другую сторону. Коч Али готовил полк камнелазов, которые должны были взбираться на стены.

Сидя на белоснежном коне, Абдулла торопил всех, сердился на пашей, бил аскяров плетью. Он решил взять Алидзор любой ценой, пусть бы для этого пришлось даже оставить под его стенами большую часть войска. Прибывшие из Стамбула гонцы торопили его. Султан Ахмед — «Факел великолепный» и «Тень господа» — требовал поскорее завершить разгром армян.

Упускать время было нельзя, нужно было штурмовать Алидзор, пока Мхитару не пришли на помощь находившиеся в районе Сисакана армянские полки и не сковали турецкого тыла.

Нужно было спешить. И турки энергично готовились к решительному штурму.

Не дремали и осажденные. По приказанию Мхитара весь город, стар и млад были подняты на ноги. Женщины во главе с тикин Сатеник днем и ночью топили смолу, чтобы лить на врага. По всей длине крепостных стен сложили

груды древесного угля, чтобы жечь и бросать на врага горящие головешки. Мужчины разрушали ветхие здания и добытые при этом камни складывали на крепостных стенах. Собрали все имевшиеся в городе медные котлы, чтобы кипятить в них воду. На крепостных стенах были сложены груды извести, угольной пыли, песка и размельченной соли, а также дров и стога сухого сена. Русские драгуны помогали армянам сделать город неприступным. Всем этим руководил Мхитар.

— Не дадим турку наш город, — говорили Мхитару алидзорцы, когда он приходил к ним.

— Абдулла сломает тут себе шею, — подтверждал Мхитар, воодушевленный преданностью горожан.

Еще задолго до появления турок под городом по приказанию Мхитара оружейник Врданес и Владимир Хлеб перевезли в Алидзор свою мастерскую, запасы меди и серы. Они привели с собою и своих помощников, рудокопов и мастеровых из плавилен. Теперь вместе с русскими драгунами они ремонтировали отбитое у турок оружие, камнеметательные орудия, изготовляли порох.

Переехавший с семьей в Алидзор Пхиндз-Артин часто взбирался на главную башню крепости и долго смотрел в сторону своего разоренного замка и на ущелье, занятое турецкой армией. Он совсем потерял покой. По ночам обнимал мешки с золотом и бил себя по голове… Ну почему, захватив семью и сокровища, он загодя не бежал в Европу, где его родственники имели большие торговые дома в Венеции, Амстердаме, Марселе! Избегал Мхитара, но почти ежедневно навещал Тэр-Аветиса.

— Чем все это кончится? — спрашивал он тысяцкого.

— Что кончится? — ехидно улыбался тот.

— Осада. Разве можно устоять перед такой силой?

— А ты разве не знаешь удела откормленной свиньи? — насмешничал Тэр-Аветис. — Турки зарежут тебя и унесут твои сокровища. Даже детей не сумеешь спасти золотом.

— Найди выход, — умолял Пхиндз-Артин. — Мхитар в заблуждении. Он ведет нас к гибели. Сделай что-нибудь, ради бога, изыщи путь к спасению. Найди способ примириться с турками. Заложи мои сокровища, только спаси нас от гибели.

То же говорили Тэр-Аветису сотник Мигран и некоторые из городских богачей. А также лазутчики, которых подсылал из турецкого лагеря мелик Муси, и даже собственные сотники.

Между тем Тэр-Аветис скрывал все это от Верховного властителя. Пропасть между ним и Мхитаром все увеличивалась.

Инок Мовсес бережно сложил все свои книги в кожаные мешки и, спрятав их в расщелине скалы, вместе со своими учениками присоединился к защитникам Алидзора.

Недолго просуществовала в Алидзоре основанная им школа. Только ему удалось собрать учеников, найти книжников и энергично взяться за дело, как возобновилась война.

— Придется отложить перья и браться за оружие, мои дорогие, — сказал он ученикам. — Такова доля армянского народа. Наши предки защищали страну звоном клинков и светом учения. Так возьмемся и мы за мечи и еще раз станем на защиту нашей любимой родины.

После гибели Арусяк Мовсес стал замкнутым и малоразговорчивым, занимался только делами своей школы. Часто уединяясь, он предавался воспоминаниям. Перед ним вставала Арусяк, ее простая хижина и одинокая могила. Он искренне радовался, когда встречался с Мхитаром. Молча смотрел на него, восхищался его волей и непреклонностью, добрыми начинаниями, а иногда давал, какие мог, советы.

— Брожение в городе, властитель наш, — как-то сказал он Мхитару, когда оказались вдвоем на крепостной стене.

— Подозреваешь? — спросил Мхитар.

— Да, подозреваю, — ответил монах. — Народ и войско всегда готовы положить головы за свою землю, но сговор есть, это я чувствую во взглядах и в

разговоре. Будь осторожен, некоторые предпочитают повиниться туркам.

— Кто? — помрачнел Мхитар.

— Не знаю поименно, но чувствую. Длительная осада увеличит число недовольных, явится причиной раскола, будь осторожен…

— Подчинимся тому, что начертано господом, Мовсес. Роптать, возможно, будут, но не теряй надежды, и на этот раз мы изгоним врага из нашей страны.

О возможном заговоре предупреждал Мхитара и Нагаш Акоп.

— Не верь льстивым улыбкам, — говорил он при каждом удобном случае. — У нас есть такие люди, которые ради своей шкуры готовы продать собственных детей. Пример Агулиса соблазнителен. Есть мелики и горожане, что одобряют действия мелика Муси. «Покоримся туркам, и мы спасем наш город», — говорят они.

— Слухи и до меня дошли, — отвечал Мхитар.

— Но легковеры забывают, что Абдулла не разорил Агулис до основания, так как еще стоят Алидзор и Сюник. Как только, не дай господи, падет Алидзор и будет сломлено наше сопротивление, враг разорит страну, превратит и Агулис в груды пепла.

— Я верю в силу нашего народа, Нагаш, — говорил Мхитар. — Свою судьбу решит он сам, а не горсточка предателей и себялюбцев.

— Это так. Свою свободу народ защитит, как бы дорого ни обошлась она ему.

Нагаш Акопа в Алидзоре знали немногие. В одежде простого шинакана, вооруженный саблей и копьем, этот человек был почти всегда одинок. Он ни с кем не разговаривал, не подходил к ночным кострам и ежедневно в предутренние часы поднимался на главную башню крепости и с восхищением наблюдал восход солнца.

Кроме оружия, у него теперь ничего не было. Свои рисовальные принадлежности, привезенные из Араратской долины, краски, учеников своих он оставил в Агулисе. Он страдал, не имея никаких сведений о любимых питомцах. Закончив писать портрет Гоар, он за несколько дней до падения

Агулиса выехал в Шорот, чтобы собрать оставшиеся после смерти отца бумаги, перевезти в Алидзор его библиотеку. И таким образом избежал бедствия.

В Алидзор он приехал один, удрученный предательством агулисцев. Рухнули его мечты. Не осуществилось и его намерение — поехать осенью в Европу, чтобы перевезти в Армению из Амстердама армянскую типографию, о чем его просил незадолго до кончины Давид-Бек.

Ныне Нагаш Акоп — обыкновенный воин, с обыкновенным копьем и мечом в руках, в простой воинской одежде, но с широким сердцем и угасшими мечтами создавать шедевры.

Много раз Мхитар предупреждал его, чтобы он не подымался на крепостные стены, не подвергал свою жизнь опасности, но каждый раз живописец говорил свое:

— Прежде всего я — человек, тэр Верховный властитель. И первый долг человека — защитить, спасти свою родину от захватчиков, от врагов. И потому не лишай меня этого моего священного права. — И продолжал активно участвовать в защите города.

С каждым днем Мхитара все больше тревожило отсутствие вестей от князя Баяндура. Турки под Алидзором ускоренно и беспрепятственно готовились к штурму. Почему же не появлялся Баяндур? Прошло уже две недели. За это время он должен был бы собрать полки в центре страны и прибыть сюда.

Гонцов, которых отправлял князь Мхитару, перехватывали находившиеся в турецкой армии люди мелика Муси…

Беспокоилась и Гоар. Во главе отряда пхндзакарцев она стояла на страже северных стен города. Сколько ни просил престарелый свекор, чтобы она не появлялась на стенах, Гоар не слушала его. Обвешанная оружием, она не отходила от своих людей, торопила, воодушевляла их. Она с горечью смотрела, как турки рубят леса, сооружают лестницы и стенобитные машины, заполняют узкое ущелье землей и камнями, чтобы легко пройти и напасть на город. Никто не мешал, не беспокоил их. Где находятся, наконец, отец и князь Баяндур, почему они не появляются? Неужели отец покинул ее, Мхитара?

Она содрогалась при этой мысли. Иногда встречала брата Миграна, вечно недовольного и злого.

— Сидела бы в своем разбойном логове и не совала бы сюда носа, — сказал он как-то.

— О себе думай.

— Я знаю, как мне быть, а вот ты со своим Верховным властителем погибнешь. Погибнет Алидзор, погибнет и Сюник. Надоумь своего Мхитара, чтобы просил у турок мира. Разве он не видит, что мы обречены на гибель?

— Замолчи, мятежник! — крикнула во гневе Гоар.

— Молчать, чтобы твой Мхитар довел нас до гибели? — хмыкнул сотник. — Ожидаете отца и князя Баяндура? Ха-ха-ха! Безумцы. Не дождетесь, нет их, бросили они нас, ушли из Сюника и унесли свои головы. Вам на помощь! Как бы не так… Ха-ха…

И ушел, многозначительно улыбаясь.

У Гоар потемнело в глазах. Была минута, когда ей хотелось обнажить меч и броситься на брата, но ноги не повиновались. Стать братоубийцей? Нет, у нее на это не хватит мужества.

Однако почти то же самое услышала она и от жены брата, когда была как-то в доме Вард-хатун. Невестка сказала:

— Князь Баяндур не идет, не дай бог, если с ним приключилось что-нибудь.

Гоар в упор посмотрела на нее. «Видимо, ей что-то известно, неужели случилось несчастье?»

— Да, удивительно, почему их нет, ни Баяндура, ни мелика Бархудара, ни Шафраза, — двусмысленно добавила Вард-хатун.

Их слова глубоко огорчили Гоар. Ей была дорога честь отца, дорого имя его. Если отец действительно оставил Мхитара, то это измена. Но она не хотела этому верить.

Слухи умножились, распространились по городу, им стали верить, они доходили и до ушей Мхитара. Между тем от князя Баяндура так и не было

вестей.

Как-то Мхитар спросил Тэр-Аветиса:

— Слышал, город полон тайных слухов?

— Да, — ответил тот.

— Что говорят?

— Ну, люди ведь… — понизил голос тысяцкий. — Сила турок велика, ну и… Некоторые потеряли надежду.

— И готовы сдаться туркам?

— Есть и такие. Чем дальше, тем недовольных становится больше. Как на грех, и наших все нет, будто провалились. Почему князь Баяндур не выполняет твоего приказа? Не нападает на турок, не идет на помощь нашему городу? Говорят, оставил нас, покинул страну.

— Кто говорит, тот мятежник, — бросил Мхитар. Его брови сдвинулись, губы сжались. — Того надо вешать. Повесили ли кого, тысяцкий?

— Таких не один, не два человека.

— Тогда надо вешать всех! — сорвалось с языка Мхитара. И он пожалел, что сказал так. «Кого повесить? Старого друга Тэр-Аветиса? Быть может, и он сторонник примирения с врагом? Но можно ли повесить, убить его? Ну, покончишь с ним, а другие военачальники, сотники, войско, весь город?»

И Мхитар впервые почувствовал себя бессильным и одиноким. Он понимал и почти был уверен, что замышлялся зловещий заговор. Но что ему делать? С кем поделиться сомнениями? С Тэр-Аветисом? Поймет ли он его? Мхитар чувствовал, что его давний соратник, с которым он прошел долгий боевой путь, теряет веру в победу, колеблется, что его мучает совесть и сомнение.

— Знаю, — сказал он наконец. — Знаю, Аветис, что иные потеряли веру в наши силы, склонны покориться туркам. Но это будет гибелью для нашего народа, пусть знают заблудшие. Мы имеем еще силы и будем противостоять врагу. А те, кто утверждает, будто князь Баяндур, Бархудар и Шафраз покинули нас, — раскольники. Как раз этой ночью прибыл гонец от Баяндура.

— Правда? — словно застигнутый врасплох, очнулся от своих мыслей тысяцкий.

— Да, Баяндур в Сисакане. Собрал большое войско и через несколько дней будет здесь.

— Это утешительная весть! — воскликнул Тэр-Аветис.

Мхитар заметил, что в радости тысяцкого есть что-то фальшивое. И неожиданно появилось желание покончить с Тэр-Аветисом. Но тут же, вздрогнув от чудовищной мысли, удержал себя. Большая часть находящегося в городе войска принадлежит Тэр-Аветису, покорна ему.

Стоит подняться мятежу, и лишат жизни и дела, которому безвозвратно предан…

Весть о том, что князь Баяндур скоро прибудет, распространилась по городу. Осажденные воспрянули, воодушевились. Только Мхитар был печален. Ведь он солгал людям! От князя Баяндура по-прежнему не было вестей.

Едва вершины высоких Сюникских гор загорелись от взошедшего со стороны Муганской степи солнца, как турки начали штурмовать Алидзор.

Выпущенные из пушек ядра упали на дома, на башни, ударились о гранитные зубцы крепостных стен. Послышались первые стоны раненых.

Полчища турецкого войска стали волнами накатываться на стены. Аскяры-камнелазы несли с собой сотни лестниц.

В сопровождении Горги Младшего Мхитар в полном вооружении поднялся на крепостную стену. Первым заметил его Есаи. В надетой набекрень остроконечной шапке, с распахнутой грудью, он приветствовал Верховного властителя и, протянув руку в сторону турецкой армии, сказал:

— Пришли искать себе могилу.

— А вы им готовьте ее.

— А как же иначе? Вся наша земля, от Мараги до Алидзора, покрыта костями, — воодушевился Есаи. — Всем народом встали мы на защиту нашего дома.

«Всем ли народом? — подумал Мхитар, шагая по стене. — Так ли мыслят Тэр-Аветис, Пхиндз-Артин и некоторые сотники? Ведь с турками идет на нас наш сородич мелик Муси. Не последуют ли его примеру и другие?..»

Погруженный в эти мысли, Мхитар не замечал людей, которые с радостью приветствовали его.

На врага сыпался град камней. Стреляли из ружей. Штурмующих было так много, что осажденным казалось, будто выпущенные ими пули не достигали цели. Несколько сот турок, крича и суетясь, толкали вверх по крутому склону напоминающую стервятника громаду стенобитной машины.

Отражать штурм врага вышло все население города, все войско. Сюда пришли также оружейники и русские драгуны. Владимир Хлеб заталкивал ядра в изготовленную ими пушку. Врданес устанавливал прицел и стрелял… Ядра летели со звоном. На другой стороне ущелья рухнул стоявший на холме богатый шатер.

— Глаз у тебя что надо, братец Врданес! — радостно крикнули стоявшие поблизости воины. — А ну, еще раз!

Со стен беспрерывно осыпали камнями ползущую внизу серую человеческую массу. Цатур, ругаясь по-турецки, швырял пудовые камни. Сняв архалук, откинув в сторону шапку, он крутился волчком, брал из груды камни и, отплевываясь, кидал их вниз…

— Дам вам жизни! — кричал он в самозабвении.

— Дружно-о-оо! — подбадривали драгуны. — Смерть басурману!..

Мхитар взял у Вецки Маргара ружье и выстрелил. Турецкое знамя упало… Он послал еще одну пулю, затем повернулся к своим.

— Одна у нас родина, братья мои! — крикнул он воодушевленно. — Защитим ее, чтобы жила земля Армянская.

— Будет жить! — крикнули ополченцы Есаи.

— Бейте беспощадно. Не давайте Алидзор врагу. Защитите Алидзор — город славы Давид-Бека.

— Защитим! — вновь единодушно крикнули ему в ответ и ринулись в бой.

Женщины таскали ведрами кипящую смолу и выливали на головы штурмовавших турок. Юноши зажигали снопы сухого сена и скидывали вниз.

Большой группе аскяров-камнелазов тем не менее удалось вскарабкаться на запиравшую вход в ущелье скалу и достичь небольшой, покрытой кустарником площадки. Одни, присев на корточки, стали стрелять из ружей, другие брали у них отстрелянные ружья и передавали заряженные. Мхитар, напряженно следивший за сражением, видел, как со стены упала женщина с котлом кипящей воды в руках. Упал рыжебородый драгун, выпустив из рук ружье. Мхитар закрыл глаза. Крик падавшей со стены женщины пронзил ему сердце. «Нет, такие не дрогнут, не отдадут Алидзор», — подумал он и пошел к городским воротам. Надо было проверить их крепость.

Есаи побежал по стене к пушкарям. Запыхавшись, схватил за плечо оружейника Врданеса:

— Видишь кустарник на скале?

— Вижу, — спокойно ответил оружейный мастер.

— Там стрелки, бей их.

— Посмотрим, — вновь с удивительным спокойствием сказал Врданес и медленно повернул пушку. Вылетел легкий дымок. И ядро точно упало на кустарник.

— Еще, еще! — неистовствовал Есаи.

На склоне горы, в кустарниках, повсюду валялись многочисленные трупы.

К полудню турки наконец подтолкнули стенобитную машину к крепостной стене. Мрачное лицо стоявшего в башне Мхитара потемнело еще больше. Он хорошо знал мощь и разрушительные возможности этой адской машины. Покрытая слоем хорошо промоченного войлока, она была несгораема. Падавший на нее огонь лишь шипел и скользил по ней. Но велико было его удивление, когда что-то тяжелое со страшным грохотом упало на стенобитную машину и мгновенно превратило ее в груду бревен и досок. Следовавшие за нею турки с ужасом откатились назад. Осажденные ликовали.

— Кто это сделал? — с не меньшим ликованием спросил Мхитар своих.

— Инок Мовсес, — ответил Горги Младший. — Вместе с рудокопами и плавильщиками Каварта и своими учениками он снял ночью стопудовый колокол церкви святого Минаса и с помощью деревянных станков поднял на стену.

— Да живет инок Мовсес! — крикнул Мхитар. Затем, повернувшись к Горги Младшему, сказал: — Найди его и сообщи мой приказ: пожаловать ему звание сотника, сейчас же.

— Но ведь он монах, — усомнился Горги Младший.

— Он давно покинул монастырь. Риза монаха не пристала такому храбрецу и ученому. Ступай!

Уничтожение стенобитной машины вызвало новое воодушевление осажденных.

— Эй, турки, — кричали они со стены, — если даже явится ваш Мухамед, и тот не сумеет взять нашего города!

— Не дадим! — вторили русские воины.

Наступила темнота. Турки отошли, оставив под стенами несколько сот трупов. Были жертвы и у армян. Пали шестьдесят воинов, было убито столько же горожан и шесть русских стрелков. Всех их похоронили во дворе церкви в братской могиле.

Мхитар был доволен одержанной в первый день победой. Так бы держаться до прихода князя Баяндура, до зимы!

Но не так думали сторонники примирения с турками, в особенности сотник Мигран. Ночью он навестил Тэр-Аветиса.

— Если после каждого штурма турок мы понесем столько потерь, сколько имели сегодня, то через месяц в городе не останется и человека, — сказал он Тэр-Аветису.

— Приказано держаться, пока твой отец и Баяндур не подоспеют на помощь, — хмуро заметил Тэр-Аветис.

— Ты думаешь, они придут? А если и придут, то сумеют ли испугать Абдулла пашу?

— Надеюсь.

— Напрасно! — покачал головой Мигран. — Семь лет питаемся надеждой, но все толчем воду в той же ступе.

— Это не твое и не мое дело, есть Верховный властитель, пусть он и найдет выход.

— Властитель! — передразнил Мигран. — Говори «рамик», тэр тысяцкий. Что ему за забота, если ты или я лишимся наших земель, наших деревень, если будут истреблены мелики и родовые князья? Это проходимец, который гоняется за славой. Неужели мы должны вверить ему нашу страну, тэр тысяцкий?

— Замолчи, не хочу, не разговаривай! — Тэр-Аветис махнул рукой. Он был не в настроении, и его мучило то же самое. Но он не хотел, не мог делиться своими сомнениями. И он с каждым днем все больше терял надежду на сопротивление… Если даже Баяндуру удастся собрать и привести десятитысячную армию, то все равно победить турок невозможно. Можно выиграть битву за Алидзор. А дальше что? Где набрать потом войско? Зачем обманывать этот несчастный народ и обрекать на гибель всех меликов?

В голове Тэр-Аветиса постепенно рождался и созревал свой план спасения Алидзора и Сюника. Но он считал пока преждевременным открывать его.

В это самое время в своем шатре сидел, развалившись на складном стуле, Абдулла паша. Перед ним покорно стояли паши, европейские советники, главный мулла армии и мелик Муси.

— Мы похоронили павших, — медленно докладывал главный мулла. — Среди них были восемь юзбаши и двое пашей. Они пали во имя аллаха.

— Да просветит аллах их души, — пробормотал паша.

— В ущелье Аракса армяне захватили обоз, который вез нам боеприпасы и продовольствие, — продолжал главный мулла.

— Гм!.. — промычал паша. — Я выколочу из этих армян тысячи таких обозов. Еще что?

— Персидский Тахмаз Кули Надир хан собрал в Хорасане войско и теснит

Мир Махмуда. Из Стамбула торопят. Твой наместник в Тавризе обеспокоен. Надир может пойти на Тавриз.

— Неужели?

— Военачальник Мухитар паши Баяндур собирается отрезать путь идущей нам на помощь армии.

— Было ли сражение?

— Нет еще. Хитрый армянский хан отходит назад, чтобы заманить в ловушку армию, которая находится в Вайоцдзоре.

— Воля его, если сможет, — усмехнулся Абдулла. — Говорят, хитрый полководец этот Баяндур хан, у русских служил. Хитер и Мухитар. Отослал Баяндура, чтобы тот нападал нам в спину, отрезал бы дороги и задушил бы нас в этом диком ущелье.

Он вскочил и тяжелыми шагами подошел к советникам.

— Что скажете, почтенные европейцы? Ваш Христос — армянин или турок? Ха-ха-ха! Как нам взять Алидзор, ну, говорите…

Европейские советники низко поклонились. Английский полковник попытался было раскрыть рот, но паша взмахнул рукой по направлению к Алидзору, будто саблей рубанул.

— Взять! — крикнул он. — Ты сам, полковник, поведешь войска на штурм. Нечего зря обогащаться за счет казны султана. Где ваш ум, ваша хитрость? Каков ваш совет европейца?

— Но… сиятельный паша… — заикнулся полковник.

Однако паша не дал ему говорить.

— Семь дней даю сроку. Или Алидзор, или ваши головы, — прогромыхал он и, отвернувшись, вошел в ту часть шатра, где принимал пищу.

Паши последовали за ним. Пошли и европейцы в надежде получить кусок с роскошного стола сераскяра…

Благослови меня, господи…

Турки не прекращали обстреливать Алидзор из своих пушек и ночью. Время от времени то в одном, то в другом конце города слышались взрывы, за которыми тут же следовали крики и вопли людей. Воины и горожане спешили к разрушенным домам спасать уцелевших и раненых, вытаскивать из-под руин погибших.

Тикин Сатеник, склонившись над столиком, продолжала писать свою летопись. Она вздрагивала всякий раз, услышав грохот, со страхом смотрела в сторону соседней комнаты, где спал маленький Давид, и снова принималась писать.

Она была одна. Агарон вместе со своим юношеским отрядом находился на крепостных стенах. А муж почти не бывал дома. Не было дома и Цамам, которая пошла в церковь помогать лекарям и ухаживать за ранеными. Сама тикин также провела там весь день. Но сейчас пришла на короткое время домой, чтобы записать в своей летописи события последней недели.

В комнате было холодно и пусто. Рука Сатеник дрожала от волнения. Сердце было переполнено печалью, но она не плакала. Мысли теснились в голове, память работала удивительно четко. Она писала:

«Посему я устала говорить о кровавых событиях и о губительных войнах. В этот час турок осадил город наш и беснуется, жаждет крови нашей. Чернила кажутся мне кровью моих близких, гусиное перо — копьем, направленным мне в сердце. Хоть я и устала, описывая денно и нощно горестные события, но спешу, так как страшусь, что не успею исполнить долга перед людьми и страной…

Тщетны усилия, с которыми я излагаю мое повествование, жалки мои начинания, так как не могу вести сказания радостно, преисполнена горя и страха, устала от бесконечных страданий и тяжелой скорби. Слабеет мощь Дома Сюникского. Нет обуздывавшего врагов Давид-Бека, который привлекал к себе все сердца. Злоумышленно покинул и изменил паронтэр Агулиса мелик Муси. Стал распадаться порядок власти нашей. Доброе начало стало исчезать, явились зло и смуты. Появился враг справедливости, и противник правды —

смутьян, который постоянно подтачивает единство наше. Пресеклось дело возобновления Дома Армянского — государственности нашей. Да помилует господь попираемый и горестный народ мой армянский. Господи, озари сынов народа армянского, которые ждут от тебя руки помощи».

Дверь открылась. Огоньки двухкрылого подсвечника заколебались. На пороге показалась Цамам. Девушка была бледна и встревожена. Беспомощно прикрыв дверь, она прислонилась к ней спиной и опустила голову. Предчувствуя несчастье, Сатеник вскочила.

— Ты ранена? — спросила дрожащим голосом.

Цамам бросилась в ее объятия и, скользя руками по ее груди, медленно опустилась на колени. Глаза Сатеник потемнели, она едва удержалась на ногах. «Сын?.. Мхитар?.. Кто из любимых?» — мгновенно подумала она, затем быстро подняла ослабевшую девочку.

— Говори, какую черную весть принесла?

Цамам встряхнула головкой.

— Не черная весть, мать-тикин, — ответила и зарыдала.

Тикин посадила ее на стул и потребовала, чтобы она сейчас же сказала, что случилось. Цамам отворачивалась, закрывала лицо руками и неудержимо рыдала, охваченная большим горем. Наконец, уступая требованиям и угрозам, она едва зашевелила губами.

— Я беременна, — сказала и сникла на полу.

Комната пошла кругом. Казалось, что-то оторвалось от сердца. Тикин Сатеник выпрямилась, посмотрела ненавидящим взглядом на распростертую на полу девушку и, схватив ее за плечи и подняв, звонко ударила по щеке.

— От кого, какого негодяя? Говори, задушу!

Дверь с шумом открылась, и в комнату вбежал Агарон.

— Мать! — гневно крикнул он. — Отпусти ее, мама! Она не виновата, виноват я…

Тикин Сатеник лишилась чувств… Агарон схватил графин с водой. Цамам ударила себя по голове руками, но Агарон зажал девушке рот и не дал

крикнуть.

— Молчи! — невозмутимо приказал он. — Запри дверь, никто не должен знать о случившемся. Давай приведем в чувство мать.

Через полчаса Сатеник с мертвенным лицом лежала на тахте и мутными глазами смотрела на Агарона. На ее лице застыло глубокое страдание, которое, казалось, теперь никогда не изгладится.

— Делай что хочешь, мать, но я люблю Цамам. Она должна стать моей женой, — едва слышно заговорил Агарон.

— Неумолимый господь, — сокрушалась Сатеник, — за какие грехи столь караешь меня? — Она плакала, бессильная, беспомощная. — В такое ужасное время… Когда смерть стучится к нам в двери. Сжалься, господи, помилосердствуй…

— Благослови нас, мать, — мрачно потребовал Агарон. — Мои ребята ждут меня. Не время плакать!

Домашнего священника нашли на крепостной стене и привели его в комнату Сатеник. Тикин велела ему отвести сына и Цамам в церковь и сейчас же обвенчать. Священнику показалось, что она шутит.

— Пойдем, торопитесь, а то скоро рассветет, — заспешил Агарон и, схватив Цамам за запястье, потянул к двери. Но не успели они выйти, как на пороге появился Мхитар. Он был спокоен, взор его не выражал ни гнева, ни тревоги. Лишь одежда была запылена и на лице и морщинистом лбу лежала печать усталости.

— Когда успели вырасти? — тихо, словно сам с собою, заговорил он. — Не вчера ли ты еще ходил на четвереньках, Агарон, я и не заметил, как ты вышел из пеленок и уже надел оружие… Да и было ли время заметить это, дитя мое!.. До того ли нам, когда коварный враг не дает ни дня передышки. — Обратившись к жене, он продолжал: — Не горюй, Сатеник, хоть и война, но жизнь ведь идет своим чередом. Кто может помешать этому?.. — Он посмотрел нежным взглядом на опустившихся перед ним на колени Агарона и Цамам и с волнением произнес: — Благословляю ваш венец. Бог свидетель беде нашей,

будь мужествен, Агарон, и непоколебим в борьбе за нашу страну. Идите в церковь, и да свершится, что уготовано судьбой.

Агарон поцеловал руку отца. Цамам с трудом сдерживала рыдание, Сатеник же лила слезы.

— Не плачь, Сатеник, — подошел к ней Мхитар. — Венчается сын, радуйся и веселись. А что будет завтра, известно лишь всевышнему.

Агарон взял под руку Цамам, и они вышли вместе со священником.

— Боже мой, что за поколение народилось, — благословив, прошептала вслед ошеломленная Сатеник. Силы покидали ее.

Мхитар бережно посадил жену рядом с собой. Оба молчали некоторое время.

— О чем думаешь, Сатеник? — прервал наконец молчание Мхитар.

Сатеник посмотрела на него. В ее полном печали и страдания взгляде были и упрек, и вместе с тем какое-то сочувствие и сожаление. Мхитар опустил голову.

— О чем я могу еще думать, мой дорогой, когда враг стучится в ворота? — глубоко вздохнув, заговорила она. — Тяжелые господь послал нам испытания, и чем они кончатся — неизвестно. А тут еще твои соратники стали сомневаться в твоих действиях.

— Да, знаю, и таких немало.

— Ускорь прибытие князя Баяндура, Мхитар. Нужно пресечь возможный раскол. Его можно ожидать.

— Несомненно, — тревожно сказал Мхитар. — Но как ускорить, когда Баяндур в ущелье Вайоц ведет тяжелую битву еще с одной огромной турецкой армией. Дай бог, чтобы кончилось успешно. Но не в отсутствии Баяндура вся беда. Есть посерьезнее причина.

— Избавься от смутьянов! — У Сатеник засверкали глаза.

— От скольких? Их много, — простер руки Мхитар. — И как избавиться? Семилетняя война истощила нас: люди начали терять веру, они ищут другие возможности для спасения страны и народа. А потом, кто я, Сатеник? Какие я

имею права на эту страну? Она принадлежит ее законным владетелям — родовым князьям и меликам. Многие из моих вчерашних соратников желают, чтобы я был низвергнут. Я сын жалкого дзагедзорского рамика, человек, отца которого секли розгами, выгнали из родного дома. Бежав из Сюника, мой отец в Гандзаке запродал себя в рабство, чтобы спасти детей от голодной смерти. Я сын раба. Как я посмел сбросить с плеч ярмо этого раба и стать Верховным властителем? Разве я не знал, что не имею ни богатства, ни владения, ни даже собственного дома. Был крапивой, зачем было забираться в благородный цветник? Ответь мне, Сатеник, зачем?..

— Ты говоришь несправедливо, мой Мхитар. Ты вознес свое имя собственной кровью и отвагой. Ты пользуешься любовью нашего народа и не вправе поносить себя унижающими словами.

— Смиренный достоин унижения, — поднимаясь, сердито произнес Мхитар. — Понимают и хотят ли понять князья и вельможи с благородной кровью, что не честолюбия и богатства ради, я жертвовал своей жизнью, а во имя спасения страны, всего бедного и одинокого народа? Вряд ли. Я сражаюсь, зная, что и меня, как моего отца, они когда-нибудь изгонят из нашей страны или коварно уничтожат.

— Боже мой, сколько горя ниспослал ты нам! — простонала Сатеник.

— Я знаю… — продолжал Мхитар. — Но никогда не сверну с избранного пути. Об одном сожалею, что причинял тебе, Сатеник, страдания в течение долгих лет. Ты была достойна поклонения, но я растоптал твои священные чувства. Ты была достойна любви, но не получила ее.

Сатеник зарыдала.

— Нет, я не хочу слышать эти слова, Мхитар. Как могла, я делала полезное для народа, и моя совесть чиста перед тобой и перед богом. Не растравляй душу и мужайся. В эти роковые дни пусть ведут нас заботы страны и народа. Иди и выполни свой долг, как это подобает достойному сыну народа.

Дверь в соседнюю комнату открылась, и на пороге показался полуодетый маленький Давид. Растрепанные волосы спадали ему на лоб. Протирая

ручонками большие сонные глаза, он остановился посреди комнаты.

— Мама, турки убежали?

Она отвернулась, чтобы он не увидел ее заплаканных глаз.

— Убегут, мой Давид, — бросился к ребенку Мхитар. — Уж не боишься ли ты?

Давид обхватил голыми теплыми ручонками шею отца, доставив ему этим безграничное наслаждение.

— Я не боюсь, — сказал ребенок, — я знаю, что ты с Агароном прогонишь турков.

— Ну конечно, а когда подрастешь, ты станешь большим полководцем и верхом на коне, с саблей в руках сам выгонишь врагов из нашей страны.

— Ага! — Давид поцеловал отца.

Взволнованный Мхитар передал сына в объятия матери и вышел из комнаты. Не время предаваться чувствам. Сейчас требуется только хладнокровие, суровое хладнокровие, нужно жертвовать всем — собою, женой, ребенком.

На дворе его дожидался Горги Младший. Кругом было темно. Редкие звезды горели на небе. Было темно и на боевых башнях города, в окнах домов, на узких, извилистых улочках. Какое-то тяжелое, мрачное предчувствие охватывало Мхитара. Не мог понять отчего. Оттого ли, что враг все грознее и чаще штурмовал город, или же от зловещих слухов, упорно ходивших по Алидзору? И то и другое тревожило его. Но больше, чем присутствие врага, его беспокоили слухи. Он чувствовал себя бессильным пресечь, остановить их, закрыть рот отчаявшимся. Их много, они множатся со дня на день и становятся угрозой.

Мхитар и Горги поднялись по лестнице главной башни. Стражники, шагнув в сторону, пропустили Верховного властителя. Возле пушки спал Врданес. Владимир Хлеб хотел было разбудить его, но Мхитар подал знак, чтобы он не нарушал покоя оружейника. Он прошел бесшумно и остановился возле башенных зубцов, где, раскинувшись, на спине спал его сын Агарон. С

чувством гордости и нежности Мхитар смотрел на сына, который после венчания в церкви пришел сюда, в свой полк юных защитников крепости. Вооруженный копьем, мечом и пищалью стоял на часах сын Тэр-Аветиса. Смутился, увидев Верховного властителя. Ждал его слова. Но Мхитар ушел безмолвно.

Чуть поодаль, у стены, собрались пхндзакарские крестьяне. Один из них рассказывал что-то товарищам. Подойдя ближе, Мхитар вдруг вздрогнул — увидел устроившуюся на куче камней Гоар. С ружьем на коленях, в шлеме и броне, эта женщина показалась ему видением. Он вновь почувствовал боль в сердце, такую же, которая возникла недавно, дома, возле собственной супруги. «Еще одна разбитая жизнь, и во имя чего? — подумал он с горечью. — А пхндзакарцы! Бездомные и безземельные, давно ли эти несчастные получили клочки земли и построили себе дома?! Но вот явились враги, чтобы отнять и землю, и дома. Так разве не стоит из-за этих и десятков тысяч им подобных горемычных людей жертвовать жизнью, славой, семьей?»

Мхитар и с ними не завел разговора. Да и что сказать им? И без того всем все ясно. Хочешь жить, хочешь иметь родину и свободу, — тогда бейся с врагом, гони его из своей страны. Не выгонишь — бесследно сгинешь. Всю ночь Мхитар ходил по городу.

На рассвете турки вновь начали бешеный штурм. На этот раз им удалось приставить к стенам многочисленные лестницы. Держа в зубах обнаженные сабли, они хватались за лестницы и взбирались наверх. Одни падали от ударов камней, другие обваривались кипятком и расплавленной смолой, третьи исчезали в облаках извести и песка, но все лезли и лезли.

Казалось, все деревья на склонах горы, откуда турки подталкивали лестницы, будут вскоре вырублены. Гром пушек, ружейные выстрелы, дикие воинственные крики создавали такой грохот в ущелье, что осажденные с трудом слышали друг друга. Сильным ружейным огнем турки помогали своим стенолазам взбираться наверх.

Особенно упорно штурмовали главную башню, где стена была

сравнительно низкая. Эту часть крепости защищал отряд Гоар. Здесь большой группе турок удалось взобраться на стену. Ополченцы пытались преградить им путь, но испытанные в осадах крепостей турки яростно бились, чувствуя свое превосходство.

Гоар пришла в смятение. Быстро редели ряды ее людей…

— На помощь! — закричала она и бросилась вперед. Ее сабля вонзилась в бок одного аскяра. В диком неистовстве кинулся на нее другой турок. Однако мелик Туриндж опередил и ударил с ожесточением… Турок грохнулся вниз. Потеряв равновесие, упал в бездну вместе с ним и Туриндж… Гоар пришла в ужас.

Не успела она прийти в себя от потрясения, как появились мастер Врданес и Владимир Хлеб с русскими драгунами.

— Держись, братья, дружней! — крикнул Владимир, вбежав на стену.

Рукопашный бой продолжался недолго. Пхндзакарцам и подоспевшим им на помощь драгунам удалось разбить и опрокинуть лестницы, перебить и сбросить вниз залезших на стены турок. На помощь отряду Гоар пришли и многие алидзорские женщины. Они сыпали горячую известку и раскаленную молотую соль, лили кипящую воду на турок, пытавшихся приставить новые лестницы.

С высокой наблюдательной башни Мхитар следил за обороной крепости. Из находившихся в его распоряжении резервных войск он время от времени посылал отряды то на один, то на другой участок обороны крепости. Нередко он сам бросался в бой, воодушевляя оборонявшихся.

Тэр-Аветис также провел весь день на крепостных стенах и ушел оттуда, лишь когда стемнело и сражение прекратилось. Он отправился в церковь. Душа жаждала молитвы и уединения. Избегал встречи с Мхитаром. В церкви духовные старцы правили службу, взывая к всевышнему о помощи. Тэр-Аветис грустно усмехнулся: «Откуда должна явиться помощь, если господь собственной рукой предал нас мечу неверных?» Не успел он опуститься на колени, как в церковь вошел в полном вооружении и в одежде сотника Мовсес.

Он решительно направился к алтарю, стал перед ним и знаком повелел прервать службу. Духовные отцы удивленно переглянулись.

— Слушайте, святые отцы! — крикнул Мовсес. — Господь бог не отвернется от вас, если вы на время покинете его дом и вашу духовную службу будете нести на стенах города. Выйдите из церкви и присоединитесь к войску и народу. Воодушевите их и подайте им пример борьбы. Время роковое.

— Время роковое, — повторил его слова Тэр-Аветис, чувствуя, что в горле застыл комок. И впервые помолился всей душой, зажег свечи перед образом богоматери и вышел вслед за Мовсесом и священниками.

Идти по узким улочкам было очень трудно. Многие дома были превращены пушечными снарядами в руины.

Из-под развалин виднелись порою торчащие руки, ноги или раздавленная детская головка. Тэр-Аветис закрывал глаза. Но трупов было так много, что только слепой мог пройти мимо и не увидеть их. Женщины стаскивали со стен тяжелораненых. Люди стонали, рыдали, умоляя усыпить их навеки. Но женщины спешили перенести раненых в церковь, чтобы эти несчастные испустили дух в божьем доме.

«Мы обманулись! — думал с горечью Тэр-Аветис. — Стали на гибельный путь. Народ предали огню. Не нужно было сопротивляться. Сразу должны были покориться султану, исполнить его волю, дабы сохраниться».

Из соседнего полуразрушенного дома выскочила какая-то женщина. Она прижимала к груди окровавленного ребенка, ручки которого бессильно свисали, а глаза были закрыты. Женщина кричала:

— Да падет грех за него на твою голову, зловредный бог! Будь проклят и ты и твой крест. Обрекли нас на гибель…

Тэр-Аветис отшатнулся. Словно перед ним была не женщина, потерявшая ребенка, а растерзанная, испускающая дух родина — несчастная, беспомощная Армения. Он отвернулся. Шагал возмущенный, с разбитой надеждой. Решено. Ждать больше нельзя. Промедление равно преступлению, большому, непоправимому. Погибнут все. Нужно постучаться в последнюю дверь

надежды. Нужно спасти Алидзор по примеру Агулиса. Помощи ждать неоткуда… И не будет. Зачем же обрекать народ на гибель? Пусть погибнут только они: он, Мхитар, их жены, дети, мелики, но пусть останется народ, народ!.. Не так ли поступил мелик Муси — отдал одного, сохранил десять.

Он горько зарыдал. Добежав до края стены, закричал исступленно:

— Бейте, армяне! Смелей! Пусть узнают враги, что невозможно поставить нас на колени, истребляйте их. Бейте!..

Поднявшись на крепостную стену, он пошел под градом пуль. Как бы он хотел, чтобы какая-нибудь пуля угодила ему в сердце, пронзила грудь, чтобы пал он рядом со своими воинами, которые валялись грудами под стенами, в ямах, на улицах.

Турки штурмовали непрерывно. Алидзор потерял более половины своих защитников, но оставшиеся продолжали стойко сопротивляться. Верховный властитель не покидал защитников ни днем, ни ночью. Трижды турки достигали верха стены у главной башни и все три раза были отброшены. Им не удавалось проникнуть в город ни с какой стороны. Они построили новую стенобитную машину и снова подвели ее к крепости. Но люди Мхитара разбили и эту громадину.

— Умрем на стенах нашего города, но не дадим обречь себя и наш народ на рабство, — говорил своим людям Мхитар.

И люди гибли десятками и сотнями, но удерживали свой город.

На двадцать восьмой день осады ночью прибыл из ущелья Вайоц гонец. Это был алидзорский канатоходец. Пробравшись по лесу к западным скалам и перебросив конец веревки узнавшим его осажденным, он поднялся на стену и вошел в город. Его тотчас же повели к Мхитару.

— С добром? — спросил Верховный властитель.

— Князь Баяндур приветствует всех, — ответил гонец. — Приветствуют также мелики Бархудар, Шафраз и все их войско.

— Где войско Баяндура? — не вытерпел находившийся здесь же на башне Тэр-Аветис.

— В ущелье Вайоц, — ответил гонец.

— Поехал отведать форель, так, что ли? — рассердился Тер-Аветис. — Еще бы! Река Арпени полна этой изумительной рыбы.

— Напрасно ты упрекаешь его, тэр тысяцкий, — сказал смущенно гонец. — В гаваре Цгук Баяндур собрал много войска, чтобы прийти к вам на помощь. Но господь не пожелал этого. Турки вошли в ущелье Вайоц. Князь решил им отрезать путь. Возле села Арпени мы столкнулись с ними. Пришлось отступить к Гндеванку. На счастье, из гавара Сотоц к нам на помощь подоспел владетель Большой Мазры. Князь Баяндур надеется скоро покончить с врагом и прийти к вам на выручку. Только вы держите город крепко. Князь Баяндур придет.

— Если не оставит голову и войско в ущелье Вайоц, — сказал злорадно Тэр-Аветис.

Мхитар хмуро посмотрел на него. «Почему так озлоблен Тэр-Аветис? Чего он желает? И в лице изменился, и голос будто чужой стал. Неужто с него начинает виться зловредный клубок? Если так, то конец Алидзору». Мхитару вдруг почудилось, что он попал в западню. И впервые подумал о том, что нельзя было удалять из Алидзора свой полк «Опора страны», как нельзя было отсылать мелика Бархудара и Шафраза, князя Баяндура и мелика Егана. И только теперь ясно представил, что находящиеся в Алидзоре военачальники — сотник Мигран, Пхиндз-Артин и, кажется, даже Тэр-Аветис со своим полком — не его сторонники.

Тысяцкий продолжал ворчать и укорять князя Баяндура и даже неприлично обругал его. Мхитар велел гонцу выйти. В башне остались только он и тысяцкий.

— Ты напрасно коришь князя Баяндура, Аветис, — сказал наконец Мхитар. — Он исполняет мой приказ, сражаясь против войска, которое идет на помощь Абдулле. Вот покончит с делом в ущелье Вайоц и явится сюда.

— Напрасные надежды! — бросил Тэр-Аветис. — Баяндур не в силах своим жалким войском остановить огромную турецкую армию, идущую на

помощь Абдулле. Порастеряет всех своих воинов, и этим все кончится. И наши силы здесь иссякают. Число защитников Алидзора уменьшилось втрое, а враг и не думает отступать. До каких пор возможно сопротивляться?

— До последнего вздоха, — сказал, задыхаясь от гнева, Мхитар.

— До гибели армянской нации?

— Пусть.

— Нет! — неожиданно повысил голос Тэр-Аветис. — Это не спасение. И не выход. Это значит предать народ гибели. — На его глаза навернулись слезы.

Мхитар с сожалением подумал, что его боевой соратник теряет веру в их силы и вместе с этим мужество.

— Послушай, Мхитар мой, — подавленным голосом произнес Тэр-Аветис. — Мы бессильны перед врагом.

— Так говорит только трус! — в сердцах бросил Мхитар.

— Считай меня кем хочешь, Мхитар, плюнь мне в лицо, но думай о спасении.

— О спасении себя или нашей страны?

— Нашей страны. Попросим у паши мира, поднесем дань, выплатим подати, дадим заложников, только бы удалить его из Сюника. Уступим паше Алидзор, пусть наши дети станут заложниками, согнем шеи, покоримся.

— Ты безумец, тысяцкий! — Рука Мхитара невольно потянулась к сабле.

— Безумна наша затея, — не отступал Тэр-Аветис. — Я посчитал своим долгом сказать то, что у меня на душе и о чем думают, но не говорят тебе многие другие. Пойдем к паше, Мхитар, покоримся султану, предупредим резню.

Тэр-Аветис говорил умоляюще, но Мхитар уже не слушал. Его глаза потемнели, гнев одолевал его. Рука дрожала на рукоятке сабли. Казалось, вот-вот он обнажит ее. Но трезвый разум взял верх. Против кого обнажить меч? Против Тэр-Аветиса, с которым долгие годы, с единой волей, не щадя себя, боролись против бесчисленных врагов, бились и побеждали? И вспомнилось сражение на горе Газангайл, когда он попал в окружение персов и пал бы, не

подоспей Тэр-Аветис. Вспомнились Варанда, Марага, все бои, которые они вели с Тэр-Аветисом. О многом вспомнилось Мхитару, и рука его, слабея постепенно, оторвалась от рукоятки сабли.

— Подумай, Мхитар, — неожиданно зарыдал Тэр-Аветис, — грех за наш город и за народ наш падет на твою голову, если ты не послушаешься полезного совета.

— Молчи! — замахал руками Мхитар. — Не иначе, бредишь! Иди к себе, и немедля. Удались, запрись, скажись больным и отныне не вмешивайся в мои дела. Ты слышишь? Я приказываю — удались!

— Удаляюсь, — выговорил Тэр-Аветис. — Но, повторяю, всех нас перебьют, и грех этот падет на твою голову.

Пятясь, он вышел из башни.

С минуту Мхитар казнил себя, что выгнал товарища, оскорбил его. И тут же решил послать воина, чтобы зарубить тысяцкого. Но раздумал и на этот раз.

Запыхавшись, ворвался Горги Младший.

— На южной башне турки теснят наших!

— Куда делся Тэр-Аветис? — рассеянно спросил Мхитар.

— Направился к своему дому. Мне показалось, что он ранен. Качало его из стороны в сторону.

Мхитар выскочил из башни.

— Следуйте за мной! — приказал он своим телохранителям и бросился с обнаженной саблей к южной башне города.

— Бейте! — слышался весь день его призыв. — Смерть врагу, смерть!..

Алидзор оборонялся самоотверженно.

Прошла неделя. Еще одна тревожная неделя. Мхитар все чаще поглядывал на дорогу, ведущую в Алидзор. Но князь Баяндур не появлялся. Последний его гонец привез известие, что он в тяжелых боях берет верх над османской армией.

Для Алидзора наступили тяжелые дни.

Ряды защитников опасно поредели. Хотя Абдулла паша и понес большие

потери, турки штурмовали город с возрастающей силой.

Теперь в Алидзоре все были на стенах — все от мала до велика. Ночью с трудом успевали хоронить жертвы и оказывать помощь раненым. С рассветом турки опять бросались на приступ, и начиналось то, что было вчера, неделю назад…

Стали известны случаи бегства из города. Вначале защитников города покидали одиночные алидзорцы, но вскоре начали бежать и воины, десятники, даже сотники. Как ни строг был надзор, однако по утрам то там, то здесь находили привязанные на зубцах стен веревки, по которым трусы спускались в турецкий лагерь.

Однажды люди Есаи схватили двух сотников из полка Тэр-Аветиса, которые пытались бежать. Мхитар приказал повесить их и еще двух алидзорских купцов на площади.

Но не помогли и эти меры. Спарапет видел, что со дня на день слабеет стойкость и воля людей, что постепенно покидает их решимость. С болью в сердце слышал он иногда, как говорили меж собой горожане:

— Пусть Верховный властитель удалится из нашего города: мы сами решим свою судьбу.

«Раскаетесь, неразумные? — повторял он про себя. — Ничто не заставит врага покинуть нашу страну, кроме нашего общего сопротивления, кроме оружия».

Как-то раз Гоар спросила:

— Почему Тэр-Аветис не появляется на стенах?

Он болен, — ответил Мхитар.

— Может, притворяется?

— Чего ты хочешь? — резко спросил Мхитар.

— Чтобы ты покончил с Тэр-Аветисом, Мхитар, он источник зла.

— Никогда! — рассердился Мхитар. — Я запрещаю так говорить о нем. Он потерял надежду, сбился с пути, но изменником никогда не станет.

— Дай бог, чтобы я ошиблась.

Тэр-Аветис заперся в своем доме. Но и здесь не находил себе покоя. Осунулся, скулы выдались, борода растрепалась; в глазах мелькали порой безумные огоньки. Каждый день его люди сообщали ему подробности происходивших в городе событий. Он рычал, бил себя по голове и повторял:

— Погибнем!.. О несчастный, обреченный мой народ…

И вот в один из вечеров неожиданно к нему пришли Мигран, Пхиндз-Артин, паронтэр Алидзора, купцы и три его сотника. Тэр-Аветис, вскочив, глядел на них безумными глазами. Неужели Мхитар повелел уничтожить его? От страха отнялся язык, пересохло в горле.

— Спаси страну, тэр тысяцкий, спаси нас, мы погибаем! — воскликнул сотник Мигран. — Мы пришли к тебе, как к единственной надежде нашей, возглавь нас.

— Ваш глава — Верховный властитель Мхитар, — успокоившись, произнес Тэр-Аветис. — Идите к нему на совет.

— Мы больше не признаем Мхитара! — крикнули мятежники. — Наш предводитель — ты: мы не хотим иметь Верховным властителем сына рамика. Он ведет нас к гибели. Кто он? Что ему до того, что мы лишимся наших наследственных владений, нашего состояния? Мы пришли предложить тебе, чтобы ты отправился к паше просить милосердия, сказать, что мы покоряемся ему. Спеши, пока паша не взял приступом город.

Тэр-Аветис не смотрел на них. Он сидел на тахте, опираясь ладонями о колени и опустив обросшую львиную голову. Казалось, он вот-вот набросится на мятежников и растерзает их. Наконец Тэр-Аветис вскочил и выкрикнул глухим голосом:

— Настал час!

Стальными руками вцепился в свой ворот. Пуговицы кафтана разлетелись, обнажилась грудь.

— Наступил час! Мы будем прокляты в веках, но мы спасем народ и страну Армянскую!..

Он метался, как запертый в клетке зверь, рычал, стучал кулаками в дверь, затем крикнул, чтобы ему принесли вина. Мятежники с удивлением и тревогой смотрели на него. Осушив поданную ему огромную чару, он запустил ее в висевший в углу образ Христа.

— Получай! — в диком неистовстве прорычал он. — Ты хотел этого? Погибели нашей жаждал? Ну нет. Довольно ты пожирал наши тела. Не получишь больше!.. Будем жить без тебя, не пропадем!

Вскоре его неистовство сменилось неожиданным спокойствием. Глаза Тэр-Аветиса увлажнились. Он съежился, словно обузданный, обессилевший зверь.

— Идите и падите к ногам паши, — сказал он безразлично. — Скажите, что покоряемся всем войском и народом, от детей до стариков, со всем духовенством и его паствой. Скажите, что, как только запоют петухи, открою перед ним городские ворота. С одним условием — не трогать нашего города и народа, не совершать набегов на другие города и села. Мы откроем ему дорогу, пусть идет куда хочет. Будем платить ему дань. Клянемся также не подымать оружия против султана. Пусть паша напишет договор, подпишет, приложит своей рукой печать, поклянется в присутствии своих вельмож на коране. Ступайте. Другого выхода нет! Нет!..

Сотника Миграна, Пхиндз-Артина и трех видных купцов в тот же вечер тайно спустили со стены. Ночной мрак был такой густой, что казалось, он своей тяжестью подавил весь горный край. Тэр-Аветис запер в отдаленной комнате свою жену, маленького Парсадана, устроил также семьи сотника Миграна, Пхиндз-Артина, поставил над ними часовых, а сам, в полном вооружении, вышел из дому.

Над Алидзором стояла удивительная тишина.

Гоар никак не могла забыть свекра. Он постоянно стоял перед глазами с согнувшейся спиной — таким, каким она видела его в последний раз, когда он упал, не рассчитав своего удара. Иногда она со страхом смотрела со стены вниз и говорила про себя: «Покойся там, добрый старик. Я перенесу твой прах на

высокое место, воздвигну над тобой хачкар и каждый год стану приносить жертву и проливать над твоей могилой слезы».

Отныне Гоар чувствовала себя беззащитной и одинокой. Нет мужа, которого она хотя и не любила, но чтила по традиции и была довольна, что ценою своего несчастья сумела примирить отца с пхндзакарцами. Сейчас нет и свекра, который был всегда так заботлив и ласков с нею. Мхитар? Часто ли она его видит? И кто знает, улыбнется ли ей счастье, удостоится ли она когда-нибудь еще его тоскующего взгляда. Нет рядом отца, а старшего брата, который находится в Алидзоре, она не желает видеть. Еще с детских лет она ненавидела наглого и себялюбивого Миграна. Знала, что он способен продать даже родного ребенка, лишь бы добиться желаемого. Зато при воспоминании о брате Паки щекотало в горле, на глазах появлялись слезы и губы невольно начинали шептать молитву о спасении его души.

Жестокая судьба не оставила Гоар никакого утешения. Совсем недавно мир был так светел для нее, она была так весела, а теперь этот свет сменился непроглядной мглой, вместо веселья в ее душу вселилась скорбь: Гоар стала жестокой, сухой, молчаливой.

Было далеко за полночь: наступал рассвет.

Во дворе церкви, вокруг костра, сидели на камнях воины. Здесь были Владимир Хлеб, мастер Врданес, два русских драгуна, Есаи, Цатур и беспокойная, вечно сердитая Зарманд. Она вытаскивала заскорузлыми руками из горячей золы печеные бобы и раздавала товарищам. Положив несколько бобов на колени Гоар, она сказала:

— Ешь, милая, не то совсем обессилеешь. Скоро рассветет, и начнется новое сражение, польется новая кровь… Чтобы мне ослепнуть!..

Из церкви доносились стоны раненых. Женщины несли хоронить умершего воина. Старый, морщинистый служитель курил ладан и нетвердым шагом шел за покойником. В такие минуты злоба подступала к горлу Гоар, и она готова была кричать, проклинать бога, который был глух к людским страданиям.

Вражеские ядра продолжали разрушать Алидзор. Но воины, окружавшие костер, уже не реагировали ни на гул разрывов, ни на молитвы священника, провожавшего в последний путь ушедшего из жизни воина.

— Нет князя Баяндура, — вздохнул Цатур. — Что случилось?

— Известное дело, бьется с турками в ущелье Вайоц, — ответил Есаи.

— Кто это знает? — встрепенулась Гоар.

— Прибыл гонец. Он из воинов твоего отца, Гоар.

Гоар проглотила боб, не разжевав его. Слова Есаи встревожили ее. Сердце почувствовало недоброе. Вернется ли отец из ущелья Вайоц или падет в бою? В последнее время Гоар особенно тосковала по отцу. Он был теперь единственным ее утешением.

К костру подошел Агарон.

— Турки притихли, — сказал он радостно, уселся между Гоар и Зарманд, протянул руки к огню. — Холодно, может, поэтому.

— Да обречет их господь на вечное молчание, — произнесла Зарманд, воздев руки. — Змеи тоже свертываются от холода, но, как только теплеет день, они начинают шипеть.

— А мы снесем им головы, — улыбнулся Агарон.

— Н-да! — Зарманд вздохнула. — Много наших погибло, еще три-четыре дня, и уже некому будет защищать город.

Помолчали. Гоар смотрела сбоку на Агарона — лицо его было освещено. «Боже мой, как он похож на отца, — думала она, — тот же нос, огненные, чарующие глаза, такой же рот. И храбр, как отец».

Владимир Хлеб встал и отправился повидать жену и сына. Кто знает, что может случиться завтра? Врданес прислонился к стене. Зарманд и Есаи пошли к крепостным стенам. Не дай бог, уснут стражники и турки приставят лестницы и ворвутся в город. Все возможно.

Где-то вблизи прокричал петух. Агарон рассмеялся:

— Смотри-ка! Уцелел петушок золотой гребешок. Чудеса!

Гоар удивленно посмотрела на него. Как он может смеяться, когда весь

мир полон горечи и крови? Странно!.. Но откуда ей было знать, что Агарон только что виделся с молодой женой, обнимал ее и что сердце юноши было наполнено радостью любви, песней и весенним звоном.

Петух прокричал снова, но никто не откликнулся на его зов. Гоар охватила дрожь. Было что-то жуткое и в смехе Агарона, и в пении петуха. Словно сова ухала над развалинами. Агарон потешно рассказывал о том, как вчера его «юнцы» разбивали турецкие лестницы, но Гоар больше не слушала.

В эту минуту, неподалеку от дворца Армянского Собрания, в древней часовне, Тэр-Аветис ожидал посланных им в османский лагерь людей. Близился рассвет, а их все не было, и это сильно тревожило тысяцкого. Неужели Абдулла не принял его условия, отверг их и обезглавил его посланцев? А может, они схвачены при возвращении? Как бы там ни было, ему хотелось, чтобы скорее все выяснилось, пусть совершится должное.

Дальше терпеть становилось невмоготу.

Но напрасны были сомнения Тэр-Аветиса. Вот уже прошмыгнули возле часовни черные фигуры. На мгновение они скрылись и выросли затем перед ним. Кто-то положил руки на его плечи.

— Паша доволен, ему понравилось наше предложение, тэр тысяцкий. С великой любовью и почетом принял нас.

Тэр-Аветис узнал голос сотника Миграна.

— Дал клятвенную запись? — запинаясь, спросил он.

— Вот, возьми, — Мигран вручил ему свиток. — Поклялся на коране в присутствии всех своих пашей, европейских советников, мелика Муси и главного муллы. Нашему городу не принесет никакого зла, также и народу. Поспеши открыть городские ворота: паша готов и ожидает.

Тэр-Аветис, закрыв глаза, молился. В часовне царил глубокий мрак, и ни один из предателей не замечал, как дрожали его руки, губы, как текли слезы по бороде.

Он позвал одного из воинов, сидевших снаружи на карауле.

— Беги к Мхитару! — приказал он, еле сдерживая дрожание

подбородка. — Скажи, пусть бежит, спасает голову. Скорей!

Потом вышел из часовни вместе с сотником Мигpаном, Пхиндз-Артином и другими заговорщиками и направился в темноте к городским воротам…

Мхитар возвращался от русских драгун к себе во дворец. За ним следовали Горги Младший, двенадцать телохранителей и оруженосцев. Они не зажгли факела, чтобы не разбудить спящих воинов. Спарапет шел усталой походкой, охваченный тяжелыми думами. Долгие сражения унесли две трети защитников города. От князя Баяндура не было новых известий, и положение Алидзора становилось крайне тревожным…

Вдруг на узкой улочке кто-то бросился ему в ноги. Мхитар вздрогнул: уж не изменник ли?

— Заговор, Верховный властитель! — закричал человек и поднялся с земли. — Беги, спасайся. Тэр-Аветис и сотник Мигран изменили нашему несчастному городу. Теперь они открывают ворота перед турком…

— Ты рехнулся? — зарычал Мхитар.

— Нет, к несчастью! Спеши, спасай свою жизнь, ты опаздываешь!..

Мхитар оттолкнул его, человек повалился, не издав ни звука. Это был посланный Тэр-Аветисом воин.

— Я опоздал, предал коварный, предал! — кричал Мхитар и, вырвав у Горги Младшего трубу, затрубил отрывисто, тревожно, затем бросился с обнаженной саблей к городским воротам…

Агарон продолжал беззаботную беседу. Подходили к огню проснувшиеся воины, горожане, юноши. Они здоровались, желая доброго утра, и отправлялись на стены. Лишь Гоар не покидало непонятное беспокойство, сердце ее ныло от предчувствия недоброго.

Неожиданно со стороны ворот послышался глухой шум. Словно обвалилось что-то прислоненное к церковной стене. Врданес насторожился. Гоар невольно схватилась за трепещущее сердце. Шум усилился. И тут же отрывистые звуки трубы возвестили о тревоге. Кто-то истошно прокричал:

— Измена! Измена!.. — Это был голос гусана Етума. — Открыли ворота,

турки входят в город! Эй!.. Вставайте!..

Город разом загудел.

— К воротам! — крикнул Агарон, обнажив саблю.

Мхитар, собрав по тревоге остаток войска и ополчение Алидзора, повел их к воротам. Но турки уже врывались в город. Под слабым светом предутренних звезд сверкали их холодные ятаганы, маячил лес копий. Армяне бросились было на турок, но, услышав сигнал отбоя и перемирия, раздавшийся из главной башни, отступили. Мхитар узнал звуки трубы Тэр-Аветиса. Он с яростью отбросил первые ряды турок, улучив момент, приказал Горги Младшему взорвать южную стену города.

— Открой проход к ущелью Гегва. Дай возможность народу уйти из города. Спеши.

Горги Младший побежал исполнять его приказ. Мхитар сражался храбро, зная, что уже невозможно остановить нахлынувших врагов. Сталкиваясь с возрастающим напором врага, армяне теснились к южной окраине города. И падали один за другим…

В общей суматохе и панике Агарону удалось найти лишь несколько своих воинов. Собрав их, он побежал к дому в надежде спасти мать, Цамам и брата. К ним присоединились также Гоар, Цатур, гусан Етум. В узком переулке группа турецких всадников преградила им путь. Бежавшие успели через открытые ворота броситься в какой-то двор и подняться на плоскую кровлю. Оставалось спрыгнуть с кровли, пройти за часовню и оттуда войти во двор дворца Армянского Собрания. Они так и сделали. Но было уже поздно. Турки заняли дворец.

— Моя мать!.. — крикнул Агарон. Гоар зажала ему рот. Тогда юноша попытался перепрыгнуть через стену, однако Цатур и гусан удержали его.

— Следуйте за мной, я спасу вас, — сказал нерастерявшийся Етум. Он повел их дворами, среди развалин. С улиц и домов стали раздаваться душераздирающие крики.

Враг бросился вырезать жителей Алидзора.

Теснимый турками, Мхитар отступал шаг за шагом ко дворцу Армянского Собрания в надежде спасти жену и детей. Но зашедшие сзади янычары преградили ему путь. Мхитар с несколькими телохранителями оказался в кольце. К счастью, телохранители свалили ближайшие ворота и втолкнули Верховного властителя в узенький дворик.

В этот миг послышался глухой взрыв. Мхитар догадался, что Горги Младший взорвал стену. Из узкого двора Мхитар и его воины попали на кривую улочку, с ходу опрокинули группу турок, уже начавших грабить город. Мхитар попытался было пройти по-над стеной к своему дому, однако пламя пожара уже лизало дворец Собрания.

— Моя Сатеник! Мои дети!.. — От бессильного отчаяния Мхитар схватился за голову и зарыдал.

Телохранители, поддерживая, повели его к южной стороне города…

Тикин Сатеник успела взять с собой маленького Давида и рукопись своей летописи. В коридоре навстречу выбежала Цамам.

— Погибли… — зарыдала Сатеник.

Они бросились во двор, побежали к часовне, чтобы спрятаться там, но турки с воем бросились за ними. Засверкали сабли. Цамам закричала:

— Не смейте! Перед вами жена Верховного властителя Мхитара! — Ее голос прервался. Только почувствовала, как по животу прошла горячая волна. Судорожно схватила обеими руками наполовину вонзенную в ее живот саблю. — Кровопийцы!.. — едва смогла произнести она и упала…

В то время, когда османская армия, волна за волной, ввалилась в Алидзор, через узкий пролом южной стены выбирались жители города и остатки войска. Последними выбрались и спустились в ущелье Мхитар и его телохранители.

«По неверному пути пошел я»

Рассвело.

Хотя улицы Алидзора уже были заполнены янычарами, поток турецких

войск не прекращался. Наконец, осадив коня возле городских ворот, турецкий глашатай приставил ко рту рогообразную трубу, громко протрубил, затем крикнул громовым голосом:

— Внимайте и повинуйтесь!

В город въехал Кёпурлу Абдулла паша, окруженный военачальниками, муллами, европейскими советниками. Над головой сераскира реял целый лес многоцветных знамен. Конь под ним фыркал, подергивая отягощенную золотом и бриллиантами узду. Над налобником коня блестел украшенный резьбой полумесяц из слоновой кости, на котором сверкали зерна коралла и египетского асписа. В левой руке паша держал поводья, в правой — жезл с серебряной ручкой, на конце которого был приделан знак верховной власти и знатного происхождения — три бунчука, связанные из конского волоса. Жезлы остальных пашей были украшены одним бунчуком.

Теснившееся на площади турецкое войско раздалось. У церкви показалось знамя Армянского Собрания. Паша придержал коня. Окруженный отрядом вооруженных янычаров, навстречу паше двигался Тэр-Аветис в сопровождении сотника Миграна и Пхиндз-Артина. За ними шли алидзорские купцы. Все были без оружия. Только Тэр-Аветис оставался при сабле. Мигран бросил под ноги коню Абдулла паши знамя Армянского Собрания. Шелковое полотнище медленно оседало в кровавой лужице. Тэр-Аветис опустился на колени и протянул сераскяру ключи от Алидзора.

— Прими наше покорное подданство, милосердный паша, — подавленный, не своим голосом произнес он. — Отныне Алидзор и весь Сюник твои. Пощади нас и прикажи остановить резню.

— Неужели в Алидзоре жив хоть один армянин? — обернувшись к своим военачальникам, сердито спросил Абдулла. — Этот город основал Давид-Бек для того, чтобы я разрушил его. Здесь не должно оставаться ни одного живого существа.

Пришпоренный конь перескочил через Тэр-Аветиса и помчался дальше.

Тэр-Аветис вскочил, крикнул, но его некогда грозный и внушительный

голос теперь никого не испугал. Янычары, глумясь, отвели его в сад дворца Армянского Собрания, где под деревьями уже водружали роскошный шатер Абдулла паши.

Солнце прошло половину своего дневного пути.

Уже не слышались крики убиваемых детей и терзаемых женщин. Сотни алидзорских жителей, не успевших покинуть город, валялись обезглавленными в своих домах, во дворах. Многие дети были изрублены саблями в колыбелях. Девушек и юношей захватили в плен. Повсюду валялись изуродованные голые трупы. Лужицы крови сверкали под весенним солнцем.

Надрывая глотки, глашатаи паши сзывали воинов, которые все еще обшаривали валявшиеся под развалинами трупы, срывали серебряные кресты с церквей, рыли землю во дворах в надежде найти захороненные сокровища.

Вскоре турки окружили площадь. Паши стояли на плоской крыше уцелевшего дома. Над головой Абдуллы держали балдахин.

— Начинайте, — приказал сераскяр, устраиваясь поудобнее в кресле.

Большая толпа мулл в зеленых чалмах и белых одеждах ступила на площадь. Некоторые из них держали в руках небольшие бубны и цимбалы. Главный мулла прокаркал:

— Приведите жертвы. Аллах требует свою долю от нашей победы.

К выдвинутой на площади плахе подошли три палача, сверкая широкими лезвиями топоров. Янычары, открыв дверь, крича и ругаясь, начали выталкивать из церкви пленных армян и нескольких русских драгун и погнали их к плахе. Изморенные, полуголые, с кровоточащими ранами, они еле двигались. Впереди медленно и гордо шел оружейник Врданес, за ним Владимир Хлеб с четырехлетней малюткой на плече. Залитые кровью Семеон и Вецки Маргар с трудом удерживали на ногах тяжело раненного в грудь Есаи.

Ребенок на плече Владимира жалобно закричал. Невольно ахнули и содрогнулись даже турецкие воины. На минуту вся площадь онемела. Муллы начали вскрикивать сильнее, бить в бубны и цимбалы.

— Жертва справедлива, жертва принадлежит аллаху! — вскрикивал

главный мулла.

Палачи подошли к пленным. Один из них схватил за руку оружейника Врданеса. Но тот так отдернул руку, что палач отлетел в сторону.

— Я пойду сам, — сказал он и обернулся к Владимиру: — Прощай, брат Владимир. Встретимся на небесах. — Пошел, стал на колени и положил голову на бревно. Шмякнул топор — покатилась голова.

— Теперь мой черед! — крикнул Владимир Хлеб и рванулся вперед. Но армяне и русские драгуны удержали его. Несколько рук потянулись к малютке.

— Не дам, мое дите, — кричал Владимир, — пусть и он гибнет со мною, не оставлю его гадам!

Среди пленных началась суматоха. Они старались отнять у товарища ребенка, однако он не давал и еще крепче прижимал его к груди. Палачи растерялись.

— Что там? — спросил Абдулла паша.

— У одного из русских ребенок, — ответил мелик Муси.

— Ребенок?

— Безжалостно убивать ребенка, — тихо промолвил мелик Муси.

Владимир Хлеб вырвался из рук товарищей и бросился с ребенком к плахе.

— Имейте милосердие, звери!.. Пощадите ребенка!.. — кричали и умоляли пленные, они бросались вперед, падали и снова вставали. Аскяры били их по головам саблями и копьями, окружили тесным кольцом и не давали дотянуться до ребенка.

Владимир Хлеб крикнул с плахи:

— Прощай, Русь святая!

Палач сначала отрубил голову отцу, потом ребенку.

Есаи закачался, оторвался от товарищей и неожиданно твердыми шагами подошел к плахе. Он вытер рукавом заливщую глаза кровь, глянул на армянские горы и крикнул:

— Пусть здравствует Верховный властитель Мхитар!..

— Да здравствует! — воскликнули сурово пленные.

Абдулла паше доложили, что среди приговоренных находится искусный художник.

— Кто он? — заинтересовался сераскяр.

— Этот гяур обладает небесным даром, — ответили ему. — Его имя Нагаш Акоп. Он оживляет на полотне цветы, которые благоухают в комнате и зимой. Он рисует такие людские лики, что, кажется, они говорят, мыслят.

— Приведите, я хочу его видеть.

Нагаш Акопа отделили от пленных и подвели к паше. Он остановился и обратил взор к родным горам, словно прощался с ними навеки.

— Говорят, ты мастер рисования, можешь обессмертить человека. Почему же ты взял в руки саблю? — спросил паша.

— Чтобы человек мог жить свободно и не боялся бы твоего ятагана. Чтобы мог он прожить в мире те немногие годы, что ему подарены господом. Я обнажил меч против смерти и убийцы. Кто убивает человека, тот убивает и прекрасное, и цветы, и солнце, и землю, он мутит небесную лазурь.

Паша закусил губы и погладил крашенную хной бороду.

— Хочешь ли ты здравствовать, Нагаш?

— Я удивляюсь твоему вопросу, — усмехнулся Нагаш Акоп. — Если подобный тебе убийца и грабитель желает жить, то почему не желать этого тому, кто может создавать и творить?

— Хорошо!.. — произнес сераскяр. — Я спасу тебя, Нагаш, от топора, если станешь моим слугой, нарисуешь мой портрет и портреты тех храбрецов, которые завоевали этот город.

— Нарисую, паша! Так нарисую, чтобы люди увидели, чтобы потомки узнали в тебе гиену и проклинали бы тебя. Легче ведь нарисовать убийцу, чем человека, сажающего дерево, крестьянина, который пашет землю. Нарисую!

— Уведите его! — в бешенстве крикнул паша.

Нагаш Акопа обезглавили.

Один драгун, которого вели на казнь, разорвал связывавшую руки веревку и с яростным криком кинулся на янычаров. Он вырвал у палача топор и ударил

его по спине.

— Бей басурмана, бей! — закричали оставшиеся в живых русские.

Драгуну удалось повалить еще двух аскяров.

— Бей! — кричали пленные армяне.

Янычары кинулись к неистовствовавшему драгуну. Его кололи копьями, рубили саблями. Он весь залился кровью и упал с топором в руке.

Вечер окутал горы фиолетовым полумраком, когда на левом берегу реки Вохчи, на вершине лесистой горы, остановилась группа спасшихся от резни алидзорцев. Гусан Етум вытер потное лицо и тяжело вздохнул:

— Ну вот мы и спасены.

Гоар прислонилась спиной к толстому дубу и сквозь его голые ветви смотрела на погружающийся во мрак Алидзор. Возле нее стоял Агарон, убитый горем, в разорванной одежде. Он терзал себя, бился головой о дерево, глаза налились кровью, был взбешен от бессилия. Поодаль, на замшелом камне, сидели Цатур и несколько алидзорцев.

— Вознеслись на небо!.. — время от времени говорил Цатур. — Ушли Мхитар, Семеон, Есаи, Зарманд, Владимир, Вецки Маргар… Все ушли. Эх… Да иссохнет длань господня.

Стемнело. Агарон долго еще глядел в сторону Алидзора, пока не закричал душераздирающе:

— Мама!.. — и покатился на траву.

Только после долгих усилий удалось немного успокоить его и убедить, что нужно поскорее уйти из этих мест.

Другая большая группа алидзорцев остановилась на лесистом склоне горы Хуступ. Воины и ополченцы, женщины и дети. Все были подавлены горем и измучены. С ними находился и Мхитар. Никто не разговаривал. Только порою горестно рыдала какая-нибудь женщина, потерявшая детей.

Из ущелья к вершине горы взбирались новые группы спасающихся. Мхитар с замиранием сердца высматривал, нет ли среди них Сатеник, Агарона, Давида, Цамам. Но любимых не было. От страшного горя слабели колени,

кружилась голова, но он продолжал встречать толпы беженцев. Простоял всю ночь. На рассвете поток людей из Алидзора прекратился. Родных не было. Восходящее солнце показалось ему зовущим на помощь младенцем, впадины ущелий — зияющими могилами.

Нужно было спешно отходить. Мхитар приказал уцелевшим военачальникам составить десятки и сотни из наличных воинов и ополченцев. Выяснилось, что спаслось несколько сот мужчин и около тысячи женщин и детей.

— Ну что же, братья! — обратился он к выстроившимся мужчинам. — Свершилась воля сатаны. Подлые изменники предали Алидзор гибели. Но мы вернемся в наш город и найдем предателей. Алидзор пал, но стоит Сюник. Настоящая война должна начаться только теперь. Турки еще раз испытают силу нашего гнева.

Алидзорских женщин и детей Мхитар отправил в замок Пхндзакар и, взяв с собою немногочисленный отряд вооруженных воинов, по склонам Капуйтджига направился к ущелью Вайоц. Нужно было добраться до князя Баяндура, чтобы стать во главе войска, собрать новое ополчение и зимою осадить Алидзор.

Нужно было все начинать вновь.

Когда они пересекли одетый в тонкую снежную рубашку склон Капуйтджига и спускались к ущелью Воротан, встретили возле Татева Агарона, Гоар и их товарищей.

Мхитар обезумел на минуту от радости: он бесконечно целовал сына, был уверен, что с ним бежали также жена, Давид и Цамам. Но радость была мимолетной: из семьи спасся только Агарон.

Было тихое безоблачное утро. Из развалин Алидзора больше не подымался дым. Не каркали больше вороны. Трупы были зарыты. Турецкое войско расположилось в уцелевших домах.

Абдулла паша, погрузившись в мягкое кресло, стоявшее перед шатром, смотрел усталым взором в ущелье. Перед ним покорно стояли Тэр-Аветис,

мелик Муси, сотник Мигран и Пхиндз-Артин. Мелик Муси смотрел на холеные руки паши. Тэр-Аветис опустил глаза, чтобы скрыть от Абдуллы скопившуюся в душе горечь. Перед пашой находился коротконогий арабский столик, на котором возвышалась желтая груда золота. Возле стола валялись набитые серебром кожаные мешки. Паша отвел взгляд от ущелья.

— Я выполняю свое обещание, армяне, — сказал он раздельно. — Города Ордувар и Агулис дарую тебе, почтенный мелик Муси. Ты, ходжа Артин, продолжай добывать медь для нашего войска. Ты, сотник Мигран, можешь отправиться в свой гавар. Изгони оттуда своего отца и завладей им. Я дам тебе семьсот всадников…

Мигран встревожился. Как он может удержать Хндзореск с семью сотнями всадников, когда отец еще жив и имеет при себе две тысячи храбрецов! Он проглотил подступившую к горлу слюну.

— Султан не забудет и твоих услуг, тысяцкий Тэр-Аветис, — продолжал паша. — Я думаю, пора тебе отложить саблю и взять в руки крест священника. Если захочешь, можешь воссесть на трон в Татеве.

Надежды Тэр-Аветиса разбились.

— А кому останется Сюник? — спросил он, поднимая глаза.

— Победителю, — сурово ответил паша. — В этой стране, кроме великого султана, другого владыки быть не может. Целуй руку, подающую тебе милость, и будь доволен. Я люблю, когда цари склоняются передо мной и храбрецы покоряются моей воле. Никто не должен меряться со мной умом и особенно оружием. Всякая голова, которая не склоняется передо мной, кроме головы владыки вселенной султана, будет срублена.

Тэр-Аветис пал к его ногам.

— Я согласен, только пощади народ, милосердный владыка, — склонив голову до земли, умолял он.

— И это зависит от вашего благоразумия, — сказал паша и поднялся. — Теперь вы мои дорогие гости. Идемте, мой повар вкусными кушаньями утолит ваш голод.

Он направился к парадному входу Армянского Собрания. Во дворе муллы жгли изъятые из церкви книги, картины, старинные грамоты католикосов и царей. Паша с притворной вежливостью беседовал с сотником Мигpаном и меликом Муси. Он ненавидел этих новых своих подданных, был бы рад обезглавить и их. Но хитрый турок умел заглядывать вперед. Да, они помогли ему взять Алидзор. Но падение Алидзора еще не гибель Сюника. Еще на свободе Верховный властитель Мхитар, со своей армией, есть еще живущий в горах народ. Паша хорошо понимал, что он не сломил еще сопротивления армян. Теперь надо обласкать их, притвориться. Из Тавриза шлют ему тревожные вести. Персы подняли голову. Тахмаз Кули Надир хан стал грозной силой. Надо спешить в Персию. Оставить эту еще далеко не покоренную страну в руках верных ему армян, а верны ли ему эти гнусные предатели…

Они вошли в один из залов. На полу виднелись следы крови. Под окном дымилась древняя рукопись из пергамента. Паша пригласил гостей садиться. У дверей остался стоять растерянный Тэр-Аветис.

— Подойди, брат, сядь рядом со мною, — веселым, подбадривающим голосом пригласил его паша. — Забудем былое и предадимся веселью. Подойдите и вы, паши. Приведите музыкантов, я хочу развлечься.

Посадив Тэр-Аветиса возле себя, паша шепнул ему:

— Как принесешь мне голову Мхитара, тут же назначу тебя владыкой Сюника. Только в смерти Мхитара ищи свое спасение и спасение своей страны.

Незаметная улыбка пробежала по бледным губам Тэр-Аветиса. «Кто тот храбрец, который сумеет снести голову Мхитара? — подумал он. — Нет его. Нужно убедить Мхитара поскорее покинуть Сюник, чтобы коварный Абдулла не потопил в море крови оставшийся в живых народ».

Хотя Тэр-Аветис видел, что сераскяр подло обманул его, разорил и ограбил Алидзор, но все еще был уверен, что этой тяжелой жертвой он спас страну. Он сдал Алидзор, чтобы жили другие города и села. И они будут жить. Паша подарил сотнику Мигpану владения его отца, он вручил мелику Муси Агулис и Ордувар. Они избавлены от резни. Остается убедить пашу больше не

устраивать погромов, довольствоваться Алидзором и их искренней покорностью. А посему надо заставить Мхитара уехать из Сюника, чтобы дать возможность как-нибудь сохранить народ, не толкать его снова в пекло смерти.

Во время пира Тэр-Аветис говорил с пашою только об этом. Паша обещал больше не совершать в Сюнике набегов, но, как и прежде, требовал, чтобы армяне схватили Мхитара или же обезглавили его.

— Лишь только тогда я поверю в искренность вашей верности и пощажу армянский народ.

Наступило третье утро после падения Алидзора.

На большой площади, где еще стояла окровавленная плаха, показались муллы турецкой армии. Они шли, сопровождаемые барабанной дробью. Вскоре со всех сторон начали стекаться уже уставшие от грабежа и крови аскяры. Главный мулла, читая из корана какие-то касиды, повел массу правоверных к алидзорской церкви Божьей матери.

— Что хотят предпринять последователи пророка? — спрашивали друг друга аскяры.

— Сегодня день священного огня, или вы забыли об этом, мусульмане? — отвечали старые воины. — Аллах требует жертв за дарованную им победу.

Муллы подошли к церкви, оттолкнули тяжелый засов и выстроились вдоль двора. Аскяры вошли в храм и вытащили запертых там духовных отцов. Первым вышел со скрещенными на груди руками Мовсес. Переступив порог церкви, он воскликнул:

— Благослови меня, боже!

То же повторили шедшие за ним священники.

После них из церкви вывели Сатеник, Зарманд, жену Владимира Хлеба и еще несколько десятков женщин. Зарманд одной рукой поддерживала тикин Сатеник, другой сжимала запястье маленького Давида. Пергаментное спокойное лицо тикин Сатеник выражало невозмутимую силу и решимость, заставляя каждого проникнуться к ней уважением. Маленький Давид прижимал к груди крохотное, размером со свою ладонь, евангелие в кожаном окладе.

Муллы окружили обреченных. Мовсес вдруг запел мощным басом:

Благослови меня, Господи,

Боже, люби невинных,

И да спаси, боже, скитальцев,

Сирот и вдов прими, Господи…

Ему вторили другие. Даже маленький Давид пел вместе с матерью:

Бессмертия луч,

Укажи мне путь

Вознестись в небеса…

Муллы били несчастных. Но пленные не умолкали. Они падали, снова вставали, поддерживая друг друга, и, собрав последние силы, продолжали петь, зная, что идут на смерть. Так, истязая, их и довели до площади. Здесь на глазах обреченных на смерть армянских монахов, женщин и детей стали сооружать костер из дров, хвороста, дверей, снятых с ближайших домов, и деревянных изгородей. Зарманд прикрыла полой кафтана лицо Давида, чтобы ребенок не видел творящегося ужаса. У Мовсеса охрип голос, но он все шептал слова молитвы.

Пленных стали сгонять в круг и валить в костер. И тут неожиданно прибыл конный гонец паши и сообщил главному мулле, что по приказу паши он должен увести находившихся среди пленных женщин. Зарманд посадила Давида на плечо и пошла впереди всадника, обнадеживая тикин Сатеник.

А костер пылал, разбрасывая искры.

Много, ох как много жертв было принесено аллаху в этот день…

Комната, в которой были заперты Вард-хатун и жены Миграна и Пхиндз-Артина, имела лишь одно узкое окно, которое выходило на площадь. Женщины уже знали, что турки заняли город, но они не знали, что случилось с их близкими. За три дня мужья ни разу не навестили их. А сторожившие аскяры не разрешали им выходить даже в коридор.

Неизвестность угнетала и тревожила сердце сына Тэр-Аветиса, юного Гигана. Силясь увидеть и узнать что-нибудь, он, затаив дыхание, неотрывно

смотрел из окна во двор. «Где Агарон, что с ним?» — мучительно думал он. Когда турки ворвались в город, его не было в полку. Ребята сами бросились на врагов, и многие пали, сраженные турками. Пал бы и сам Гиган, если бы посланные отцом люди не схватили его и не привели сюда. Что стало с оставшимися, спасся кто-нибудь или все погибли в этой ужасной бойне? Больше всего его беспокоила судьба Агарона. Сжималось сердце, когда он думал, что и тот мог погибнуть… Он много раз пытался выбраться из своего заключения, но часовые не выпускали.

И вот с самого утра он не отходил от окна, напряженно глядел на площадь, надеясь узнать что-нибудь о товарищах.

Вард-хатун сидела на каменном полу и, держа младшего сына Парсадана на коленях, уговаривала его уснуть… По правую сторону от нее, тоже на полу, сидели жены сотника Миграна и Пхиндз-Артина со своими детьми, служанками и родственницами. Все молчали. Красавица жена Пхиндз-Артина выплакала все глаза, теперь лишь тихо всхлипывала. Только белолицая, светловолосая супруга сотника Миграна с безразличным спокойствием жевала жвачку, раздражая чавканьем Вард-хатун.

— Боже мой, с ума можно сойти, узнать бы, что происходит на воле? — прервала молчание жена Пхиндз-Артина. — Хоть бы наши подали какое-нибудь известие. Исчезли, будто в тюрьме нас оставили.

— Вести с развалин? — бросила Вард-хатун. — Турки захватили город и грабят его. Какие еще известия? Горе нам.

Гиган крикнул с окна:

— Сжигают!..

Женщины подбежали к окну.

— Что сжигают, где? — в ужасе спросила Вард.

— Наших священников. Их бросили в костер! Смотрите…

Оторопевшие от ужаса женщины припали к окну. Жена Пхиндз-Артина не выдержала. Царапая голую стену, она опустилась на каменные плиты и зарыдала… Дети подняли вопль. Аскяр, стуча в запертую дверь, угрожая,

потребовал замолчать. Дети застыли в страхе. Вард-хатун, сжавшись в комочек, продолжала смотреть в окно. Вдруг она засуетилась и испуганно крикнула:

— Женщин взяли, ой… Ведут Сатеник, Зарманд. Смотрите!.. О ужас!.. Во что обратили несчастных? Иисусе Христе! — Она попыталась открыть окно, но створка была крепко закрыта. Обида, ревность, которые она еще вчера питала к Сатеник и Мхитару, мгновенно исчезли. Вард-хатун уже не помнила о том, что отчасти сама была причиной содеянного Тэр-Аветисом.

— Сатеник! — крикнула она. — Сатеник, дорогая моя!..

Израненная, измученная, но не потерявшая самообладания и духовной гордости Сатеник посмотрела на Вард-хатун и отвернулась.

— Куда ведут тебя эти палачи, Сатеник?

— Спроси у своего изменника мужа, — крикнула Зарманд, несущая на плече Давида. — Это он продал нас, он открыл ворота Алидзора и отдал нас туркам! Ликуй!..

— О горе!.. — выдохнула Вард-хатун и бросилась на пол. Гиган подскочил к матери.

С минуту Вард-хатун билась на полу, подобно зарезанной курице, затем, оттолкнув сына, бросилась к двери и начала бить руками и ногами в дверь.

— Откройте! — вне себя кричала она. — Откройте скорей! Я хочу видеть мужа, отведите меня к Абдулла паше.

— Ха-ха!.. — захохотал по ту сторону двери охранник. — Ты хочешь пашу, ханум? Потерпи, он совершает священный намаз.

Вард-хатун потеряла сознание.

Вскоре пришли две армянки и один турок и увели семьи сотника Миграна и Пхиндз-Артина. В узкой комнате осталась запертой лишь Вард-хатун с детьми.

От Абдулла паши Тэр-Аветис вышел крайне возбужденным. Он шел шатаясь, еле держась на ногах, глаза застилал туман. Ему не удалось убедить сераскяра отпустить отнятых у родителей в Алидзоре две тысячи девочек и мальчиков. «Мальчики будут обрезаны и записаны в янычары, — сказал

паша, — а девочек пошлю в Стамбул в подарок султану». Не помогли ни мольбы, ни упоминание об обязательстве, которое подписал паша и к которому он приложил печать перед вступлением в Алидзор. «Договоры и клятвы — все на острие моей сабли».

Мысль о том, что он обманут в своих надеждах, и что час раскаяния приближается, обжигала его душу.

Он и не заметил, как вошел в комнату, где накануне запер жену и детей. Очнувшись от глубоких размышлений, оглядел измученным взором освещенную лишь одной лампадой комнату. В глубине ее, в углу, прижав к себе обоих детей, стояла Вард-хатун, стояла так, словно готовилась наброситься на зверя, собиравшегося вырвать у нее детей.

— Вард! — стараясь казаться спокойным, заговорил Тэр-Аветис и направился к жене и детям.

— Не подходи, отступник! — прохрипела Вард.

— Приди в себя, Вард, — просил Тэр-Аветис. — Не суди меня, я не отступник. Ты же сама говорила?..

— Ты отступник, изменник! — задыхалась Вард-хатун. — Зачем ты сдал Алидзор? Не я же тебя об этом просила!..

— Сдал, чтобы не истребили весь наш народ.

— И думаешь, что стал спасителем армянского народа, несчастный! Какой ты теперь дашь ответ Мхитару, предатель! Нет, не Мхитару, а что ты скажешь мне, наследнице владыки этого города! Что ты ответишь своим детям!

Вард-хатун вдруг дала мужу две звонкие пощечины. Тэр-Аветиса охватила ярость, из глаз его, казалось, посыпались искры, но он попятился назад и жалобно произнес:

— Не презирай меня, Вард. Погибающий хватается за змею. Не ты одна, многие не понимают меня.

Вард-хатун в отчаянии проливала слезы. Маленький Парсадан, подложив руку под головку, уснул на полу. Перед глазами Тэр-Аветиса встали кошмарные события последних дней — сегодняшний костер на площади, холм

из голов его соотечественников. Абдулла паша с крашеной бородой, со взором тигра. Вот он, Тэр-Аветис, стоит перед ним на коленях и молит его пощадить духовных отцов, не сжигать их. О! Тигриные глаза паши, похожая на дыню голова!.. Сколько таких голов снес на своем веку Тэр-Аветис? И вот теперь он стоял на коленях перед этим человеком и молил о милосердии. А как забыть полные презрения и ненависти глаза тикин Сатеник? Крик маленького Давида?.. Паша уступил мольбам Тэр-Аветиса и отослал назад палача, вызванного для казни тикин Сатеник и ее ребенка. Но его больше всего убивало то, что Сатеник вовсе не обрадовалась такой пощаде. Напротив, видимо предчувствуя худшее, чем смерть, она просила, чтобы не оставляли в живых ни ее, ни сына. По приказанию паши муллы на глазах у матери совершили обряд обрезания над Давидом и вручили его янычару, который собирал детей.

Тэр-Аветиса ждал новый кошмар. Вместо утешения он встретил у армян, у тех, кого хотел спасти, жгучую ненависть, и мир превратился для него в холодную могилу.

В скошенных хлебных полях резвился осенний ветерок. Жаворонки подбирали опавшие зерна пшеницы и пели от удовольствия. Горы были залиты солнцем, тогда как в ущельях низкие облака, подобно отарам овец, медленно ползли к синим водам Воротана.

Повсюду пролегали перерезанные овражками, несуразными отвесными скалами ущелья — одно глубже и страшнее другого, но и неповторимые своей дикой, первозданной красотой. Одно ущелье следовало за другим, одну гору сменяла другая, еще большая, — от долины Арцаха до Севана, от Севана до Сисакана и дальше до песчаных берегов Аракса.

Всюду горы и ущелья, окутанные синим туманом, с таинственным рокотом рек… Таков горный край Армении — Сюник.

По этим бесчисленным ущельям и извилинам гор тянулась дорога, по которой спешило в Сисакан войско князя Баяндура. Одолев в трудных боях в ущелье Вайоц пятнадцатитысячную турецкую армию, армянская конница теперь с легкостью ветра неслась к Алидзору — на помощь осажденным.

Впереди ехали князь Баяндур и мелик Бархудар. За ними, на отбитом у турок быстроходном верблюде, лекари везли раненого мелика Шафраза.

— Неужели и это поражение не послужит им уроком? — сказал князь Баяндур. — Да, не разгроми мы эту армию, сераскяр с ее помощью взял бы Алидзор. Должно быть, печальная весть уже дошла до султана: пусть бесится. Завтра засядем в тылу у Абдуллы, под Алидзором, и он не сыщет и щели, куда бы запрятать голову.

— Не сомневаюсь, что и Мхитар как следует потрепал войско Абдуллы, — сказал мелик Бархудар.

Умолкли. Оба тысяцких мысленно находились в Алидзоре. Через два дня они будут там и ударят с тыла осадившего город врага. Цель ясна: расколоть войска Абдуллы, вынудить его сражаться на двух направлениях. Они не сомневались, что выиграют и этот решающий бой. Не за горами зима, она им на руку. Вот уже снег одел горы в белые рубашки. Скоро он спустится в ущелья и закроет все пути отступления. Турки не посмеют до весны перейти Аракс.

Ветер растрепал густую завесу тумана, и перед алидзорскими беженцами открылись синие воды Воротана.

Мхитар поднял голову. Уже подъехали к Сисакану. Вдали словно прилипло к высокой скале село со скучившимися вокруг монастыря Сисака домишками. Мхитар остановил коня, спешился и устало опустился на землю. Остановились также толпы беженцев. Измученные, исстрадавшиеся и выбившиеся из сил люди уселись на берегу реки.

Всю дорогу Мхитар ехал молча, мучительно думая о причинах нахлынувшего бедствия. Что случилось? Он надеялся на победу, был уверен в ней, а попал в ловушку, расставленную предателем. Потерял жену, сына, потерял Алидзор…

Накануне трагического дня прибывший от стамбульских друзей гонец рассказал ему, что султан страшно гневался на Абдуллу за то, что тот запутался в Сюнике. Персы собрали в Хорасане большие силы и готовятся выступить против турок. Русский посол в Стамбуле Неплюев упорно требует от султана

удалить турецкие войска из Армении. Во дворце султана все чаще поговаривают в пользу отказа от Сюника и примирения с армянами. Оставалось только убедить колеблющегося, легковерного султана. Открывалась долгожданная дверь спасения. Он с нетерпением ждал прибытия войска князя Баяндура и знал — вместе с ним он удержит Алидзор до зимы, а затем, в решающих сражениях, сломит силы врага и изгонит его из Сюника. Все, казалось, шло по задуманному, но вот случилось неожиданное и непоправимое…

Мхитар не прощал себе добродушия и снисходительности, которые он проявлял по отношению к Тэр-Аветису. Почему он не арестовал его, когда тот требовал сложить оружие? Почему он не уничтожил свору заговорщиков? Он раскаивался, но было уже поздно. Не раз перед его взором возникал строгий, умный взгляд Давид-Бека. «Властитель обязан не щадить даже себя, отрубить собственную руку, если она ослушается, изменит ему», — не так ли учил великий полководец? Не так ли поступал он, когда кто-нибудь изменял родине?

Погруженный в тяжелые мысли, Мхитар не заметил показавшуюся вдали конницу.

— Наши! Прибыл князь Баяндур! — крикнули алидзорцы и бросились навстречу скачущей к ним коннице.

Заметив толпу беженцев, князь Баяндур почувствовал недоброе. Что это значит? Кто это такие? Неужели алидзорцы? Почему они здесь, толпой? Он пришпорил коня и, подъехав к толпе, заметил среди них Верховного властителя. Мрачное, исстрадавшееся лицо Мхитара было трагично.

— Тэр Верховный, неужели?.. — спрыгнув с коня и шагнув к окаменевшему Мхитару, запинаясь спросил князь.

Сошли с коней и остальные. Воины словно онемели. Даже раненый Шафраз, привязанный к спине верблюда, поднял голову и посмотрел удивленно на беженцев.

— Да, Алидзор в руках турок! — крикнул исступленно Агарон.

— Что? — вскрикнули одновременно князь и мелик Бархудар и, сделав

шаг, остановились как вкопанные.

— Он не пал, его отдали, — поправила Агарона Гоар. — Тэр-Аветис предал. — И, взглянув на отца, она сокрушенно добавила: — И твой сын, отец, и с ними Пхиндз-Артин. Отдали город. Погибло все. Гибнет наша страна. Горе нам!..

Мхитар стоял безмолвно, задыхаясь от гнева. Он не смог произнести ни одного слова, едва различал слова Гоар.

— Турки штурмовали без конца. Но тщетно. Мы били их нещадно и не падали духом. Знали, что вы скоро придете. Тысячи турок пали под стенами Алидзора. Выдержали бы осаду хоть три года, если бы на рассвете прошлой субботы предатели не открыли крепостные ворота… Началась резня… Мы еле спаслись…

Воины, опустив головы, стояли молча. Случилось то, чего совершенно не ожидали. На что надеялись и что вышло? Мелик Бархудар стал бить себя по седой голове.

— Я должен был задушить собаку, задушить! — вопил он. — Змею вскормил в своей семье. Запятнал наш род, изменник. Ах!

— Но что заставило Тэр-Аветиса? — удивлялся князь Баяндур. — Кто мог ожидать от него такое? — покачав седой головой, с горечью повторял он.

Спешить было уже некуда. Ночь провели здесь же, на берегу реки. Мхитар велел послать в Алидзор лазутчиков. А утром вместе с беженцами и войском отправился в Пхндзакар. Верховный властитель решил укрепиться там, собрать снова силы, твердо намереваясь сопротивляться врагу.

Только рассвело, как Тэр-Аветиса позвали к паше. Тысяцкий, не сомкнувший глаз всю ночь, тяжело поднялся с каменного пола. Он осунулся, глаза потухли, нос заострился. Когда собирался выйти, посланец паши сказал:

— Паша просит, чтобы армянский кешиш привел с собой свою ханум[84] и детей. Он хочет одарить их.

---

[84] Ханум — госпожа, правительница (тюркск.).

Тэр-Аветис в ужасе посмотрел на жену. Но она нисколько не воспротивилась велению паши. Взяла за руку только что проснувшегося Парсадана и пошла следом за посланцем.

Во дворе Армянского Собрания царила суматоха. Аскяры суетливо разбирали шатры, грузили на верблюдов и мулов тяжелые тюки. Конница сипаев в полной готовности стояла у ворот.

Под сенью орехового дерева, на складном стуле, сидел Абдулла паша. Перед ним смиренно стояли Коч Али, Крх Чешмиш, мелик Муси, сотник Мигран и несколько мулл. Все были вооружены и в бронях. За спиной сераскяра стояли полумесяцем остальные паши, главный мулла, советники-европейцы. Они также были при оружии и в походной одежде. Слуги пашей еле сдерживали оседланных коней. «Убираются, — подумал Тэр-Аветис, и сердце дрогнуло от радости. — Уберутся, избавимся». Он подошел и, когда до сераскяра оставалось несколько шагов, подтолкнул сыновей и вместе с ними пал ниц.

— Вставай, высокочтимый тысяцкий, — сказал ласково Абдулла. — Сегодня день нашего братского расставания. Я пожелал повидать тебя, твою благородную супругу и твоих детей. Рад, безумно рад. — Он бросил на Вард-хатун мимолетный взгляд и, глядя на вставшего на ноги тысяцкого, продолжал: — Вот я покидаю вашу страну, армяне. Радуйтесь, так как самый милосердный среди султанов смотрит на вас благосклонно и проявил божественную милость. Он избавил ваш город от непокорного и мятежного Мухитара. Для защиты вашей жизни и ваших детей султан повелел оставить в Алидзоре Коч Али и Крх Чешмиш пашей с их двадцатипятитысячным войском.

У Тэр-Аветиса потемнело в глазах. Он окончательно понял, что потеряно все, не сбылись даже последние, жалкие надежды.

— Любите пашей и покоряйтесь им, армяне! — продолжал сераскяр. — Кормите, одевайте их войско, как своих братьев. Затем, вы должны изгнать из своей страны безродного рамика Мухитара и создать вечный мир в этой стране, принадлежащей распорядителю дел вселенной — султану. Знайте, армяне,

турецкое войско покинет Алидзор лишь тогда, когда уже не будет Мухитар паши, и знайте, что Верховным властителем вашей страны, по велению султана, будет тот армянин, который привезет ему голову Мухитара.

Абдулла умолк на миг, погладил отвисший подбородок, медленно встал и, глядя прямо в безжизненные глаза Тэр-Аветиса, продолжал:

— Я хочу немного порадовать тебя, брат мой Тэр-Аветис. Я знаю, что твоя родовитая супруга и твои смиренные дети давно мечтают увидеть божественные берега Босфора и поднебесный храм Айя-София. Я считаю своим долгом сделать им добро — взять их с собою для отправки в Стамбул.

— Зверь! — закричала Вард-хатун и, потеряв сознание, рухнула наземь.

Тэр-Аветис простерся у ног паши.

— Пощади, пожалей, во имя аллаха! — умоляюще просил он. — Пусть останутся дети, останется жена!.. Не зарежь несчастного, оказавшего тебе услуги.

Аскяры схватили бесчувственную Вард-хатун. Гиган попытался сопротивляться, защитить мать, но ему нанесли оглушительный удар по затылку и, связав веревками, увели.

— Отец, спаси нас, отец! — барахтаясь на руках одного из аскяров, кричал Парсадан.

Между тем распростертый на земле Тэр-Аветис рвал на себе волосы, одежду, хватал окровавленную землю и рычал нечеловеческим голосом. Настала для него страшная пора раскаяния. Потеряв окончательно былой неукротимый дух военачальника, он лежал как жалкое, беззащитное существо.

Так умер живым один из отважных военачальников Сюника.

Старческой, покачивающейся походкой он направился ко дворцу Армянского Собрания, по ступенькам которого он некогда поднимался как гордый победитель, довольный своей судьбой и ратной славой. Стоявшие на лестнице турецкие аскяры оттолкнули его назад. Откуда-то вышел слуга мелика Муси и бросил к его ногам хурджин — единственное достояние, оставшееся у Тэр-Аветиса.

Тэр-Аветис поднял хурджин, достал из него старую священническую ризу тридцатилетней давности, затем сорвал с себя одежду военачальника, которую он с достоинством и гордостью носил в течение многих лет, и облачился в одежду монаха. Он повернулся лицом в сторону кафедральной церкви Алидзора, простер руки и со слезами в глазах крикнул:

— Перед тобой предатель, господь мой, бог мой. Сверши свой суд над ним!..

Глазами, полными мучительного раскаяния, Тэр-Аветис посмотрел на полуразрушенный Алидзор, увидел удалявшихся турок, которые гнали связанных цепями и веревками пленных. Среди них он заметил Зарманд и тикин Сатеник. Сердце больно кольнуло. Он закрыл глаза. Крупные капли слез упали на дрожащую бороду.

Оставшиеся в Алидзоре турки криками радости провожали Кёпурлу Абдулла пашу. Никто не обращал внимания на жалкого, полуживого старца, одно имя которого еще недавно вызывало в них страх. Когда арьергарды уходившей армии покинули город, Тэр-Аветис с посохом в руке подошел к воротам. Турецкие стражники не воспрепятствовали ему выйти из города, хотя и узнали его.

К вечеру, когда садилось солнце и сумерки окутали горный край, Тэр-Аветис достиг высот горы Хуступ. Он остановился, поднял голову и, тяжело вздохнув, оглядел нагорье. Ему знакомы и бесконечно дороги были эти места, где он прославился победами над врагом. Несмотря на сумерки, он отчетливо различал села и замки, где перед ним расстилали ковры и преподносили дары. Виднелись дороги, по которым он мчался на своем коне, гордый, как орел в своем царстве. А ныне… Все ушло, все похоронено… Ныне над ним висит тысячеустое проклятье своего народа, родных, друзей.

— Прости меня, господи!.. — прошептал Тэр-Аветис и, словно напуганный чем-то, повернулся и побежал к ущелью… Дойдя до старинной часовни, возле которой он когда-то пировал с Мхитаром, возвращаясь из Мараги после блестящей победы, опустился на колени. Тогда он своей рукой

повесил на стене часовни образ богоматери и с чашей вина в руке восславил ее. Первое, что он заметил, войдя в тускло освещенную двумя свечами часовню были грозные глаза богоматери. Перед образом, опустившись на колени, молился гусан Етум. Тэр-Аветиса проняла дрожь. Ему почудилось, что этот старец — сам Христос, явившийся сюда на последний суд над ним. Он попятился к двери, но голос гусана остановил его.

— Не бойся, отступник! Приложись к этому святому образу, который некогда ты повесил здесь, — сказал он, затем встал, подошел к нему и добавил: — Предатель, наша страна никогда не простит тебя, нет!.. Проклятье и презрение отныне твой удел. — Он плюнул в лицо сжавшегося от стыда и раскаяния священника и вышел из часовни.

Тэр-Аветис подполз на четвереньках к иконе и, простирая руки, крикнул:

— Матерь небесная, прости. Я разгневал тебя великими грехами. Молю тебя, о милосердная дева… Прости заблудшего. Обманутый нечестивым дьяволом, я пошел по неверной дороге, исполнил его злой совет. Святая богородица, я пришел к тебе и молю очистить мою душу от пролитой по моей злобе крови. Помилуй, святая дева, помилуй!.. Голосом Манасе молю тебя: помилуй!

Все начинается вновь

Крепость Пхндзакар и днем и ночью кипела как котел. Сюда стекались все новые толпы людей, спасшихся от алидзорской резни. Шли воины и горожане. Шли крестьяне из дальних и ближних сел горного края.

Мхитар разослал меликов и военачальников во все гавары: надо было создавать новое войско.

Набирая добровольцев, князь Баяндур дошел до Утика и Казаха, а мелик Еган проник в плененный врагом, но не покоренный Арцах. Цатур и Горги Младший добрались до Бжни и Котайка.

Прошло не так много времени, и все они стали возвращаться в Пхндзакар с

группами добровольцев.

Приходилось почти все начинать вновь. До наступления зимы надо успеть пополнить армию, вооружить и обучить добровольцев…

После ухода Абдулла паши Коч Али и Крх Чешмиш паши вместе с сотником Мигpаном и меликом Муси то и дело совершали набеги на ближние села. Но добыча у них была малая. Свой скот и запасы продовольствия армяне надежно упрятали в недоступных горных расщелинах. Врага они повсеместно встречали с оружием в руках. Грабители было достигли Дзагедзора, но верный Мхитару хранитель крепости Бандур-Закария, возглавив население Гориса, оказал такое сопротивление, что паши вынуждены были отступить. Правда, отступая, они напали на крепость Воротан и село Шинуайр, но и отсюда ушли ни с чем.

Мигран и мелик Муси уговаривали турок покинуть Алидзор, всей армией напасть на Пхндзакар и уничтожить вновь сколоченные силы Мхитара. Но паши из горького опыта знали, как опасны столкновения с армянами в горных ущельях, и потому решили спокойно перезимовать в Алидзоре, в ожидании, пока Абдулла паша разделается с Персией и вернется со своей армией в Сюник.

— Нам спешить некуда, — говорили они предателям-армянам, — запасов провианта и фуража в Алидзоре больше чем достаточно, а Мхитар обломает себе зубы, коли рискнет выступить против этой неприступной крепости. Переждем до весны…

Скоро снег сполз с вершин в горные долины и плотно укрыл все дороги и тропки. Тоскливо завыли вьюги. Суровая зима сковала страну Армянскую.

Горный край словно бы заснул вечным сном. Но это только так казалось. И в Алидзоре и в Пхндзакаре бодрствовали и днем и ночью.

Турки вели тайную войну против армян. Они засылали в Пхндзакар наемников, надеялись завербовать в войсках Мхитара единомышленников и с их помощью подорвать единство армян. Но зря надеялись: как правило, наемники эти присоединялись к воинам Мхитара и в Алидзор не возвращались.

Как-то князь Баяндур сказал Мхитару:

— Наши люди видели в Севанском монастыре Тэр-Аветиса. Говорят, он в рясе священника. Часами коленопреклоненный стоит перед хачкарами. Плачет и молится…

— За чьи-души-то молится? — с недоброй улыбкой спросил Мхитар.

— Верно, пытается искупить свои грехи.

— И как? Удается?

— Кто его знает… — пожал плечами князь Баяндур. — В руках у него, говорят, всегда какая-то цепь — лупит себя без устали. На теле живого места нет — весь в кровоподтеках. Я хотел послать людей, чтобы его прикончили…

— И чем скорей, тем лучше! — бросил мелик Бархудар.

— Не делай этого, — не без грусти в голосе сказал Мхитар. — Тэр-Аветис и без того уже мертв. Мертв для нас и для наших врагов. Он ведь по-своему тоже надеялся спасти Армянскую землю, да только заблудился, не по тому пути пошел. Мне его жаль…

Все примолкли. Может, вспомнили времена, когда Тэр-Аветис, припав к уху коня, без страха бросался на врага, воодушевляя всех своим примером и могучим голосом. Что столкнуло его с пути? Что заставило открыть ворота Алидзора и сдать город врагу, против которого он бился неистово? Неужто такой умудренный опытом воин не понял, что спасение страны лишь в одном — в сопротивлении до последней капли крови?..

А однажды Тэр-Аветис появился и в самом Пхндзакаре.

Хлопьями валил снег. Казалось, небо осело на горные вершины — протяни руку и тронешь его. Было тихо, безветренно. Бесчисленные звездочки снежинок мягко опускались на груды кизяка, на крыши домов, на поля.

Тэр-Аветис скатился как гром на голову. Он являл собой очень печальную картину. С непокрытой головой, в трехах. Изодранные штаны едва прикрывают колени. Ряса вся истлела, висит лохмотьями. На груди крест с отломанным концом, а в руках и правда цепь…

Шел он медленно. Большими ввалившимися глазами своими впивался во все, что видел на пути. Снег падал на его космы, на синие от стужи полуголые

плечи, на бороду…

Воины сначала не обратили внимания на этого странного человека, приняли его за нищего. Но, увидев, как он бьет себя цепью, с опаской подошли поближе.

— Кто ты есть? — спросили из толпы.

— Предатель я. Презренный предатель, — спокойно ответил Тэр-Аветис, а голос при этом у него дребезжал, как ржавое железо. — Дайте дорогу предателю, праведные люди. Дорогу…

— Сумасшедший, — заключили воины.

Но иные узнали Тэр-Аветиса. Цатур подошел к некогда прославленному тысяцкому и, окинув его недоверчивым взглядом, спросил:

— Тэр тысяцкий, неужели это ты?

— Я, — со вздохом ответил Тэр-Аветис. — Ха-ха, узнали предателя? Чего же медлите? Берите камни, бейте изменника. Сказано ведь: «Согрешивший грехом своим мается». Я достоин самой жестокой расправы. Карайте! Не я ли учил вас без жалости уничтожать изменников? Ну, чего застыли, армяне?..

Толпа воинов и крестьян все росла. Молодые, толкая друг друга, протиснулись поближе. Дети забрались на крыши. Пришли даже женщины. Всем хотелось своими глазами увидеть вчерашнего победителя, ныне предавшего своих.

Сопровождаемый толпой, Тэр-Аветис дошел до дома, в котором жил Мхитар. Стражники грозно скрестили перед ним копья. Тэр-Аветис подставил открытую грудь под копье и взмолился:

— Пронзи мою грудь, храбрый воин, только дай сначала в последний раз увидеть Мхитара…

Мхитар вышел в накинутой на плечи шубе. Мрачно взглянул на своего бывшего сподвижника и друга и отвернулся.

— Боже праведный, и это он? — сказал идущий следом мелик Бархудар.

— Он, конечно он, — подтвердил кто-то в толпе.

Тэр-Аветис посмотрел на всех, остановился мутным взглядом на Мхитаре

и с горечью сказал:

— Послушай меня, Мхитар, послушайте, военачальники, я не затем пришел к вам, чтобы просить пощады и прощения. Боже упаси… Я прошу, заклинаю вас, накажите меня перед народом и войском. Накажите за Алидзор, за кровь армян, за жену мою и детей, за твою жену, Мхитар! И за сына, которого подвергли обрезанию. За все то зло, что я причинил вам в ослеплении, вам и всему своему народу! Убейте меня. Я заслужил это. Только не считайте предателем, — голос его дрогнул, — я хотел спасти наш несчастный народ, пусть ценой своей жизни и жизни детей моих… Хотел спасти, но был обманут. Сыны ислама обманули меня, и нет больше Алидзора!.. — Он повернулся лицом к толпе и возопил: — Армяне, не верьте туркам! Никогда не верьте, ни сегодня, ни завтра, ни во веки веков!..

Тэр-Аветис горько зарыдал. Вокруг все молчали — их будто холодной водой облили. Не меньше других был взволнован и Мхитар.

— Покарай меня, Мхитар! — снова закричал Тэр-Аветис. — Покарай так, как мы вместе с тобою карали предателей. Уничтожь меня, только сними клеймо изменника! Зови палача, не медли!

— Не будет палача, — покачал головой Мхитар. — Сам бог уже наказал тебя, отняв разум. Иди, Тэр-Аветис, я не обагрю рук твоей кровью. Удались из наших мест, не причиняй нам нового горя своим присутствием!

Мхитар снял с плеч шубу, накинул ее на Тэр-Аветиса и быстро пошел со двора… А бывший тысяцкий повалился в снег и закричал:

— Господи, направь стопы мои! Пошли мне смерть!

Он закрыл лицо потрескавшимися ладонями и, вскочив на ноги, бросился бежать.

Шуба осталась лежать на снегу.

Вскоре Тэр-Аветис спустился в ущелье и исчез в снежном тумане…

Турки прочно засели в Алидзоре. Они очистили от трупов дома, караван-сараи и церкви и разместились в них со всем награбленным добром и с лошадьми. Не сумев одолеть окрестные поместья-замки и сломить

сопротивление их малочисленных гарнизонов, Коч Али и Крх Чешмиш паши засели со своим войском в городе-крепости и принялись пожирать запасы продовольствия.

Засыпанные снегом улочки были пустынны. Только вороны каркали на развалинах да собаки грызлись на мусорных свалках.

Но однажды утром турки вдруг всполошились — столпились на крепостных стенах и застыли в изумлении. Отряхивая тяжелые войлочные бушлаты, взобрались на главную башню и паши. Они тоже посмотрели вниз и ужаснулись: все холмы, поляны и ущелья были усеяны бесчисленным войском.

— Что это? — нервно сглатывая слюну, спросил Крх Чешмиш паша, глянув в упор на стоявшего рядом Миграна.

— Войско Мхитара, — пробормотал сотник.

— Откуда у него столько войска? — посинел паша.

— Выходит, сумел собрать…

— Шайтан! — взревел Коч Али. — Хитер Мухитар паша, но это его последний вздох перед смертью. Едва ли он выдержит до весны.

Воины вокруг успокоенно вздохнули, иные довольно хихикнули. Сытые, разжиревшие от безделья, они принялись на чем свет стоит поносить армян. Слишком уж велика была их вера в неприступность города и в силу своего численного превосходства.

И все же покой османской армии был нарушен. Привычный ритм изменился. Отныне следовало и днем и ночью наблюдать за противником. А время от времени турки даже совершали небольшими отрядами ночные вылазки, в надежде захватить пленных, но успеха в этих предприятиях они не имели. Армяне зорко следили за всеми их действиями.

Воины Мхитара нарыли в ущелье и в лесных чащах землянок и, устроившись в них, фактически окружили город. Армяне знали: зима затянется, и туркам придется туго — продовольствия им хватит ненадолго.

Дни текли медленно и однообразно. И потому в этом видимом спокойствии особое волнение вызвал неожиданный взрыв: в небо вдруг взлетел

пороховой погреб, что рядом с церковью.

Огненный смерч слизнул ближние конюшни и продовольственные склады.

Турки с криком выбегали из своих пристанищ. Поначалу они не понимали, что произошло. Думали, это армяне устроили под крепостной стеной подкоп, заложили порох и взорвали.

Паши вместе с меликом Муси и Миграном поспешили к охваченным паникой полкам.

Когда выяснилось наконец, что произошло, Коч Али паша одним ударом сабли срубил голову капучи-баши[85].

— Тушите пожар! — яростно закричал он.

Однако турки не успели еще прийти в себя от происшедшего, как новый столб пламени взвился в небо неподалеку от базара. Падающие с неба снежинки окрасились кровавым цветом пламени, и казалось, будто идет огненный дождь.

— Шайтан, шайтан! — отмахивались руками сбившиеся в кучку муллы.

— Горят продуктовые склады! — кричали люди со стороны базара.

— Помогите, эй! Аллах-аман, помогите!.. — неслось со всех концов.

Воины бросились к складам, но было уже поздно. Пламя бушевало, словно в аду, — не подступиться. Лопались раскалившиеся глиняные карасы с растительным маслом, горело заготовленное впрок вяленое мясо, копчености. Город утопал в дыме и пепле. Ни один человек не решался подойти к складам.

Разъяренные турки бросились искать злоумышленника. Переворошили все дома и церкви. Кое-кто, правда, считал, что пожар этот — ниспосланное небом бедствие. И потому муллы усердно били в бубны — отгоняли злых духов.

Только к утру унялся пожар. Сгорел весь запас пороха и почти все продовольствие. Аскяры впали в отчаяние.

Спустя два дня где-то загорелся стог сена, а вслед за тем кто-то ночью забрался в конюшню и перерезал сухожилия ног у всех лошадей, что там

---

85 Капучи-баши — начальник (комендант) крепости (капу — дверь, баши — голова, начальник — тюркск.).

оказались.

На этом дело не кончилось. В течение недели были убиты несколько аскяров, и все ночью. Поднялась паника: шутка ли, засыпая, никто не был уверен, что к утру останется жив. Нашлись и такие, кто считал, будто в городе поселились дэвы и надо, мол, покинуть его, чем скорее, тем лучше. Не то до таяния снегов всех перебьют.

Наконец кое-как успокоили воинов. Но скоро снова случился пожар: загорелась казарма полка «Опора страны». И опять начались беспорядки и паника. Никто при этом не увидел, как черный призрак спустился в ту ночь по веревке с западной стороны крепости и скрылся в ущелье. В лесу человек-призрак остановился, оглянулся, посмотрел на полыхающую казарму и довольно хихикнул…

Это был Тэр-Аветис.

Армянское войско все пополнялось. Новые и новые отряды ополченцев приходили из ближних и дальних сел. Они пересекали обледенелые горы, шли по заснеженным тропам, преодолевали множество преград, но шли в лагерь к Мхитару.

Воины заводили их в свои теплые землянки, отогревали у очагов, а обмороженных отпаивали соком кизила и шиповника и зарывали в теплый конский навоз. Пришельцы стаскивали с одеревенелых ног наполненные саманом трехи, сушили у огня свои длинные шерстяные носки, а надето их было по нескольку пар — для тепла.

Мхитар обходил прибывших и все расспрашивал, нет ли у кого вестей об армянах, плененных в Алидзоре, не знает ли кто, куда их угнали, где будут продавать в рабство? Но все отвечали одно и то же: «Слыхали, что пленников угнали в Тавриз, а правда ли это, не знаем».

Мхитар ни словом не обмолвился о жене и сыне, угнанных в плен, и Агарону строго наказал молчать. А сердце тем не менее кровоточило, и чем дальше, тем больше. Сатеник ни на секунду не забывалась. Девятнадцать лет эта несчастная женщина не видела ни одного светлого дня, молча переносила

все невзгоды, все обиды, что причинял ей муж. И преданно любила несмотря ни на что. И вот как обернулось… О господи, и почему тяжелые цепи плена легли на ее хрупкие плечи? Уж лучше бы она, и сын, и все другие погибли в Алидзоре и тем увенчали бы свою жизнь ореолом мученичества, восславившись в народе!.. Каково это — испытать всю горечь плена?..

Хотя спарапет и скрывал свою скорбь, приближенные видели его страдания, слышали тайные вздохи. А Гоар как-то даже заговорила с ним об этом, когда Мхитар прибыл к ней в полк, только что сформированный из ополченцев.

После осмотра казарм он возвращался к себе в шатер. Гоар шла проводить его.

— Ты держишься очень мужественно, Мхитар! — сказала она.

— А что мне остается? — с грустью пожал он плечами.

— Но блеск твоих глаз потух и шагаешь уже не так твердо, как прежде, — продолжала она.

— Возможно…

— Не дай горю сломить тебя. Помни, что вся армия живет тобою, и народ тоже… Отправь человека в Персию, — посоветовала Гоар, — пусть пойдет по следам пленников, попытается найти Сатеник и сына. А найдутся, так и выкупить можно. Я слыхала, что пленников продают на невольничьем рынке в Маку. Попытайся.

— Ты думаешь, Абдулла мог пощадить мою жену и сына? — не без надежды в голосе спросил Мхитар.

— Во всяком случае, попытаться надо.

После долгих раздумий Мхитар призвал к себе гусана Етума и, снабдив его достаточной суммой денег, направил втайне от всех на розыски жены и сына.

А спустя какое-то время Агарон, встретив отца очень опечаленным, обнял его и тоже сказал:

— Позволь мне, отец, отправиться на розыски матери и брата!

— Нет, сын мой, — покачал головой Мхитар, едва сдерживая слезы. — Ты

теперь мое единственное утешение, и мы должны быть неразлучны.

Густой туман окутал Тавриз. С минаретов кричали турецкие муэдзины. Правоверные мусульмане группами направлялись в мечети к утренней молитве.

Во дворце шаха Тахмаза творилось что-то невообразимое. В бесчисленных залах — великолепных творениях персидских зодчих, где еще недавно беспечно властвовал злосчастный шах Тахмаз, последний потомок династии Сефевидов, — теперь сновали чем-то озабоченные аскяры, важно, словно индюки, расхаживали турецкие паши, разряженные в пестротканые одежды. Хозяйничали тут и муллы-сунниты.

В роскошных зеркальных залах, в богатых хранилищах древних персидских манускриптов, в банях и во дворцовой мечети — всюду царили грязь и зловоние. Паши прямо тут же держали своих лошадей.

Оживление было не случайным. Сейчас здесь собрались все. По всему было видно — готовились к отъезду.

В зале-судилище шаха Тахмаза в полном вооружении восседал Абдулла паша. Перед ним почтительно склонился рослый чауш, с одежды которого на цветной ковер стекали струйки тающего снега.

— Ты принес нам тяжелое известие, — недовольно сказал паша.

Гонец-чауш ударился лбом об пол и взглядом, полным мольбы, посмотрел на стоявших поодаль пашей и главного муллу.

— Видно, на то была воля аллаха, о властелин нашего счастья! — запричитал гонец.

— И откуда только Мухитар набрал такое войско? — удивленно пожал плечами Абдулла.

— Шайтан его знает, — развел руками чауш. — Сколько ни убиваем мы этих армян, они снова как грибы вырастают. Мухитар паша со своей армией осадил Алидзор. Сгорели все запасы продовольствия и пороха. В городе паника. Наши воины попытались было выбраться и отбросить армян, но ничего из этого не получилось. Проклятые гяуры дрались точно дэвы. Тяжелое положение у наших, милостивый сераскяр. Коч Али и Крх Чешмиш паши

коленопреклоненно взывают о помощи…

— О помощи? — сердито буркнул сераскяр. — Сейчас я сам нуждаюсь в помощи. Моя армия растаяла в ущельях Армении, а персияне уже теснят нас. Тахмаз Кули Надир хан осадил Багдад. Куда мне идти на помощь? К багдадскому паше или в Алидзор? — Абдулла помолчал, потом добавил: — Возвращайся-ка лучше в Сюник да передай, что я приказываю удержать Мухитар пашу под Алидзором. Сдадите город, всех перевешаю. Передай еще, что на помощь к вам я приду, как наступит весна и просохнут дороги.

Пятясь назад, гонец вышел из зала. Абдулла впал в раздумье. Опять эти армяне связали нам ноги! И кто только помогает гяурам? Откуда у них берется сила? Никто и никогда не оказывал туркам такого упорного сопротивления. Он, Абдулла паша, сокрушал раньше непобедимые полки египетских мамелюков; большие и малые города Европы, целые страны складывали оружие перед ним, а эти армяне не хотят покориться, они несокрушимы словно гранит.

Абдулла в упор посмотрел на главного муллу и спросил:

— Что пленники? Покончили с ними?

— Все проданы, паша. А мальчиков я отправил в Стамбул, в янычары! — ответил мулла.

— А жена Мухитар паши где?

— По твоему приказу ее мы держим здесь.

— Привести ко мне! — бросил сераскяр.

Тикин Сатеник медленно вошла в зал. Она едва передвигала ноги, но держалась с достоинством, высоко подняв слегка поседевшую голову. Смотрела холодно и спокойно. Эта гордая женщина была сейчас похожа на тысячелетний хачкар, снятый с пьедестала. Уверенно шла она к турецкому паше. Ее вид и особенно печальная, но полная бесстрашия торжественность изумили всех присутствующих в зале. Иные даже на минуту испытали какое-то непонятное чувство страха: кто это перед ними, живое существо или небесный дух отмщения в образе женщины?!

Тикин Сатеник остановилась перед сераскяром и запавшими измученными

глазами впилась в него немигающим взглядом.

Абдулла проговорил:

— Я вижу, что жена армянского спарапета тоже не из робких.

— Малодушны лишь слабовольные! — тихо, но внятно процедила сквозь зубы Сатеник. — Великая смерть — удел великой души…

Паша ехидно усмехнулся, покосился на приближенных и продолжал:

— Госпожа, ты — мать, твой сын — мой пленник. Не хочешь ли ты спасти его от смерти?

Сатеник вздрогнула, глаза ее округлились.

— Он уже спасен! — ответила женщина. Паши вопросительно переглянулись, Абдулла на мгновение помрачнел. — Дух моего сына свободен! — продолжала Сатеник. — Ты не смог убить его душу, паша! Нет, не смог… Не смог, как не сможешь спустить с высот небесных парящего орла, повернуть вспять течение реки. В твоей армии нашлись люди, которые всего за каких-нибудь два золотых исполнили мою волю, освободили душу моего сына от твоих цепких лап!

— Его похитили?! — не своим голосом заорал паша, обращаясь к главному мулле.

— Нет, господин мой, — опустил голову главный мулла, — эта безумная женщина упросила убить своего сына!.. Подкупила аскяра, и тот задушил ее выкормыша…

— Зарезать этого аскяра! Зарезать, как грязную свинью! — кричал паша.

— Он уже убит, — отвечал мулла.

Абдулла с ужасом посмотрел на Сатеник. Она казалась спокойной и невозмутимой, только слегка покачивалась.

— Детоубийца! — зарычал паша. — Аллах свидетель, что такой жестокой матери я отродясь не встречал! Как ты могла предать смерти своего ребенка?!

— Кому, как не мне, матери, было избавить его от вечных страданий, — словно бы про себя прошептала Сатеник. — Вы уже успели подвергнуть его обрезанию и сделали бы из моего мальчика янычара, чтобы он потом всюду

сеял смерть и, как вы, уничтожал невинных детей и матерей своего народа! Такой он бы не был мне сыном, не был бы человеком… Я спасла его, и небо приняло чистую душу непорочного!..

— Я изведу всех армян до единого, чтобы вы в своем исступлении больше не преграждали мне путь. Не оставлю в живых ни души. А тех, кто выживет, обращу в магометанство! Я, я… — Паша посинел.

— Руки у тебя коротки! — вставила тикин Сатеник.

— И ты еще надеешься? На урусов надеетесь?

— С надеждой мы жили века! — снова спокойно сказала Сатеник. — Трудно жили… И всё больше силою своих рук и ума. А теперь поживем с помощью русских! Они придут, обязательно придут! Не сегодня, так завтра. И мечта наша сбудется! Таков он — путь армян!..

— Урусам достанутся только развалины Армении!

Тикин Сатеник не ответила. Помолчал и паша, а потом чуть мягче прежнего сказал:

— Послушай, жена Мухитар паши, будь благоразумной. Я освобожу тебя, прощу все зло, которое причинил нам твой супруг, только напиши ему, убеди, чтобы сложил оружие, подчинился мне, и я буду милосерден к вам. Напиши!

— Никогда! — Голос Сатеник задрожал. — Я первая прокляну его, если он когда-нибудь покорится тебе.

— Но в таком случае мы отрубим тебе голову!

— Рубите!

— Тебя нагую поволокут по улицам.

— Пусть будет так!

— О, аллах! — покачал головой паша. — Что за народ эти армяне? Выведите ее вон! Она колдунья! Предайте смерти. И немедленно.

Сатеник увели. Собравшиеся во дворе муллы при виде пленницы завопили. Женщину бросили на их протянутые руки.

— Жертва аллаха! Жертва!.. — взвизгнул главный мулла… С жены Мхитара сорвали полуистлевшее рубище. Из-за пазухи вывалилась ее рукопись.

Какой-то турок бросил книгу в костер, что горел неподалеку… Сатеник закрыла глаза.

Озверелая толпа дико ревела, подстрекаемая муллами.

— Эта гяурова скверна поносила нашу святую веру! — кричали они. — Убить ее!

— Убить, убить!..

Перебрасывая тикин Сатеник с рук на руки, ее донесли наконец до площади. Одетый в белое мулла, с двенадцатикратно обмотанной чалмой на голове, изо всех сил тряхнул едва державшуюся на ногах Сатеник и закричал:

— В последний раз говорю: прими ислам, и ты станешь любимицей солнцеликого владыки вселенной султана Ахмеда!

Сатеник собрала свои последние силы, глотнула воздух и плюнула в лицо муллы.

Ее бросили в яму.

— Оставайтесь с миром, Мхитар и мой Агарон! — закрыв глаза, шептала Сатеник. — Я прощаю все твои заблуждения, Мхитар, ибо, не любя меня, ты любил самое возвышенное и святое — нашу родину. Прощай, сынок мой, Агарон. Не думайте обо мне плохо и всегда будьте стойки в защите Дома Армянского. Да будет благословен путь вашей жизни. Аминь.

Ее стали заживо засыпать землей. Вот уже видна только голова… И Сатеник потеряла сознание. В отуманенном мозгу мелькнул образ парящего в небе сына — Давида. Он ручонками звал ее… Спустя мгновение все покрылось непроницаемым мраком…

На церковный купол опустились два диких голубя. Было ясное морозное утро. Накануне всю ночь шел снег. Он как бы подновил слежавшиеся старые сугробы и накрыл оголившуюся местами землю да груды развалин. Весело грело солнце. Голуби на куполе резво вспархивали и снова садились. Опьяненные теплом и отдаленным дыханием весны, они, сплетаясь клювами, начинали ворковать… И вдруг снизу вжикнула пуля. Один из голубей упал, другой исчез в небесной высоте… Несколько аскяров одновременно

потянулись к голубю. Рослый янычар с волчьей повадкой, оттолкнув других, прошагал по глубокому снегу и схватил подбитую птицу. Остальные аскяры набросились на него.

Началась бешеная возня. Каждый норовил завладеть голубем. Высокого янычара повалили на землю, изорвали на нем одежду, но он успел вонзить зубы в свою добычу и, защищаясь, наносил направо и налево удары кулаками. Били и его. Вот кто-то рубанул несчастного кинжалом по голове. Десятки рук сразу потянулись к нему и вырвали голубя изо рта бедняги вместе с его зубами. Пичужку разодрали в один миг. Топча друг друга, все барахтались в снегу. Голодная свора воинов потеряла разум.

В осажденном Алидзоре давно иссякли те жалкие запасы продуктов, которые удалось спасти от пожара. Уже сожрали всех лошадей полка сипаев, всех уцелевших в городе собак и кошек. Извели всех ворон. Те, кто половчее, охотились за мышами, пожирали их живыми. Дошла очередь до седел. Поели и их, а вместе с ними все лошадиные шкуры, все ремни.

Так жили целых три месяца. Наконец было съедено все. Голод немилосердно косил людей. Покойников ежедневно сотнями бросали в пропасть. Коч Али и Крх Чешмиша охватил смертельный страх. Уже больше половины воинов умерли от голода, оставшиеся в живых бродили словно призраки среди развалин и чего-то искали: старые лапти, куски кожи… Между тем Абдулла паша не слал помощи, ведь до конца зимы еще было ой как далеко…

Последний гонец, направленный в Тавриз, привез весть, что сераскяр вышел со своим войском в сторону Багдада, а им, как и прежде, приказал сидеть в Алидзоре до весны, пока не откроются дороги, и тогда, мол, он сам, успешно завершив дела в Багдаде, придет им на помощь.

Паши рвали и метали. В не меньшей тревоге пребывали мелик Муси и сотник Мигран. Они хорошо представляли себе опасность, что надвигалась на них, и всячески старались поднять дух пашей, поддержать в них мужество.

В тот день, когда аскяры чуть не поубивали друг друга из-за голубя, паши

прикончили своего последнего коня. Сварив конину, они собственноручно разрезали ее на мелкие куски и раздали аскярам.

Ничего съестного больше не оставалось. Главный мулла армии так отощал, что стал походить на призрак. Он едва передвигался. Голова кружилась. Уже и не молился, ждал тяжкой смерти.

— Это наказание аллаха! — качая головой, шептал мулла. — Аллах не судим, и воля его справедлива… Он бог, и нет другого бога, кроме него…

Муллу никто не слушал.

Как-то вечером пашей посетил вновь назначенный капучи-баши. Поклонился, достал из-за пазухи сверток и протянул им.

— Жареная пшеница, — сказал он со вздохом, — нашел среди развалин. Берите, господа паши, каждому достанется по горсточке.

Он раскрыл сверток. Все жадно впились глазами в пшеницу. Первым протянул руку главный мулла.

— Аллах милостив, — прошамкал он и наполнил рот зерном.

— Куда ни ступим ногой, все разоряем, — тяжело произнес Крх Чешмиш. — Если бы мы сохранили население, такого бы с нами не случилось. Они кормили бы нас. А ведь мы уже не раз учены армянами. В Ереване попали в такую же беду.

— Все в руках аллаха! — снова прошамкал мулла.

— Этой ночью шестеро из сипаев прирезали своего товарища и съели! — с ужасом сказал капучи-баши.

— О, аллах! — содрогнулся мулла.

— И это не первый случай! — продолжал капучи-баши.

Жареная пшеница застыла во рту Коч Али паши.

Он с ужасом смотрел на своих иссохших сподвижников. «Они определенно сожрут друг друга, — подумал паша. — Как же быть дальше?»

Будто в ответ на его вопрос мулла сказал:

— Аллах вверил нам судьбы правоверных. О, паши, найдите выход, спасите детей аллаха. Не то он сожжет ваши души.

Глаза его сверкнули, челюсть задрожала. Он был страшен.

— Надо выбраться из крепости и напасть на армян. Только в этом спасение, — сказал капучи-баши.

— Ничего не выйдет, — вздохнул Крх Чешмиш паша, — армяне зажали нас в кольцо. Стоит высунуть носы — все погибнем.

— А останемся здесь, перегрызем друг друга! — угрожающе крикнул мулла. — Надо попытаться уйти из города — другого выхода нет. Кто прорвется, уцелеет, а кто нет… Такова воля аллаха, паши! Исполняйте ее!..

Каждый понимал, что другого пути нет. Но как прорвать кольцо армян?

— Я поведу вас! — сказал сотник Мигран. — Кольцо армян можно прорвать. Ночью предпримем наступление вдоль ущелья, ударим по спящим армянам и выйдем из окружения. Резни, конечно, не миновать, но мы вырвемся из когтей смерти.

Туркам понравился смелый план армянского сотника. Надо выбраться из осажденного города, непременно надо прорвать цепь армян и спасти свои головы, иначе все погибнут от голода — уже через три-четыре дня живой души не останется.

Светало. Паши, главный мулла и изменники-армяне с поднятыми знаменами вышли на площадь. Собрались и все аскяры. Страшен был их вид. Голодные, озверелые и отощавшие, они угрожающе смотрели на своих владык. Казалось, вот сейчас нападут и растерзают. Мулла из последних сил завизжал на всю площадь:

— По воле аллаха, нам надо во что бы то ни стало выйти из этого проклятого города и ударить по нечестивым, о правоверные дети Магомета! В лагере армян много продуктов.

— О, аллах! — всколыхнулась толпа. — Слышит небо, мы готовы на все!

— Вооружитесь мужеством, и все мы спасемся от голодной смерти! — крикнул Крх Чешмиш паша.

До вечера турки лихорадочно готовились к нападению. Аскяры рады были хоть в огонь ринуться, лишь бы добыть что-нибудь съестное, набить свои

усохшие желудки.

Под покровом ночи полк за полком подобрались к закрытым воротам города.

Зловещий мрак поглотил все вокруг.

Паши и армяне-предатели смешались с толпой. Этот сброд потерявших человеческий облик людей уже не был войском. Он был именно беспорядочной толпой призраков.

Паши с грустью оглядывали остатки своего некогда могучего войска. Они не могли не понимать, что ведут этих людей на верную гибель. Но делать нечего, надо спасать свою шкуру.

Капучи-баши открыл тяжелые ворота и, обнажив меч, ринулся вперед. За ним последовала уцелевшая часть полка сипаев. Паши тоже обнажили сабли. Глубокий снег доходил до колен. В темноте трудно было различить, что вокруг. Мелик Муси и сотник Мигран вели в глубь ущелья.

Прошли узкую лощину и спустились вниз. Вокруг стояла мертвенная тишина. Где же воины Мхитара? Неужто так крепко спят? Вот уже и выход из ущелья. Бросились бежать, чтобы быстрее выбраться отсюда. Но не сделали и сотни шагов, как услыхали звуки труб. Справа из лесу лавиной накатили армяне. Ударили и слева. Турки не ответили. Им было не до того, сломя голову они рвались вперед, топтали падающих. А падали не только от гибельного града пуль, многие валились от слабости, и тогда наиболее сильные топтали их, бежали очертя голову вон из ущелья, думая лишь о своем спасении. Но дорогу им вдруг преградили невесть откуда взявшиеся армяне. Турки в панике заметались, поняли, что окружены. Армяне с обнаженными мечами бросились на беспорядочно разбегающихся аскяров. Сопротивление было бесполезным. Крх Чешмиш паша бросил меч в снег и крикнул:

— Армяне, мы сдаемся на милость Мухитар паши, пощадите голодающих!..

К нему прибились отчаявшиеся воины-турки и стали вторить паше:

— Пощадите, пощадите!..

— Не жалейте их, рубите всех! — крикнула своим Гоар.

Но подоспел мелик Баяндур, и ему удалось обуздать рассвирепевших воинов-армян, которые уже начали было резню.

— Сложить оружие! — приказал он туркам и направил коня в сторону пашей.

Турки тотчас подчинились. Крх Чешмиш паша схватился за уздечку коня Баяндура:

— Пощадите! Мы сдаемся на вашу милость! Затем и шли…

Мелик Баяндур приказал связать пашей и главного муллу и отвести их к Верховному властителю, а сам ринулся туда, где люди полка «Опора страны» начали страшную резню. Немало он приложил усилий, чтобы успокоить озверевших солдат.

— Найдите предателей — мелика Муси и сотника Миграна, — приказал Баяндур. — Доставьте их ко мне.

Тем временем Цатур со своими ополченцами отчаянно рубился с турками, все еще пытавшимися сопротивляться. Уже трижды гонцы от Баяндура передавали Цатуру приказ прекратить резню и согнать пленных в пещеры в ожидании распоряжения Мхитара.

Цатур упорно отказывался выполнить приказ мелика Баяндура. Напротив, он все больше и больше подзадоривал своих людей. И крестьяне бились отчаянно. Но вот в ноги Цатуру повалился турок и в отчаянии завопил:

— Не убивай, божий человек. Аллах свидетель, что я не пролил крови армян. У меня домик на берегу моря. Там остались мать-старуха и четверо детей. Будь милосерден. Дети мои погибнут от голода. Пощади…

Цатур дрогнул, рука невольно опустилась: ему вдруг показалось, что он слышит крики детей, погибающих от голода, и голос старухи матери турка. К горлу подступил комок.

— Остановитесь! — закричал он, задыхаясь. — Постойте… Ах, боже, зачем ты ниспослал на землю столько мучений, а сердце человека сделал гнездом страданий! — Цатур, потрясая саблей, снова закричал: — Прекратите

резню, сукины дети! Хватит! Забирайте их в плен, ведите в пещеры. Разложите костры, пусть обогреются, и хлеба дайте.

Усталый и ослабевший, он сел на заснеженный камень и тяжело вздохнул.

В лагере у армян творилось что-то необычное. Воины орали на пленных турок, но при этом давали им поесть и с любопытством наблюдали, как правоверные мусульмане уплетают хлеб-соль нечестивых христиан.

С холма верхом на конях спускались военачальники и среди них Мхитар. Он был суров. Губы плотно сжаты, глаза бегают, что-то ищут. Спарапет так натянул узду, что голова коня почти касалась его груди. За Мхитаром ехали князь Баяндур, мелик Еган, Гоар и Агарон. Гоар прикрыла глаза, чтобы не видеть страшных, высохших от голода турок.

Князь Баяндур указал на турецких пашей и мелика Муси, что стояли поодаль. Паши держались с достоинством. И хотя тоже были очень истощены, старались повыше поднять свои головы. Что до мелика Муси, он едва стоял на ногах и утратил последние крохи мужества. Его поддерживали двое воинов-армян. Верховный властитель осадил коня.

Крх Чешмиш паша опустился на колени.

— Мы сдаемся на твою милость, Мухитар паша. Пощади нас, отправь в нашу страну, и мы обещаем никогда не появляться в ваших горах! Клянемся пурпурным поясом матери Магомета, не придем!

Мхитар повернулся к Баяндуру:

— Среди пленников я не вижу сотника Миграна.

— Он удрал, тэр Верховный, — ответил Баяндур.

Мхитар прикусил губу и, повернув коня, поскакал к раскрытым воротам Алидзора… Конь ступал по трупам.

Вот и разрушенный Алидзор. Только Агарон заметил, как вздрогнул отец и как по его лицу скатились две слезинки.

Город своим безмолвием походил на кладбище. В нем не оставалось ни одного живого существа. На полуразрушенных домах лежал снег. Улицы полнились посиневшими, раздутыми трупами, обглоданными костями,

нечистотами. На крепостных стенах застыли пушки.

Мхитар остановился на площади. Сорвавшийся с Капуйтджига несильный ветер зашевелил листья деревьев, кое-где сдул снег, и белая пелена затрепетала над развалинами. Мхитар приказал привести к нему мелика Муси. Его тотчас приволокли. Предатель повалился в снег, затем приподнялся на одно колено и сказал удивительно чистым голосом:

— Будь великим, Мхитар, пощади меня и на этот раз, я понял, что победить тебя невозможно, что ты прав! Отныне буду верен тебе и народу армянскому. Пощади…

Жестокая улыбка скользнула по бледному лицу Мхитара. Мелик Муси задрожал, ноги подогнулись, и он снова медленно погрузился в снег. Попытался схватить ногу Мхитара, облобызать ее, но почувствовал что-то вроде ожога на голове, и через миг все почернело… Это кто-то из армян ударил его и выстрелил. Пошел легкий дымок, и запахло гарью…. Труп предателя бросили на свалку.

Ветер усилился, начиналась горная метель.

Пленные паши не давали покоя Верховному властителю. То и дело просили через Баяндура освободить их из плена. И чего только не обещали при этом. «Скажите, — говорили они, — князь, Мухитару паше, что мы убедим Абдулла пашу навсегда забыть дорогу в Сюник. Упросим его освободить из плена жену и сына Мухитара, с большими почестями и подарками доставим их в Алидзор. Пусть он только отпустит нас».

Мхитар молча выслушивал все, но ответа не давал никакого, однако и не запрещал ходить к нему с просьбами пашей. Спарапет тянул время. Он ждал возвращения гусана Етума. Хотя и не верил, что доведется вновь увидеть дорогих сердцу жену и сына, но искра надежды в нем все же теплилась. Кто знает, может, они и живы, тогда вдруг удастся обменять их на пленных пашей…

Разрушенный Алидзор стали приводить в порядок. Очистили от трупов и нечистот здание Армянского Собрания, водворили на место церковные

колокола, над многими кровлями вновь завились дымки. А скоро небольшими группками стали возвращаться алидзорцы. Это были те немногие из горожан, кому удалось бежать от резни и укрыться в горах. Они возвращались с детьми, навьюченные тюками жалкого скарба. На улицах зазвучали ребячьи голоса. Кто-то привел за собой стельную корову. Ее мычание прозвучало особенно странно в руинах разрушенного города. Но жизнь брала свое. Мирские заботы выводили людей из состояния страха и напряжения. Дружно взялись за дело: привели в порядок свои жилища, натаскали из лесу дров, развели огонь в очагах, извлекли упрятанные в ямах вещи, семена, мешки с мукой.

И наступило такое утро, когда Мхитар вдруг втянул носом земной, и удивительно приятный в эту минуту, дух свежеиспеченного лаваша. От радостного волнения у него чуть слезы не навернулись.

Мхитар отправил в Пхидзакар своих воинов, велел привести всех, кто там есть из алидзорцев.

— Как ни разоряют нас, сколько ни убивают, а она опять живет, Армянская земля! — радовались воины.

Мхитар ждал меликов и военачальников, когда к нему вдруг вошел Агарон. Впервые отец всерьез рассмотрел, что это уже не прежний юнец. Перед ним предстал настоящий мужчина. Ростом высок, как и сам Мхитар, смуглолицый, глаза умные, материнские глаза! И весь он больше в нее. Благороден, прекрасно держится…

Поклонившись отцу, сын сказал:

— Гусан Етум вернулся из Персии.

Мхитар от радости было рванулся к сыну, но, глянув ему в лицо, застыл на месте. Агарон был мрачен, на опущенных ресницах блестели слезы. Все было ясно. Гусан вернулся ни с чем. В сердце Мхитара погасла последняя надежда, и с ним вдруг случилось неладное: внутри все оборвалось, ноги подкосились, как у старца, а ведь не было еще и сорока лет.

Он упал в объятия сына и безутешно зарыдал.

— Все мы с тобой потеряли, сын мой! — говорил он плача. — Потеряли

твою мать, брата. Твою Цамам. Ах, боже ты мой…

Сын поцеловал руку отца, погладил ее. А тот вдруг выпрямился и уже без слез гневно крикнул:

— Но землю нашу отстояли! Ценою крови близких своих отстояли. Пусть утешением нам будет то, что живет и жить будет вечно наша страна, наш народ! Будем мужественны. Зови гусана! — закончил он.

Вместе с Етумом вошли мелики и военачальники. С ними была и Гоар, величественная и загадочная. Вошла молча и покорно опустила ресницы. Кланяясь, все смотрели на Мхитара с большей, чем обычно, теплотой. Верховный пристально вгляделся в людей и понял, что все они уже знают о его горе.

— Рассказывай, Етум! — попросил Мхитар.

Гусан низко поклонился и проговорил:

— Погибли… Требовали, чтобы отступились от своей веры, но они не согласились!..

Мхитар потемнел. Перед ним встало лицо жены, похожее на лик святой.

— Похоронены все вместе, во дворе армянской церкви в Тавризе. Я по твоему приказу…

— Не продолжай! Не могу больше! — поднял руку Мхитар, задыхаясь.

Наступила тяжелая тишина. Мхитар повалился навзничь на тахту. Как ни старался быть мужественным, жена не шла из головы. А сын! Казалось, вот он, сейчас вскарабкается и повиснет на плечах у отца, потом станет играть его оружием. Так всегда бывало, когда Мхитар возвращался домой… Вспомнил родных, потерянных в горниле войны отца, мать. Вспомнил брата, которого собственноручно обезглавил. Вспомнил Давид-Бека, мудрого Мовсеса, самоотверженных и преданных Есаи, Товму, Зарманд. Всех! Всех вспомнил. Перед его мысленным взором пронеслись лица дорогих людей, которые, казалось, и сейчас сочувствуют ему, утешают по поводу всех потерь, понесенных им самим и всей Армянской землей, народом армянским.

Вспомнился заблудший Тэр-Аветис. Где он теперь, под каким камнем? Как

бы хотелось еще разок увидеть его…

— Не верьте турку! — невольно громко повторил он последние слова Тэр-Аветиса и пришел в себя. Тряхнул головой, поднялся и, как в былые времена, уверенно посмотрел на окружающих.

— Держитесь, братья! — сказал он, распрямляя плечи. — Алидзор снова наш. Турок опять в какой уже раз потерпел поражение. Мы выстояли! Наша сила в готовности сопротивляться. Будем, если нужно, сопротивляться до последней капли крови тысячу лет! Таков путь армян, такова их судьба.

Мхитар чуть помолчал, взглянул в окно и снова заговорил:

— Даю вам два дня! После чего тронемся в Мегри, оттуда в Ордувар, Агулис и затем в Нахичеван. Абдулла уже не в Тавризе. Гнется турецкий полумесяц. В Агулисе у них лишь небольшой гарнизон. То же и в Нахичеване… Зима. Помощь к ним не придет. Ударим по ним и победим, я уверен! Что скажете?

— Воля твоя! — единодушно ответили военачальники.

— Пленных пашей повесить! — продолжал спарапет. — Не верю я лживым речам. Так и скажите им. До вечера чтобы никого не осталось в живых! Идите. И не забудьте выдать своим воинам жалованье.

Был вечер. Мхитар без предупреждения вошел в комнату Гоар. Женщина-военачальник была одна. Без доспехов и оружия она сверкала блеском женского очарования.

Обернувшись на скрип двери, Гоар увидела Мхитара. Ее неудержимо потянуло к нему, к единственному, ради которого билось ее сердце. Глаза расширились, губы задрожали. Она сделала шаг к Мхитару, чтобы, как в былые времена, броситься в его объятия, но в следующую же секунду овладела собой и с подобающим вдове смирением и сдержанностью ответила на приветствие гостя и осталась стоять неподвижно.

— Извини, Гоар, что нарушил твой покой. Я только на минуту.

Он почувствовал, что голос его прозвучал неестественно. Боясь, как бы Гоар не пригласила его сесть, Мхитар спешил договорить. Нельзя ему

оставаться здесь, нельзя раздувать тлеющий под горем огонь, который может разгореться от одного ее ласкового взгляда.

— Пришел просить тебя, Гоар, чтобы ты передала свой полк Агарону, а сама осталась бы в Алидзоре.

— За что? Я чем-нибудь провинилась перед тобой? — нахмурив брови, спросила Гоар.

— Избави бог, — избегая встретиться с нею взглядом, ответил Мхитар. — Просто Алидзор нуждается в заботливом внимании. Ты будешь здесь полезна, поможешь бездомным людям. Мы отправляемся в очень тяжелый поход. Зима, снег. Не хочу, чтобы ты бесконечно подвергалась опасностям.

— Я понимаю тебя. Хочешь заточить меня в Алидзоре?

— Не говори глупостей! — отрезал Мхитар. — Твое присутствие в армии — лишняя забота для меня. Я столько потерял дорогих людей. Хватит с меня. Никого больше не хочу терять! Особенно тебя… — голос его дрогнул. — Предоставь нам, мужчинам, по совести закончить дело. Шальная пуля может оборвать единственную нить, еще связывающую меня с жизнью. Побудь здесь и жди моего возвращения! Ты очень нужна мне…

Мхитар быстро вышел, от волнения забыв даже пожелать ей доброй ночи. Гоар рванулась за ним и остановилась. Сердце несчастной женщины горело нежностью к любимому и острой болью.

Утром армянское войско выступило из Алидзора. Провожали его немногие горожане, и с ними Гоар.

На рассвете зарезали солнце

— Следуй прямо за мной, тэр Верховный! — кричал Горги Младший. — Не оступись, мы на краю пропасти.

Мхитар в снежном буране едва различал коня своего телохранителя, идущего всего в двух шагах впереди. Снежная пыль забивала нос, уши, через башлык проникала за ворот. Тропу замело. Пробирались гуськом,

растянувшись от гребня горы до низа ущелья. Можно было по течению реки Вохчи спуститься к Араксу, затем повернуть направо и идти к цели — в Агулис. Но Мхитар избрал самый короткий путь, чтобы попасть в Агулис нежданно.

Ветер временами стихал на минуту, и тогда вырисовывались окрестности, и людям казалось, что они шагают по небу. Но метель завывала с новой силой, и лошади садились на колени, упирались мордами в мерзлую землю и, окровавив зубы, с огромным трудом преодолевали крутизну. Они были взмылены и разъярены. Едва останавливались на миг, тотчас покрывались инеем.

— Надо спешить, тэр Верховный, — беспокойно подгонял Горги. — Останавливаться опасно, ветер усиливается.

И они шли и шли, подавая друг другу сигналы трубами, — вели своих измученных коней по труднейшему пути.

Только вечером второго дня после выступления из Алидзора перевалили через хребет и спустились в ущелье Мегри. Здесь метель была слабее, дорога стала несколько легче. Решили устроить привал во впадине ущелья: разожгли костер, укрыли бурками взмокших коней.

А с рассветом двинулись к Агулису. Небольшой турецкий гарнизон, что был в городе, сдался без сопротивления. Добровольно открыли перед армянами городские ворота. Турецкий янычар-агаси встретил Мхитара хлебом-солью и попросил разрешить ему удалиться из города. Агулисцы вступились за него, утверждали, что янычар-агаси человек совестливый, их не притеснял. Мхитар обезоружил турок и приказал им тотчас покинуть город.

Так же без сопротивления сдались и небольшие гарнизоны Ернджака и Ордувара. И им Мхитар великодушно дал уйти за Аракс.

В турецком воинстве, расквартированном в Нахичеване, началась паника. Со дня на день там ждали появления Мхитара. Посылали гонца в Тавриз, просить помощи у сераскяра, но оказалось, что Абдулла паша уже выступил в сторону Хорасана. В тревоге жили турки и в Тавризе. Они уже тоже не

надеялись, что им удастся долго продержаться. О храбрости и деяниях Мхитара рассказывали чудеса. Уверяли, что у него под командованием стотысячное войско и он собирается в наступление на Тавриз, хочет отомстить за жену и сына.

Едва гонец из Тавриза ни с чем вернулся в Нахичеван, у стен города появилось армянское войско. Турки вконец растерялись. В городе пронесся слух, что будто бы на помощь армянам пришла большая русская армия и вместе они уже отбили Ереван.

Было двадцать второе февраля, когда Мхитар подошел к Нахичевану и потребовал сдать город, обещая за это предоставить туркам возможность убраться восвояси. Но те отвергли предложение. Попытались оказать сопротивление. Однако им не удалось сделать ни одного пушечного выстрела: жители города облили водой все их запасы пороха и к тому же тайно ночью подорвали крепостные стены и открыли воинам Мхитара дорогу в свой город.

Турки вынуждены были сдаться. И тут уж Мхитар не пощадил их. Он учинил жестокую расправу: всех разоружил и передал нахичеванцам, а те, как и следовало ожидать, перебили своих мучителей. Настал желанный час: на высокой нахичеванской крепостной башне взвилось армянское знамя. Семь дней кряду праздновали победу нахичеванцы. С почестями разместили они в своих домах воинов Мхитара, накормили их, подлатали одежду, обувь. Люди из окрестных сел стали подвозить продовольствие. Отдавали освободителям все, что могли…

Мхитар, воодушевленный результатами своего зимнего похода, решил после короткой передышки идти на Ереван. Он собрал на большой городской площади всех своих воинов. Наделил каждого сотника и всех особо отличившихся в бою поместьями. Паронтэром Агулиса назначил мелика Бархудара.

— Твои заслуги неоценимы, мелик Бархудар, — сказал Мхитар перед всем войском и народом. — Ты был верен Давид-Беку и остался верен мне. Пусть Агулис из поколения в поколение принадлежит твоему роду, и твой долг

стереть с него следы позорного предательства.

Потерявший голову от нежданной почести, Бархудар вдруг прослезился. Ненависти, которую он питал к Мхитару, в душе больше не было. Этот хитроумный и очень, в общем, жестокий мелик хорошо понимал, что иноземные захватчики лишат его всего и что только власть армян защитит и его, и независимость страны. И потому теперь он был особенно доволен собою, доволен, что остался верен обету и не разошелся с Мхитаром.

Мхитар передал гавары Джаук и Шахапуник мелику Сисакана Шафразу, с землями которого граничили эти искони армянские гавары. Назначил паронтэром Нахичевана мегринского военачальника Константина. Князя Баяндура объявил спарапетом армянских войск и отдал ему в собственность город Алидзор с окрестными селами.

Мелики остались довольны Верховным властителем. Иные, правда, удивлялись его непомерной щедрости. Но Мхитар знал, что делает: надо было укреплять положение меликов, усилить их. Предстоял тяжелый и долгий путь. Поддержка меликов очень важна для Мхитара. Еще надо освободить Ереван, изгнать турок из Арцаха, полностью уничтожить угрозу османской деспотии…

Многое, очень многое оставалось сделать. А для этого армяне должны быть едины, нужно большое и сильное войско. Все это зависело от меликов.

У Мхитара были далеко идущие планы: со временем объединить все мелкие княжества. Но это потом. Сейчас жизнь диктует другое. Пока надо привлечь к себе симпатии каждого, пусть самого незначительного сельского старосты: пусть будет опорой ему, войску, стране.

Три недели пробыл Мхитар в Нахичеване. И все это время готовился к походу на Ереван. Войско пополнилось новыми отрядами. Народ отдохнул.

Но неожиданно пришла весть, что Абдулла паша вернулся в Тавриз. А это значило, что поход на Ереван пока надо отложить. Абдулла мог воспользоваться отсутствием Мхитара и осадить Сюник…

Мхитар приказал вооружить население города и поставил его под командование военачальника Константина. Приказал он также укрепить

крепостную стену и построить новые бойницы для пушек.

Наступило время отъезда. Прощаясь с Константином, Мхитар сказал:

— Да будет твое ухо востро, а глаз — зорок. Возможно, что турки пойдут на тебя. Жизнь отдай, но город — никогда. Под твоим началом три тысячи вооруженных людей. И турок к тому же теперь не тот, потрепали мы его. Но будь осмотрителен.

Они расцеловались, и Мхитар вскочил на коня.

Армянское войско уходило из Нахичевана воодушевленным. Успех зимних походов придал уверенность. Во всем Сюнике больше не было ни одного вражеского воина. На пятистах верблюдах везли добычу, захваченную у турок. И чего только тут не было: оружие, обмундирование, шелка, выделанные кожи, много золота, серебра…

Дорогой Мхитар на один день остановился в Агулисе. Простой люд города выражал ему свою радость по поводу того, что их паронтэром отныне будет мелик Бархудар.

А Бархудар тем временем назначил своим заместителем племянника, приказал ему охранять Агулис, а сам собрался в поход с Мхитаром.

Мхитар решил наступать на Арцах. Он разделил свое войско на три части. Семитысячный отряд поставил под командование князя Баяндура и повелел ему идти через гавары Каджаран и Цгук в Кашатахк и расположиться в ущелье у истоков реки Трту. Второй отряд передал мелику Егану и поручил ему отправиться в крепость Воротан, взять под свое начало тамошний гарнизон и расположиться в гаваре Абанд, в Хожараберде.

Себе он оставил полк «Опора страны», полк Агарона и небольшой отряд ополченцев Цатура.

— Я скоро подойду к Хожараберду, и оттуда мы по двум направлениям войдем в Арцах, — сказал он военачальникам. — Пошлите людей в села Арцаха, передайте, пусть там готовятся к восстанию. Этим летом мы непременно должны изгнать турок из Арцаха. Да будет с вами бог! Счастливого пути!..

Проводив Баяндура и мелика Егана, Мхитар берегом Аракса направился в гавар Абанд. Он намеревался расположиться в Хндзореске.

Верблюды, тяжело покачиваясь, приминали взбухшую землю мягкими большими подушками своих ног. Мерно перезванивались колокольчики. Гремел своими красноглинистыми волнами Аракс.

Мхитар был полон какого-то доброго предчувствия. То ли от радости победы, то ли исстрадавшуюся душу его наполняла теплом расцветшая в ущелье Аракса весна? А далеко ли то время, время падения Алидзора, когда многим казалось, что Мхитар навсегда лишился радости и счастья, — так он был тогда мрачен.

Жизнь идет. И вот опять в горном краю весна. И в Сюнике уже нет ни одного вражеского воина… Свободен от самого Джаук-Шахапуника до берегов Гегамского озера, от Аракса и до дремучих лесов Кашатахка. Мхитар ехал медленно. Сердце наливалось теплом, когда видел крестьян, пашущих землю, видел аистов в гнездах. Сразу вспоминалось, какой ценой достигнуто все это, и было особенно радостно сознавать, что кровь Давид-Бека, кровь близких, кровь всего армянского народа пролита не зря.

На пути останавливались во многих селах. Помогали кому как могли. Мелик Бархудар послал человека в Хндзореск, чтобы привез оттуда семян, пригнал скот в разоренные низинные села. Щедрость Бархудара была по душе Мхитару, радовало и то, что сумел завоевать сердце этого некогда жестокого и мятежного мелика. А мелик, в свою очередь, был доволен, что ему досталось лучшее, что есть в Сюнике, — Агулис. Порой он заводил разговор о своем сыне-предателе, сотнике Мигране, клялся, что собственноручно снесет с него голову. Пусть только попадется ему на пути.

— Не терзай свою душу. У тебя есть братья, есть внуки, пусть они будут твоей радостью, — утешал Мхитар.

Ночь перед Хндзореском провели на привале в поле Аранаца. Мхитар так и не вошел в свою палатку, весеннее звездное небо приковало его к себе. Удивительно много было звезд на сюникском небосклоне. И одна другой ярче.

Подумал о Сатеник, на глаза навернулись слезы. Приказал Горги принести вина. Молча выпил и сыну предложил. Потом все обнимал Агарона, украдкой стирая слезы. И молчал, молчал упорно.

Скоро сын ушел спать. А Мхитар подозвал Горги и приказал ему:

— Скачи в Алидзор, передай Гоар, пусть приедет в дом своего отца, в Хндзореск. В субботу я буду ждать ее! — сказал, а про себя подумал: «Глупо удалять от себя единственную радость и утешение, оставшиеся мне во всем этом свете…»

Все обитатели Хндзореска от мала до велика вышли встречать Верховного властителя.

День выдался теплый, истинно весенний. Среди встречавших были старуха мать Бархудара, жена и дочери павшего в бою военачальника Паки, братья Бархудара и их дети. Священники курили ладан, крестьяне раскидывали на пути Мхитара ветки орешника. Старейшины поднесли ему хлеб и вино. Сердце Мхитара полнилось радостью и какой-то тихой печалью, которую, казалось, порождала эта самая радость. Он, по обычаю, рукой оторвал кусок свежеиспеченного лаваша и отведал.

— Принимаете гостей, хндзорескцы? — весело спросил он.

— С большой радостью! — послышалось со всех концов.

Зазвучала зурна. Взыграли кони, насторожились верблюды, они не привыкли к пронзительно высокому тону армянской зурны. Несколько сот конников, джигитуя, рванулись вперед. Мелик Бархудар взял за уздечку лошадь Верховного властителя и повел к своему замку, высившемуся на скале.

Зарезали жертвенных баранов. Сердце и лучшие части каждого из них отсылали в крепость воинам Мхитара. Пировали до вечера.

Чуть хмельной, Мхитар вышел на балкон. За ним последовали мелик Бархудар, Агарон, который ни на шаг не отходил от отца, командир ополченцев Цатур и еще несколько сотников. Балкон нависал над глубокой пропастью. Внизу в ущелье лежал Хндзореск. Только домов его не увидел бы и сокол. Они хаотично лепились в скалах, наседали друг на друга. Старые, закопченные.

Слышались голоса людей и лай собак, но казалось, они доносятся из-под земли. Зато крепость Хндзореска взметнулась вон как высоко — протяни руку, коснешься луны.

— Хндзореск — это чудо! — воскликнул Агарон.

— Ты прав, сынок! — не без гордости согласился Бархудар. — Село наше — диво дивное. Эти скалы, брат, крепкая броня. Отец мой тридцать лет был меликом Хндзореска и за все это время никогда не платил ни гроша подати никаким тебе шахам и ханам. Выстоял перед всеми напастями. Да не отнимет бог у нас свободы.

Мхитар долго смотрел на огни внизу. Они то вспыхивали, то снова угасали.

Затаившиеся в ущелье три тысячи дымов Хндзореска казались прихотью волшебства причудницы природы — так все было красиво.

— Отсюда и пойдем на Арцах! — обращаясь к спутникам, сказал Мхитар. — Пусть Хндзореск будет опорным пунктом нашей силы.

Вернулись в дом и вошли в зал. Там стоял Бандур-Закария. Агарон подбежал к нему. Мхитар недовольно нахмурился и подумал: «Зачем он пришел?»

— Дедушка! — звонко и радостно, как в былые дни детства, закричал Агарон и обнял Бандур-Закарию. — Как живет Дзагедзор?

— Как живет? Соскучились по вас! — с ложной сердитостью проворчал старый блюститель замка и недовольно глянул на Мхитара. — Ушли и забыли свой дом. Э-эх!.. — Он потер рукавом окруженные сеткой морщин глаза и нетвердыми шагами подошел к Мхитару.

— Сатеник моя, Давид! — вдруг прорвалось у него криком, и старик заплакал. — Нет больше моих любимых, ослепнуть мне!..

Мхитар внутренне содрогнулся. Чуть было притупившаяся боль снова комком подступила к горлу. Бандур-Закария подошел, поцеловал его, обнял, поплакал на груди. От бороды пахло дымом, — видно, всю зиму не отходил от камина. Постарел он очень и как-то высох. Мхитар усадил его подле себя,

подал вина. Расспрашивать о Дзагедзоре не хотелось. Дзагедзор был ему теперь чужим. Ничто больше с ним не связывало. Зачем ехать в Дзагедзор? Только затем, чтобы снова и снова видеть опустевшие комнаты жены и колыбель сына? Нет у него отныне дома и негде приклонить голову! Дом Мхитара — открытое небо, подушка — седло, а очаг — вся страна Армянская.

— Ты больше не вернешься в Дзагедзор, Закария! — сказал он, сдерживая волнение. — Я не хочу жить там, где все напоминает о потерях. Эй, брат Цатур! Налей-ка нам вина. Да слушай! Ты бездомный, как ветер в поле. Пусть Дзагедзорский замок станет твоим домом! Дарю тебе его, и окрестные села дарю. Все это тебе. Вернемся из Арцаха, станешь пользоваться всеми благами. Ты достоин их.

Люди онемели от удивления. Шутка ли, с такой легкостью подарить бездомному сотнику эдакий замок и несколько сел.

Цатур повалился на колени и подполз к Мхитару.

— Не хочу, тэр Верховный властитель! — воскликнул он. — У меня всего одна собственность — моя голова! И ту я положил на службу тебе и народу армянскому. Ничего мне больше не нужно!

Но Мхитар своей рукой написал указ, и Дзагедзор со всеми приписанными к нему селами перешел в собственность сотника Цатура.

Пировали до полуночи. Но веселье было Мхитару ножом в сердце. Порой он закрывал лицо ладонями и, не стыдясь окружающих, плакал навзрыд. Плакал и все целовал сына, говорил ему нежные слова, будто малому дитяти. И все требовал, чтобы тот не плакал. Гусаны растерялись. Что бы они ни играли, ни пели, все не нравилось обезумевшему от горя спарапету, он ругал их, в раздражении бил об пол чаши. И все просил какую-то особую, ему одному ведомую, самую печальную песню земли. Не находил себе места и Бархудар. Пил, но вино не играло в жилах.

— Я своими руками разорву на части сына! — кричал он и бил кулаками об стол. — Покрыл позором мой род, изменник! Ах, Мигран! Только попадись мне, изрублю… Только попадись…

И он тоже плакал. Безудержно.

Мхитар встал, в сопровождении Бархудара, пошатываясь, прошел в отведенную ему комнату и снопом повалился на мягкую постель. Попробовал снять сапоги, не смог. Бандур-Закария нагнулся, чтобы помочь, но Мхитар отвел ногу.

— Постыдись! — закричал он сердито. — Ты старше моего отца! Я сам сниму. Дай кинжал, разрежу голенища. Послушай, Бандур-Закария! Отец мой, отец, послушай. Увели, увели… Эх, — ударил он кулаками себя в грудь, — мой Давид, родненький, моя Сатеник… Эх, все я потерял, все! Моя Гоар. Где она? Для кого я отныне живу?

Сапоги так и остались неснятыми, он скоро уснул. Уткнувшись лицом в ладони, молча плакал мелик Бархудар. Ему ли было не знать, что виновником несчастья его дочери был Мхитар. Он, кто, любя Гоар, тем не менее насильно выдал ее замуж за другого.

С преисполненным печалью сердцем Бархудар ушел к себе.

Ушел и Агарон. Остался только Бандур-Закария. Он сел у ног своего господина и съежился, как это делал много лет назад, когда служил молодому Мхитару, яркой звезде вновь созданного армянского государства.

За окном все больше и больше сгущался мрак, смоляной чернотой своей окутывая горы и заполняя ущелья.

Мхитар проснулся поздно.

Голова не болела. Под глазами заметно припухло, во рту стояла горечь. Удивился, что спал одетым. Пожалел Бандур-Закарию, увидев его бодрствующим. И муторно стало от воспоминания о вчерашней попойке.

— Мог бы и поспать! — мягко упрекнул он старика.

— Если бы ты был в своем доме, я, может, и поспал бы, — недовольно ответил тот. — Ты вернулся с победой и с трофеями, пошли их бог тебе еще, но отчего не идешь в свой дом, не утешишь убитых горем людей своих, не скажешь им ласкового слова? Ведь они ждут тебя, все глаза проглядели! Не пойму я, чем тебя привлекло это чужое гнездо?

— Кончай, старик! — сквозь зубы бросил Мхитар и резко поднялся. — Никто в моей стране не должен перечить мне, пойми это раз и навсегда! Всё!

Вошел Агарон, пожелал отцу доброго утра и хотел поцеловать ему руку, но Мхитар остановил его:

— Сперва почти Бандур-Закарию! Он отец мне, а тебе дед! Запомни это на всю жизнь!

Бандур-Закария удивился неожиданной ласке. Но так взволновался, что, благословляя Агарона, прослезился и тотчас примирился со всем. «Что с ним поделаешь, — подумал старик, — остается тут, ну и пусть, он ведь и здесь у себя».

Мхитар шагнул на балкон, что выходил во двор.

Утро было настояно ароматами цветущей черешни и пшата. Мхитар глубоко вдохнул весенний воздух. Пахнуло свежевыпеченным лавашем. Вспомнился дом детства, лаваши, которые мать приносила ему, пряча за пазухой, чтобы не остыли, и совала в руки.

Три внучки мелика Бархудара — дочери убитого сотника Паки — подошли к нему. Старшей было едва четырнадцать, смуглая, робкая, с испуганными глазами.

Все три были в одинаковых платьях, с косами, густо намасленными и заботливо причесанными. Старшая держала в руках кувшин с водой, средняя — мыло, а третья, которой было не больше девяти лет, — полотенце. Малышка смело смотрела гостю в лицо, а старшая потупилась, и тень от ее длинных ресниц падала на щеку с родинкой.

— Как тебя зовут? — весело спросил Мхитар старшую и подставил ладони, чтобы она полила ему воды.

— Гоар, — смущаясь, ответила девочка.

— Гоар? — удивился Мхитар и сразу загрустил. Где та Гоар, которую он так ждет? Почему она не едет? Может, не хочет отозваться на его тоску?

Мхитар вдруг увидел Бархудара и отвлекся от своих мыслей.

— Сколько Гоар в твоем доме, брат Бархудар? — спросил он, грустно

улыбаясь.

— Всего две. Паки очень любил сестру, потому и назвал свою первую дочь ее именем. Упокой, господи, душу его!

— Аминь! — утираясь полотенцем, откликнулся Мхитар. — Преданный был человек Паки.

Мхитар говорил, а сам все поглядывал на маленькую Гоар. Глаза девочки, казалось, излучали свет. В лице уже проступали воля и смелость, присущие многим дочерям гор. Это понравилось Мхитару. Он подарил каждой из девчушек по золотой монете, поцеловал в лоб и вошел в дом.

К завтраку кроме военачальников и сотников пришли братья мелика Бархудара, их сыновья и некоторые именитые сельчане. Все поднялись, увидя Мхитара, и поклонились дорогому гостю. После трапезы Верховный принял гонцов от военачальников ближних и дальних гаваров.

Константин сообщал, что дела в Нахичеване идут хорошо: укрепили крепостные стены, нашли мастеров, умеющих готовить порох. Народ полон решимости защищать свой город. И хотя турки вроде бы спокойно сидят в Ереване, нахичеванцы вооружились от мала до велика и готовы к бою. Есть слухи, что Абдулла намерен со дня на день покинуть Тавриз. Константин сообщал еще и о том, что в Нахичеване видели Тэр-Аветиса. Пробыв там всего один день, он удалился в монастырь Вардананц в Астапете.

Князь Баяндур сообщал из Верхнего Кашатахка, что он дал знать о своем приезде арцахцам и они группами, вооруженные, приходят и вливаются в войско. А еще князь просил Мхитара поторопиться с прибытием, арцахцы, мол, с нетерпением ждут Верховного властителя, не терпится им выступить против турок.

Мхитар повелел передать Константину приказ, чтобы зорко следил, куда, в каком направлении уйдет из Тавриза Абдулла, и тотчас сообщил бы ему. Баяндуру и мелику Егану наказал ждать его прихода и без него выступлений против врага без нужды не предпринимать.

Мхитар ждал Гоар. Она запаздывала. Что только не лезло в голову: может,

обижена, а может, и того хуже — охладела к нему и тем, что не откликается на зов, хочет отомстить за пережитую боль, хочет заставить страдать?..

Терпение Мхитара истощилось. Не мог он больше ждать Гоар. Приказал готовиться к выступлению в Арцах.

По случаю проводов снова пировали. Замок Бархудара опять гремел и сотрясался от зурны и гусанских песен. Рекой лилось вино. Пили и воины. Все веселились. Мрачным и злым был лишь Верховный властитель. В душе он рвал и метал. Гоар не только не приехала, даже не удостоила ответом. Каково это?

К полуночи все утихло. Мхитар отпустил военачальников, попрощался с хндзорескцами и направился в отведенную ему опочивальню. Холод одинокой обители на сей раз резанул его в самое сердце. Вдруг почудилось, будто в соседней комнате слышится голос Сатеник. Он представил лицо жены, отчетливо увидел выражение муки и терзания на нем, потянулся, хотел погладить, обнять и… пришел в себя. Стремительно повернулся к двери и трижды хлопнул в ладоши. На пороге появился Бандур-Закария.

— Уйдем отсюда, отец Закария! Вернусь из Арцаха, уйдем в Дзагедзор! Не упрекай меня ни в чем. Я несчастен! Все, все потерял! Последний нищий богаче меня! Кругом мрак! И в душе моей мрак. Света хочу, света!..

Старик на минуту вышел и вернулся с Агароном. Они зажгли восковые свечи.

— Еще, еще света! — требовал Мхитар. — Разве не видите, здесь всюду мрак! Дайте еще света.

Агарон со страхом посмотрел на отца. «Что с ним такое? — подумал сын. — Неужто этого человека со стальной волей может так сломить горе? И почему именно сейчас, когда осуществилось то, к чему он стремился, ради чего пожертвовал родными и близкими, так опустились его плечи?»

Агарон принес новые светильники. Комната наводнилась светом.

— А теперь уйдите! — замахал руками Мхитар. — Вам надо отдохнуть. Утром — поход. Мы с Агароном пойдем на Арцах, а ты, отец Закария,

отправишься в Дзагедзор. Ступайте.

Бандур-Закария поправил Мхитару постель. Тот разделся и лег. Старик и Агарон принялись гасить свечи. Мхитар попросил одну оставить горящей.

— Не спится мне, пусть светит, все не так будет муторно на душе. — Он закутался в одеяло. Сын и старик тихо вышли и закрыли дверь.

Хотя в комнате было очень тепло, Мхитара знобило. И сон не шел. Перед глазами неотступно стояли Сатеник и сын Давид. Вспомнился и Тэр-Аветис. Решил наутро послать человека, пусть разыщет несчастного и приведет в армию. «Если он того пожелает, — подумал Мхитар, — я снова возвеличу его».

Образ жены не исчезал. Почему она преследует его, не дает покоя? Может, судит за то, что он послал за Гоар, боится, что забудет ее, женится на Гоар? Напрасно! Этого Мхитар никогда не сделает. Не опорочит он памяти незабвенной Сатеник…

Но что это? Какой-то шорох! Кто-то вошел в комнату? Гоар? Кому же еще быть.

Мхитар откинул одеяло и вскочил с постели. В слабом мерцании свечи он разглядел в углу пять-шесть человек с обнаженными мечами. Мхитар не испугался, только удивился.

— Кто вы? — спросил он и в тот же миг сорвал висевший у изголовья меч.

Первый удар Мхитар нанес, еще не сознавая, что же происходит.

Шестеро с мечами наступали на него. Он встал во весь рост на тахте и отбросил их. Ему удалось сорвать со стены еще и щит.

— Проснитесь!.. — закричал он во всю мощь своего голоса и с отчаянием подумал, что сейчас может рухнуть все добытое за многие годы ценою крови и жизни.

— Проснитесь, здесь заговорщики!..

Он нанес щитом тяжелый удар кому-то, чья голова была закутана в белый башлык. Башлык слетел, и Мхитар узнал человека. Это был сотник Мигран. Мхитар резко взмахнул саблей, но удар пришелся уже по другому заговорщику. Рубанул и свалил еще двоих. Но отбиться от остальных и отойти к двери не

удалось…

— Помогите!.. — снова закричал он.

Из-за двери послышался голос сына:

— Держись, отец, я пробиваюсь к тебе!

Один из заговорщиков, прятавшийся где-то за дверью, вонзил меч в спину Агарона. Тот упал навзничь.

Мхитар не видел этого. Уверенный, что сын идет к нему на помощь, он яростно отбивался от Миграна и еще троих. И сумел свалить одного, а из рук другого выбил меч. Но в эту минуту к сотнику подоспели новые помощники. Удары теперь сыпались на Мхитара один за другим. Он едва успевал защищаться щитом. Но вот ему снесли ухо, ранили в руку, державшую щит. Мхитар ударил еще одного и пошел на Миграна. Тот прикрылся щитом и пытался припереть Мхитара к стене.

— Мужайся, Мхитар! — это был голос Бандур-Закарии. Но и его свалили вмиг.

«Где же Агарон? — думал Мхитар. — Непременно надо выскочить из комнаты».

Мхитар изловчился и отбросил Миграна. Он был уже в двери, как вдруг увидел у ног распростертого сына. В глазах потемнело. Не успел прийти в себя, левое плечо его пронзила острая боль. Мхитар повалился на колени рядом с телом Агарона и так ударил нападающего, что срубил ему руку.

— Сын мой!.. — захрипел Мхитар.

Сознание покидало его. Щит выпал из рук, и сам он уже едва держался на коленях.

В двери, с мечом в руках, появился исступленный мелик Бархудар. Он был в нижнем белье.

— Руки прочь от Мхитара, убийца! — закричал мелик и бросился на сына.

— Уйди, отец!.. — став на спину поверженного Мхитара, сказал Мигран. — Не то не пощажу и тебя…

— Предатель, отступник! — Мелик набросился на сына.

Но Мигран раньше успел нанести удар, и отец его упал рядом с Мхитаром.

— Горе тебе, несчастная Армения! — воскликнул умирающий мелик Бархудар.

Мхитар сделал отчаянное усилие и вскочил. Меч еще был у него в руке. Но рука уже не повиновалась… Не чувствовал он больше и ударов, что сыпались на него. Кто-то кричал… Кто это? Может, турки?.. Мхитар медленно опустился на тело сына, рядом с меликом Бархударом.

— Кончай, Мигран! — крикнул кто-то.

Это были последние слова, дошедшие до сознания Мхитара. Потом все провалилось во тьму, в пропасть… Горло сдавило холодом, будто змея обвилась вокруг шеи.

Еще через мгновение все погрузилось в вечное небытие…

Дом мелика Бархудара напоминал поле боя. Всюду грудились тела убитых. Тут были и заговорщики, слуги и телохранители мелика Бархудара и Мхитара. Был среди убитых и брат мелика, и один из его внуков.

— Эй… проснитесь, вставайте. Убивают Мхитара! — кричала с вершины скалы жена мелика Бархудара. Эхо на тысячу голосов повторяло ее слова. Хндзореск пробудился и зашумел. Босыми и полуголыми, но с мечами в руках выбегали из домов воины и взлетали к высившемуся в темноте замку Бархудара.

— Окружите замок! Не дайте заговорщикам уйти! — командовал уже у стен замка сотник Цатур.

Перешагивая через убитых, он добрался наконец до Мхитара. Спарапет лежал на полу в луже крови. Рядом с ним были Агарон, мелик Бархудар. Заговорщики исчезли.

Потрясенный Цатур встал как вкопанный и выронил меч. Мхитар был обезглавлен. Цатур опустился на колени, обхватил тело Верховного властителя и закричал не своим голосом:

— О боги! Они убили нашу надежду!..

В тот предутренний час к Хндзореску подъезжала группа всадников.

Светало. Вершины Капуйтджига и Ишхан-Меца уже сверкали под лучами солнца.

Заслышав крики из замка, всадники припустили в галоп. У ворот толпились воины и крестьяне. Все тотчас узнали среди верховых Гоар.

— Убили, зарезали! Пусть черная земля поглотит нас!.. — закричали в толпе, расступаясь перед всадниками.

— Кого убили? — побледнела Гоар.

— Мхитара…

Словно небо обрушилось на нее.

— Отца твоего тоже убили и братьев его… Ты только посмотри, что натворил этот отступник Мигран!

Народ бушевал. Все вокруг кричали. Женщины рвали на себе волосы, в кровь раздирали лица. Но Гоар уже ничего не слышала. Безумный стон вырвался из ее груди, и она без сознания рухнула с лошади на протянутые к ней руки сотен людей. Горги Младший слетел с коня и покатился по земле, стеная и скрипя зубами от невыносимого горя.

— Зарезали, сняли с нас голову! — плача, кричал гусан Етум. — Никого не пощадили, ни юного Агарона, ни старика Бархудара. О господи, как же ты допустил такое?

Гоар привели в чувство. Шатаясь она вошла в отцовский дом, поднялась по каменным ступеням, прошла через несколько комнат, сквозь живой людской коридор и бросилась туда, откуда неслись крики матери, бабушки и других хндзоресских женщин.

Через окно падал слабый свет. Здесь толпились крестьяне, воины, священники. Женщины окружили убитых. На тахте лежало тело Мхитара, прикрытое его буркой. Рядом, на полу, в муках корчился Тэр-Аветис.

— Ах, если бы я поспел чуть раньше! — как безумный повторял он и бил себя по голове.

Гоар секунду-другую постояла на пороге и с криком метнулась вперед, но еще не дойдя до тела любимого, упала, на коленях подползла к тахте, припала к

Мхитару и глухо зарыдала.

Женщины заголосили с новой силой. Гоар долго плакала, потом наконец решилась, отбросила край бурки и с ужасом закричала:

— А где же голова Мхитара?

Все замерли. Только гусан Етум сказал:

— Унесли. Отуреченный брат твой унес, в дар Абдулла паше.

— Горе нам, горе!.. — в полубезумстве запричитал Тэр-Аветис. — Не верьте туркам, не верьте!..

Гоар поднялась. Лицо ее сделалось грозным и властным.

— Поспешите сообщить князю Баяндуру и мелику Егану, — приказала она, — пусть придут с войсками. Оповестите всех о случившемся. Пусть знает армянский народ, что его лишили надежды, что нет больше Мхитара!

Она стремительно вышла во двор замка, вскочила на коня, оглядела онемевших воинов и сказала:

— Кому был дорог Мхитар, пусть следует за мной.

И, не дожидаясь ответа, пустила коня в галоп и понеслась к Худаферинскому мосту, что на Араксе. За ней потянулось множество всадников.

Конь задыхался от бешеной скачки, но Гоар все хлестала его, торопила.

Догнать предателей! Во что бы то ни стало догнать и отнять у них голову Мхитара. Не дать врагу надругаться, опозорить!..

В лагере Кёпурлу Абдулла паши все лишились покоя. День и ночь мощеные улицы Тавриза грохотали от ударов конских подков и от скрипа колес. И день и ночь бодрствовали все поголовно. До рассвета не угасали огни в покоях паши. Из дальних мест прибывали сюда гонцы. Запыленные, пропахшие конским потом, влетали они со своими донесениями. Всюду толпились люди — палке негде было упасть.

Все паши, муллы, европейские послы и советники почти каждый день собирались на совет.

Турки потеряли покой после неудачного боя с персами в районе Хорасана.

Тахмаз Кули Надир хан наголову разбил большую турецкую армию под Багдадом, занял город, и теперь он готовился в поход на Тавриз.

Собрались на очередной совет. Отчаявшиеся европейцы говорили вполголоса. Муллы откровенно выражали недовольство, относя неудачи своих войск на счет «гяуров». Они злобно оглядывали послов и советников.

Сидевший в кресле Абдулла не решался поднять головы и взглянуть на окружающих. Никогда, ни в одной войне он не был столь бессилен и опозорен, как теперь. Паша понимал, что в Стамбуле его сейчас клянут: враги безудержно, а друзья в душе, опустив от стыда головы.

Шесть лет воюет он против армян. Потерял бесчисленное множество войска, а победы так и не добился. В армянских горах сейчас уже нет ни одного турка. Потерян Нахичеван, со дня на день армяне двинутся на Ереван и Арцах.

Отдавая себе во всем отчет, Абдулла понимал, что Высокая Порта не сегодня-завтра отвернется от него и недалек тот день, когда на сераскяра обрушится гнев его былого друга, безвольного и сластолюбивого султана.

«Что же делать? — неотрывно думал Абдулла паша. — Сюник завоевать не удалось. Сила оружия не помогла. А теперь уже нет и достаточного количества войска, чтобы предпринять новое наступление. Остается один выход: договориться с Мхитаром, склонить его к примирению, чтобы не помешал хотя бы с персами разделаться…»

Вот к какой мысли пришел наконец Абдулла паша. А ведь всего несколько месяцев назад, когда он побывал в Стамбуле на торжествах по случаю дня рождения султана, великий визирь призывал его заключить мир с армянами Сюника и тем нейтрализовать их. Тогда сераскяр и слышать не хотел об этом. «Я уже сломил Мхитара, — сказал он визирю, — и их столица в моих руках. Армяне уже не прежние грозные враги».

Сейчас Абдулла паша горько раскаивался. Упустил время. Уступил честолюбию, и вот как все обернулось. А армяне тем временем не только Алидзор отвоевали обратно. Они взяли Агулис и Нахичеван.

И вот паша собрал на совет военачальников и европейских послов. Он хочет найти пути к примирению с Мхитаром. Чего доброго, Надир поспешит заключить союз с Мхитаром, и Абдулла окажется между двух огней. Надо торопиться…

Все ждали его слова. А паша молчал. Пусть о мире первым заговорят другие, считал он.

Вдруг послышались звуки труб. Все удивленно переглянулись. В сердце Абдуллы закралась тревога. Со двора подавали сигнал о прибытии из Стамбула высокого гонца.

Абдуллу забила дрожь. Что несет ему гонец, позор или спасение? Бессознательно он поднялся с места. Капучи-баши с шумом распахнул двери зала.

— Внимание и покорность! — возвестил он.

Вошли гонцы султана. Впереди несли султанское знамя, Придворный паша сделал три шага навстречу и, приложив руку к груди, сказал с суровой торжественностью:

— Центр вселенной султан Ахмед Первый, да одарит его аллах сокровищами морей и материков, шлет свой привет войскам, находящимся в Персии!

— Да живет так же долго, как солнце, венец нашей жизни и наша гордость! — ответил Абдулла паша и, приблизившись к знамени, стал на колени и трижды приложился к нему. Затем обнялся с пашой, которого знал по дворцу. Гонец поднял руку. Сопровождавшие его ушли. Капучи-баши крепко закрыл дверь. Наступило глубокое и томительное молчание.

Абдулла застыл в ожидании и страхе. Не иначе как через миг его лишат власти и потащат на виселицу… А может, удостоят доброго приветствия султана.

И почему так долго молчит гонец?.. Ах эти проклятые армяне… Все неудачи от них…

Гонец достал из шитой золотом сумы скрепленную султанской печатью

грамоту и, приложив ее ко лбу, сказал:

— Источник величия, могущества и славы, равный солнцу султан Ахмед, да дарует ему аллах вечный трон, через своего презренного слугу приказал, Абдулла паша, сказать тебе, славному потомку древнего рода храбрецов и воинов, что он удивлен неудачами, которые одну за другой несет в горах армянских извечно устрашавшее всю вселенную султанское войско.

В горле у Абдулла паши пересохло, в глазах потемнело, но голос гонца отрезвил его — тот продолжал говорить:

— Кто осмелится возразить владыке вселенной аллаху? Такова воля его, да прославится он ныне и во веки веков! Тень аллаха приветствует тебя, Абдулла паша. И велит тебе не падать духом, не ослаблять силу священного меча против врагов нашей веры и государства!

Гонец глубоко вздохнул, на секунду умолк, бегло оглядел европейских советников и снова заговорил:

— Да будет тебе известно, сераскяр, что персы, пусть сгинет их несвятое племя, послали гонца к Мухитару. Они хотят заключить с ним мир и пойти войной на тебя. Но по милости аллаха персидский гонец захвачен и приведен в Стамбул. Надир хан — да поразит молния его чрево — дерзко замышляет против нас. И коли ты до сего времени не мог покончить с армянином Мухитаром, султан приказывает тебе…

Он кашлянул, прочистил горло и продолжал:

— Спеши направить посла с богатыми дарами к Мухитар паше. Заключи с ним мирный договор. Затем передай ему Нахичеван с окрестными гаварами и поклянись в вечной дружбе, ибо сказано: «Руку, которую не можешь отрубить, поцелуй». Значит, примирись поскорее с Мухитар пашой, обеспечь себе тыл и выступи против Надир хана. Такова непреклонная воля небом благословенного султана, любое слово которого дороже всех наших голов!

Гонец закончил и слегка поклонился. Абдулла ликовал. Шутка ли: избавлен от позора. Кто сейчас может упрекнуть его в том, что это он искал мира с армянами? Путь ему указан самим аллахом.

Он расправил плечи, орлиным взглядом посмотрел на окружающих и сказал:

— Да будет исполнено повеление султана, трон которого — стремя неба!

— Исполним, — перебивая друг друга, повторили турецкие паши, присутствующие на совете. Только европейцы удивленно переглянулись. Им и в голову не могло прийти, что стремление предоставить Сюнику нейтралитет осуществилось с помощью находящихся в Стамбуле русских послов.

Абдулла поспешил исполнить волю султана. Он повелел составить посольство и приготовить богатые дары армянским меликам. В посольство вписали двух купцов и одного священника, из тавризских армян. Для заключения мира с Мхитаром сераскяр решил просить посредничества эчмиадзинского католикоса и уже подчинившегося султану грузинского царя.

От имени султана Абдулла написал Мхитару письмо с предложением мира.

Посольство, перед тем как отправиться в Сюник, представилось сераскяру, чтобы получить последние грамоты.

Уже начали прощаться перед дорогой, когда вдруг влетел капучи-баши и заявил, что из Сюника прибыла группа армян и просит приема. Абдулла приказал тотчас впустить их.

— Может, Мхитар и сам захотел мира? — предположил один из пашей.

— О, это было бы даром провидения! — радостно воскликнул Абдулла. — В таком случае условия мира диктовали бы мы, и уже не турки считались бы стороной, потерпевшей поражение.

Капучи-баши ввел сотника Миграна, а с ним тринадцать других армян. Они остановились у двери и низко поклонились пашам. Мигран достал из хурджина голову Мхитара и кинул ее к ногам Абдулла паши. От удивления сераскяр даже отпрянул назад.

— Чья это голова? — спросил он.

— Верховного властителя армян Мхитара! — ответил предатель.

На мгновение все остолбенели. Паши, выпучив глаза, смотрели на

лежавшую на ковре голову. Абдулла сперва онемел, затем его продолговатое лицо расползлось в кровожадной улыбке, он наклонился, взглянул на голову Мхитара.

— Да, друзья мои, это голова невиданного храбреца, причинившего нам так много страданий! — с безудержной радостью воскликнул сераскяр. — Это он! Ликуйте! Вот, наконец-то Сюник у моих ног! О милосердный аллах!

Паши боязливо подошли к голове. Несмотря на страх, каждому хотелось увидеть мертвым лик того, кто так храбро боролся за свою страну и так много раз наносил им жестокие поражения. Абдулла вперился в сотника Миграна. Тот снова поклонился.

— Я выполнил твое желание, паша, — сказал он, — Мхитара больше нет. Нет и его верного соратника мелика Бархудара, нет сына Мхитара — Агарона, Бандур-Закарии и многих других. Войско Мхитара рассеяно. В Сюнике сейчас каждый озабочен только тем, как бы спасти свою голову. Двери нашей страны открыты перед тобой. Войди в Нахичеван, в Агулис и Мегри. Гарнизоны Мхитара поспешно уходят оттуда, страна без хозяина…

— Это очень хорошо… — оторопело пробормотал сераскяр.

Один из европейских советников не без сожаления сказал:

— И зачем только эти армяне стремятся к свободе, коли своими же руками они уничтожают ее, едва завоевав?

Абдулла вскочил, тяжелыми шагами подошел к сотнику Миграну, но, что-то вспомнив, повернулся к послам, готовившимся к отъезду в Сюник, и сказал:

— Разойдитесь. Незачем вам теперь ехать в Сюник. Мухитара нет больше в живых. Армянская земля обезглавлена, вот ее голова — под моими ногами! Мертвая и бессильная. Велика милость аллаха! Срочно сообщите в Стамбул, что Сюник повержен и Мухитара нет…

Он снова посмотрел на сотника Миграна. Несмотря на неожиданную радость, лицо его не предвещало ничего хорошего, и уже сурово сказал:

— Ты оказал мне неоценимую услугу, Мигран юзбаши. И получишь

достойное вознаграждение. Клянусь, что оно будет достойным тебя. Эй, капучи-баши, отведи этих знатных армян в баню, а потом одень их в одежды пашей, пусть отдохнут после праведных трудов.

Армянские отступники в сопровождении капучи-баши удалились. Едва за ними захлопнулись тяжелые двери, все весело засмеялись. Громче всех гоготал Кёпурлу Абдулла паша.

Именно в этот час Гоар и ее спутники подъехали к Ереванским воротам Тавриза. Их кони почернели от пота и грязи. Пыль слоем покрыла одежды всадников. Одна из лошадей пала у самых ворот. Какой-то турецкий сипай преградил им путь.

— Мне надо видеть Абдулла пашу, — обратилась к нему Гоар.

Турок от изумления раскрыл рот. С ним разговаривала женщина.

— А зачем тебе паша? — спросил он, с восхищением любуясь ее красотой.

— Я из Сюника! — ответила Гоар. — Будь великодушен, исполни просьбу женщины.

— О, с удовольствием, прекрасная ханум, пожалуй! — льстиво сказал турок и повел армян во дворец шаха Тахмаза. — Утром из ваших мест сюда прибыли и другие всадники, и они тоже спешно хотели видеть сераскяра!

— Паша принял их? — спросила Гоар.

— Они и сейчас во дворце.

Во внутреннем дворе стояли оседланные кони. Воины, толпившиеся возле них, с удивлением смотрели на женщину-всадника. Иные даже приветствовали ее по-военному. Гоар выглядела величественно.

О прибытии армян сообщили капучи-баши. Он явился довольный, с улыбкой на устах. Даже поклонился Гоар и проводил ее в приемную сераскяра. Вместе с Гоар позволили представиться паше только Горги Младшему, предварительно отобрав у него оружие.

Гоар, идя за провожатым, едва сдерживала крик. Когда-то она была гордой, сильной от одной только мысли о том, что есть на свете большое и дорогое сердце, принадлежащее ей, живущее ее любовью, бьющееся только для

нее. Теперь нет этого сердца. Его пронзила рука предателя, и отныне в этом мире нет ей никакой радости.

Она вздрогнула, очнулась от тяжелых раздумий и ужаснулась. Где она? До чего дошла? Куда идет? Зачем ей турецкий паша? С ужасом вспоминала обезглавленное тело Мхитара. Боже, ей даже не довелось увидеть его лица.

Гоар не заметила, как вошла в зал, как остановилась, не заметила, что стоит уже перед Абдулла пашой и что Горги Младшего повалили на пол.

— Склони голову, ты стоишь перед пашой! — сказал ей в ухо капучи-баши. Голос его вывел Гоар из оцепенения. Она подняла голову и своими огромными лучистыми глазами посмотрела вперед. На лице паши, восседавшего на троне шаха Тахмаза, было написано крайнее удивление. Капучи-баши повторил еще раз свои слова, но Абдулла сделал ему знак рукой и милостиво произнес:

— Пусть прекрасная ханум ведет себя так, как ей угодно.

Гоар положила руку на грудь, чтобы поклониться, но в этот миг взгляд ее упал на голову, что лежала у ног паши.

— Мхитар!.. — жалобно простонала она и повалилась на пол.

Паши растерялись. Капучи-баши кинулся за водой. Но Гоар быстро взяла себя в руки, поднялась, отступила на два шага и, высоко подняв голову, сказала:

— Паша, ты, как я слышала, из великого рода Кёпурлу, чьи храбрейшие мужи сделали немало, чтобы на берегах Босфора сверкал турецкий полумесяц. Я женщина, любящая женщина… Одиннадцать дней я не сходила с седла, чтобы добраться до твоего двора… Я верю, что ты окажешься великодушным и благородным и выполнишь просьбу такой несчастной женщины, как я.

— Позволь мне узнать, кто ты, ханум? — спросил паша.

— Дочь хндзоресского мелика Бархудара. Я из тех армянок, которые денно и нощно молились о продлении жизни, о мощи меча и о величии храбреца, голова которого ныне лежит у твоих ног! Голова эта отрублена рукою изменника.

— Может, ты хотела бы видеть того, кто отрубил голову Мухитар паши, и распорядиться его судьбой? — подняв брови, спросил паша.

— Этим ты оказал бы мне великую милость, паша! — ответила Гоар.

По знаку Абдуллы капучи-баши ввел сотника Миграна и его спутников. Изменники было склонились перед пашой, но, увидев Гоар, окаменели, побледнели и растерялись. Паша из-под нахмуренных бровей посмотрел на убийц.

— Вы знаете эту ханум? — спросил он.

— Она моя родная сестра, — дрожащим голосом ответил Мигран.

— Изменник не имеет ни родных, ни родины! — бросила Гоар.

Паша обратился к заговорщикам:

— Я боролся против Мухитар паши по повелению моего владыки султана. И если бы мне удалось поймать живым этого храброго полководца, я поступил бы с ним жестоко — он был моим врагом. Вы — армяне. Армянам он был владыкой и защитником. И вы убили его. Нет! Вы не можете быть преданными ни одному государю, коли своего государя предали смерти!

Паша помолчал и спустя минуту сурово добавил:

— Для храбрых нет смерти. Кто венчает свою жизнь храбростью, живет столько, сколько луна и солнце. Теперь слушайте. Я обещал достойно вознаградить вас. Вознаграждением для таких, как вы, могло бы быть повешение на тавризских воротах, что я и собирался сделать. Но эта прекрасная ханум хочет сама решить вашу участь, и я отдаю вас на ее суд.

Паша поднял руку. Онемевших, почти потерявших сознание изменников вывели.

По приказанию паши голову Мхитара завернули в шелковую ткань и передали Гоар. Армяне похоронили ее у врат армянской церкви в Тавризе. Когда могила была уже засыпана землей, Гоар, как подбитая птица, распростерла руки, легла на холм и зарыдала. Плакала не только Гоар, плакали воины и персиянки, вышедшие из ближайших домов.

— Прощай, мой Мхитар!.. — поднявшись, сказала Гоар. — С тобою

вместе угас факел страны Армянской, зажженный Давид-Беком! Прощай!..

В тот же день, в сопровождении выделенного Абдулла пашой отряда, Гоар и ее люди выехали из Тавриза. Армянские воины вели закованных в цепи изменников.

Спустя три дня они достигли берега Аракса. Показались гребни армянских гор. У Худаферинского моста все спешились. Гоар, подарив туркам по серебряной монете, велела им ехать обратно. И остались они одни с изменниками.

Вздувшийся от вешних вод Аракс глухо рычал.

По приказу Гоар предателей поставили на край моста и повесили им на шею по тяжелому камню.

— Слушайте, презренные! — сказала Гоар. — Я велю сбросить вас в эту неукротимую пучину, чтобы прах ваш не знал успокоения и не был бы предан земле ни здесь и ни в какой другой стране. Пусть проклятие армянского народа ляжет на ваши поганые души. Да устрашит ваша участь любого из армян, кто впредь осмелился бы хоть мысленно изменить своей родине!

Гоар замолкла и отвернулась. Изменников столкнули в бурные воды Аракса.

Река только чуть взбурлила и навсегда поглотила презренных предателей.

Небольшой отряд всадников переехал мост, вступил на родную землю и устремился к синеющим вдали горам…

Куст шиповника пышно цвел на могиле Мхитара. На рассвете его увидел идущий в поле крестьянин.

Он видел цветы и в другие дни.

Это были цветы гор. Каждый день, еще затемно, их приносила сюда Гоар. Она осыпала цветами и слезами своими могилу Мхитара. А потом с высокой башни отцовского замка зорко охраняла ее покой.

На рассвете, где-то на склоне гор, пел свою песню пахарь. Пел и старый гусан. Сидя на могильном холме, он слагал песни о доле крестьянской, о минувших днях и о подвигах ратных.

На рассвете уходили вооруженные люди. С клятвой на устах шли они мимо священной могилы, шли к ущелью Аракса, чтобы сразиться с врагом, вновь вторгшимся на их землю.

Возвращались поредевшими рядами, но с победой.

А потом уходили в небытие, подобно другим, ушедшим до них…

Сотни новых храбрецов и новых дев рождались в Сюнике. Они сажали новые цветы на могиле рамика-спарапета, ставшего легендой.

Новые враги топтали землю армян, и новые храбрецы изгоняли их со своей земли.

Одно поколение сменялось другим… Так мы жили века.